

Борис Докторов

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Историко-биографические поиски

ТОМ 5

ИСТОРИЧЕСКОЕ, БИОГРАФИЧЕСКОЕ
И АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

УДК 316.1/.2(47+57)
ББК 60.5(2)г
Д635

Докторов Б.З.
Д635 Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9-ти т. Том 5: Историческое, биографическое и автобиографическое. – М.: ЦСПиМ, 2016. – 477 с.

ISBN 978-5-906001-46-7.

В 9-ти томнике доктора философских наук, профессора Б.З. Докторов обсуждаются результаты его историко-наукоедческого анализа становления современной российской социологии. Оригинальность и новизна данной работы определяется установкой автора на освещение прошлого и настоящего отечественной социологии на базе воспоминаний и суждений тех, кто формировал ее основы и внес значительный вклад в ее развитие. А в последние годы – и тех, кто в настоящее время активно работает в социологии и готовит новые поколения социологов.

Том 1 – «Биографии и история» – является методологическим введением ко всему проекту. Одновременно в нем представлены теоретико-эмпирические выводы проведенного исследования.

Материалы Томов 2, 4, 7 и 8 (в двух частях) – «Беседы с социологами семи поколений» – образуют эмпирическую базу исследования и придают особую значимость проделанной работе. Это – 143 глубоких биографических интервью, которые были проведены автором в 2005–2016 годах с российскими социологами разных возрастных групп.

Тома 3 и 5 содержат историко-методологические работы Б.З. Докторов, статьи о жизни и творчестве социологов, чьи гражданские позиции особенно близки автору. Также, в них представлены его автобиографические материалы

Том 6 – включает в себя книги Б.З. Докторов о Б.А. Грушине и В.А. Ядове, ярких представителях первого поколения российских социологов.

Том 9 – впервые знакомит российского читателя с биографией и творчеством историка, философа и социолога науки Б.Г. Кузнецова и содержит пространное автобиографическое интервью Б.З. Докторов.

Книга может быть полезной широкому кругу социологов-исследователей, университетских преподавателей, аспирантов и студентов, специализирующимся в области истории российской социологии. Вместе с тем, она адресована и более широкому кругу читателей, интересующихся социологией и историей нашей страны.

УДК 316.1/.2(47+57)
ББК 60.5(2)г

ISBN 978-5-906001-16-0

© Докторов Б.З., 2016

Оглавление

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ Историко-биографические поиски

Том 5

ИСТОРИЧЕСКОЕ, БИОГРАФИЧЕСКОЕ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

Предисловие к тому 5. 7

Раздел I. Начало и развитие историко-биографического проекта

Не терять преимущества 11

История есть, только если она написана 12

Вспоминайте сами, не ждите, пока вас будут
вспоминать... 21

История науки дальнзорка 23

История всегда авторская 40

Российские реформы и история российской соци-
ологии 50

О праве на историю и об ответственности перед
историей 57

«Захочет ли граф Калиостро посетить моих геро-
ев?..» Рассуждения о том, как и для чего пишут-
ся биографии 60

И.Ф. Петровская: «Эпоха – не исторический фон,
а партнёр человека в драме его жизни» 84

Биография – это рассказ о прошедшем, но напи-
санный сегодня 94

К семилетию рубрики «Современная история
российской социологии» 98

Лев Гордон: «Первая редакция повести об Ольге
писалась “инстинктивно”». 123

Раздел II. Прошлое и настоящее: из почти забытого

О современной книжке по общественному мне-
нию, которой уже 130 лет 135

Еще раз о современной книжке по общественно- му мнению, которой уже 130 лет	138
О жизни и творчестве С.М. Василейского. Про- стые вопросы – непростые ответы.	143
Нижегородские уроки	163

**Раздел III. Прошлое и настоящее:
сюжеты из современной истории**

Немного об уличном опросе, о книге и об ее авторе	166
Власть и общественное мнение	172
О концепции «социального поля» Л. Кесельмана.	198
Сентябрьский звонок	202
Мир социологии и миры социологов	205
«В поисках Адресата»: вместо послесловия	211
Справедлива простая формула: от второго рожде- ния к возрождению	215
История изучения общественного мнения в России	221

Раздел IV. Портреты

Геннадий Батыгин: «Я хочу работать в области истории советской социологии»	247
В нем всегда присутствовала «дисциплина тек- ста», присущая людям поэзии	258
Он изучал людские мнения «нещадно, вопреки всему»	275
Татьяна Ивановна Заславская. Размышления о ее жизни	293
А.Г. Здравомыслов: его деятельность и наследие еще предстоит изучить. К 85-летию со дня рож- дения	310
Борис Раббот и страницы истории, которые нам еще предстоит узнать	331
Галина Саганенко: личное и поколенческое	340
Франц Шереги. У него все от жизни	347

**Раздел V. Портретные зарисовки.
Интервью для «Радио Свобода»**

Игорь Голосенко: «Я беру только Россию, и мне с избытком ее хватает»	356
Александр Ковалев. Ему можно было верить как исследователю и человеку	359
Игорь Кон был ученым редкостной для нашего времени эрудиции	363
Жан Тощенко: «В парадоксальности отражается не случайное или редкое, а устойчивые тенденции общественного развития»	366
Борис Фирсов. Человек нескольких эпох	369
Владимир Шляпентох: «К настоящему творчеству я приобщился только, когда стал заниматься социологией»	372
Владимир Шубкин. Начало постбиографии	376

Раздел VI. Когда уходят друзья

Геннадий Семёнович Батыгин (1951 – 2003)	381
Валерий Борисович Голофаст (1941 – 2004)	383
Он изучал людские мнения “нещадно, вопреки всему”. Памяти Б. А. Грушина (1929-2007).	385
Андрей Здравомыслов. Умер человек. Будет жить социолог...(2009).	403
Леонид Кесельман сделал многое, будем помнить его (1944-2013)	405
Памяти Наталии Мазлумяновой (1952–2013).	407
Юлия Синелина. «Ее уход – это заметная брешь в нашей науке и огромная потеря для социологов ее поколения...»	409
Он всегда оставался ленинградцем. Леонид Наумович Столович (1929 – 2013).	411

Раздел VII. Автобиографическое. Продолжение

Так случилось или так должно было случиться...	414
Это было очень давно, но было.	439

«Телескоп»: праздник, который всегда во мне	445
....от Бальзака до Хэмингуэя	451
Аскольд Кузьминский: его творчество знакомо миллионам, его имя знают немногие	456
Это не бывает прошлым, это всегда – сейчас.	469
Заключение к тому 5	473

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТОМУ 5

В настоящем томе продолжается рассмотрение серии вопросов, обозначенных в томе 3. Все они связаны с проведением историко-биографического анализа в рамках исследования прошлого-настоящего и будущего российской послевоенной социологии.

Наличие значительного биографического материала (не только собственного, но и полученного другими специалистами) дает нам право трактовать изучение жизнеописаний советских/российских социологов как разработку, достройку методологии исследования истории советской/российской социологии. Речь идет о поиске общеисторических и историко-культурологических принципов определения места, роли ученого и в целом научного сообщества в процессе становления отечественной социологии. Без прописки в работах историко-научоведческой тематики человека, творца, личности, научного коллектива прошлое становится безлюдным, жестко институционализированным. А значит – «холодным» и неполным. Однако не может быть здесь и гипертрофии человекоцентричности, ибо развитие социологии детерминировано многими макро-обстоятельствами.

Весьма значима биографическая информация и за пределами собственно исторических поисков. Прежде всего – в социо-структурных и культурологических поисках, для изучения процессов формирования научных школ и становления новых научных направлений, для анализа коммуникационных сетей внутри научных сообществ. Отдельный вопрос – развитие методологии и инструментария биографии.

Материалы тома 5 весьма разнообразны по времени их написания, предмету анализа, жанру и стилю, этот факт отражен уже в структуре книги – семи её разделах. В названии некоторых из них явно видна перекличка со структурными элементами тома 3, заголовки других разделов внешне лишены такого «родства». Но следует заметить, что границы между разделами весьма условны, прозрачны, тогда как явные и латентные связи между приводимыми текстами очень крепки. И в этом смысле ряд текстов можно было бы свободно разместить не в тех разделах, где они расположены сейчас, а найти им другой «порт».

Раздел I, а значит и весь это том открывается одностраничным текстом, озаглавленным «Не теряя преемственности», впервые он был опубликован более четверти века назад. Я забыл о нем и лишь недавно нашел в пакете бумаг, который после переезда в Америку не развязывал. В те далекие годы я не занимался историей социологии, но сказанное тогда фактически стало целью и предметом настоящего проекта. Сам удивлен этому, как такое случилось? Здесь же расположен текст «Российские реформы и история российской социологии», значимый для развития всего исследования. В нем впервые была высказана концепция второго рождения российской социологии. Тезисы были представлены участникам конференции в Тюмени в 2007, но этот текст никогда не публиковался в бумажном варианте.

В моей дискуссии с Ларисой Козловой, которая интригующе названа «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев?..», обсуждаются сложные историко-методологические вопросы о целях и приемах написания биографий ученых. Эта же тема рассматривается в интервью с Ирой Петровской, многие годы разрабатывавшей различные аспекты биографики.

Завершает раздел интервью с автором книги «Дом» о математике Ольге Бондаревой, погибшей в 1991 году. Эта беседа – начало освоения новой темы: как писать биографические книги? какова позиция автора такого повествования? И т.д.

В последние годы многое говорится и пишется о возрождении российской социологии. Раздел II «Прошлое и настоящее: из почти забытого» относится к реализации этой исследовательской установки. В конце XIX века книга немецкого политолога Франца фон Гольцендорфа «Роль общественного мнения в государственной жизни» интересовала российскую либеральную общественность и даже была дважды опубликована в разных переводах. Сегодня она забыта, но представляется важным понять, в какой мере она повлияла на развитие российской политической мысли.

Две работы из этого раздела соотносятся с результатами историко-психологического исследования Наталии Стоюхиной и касаются творчества российского педолога С.М. Василейского. Ею показано, что направленные поиски в архивах, переписка с родственниками ученых позволяют надеяться на то, что некоторые «белые пятна» в развитии российской социологии в постреволюционный период еще могут быть «закрашены».

Раздел III переносит нас в современность. Уличные опросы Леоныда Кесельмана были своего рода «визитной карточкой» ленинградской прикладной социологии перестроечного времени. Более того, они были частью политической культуры города и страны. Второе издание книги Бориса Фирсова об истории советской социологии 1950–1980-х годов интересно тем, что по-новому раскрывает мир советской социологии и мира советских социологов.

Тексты «Власть и общественное мнение» и «История изучения общественного мнения в России», являющиеся фрагментами моих книг, опубликованных в 2002 и 2013 годах, свидетельство моей постоянной устремленности к воссозданию истории изучения общественного мнения в СССР/России. Эта тема продолжается и в книге о Борисе Грушине, составившей содержание тома 6.

Послесловие к книге Андрея Алексева и моей «В поисках Адресата», существующей в виде электронного продукта, отсылает к работе редкого содержания и жанра. Это – коллекция электронных писем авторов и достаточно широкого круга корреспондентов. В частности, в этих актах неформального общения приоткрывается процесс зарож-

дения и развития ряда социологических конструкций, используемых в историко-биографическом анализе.

В томе 3 были приведены результаты первичного опыта «портретирования» действующих и недавно ушедших от нас российских социологов. Это очень сложная и мало разработанная в нашей литературе область исторических исследований, в котором соединяется социологическое и социально-психологическое прочтение личности и в котором следование требованиям этического кода не менее важно, чем стремление к «голой правде». В Разделе IV собрана коллекция написанных в последние годы биографических очерков, ранее публиковавшихся в различных журналах и сборниках. Основой материалов следующего раздела являются тексты коротких биографических интервью, данных мною журналистке Веронике Бодде для «Радио Свобода» в 2011-2012 годах.

В предметном отношении Раздел VI «Когда уходят друзья» – это тоже портреты коллег-друзей, но все они написаны по одному поводу. Это – некрологи. В последние годы ушли многие друзья, и я не мог не писать о них. Все эти тексты написаны на едином дыхании, в течение часа после получения печальной информации. В таких случаях пишешь главное об ушедшем человеке, в них можно не скрывать эмоции...

Уже в названии последнего раздела – «Автобиографическое» – указано, что это продолжение одноименной главки тома 3. В логике, методологии, организации рассматриваемого историко-социологического исследования автобиографическая информация представляется мне крайне важной, сущностной. Ведь это своего рода «замкнутый на себя» проект; в нем все «авторское». Его программа разрабатывается, уточняется и реализуется одним человеком; он же осуществляет все операции «полевого» этапа: поиски респондентов, получение от них согласия на участие в беседе, многомесячное – с большими перерывами – интервью. Затем следует подготовка материалов к публикации в журнальном или электронном варианте, написание статей и книг. Следовательно, автор не должен скрывать информацию о себе. По мере возможного она должна быть открытой, доступной читателю.

**Раздел I
НАЧАЛО И РАЗВИТИЕ
ИСТОРИКО-
БИОГРАФИЧЕСКОГО
ПРОЕКТА**

НЕ ТЕРЯТЬ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ*

Оглядываясь на развитие социологии в нашей стране за последние четверть века, анализируя более чем десятилетнюю деятельность журнала «Социологические исследования», все сильнее убеждаюсь: в журнале необходима рубрика «Из новейшей истории советской социологии». Здесь могли бы печататься итоги собственно историко-научных изысканий, не опубликованные ранее результаты исследований, документы, отражающие работу социологических коллективов, хроника прошлых лет, воспоминания.

Чем продиктовано такое предложение?

Во-первых, четверть века — немалый срок для науки и незрела необходимость в глубоком осмыслении пройденного пути. В социологической науке «нового времени» уже прорисовывается своя периодизация, без понимания генезиса отдельных исследовательских направлений невозможно их дальнейшее плодотворное развитие, необходимо охарактеризовать и формирование методического арсенала социологии и т. д.

Во-вторых, сегодняшние 25–30-летние социологи — это третье поколение специалистов. То, как развивались социологические исследования в 50–60-х годах, как формировались научные направления, как складывались творческие коллективы, молодым практически неизвестно. Этот период кажется им далекой историей. Следовательно, не в полной мере обеспечивается необходимая для эффективного функционирования науки преемственность, снижается эвристическая роль школы, традиций.

В-третьих, в нашей социологии, к сожалению, еще не выработано серьезной культуры описания самого исследовательского процесса. Одна из главных причин этого — слабое знакомство с творческой лабораторией признанных мастеров науки. Центры социологической документации можно пересчитать по пальцам. Много ценнейшей информации об исследованиях хранится лишь в памяти участников или в их домашних архивах. И сегодня необходимо сделать все, чтобы накопленный опыт не был утерян.

В-четвертых, чем больше мы удаляемся от, казалось бы, недавнего прошлого, тем труднее восстановить ту атмосферу, которая во многом предопределила современный этап отечественной социологии. А это крайне важно для понимания многих проблем ее дальнейшего развития.

* Докторов Б.З. Не терять преемственности // Социологические исследования. 1987. №1. С. 118.

ИСТОРИЯ ЕСТЬ, ТОЛЬКО ЕСЛИ ОНА НАПИСАНА*

Автор благодарит своих давних коллег Валерия Голофаства, Леонида Кесельмана и Бориса Фирсова за внимательное ознакомление с текстом и ряд ценных поправок и предложений.

Настоящие краткие заметки – это попытка обозначить цели введения в журнале «Телескоп» новой рубрики «Современная история российской социологии» и очертить самые общие контуры ее содержания. Одновременно, это приглашение всех к обсуждению прошлого и настоящего российской социологии. Автор признает спорность, полемичность ряда утверждений, но в одних случаях ее действительно сложно приглушить, в других – она присутствует намеренно.

История вершится постоянно, непрерывно, и потому она должна изучаться и описываться тоже постоянно и непрерывно. Смысл сказанного прост. Пока история существует сама по себе, пока она не изучена и не описана, она пассивна и ничему нас не учит. Марк Твен говорил, что не читающий человек ничем не отличается от того, кто не умеет читать. Аналогично, не знание социологическим сообществом своей истории почти равносильно отсутствию этой истории.

Скажем себе честно, даже двух-трех десятилетнее прошлое покрыто таким толстым слоем пыли и различных нагромождений, что оно уже плохо видно. На наших глазах настоящее стремительно превращается в прошлое. Очень скоро наблюдаемое нами сегодня станет объектом научно-исторических исследований, и следующие поколения будут ломать голову над тем, что нам сегодня кажется естественным. Нормально ли это?

1. С одной стороны, все почти тривиально: цель новой рубрики – изучение, рассмотрение, обсуждение современной истории российской социологии. Однако эта простота – обманчива, в действительности каждое слово в названии рубрики требует уточнения и предполагает проведение непростого анализа.

Пожалуй, легче всего определить первое слово названия рубрики. В нашем исходном понимании «современная история» – означает постреволюционная, но более точно, «современность», это интервал времени, начинающийся примерно полстолетия назад и, естественно, охватывающий наши дни.

Наиболее трудным является последнее слово в имени рубрики – «социология». Во-первых, эта трудность проистекает из множественности существующих определений нашей науки,

* Докторов Б. История есть, только если она написана. К открытию рубрики «Современная история российской социологии» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2004, № 5, с.30–32.

и выбор только одного из них может оказаться настолько неудачным, что делает невозможным реализацию замысла, связанного с введением рубрики. Во-вторых, в течение указанного полувека не очень быстро, но в целом заметно изменялась социология и несколько раз менялись представления российских ученых советского и постсоветского периодов относительно философии социологии, ее предметно-объектных свойств и методов. В-третьих, социология – развивалась на стыке многих наук, и в рамках исторического анализа было бы неверно опираться на определение, в какой-либо мере ограничивающее ее предметно-объектные особенности и лимитирующее ее методолого-методический арсенал. Думается, однако, что реальная практика историко-методологического анализа прошлого-настоящего современной российской социологии позволит снять, или по крайней мере четче определить границы обозначенной семантической неопределенности.

2. Термин «российская социология» имеет по крайней мере три ипостаси.

Во-первых, если говорить о периоде до 1991 года, то российская – тождественна советской. Вместе с тем, вполне возможно, что внутри социологии, обозначаемой термином «советская», существовали национальные школы, развивавшиеся несколько иначе, чем российская социология доперестроечного времени. Далее, российская – это социология, создаваемая учеными, живущими и работающими в современной России. Наконец, российская социология охватывает и то, что создавалось и создается исследователями, жившими и живущими вне России, но воспитанными на российской культуре. Что касается предметно-объектных аспектов исследований этих социологов, то они не обязательно соотносятся с российской реальностью.

Например, после революции значительная группа русских мыслителей, социологов жила и работала за границами СССР. Их творчество обязательно должно быть предметом исторического изучения, и это тем более важно, что современные российские ученые активно обращаются к трудам тех зарубежных русских социологов.

История 20 века знает две Германии, два Китая, две Кореи, и это обстоятельство дает ценный материал для проведения сравнительных политологических и культурологических исследований и для осмысления механизмов общественного развития. Можно предположить, что сопоставительный анализ того, что делалось и что было сделано в 20 веке советскими социальными учеными и русскими социологами, жившими в Европе и Америке, способен принципиально углубить наше

понимание многочисленных и разноприродных связей между типом общества и характером науки об обществе.

3. Пожалуй, именно обращение действующих российских социологов к работам дореволюционных обществоведов и философов более других обстоятельств актуализирует задачу изучения творчества русских социальных мыслителей начала 20 века.

Парадоксально, но обращение к столь отдаленному прошлому может оказаться более полезным не для отыскания следов этого «былого» в работах недавнего прошлого, т.е. в исследованиях советских социологов, но для определения путей движения современной российской социологии в будущее. Разве российское социологическое сообщество не должно задумываться о том, каким будет лицо российской социологии через 20-30 лет? Это будет вестернизированная советская социология? Это будет русскоязычная версия европейской и американской социологии? Это будет нечто синтетическое, включающее в себя различные научные традиции, и в том числе – традиции русской дореволюционной социологии? Представляет также интересным задуматься о том, какими будут (могут быть) российская православная и мусульманская социологии; в какие стороны света они будут смотреть?

Конечно, ответы на эти вопросы требуют очерчивания базовых презумпций социального устройства и развития России, но наука тоже имеет – должна иметь – свои презумпции.

Любая развитая наука сама определяет кардинальные направления своего развития. Каждое поколение ученых пытается решить проблемы, оставленные ему прошлым и обнаруженные им самим, но одновременно оно выдвигает новые задачи перед теми, кто придет ему на смену. Речь идет и об идеалах науки, и о методах, и об этике.

Современная российская социология – в рамках исторических исследований или общеметодологических поисков – также должна задуматься о принципах своего развития, о научных идеалах, о своей роли в политической и культурной жизни России, о своем месте в глобальном научном сообществе. Будущее покажет, в какой мере все это будет реализовано, но вне зависимости от развития макропроцессов в стране и в мире, думается, что указанные «навигационные» принципы необходимы.

4. В общем случае история это хронологически упорядоченная последовательность значимых для общества событий. В нашем случае – это последовательность событий, определяющих, задающих, детерминирующих, детализирующих процесс развития российской социологии.

При этом имеет смысл выделить по крайней мере два класса событий.

Во-первых, события, определяющие «метрику», генеральные свойства социального пространства, в котором существует и развивается социология как наука и как определенное социальное образование. Одновременно, это те события, которые детерминируют, корректируют социальный климат и нравственную атмосферу в стране. Во-вторых, события, процессы, протекающие внутри самой социологии и внутри социологического профессионального сообщества.

Учитывая коренные особенности политического устройства СССР, к событиям первого типа безусловно следует отнести появление документов КПСС и правительства, касавшихся развития идеологических процессов в стране и всего комплекса обществоведческих наук. Но это лишь видимая часть айсберга событий первого типа. В действительности существовало множество скрытых, латентных, не манифестировавшихся механизмов – скажем мягко и обтекаемо – управления развитием социологии в стране. И результатом действия или бездействия этих механизмов было множество событий, которые тоже должны изучаться историками российской социологии.

К событиям второго класса следует отнести создание и закрытие научно-исследовательских центров, коллективов, групп ученых; появление и развитие структур по подготовке кадров; проведение крупных, значимых исследовательских проектов, выход в свет книг, сыгравших заметную роль в истории советской социологии, и т.д.

События первого класса, вообще говоря, являются оболочечными по отношению к науке, они образуют некий постоянно меняющийся каркас, заключающий в себе социологию и регламентирующий жизнь социологического сообщества. Но эта оболочка не пассивна, и потому историк социологии не может не анализировать ее воздействие на то, что находится внутри нее. Вместе с тем думается, что история социологии как раздел истории и социологии должна прежде всего фокусироваться на изучении того, что находится внутри этой раскаленной социальной оболочки, что характеризует собственно характер и результаты деятельности ряда поколений российских социологов. По большому счету, определение состава, динамики, температуры и так далее содержимого, или наполнения, этой оболочки и составляет предмет современной истории отечественной социологии.

5. Написание истории не сводится к созданию летописи событий, она – нужна, но ею нельзя ограничиваться. Необходимо изучение причин состоявшихся событий, а также их последствий: прямых и косвенных, кратковременных и отло-

женных, обнаруженных ранее и осознанных лишь в недавнее время.

По-сути, сказанное означает, что история социологии одновременно должна быть историей деятельности людей, причастных к формированию государственной политики развития социологии и к выработке собственно социологического знания.

Идеология советского времени акцентировала значение роли государства и коллектива и явно принижала роль личности. Отчасти поэтому в российской исторической науке – советского и постсоветского времени – оказалась недостаточно развитой методология и практика изучения биографий, в частности – биографий социальных исследователей. Опубликованные в последние годы работы о Николае Бердяеве, Питириме Сорокине, Павле Флоренском и о небольшом числе других социологов и социальных мыслителей, на наш взгляд, скорее являются не научными биографиями, а жизнеописаниями и анализом их работ.

В течение истекших полутора десятилетий сложился перечень имен русских социальных мыслителей первой половины 20 столетия, работы которых привлекают внимание и анализируются современными российскими социологами и социальными философами. Само по себе это явление позитивное, однако оно грозит появлением серьезных негативных последствий: закладываются предпосылки для одномерного, стереотипизированного видения прошлого нашей науки. Чтобы притормозить развитие этой тенденции, необходимо искать новые – «очень» хорошо забытые старые – имена.

Но все же сделанное за истекшие годы не только уже позволило ввести в научный оборот имена и идеи, долгое время мало известные широкому кругу российских социологов, но и является заметным продвижением на пути выработки методологии создания научных биографий социологов начала 20 века и наших современников.

6. Лишь человеку, очень далеко стоящему от исторических поисков может показаться, что история социологии – спокойная исследовательская область, которой можно уделить некоторое время, отойдя от активного изучения теории общества или реальных социальных процессов, институтов, коллизий. В действительности это совсем не так.

История – это не мемуары. Лет 15 назад профессор Геннадий Батыгин говорил, что собственно социологические исследования включают в себя две области, два направления: методологию социологии и историю социологии; все другие социологические поиски приобретают статус научных только

в том случае, если и когда они начинают оказывать влияние на характер методологии социологии и окажутся предметом исторического рассмотрения и сопоставления.

7. Поскольку содержанием самой истории являются события разной природы, постольку и анализ истории должен быть многоаспектен; обозначим некоторые из них.

Крайне важными видятся сегодня исследования аргументов, с помощью которых, начиная с ранних 60-х и до середины 80-х, доказывалась специфичность, особость (преимущества) теоретической базы российской социологии советского периода. У этой тематики есть и иной, футурологический аспект: анализ будущего марксизма как одной из философских основ современной российской социологии.

Обнаруживается и более широкая постановка обозначенной темы. Марксизм относится к основным направлениям современной мировой философской и социологической мысли, а в СССР – марксизм был единственной разрешенной философией и идеологией. Позволяет ли опыт советских времен стать России мировым центром разработки марксистской социологии?

За постперестроечные годы произошли кардинальные изменения в предметной направленности российских теоретико-эмпирических социологических исследований. Логика этого изменения очевидна: ушли (уходят) в прошлое многие существовавшие социальные институты и доминировавшие формы социальных отношений, они заменились (заменяются) новыми институтами и формами. В этих изменениях предметного спектра социологии отражена некая «правда жизни», но одновременно с переходом к новому не произошло осмысления всего ранее накопленного. Складывается ощущение, что старое не было даже элементарно инвентаризировано, описано и каким-то образом законсервировано. Оно просто брошено, осталось ничем. Так и хочется спросить: «Вы чье, старичье?».

Одним из направлений истории социологии является изучение становления и функционирования коммуникационных сетей профессионального сообщества. В 60-е – 80-е годы в стране было мало социологов, практически все знали друг друга, особенно внутри одного поколения. Московский Институт социологических исследований АН СССР (в разные годы у него были разные названия) был головным, и там все часто встречались. Была ассоциация, объединявшая людей. Книг издавалось немного, существовал всего один журнал «Социологические исследования». Все читали работы друг друга, и все (желающие того) знали, кто чем занимается.

Изучение коммуникационных сетей – один из наиболее эффективных приемов исследования становления научных школ в советской социологии и духовной атмосферы профессионального сообщества того времени. Сегодня, когда отцы-основатели советской социологии продолжают активно работать, еще есть возможность с их помощью восстановить и детально описать эти сети.

8. Серьезным препятствием к созданию летописи важнейших событий российской социологии и выработке методологии написания научных биографий ее творцов является слабость соответствующей информационной базы. Указанное обстоятельство является следствием множества объективных и субъективных причин.

Под объективными причинами, во-первых, имеется в виду в целом крайне низкая культура работы российских архивов и устарелость форм архивного обслуживания. Здесь же назовем недостаточную последовательность и замедленность процесса снятия секретности с материалов, направлявшихся в свое время в партийные органы и другие директивные структуры. В силу этой причины многие отчеты о социологических исследованиях, проведенных в 60-е – 90-е годы прошлого века, до сих недоступны историкам социологии. Третья причина объективного характера – отсутствие у большинства социологических организаций необходимого пространства для хранения собственных архивов, частые переезды из одних помещений в другие, расформирования социологических «команд». Еще одна причина: на протяжении ряда десятилетий многие исследовательские коллективы не имели своей электронно-вычислительной техники, обрабатывали эмпирическую информацию в различных вычислительных центрах и потому не имели возможности для создания своего современного информационного архива.

Назовем последнюю по порядку, но не по значимости объективную причину слабости информационной базы исследований прошлого отечественной социологии. Историк как правило имеет дело с опубликованными текстами, но почти каждая социологическая публикация была итогом длительного процесса редактирования текстов, их рецензирования и цензурирования. Мы можем судить о результатах социологии по тому, что было опубликовано, но сейчас невозможно сказать, какая в процентном отношении часть социологических рукописей была издана.

Приходится учитывать и тот факт, что многие социологические тексты создавались их авторами без малейшей надежды на публикацию или хотя бы на широкое публичное обсуж-

дение. Можно ли отыскать эти работы? Безусловно, что-то могло бы быть опубликовано в нашей рубрике.

Теперь о комплексе субъективных причин. По нашему мнению, многое в бедности информационной базы изучения относительно близкого прошлого и настоящего проистекает из-за того, что российское социологическое сообщество в целом не до конца осознает своего общественного назначения, своего места в культуре общества. Не сложилось убежденности в том, что результаты изучения общества должны становиться известными самому обществу.

9. Есть полезная американская рекомендация по организации любого бизнеса: «Думай глобально, делай локально». Применительно к нашей рубрике это означает, что, думая об изучении современной истории российской социологии, целесообразно прежде всего сконцентрироваться на анализе процессов, происходивших и происходящих в ленинградско-петербургской социологии. Причем эту задачу следует рассматривать не только в качестве промежуточного полигона, с которого удобно атаковать историю российской социологии, но и как важнейшую самостоятельную историко-научную и культурологическую проблему.

Специальные изыскания, доказывают существование таких феноменов, как ленинградская литература, ленинградское искусство, ленинградский театр. Возможно ли по аналогии говорить о ленинградской, в настоящее время – петербургской, социологии? Поиск ответов на этот вопрос – вне зависимости от того, какими они будут – может рассматриваться в качестве одной из сверхзадач изучения истории социологии Петербурга-Ленинграда-Петербурга.

10. Вряд ли сейчас будет оправданным стремление к определению предмета указанных «локальных» историко-методологических изысканий, но некоторые направления поисковых работ могут быть названы.

Прежде всего хотелось бы понять специфику истоков рождения социологии в Ленинграде, ведь она возникла иначе, чем, скажем, в Москве, Свердловске и других городах Союза.

Второе, особого анализа требует очерчивание контуров предметных полей, в разработке которых ленинградцы были пионерами, начинателями направлений, позже получивших признание и широкое развитие в СССР.

К примеру, в ноябре 2003 год автор был в Тюмени на защите кандидатской диссертации, в которой анализировались вопросы «управления социальным климатом предприятия в современной российской социально-экономической ситуации»; объ-

ектом изучения было ОАО «Сибнефтепровод». Логика работы диссертанта свидетельствовала о жизненности ряда концепций и эффективности методов, созданных ленинградскими психологами и социологами (Е.С. Кузьмин, А.Л. Свенцицкий, А.В. Чугунова, В.А. Ядов) три-четыре десятилетия назад.

Можно утверждать, что исторические поиски обнаружат много нового в предметном спектре ленинградской социологии 60-х – 80-х годов. Скажем, на рубеже 60-х – 70-х годов под руководством Андрея Здравомыслова социологами Высшей партийной школы была проведена серия исследований бюджета работы и свободного времени сотрудников райкомов КПСС города. Современное прочтение результатов тех исследований могло бы дать многое для понимания деятельности аппарата КПСС и образа жизни этой элитной группы населения Ленинграда.

11. Сказанное ни в коей мере не означает, примата «географического» подхода к анализу истории российской социологии. Более того, легко понять, что изучение наиболее трудных, сложные, сущностных проблем развития нашей науки, а также принципиальных особенностей ее нынешнего состояния в принципе над-географично.

Корни советской и современной российской социологии прежде всего следует искать в особенностях российской истории 20 века, а также в важнейших чертах политического устройства СССР и нынешней России. Кроме того надо заново читать и переосмысливать базовые общенаучные и общеполитические положения, которые на протяжении всей советской истории определяли развитие отечественной социологии. Нельзя будет пройти и мимо анализа моральных принципов, которым следовали или которые нарушались участниками процесса выработки социологического знания. На всех этапах не столь уже продолжительного процесса развития советской социологии «человеческий фактор» всегда имел очень важное значение. В частности, в истории ленинградской социологии 70-х – 80-х годов.

12. Создание истории петербургско-ленинградско-петербургской социологии – долг социологов, живущих в современном Петербурге. При наличии доброй воли многое может быть сделано

ВСПОМИНАЙТЕ САМИ, НЕ ЖДИТЕ, ПОКА ВАС БУДУТ ВСПОМИНАТЬ...*

За последние годы мы потеряли нескольких наших коллег и друзей, активно и плодотворно занимавшихся социологическими методами познания. Геннадий Батыгин, Валерий Голофаст, Александр Крыштановский... Каждый из них был профессионалом, каждый был личностью. Те, кто их знал, всегда будут ощущать потерю каждого. Я говорю это и о себе...

Пока мы помним тех, кого нет с нами, они для нас живы... и хорошо, что теперь в обществе и в нашем социологическом сообществе появились возможности для того, чтобы сделать хоть что-то в память наших друзей.

Летом 2005 года коллеги Геннадия Батыгина завершили начатый им труд и издали книгу «Социальные науки в постсоветской России». Перечень редакторов книги открывается его именем. В конце того года стараниями многих в Петербурге вышла книга Валерия Голофаста «Семья в крупном городе», в свое время не увидевшая свет. Публикация книги Александра Крыштановского «Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS» и эта конференция, посвященная ему, пример того же рода – сохранить в коллективной памяти российских социологов дело и личностные качества наших ушедших коллег.

Но, думается, мы можем и должны сделать больше... То, что хранится в нашем сознании и в наших душах... это не история... но это может стать историей, если будет написано, издано и станет частью материальной культуры.

Геннадий Батыгин раньше многих других осознал ценность и важность фиксации воспоминаний социологов о том, как начиналась наша наука, как люди приходили в нее, что им удалось сделать, что из задуманного реализовать не удалось. Сейчас трудно представить нашу науку без книги «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах», рожденной его стараниями. Откройте ее, и вы услышите голоса многих, в том числе и тех, кого уже нет в живых. Хорошо, что «Социологический журнал» продолжает это начинание Батыгина. Недавно в питерском журнале «Телескоп» создана рубрика «Современная история российской социологии». В ней публикуются интервью с действующими социоло-

* Докторов Б. З. Вспоминайте сами, не ждите, пока вас будут вспоминать... (Текст для Всероссийской научной конференции «Социологические методы в современной исследовательской практике», посвященной памяти А.О.Крыштановского. ГУ-ВШЭ, Москва. 14-15 апреля 2006 г.) <<http://cdclv.unlv.edu//archives/Tributes/kryshstanovsky.html>>

гами, документы о прошлом, другие материалы, относящиеся к нашей современности.

Уже несколько месяцев на сайте американо-российский проекта *Международная Биографическая Инициатива* происходит накопление биографической информации о тех, кто внес заметный вклад в развитие советской/российской социологии. Сейчас эта коллекция включает в себя свыше полусотни интервью и мемуаров.

Возможно, и журнал «4М» мог бы внести существенный вклад в написание истории российской/советской социологии. Ведь многое из того, что делалось в области методологии и методов социологических исследований, тоже требует исторического осмысления. Надо рассказывать и о людях, разрабатывавших эти проблемы...

Марк Твен говорил, что человек, не читающий книги, подобен тому, кто не умеет читать. Аналогично, человек, не вспоминающий, подобен тому, кому нечего вспоминать. Нам есть что вспоминать. Мы должны сами вспоминать. Не надо ждать, когда нас будут вспоминать...

ИСТОРИЯ НАУКИ ДАЛЬНОЗОРКА*

История распорядилась так, что в Америке в середине 1930 годов с разницей в несколько месяцев три опытных исследователя рынка приступили к общенациональным опросам мнений; в 1936 году, предсказав переизбрание президента Франклина Рузвельта, они впервые обратили внимание общества и политиков на возможности выборочных опросов населения. Имена этих троих — Джордж Гэллап, Арчибальд Кроссли и Элмо Роупер.

Несколькими годами позже под влиянием Гэллапа опросами мнений начал заниматься Хэдли Кэнтрил. Отмечу лишь две составляющие его весомого наследия: развитие технологии измерения мнений и расширение тематики исследований в этой области и практика, модель работы полстера в качестве советника президента по вопросам взаимодействия с общественным мнением. В годы Второй мировой войны Кэнтрил проводил исследования непосредственно по заказам Франклина Рузвельта, который учитывал их результаты при принятии важнейших политических решений.

Эти четыре аналитика с полным правом могут называться отцами-основателями изучения общественного мнения. Их профессиональный и нравственный авторитет признавался современниками. В последующие десятилетия именно они в значительной степени влияли на судьбу опросов общественного мнения, роль последних в политической и культурной жизни США; они во многом предопределили характер исследований в начале XXI века как в своей стране, так и за ее пределами. Время будет лишь увеличивать ценность сделанного ими.

Работа над биографиями героев этой книги позволила воссоздать процесс зарождения и развития процедур измерения мнений и углубить видение путей межнаучной миграции эмпирических методов познания. Кроме того, историко-методологические изыскания подвели меня к давней и чрезвычайно сложной теме — соотношению макро- и микродетерминант творчества социальных исследователей. Макродетерминанты — это комплекс обстоятельств, характеризующих социальную, историческую, культурную, нравственную среду, в которой протекает деятельность исследователей различных форм, типов, видов общественных отношений. Под микродетерминантами я имею в виду прежде всего интеллектуальные и более широко — личностные качества исследователей, их этические

* Фрагмент из книги: Докторов Б.З. Отцы-основатели. История изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования. 2006. с. 26-44.

нормы и многие конкретные обстоятельства их жизни.

Биографии вышеназванных лидеров изучения общественного мнения и ряда их коллег предоставляют широкие возможности для рассмотрения микрофакторов творческого процесса. Однако поскольку почти все эти люди принадлежали к одному поколению и их деятельность протекала в одной и той же макросреде, исследование макрофакторов оказывалось затруднительным. Сама логика моего анализа потребовала выхода за рамки собственно американской социо-пространственно-временной среды и обращения к творчеству исследователей, деятельность которых протекала в качественно иной общественно-политической и нравственной атмосфере. Так в моем поле зрения оказалась деятельность Бориса Грушина — родоначальника этого научного направления в России.

Профессиональное и личностное становление Гэллапа, Кроссли, Кэнтрила и Роупера происходило в начале XX века, а их активная деятельность по изучению общественного мнения началась в середине 1930-х и охватила несколько десятилетий. Эта работа была мощным прорывом в новую область политических отношений, журналистики и научных исследований, вместе с тем она была развитием глубоких традиций анализа рынка и почти векового опыта зондирования электоральных установок с помощью соломенных опросов. Несмотря на жесткую критику самой идеи изучения мнений населения и использовавшейся технологии опросов, результаты измерений сразу оказались востребованными обществом, политической элитой и крупным бизнесом.

Первые шаги на сорокалетнем пути Грушина были сделаны в принципиально ином социополитическом, научном и этическом пространстве. Он начинал свою работу во время перехода от сталинизма к хрущевской оттепели и продолжал в период становления того политического режима, который позже был назван застоём. Все в его деятельности начиналось с «абсолютного нуля»: однопартийная политическая система, «голосование» вместо выборов, жесткий идеологический контроль над прессой и радио, плановая экономика, закрытость социальной статистики и другие факторы не создавали предпосылок для изучения общественного мнения. Власть в лице ее высших представителей не видела необходимости в его изучении, и многое из того, что было сделано Грушиным, делалось не при поддержке политической системы, а вопреки ей.

Мне неизвестны работы американских авторов, в которых делалась бы попытка параллельного рассмотрения истории исследований общественного мнения в разных социокультурных средах. Нет таких работ и в российской историко-научно-

кой литературе. Обращение к судьбам отцов-основателей для изучения общественного мнения в США и России открывает перспективы для широких кросскультурных изысканий, ведь в наше время опросы общественного мнения проводятся в десятках стран мира.

Историческая книга о современниках

В настоящее время лишь Грушин, самый молодой из главных героев книги, продолжает свою работу. Жизнь американских родоначальников изучения общественного мнения завершилась два-три десятилетия назад. В 1996 году исполнилось сто лет со дня рождения Кроссли, а в 2006 году будет сто лет со дня рождения Кэнтрила. И все же есть основания называть книгу историей жизни наших современников. Может ли быть иначе, если то, что создано Гэллапом, Кроссли, Кэнтрилом и Роупером, во что вложена вся их жизнь, существует, развивается и постоянно находится в поле зрения миллионов людей во всем мире? Этих исследователей ни в коей мере нельзя считать историческими фигурами, чьи идеи стали ненужными в XXI веке, аналитиками явлений и процессов, известными лишь узкому кругу специалистов, изобретателями технологии социального анализа, давно вышедшей из строя и пылящейся на полках лавки древностей.

Они — наши современники.

Живы и активно работают многие из тех, для кого Гэллап, Кроссли, Кэнтрил и Роупер были друзьями, коллегами, руководителями, учителями, авторами прочитанных много лет назад книг и статей. Некоторые из этих людей активно и заинтересованно помогали мне в процессе сбора информации для этой книги.

Начиная с 1936 года миллионы людей практически ежедневно читают или слышат имя Гэллапа в сообщениях СМИ. И неважно, что в наше время они встречают его прежде всего в названии созданной им организации. В сознании огромного числа американцев в течение многих десятилетий имя Гэллапа слабо ассоциировалось или вообще не связывалось с судьбой конкретного человека, исследователя. Они «встретились» с Гэллапом в годы своей молодости; они выросли, и каждые четыре года «он» первым говорил им, кто станет новым президентом страны. Они и сейчас регулярно узнают «от Гэллапа», что думают окружающие их люди о событиях в стране и мире. Для них со смертью Гэллапа-человека мало что изменилось. Они заметили бы серьезные изменения в своем информацион-

ном пространстве, если бы прекратила деятельность структура изучения общественного мнения, носящая его имя. Но она работает, следовательно, Гэллап и сегодня помогает людям ориентироваться в современном социополитическом пространстве США, в повседневных проблемах страны.

Историко-методологический анализ обладает интересным свойством: он сжимает прошедшие годы, приближая прошлое, и одновременно заставляет вглядываться в будущее. Можно сказать несколько иначе: он раздвигает границы настоящего. В историческом взгляде на развитие тех или иных процессов настоящее не ограничивается временными рамками вчера, сегодня, завтра, — но очерчивается внутренней логикой этих процессов. События, удаленные от «сегодня» (в его буквальном понимании) на сотни лет, не кажутся далекими, древними, если их следы обнаруживаются в текущей повседневности. Люди, определившие развитие этих событий, оказываются современниками последующих поколений.

Американские отцы-основатели высоко ценили роль общественного мнения в системе демократических институтов. С укреплением в мире принципов демократии и свободы личности будет расти ценность их наследия. И потому сделанное ими будет необходимо и следующим поколениям.

Гэллап и Кэнтрил могли быть, но не стали «чисто» университетскими учеными. Их представления о собственных возможностях и силах, понимание истории, текущего момента и будущего, весь комплекс разделявших их ценностей, норм и стереотипов заставляли их искать свои собственные, нетрадиционные пути в жизни и науке, вырабатывать свой взгляд на дело, которое они считали интересным, продуктивным и нужным стране. Безусловно, все четверо были романтиками и оптимистами, крепко стоявшими на фундаменте социальной практики. Это прекрасное сочетание человеческих качеств никогда не может стать несовременным.

Многогранность, многонаправленность интересов и проектов тоже доказательство современности деятельности Гэллапа, Кроссли, Кэнтрила и Роупера. Гэллап является одним из пионеров исследований рекламы, Кроссли — создатель одной из первых в Америке служб мониторинга радиоаудитории, Кэнтрил — один из основателей ведущего в мире журнала по общественному мнению «Public Opinion Quarterly», Роупер заложил основы крупнейшего в мире архива информации об общественном мнении. Гэллап, Кроссли, Кэнтрил и Роупер были одними из первых социальных исследователей, которые смогли по-настоящему глубоко осознать активную роль социологического измерительного инструментария в процессе со-

циального познания и многое сделали для целенаправленного изучения методов сбора и анализа эмпирической информации. Они начали проводить регулярные опросы общественного мнения во второй половине 1930-х годов, когда социология как теоретико-эмпирическая наука лишь приступала к изучению массового сознания. В наше время существует множество мифов, предположений, гипотез относительно содержания, структуры, форм, состояний, изменчивости и т. д. массового сознания; очевидно, что 70 лет назад их было много больше. На рубеже XX и XXI веков именно продолжительные ряды гэллаповских наблюдений дали возможность социологам и политологам обнаружить в общественном мнении те атрибуты, которыми оно наделялось или в наличии которых ему, наоборот, долгие годы отказывали. Перед социальными исследователями впервые открылась возможность анализировать динамику общественного сознания жителей огромной страны, а американское общество получило уникальную возможность для самонаблюдения и самоанализа.

Результаты отцов-основателей и их последователей, охватывающие к началу XXI века семь десятилетий развития американского общества и показывающие отношение населения страны ко всем важнейшим событиям и процессам внутренней жизни и международной политики Америки, заметно меняют логику исторических и социально-политических исследований. Они создают реальные предпосылки для глубокого научного анализа участия населения в формировании институтов власти и тем самым принципиально меняют традиционный взгляд на политику как продукт деятельности лишь властной элиты. Рассматривая генеральные направления трансформации американского общества в XX столетии и оценивая сделанное Гэллапом, культуролог Уоррен Сасман писал: «Таким образом, американцы получили «эмпирические» подтверждения того, что они чувствуют и думают по поводу важнейших текущих проблем, а также того, каковы в целом разделяемые обществом установки и представления. Теперь стало легче обнаружить ядро ценностей и мнений, объединяющих американцев, символов, соединяющих их, и это помогло определить американский путь развития. Речь шла не просто об открытии технологии, с помощью которой эксперты могли бы манипулировать (общественным мнением. — *Б.Д.*) для достижения желаемых результатов, хотя в определенной мере так и было; опросы стали силой, значимым инструментом не только для обнаружения и формирования доминирующих культурных образов, но и для их укрепления» [1]. Сказанное можно отнести и к наследию Кроссли, Кэнтрила и Роупера.

В настоящее время Гэллап — это скорее бренд, имя, символ, название технологии и института, чем человек, сделавший многое для своих современников и для будущих поколений. О Гэллапе — человеке и ученом написано мало и поверхностно, без установки на понимание генезиса его научной и общественной деятельности и раскрытие значения его результатов. Еще менее изучено творчество и наследие Кроссли, Кэнтрила и Роупера. Грушин продолжает свои исследования, но уже сегодня его достижения дают возможность для изучения его творчества. Пока это тоже не сделано.

Чем же вызвано отсутствие обстоятельных исследований историко-биографического и историко-научоведческого характера, сфокусированных на творчестве американских отцов-основателей? Прежде всего, замечу, что прошло лишь несколько десятилетий после их смерти; это слишком короткий временной интервал для исторических исследований любого типа. Многие из того, что было в том близком прошлом, в силу ряда причин продолжает оставаться настоящим; еще не улеглись многие события, фактически — недавние. Отдельные процессы, начавшиеся несколько десятилетий назад и, казалось бы, дающие почву для исторического анализа, в действительности далеки от завершения, и в силу объективных причин информация о них конфиденциальна или/и личностно-интимна и потому фактически оказывается закрытой. Наследие отцов-основателей еще не воспринимается как предмет и объект историко-научного исследования. История науки обладает дальнорозоркостью, удаленные предметы видятся ею значительно лучше, чем близкие.

Второе: неправдоподобно точный уровень даже первых электоральных прогнозов, высокая продуктивность аналитической деятельности и эффективность технологии сбора информации, разработанной первым поколением аналитиков общественного мнения, способствовали возникновению и сохранению ложных представлений о простоте, «естественности» всего сделанного ими. Это, в свою очередь, не стимулирует направленный историко-методологический поиск; кажется, что в основном (концептуально) здесь все ясно, все упорядоченно. Создается впечатление, что процесс становления всей системы приемов изучения общественного мнения в целом проанализирован и остались лишь детали, выяснение которых не может изменить общее видение этого процесса. Ниже можно будет убедиться в ложности подобной установки.

Третий очень важный фактор: многогранность, многопредметность деятельности отцов-основателей. Например, наследие Гэллапа не анализируется как нечто целостное, оно неправо-

мерно разрывается, расчленяется. Там, где Гэллап рассматривается как исследователь общественного мнения, остается «за кадром» или лишь пунктиром обозначается его многолетняя работа в сфере изучения рекламы. Историки журналистики вычленяют и анализируют деятельность Гэллапа как журналиста.

Не менее трудным является исторический анализ сделанного Грушиным. Прежде всего, проведение такого анализа серьезно осложнено подвижностью, изменчивостью политической системы России, «социотрясениями» (термин Грушина), затрагивающими все сферы жизни общества и активно воздействующими на российское общественное сознание. Добавим к этому недостаточную развитость многих элементов гражданского общества и, как следствие, неопределенность роли, места, функций общественного мнения в системе российских властных институтов, всех форм, видов политических отношений, а также нравственного климата в стране.

Второе обстоятельство заключается в том, что, реализуя в последние годы свой проект «Четыре жизни России» [2], Грушин фактически сам проверяет, оценивает все сделанное им за долгие годы исследований общественного мнения. На подобный жесткий, самоистязающий экзамен мало кто способен: для этого необходимо посвятить всю жизнь одному делу и быть уверенным в его общественной значимости.

Однако следует принимать во внимание не только особенности творчества Гэллапа, Кроссли, Кэнтрила, Роупера и Грушина, связанные с их личностями, но и тот объективный факт, что границы между различными направлениями науки достаточно неопределенны, подвижны. Причем речь идет не об отдельных периферийных участках, «закрепленных» за той или иной наукой, но о ядерных структурах отдельных научных направлений. Так, социология начала XX века, его середины и начала XXI века — во многих существенных моментах разные науки. Это разные парадигмы и методы, разное внутреннее членение науки и разное понимание ее социальных функций, разные архивы эмпирической информации, разные сочленения с другими науками: социальной психологией, историей, культурной антропологией, политическими и экономическими научными дисциплинами, разные представления о своих возможностях и направлениях развития. Это каждый раз иное отношение к своему прошлому и будущему. И самое главное — это разные истолкования устройства социального мира.

В частности, нет единого представления о расположении в системе классификации наук всего комплекса теоретико-методологического проблематики, составляющей базу исследова-

дований общественного мнения. Исследования общественного мнения — это самостоятельная наука (научно-исследовательское направление) или раздел другой науки (других наук)? Если самостоятельная, то в чем ее специфика, предметно-объектная особенность? Если раздел, то чего? Политических наук? Психологии? Социологии? Журналистики? Всего сразу и в различных пропорциях? Ответ на эти вопросы действительно сложен, ибо сложна феноменология общественного мнения: оно есть, но одновременно его как бы нет, оно очень «летуче». И эта генетическая двойственность общественного мнения порождает некоторое недоверие к тем, кто его изучает: либо они никак не могут измерить то, что есть, либо постоянно замеряют то, чего нет. Ведь дискуссии о том, что такое общественное мнение и есть ли оно в той или иной стране или по тому или иному поводу, не прекращаются уже свыше полувека. В них участвуют и полстеры, и журналисты, и политики.

Почему же я считаю, что сейчас настало время для изучения творчества Гэллапа, Кроссли, Кэнтрила и Роупера? Прежде всего, это обусловлено тем, как я понимаю логику и хронологию исследований общественного мнения, в том числе становления современной опросной технологии. Начало этого процесса датируется серединой 1930-х годов, таким образом, для исторического анализа открывается ретроспектива протяженностью в три четверти столетия. Если же обратиться к истокам технологии изучения общественного мнения — ранним опытам измерения установок американского электората и событиям, предшествовавшим зарождению исследований эффективности рекламы, — то поле исторического обзора становится еще более протяженным — свыше 150 лет.

Однако обращение к прошлому в начале XXI века не может ограничиться лишь систематизацией того, что было, и восстановлением утерянного. Есть основания предполагать, что как современная технология измерения общественного мнения пришла на смену соломенным опросам, так и сама она будет заменена иной технологией. Таким образом, историко-методологические изыскания в области исследований общественного мнения помогут выявить черты новой технологии (новых технологий) и практики изучения общественного мнения. И не стоит думать, что придется долго ждать появления этой «новинки»; скорее всего она заявит о себе уже в первые десятилетия наступившего века.

В почти двухвековой американской истории изучения мнений и развития технологий их сбора и анализа есть ряд принципиальных, ключевых событий. К ним относится и президентская кампания 1936 года, когда новая выборочная процедура

изучения установок электората с честью победила технологию соломенных опросов, к тому времени проводившихся в стране свыше ста лет и заслуженно имевших высокую репутацию. Победе нового метода предшествовали выборочные зондажи лета 1935 года, в которых отлаживались отдельные компоненты, звенья измерительной цепи. Таким образом, в 2005 году современная практика изучения общественного мнения, давно ставшая глобальной, отмечает свое семидесятилетие. Юбилей — дополнительный повод для того, чтобы обратиться к прошлому и лучше понять современность.

Об исследовательском подходе

В настоящей книге история опросов общественного мнения раскрывается через анализ творческого наследия основателей данного направления социального познания и их судеб. Эта работа оказалась связана с преодолением ряда серьезных методологических и инструментальных обстоятельств; прошлое не просто закрыто, оно активно защищает себя от проникновения «следопытов» из другого времени.

В книге рассмотрены судьбы многих людей, сыгравших важную роль в создании современной технологии и культуры изучения общественного мнения. Я стремился, с одной стороны, создать групповой портрет основоположников изучения общественного мнения в США и России, а с другой — описать историю возникновения и развития научных методов измерения мнений. Двуединость цели исследования определила и синтетичность жанра работы. Это историко-методологическое исследование, являющееся частью истории изучения общественного мнения, и одновременно — историко-биографическое, фокусированное на анализе творчества, жизненных судеб первых полстеров. Реализация подобного замысла предполагала выработку методологии историко-наукоедческого анализа, позволяющей на практике осуществить задуманное и попытаться создать одновременно две «биографии»: как изобретателей новой социальной технологии, так и самого изобретателя.

Двухфокусность работы имеет множество следствий, уточняющих ее цели и жанр, а также формирующих структуру и логику книги. Так, поиск и отбор материалов строился с учетом необходимости параллельного решения этих двух задач. Стремление понять генезис того, что и как делалось лидерами изучения общественного мнения, становилось импульсом, основой обращения к истории психологических измерений, прошлым исследований рекламы, радиоаудитории и ранним попыткам

зондирования намерений электората. Знакомство с историей становления названных аналитико-исследовательских направлений не только помогло понять истоки технологий выборочных опросов, но и приближало к раскрытию характера деятельности Гэллапа, Кроссли, Кэнтрила, Роупера и Грушина.

Нередко изучение процесса и результатов творчества социальных исследователей в значительной степени сводится к цитированию и комментированию их текстов, при этом акцент делается на сопоставлении их теоретических или теоретико-эмпирических конструктов с тем, что писалось до них. Безусловно, это необходимо, но на этом нельзя останавливаться. Чтобы верно оценить наследие ученого и адекватно интерпретировать сделанное им, следует видеть генезис и мотивы его деятельности и, что особенно важно, пытаться рассмотреть пути трансформации его текстов во внетекстовые конструкции, то есть путь его идей от зарождения до реализации. Чем крупнее идея, чем больше сделано ученым, тем более продолжительный интервал истории должен рассматриваться и тем больше «выходов» в другие научные направления и пласты социальной практики надо предпринимать. В целом научная биография человека, оставившего заметный след в истории той или иной научной области, не может быть построена в рамках методологии самой этой области.

Данное обстоятельство острее и точнее других осознают те, кто изучает творчество ученых, работавших в естественных направлениях науки, и анализирует наследие писателей. История естественных наук и биографии их творцов не могут быть написаны в логике и на языке, скажем, физики, химии или биологии. Аналогичное справедливо и по отношению к биографиям писателей: те приемы и средства, которые активно ими используются, — совмещение реального и выдуманного, наделение героев чертами других людей, перенос событий, происходивших в одной пространственно-временной точке, в другую, возможно, весьма удаленную от нее точку и т. д. — плохо вписываются в традиции собственно историко-биографических исследований.

На мой взгляд, в российской науке наиболее глубокие в культурологическом отношении и наиболее интересные по содержанию биографии отражают «творчество и жизнь», «жизнь и творчество» писателей и ученых-естествоиспытателей. Сошлюсь здесь лишь на работы М. Бахтина о творчестве Рабле, Ю. Тынянова — о Кюхельбекере, Ю. Лотмана — о Пушкине, В. Зубова — о Леонардо да Винчи, Б. Кузнецова — об Эйнштейне, Д. Данина — о Боре и т. д. При всем многообразии авторских интерпретаций творчества и наследия их героев, при всем несходстве самих этих

героев, в исследованиях такого рода обнаруживается общность методологии, единство подхода к изучению биографий. Опуская ряд нюансов, порождаемых многими факторами и прежде всего неразрывностью духовной связки «автор–герой», назову этот подход культурологическим. Суть его может быть сведена к двум базовым принципам. Первое: все, что создано их героями, трактуется авторами как часть культуры общества. Второе: сами биографии интерпретируются как результат многослойного, нетривиального синтеза (гармонии и дисгармонии) личностных качеств человека и элементов культуры общества.

В принципе биографии социальных исследователей могут анализироваться в том же ключе. Однако мне неизвестны попытки подобного типа, предпринимавшиеся российскими аналитиками. Думается, это вызвано идеологическими обстоятельствами, препятствовавшими в течение долгих десятилетий серьезному, свободному изучению теорий выдающихся русских и тем более западных социологов, а значит — и траекторий их жизни.

Следует привлечь во внимание еще одно существенное обстоятельство. Создание научных биографий как вид научной деятельности расположено на континууме, ограниченном, с одной стороны, точными и естественными науками и, с другой — авторскими конструкциями писателя, вынужденного погружаться в мир своих персонажей. Биографы выдающихся ученых в ходе своего поиска становятся экспертами в тех областях наук, которые разрабатывались их героями. Но логика труда самих биографов не подчиняется законам этих наук, а базируется на принципах истории и психологии личности. Таким образом, создание научной биографии объективно становится разновидностью социального исследования и как вид деятельности «соседствует» с социологией, культурной антропологией, психологией, историей и проч.

Групповой портрет Гэллапа, Кроссли, Кэнтрила, Роупера и Грушина — это одновременно и некий историко-культурный образ, и совокупность того общего в детерминантах и в результатах их деятельности, что дает право наделить их общей ролевой позицией «отцов-основателей». В то же время, поскольку каждый из них шел своим путем, представляется крайне важным отыскать в жизненных траекториях этих исследователей то, что разделяет их, делает уникальным их творческое наследие.

Современная технология, практика, культура изучения мира мнений — это результат длительного процесса, в котором принимали участие несколько поколений талантливых, эрудированных и энергичных ученых многих стран. Вместе с тем

профессиональное сообщество связывает этот процесс прежде всего с именем Гэллапа. Более того, это имя стало нарицательным: в ряде языков «гэллап» означает «опрос общественного мнения» или «проводить опрос общественного мнения».

П. Сипионе со ссылкой на известный журнал «Printers' Ink» отмечает: «Гэллап настолько четко ассоциируется с опросами, что греки, имеющие для всего свои названия, используют глагол «гэллап» в смысле «проводить опрос»» [3]. В начале 1949 года, после возвращения из Европы, Пауль Лазарсфельд (Paul Lazarsfeld, 1901–1976) выступал перед ведущими американскими специалистами по изучению общественного мнения. Он отметил, что в Норвегии и Швеции во время дискуссий ему приходилось слышать: «Вы проводите собственный гэллап?» или «Гэллап Кроссли лучше, чем гэллап Роупера?». «Я понял, — продолжал Лазарсфельд, — что у них слово «гэллап» обозначает то же, что в Америке — «опросы»» [4].

Отвечая на вопрос: «Действительно ли «гэллап» стал синонимом «опроса общественного мнения»?», Алек Гэллап, старший сын Джорджа Гэллапа, сказал: «Да, в Скандинавии это имя стало нарицательным, и оно означает «опрос общественного мнения». Получается: гэллап, проведенный Харрисом, или гэллап, осуществленный Роупером. Да, так и пишется, с маленькой буквы... В этих странах такая ситуация порождает множество проблем, там нельзя сказать: «Ты не имеешь права использовать нашу фамилию», ведь у них это слово означает «опрос»» [5].

Сказанное в значительной мере определило замысел настоящей работы, методологию исторических поисков, а также нашло отражение в структуре книги. Все начиналось с рассмотрения творчества и жизненного пути Гэллапа; обнаруженные при этом приемы сбора и принципы анализа информации были использованы при изучении наследия и биографий Кроссли, Кэнтрила, Роупера и Грушина. Исследование деятельности Гэллапа стало системообразующим элементом при анализе зарождения и развития выборочной технологии измерения общественного мнения в США в целом.

Первые сведения биографического характера о Гэллапе я получил из кратких энциклопедических справок и нескольких небольших эссе, написанных людьми, знавшими его. Но этот интересный сам по себе материал не содержал ключа к продолжению поисков, он создавал иллюзию полного освещения жизни и деятельности Гэллапа. Преодолеть это ощущение отсутствия перспектив и простора для новых биографических поисков помогли «подсказки» самого Гэллапа. Личное и творческое в нем стало постепенно раскрываться при изучении

биографий людей, значение которых в своей жизни он сам признавал и подчеркивал. Ведь называя имена тех, кто был близок ему по духу и мировоззрению, по отношению к жизни, он как бы каждый раз указывал на свое «второе я».

Вот небольшой фрагмент одного из последних интервью Гэллапа, в котором он подводил итоги сделанного за более полувека работы:

«*Вопрос:* Как сложилась Ваша карьера после ухода из «Young and Rubicam»?»

«*Ответ:* Раймонд Рубикам ...дал мне возможность организовать «Audience Research», где мы изучали киноиндустрию... Моей «правой рукой» был Дэвид Огилви... С тех пор я работаю в «Gallup and Robinson», одном из крупных агентств по исследованию рекламы» [6].

Формально здесь нет ничего, указывающего на становление системы измерения общественного мнения или на существенные элементы стиля деятельности Гэллапа. В действительности же в этом ответе упомянут ключевой момент его жизни и названы имена людей, во многом определивших его личную и творческую судьбу. Этот короткий диалог во многом определил тип настоящего биографо-научоведческого изыскания. Кратко его можно охарактеризовать словами: «к Гэллапу — от Гэллапа и от людей, окружавших его».

В определенной степени этот методический прием был использован при анализе биографии Кэнтрила, но этот подход не универсален. При разработке биографии Роупера использовался принцип «к Роуперу от людей, окружавших его».

Можно согласиться с тем, что названные принципы историко-биографического исследования недостаточно конструктивны, ибо они не опираются на определение природы и границ «окружения», скажем, Гэллапа и Роупера, не заданы критерии «близости» сфер общения. Однако данный культурологический подход к изучению биографий отцов-основателей, по моему мнению, и не требует четкого определения свойств этого «коммуникативного пространства», которое задается практикой анализа и конструирует само себя в процессе работы над биографиями. Дела и идеи людей при стремлении понять их генезис почти автоматически выявляют это «окружение». Так, вышеприведенный фрагмент из интервью с Гэллапом указал имена двух людей из сердцевины, ядра этого окружения: Раймонд Рубикам и Дэвид Огилви.

Теперь необходимо хотя бы кратко раскрыть смысл того, что выше называлось «биографией» научной технологии изучения общественного мнения. Я понимаю под этим историко-научоведческое описание, сфокусированное, прежде всего, на

обстоятельствах зарождения и развития опросных методов, а также на возникновении и трансформации практики мониторинга общественного мнения в США. Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с двумя различающимися объектно-предметными сферами. Первая сфера — измерительные технологии, вторая — среда, порождающая эти технологии, культивирующая их и — важно подчеркнуть — меняющаяся под их воздействием.

Опрос как метод изучения общественного мнения возник в США в начале XIX века в ответ на запросы политической практики. Более века он складывался в результате обобщения и трансформации методического опыта простейших зондажей электоральных установок, лабораторных экспериментов в области изучения психологии личности и маркетинговых исследований. Существует множество видов деятельности, операций, осуществляемых при сборе первичной информации в социологии и смежных науках, и как следствие — множество названий, закрепленных за этими операциями и/или группами операций.

Известно, как трудно сформулировать определения любых базовых понятий; не составляют исключения и понятия, в совокупности описывающие деятельность исследователей в анализируемой области. Историческая ориентированность предлагаемого анализа вносит дополнительную сложность в поиски дефиниций для составляющих процесса измерения общественного мнения, ибо историчны, переменчивы во времени и сам этот процесс, и его научная интерпретация. С учетом сказанного я введу ряд важнейших определений, но по ходу рассмотрения стержневой темы книги буду их дотраивать и при необходимости корректировать.

В данном случае опросным методом я буду называть последовательность логических и технико-организационных операций, предпринимаемых исследователем с целью выявления мнений, суждений, установок опрашиваемых относительно тех или иных фрагментов социального пространства, точнее — различных явлений и процессов, происходящих в обществе.

Можно говорить о широкой и узкой интерпретации опросного метода. Первая включает в метод все аспекты его бытования: от теоретического обоснования до мельчайших деталей его конструкции и применения. В узком понимании метод опроса — это образование конкретное, ограниченное, инструментальное; метод — это прежде всего набор собственно измерительных процедур и правил их применения. Имея в виду широкую интерпретацию понятия «опросный метод», я буду использовать термин «опросная технология».

Методология опросов общественного мнения — это совокупность принципов конструирования и использования опросных методов и технологий. Процедуры, методы и технологии опросов достаточно подвижны, изменчивы и эмпиричны, методология — более консервативна и теоретична. В общем случае методология опросов присутствует, отражена в методах, но ее след в них не очень глубок. В свою очередь, опросная технология по сути является эмпирическим аналогом, представлением методологии.

Рассматривая опросные методы и технологии как составляющую политической и нравственной атмосферы общества, имеет смысл говорить о культуре опросов общественного мнения. Этот концепт охватывает опросные технологии и социальный контекст их использования. В частности, элементами культуры опросов являются отношение к опросам населения элиты и власти, роль информации об общественном мнении в системе государственного управления, этика исследователей общественного мнения, каналы его формирования и оглашения. Реалии социального пространства таковы, что опросные технологии формируют культуру опросов. Она, в свою очередь, поддерживает или отторгает существующие технологии и порождает становление новых технологий, корректирующих, а в некоторых случаях трансформирующих эту культуру.

Измерительная технология выборочных исследований различных свойств массового сознания и поведения создавалась и продолжает создаваться психологами, социологами и полстерами, и ими же в первую очередь изучаются рабочие характеристики измерительного инструментария. Таким образом, в этих исследованиях синтезированы общие принципы метрологии, науки об измерении, и система требований к измерительному инструменту, выработанных внутри частных направлений наук — психологии, социологии — и в исследованиях общественного мнения. Что касается анализа среды, в которой существуют и развиваются измерительные технологии, а также живут и действуют их изобретатели, то он осуществляется в рамках методологии истории и социологии.

Итак, культурологический подход в моем исследовании имеет две ипостаси, или функции. Он — основа изучения биографий отцов-основателей, и он — ядро анализа технологии исследований общественного мнения.

Свыше 30 лет назад, когда я занимался историко-методологическими и прикладными аспектами многомерного факторного анализа, выдающийся советский психолог Б.Г. Ананьев (1907– 1972), активно поддерживавший эту работу, обратил мое внимание на проблему миграции методов. По мнению Анань-

ева, изучение перехода различных теоретических положений и эмпирических методов из одной области знания в другую является важной составной частью историко-научного анализа, поскольку в этом случае действительно открывается процесс становления отдельных наук и науки в целом. На мой взгляд, изучение истории опросных методов, в том числе путей миграции измерительной технологии из одной науки в другую, в полной мере соответствует духу культурологического подхода и позволяет дать многоаспектную и детальную картину становления и развития научной технологии исследований общественного мнения.

Одной из сквозных задач предпринятого анализа истории современной опросной технологии, используемой в различных направлениях социологии, был поиск коррелят между двумя существенными атрибутами измерительной процедуры: ее внутренним совершенством и внешним оправданием. Импульс к подобному рассмотрению социологических измерительных процедур был задан моими многолетними дискуссиями с автором ряда монографий по истории и философии физики Б.Г. Кузнецовым (1904–1984). Ему же принадлежит одна из лучших биографий А. Эйнштейна, сформулировавшего критерии внутреннего совершенства и внешнего оправдания для выбора научной теории [7]. Первый критерий подчеркивает целостность, естественность теории, отсутствие в ней специальных, *ad hoc* допущений. Второй — указывает на то, что теория должна согласовываться с опытом. Метрологическая интерпретация эйнштейновских критериев означает, что измерительная процедура должна иметь общенаучное обоснование, а результат измерения — быть верным, то есть находить подтверждение за рамками измерения.

Не имея возможности для детального описания информационной базы книги — по мере необходимости она будет раскрываться — укажу шесть групп использованных источников:

публикации, интервью и переписка Гэллапа, Кроссли, Кэнтрила, Роупера и Грушина;

работы, в которых рассматриваются биографии, отдельные стороны творчества отцов-основателей изучения общественного мнения и пионеров исследований рекламы;

материалы по истории и методологии изучения общественного мнения и исследований эффективности рекламы в США;

историко-мемуарная и справочно-биографическая литература;

моя личная переписка с американскими исследователями проблематики, освещаемой в книге.

Деятельность людей, которые добились выдающихся результатов, внесли значительный вклад в культуру человечества, как правило, многогранна, а их жизнь редко развивается монотонно. При описании их жизненного пути приходится что-то выбирать и ярко высвечивать, а что-то оставлять в тени; уже поэтому такие повествования субъективны. Субъективны они и потому, что исследователь всегда неравнодушен к своим героям; это стимулирует его познать логику их поступков во всей полноте. И не надо скрывать подобную пристрастность: парадоксально, но только она способна сделать выводы биографа основательными и справедливыми.

Примечания

1. *Susman W.I.* Culture as History. The Transformation of American Society in the Twentieth Century. New York: Pantheon Books, 1973. P. 158.
2. *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 1-я: эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
3. *Scipione P.A., Gallup G.H., Sr.* A Nation of Numbers. The Development of Marketing Research in America. (Приложение к электронному письму П. Сипионе Б. Докторову от 20 июня 2002 г.)
4. *The Polls and Opinion* / Ed. by N.C. Meier and H.W. Saunders. New York: Henry Holt & Company, 1949. P. 194.
5. *Gallup A.* Interview. <http://www.pbs.org/fmc/interviews/agallup.htm>
6. George Gallup: Mr. Polling. An Interview with Dr. Gallup Conducted by R. Bartos // *Journal of Advertising Research*. 1986. Vol. 26. No. 1. P. 23.
7. *Кузнецов Б.Г.* Эйнштейн. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 117–135.

ИСТОРИЯ ВСЕГДА АВТОРСКАЯ*

В настоящей переписке Натальи Мазлумяновой (НМ) и Бориса Доктора (БД) продолжается обсуждение проблематики, очерченной в дискуссии Ларисы Козловой и Б. Доктора [1]

НМ: ... я не буду вклиниваться в вашу дискуссию, выскажу просто мои соображения по поводу тех ее аспектов, которые меня в наибольшей степени заинтересовали. Прежде всего, это методология, используемая вами при написании истории социологии (и ряда других смежных областей) на базе биографий основных ее акторов. Вопрос, как я поняла, стоит так: разработана ли у вас (и вообще в нашей науке) такая методология? прописана ли она? соответствует ли поставленной задаче?

БД: Эта тема не была стержневой в нашей переписке.

НМ: Да, вы обсуждали, в основном, иные вопросы: куда вам двигаться дальше? возможно ли объединить основные направления вашей работы и как это может выглядеть? можно ли сравнивать ученых из разных культур и сред, разных времен и стран, проводить между ними параллели, и если да, то как это сделать? Рассматривался также ряд других интересных аспектов, связанных с позицией исследователя, прежде всего, субъективность-объективность его подхода. Я потом к этому вернусь, но сейчас мне хочется поговорить не об идеях будущих исследований, не об общих эпистемологических подходах, но о той форме написания, представления истории (социологии, общественного мнения, рекламы), которую вы уже выработали, о реальной вашей методологии, которую, как мне кажется, можно непосредственно выявить из уже сделанных работ – ваших книг и статей. История науки в вашем «исполнении», как мне кажется, весьма отлична от традиционной.

Написанная по классическим канонам история обычно содержит описания событий и ситуаций (для науки это будут, наверно, события, связанные с возникновением и эволюцией идей, функционированием институций, творчеством отдельных выдающихся личностей, а также в ряде случаев описание форм жизни в научном сообществе, свойственных разным периодам, например, социальной стратификации, гратификации, норм поведения, взаимоотношений и проч.), в том числе и в «снятом», обобщенном виде, подведенные под некую теорию, а люди, по большей части, там фигурируют как представители различных социальных, институциональных групп. В экс-

* Мазлумянова Н., Докторов Б.: История всегда авторская. 2007 (Первая публикация <http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/mazlumyanova_doktorov.html>).

плицитной форме приводятся выводы историка, выявленные им закономерности, всякие систематизации, классификации, таблицы и схемы. Биографии ученых – лишь база для написания такой истории, содержащая некоторые дополнительные факты, не отраженные в официальных документах. Историк претендует на максимально возможную объективность; использование личных историй, по природе своей субъективных, соответственно, нужно обосновать, проверить их на «истинность», предварительно определив, что это такое, убрать «шумы», придумать, насколько и по каким правилам полученные данные можно обобщать, проверить разработанную методологию и, соответственно, методики на надежность, etc.

БД: Так и я – за существование такой истории. Другое дело, что не только такой. Я – за выявление закономерностей, систематизацию, классификации, таблицы и схемы. Почему нет?

И я – за объективность. И изучение биографий социологов – путь к этой объективности. Я не понимаю только, что значит «лишь база для написания такой истории»? Разве данные о том, когда и какие были приняты решения по поводу развития социологии, – не «лишь база»? А информация о развитии социологической ассоциации – не «лишь база»? А состав делегаций на социологические конгрессы – «лишь база»? А как можно изучить последствия деятельности Руткевича, не обратившись к воспоминаниям людей, в том числе и Руткевича, попавших в ту ситуацию? А как рассказать о комплектовании корпуса социологов первого поколения, не опросив их? О какой такой «объективной» информации идет речь?

НМ: Да, конечно, все перечисленное вами относится к базе. А историк всю эту информацию не только приводит, но, главное, анализирует, систематизирует, подает в определенной последовательности, сопровождает эти описания своими выводами и оценками, формулирует выявленные закономерности, тенденции. По крайней мере, я так понимаю традиционное видение. (Я сейчас говорю о *форме представления* этой истории. Весь мой пафос вообще относится к форме подачи, к создаваемому тексту, к видимому результату.)

Ваша же «история» социологии (а также исследований общественного мнения, рекламы...) выглядит совсем иначе. Вы ее базируете на биографиях, но не вычленяете историю из биографий, а составляете ее из них. История у вас и есть сочетание биографий исследуемых вами людей, поток их жизней, взятых в совокупности наиболее важных моментов, – это, прежде всего, то, что вы называете «участки сгущения», то есть наиболее значимые пересечения траекторий жизни этих людей, те области их деятельности и те периоды, где они действовали совместно или

одновременно, те проблемы, над которыми работали многие. На этих участках и происходит большинство значимых для истории сообщества и, возможно, науки событий.

БД: Но я нигде не говорю о *полноте* моего представления истории. Я занимаюсь своим участком, не более. Ничего ничему не противопоставляю. Просто компенсирую отсутствие того, без чего другие никогда не напишут эту историю. Вычленив историю из биографий невозможно. Можно вычленив части, фрагменты, элементы духа, частицы настроения этой истории. Ведь она не бесцветна, не бесшумна, не бездуховна и т. д. Но только в биографиях все это и можно найти.

ИМ: Да, конечно. Вы и раньше писали о том, что результаты вашей работы ограничены вашими возможностями, в частности, пользования российскими библиотеками, архивами и проч. Но когда вы работали на американском материале, писали свою «гэллапиаду», у вас, наверно, все это было, в том числе и возможность добывать с помощью Интернета необходимую информацию, вступать в контакт со многими свидетелями описываемых событий... Так что я делаю выводы, прежде всего, на основе ваших работ на американском материале.

И еще. Я сейчас говорю не о том, как вы мыслите историю, а о том, какую форму ее подачи вы выработали. Я не сомневаюсь в наличии у вас всякого рода систематизаций и обобщений. Но я говорю о том, что я вижу на выходе. А вижу я совершенно новый подход к написанию истории области через биографии основных ее акторов. Вы пишете биографии сразу нескольких, многих людей, описывая и общее, и значимое индивидуальное, кроме «основных героев» захватывая по мере необходимости и «второстепенных» персонажей, составляя «калейдоскоп жизней», демонстрируя совместное течение, пересечение, переплетение, схождение и расхождение жизненных нитей... рассматривая взаимодействие, взаимовлияние изучаемых персонажей, преемственность их идей с прошлым и воздействие на будущее... и в этом качестве эти биографии, опять-таки в вашей терминологии, являются судьбами: «биография» рассматривается как описание жизни конкретного человека, а «судьба» – как некоторое отстраненное ее осмысление, определение общего направления, тенденций, ее обусловленности различными обстоятельствами и ее влияния на судьбы других людей, развитие науки и проч. Таким образом, биография человека, прошедшего свой жизненный путь, раз и навсегда определена, а судьба его может неоднократно меняться со временем.

БД: Ну да. Известно, человек не бывает один, наука – дело индивидуальное, личностное, интимное, но она делается по-

колениями. Потому невозможно писать только об *одном* человеке. Просто не получается. У каждого были коллеги, учителя, руководители... было много людей вокруг. Так история и складывается.

Не думаю, что в данном случае необходимо рассматривать и комментировать различные дефиниции биографии и судьбы, обозначу лишь в общих чертах мою точку зрения. *Биография* человека – это совокупность всех его действий и мыслей, происходящих на годы его жизни. Время, движение истории, развитие той сферы деятельности, в которой работал человек, не в силах изменить конфигурацию жизненной траектории личности и «плотность» пространства вокруг точек сгущения, ибо все это состоялось при его непосредственном участии, и в этом смысле жизнь нельзя ни переписать, ни прожить заново. Но будущее всегда придает прожитой жизни новый смысл, и это будущее заключено в его судьбе и раскрывает его судьбу.

Судьба – это комплекс всего, что предопределяет жизнь человека, то есть его биографию, что ведет его по жизни и что связано с ним после завершения его жизни. У судьбы нет ни начала, ни конца, точнее сказать – судьба дольше, продолжительнее жизни. Судьба – многомернее биографии. И, говоря по существу, историки и биографы имеют дело не с биографиями людей, но с их судьбами. Ученые, писатели находятся во власти судеб своих героев уже тогда, когда они берутся за изучение их биографий, а часто – погружаются в эти судьбы много раньше. Биографии исторических личностей, написанные в разное время и базирующиеся даже на одной и той же фактуре, различны в силу двух обстоятельств. Во-первых, автор, стремящийся написать новую биографию героя, находится в ином поле судьбы этой личности, чем те, кто воспринимал его жизнь и дела десятилетиями раньше. Во-вторых, у этого автора может сложиться с его героем совсем иное общение, чем у тех, кто писал его биографию раньше. Так иногда факт личного знакомства с биографируемым может способствовать анализу его жизни и творчества, но может, наоборот, связывать работу биографа.

В свете сказанного и учитывая дальнорзоркость истории, историк, как правило, имеет дело не собственно с биографией человека, но с биографией как частью, элементом, слоем его судьбы. И очень часто чем более продолжительный интервал времени разделяет биографа и биографируемого, тем тоньше оказывается этот биографический пласт и тем сложнее выделить его из судьбы; в течение десятилетий, а часто и быстрее, биография «пропитывается» судьбой. Это и есть мифологизация образа человека.

В целом же соотношение биографии и судьбы, если иметь в виду изучение жизни и творчества человека, оказывается непростым и многоаспектным. В истории цивилизации сохранилось множество имен людей, которые прожили тихо, незаметно, несчастливо, имели внешне невыразительную биографию, но которые, благодаря сделанному ими, приобрели долгую и яркую судьбу. И существует, возможно, много большее число людей, биографии которых казались или были блестящими, счастливыми, но судьбы которых оказались короткими.

Мы говорим – превратности жизни и превратности судьбы. Кто мог бы представить 20 лет назад, что останки царской семьи будут на государственном уровне захоронены в Петропавловском Соборе? Это и есть судьба...

ИМ: Я бы еще добавила, что судьба – явление не только объективное. Биограф, историк «находится в поле судьбы» изучаемой личности, но он еще и создает отчасти ее судьбу: выделяет значимые связи, соотношения или приписывает им эту значимость, трактует, оценивает, создает общественное мнение... Таким образом, авторитетный историк влияет на судьбу биографируемого, причем как минимум в двух направлениях. Во-первых, он расставляет акценты, описывая прошлое, и внедряет эту картину в сознание читателей (особенно если пишет, скажем, учебники). Во-вторых, он, безусловно, влияет на будущую судьбу своего героя: например, оценив его как выдающегося ученого, подчеркнув значимость его работ, объявив его, наконец, классиком, авторитетный, как я подчеркнула, историк может направить дальнейшее развитие изучаемой науки в соответствующем направлении, и с его подачи роль, влияние изучаемого персонажа в будущем возрастет уже реально. Примеров тому – масса. Ну, скажем, де Соссюр, один из столпов структурной лингвистики, широко известный сейчас и за ее пределами, не менее знаменитый Выготский... их учение было «открыто» уже после их смерти, и принципиально повлияло, и продолжает влиять на соответствующие области знания.

Так вот, переплетение судеб основных значимых персонажей, прежде всего профессиональных, если можно так выразиться, то есть тех их аспектов, которые значимы именно для развития изучаемой области, – и есть история этой области в вашем изложении. Таким образом, история у вас не обезличенная (только события, даты, закономерности...), а именно в лицах. При таком подходе субъективность рассказчика – биографируемого – не является фактором, который нужно элиминировать, а вполне имеет право на жизнь. Ведь она позволяет увидеть мотивы поведения, деятельности отдельных

персонажей, а также определять важные тенденции развития изучаемой области.

БД: Но обезличенной истории вообще нет. За всем стоят люди, за всем стоят их интересы, столкновение интересов.

НМ: Обезличенной истории нет, но есть ее обезличенная, «объективная» подача. В таком случае субъективные оценки биографируемых рассматриваются как «шумы», поскольку эти оценки часто противоречат друг другу, спонтанны и их нельзя «проверить на объективность». Если же рассматривать мотивы поведения, деятельности как один из значимых факторов описания истории, то и субъективности актора здесь найдется достойное место. Впрочем, выявление из текстов интервью реальных мотивов – дело неоднозначное. Тут еще думать нужно. Но, по крайней мере, значимость этого аспекта может быть обозначена.

Следующим шагом вполне может быть и то, что автор, поднявшись «на ступеньку выше», увидит нечто сходное или общее у персонажей, отделенных друг от друга в пространстве и времени, и, как путешествующий граф Калиостро, сравнит, «познакомит», «соединит» их друг с другом. Это сравнение как раз и будет содержать элементы обобщения, представленные в традиционном анализе. Но, вполне возможно, сопоставление у вас будет проводиться совсем по другим параметрам. По каким – подскажет сам материал.

И еще к вопросу о субъективности-объективности в исследованиях. Если говорить о художественных портретах, то, безусловно, если художник обладает хоть какой-то индивидуальностью (а, следовательно, и талантом), его авторство узнаваемо. Художник как бы помещает портретируемого в свой мир, отражается в чертах своей модели... Нередко узнаваем даже автор фотопортретов. Если же предписать четкие правила портретирования, получится фотография на паспорт. Но, нередко бывает, что именно на такой фотографии человека труднее всего узнать. Хороший художник создает два портрета в одном: своей модели и себя самого. Как вы верно заметили, всегда имеет место «эффект наблюдателя». И никуда от этого не деться.

БД: К эффекту наблюдателя надо привыкнуть, принять его, он – часть истории. Вот говорят об истории Н.М. Карамзина, М.Н. Покровского... и ничего. Все – авторское. История всегда авторская.

НМ: Да, поэтому в традиционном историческом анализе наблюдаемые закономерности тоже отчасти субъективны, зависят от склада ума: один исследователь обратит внимание на одни закономерности (нередко отбросив то, что не лезет в

общую картину), другой – на другие. И когда автор говорит с позиции «объективности» (которую, как я написала выше, он предварительно обосновывает), он все-таки излагает свои личные выводы и обобщения. В вашем же случае эта субъективность совсем другого плана. Она проявляется на более низкой ступени исследования – в отборе персонажей и значимых элементов повествования (в традиционной, «объективной» истории, противопоставленной вашей истории «в лицах», этот момент тоже присутствует). Но голоса автора «за кадром» в ваших текстах просто нет. Вы намеренно оставляете читателю возможность самому обобщать и делать выводы. Описываете многосторонний, многослойный, многоплановый мир и стараетесь не навязывать никому своих оценок. В этом, мне кажется, проявляется специфическая объективность вашего метода, предусматривающего не единую авторскую трактовку, а взгляды разных людей с разных позиций. Правда, для этого требуется неленивый, понимающий читатель.

БД: Каждый волен выбирать себе читателя, зрителя, слушателя. В таком же положении находится и аналитик прошлого, он обращается в первую очередь к тем, кого оно интересует или может заинтересовать. А интерес ломает многие преграды и не дает спать. Часто и есть.

ИМ: Таким образом, получается, как вы и сказали, что несубъективной история быть не может. Но при разных способах ее написания эта субъективность проявляется на разных уровнях: в той истории, которую я называю традиционной, – на уровне обобщения, то есть через субъективные свойства автора-интерпретатора. В вашем случае – на уровне восприятия, прочтения, через субъективные свойства читателя-интерпретатора (однако здесь, как я уже сказала, за счет множественности интерпретаций можно говорить о своеобразной, совокупной объективности). И, естественно, в обоих случаях – изначально, при отборе автором материалов.

Что касается вашей «пристрастности». Мне кажется, она в полной мере проявлялась, когда вы только приступали к своим биографическим исследованиям и опрашивали и изучали прежде всего тех, кто вам был симпатичен. В таком случае вы хорошо понимали этих людей, а при необходимости могли подключить и интуицию, чтобы понять, в каком направлении «копать». В дальнейшем же исследования потребовали (и еще потребуют) обратиться и к менее симпатичным вам персонажам для того, чтобы получить наиболее полную картину изучаемой реальности. Так что, тут мы с Ларисой совпадаем во мнениях, правильнее, наверно, говорить о научном интересе, о пристрастности не к людям, а к истине.

БД: Ну, если здесь ваши Ларисой Козловой мнения совпадают, то постараюсь показать, что вы обе неправы в своих догадках.

Прежде всего, я сам думал, что мое позитивное отношение к «пристрастности» возникло у меня несколько лет назад, когда я обосновывал выбор Огилви для написания его биографии. Мне казалось, что раньше я никогда этого не писал и слова этого не использовал. Но относительно недавно я перечитывал том 4 «Драматической социологии» Андрея Алексеева. И прочел там фрагменты из моего отзыва на рукопись его книги «Познание через действие», написанного аж в январе 1990 года. Тогда я занимался только жесткими социологическими методами и не думал об изучении биографий. Я писал: «Автор пристрастен. Эта пристрастность заявлена и в названии. Она и в методологической установке, при которой сам исследователь становится не только субъектом, но и “объектом” эксперимента. Эта нацеленность внимания к событиям, без которых нет автора и которых нет без автора, дает все основания быть пристрастным и будущим читателям, и рецензенту» (с. 31. Все можно прочесть на сайте http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t4_10-120.pdf). Естественно, пристрастность я ставил в «плюс» работе.

Вы и Лариса Козлова считаете, что я начал опрашивать тех, кто мне симпатичен, потому что объявил это элементом методологии. Ничего подобного. Когда я начинал эти интервью, у меня вообще не было замысла сделать нечто обстоятельное, серьезное, я не думал, что меня это все так затянет. К тому же – вопрос организации исследований: я обратился сразу ко многим, но не все согласились. Согласились те, кто мне доверяет.

Далее, я же выбирал не просто друзей, хороших людей, я обращался к настоящим профессионалам. Мне просто повезло в жизни, что я работал с людьми, которые благодаря своей работе признаны социологическим сообществом. И разве можно себе представить, скажем, ленинградскую социологию без Алексеева, Гилинского, Здравомыслова, Кесельмана, Могилевского, Смирновой, Фирсова, Ядова?

И потом, я ничего не могу сделать с теми социологами, кто отказывается со мною работать; отказывается и отказывается. Я ничего не могу сделать с теми, кто не пользуется электронной почтой.

И еще: при обобщении я не собираюсь ограничиваться теми интервью, которые я брал, есть интервью Батыгина, ваши с Ларисой, Димы Шалина... есть другие материалы...

Наконец, моя работа еще *не закончена, она продолжается.*

Так что я не сосредоточен в моей работе лишь на тех, кто мне симпатичен. Это в корне неверно.

ИМ: Нет, я имела в виду прямо противоположное: вы начали с опроса тех, кто вам симпатичен (само собой – не всех подряд, а только тех из них, чей вклад в российскую социологию значим), и ваши хорошие отношения и хорошее знание этих людей и их деятельности способствовали успешной работе. Отсюда, как нам казалось, вами и сделан вывод о том, что пристрастность – значимый методологический принцип. Но даже если вы пришли к этому и раньше, это не отвечает на вопрос: а как быть с теми респондентами, которые не вызывают у вас никаких чувств? а как быть с респондентами из «противоположного идеологического лагеря»? а с нерукопожатными персонажами? Если они, конечно, согласятся на беседу. С Батыгиным на интервью согласились многие, возможно, именно из-за его академической беспристрастности. (Ну, конечно, еще и потому, что его опрос был *первым* солидным опросом в таком роде, и каждый торопился сказать свое слово для истории, не зная, будет ли еще такой шанс.) Впрочем, если кто-то и отказывается от интервью с вами, то понятно, что это связано не с вашей пристрастностью. Она внутренняя, неявная, качество же ваших интервью, позиция интервьюера, его подготовленность – на высоте, ваш «ранг», я думаю, также устроит самого взыскательного и капризного респондента. Просто все они к настоящему времени уже имели возможность высказаться, и не раз, и теперь уже придирчиво выбирают себе компанию в лице ваших прошлых респондентов, тот самый «идеологический лагерь», к которому хотят или не хотят примкнуть.

Но вопрос сейчас не об их, а о вашей пристрастности. Откуда она у вас возьмется, если человек вам безразличен или его взгляды чужды? А «отрицательная» пристрастность, как кажется, здесь будет только во вред делу. Остается только добросовестность и научный интерес, то есть пристрастность к истине.

БД: Не надо *крайностей*. Вот и все... пристрастность – не единственный критерий в работе историка. Я не должен всех любить, сердца не хватит, но я обязан всегда уважать позицию моего собеседника. Условно назовем это «пристрастностью к истине», которая, надеюсь, не противоречит пристрастности к конкретным людям.

В армии есть капелланы, для них все равны: они лечат, облегчают душу христиан, мусульман, иудеев и всех других. Да и нормальный батюшка, пастор, мулла, ребе поговорит с представителем любой конфессии. Во время войны врачам приходится лечить своих и врагов. О чем речь? Я не считаю себя принадлежащим к какому-то «идеологическому лагерю»,

просто есть люди, позиции которых мне ближе... но я с уважением отношусь и к мнению других людей. Мне кажется, что историк не имеет права делить людей на рукопожатных и нерукопожатных (для кого?). Я хотел бы беседовать со всеми, кто имеет отношение к развитию советской/российской социологии.

ИМ: А теперь снова к вопросу об истории. Исходя из сказанного выше, мне кажется, что ваша методология написания истории, хотя еще и не сложилась полностью, то уже вполне обозначилась. В ее русле написаны две исторические книги, ряд статей. Появилась даже своя терминология, обозначена позиция автора при изложении материала.

Определена цель дальнейшей работы – история двух периодов американских опросов общественного мнения, а также история американской рекламы и российской социологии. Почему именно такое сочетание? Очевидно, просто эти темы соответствуют областям интересов автора. С таким же успехом вместо советской социологии могла стоять американская, это было бы даже логичней. Я с нетерпением жду возможности увидеть, что получится из этого проекта.

БД: Нет, американская социология *не могла* здесь оказать ся. Я ведь начинал с изучения Грушина, Фирсова, Капелюша, Кесельмана, Ядова, то есть тех, кто изучал общественное мнение и другие формы массового сознания. Мне хотелось выявить некие параллели и перпендикуляры в истории изучения общественного мнения в Америке и СССР. Но позже в поле моего зрения оказались советские/российские социологи, работавшие в других предметных областях. Я и расширил сферу опроса... так что советская социология появилась «закономерно».

РОССИЙСКИЕ РЕФОРМЫ И ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ*

*Автор благодарит профессора В. В. Гаврилук
за представление доклада на конференции.*

Российские реформы, начавшиеся на рубеже 1980–1990-х годов XX века, – процесс молодой, активно развивающийся и потому трудно изучаемый. Историческая наука – дальнорюк, нетороплива, не стремится к быстрым реакциям на происходящее. Ее опыт показывает: все новое – есть вариация давно существующего, и не все новое – достойно исторического изучения, ибо может быть недолговечным. Вместе с тем российские реформы, являющиеся следствием глубочайших, катастрофических изменений в обществе, сложившемся в тоталитарной среде с крайне жесткими идеологическими императивами, позволяют по-новому прочитать и оценить события, развивавшиеся в течение последних десятилетий, и сказать то, о чем ранее можно было лишь намекнуть или чего ранее вообще не было видно. Одним из таких процессов является становление в постхрущевский период советской социологии, продолжением которой является современная российская социология. Другими словами, российские реформы не только по-своему формируют проблемный и организационный аспекты современной отечественной социологии, но порождают и разные взгляды на ее историю.

Российская социология развивается в течение полутора веков, но именно реформирование общества предоставило российским социологам возможность изучения своего прошлого, по сути – дало им их историю.

1

Зарождение российской социологии совпадает по времени с периодом деятельности О. Конта, Г. Спенсера и К. Маркса в западноевропейской социологии. И.А. Голосенко, крупнейший специалист по истории русской социологии, в качестве пионеров этой науки называл В. Н. Майкова, Э. К. Ватсона и П. Л. Лаврова. А.Г. Здравомыслов считает первым российским социологом А.И. Герцена. В хронологическом отношении речь идет о начале второй половины XIX века.

После Герцена были народники, затем появились сторонники марксизма, а становление в начале XX века в России

* Докторов Б. Российские реформы и история российской социологии. Тезисы к Международной научно-практической конференции «Гуманитарные стратегии российских трансформаций». Тюмень, 26–27 октября 2007 г.

профессиональной социологии связывается с деятельностью М.М. Ковалевского.

Короткий период постреволюционной социологии, завершившийся в конце 1920-х годов, был характерен, по мнению Л.А. Козловой, мощным выплеском разных направлений: марксистских, естественных и идеалистических. Затем начался четвертьвековой период развития социологии в СССР, когда доминирующей теоретической концепцией анализа общества был догматический марксизм-ленинизм, а эмпирические исследования были полностью свернуты. В эти годы социология не преподавалась и нормальное развитие науки, включающее передачу опыта от одних поколений ученых к другим, было разрушено. Одновременно в силу множества причин (идеологические ограничения, террор против личности, война и прочее) достижения до- и после революционных социологов были утеряны, их книги уничтожены или заключены в спецхраны, а имена – забыты.

2

Сказанное позволяет задаться вопросом о том, что же произошло в начале 1960-х, когда на волне политической «оттепели» в разных городах СССР начали проводиться прикладные социологические исследования и обсуждаться общетеоретические и инструментальные проблемы социологического познания. В настоящее время большинство специалистов вписывает эту социально-научную инновацию в общий, многодесятилетний процесс развития социологии в России и СССР и характеризует его как этап возрождения советской/русской социологии.

Вспомним, что термин «Возрождение» закреплен за всеобъемлющей культурной, научной и социальной программой создания философии, науки и искусства, базировавшейся на идеалах антики и отторгавшей дух средневековья. Одной из важнейших характеристик этого проекта было стремление к переосмыслению наследия древних философов, ученых и мастеров искусства и использованию их достижений для построения новой картины мира. Рационально оформленное обращение к прошлому становилось импульсом для создания художественных произведений, науки и просвещения Нового времени.

Обращение к событиям конца 1950-х – начала 1960-х годов показывает, что в то время никакой осмысленной, обоснованной концепции построения социологии на опыте дореволюционной и ранней советской социологической науки у поколения социологов-шестидесятников не было. Да ее и не могло быть.

И дело даже не в том, что они плохо представляли сделанное их предшественниками, но в том, что подобного «архитектурного» замысла в принципе не могло быть по политико-идеологическим обстоятельствам той эпохи. Прошлое российской социологии было закрыто от них, в частности, в силу особенностей жизненных путей тех, к чьему наследию следовало бы обратиться. Многие из них либо были уничтожены в конце 1930-х как «враги народа» (Н.И. Бухарин, В.К. Гастев, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов и др.), либо эмигрировали; одни еще были живы, например, П.А. Сорокин, другие – умерли. Первая статья о Сорокине в советской литературе, написанная Голосенко, была опубликована в 1968 году. Имена покинувших Россию на «философском пароходе» или иными путями вернулись в российскую социологию после перестройки. Тогда же стали известны и работы Бухарина. Это – одно из следствий российских реформ.

3

Представляется, что термин «возрождение» применительно к рассматриваемому процессу имеет слишком неопределенное, неконкретизированное значение и его закрепление в историко-научных исследованиях может стать основой мифа, или ложной интерпретации генезиса, а значит и всего последующего развития современной отечественной социологии. Одну из подобных тенденций в освещении недавнего прошлого обозначил В.Э. Шляпентох, назвавший ее «умолчанием имен». Он отметил, что в докладе В. И. Жукова на Учредительном съезде Союза социологов России из истории современной советской социологии был вычеркнут ряд имен ее основоположников. Д.Н. Шалин увидел в материалах съезда стремление восстановить государственный контроль над социологией и установку на привнесение в науку клерикальных идей.

Напротив, детальное рассмотрение явлений, составлявших суть процесса становления советской социологии в постхрущевские годы, и поиск соответствующей терминологии позволят принципиально обогатить спектр и содержание исторических изысканий.

4

Изучение литературы и анализ результатов интервьюирования большой группы российских социологов, начатого в конце 2004 года, позволяет предложить иную версию, модель возникновения социологии в годы «оттепели». Речь должна идти не о возрождении, но о втором рождении. Второе рождение лишь формально можно трактовать как возрождение: по

своей внутренней логике, механизму зарождения, мотивации деятельности первопроходцев социологии это совсем иной феномен, процесс иного строения.

Молодые философы, историки, экономисты, на рубеже 1950–1960-х называвшие себя социологами, следовали в своей инновационной деятельности тем же социально-нравственным ориентирам, что и поэты-шестидесятники. М.К. Мамардашвили так сказал о своих студенческих друзьях: «Что, Зиновьев из Бердяева, что ли, вырос? Да ничего подобного – из полупьяного лейтенанта Советской армии. И Грушин... из обыкновенного, банального комсомольского активиста...» На вопрос о том, из чего произросла идея книги «Человек и его работа», признанной классикой советской социологии, Здравомыслов ответил: «Булат Окуджава имел для нас гораздо большее значение, чем Питирим Сорокин, которого мы знали в начале 1960-х годов лишь по трем упоминаниям В. Ленина. Профессиональной преемственности с нашими предшественниками 1920-х годов не было: сталинские репрессии прервали эту связь...» Итак, обстоятельства, породившие атмосферу «оттепели», стали предпосылкой вторичного рождения советской социологии.

Оставим в стороне тему социальных мотивов, движителей деятельности первых социологов и посмотрим, были ли они в принципе готовы к возведению своей социологии на фундаменте (руинах фундамента) дореволюционной и ранней советской социологии. Знали ли они работы своих предшественников? В.А. Ядов, вспоминая время изучения установок к труду рабочих, сказал: «...сильно сомневаюсь, что до 1917 г. были публикации в этом именно плане – отношение к труду... Вообще, эвристическая ценность публикаций царско-романовского периода, первых пятилеток, военного периода 1941–1945 и двух пятилеток послевоенного времени, так или иначе относящихся к нашему исследованию, не представлялась высокой».

Обсуждая тему знания прошлого с В.Э. Шляпентохом, имеющим историческое и статистическое образование, я спросил его, оказали ли на него влияние работы русских земских статистиков и книга Ленина о развитии капитализма в России. Вот его ответы на эти вопросы: «Буквально никакого, хотя я кое-что знал о них» и «Я хорошо знал работы Ленина и относился к его анализу статистических данных вполне уважительно... Однако влияние Ленина на нашу социологию в 1960-е годы было равно, по моему мнению, нулю».

Нет необходимости во увеличении количества подобных примеров, и без них можно утверждать, что социологи 1960-х в

своей работе фактически не опирались на опыт своих предшественников. Трудно не согласиться с В.А.Ядовым, более десяти лет назад сказавшим: «Преподнесите историю нашей социологии как продолжение русской традиции не совсем правомерно. Надо внимательнее посмотреть, какие на самом деле были традиции, где они работали и, где нет, что просто приписывалось». И это не «реанимация большевистской традиции» отказываться от наследия прошлого, как характеризует сказанное Ядовым В.И.Жуков, но констатация одного из аспектов становления современной российской социологии.

5

Методическая, инструментальная линия ленинградской социологии, одной из наиболее заметных в советской социологической науке, во многом формировалась в процессе перевода и изучения книги американских авторов Гуда и Хатта о методах социологического исследования.

По мнению Шляпентоха, «советская социология был обязана на первых этапах своего существования только западной и польской социологии». Того же мнения придерживался Ю.А. Левада: «Историю социологии, кроме польских источников, брать было больше неоткуда, историю западной социологии мы узнавали по-польски. Потом уже можно было добраться как-то до источника. И для всего моего поколения социологов Польша была мостиком к западной социологии, воротами такими. Можно было через поляков узнать, что там делали, читая их литературу». Для Ф.Э. Шереги, выросшего в венгерском районе Закарпатья, вход в социологию был иным: «Естественно, я знал многие работы западных социологов, изданных в Венгрии без всякой цензуры».

6

Есть еще один важный момент, указывающий на то, что в ни в 1960-е годы, ни позже концепция «возрождения» как творческого обращения действующего социологического сообщества к наследию прошлого фактически не имела заметного организующего или хотя бы сигнального значения. Все поколения, вошедшие в социологическую науку после первой волны шестидесятников, однозначно признают своими учителями именно их. Никто не говорит об определяющем влиянии на их творчество Герцена или Михайловского, Сорокина или Бухарина. Более того, можно допустить, для большей группы советских социологов, работавших в 1970–1980-х годах, ни до-революционной, ни довоенной советской социологии как бы не существовало. В те годы основная масса социологов не имела

специальной профессиональной подготовки, да и получавшие философское образование далеко не всегда изучали историю российской социологии.

7

Русскую дореволюционную и раннюю советскую социологию стали исследовать аспиранты, ученики тех, кто понимал научную значимость подобной тематики, но эти поиски не трактовались как элемент программы возрождения социологии. В первой половине 1960-х Голосенко по совету И.С. Кона начал изучать творчество Сорокина. В середине 1970-х, будучи аспирантом Шляпентоха, Шереги прорабатывал проблематику выборочного анализа и всесторонне проанализировал методический опыт советских социологов 1920-х годов. В конце 1980-х Л.А. Козловой под руководством Л. Г.Ионина исследовался этап 1920–1940-х годов.

Таким образом, познание прошлого постепенно становилось одной из задач советской/российской социологии, но, мне представляется, эти исследования, при всей их важности и необходимости их углубления, имеют преимущественно историко-научное и профессионально-этическое назначение. Их выводы не могут серьезно повлиять на методологию современных российских социологических исследований.

Принципиальное снижение эвристичности теоретических построений и значимости фактологии прошлого не есть лишь следствие продолжительности периода, отделяющего аналитиков современной России, от тех, кто анализировал российский социум до первой трети XX века. У этой проблемы есть и качественный аспект. В течение почти сотни лет страна многократно подвергалась мощнейшим «социотрясениям» (термин Б.А. Грушина), и потому развитие российской социологии не было непрерывным. Это – неустраиваемая разрывность.

8

Вывод о «вторичном рождении» российской социологии требует уточнения, конкретизации и поиска новых аргументов в его защиту. Поэтому в последнее время я начал обсуждать его с коллегами. Приведу суждения представителей трех поколений российской социологии.

Т.И. Заславская: «Я согласна, что было именно второе рождение. Это уже потом возник интерес к историческим корням, который сохраняется и сейчас».

Ж.Т. Тощенко: «Конечно, говорить о возрождении можно довольно условно. ...То, что это возрождение было скорее формальным, говорит тот факт, что многие разработки наших

предшественников практически мало или совсем не востребованы... Поэтому в этом случае более уместно говорить о втором рождении социологии, которая во многом носила сугубо освоенный характер, и обращала большее внимание на аналогичные исследования коллег за рубежом в этот период».

Ф.Э. Шереги: «Я согласен с этим выводом. Мало кто из первых советских социологов знал о практике советской социологии 1920-х годов. Да и опираться только на этот опыт было бы недостаточно, так как за период запрета советской социологии на Западе были достигнуты значительные успехи в развитии методов прикладной социологии и изучения общественного мнения. Поэтому приобщение советских социологов к опыту Запада в решающей степени способствовало успехам советской прикладной социологии. Это не умаляет научности и большой исторической значимости опыта советской прикладной социологии 1920-х годов».

* * *

Перестройка и постперестроечные реформы в России дали возможность отечественным социологам обратиться к прошлому своей науки. Пока трудно сказать, каким образом будет использовано это право на историю, к тому же ясно, что сама история будет зависеть не только от того, как пристально она станет изучаться социологическим сообществом, но и от того пути, который будет избран страной для продолжения реформ. История российской социологии – функция российских реформ.

О ПРАВЕ НА ИСТОРИЮ И ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕРЕД ИСТОРИЕЙ*

Свыше пяти лет я занимаюсь историей науки. Все началось со стремления разобраться в творчестве Джорджа Гэллага и в процессе становления выборочной технологии опросов общественного мнения. Потом область интересов расширилась; оказалось целесообразным рассмотреть зарождение американских исследований рынка и прежде всего – эффективности рекламы. Наконец, три года назад появилось еще одно аналитическое направление – изучение современной истории советской/российской социологии. Возникнув в разное время и отличаясь по предмету и объекту, названные три проекта едины в своей сути: это научно-исторические исследования, имеющие ярко выраженную биографическую окрашенность. Исходно понимание этого обстоятельства было аморфным, слабо просматривались общие методологические проблемы. Однако оказалось, что акцентирование различий этих направлений менее продуктивно, чем установка на обнаружение их близости. Просто единые (инвариантные) общеметодологического проблемы обладают разной тональностью, выраженностью, силой звучания внутри каждого отдельного направления, и потому при первичном их восприятии они могут казаться различными.

Центральная для данной работы проблема наиболее зримо заявляет о себе при освещении вопросов истории современной российской социологии. При изучении американской рекламы я оказываюсь в положении «внешнего» наблюдателя, обозревающего достаточно удаленные от него события: конец XIX – первая треть XX века. В исследованиях деятельности первого поколения американских полстеров моя позиция тоже остается внешней, но наблюдение ведется уже с более близкого расстояния: 1930–1950-е годы. Еще живы те, кто активно работал тогда и к кому можно было обратиться за помощью.

Мою позицию историка постхрущевской социологии определяет то, что я начал участвовать в социологических исследованиях в конце 1960-х, около тридцати лет работал в академической системе и знаком со многими социологами разных поколений. Итак, я – участвующий наблюдатель и/или наблюдающий участник и полагаю, что моя позиция не очень удалена от ниши, в которой происходили многие принципиальные

* Докторов Б.З. О праве на историю и об ответственности перед историей. Тезисы. Научный семинар «Актуальная история российской социологии». Социологический Институт РАН, СПб Государственный Университет, факультет социологии. Санкт-Петербург, 22 июня 2007 г. (Первая публикация <http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/doktorov_rights.html>).

для отечественной социологии события.

Реклама и ее изучение развиваются в Америке около полутора столетий, и потому история соответствующих разделов бизнеса, науки и культуры уже в общих чертах сложилась. Свою задачу я вижу не в уточнении картины прошлого, но в пристальном анализе цепи: «бизнес»-«реклама»-«исследования рекламы»-«опросы общественного мнения». Я не ориентируюсь на проведение собственных архивных поисков, ограничиваюсь лишь ознакомлением с тем, что написали о своей жизни и работе первые копирайтеры и аналитики рекламы, а так же современные историки.

Современная технология опросов общественного мнения начала создаваться в середине 1930-х годов. Казалось бы, что семь десятилетий – достаточный срок для исторического анализа. В действительности это не так, лишь в последние годы появились пространные статьи и первые монографические исследования о зарождении выборочного опроса и деятельности пионеров изучения общественного мнения. Работая сейчас по этой теме, аналитики, и я – в частности, обращаются к свидетельствам тех событий, архивным материалам, забытым публикациям в прессе, т.е. добывают новую фактуру. Потому любое достаточно полное описание становления опросов и жизнеописание пионеров этого направления социального познания содержит свою, «авторскую» картину прошлого. Время покажет, какая из историй обладает большим правом на существование и в какой мере историк был ответственным в его выводах.

Современный полувековой период развития советской/росийской социологии вмещает в себя множество событий и связан с деятельностью значительного числа ученых; вместе с тем для исторического изучения это – короткий временной интервал. Для историка ситуация принципиально усложняется еще и тем, что события, начавшиеся в СССР во второй половине 1980-х и завершившиеся распадом этой страны и возникновением в начале 1990-х независимой России, фактически разбивают эти полвека на два более коротких временных отрезка, не совсем плотно прилегающих друг к другу. Возникло нечто новое, чего даже в эмбриональной форме не было ранее. Одновременно нечто, начинавшееся в советские годы и казавшееся тогда плодотворным, не смогло выжить в переходный период и сейчас забыто. Многие научные ориентиры и квазиориентиры советского периода оказались сомнительными, но новых – пока не удалось найти. Разными группами нашего профессионального сообщества по-разному понимается и оценивается сделанное; представителями новых, и не только, поколений социологов объявляется сомнительным то, что в прежние годы

признавалось отечественной классикой, значительные группы молодых социологов, по сути, отказываются от наследия отцов-основателей. Нет однозначности в понимании ближнего прошлого, и по-разному интерпретируется связь современной российской социологии с социологией дореволюционной и исследованиями раннего советского периода. Отсутствие внутри социологического сообщества одной «правды» о прошлом – это предпосылка для написания разных историй и для, парадокс, возникновения механизмов, препятствующих написанию истории. Действительно, возникает вопрос о готовности социологов как профессиональной общности оказаться лицом к лицу со своей историей. Может быть она (общность), вообще не ощущает такой потребности, зачем, скажите, ворошить прошлое, дуть на притухший костер? Кто-то опасается вспоминать, кто-то боится, кому-то лень, кто-то уверен, что его прошлое – только его, и оно не должно стать достоянием других.

Истории нет, если она пребывает только в головах тех, кто творил ее. Она существует, только если она написана. Отсюда произрастает ответственность перед историей современной российской социологии любого, кто пишет ее.

Литература:

1. Докторов Б.З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.
2. Докторов Б. История есть, только если она написана. К открытию рубрики «Современная история российской социологии» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 5. С. 30–32.
3. Докторов Б. Биографии для истории // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 1. С. 10–22.

«ЗАХОЧЕТ ЛИ ГРАФ КАЛИОСТРО ПОСЕТИТЬ МОИХ ГЕРОЕВ?..» РАССУЖДЕНИЯ О ТОМ, КАК И ДЛЯ ЧЕГО ПИШУТСЯ БИОГРАФИИ*

В переписке Ларисы Козловой (ЛК) и Бориса Докторова (БД) рассматривается сложная и мало разработанная тема: как пишутся и исследуются научные биографии. Этот материал продолжает одну из традиций проекта «Международная биографическая инициатива»: опубликовать результаты неформального, дружеского обсуждения сложных методологических проблем биографических исследований. Переписка завершается двумя письмами Андрея Алексева, обращенными к дискуссионтам.

БД: Так случилось, что, уже долго занимаясь историко-наукоеведческими исследованиями, я лишь в процессе подготовки к февральскому семинару памяти Геннадия Батыгина и к питерскому выступлению в Институте социологии начал осознавать, что у меня не четыре проекта, как я думал на протяжении ряда последних лет, а один, но с четырьмя гранями.

Первая по времени возникновения грань – история становления опросов общественного мнения, или «гэллапада», вторая – история американской рекламы, третья – история современной российской социологии и четвертая – выдающиеся полстеры второй половины XX века. Общее для этих тем – в методологии их анализа, они раскрываются через изучение биографий тех, кто определял ход развития этих сфер деятельности. Таким образом, проблема создания биографий творческих, креативных личностей, действующих в разных средах, оказывается для меня центральной. Вообще говоря, я ощущал это в начале работы, когда готовил первый очерк о Гэллапе, но сейчас, когда написаны десятки больших по размеру и относительно небольших биографий, когда проведены и опубликованы свыше двадцати биографических интервью с коллегами и настало время для обобщения сделанного, вопрос о методологии стал центральным.

Прошло несколько месяцев, и сейчас я не могу даже представить себе, что у меня есть четыре разных проекта. Я вижу только один, то есть их совокупность как целое. Однако понимание того, что, в первую очередь, я сам и, возможно, мой читатель не готовы

* Докторов Б., Козлова Л. «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев?..». Рассуждения о том, как и для чего пишутся биографии. 2007 (Первая публикация <http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/doktorov_kozlova.html>).

к путешествиям через времена и континенты, удерживает меня от написания чего-то синтетического, где, скажем, при рассмотрении творчества Левады присутствовали бы Гэллуп и Хопкинс. Причем, как мне кажется, все было бы естественным.

ЛК: Хорошо бы узнать, в чем, по-вашему, заключается эта естественность? Как ее можно подкрепить методологически? Понимаю, что вопрос трудный, и, возможно, ответ на него лежит в основе той методологии, которую Вы разрабатываете. Чуть выше вы сказали о двух основополагающих для Вас вещах, но не сказали, как возможно их совмещение. Я имею в виду четыре грани работы, которые сливаются воедино, – связанные с историей: 1) становления американских опросов общественного мнения («гэллапиада»), 2) американских опросов общественного мнения второй половины XX века, 3) американской рекламы и 4) современной российской социологии, – и общую методологию – «общее для этих тем – в методологии их анализа, они раскрываются через изучение биографий тех, кто определял ход развития этих направлений». Иными словами, Вы изучаете историю различных областей социологического знания, используя для этого биографии ученых. Эта идея понятна, неясно другое. Далее Вы говорите, что «проблема создания биографий творческих, креативных личностей, действующих в разных средах, оказывается для меня центральной». Если объединить два выделенных момента, то получается, что Вы пишете историю, воссоздавая творческие биографии видных ученых. Если Вы считаете, что среда влияет на процесс творчества, то на каком основании можно утверждать общность креативных действий, ведь в разных средах «разное творчество»? Если же главное условие творчества не в социальной среде, а в голове ученого, то воссоздание истории, о чем вы пишете, вообще нерелевантная задача. Если Вы исходите из поисков инвариантов в творческой деятельности ученых, рассеянных в пространстве и времени, то есть по разным социальным средам, то и здесь не все понятно.

БД: В том-то и дело, что механизмы творчества в разных средах не различаются принципиально, если говорить о личности, человеке, ученом. Все сводится к соотношению «идеалов и идей» (это по Гэллапу-мл.). Мир рушится, но творческая личность продолжает работать: в блокадном Ленинграде Публичная библиотека не закрывалась ни на день. Среда определяет эффективность работы, ее результативность, но не влияет непосредственно на механизмы творчества. В Стэнфордском университете, что находится от меня в получасе езды, больше Нобелевских лауреатов по физике, химии, биологии, чем за все годы было в России-СССР-России. Но это результат усло-

вий работы ученых... грубо говоря, мозги у всех работают одинаково... и цель у всех одна – найти решение стоящих перед ними (Наукой) проблем.

И конечно же, главное в работе творца, говоря Вашими словами, в его голове. Стремление к постижению неизвестного – первично. Я говорю не о науке как институте, но об ученом как творце. Результаты деятельности таких людей и составляют историю науки.

ЛК: У меня есть три вопроса, или замечания, дисциплинарно-методологического плана, которые возникли на основе моих предположений: (1) по-моему, по инвариантам творчества трудно воссоздать историю науки (это может больше помочь при создании «истории идей» или решении социально-психологических задач): в результате и получится воссоздание не истории, а «истории творчества, креативности в социологическом производстве», «творческих портретов» или что-то вроде того; (2) написание истории (четыре грани Вашей работы) невозможно еще и потому, что социальная история становится только фоном, условием, обрамлением творчества личностей: ведь изменение «социальных сред», в которых они работают, не оказывает на них решающего влияния (речь идет об инвариантах). Однако любая история – это, прежде всего, сменяющие друг друга социальные события, какими их открывает и описывает историк; (3) если речь идет не об инвариантах творчества, а о чем-то другом (например, о «типичных» для разных времен и народов «творческих социологических кухнях», общих социально-психологических механизмах творчества), то как можно соединить, «обобщить» биографии (творческие кухни) ученых, живших в разных исторических условиях? Кажется, Вы хотите объединить проблему написания истории (науки) и проблему творчества творческих личностей, населяющих эту историю. Но, кажется, между историей науки и творчеством видных ученых не обнаруживается прямой корреляции – если только в рамках темы «роль личности в истории».

БД: То, о чем Вы меня спрашиваете, есть «пунктик» моих рассуждений, я – в начале осознания этой проблемы. Я мог бы попытаться здесь сформулировать свое понимание этой проблематики, но хотел бы сперва – на основе априорных представлений о том, куда и как двигаться, – что-либо сделать. За те несколько месяцев, что прошли после семинара памяти Батыгина, когда я стал замечать, что у меня – не четыре направления, а одно, но с четырьмя гранями, кое-что, конечно, прояснилось. Пойду дальше, найду больше...

В моем движении я хочу опереться не только на мой опыт и догадки, но и на опыт историка физики, автора многих книг по методологии науки Бориса Григорьевича Кузнецова

(1903–1984), наиболее известна его книга «Эйнштейн», – моего двоюродного дяди, двоюродного брата моей матери.

ЛК: Для меня стало неожиданным ваше близкое родство с Б.Г. Кузнецовым и то, что он оказал влияние на Вас, которое проявилось через много лет. Это часть уже Вашей биографии, которая многое для меня проясняет в Вашем подходе к чужим биографическим материалам.

БД: Для меня самого это удивительно; где-то хранилось что-то, а потом всплыло. Но, видать, уже тогда – много лет назад – у меня была установка на восприятие этой историко-научно-культурной культуры и внимание к биографиям. Есть еще один удивительный момент, неожиданно связывающий главных героев исследований Б.Г. Кузнецова и моих: Эйнштейн и «мой» Гэллап, Кэнтрил, Кроссли и Огилви были соседями в самом прямом смысле этого слова. Мир огромен, но все они жили в небольшом Принстоне. Огилви в своих воспоминаниях говорит о соседстве с Эйнштейном. Во как! Судьба?

Б.Г. Кузнецов жил в Москве и работал (а при создании – фактически был директором) в Институте истории естествознания и техники АН СССР. Перед войной, пытаюсь понять, как будет развиваться энергетика во второй половине XX века, он пришел от экономики к истории физики. Он был среди молодых и активных создателей плана ГОЭЛРО, встречался с Кржижановским, Струмилиным, Карпинским, Вернадским... после войны – с Жолио-Кюри, многими ведущими советскими физиками, был президентом международного Эйнштейновского общества и регулярно, когда единицы могли выехать в Болгарию, ездил в Париж... Вообще, он был франкоманом, французский знал с детства, а английский изучал уже после войны...

Мы были достаточно близки, я останавливался в его квартире в Москве, но тогда я не занимался историей науки, хотя написанное им читал, и мы многое обсуждали. Естественно, следует учитывать, что он был без малого на сорок лет старше меня, мы жили в разных городах, впервые встретились, когда я был на втором-третьем курсе университета, что он всегда был погружен в свои размышления, а у меня были свои дела, далекие от истории науки, да и от науки тоже.

Всего написанного им не перечить. Я вот порылся слегка в Интернете, а ведь он умер в доинтернетовскую пору, и нашел свыше тридцати его книг. Я читал практически все его работы, опубликованные после брошюры «Основы теории относительности и квантовой механики в их историческом развитии». Интересно, я не помню даты, но помню день, когда я купил и начал читать, скорее всего, второе издание этой книжки.

Я учился на первом или втором курсе университета, и в тот день у нас была военная кафедра. Так что я купил ее в небольшом магазинчике «Академкнига», расположенном за «Кунсткамерой», и за день прочитал.

У меня были почти все работы Кузнецова, но я не мог всего привезти сюда, однако что-то – при мне. Есть у меня его небольшая книжка «Встречи», в ней короткие портреты Кржижановского, Комарова, Вернадского, Тамма, Манфреда, Жолио-Кюри, де Бройля... Есть и десятью годами ранее опубликованная им книга – «Путешествие через эпохи» с интригующим подзаголовком: «Мемуары графа Калиостро и записи его бесед с Аристотелем, Данте, Пушкиным, Эйнштейном и многими другими современниками». На ней дарственная надпись моей жене и мне: «Дорогим Люсе и Боре от дяди Калиостро». По дате, когда книга была подарена, видно, что мне только исполнилось 34 года; в то время никаких планов заниматься биографиями у меня не было. Да и социологией – тоже. Я воспринимал эту книгу как удачно найденную форму популяризации знаний по истории науки и по истории физики в частности. А это меня интересовало.

Когда в 2000 году я втягивался в гэллападу, я помнил об этих портретах и о книге путешествий Калиостро, но жизнь моя складывалась так круто, что было не до их перечитывания. Хотя все это, конечно, было во мне...

В книге, как и положено в мемуарах, изложение ведется от первого лица, Калиостро описывает свои встречи, но Калиостро – это Кузнецов, потому книга и автобиографична (сейчас это могут понять очень немногие). Замечу, что, приехав во второй половине 1920-х из Харькова (или Екатеринослава), он быстро вошел в узкий круг московской научной, артистической, художественной элиты: с юности дружил с Семеном Кирсановым, много лет знал Лилю Брик, встречался с Арагоном и Триоле и т. д. Был лауреатом Сталинской премии за ГОЭЛРО. В годы войны был офицером инженерных войск под Сталинградом, получил тяжелое ранение. Поэтому во «Встречах» есть и очерк о маршале инженерных войск Воробьеве, с которым Кузнецов виделся в военное и послевоенное время.

Судьба миловала его в годы Гражданской войны, в конце 1930-х и в другие непростые времена, но жизнь он знал.

Из приведенного ниже списка книжных публикаций Кузнецова видно, что «Путешествия» Калиостро писал опытейший историк науки, специалист по эпохе Возрождения, лично знакомый с рядом выдающихся физиков XX века.

Последнее время я думаю, зачем ему надо было делать книгу про путешествия Калиостро... мне кажется – чтобы рассказать об инвариантах творческого процесса, о том, что прошлое-на-

стоящее-будущее – это мгновение. Ведь, когда читаешь, скажем, «диалог» Аристотеля и Эйнштейна, то это, по сути, – разговор «прошлого с будущим» или «будущего с прошлым». Когда узнаешь, что Достоевский и Моцарт дали Эйнштейну больше, чем Лобачевский, то задумываешься о природе творчества... Для Калиостро не существовало временного интервала между Данте и Ахматовой...

В таком ключе и надо думать об изучении «штучных» биографий... о какой-то методологии, о которой мы еще с вами не говорили...

«Путешествия» начинаются с главки «О достоверности этих мемуаров», и это лишь подчеркивало для меня (того) ее фантастико-популяризаторскую направленность. О роли бесед с Б.Г. Кузнецовым для моих настоящих историко-наукоедческих поисков я немного написал в двух последних книгах и, если память не изменяет, об этом есть в интервью, которое у меня брала Наташа Мазлумянова. Но вот недавно я снова перечитал «Путешествия» графа Калиостро, обратил внимание на заключительные слова подзаголовка книги: «...и многими другими современниками» и понял, что да, это и есть самая естественная методология анализа истории науки и – может быть – самая естественная форма изложения познаваемого прошлого. Мне бы очень хотелось, чтобы вы нашли эту книжку и посмотрели ее содержание под углом зрения «экстенсивное – интенсивное», «объективное – субъективное», «методологический скелет – конкретно-биографическое мясо»... Да, и конечно же, «прошлое – современное».

ЛК: Возможно, взгляд историка на предшествовавших ученых как на современников тоже имеет право на существование, может быть плодотворным для анализа истории науки. Но пока никому не известно, как это сделать по-научному. Во всех направлениях культурно-исторического анализа содержится вопрос: как совместить взгляд из настоящего с картиной прошлого, как воссоздать эту картину, располагая только одним возможным взглядом – из настоящего? То, что видим мы и наши современники в разного рода памятниках прошлого, может не иметь ничего общего с тем, что видели в них люди, жившие в этом прошлом. (Недавно прочитала очень интересную моно-статью немецкого автора об изменении смысла понятия «феодализм» с момента его возникновения и до наших дней. Там ставится куча трудных вопросов, и автор пока ограничивается задачей лишь поставить их и предположить возможные ответы. Все здесь непросто – в проблеме изменения исторической оптики, в подборе ключей к существовавшим «взглядам». И это всего лишь одно понятие, которым пользовались разные

ученые в разные времена.) Современный социокультурный анализ исходит как раз из точки зрения, противоположной идее всеобщих культурных связей и соединений, которую имеете в виду Вы, – то есть из идеи культурного многообразия и дискретности. Это может значить для нас примерно следующее: ученый эпохи Возрождения и его деятельность, советский ученый и его деятельность – совершенно разные культурные сущности. Мы можем объединить их в своем сознании для каких-то целей: скажем, чтобы «поговорить» с каждым о проблемах науки. Но это соединение станет фактом внутренней работы, анализа и интуиции исследователя, ставящего перед собой такую задачу. Если за то же дело возьмется другой исследователь, он получит другое «соединение», другие «ответы». Выходит, что попытка творчески «пообщаться» с ученым прошлого, провести его опыт через свой дают какое-то личностное знание, личностную картину науки, ее фрагмента. (А задача истории в традиционном понимании – сделать эту картину общей («общность», конечно, не мешает картине изменяться от времени ко времени, от парадигмы к парадигме). Такая личностная картина возникает на основе видения и опыта исследователя, на основе сродства его профессиональной судьбы с судьбами других ученых.

БД: Так это прекрасно, если «никому не известно, как это сделать по-научному». Сложнее: что значит «по-научному», это уже совсем переменная величина. Знаете, очень давно Гена Батыгин говорил мне, что социология – это то, что они печатают в «Социологических исследованиях». Кто согласится с таким определением социологии? Я соглашался, ибо оно давало основу для принятия редколлегией некоего решения. Все другое было бы еще хуже. Так и с наукой. Кому-то ясно, что замкнутая кривая без самопересечений (типа круга, эллипса) делит плоскость на две части: внутреннюю и внешнюю. Но для математиков это – проблема, требующая решения. Дети говорят, что самолет летает, так как у него есть крылья. Им это понятно, но теория крыла – сложнейшая задача математической физики. И так далее... надо найти какое-то решение, пусть полунаучное, а потом уточнять его... наука – это процесс...

То, что вы говорите, для меня связано с темой соотношения, условно говоря, психологизма и объективности; я постоянно думаю по этому поводу... многого не надумал, но полагаю, что эти штуки лежат в разных семантико-целевых пространствах. Психологизм биографа – это характеристика его общения с биографируемым, это как уважение, признательность, любовь... все личностно, субъективно. Биограф имеет право, даже должен быть личностен. Объективное – это аспект науко-

ведческого постижения истории науки (например), объективность – цель работы историка. Но фокус-покус в том, что, если в серьезных биографиях будет мало психологизма, то описание истории заведомо не будет объективным. Так они – психологизм и объективность – встречаются и сосуществуют. Мягкое и твердое, горячее и холодное, причем в одном флаконе.

Теперь коснусь иной темы. Я внимательно перечитал Вашу статью, которая вскоре выходит в «Социологическом журнале». Близость нашего понимания биографического метода не вызывает сомнений, и об этом говорить не хочется. Интереснее – различия. Можно я их обозначу, как вижу?

Для вас методология если не последняя инстанция в работе, то что-то в этом роде. Вы не мечетесь между методологией и анализом биографий, тем более – написанием их. Ваша позиция имеет право на существование, я ее ценю, ибо понимаю важность ваших штудий. И не призываю менять эту позицию.

ЛК: Хочу побольше поговорить о Ваших поисках. Поэтому о себе напишу немного. Методология для меня не самоцель и не конечная инстанция. Методологию (в том числе и анализа биографий) я воспринимаю как некую предварительную гипотезу о том, как можно использовать биографический материал для определенных задач социологического исследования науки, какие инструменты для этого могут пригодиться. Вы правильно заметили, что я (сейчас) не убиваюсь над вопросом, как написать чужую биографию. И это непосредственно связано с моей задачей. Она не заключается в создании уникальных творческих портретов. Напротив, речь идет об использовании типологического материала, который содержится в биографиях, уже собранных и тех, которые будут собраны. Я убиваюсь над вопросом, как можно использовать автобиографический материал (именно того типа, который мы берем, то есть биографии социологов) для социологического изучения социологии, каковы методы анализа и интерпретации материала. Если мы хотим выйти за рамки создания биографий (как самоценных исторических источников), если мы хотим участвовать в написании истории науки через биографии ученых, необходим адекватный методологический инструментарий, а его сейчас нет, хотя уже есть неплохая биографическая база. Вот это я и хотела подчеркнуть в статье.

По-моему, если судить по текущим результатам, Вы довольно точно выразили свою задачу. Она заключается в создании «штучных» биографий – не просто чьих-то, а биографий людей Вашего профессионального рода-племени. С которыми Вы жили и работали или не жили и не работали, но прина-

длежность к одному сообществу, родство, если хотите, от этого никуда не девается.

Это дает Вам возможность мысленно перемещаться во времени и пространстве этих родственных жизней. Вы видите похожесть характеров социальных ситуаций, которые вызвали сходные последствия, общность творческих кухонь и проч. Из-за всего этого Вы и сами являетесь (и есть на самом деле) одним из «жителей» этого пространства, одним из участников событий. Во всяком случае, Вы пропускаете через себя эти чужие биографии, частично проживаете, «вспоминаете» их. Все это похоже, если попытаться придумать название, на «автобиографическую рефлексию» (Вашу автобиографическую рефлексию) над чужими биографиями, через которую Вы познаете эти биографии. Почему можно говорить о включении в описание (в размышление, в подход...), которое Вы создаете, элементов Вашей собственной автобиографии? Потому что вы пишете о людях своей профессии, которых знали лично или опосредованно, и не пишете, и Вас даже к этому не тянет, например, о музыкантах или агрономах – они не входят в Ваш профессионально-жизненный круг, в Вашу экзистенцию, Ваше переживание жизни – здесь вспоминается Мартин Хайдеггер с его «Бытием и временем». Нечто подобное, по-моему, происходило и с «графом Калиостро», который находил родство не только с современными (в буквальном смысле) учеными, но и с Аристотелем.

БД: Как я понимаю то, что я делаю, это не методология биографического исследования, но методология изучения и написания биографий. То есть моя последняя станция – биография человека (творца), с которым я при его жизнеописании каким-то образом контактирую.

ЛЖ: Мне как-то не верится, что Ваша «последняя станция – биография человека (творца)». Как соединить это с «четырьмя гранями» истории? Ведь написанные биографии еще не есть история, а только материал для нее. Она напишется, если этот материал анализировать, объяснять, интерпретировать.

БД: Последняя станция – если иметь в виду применение приемов биографического анализа. Переход к истории – это уже следующий шаг, выход в иное пространство. Смотри выше.

Говоря о «родственниках», вы правы, если причислять к ним и тех, кто жил в XVII – XX вв. в Новом Свете и в России. Но верно то, что я не берусь за изучение биографий тех, кто мне безразличен, кто не вызывает во мне интереса. При этом я не оговариваю для себя профессии моих героев: как получится... есть главные действующие лица и, если окажется, что жизнь,

деятельность кого-либо в значительной степени была детерминирована агрономом или музыкантом, то я буду изучать и их. Замечу, что исходное позитивное отношение Гэллапа к выборке отчасти было обусловлено тем, что он родился и рос в богатом сельскохозяйственном штате Айова, где передовые агрономы всегда использовали выборочную технику для оценки урожая кукурузы, а значит – при исследовании эффективности новых сортов. Один из этих агрономов – Уоллес – стал потом видным политиком. Так что можно и агронома взять...

ЛК: Конечно, можно и агронома... Но я хотела сказать только то, что Вы сейчас уже подтвердили: Вы исследуете жизнь тех ученых, которые вызывают Ваш интерес. Для этого необходима общность, родство с ними. Вряд ли Вас заинтересует агроном, который никогда не имел отношения ни к изучаемому Вами исследователю, ни к рассматриваемому Вами роду научно-интеллектуальной деятельности.

Из всего сказанного мной мне же становится понятно, почему Вы в своих статьях, посвященных чужим биографиям, немало пишете о том, как Вы пришли к идее написать о таком-то человеке, сравнить его путь с таким-то, как Вы обсудили такую постановку вопроса с кем-то из коллег. Если Вашу предустановку не понимать, не очень понятной становится и необходимость таких экскурсов.

БД: Мне кажется, что эти экскурсии необходимы из нескольких иных соображений, хотя частично сказанное вами верно.

Главное вот в чем: в науке принято формулировать генезис той или иной проблематики, скажем, указывать на возникновение того или иного социального противоречия, на неожиданные наблюдения, на прямой заказ какой-либо практической структуры... тогда ясно, почему тот или иной аналитик, группа ученых начинают разрабатывать ту или иную проблему, тематику.

Но в историко-биографических исследованиях проблема часто (чаще?) возникает собственно в процессе поиска; кажется, вчера ее не было, а сегодня – появилась... утром я еще не знал о существовании того или иного человека, а к вечеру понял, что он «мой», что о нем надо писать, ибо иначе некие главные исследовательские линии «провиснут»... Возникновение нового поворота в развитии тематики происходит в процессе осмысления новых фактов, но немалое значение имеет интуиция. Еще скудна информации о новых фактах, о новых людях, но почему-то понимаешь, чувствуешь, что мимо них нельзя пройти. Такое у меня случалось несколько раз, и я рад, что не отмахнулся от этих сигналов, знаков...

И я считаю необходимым рассказать читателям, как и по-

чему возникла та или иная тема, какое она имеет отношение к уже сделанному... это важно еще и потому, что я публикуюсь постоянно в одном журнале, у меня есть постоянная аудитория... если бы я не давал подобных введений, то могло бы показаться, что мои темы случайны, хотя на самом деле – все связано, я просто не успеваю (или ограничен пространством) указывать все связи... Так необходимость введения, объяснения новой темы, расширения старых поисков и прочее становится рассказом о процессе моей работы, и потому появляюсь «я», надеюсь, не очень белый и не очень пушистый. Но это совсем не «я-чество», не самореклама.

ЛК: Не знаю как, но Ваш подход надо как-нибудь определить; тогда и путь дальнейшего продвижения станет яснее. Может быть, это «экзистенциальный анализ биографий», может быть, «автобиографический анализ биографий социологов», «соучаствующий анализ биографий». Если сравнить Вашу работу с «социологической ауторефлексией» А.Н. Алексеева, то в ее контексте главный герой, как мне кажется, – он сам: герой, познающий социум через себя самого; социум при этом становится частью его сознания. У Алексеева есть и другая часть работы – «драматическая социология», – о которой я сейчас не пишу. А у Вас, как мне представляется, главные герои – Ваши персонажи. Они живут своей жизнью, ведут Вас за собой. Точнее, Вы не пытаетесь навязать им какой-то другой путь, кроме их собственного, хотя и со-участвуете, со-жительствоете, со-общаетесь с ними. Ваша собственная судьба (то есть Вы сами) – континуум, куда помещены чужие биографии и где они взаимодействуют друг с другом и с Вашей биографией. А может быть, этот континуум, где Ваша и чужие биографии, находится где-то в другом месте, скажем, в культуре эпохи.

БД: Вы правы про соучаствующий, автобиографический анализ биографий. Алексеев добавил к заголовку написанной для вашего сборника статьи «Биографии и история» подзаголовок: «Опыт профессиональной ауторефлексии изыскателя».

Но мне кажется, что по большому счету иного, чем экзистенциальный анализ «штучных» биографий, просто не существует. Невозможно писать серьезно о ком-либо (социологе, рекламисте, агрономе...), не общаясь, не обязательно непосредственно, с этим человеком, а общение всегда лично, «автобиографично». Про писателей, придумывающих биографии своих героев, это известно. Не мною сказано, что Онегин, Ленский и Татьяна – это некие портреты самого Пушкина, а в князе Болконском, Пьере Безухове и Наташе Ростовой присутствует Толстой. Аналогичное можно сказать и о процессе написания биографий творческих людей, эти биографии – не-

кая функция, продолжение биографий их авторов. Вот вам и методологический вывод: автобиографичность – непреложный момент написания биографий, тем более – в особенности – если пишешь о людях, которых знаешь, например, о Грушине и Леваде. Здесь от личностной окрашенности не избавиться. И не надо.

И не стоит страшиться того, что экзистенциальность анализа биографий не укладывается или противоречит научности, что это литературщина, популяризаторство. В философском, методологическом плане вопрос сводится к современному понимаю научности, нетождественному бэконовской парадигме.

Я писал Наташе Мазлумяновой, что было бы полезно в методологическом плане посмотреть портреты (можно – фотографии) одного и того же человека, сделанные разными авторами. Портреты, в частности, написанные художниками-реалистами, многое рассказывают о внешности и внутреннем мире человека. Хотя портреты субъективны, пристрастны, они – такова сила искусства – объективны. Ваш и мой Пушкин всегда будет в той или иной мере похож на того, который был изображен Кипренским, Толстой – Репиным, молодая Ахматова – Альтманом, может быть даже – Модильяни. А маршал Жуков в представлении многих поколений россиян был и тем более – будет именно таким, каким его изобразил Ульянов.

ЛК: Думаю, что проведение параллели между литературным и научнымписанием биографий не вполне правомерно. Они создаются по разным канонам и имеют разное назначение. В первую очередь потому, что литератор в содержательном смысле творит произвольно, а ученый ограничен правилами научного метода. Если этих правил не хватает, он работает и над правилами, чтобы получить необходимое ему содержательное знание, чтобы обосновать его правомерность. «Силы искусства» тут не достаточно. Искусство может создать канонический образ – Пушкина, Ахматовой, Жукова – и в нашем воображении они заменяют прототипы, реальных людей. Ни от Тропинина, ни от Толстого не требуются достоверность и надежность. А наука обязана воспроизвести и объяснить сами эти «прототипы», то есть объекты реальности – с той или иной степенью достоверности. То, что «современное понимание науки» сейчас отличается от бэконовского, не снимает с нас обязанности следовать этому пониманию и развивать его. Хотя в современном понимании социально-гуманитарных наук сейчас больше художественности и литературности, чем в классическом. Может быть, это говорит о невесильности науки или об ее очередном кризисе.

БД: Вот уж с чем согласен на 100%, так это с невесильностью науки. Во всяком случае, в каждый конкретный момент истории ее развития. Весильность науки означала бы страшное дело... смерть науки.

ЛК: И еще, извините, если пытаюсь писать о слишком личном: по-моему, Ваше видение биографических описаний (закрывающееся в возможности их соединять, связывать и проч.) сейчас во многом обусловлено Вашей реальной жизнью, в которой давно уже очень важным стал компонент виртуального, то есть безвременного и беспространственного, общения. Это, конечно, дало Вам новый взгляд, новую оптику. Часто наши научные мысли зависят от обстоятельств обыденной жизни. И, видимо, не случайно актуализировалось давнее влияние Б.Г. Кузнецова, которое сохранялось в Вас до поры.

БД: Конечно, обусловлено. Если бы я встречался ежедневно с моими героями (я говорю о российских социологах), то мог бы (должен был бы) с ними многое обсуждать... а так я веду с моими героями – вне зависимости от того, живы ли они или жили много десятилетий назад – постоянный внутренний диалог... и оказывается, что для меня все они (почти) одинаково удалены во времени и в пространстве... а точнее – одинаково приближены ко мне, то есть они, по сути, «здесь и сейчас». Я – с ними. Когда я интервьюирую кого-либо из моих коллег или пишу биографию кого-либо, даже если я лично не знал, не мог знать этого человека, в конце работы я почти физически ощущаю, что мне жаль расставаться с ним, и хочется продлить общение. Потому мне так приятно при работе над новыми биографиями искать возможность поговорить о моих старых героях. Это необходимо по существу, ибо обогащает историю, делает ее точнее, объемнее, определеннее, но одновременно – это приятная для меня встреча с давно знакомым человеком.

Калиостро был близок по духу Кузнецову, и, как я сейчас думаю, «превратившись» в него, Б.Г. смог одновременно общаться с теми, о ком он до того многое написал. Он как бы знакомил друг с другом людей, живших в разные эпохи, и они, доверяясь ему, шли на эти знакомства. Может быть, именно потому Кузнецов и придумал сюжет с Калиостро; ему хотелось продолжить общение с людьми, биографии которых он изучал. Причем со всеми разом, одновременно. И, как это бывает, встретившись, люди раскрылись по-новому, а это значит, что произошло более глубокое понимание сделанного ими и истории науки в целом.

...Так же и при написании биографии Левады, это ближе всего, я только закончил небольшой очерк о нем, хочется сразу отправиться в соседние миры и соединить сделанное (и

не сделанное) Юрием Александровичем с наследием Гэллапа (ведь именно он первым начал мониторинг отношения «американского простого человека» к социально-экономическим проблемам страны и мира) и с некими жизненными принципами Хопкинса, в частности – с его отношением к работе...

Я вот думаю, допустим, в каком-либо мире встречаются Гэллап, Левада и Хопкинс (герои моих последних биографических очерков), уверен, что личностям и творцам такого масштаба всегда было бы, о чем поговорить или о чем вместе помолчать. Они – скорее всего – были бы интересны друг другу, возможно, вспоминали бы детство, различные жизненные ситуации... мне хотелось бы услышать, как каждый описывал бы свою работу... Б.Г. Кузнецов, который к 1975 году о ком только не написал – еще в конце 1930-х им были опубликованы «Очерки истории русской науки», в годы борьбы с космополитизмом он писал о Ломоносове, Менделееве, Тимирязеве, а потом – о многих: от Анаксагора и Аристотеля до Эйнштейна и Эпикура (я имею в виду буквы алфавита), – видел всех этих людей как создателей науки, логики науки, культуры, и у него все сюжеты оказывались связанными. Правда, для этого нужна была эрудиция Кузнецова... Ему потребовался Калиостро лишь для внешнего оправдания своего стремления к соединению, казалось бы, несоединимого... Он мог соединить все и без этого искусственного приема (появления Калиостро)... но без чего он точно не мог, так это без соединения всех своих героев. Это был обнаруженный им путь к внутреннему совершенству его историко-биографических построений...

ЛК: Думаю, что такое соединение, которое близко и Вам, – тоже результат экзистенциальной работы автора: именно он так «прожил» историческую связь своих персонажей в науке и культуре, которой могло и не быть в реальности. Хотя, наверное, эта связь существует – в логике науки, культурном духе эпохи или шире – культуре... Возможно, это так. Возможно, он хотел таким образом выявить и показать культурные связи, показать достижения одного своего героя через достижения другого, преемственность идей... Не знаю, каково здесь соотношение метафоры (то есть литературного приема) и историко-культурного анализа. Если провести параллель с Вашей идеей «оттенить» образ Ю.А. Левады через образ старика в «Старике и море» Хемингуэя, то у Вас была чистая метафора.

БД: Не знаю, что вы подразумеваете под метафорой, но для меня «Старик и море» – это притча со многими допустимыми интерпретациями. И всякая интерпретация имеет право на существование, всякая – почти правда. Мне сложно объяснить... Много лет назад я читал рассказ: известный скрипач

в бурю случайно оказался на острове, где жил только старый смотритель маяка, жил многие годы один... лодка ушла, и старики остались одни... о чем им говорить? И вот скрипач начал играть, он это делал для себя, играл что-то особенно близкое ему самому... смотритель долго слушал, а потом сказал: «Да, точно так все и было».

Я вижу множество барьеров на пути к тому, что я хотел бы сделать: предложить некий новый путь к построению биографий творческих людей (прежде всего – социологов), и главное препятствие – методология и некий страх, порожденный необходимостью нарушать методологическую норму.

ЛК: «Методологическая норма» относительно. Убедительная методологическая гипотеза со временем становится нормой. Тем более что в биографических исследованиях много белых пятен. Хотя «страх» тоже вполне понятен. Однако кто сможет лучше, пусть так и сделает.

Если не выстраивать какую-то определенную концептуальную линию, то Ваши работы могут остаться без «научной ниши» и будут витать между художественной литературой и публицистикой. У такой литературы тоже есть грамотный и приятный во всех отношениях адресат. Но все же Ваши работы научные по своей сути, и надо, чтобы ученые и библиографы опознавали Ваш подход как научный. От этого зависит многое: кто напечатает книгу, как ее библиографируют, кто найдет полку с этой книгой и прочитает ее, будут ли ее использовать как научный источник. Вы все это прекрасно знаете.

БД: Это верно. Но я всегда помню, что я изучаю биографии не ради биографии, но только ради понимания какого-либо процесса. Скажем, возникновения технологии опросов... или науки о рекламе... или российской социологии... У меня изучение и описание биографий – не самоцель, но путь в историю того или иного открытия, изобретения, метода... Кстати, поэтому у меня много героев... любой созидательный процесс долг, в нем участвуют всегда многие. Конечно, у меня есть любимчики, например, Геллап и Огилви, но все же все мои герои – мои любимчики...

Я давно писал о том, что выбор героев моих исследований диктовался многими обстоятельствами, в том числе – моим личным расположением к ним. При этом я не только не скрывал этого критерия отбора, но отмечал методологическую важность принципа пристрастности в историко-научно-исследовательских поисках. Он ориентирует ученого и как аналитика, и как личность на всесторонний анализ жизненного пути и творческого наследия людей, оставивших яркий след в науке и культуре. Это казалось метафорой; Наташа Мазлумянова мне не так

давно писала, что не очень понимала этой моей установки, но ее убедил Пушкин, который сказал: «...нет истины, где нет любви».

Иногда я думаю, а что можно противопоставить «пристрастности»? Я говорю о позитивной пристрастности, но, может быть, можно иметь в виду и негативную... не знаю, хотя негативная пристрастность – разрушительна, тогда как позитивная – созидательна. Во всяком случае, нельзя ничего сделать, будучи нейтральным.

При работе над биографиями творческих людей объективность (если она в принципе есть) не может быть следствием нейтральности биографа, нейтральность не зовет к поиску. Возможно еще вот в чем дело. Само написание биографии – это вид общения. Таким образом, общаясь с моим героем, я «демонстрирую» ему мое полное расположение к нему и получаю, надеюсь, доступ в его творческую лабораторию. Я помню детский кукольный спектакль про Миклухо-Маклая, как он приехал к туземцам, как они его испугались и убежали, но он не суетился, начал осваивать свое пространство, демонстрировать свое дружелюбие, и они пришли к нему... Это и есть антропологический подход.

Методология биографического исследования стремится к разделению, отделению, выделению, противопоставлению, объективизации, рационализации и так далее.

ЛК: Ой, не знаю. Биографические методы считаются «качественными», а значит, отвергающими рациональность, объективность, противопоставление субъекта и объекта и т. п. Если это считать достоинствами метода, то и они не всегда спасают, судя по некоторым результатам. Так что с «нормой» там пока не все хорошо. Пусть методология биографического исследования сейчас стремится к чему угодно, там есть над чем работать. Вот, например, в методологии пока не известно, как осуществить переход от биографии к истории (я об этом пыталась писать в статье). Но Вы тоже стремитесь к этому переходу: «У меня изучение и описание биографий – не самоцель, но путь в историю того или иного открытия, изобретения, метода...».

БД: Да, это наше общее дело. Конечно, все достижения методологии биографического анализа, тяготеющего к некоей «жесткости», нужно знать, а еще лучше знать и чувствовать, но этого мало при анализе биографий индивидов и совсем мало при описании их жизни. Там первичным оказывается, наоборот, соединение, связывание, поиск единства, акцентирование веса субъективного, проникновение в те области личностных пространств, где рации – лишь часть механизма отражения мира.

Многие из нас воспитаны в семьях с короткой историей, и мы не понимаем, что такое глубокие корни. Посмотрите на нашем сайте описание А. Алексеевым истории своей семьи, которую он раскопал недавно. А как он действовал бы в «нормальных» условиях, если бы с детства знал все, чувствовал свою принадлежность к роду и через него к истории России? Мы все десятилетиями жили за «железным занавесом» и потому лишь в недавние годы стали осознавать наличие и полезность общекультурных детерминант. Мы все жили в обществе с «бедной» социальной структурой, и мы не понимаем поведения людей в более «богатых» социоструктурных средах. Мы все слишком долго жили в атеистическом мире и с трудом понимаем, что такое религиозное сознание. Мы воспитывались как материалисты и десятилетиями не обращали внимания на существование тонких механизмов познания мира... нам нужна ясность в отношениях между людьми, но это – редкость, чаще отношения многослойны... мы воспитывались так, чтобы быть похожими, потому мы с трудом воспринимаем тех, кто иной...

Обо всем этом приходится думать, когда пишешь биографию творческой личности.

ЛК: Согласна. Но расскажите о практических технологиях своего подхода.

БД: Пунктирно обозначу специфику того биографического подхода, который я пытаюсь не столько обосновать теоретически, сколько разрабатывать практически. То, что я делаю, я сам отношу к истории социологии или к науковедению, возможно – к социологии социологии. Но мой биографический подход я склонен обсуждать в рамках социологии и психологии общения, ибо результат, к которому я стремлюсь, есть итог:

- моей готовности к общению с биографируемым человеком, то есть моей способности понять его и рассказать другим о сделанном им и о нем самом;
- моей подготовки к общению с ним, то есть полноты моей информации о сделанном им и о его жизни;
- наконец, самого общения с ним; в силу многих объективных и субъективных обстоятельств оно может оказаться плодотворным для решения историко-научоведческих задач, но может не быть таковым.

Таким образом, в моей схеме анализа технологии изучения общественного мнения, становления американской рекламы и исследований ее эффективности, а также современной истории отечественной социологии многое зависит от характера моего общения с теми людьми, которые, по сути, оказываются моими важнейшими источниками информации об интересующем меня

прошлом. Эту «коммуникационную» в моем понимании информацию я извлекаю и из проводимых мною интервью с действующими российскими социологами, и из интервью, проведенных другими людьми, и из книг, статей, мемуаров, архивных материалов. Но при этом я отдаю себе отчет в том, что каждый источник помимо полезной информации содержит множество различной природы «шумов», которые следует отфильтровывать. Естественно, что и мое общение с человеком, творчество и жизнь которого я изучаю, реже – непосредственное, чаще – мысленный диалог, отягощено многими погрешностями.

В моей небольшой книжке «О надежности измерения в социологическом исследовании», выпущенной в далеком 1979 году, когда никакой историей науки я не занимался, но изучал методы сбора социологической информации, кратко рассматривалось такое понятие, как «личное уравнение» наблюдателя. Оно возникло давно в астрономии и связано с особенностями аппаратуры наблюдения, остротой зрения наблюдателя и спецификой восприятия им образов наблюдаемых небесных объектов. Я тогда цитировал вывод Н.Я. Цингера, изучавшего наблюдения крупных астрономов XIX века: «Во всей астрономической и геодезической практике нет таких наблюдений или измерений, результаты которых не зависели бы от личности наблюдателя. Последний, подобно всякому инструменту, вносит в результат своих наблюдений исключительно ему свойственные ошибки» (с. 61).

Безусловно, в более широком плане понятие «личного уравнения» применимо и к тому, что я делаю. Но здесь переменными уравнения являются мой жизненный и профессиональный опыт и, конечно же, мои личностные, в том числе – коммуникативные, способности.

Уверен, что успешность биографического анализа зависит от установки на контакт, общение с людьми, оказавшимися в поле зрения биографа. Иногда позитивная установка возникает сразу, иногда ее надо культивировать и ждать. Например, уже при получении самой первой информации о классиках рекламы Раймонде Рубикаме и Дэвиде Огилви мне захотелось узнать о них больше и рассказать о них другим. Я даже догадываюсь, почему это произошло: мне «рекомендовал» их Гэллап, которого к тому времени я уже немного знал. Нечто похожее произошло при встрече с именем Эмиля Хурьи на страницах книги Гэллапа; первое, что я подумал, не был ли он связан с деятельностью тех финских полстеров, которых я знал лично. Но к написанию биографии Клода Хопкинса я шел более двух лет, не возникало установки на общение с ним. И я начал понимать его, лишь когда был «вынужден» в силу необходи-

мости анализа генезиса науки о рекламе изучать детальнее его жизнь и писать о нем. Наконец, я уже семь лет «знаю» Даниэля Старча, классика изучения рекламы, который мог бы стать одним из отцов опросов общественного мнения. Но я написал о нем крайне мало, лишь то, что почерпнул из энциклопедий и его воспоминаний. Почему так? Дело явно не в отсутствии времени, ведь оно нашлось для изучения и написания биографий других людей.

Вторым моментом в работе над биографией я назвал подготовку к общению с интересующим меня человеком. Здесь следует выделить два аспекта. С одной стороны, о многих людях, чей вклад, к примеру, в становление современной культуры рекламы признан весьма значительным, известно крайне мало. В справочниках и небогатых заметках о них нет даже точных дат их жизни, ничего не сказано об их обучении или образовании. С другой стороны, у меня нет возможностей для поиска архивов и работы в них. Таким образом, написание биографий таких людей, к которым я явно испытываю уважение, чем-то напоминает «общение» с человеком, о котором мало знаешь, но не можешь узнать больше. При этом говорить о них необходимо, ибо сделанное ими детерминировало развитие тех или иных тенденций в культуре рекламы.

Теперь третья составляющая – собственно процесс общения. Конечно, важно различать непосредственное общение, или интервью с коллегами, которые я провожу с целью изучения истории российской социологии, и то, что можно назвать мысленным диалогом с теми, кто закладывал основы современной американской рекламы и технологии изучения общественного мнения. Но в них есть много общего: оба процесса общения могут протекать легко или трудно, тяготеть к диалогу или к обмену монологами, быть тематически узкими или широкими и т. д.

Теперь подчеркну процессуальность биографического анализа и его интерактивность. Ведь общение – третья фаза работы над биографией – может в действительности стать первым шагом на новом пути к работе над биографией. Может измениться установка к биографируемому, могут открыться новые данные о нем. Иногда кажется, что приближается время завершать сбор информации о человеке и переходить к написанию его биографии и описанию его наследия, но вдруг – в какой-либо книге или в «беседе» с кем-либо – узнаешь об этом человеке нечто принципиально новое, что заставляет переосмыслить исходное представление о нем. Тогда снова поиски, начало нового мысленного диалога...

Пока не знаю, захочет ли граф Калиостро посетить моих героев...

ЛК: Значит, Ваша технология создания биографического интервью основана на качестве «личного общения» с персонажами, инструмент этой работы – Вы сами. Вполне понятны моменты, связанные с выбором биографируемого человека (это личный интерес к нему; целесообразность его биографирования, которую Вы определяете для себя; Ваша и героя готовность к биографическому общению и т. д.). Понятно также, что общение должно быть доверительным и информативным. Оно может выводить на другие персонажи и необходимость взять у них интервью. Все это – о подготовке к общению-интервьюированию и о самом общении. Что дальше? Как «отфильтровать шум», содержащиеся в биографическом материале, о которых Вы пишете? Как от биографии ученого перейти к истории науки? Как возможно использовать опыт Калиостро при научном построении истории науки? Пока у меня нет ответов на эти вопросы. А у Вас? Давайте над ними думать.

БД: Здесь я не согласен с вами. Знание другого может быть как плюсом, так и минусом, когда пишешь о нем. Моральное право писать биографию человека, многое сделавшего, не предполагает личного знакомства с ним. Сколько написано о Пушкине после его гибели... о Толстом, о Достоевском, о Ломоносове... а сколько еще будет написано... А разве нельзя писать сейчас об Эйнштейне, Гальтоне, Дарвине, Спинозе?.. Моральное право приобретается, прежде всего, долгой работой, ознакомлением с наследием этого человека, с тем, что о нем известно... наконец, желанием писать о нем. Я исхожу из того, что желание писать о ком-либо уже предопределяет сильную позитивную установку на то, чтобы разобраться в жизни, наследии, судьбе человека... это и формирует моральное право автора... я не говорю о случайных людях или вообще подонках...

ЛК: Я ни в коей мере не считаю, что биограф должен обязательно знать своего биографируемого: так думать было бы просто странно. Я думаю, что до сих пор Вы использовали свое личное знакомство с биографируемыми российскими социологами как некоторый принцип при создании интервью. Моральное право написать о ком-то биографическую или историческую работу приобретается профессионализмом и желанием работать, здесь я согласна. Я имела в виду моральное право «разбираться» (то есть интерпретировать, толковать, вообще говорить об этом) в личностно-психологических свойствах биографируемого, которые напрямую не связаны с профессиональным творчеством (например, был ли человек скупым или добрым), наконец, интерпретировать факты его личной жизни. Это может делать только он сам. Это может делать и биограф, но если он настолько близок в жизни со своим героем

(друг, родственник), что может знать о нем то, чего не знают другие, и риск ошибки довольно мал. Другой вариант – если биограф описывает жизнь человека, которого не знал лично. В этом случае человек становится уже неким образом самого себя, или «памятником» истории (как, например, давно ушедшие великие писатели, ученые, художники и др.), и здесь в стиле работы автора появляются черты литературности. Он часто досочиняет, чего не мог знать о человеке или услышать от кого-то (здесь в его распоряжении только один свидетель – письменные источники личного плана: записки, письма, воспоминания). В этом нет ничего страшного (если не сочиняется откровенная напраслина), но жанр и стиль уже другие. Получаются два подхода, которые не надо смешивать. Я имею в виду, что нельзя что-то заведомо досочинять о биографируемом человеке, пытаюсь придавать такому сочинению документальный статус. На это мы не имеем морального права.

БД: Ясно, думать нам придется еще о многом. Это и прекрасно.

Письма-комментарии Андрея Алексева

Дорогой Борис!

Ваша беседа с Ларисой Козловой была мне интересна и полезна. Надо сказать, что “ведущим” собеседником здесь выступаешь именно Ты. У Л.К. преобладают реплики, а не развернутые суждения. Что, пожалуй, жаль.

Довольно точно ухвачено вами различие ваших подходов (о чем писала в своей недавней статье в “СЖ” и Наташа Мазлумянова^{*}). Здесь это различие как бы заострено. Твоя методология экзистенциально-коммуникативная, и, так сказать, антропоцентричная, притом, что исследуется также и профессиональное сообщество. Методология Л.К. нацелена на исследование института науки и профессионального (социологического) сообщества, в частности средствами биографического метода. Тебя интересуют люди как таковые (не случайно они всегда поименованы). Л.К. стремится к выявлению типов профессиональных карьер и механизмов бытования общественной науки (кстати, респонденты здесь могут быть анонимными).

Вы оба занимаетесь современной историей науки, но существенно по-разному, причем ваши подходы, как я считаю, взаимодополнительны.

^{*} Мазлумянова Н.Я. Биографические интервью с российскими социологами: методико-методологические аспекты // Социологический журнал. 2007, № 2. с.88-108 http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/mazlumyanova_biointerview.html

Мне по совокупности собственных жизненных мотиваций и профессиональных интересов ближе твой подход, хоть я признаю важность и необходимость того, что делают твои московские корреспонденты.

Интересно, что оба участника этого диалога (здесь скорее дуэт, чем полемика, при обоюдном осознании специфики подходов) как бы выходят за рамки историко-наукведческих задач. Ты – в сторону социологии и психологии общения и экзистенциальных прозрений (вослед своему дяде и его экзотическому герою). У Л.К. это “расширение границ” не столь выражено и, понятно, направлено в другую сторону (возможно, не только в историю, но и в “социологию социологии”). И ее методология, кстати сказать, не так уж специфицирована для обсуждаемого объекта (ученые-социологи).

Мне уже приходилось высказываться на эти темы (последний раз – не далее как вчера на семинаре В. Козловского “Актуальная история российской социологии”, где и Ты был виртуальным участником. Из ранее не прописанных мною соображений укажу лишь на своего рода трехуровневую структуру “истории российской социологии в лицах”,^{*} которая сегодня выстраивается вами с Димой Шалиным – и на сайте МБИ, и в бумажной научной и популярной прессе.

Первый уровень назову: автопортреты (о чем уже приходилось не раз говорить). В этом плане твои биографические интервью самоценны. И вкуче со сделанным ранее Г. Батыгиным и его коллегами они составляют уникальный биографический фонд, каким немногие из современных научных сообществ могут похвалиться.

Второй уровень: история науки, в частности, новейшей российской социологии. в которой (науке...) “история людей” является столь же необходимой частью, как и “история идей” и “история институтов”. При отмеченной самоценности мемуаров, автобиографий, биографических интервью эти личностные документы выступают также и материалом для указанного второго уровня описания и анализа.

Но есть и третий уровень, по-моему, еще недооцененный: это изучение общества, его относительно недавней и “текущей” истории, менталитета и форм социального поведения одной из незначимых его (общества) групп интеллектуалов. Биографии членов социологического сообщества, как, может быть, никакой иной группы

^{*} *Алексеев А. Н.* История российской социологии в лицах. Материал к научному семинару «Актуальная история российской социологии» (СИ РАН, СПбГУ, Социологическое общество имени М. М. Ковалевского; июнь 2007) http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/alekseev_sociology.html

из этого ряда, репрезентируют все типы не только профессиональных карьер, но и взаимоотношений личности и социальных институтов, будь то власть, наука, или иные общественные сферы.

В этом плане исключительно ценной новацией на вашем сайте являются интервью с представителями московской и питерской интеллигенции (социологов!) взятые в первой половине 1990-х гг. Димой Шалиным. Их было бы интересно сопоставить с твоими биографическими. Есть и различия, и общее...

Иной раз не надо далеко ходить для социальных штудий. Говорят: “врачу, исцелися сам”. Но можно сказать также: “социолог, поставь сам себе диагноз”.

Что с успехом делают многие (не все!) из твоих “заслуженных собеседников” (заслуженных не в обиходной трактовке, а в смысле Ухтомского, то есть “собеседники, которых ты заслужил”...). И это во многом благодаря твоей “доминанте на Лицо другого” (тоже формула Ухтомского). Они делают это и сами, и дают ценнейший материал для последующих обобщений, твоих ли, чьих-либо еще. Тут – на всех хватит.

В заключение мне хотелось бы лишний раз обратить твое внимание на концепцию “личностного знания” М. Полани. Ты не ссылаешься на него, но говоришь чуть ли не его словами. Не знаю, есть ли его главная книга (которая так и называется – “Личностное знание”) в Интернете. Я в своей “Драматической социологии...” активно его цитирую, на него опираюсь, считаю себя абитуриентом школы Полани.

Я думаю, пока достаточно отправки этого письма с соответствующими замечаниями и соображениями – Тебе лично. Если сочтешь уместным, можешь познакомить с ними и твоих милых собеседниц.

Остальное – в другой раз. К счастью, удалось практически закончить перевозку “Алексеевского архива” в НИЦ “Мемориал”. Правда, там еще будет много хлопот по разборке и обустройству.

Твой Андр. Ал.

23.06.2007.

Дорогой Борис!

Своей присылкой расширенного варианта Вашего с Ларисой Козловой разговора Ты побуждаешь меня к дополнительным наблюдениям и соображениям.

Прежде всего, я замечаю, что Ты уже перестал быть «ведущим» в этой беседе, а только «закоперщиком» остался. Позиция Л.К. теперь больше прояснена, и уже не только реактивна на твои послы, что отрадно.

Из разговора о биографическом методе и об истории социологии это превращается в диалог о способах творчества в науке и за

ее пределами (если таковые имеются), с некоторым выходом на общие эпистемологические проблемы.

Вот, например, что-то вроде спора между вами о четырех проектах, или о четырех гранях одного. Для меня – твой проект един уже в силу того, что он твой профессионально-жизненный. Он целостен, поскольку целостен (при всем многообразии...) Ты сам как его субъект. А каналов жизненной активности и сфер творчества (даже более различающихся, чем история американской рекламы и история советской социологии...) может быть множество...

Кстати, и Калиостро для Б.Г. Кузнецова – это способ обнаружения целостности творческого бытия человечества (в котором и Пушкин, и Эйнштейн, и Аристотель – «современники» (не стоит, правда, забывать, что это метафора).

Кстати, яснее становится различие ваших с Л.К. не только методико-методологических подходов, а и теоретико-познавательных установок. Ты – апологет синтеза (с чем, наверное, согласишься), она – адепт анализа (с чем она, возможно, не согласится). Ну куда же вам друг от друга деваться и как обойтись?

(Правда не вреден еще и – не то чтобы арбитр, но сторонний наблюдатель, чтобы усмотреть эти две тенденции.)

Можно сказать и иначе: ваша «полемика» есть спор сугубого рационалиста и не сугубого интуитивиста.

Примечательно: там, где Л.К. делает допущение о «невесильности» науки или предположение об ее «кризисе», Ты с первым согласен на 100 процентов, а второе Тебя не очень беспокоит, ибо наука в перманентном кризисе.

...А мое предпочтение твоей «парадигмы» есть дело моей личной пристрастности, но не объективной правоты, ибо победителей в таких спорах нет и быть не может, а страшна лишь абсолютизация любой из точек зрения (чего, слава Богу, ни у кого из нас не наблюдается).

В прошлом письме я действительно адресовал Тебя к М. Полани (как к союзнику). Другим Твоим единомышленником мог бы стать (как и для меня), пожалуй, А. Ухтомский (имею в виду, понятно, не научно-физиологические его труды, а замечательную философскую эссеистику, открытую недавно; самое приближительное знакомство с ней возможно из моего четырехтомника, где она обильно цитируется).

Жду продолжения вашего диалога (или, как принято теперь говорить, полилога).

Твой Андр. Ал. 25.06.2007. 1:00.

И.Ф. ПЕТРОВСКАЯ: «ЭПОХА — НЕ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН, А ПАРТНЁР ЧЕЛОВЕКА В ДРАМЕ ЕГО ЖИЗНИ»*

В последние годы в различных разделах «Телескопа» было опубликовано множество биографических интервью с российскими социологами, биографий американских исследователей общественного мнения и рынка, методологических статей, касающихся многих аспектов изучения биографий. И я благодарен доктору искусствоведения Ире Федоровне Петровской (р. 1919), сотруднику Российского института истории искусств (С.-Петербург), согласившейся ответить на мои вопросы, относительно развиваемого ею научного направления – биографика (Петровская И.Ф. Введение в биографику. Источники биографической информации о россиянах 1801- 1917 гг. Российский институт истории искусств. – СПб: Logos, 2003). Я благодарен также историку Юрию Абрамовичу Виноградову, сделавшим возможным проведение этого электронного интервью.

Борис Докторов

Б.Д.: Что предшествовало Вашей работе над книгой «Биографика»? Ведь не могло быть так, что вдруг Вы принялись за написание такой работы...

И.П. Книга – некоторый итог моего опыта разнообразных работ по истории российского общества в течение многих десятилетий и столь же долгих размышлений об истории и исторической науке, в процессе которых менялись некоторые убеждения. Как все мои работы она вызвана стремлением способствовать достижению истины в познании истории Отечества. Книга состоит из двух частей, и пути к ним различны. Первым был замысел сделать то, что составляет вторую часть («Источники биографической информации о россиянах 1801-1917 гг.»). Практически пользоваться пособиями такого рода я начала в 18-19 лет при систематизации и описании материалов личных архивных фондов, хранящихся в РГИА (тогда было другое название архива). Довольно скоро явилась потребность рассказать о них другим. Впервые удалось это сделать в 1982-84 гг., когда журнал «Русская литература», в связи с подготовкой словаря «Русские писатели, 1800-1917» опубликовал три мои статьи, ставшие затем (с дополнениями) тремя главами этой части книги.

* И.Ф. Петровская: «Эпоха – не исторический фон, а партнёр человека в драме его жизни» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 4. С. 39-42.

Интерес собственно к биографиям начался, по-видимому, с юношеского протеста против известных строк В.В. Маяковского:

«Единица!
Кому она нужна?
Голос единицы тоньше писка <... >
Единица – вздор,
единица – ноль».

В процессе исследования бытования искусств (театра и музыки) в его связи со всей духовной культурой, стало неопровержимо ясно, что для нашего самопознания нужна всесторонняя история российского общества, а не государства (политическая и экономическая), какой являлась советская историческая наука (за малым исключением). А эта история невозможна без изучения составляющих общество единиц.

Есть ещё одно соображение. Нынешнее состояние цивилизации вызывает осознание пагубности безостановочного материального (в области техники) движения вперёд и необходимости «переключения всех социальных сил на интеллектуальное, духовное развитие» (см., например, статьи С.А. Арутюнова и В.И. Левина в журнале «Человек», 2006, № 1). Углублённое изучение человека в истории – деятельность в этом направлении.

Вы рассматриваете биографику как раздел, особую область исторической науки. Каковы цели этой науки, ее предмет, объект, важнейшие методы? Почему Вы почувствовали необходимость введения этого научного направления?

Напомню, что вопрос об изучении биографий как особой и важной отрасли научных знаний впервые поднял Н.А Рыбников. В 1919 году он представил в Наркомпрос проект создания Биографического института для собирания, хранения и изучения биографий, с целью передачи накопленного людьми опыта «из поколения в поколение». Меня мысль о биографике как особой науке (научной дисциплине) заняла, о чём я уже сказала, в процессе изучения истории и исторических трудов.

Биографика имеет много общего с этими трудами в методах исследования. Значимое отличие – в объекте изучения. Другие исторические науки изучают результаты деятельности людей и «общественное сознание», а биографика – непосредственно человека во всех проявлениях его существования, в том числе его психической мир. Это наука о постижении жизни конкретных людей, причастных ко всем областям человеческой деятельности. Подобно науке истории, которую составляет

прежде всего историческое знание, и лишь кроме него — теория и методика исторических исследований, биографика как специальная историческая наука включает не только разработку теоретических проблем самой науки и закономерностей человеческой жизни, но и собственно биографическое знание: составление биографий и других видов биографических сведений (биографических текстов) и совокупность результатов этой деятельности. Ваш вопрос и сам интерес социолога к книге наводит на мысль, что биографика может быть особой гуманитарной наукой; на пользу и социологии, также как и литературоведению, искусствоведению, науковедению и др.

В первую очередь необходимость такой науки диктуют, на мой взгляд, те цели и задачи, которые теперь стоят перед наукой историей. Она должна помочь человечеству понять себя. Человек познал мир от элементарных частиц до бескрайнего космоса, но благоденствия человечеству это не принесло. Нужно взглянуть в себя, тогда, может быть удастся что-то усовершенствовать. Этому и поможет, в дополнение к общей истории, биографика.

Историческая наука в России советского периода решительно исключала из своего ведения верования, нравственные нормы, понятия о совести и долге, о смысле существования, обычаи и др., всю область духовной культуры и быта. (Доселе бытует дикая формула: «история и [?] культура»). А без исследования всего этого историю не понять. (На Западе уже давно аграрную историю изучают в связи с психологией крестьян). Но духовная жизнь эпохи, её разных социальных слоёв может предстать более или менее ясной лишь при исследовании многих конкретных жизней. Исследование индивидуальностей необходимо ради углублённых знаний о человеческих обществах и человечестве в целом. Сумма биографий подобна сводке экспериментальных данных в других науках. Относительная истина об обществе может быть достигнута лишь при наличии множества жизнеописаний его членов, хотя бы различной степени полноты, разных жанров (видов).

Вместе с тем воспроизведение жизненного пути людей, включая их психику, не ступень лишь к выявлению закономерностей. Образ любого слоя прошлого интересен сам по себе, соприкосновение с воскрешённой реальностью обогатит обратившегося к ней какой-то стороной исторического опыта (по-разному, соответственно различию индивидуальностей). Как в настоящем самоценна каждая человеческая жизнь, так и жизнь человека былой эпохи, его психика интересны сами по себе как жизнь другого и частичка жизни былого целого.

Методы биографики те же, что методы исторической науки,

когда она выступает именно как наука, а не служанка политики или поставщица развлекательной литературы. Я о них написала в «Биографике», дополняя в заканчиваемой ныне небольшой книге «За научное изучение истории России! О методах и приёмах исторических исследований: Критико-методический очерк». Главное – максимум исторических источников и критика каждого (историческая критика). Биография – это всегда история, рассказ о прошедшем. Дополнительно биографу следовало бы знать основы науки психологии, учитывая, впрочем, что там действует несколько теорий, в том числе противоречащих друг другу. В книге я привела важнейшие данные психологии.

Что, такое, по Вашему мнению, биография?

Целостную биографию понимаю как повествование об истории индивидуального жизненного пути от его начала до конца, исследование жизни человека во всех проявлениях взаимодействия внешних событий и психики (деяния, общение, эмоциональное отношение к фактам своего и окружающего бытия, и т.д.). Предполагаю научные биографии. Имею в виду не предназначение лишь учёным, а научные методы исследования и научное оформление. Разумеется, кроме полных, всесторонних биографий возможны и описания части жизненного пути – временного его отрезка или выделенной для изучения области деятельности. Если такие повествования будут удовлетворять научным требованиям, то они также явятся ценным вкладом в развитие биографики и – шире – в изучение истории Отечества.

Задача биографики понять Другого как единственного и неповторимого и как часть суверенного целого – того времени и той среды, к которой он принадлежал. Он – Другой. У него иной склад чувств и ума, иной мир вне и внутри него. У него другое мировосприятие, иная система ценностей, иные понятия о добродетелях и пороках, другое представление о «дозволенно-должном» поведении (выражение П. А. Сорокина) и противоречащих ему актах, иное эмоциональное отношение ко многим явлениям.

Невозможно создать универсальную теорию биографического познания, не отвлечённую, а направленную на помощь исследователям-практикам, которая была бы безусловно верной для всех случаев исследования. Свои особенности присущи биографиям учёных естественных и точных наук, историков, писателей, композиторов, актёров и т.д. Вообще, претензия на универсальность в этой области не согласуется с уникаль-

ностью любого человека. Но можно говорить об основных требованиях к содержанию биографии, о наиболее плодотворных путях (методах) биографического изучения.

Что включает в себя биография?

О желательном, на мой взгляд, содержании биографий сказала в книге на десяти страницах. Выработывая требования, обращала внимание на то, что может помочь понять не только историю, но и наше современное общество. Всё здесь повторять не могу, отмечу некоторые моменты.

Для того, чтобы воссоздать целостный образ человека и его жизненный путь, нужно знать не только этапы пути, но и все условия жизни, включая бытовой уклад, формы проведения досуга и т.д. Изучение деталей частной жизни это не «мелочные» исследования, если стоит названная задача. Интересны все жизненные обстоятельства. Только выяснение максимума их позволит понять течение жизни. Но нужно помнить, что сходные условия по-разному действуют на разных людей. И что ни одно событие не является следствием одной причины.

Не меньшее значение, чем картина событий жизни, имеет область чувств. Жизнь — это не только события, но и переживания их. Важно вскрыть, что было наиболее значимо для человека, его главные ценности, жизненные установки, интересы, мечты, идеалы, всю историю духовной (душевной) жизни человека, мотивы его действий. Серьёзного внимания заслуживает проблема любви в жизни человека. Важно рассмотреть оба её рода: 1) любовь, связанная с сексуальным влечением. Брачными отношениями. 2) любовь, не связанная с сексуальным влечением. Известный психолог С.Л. Рубинштейн писал: «Любовь выступает как утверждение бытия человека.»

Интересно для характеристики человека отношение его к низестоящим и вышестоящим людям. Нужно, конечно, выяснить в целом моральные нормы и ценности героя биографии, его понятия о добре и зле, справедливости и т.д. Свойственна ли ему была честность — правдивость, выполнение принятых обязательств. Искренняя вера в правоту собственных действий, или, напротив, — ложь, лицемерие, казнокрадство, взяточничество и т.п.

Нельзя оставить без внимания личную позицию человека в исторических событиях — участие или неучастие в них, оценку, переживания. Значимо и отношение к отечеству, к государству. Важно для полного раскрытия человека и его отношение к религии — внешнее и истинное, внутреннее.

Как опыт биографии написала автобиографию («В конце пути». СПб. 1999; издательство «Петрополис» готовит 2-е, дополненное издание). В большой мере писала её как «историю моей современницы», стараясь, по возможности, удовлетворить тем требованиям, которые затем изложила в «Биографике». Из книги, в частности, ясно, что нельзя разделять жизнь «внешнюю» и «внутреннюю». Не распространяю на всё человечество собственные комплексы, как сделал З. Фрейд, но уверена, что в этом отношении не являюсь редким исключением. Употребляемая часто формула «жизнь и деятельность» антинаучна. В человеке неразрывно соединены его физическое существование, душа его и дела его.

Внесоциального, внеисторического человека не бывает, несмотря на уникальность каждого. В изучение индивидуально-жизненного пути входит изучение эпохи и среды. Эпоха – не «исторический фон», а партнёр человека в драме (трагедии, комедии) его жизни. Необходимо учитывать все особенности того времени – социальной психологии, идеологии, этики.

Вникая в характер изучаемого лица, нельзя спешить с определением его. Известно, что в характере человека проявляются ведущие и «второстепенные» черты, которые могут контрастировать, и даже резко, с ведущими.

Не могли бы Вы высказаться по поводу соотношения биографии и судьбы?

Не поняла вопрос о судьбе. Чуждая всяких суеверий, я не приемлю идею судьбы как предопределения. Человек сам строит свою жизнь – подчиняясь обстоятельствам, сколько возможно отстраняясь от них, преодолевая их (борясь) с большими или меньшими усилиями. По какому из возможных путей шёл герой, важно выяснить в биографии. Полагаю, что жизнь человека определяют в основном три фактора: его биогенетические качества, конкретные исторические условия (социальные в широком смысле и ближайшие – семья, воспитание), собственные его желания, или жизненные планы. Роль каждого из факторов различна в жизни разных лиц. А сходные обстоятельства не предопределяют унификацию людей.

Нужны сведения о матерях и жёнах, поскольку они в большинстве случаев играли заметную, а нередко и очень большую, роль в жизни героев биографий, о других членах семьи, о всём круге ближайшего общения. (Отмечу, что этому следует издаваемый в БРЭ биографический словарь «Русские писатели, 1800 – 1917»). Круг общения расширяет и уточняет представление о человеке, и более того – об общественной

жизни в целом. Например, жена К.Ю. Давыдова, знаменитого виртуоза-виолончелиста, композитора и преподавателя виолончели, а в 1876-87 директора Петербургской консерватории, А.А. Давыдова — основательница и издатель либерального оппозиционного литературного и научно-популярного журнала «Мир божий»; их старшая дочь Лидия Карловна, переводчица, публицистка, стала женой М.И. Туган-Барановского, известного историка и экономиста, «легального марксиста». Данные о таких родственных и дружеских связях, как правило, сопровождавшихся идейными контактами, раскрывают взаимосвязи кругов образованного общества, обычно рассматривают обособленно, а это искажает историческую действительность.

Какие сложности, трудности, по Вашему мнению, приходится преодолевать биографу?

Две главные трудности — в работе биографа. Первая — недостаточность источников, которые осветили бы все стороны жизни избранного героя, все грани его характера. Вторая — необходимость как бы отстраниться от себя. В психологии (науке) известен «эффект зеркала»: человек приписывает другому то, что думает о себе. Задача биографа, как всякого историка, остерегаться этого. Как я уже сказала, герой биографии всегда Другой. Чрезвычайно отличаются от нынешних люди прошлого. Но и мы очень разные. И в советское время были разные, хотя нам и внушали, что все мы — «советские люди». Каждый человек уникален. Сколько-нибудь полное тождество исключено.

В связи с этой, второй трудностью встаёт вопрос, всякий ли может стать автором научной биографии. Нет. Не потому, что биографика — «профессия и призвание» (на мой взгляд, это ложный тезис). Биография Другого не получится у человека самовлюблённого, самонадеянного, с комплексом собственной полноценности, слишком уверенного в своих возможностях понять, постичь, склонного к поспешным умозаключениям.

В последние годы я написал ряд статей и несколько книг, в которых рассматривал жизнь и творчество многих ученых и трактую процесс написания биографии как общение, мысленный диалог с героем. Можно ли иначе интерпретировать работу биографа?

Известны разные поводы и цели написания биографий. И в этих разных случаях, мне кажется, можно по-разному интерпретировать этот процесс. Если Вы пишете биографию учё-

ного Вашей специальности, естествен Ваш подход – мысленный диалог с героем. Авторам биографий, например, «Жизнь замечательных людей», это не подойдёт. Написание биографий, к созданию которых я призываю, – это процесс познания Другого с позиции, близкой естествоиспытателю (только объект неизмеримо сложнее) – заинтересованный, внимательный и дружелюбный взгляд со стороны.

Какой точки зрения Вы придерживаетесь в вопросе о соотношении объективности биографа и его пристрастности? Сразу отмечу, что в моем понимании, без пристрастности по отношению к герою нет смысла писать его биографию.

Мне кажется, в вопросе смешаны два понятия (нередко с этим сталкиваюсь) : «пристрастие» – любовь, увлечение, и «пристрастность» – необъективность, по-старинному – лицепрятие.

Равнодушие ещё ни в какой области не давало хороших плодов. На мой взгляд, наиболее плодотворное чувство для биографа – восхищение (не путать с преклонением, которое, как и ненависть, ведёт к необъективности). Стоит поискать, чем восхититься. Но при любом увлечении нельзя допускать приукрашивания, скрывать неприятные автору черты. Восхищение не исключает стремления к истине. Правда – бог биографа-историка. Думаю, что так должно быть и в социологии. Для достижения правды нужно преодолевать те трудности, о которых сказала выше. Следует стараться отвлечься от присутствующих своему времени представлений о человеке и других явлениях. Нужна открытость к постижению другой эпохи, другой среды. Необходимо остерегаться опоры на свой опыт; «вчувствование», «внутреннее постижение» противопоказаны, ибо чувства Другого пережить невозможно, их можно только приближённо, конечно, понять. Биографу нужна способность к сочувствию Другому, при осознании его другим, без уподобления его себе (или себя – ему). Стремление понять Другого и определённое «дружелюбие», как выразился Марк Блок, – нравственный и интеллектуальный долг историка и биографа.

В чем различие литературной и научной биографии? Не могли бы Вы указать ряд, на Ваш взгляд успешно написанных научных биографий деятелей науки или культуры?

Так называемые «художественные» биографии, простите, ненавижу, поскольку ненавижу всякую ложь и не приемлю никаких посягательств на неприкосновенность личности. Эти

сочинения сообщают придуманные факты, несуществовавшие диалоги; события авторы перетасовывают во времени, так что видятся другие поводы и стимулы их. Всё это в угоду сомнительной «художественности» и соответствия образу, созданному в воображении автора или заказанного ему. Будь человек жив, он мог бы подать в суд на автора такой биографии за нанесение морального ущерба. Свежий пример. 13 марта этого (2008) года по каналу «Культура» российского ТВ (17.00 – 17.10) показан якобы документальный фильм об И.П. Павлове. Он возмутил всех, знающих биографию учёного по первоисточникам. Павлов представлен истовым, верующим, православным, тогда как он иногда лишь изображал из себя верующего, в пику советской власти. Он сказал: «Я семинарист и, как большинство семинаристов, уже со школьной скамьи стал безбожником, афеистом». (И.П. Павлов в воспоминаниях современников. Л., 1967. С. 131). Авторы фильма факты исказили или вовсе придумали.

Литературные биографии – это произведения беллетристики, и к науке отношения не имеют, ими занимается литературоведение. Иногда они могут представлять интерес как факт посмертной истории.

Выше я всё время говорила о научной биографии, отмечая именно то, что отличает её от «популярной», «художественной», «литературной». Совершенных биографий не знаю. Возможно, они есть. Но, как правило, биографии освещают одну сторону жизни («деятельности»), события подчинены поставленной цели воспитывать, просвещать или утвердить какую-то идею. Из известных мне новейших, не безупречная по моим высоким меркам, но очень хорошая биография В.К. Арсеньева, написанная А.А. Хисамутдиновым «Мне сопутствовала счастливая звезда...». (Владивосток, 2005).

После получения ответов И.Ф. Петровской в нашем телефонном разговоре я сказал, что у меня несколько иной взгляд на соотношении биографии и судьбы и я изложу его в кратком комментарии. Тогда она прислала мне небольшое дополнение, которое я привожу полностью.

Дорогой Борис Зусманович!

Наверное, будет хорошо, если после моего ответа на вопрос о «судьбе» Вы поместите свои соображения, а затем мой отклик на них:

И.П. Потомственная атеистка, я не могу поверить в предопределение и предназначение в мистическом плане. О роли биоэнетических свойств и обстоятельств жизни уже сказала.

Меня заняла идея биографики как способа приблизиться к истине в постижении истории человеческих обществ конкретных эпох. Если утверждать биографику не как историческую дисциплину, а как особую гуманитарную науку (плодами которой будут пользоваться другие науки), мне нужно ещё поразмышлять.

Насчёт Маяковского. Вряд ли Вам стоит возражать мне. Я упомянула моё личное восприятие его цитируемых строк. В целом эта фигура в настоящее время мне не интересна и к делу не относится.

Будьте счастливы.

И. Петровская
14 апреля 2008

БИОГРАФИЯ – ЭТО РАССКАЗ О ПРОШЕДШЕМ, НО НАПИСАННЫЙ СЕГОДНЯ*

Содержание интересной и полезной книги [1] Иры Федоровны Петровской «Биографика» и наша беседа [2] с нею показывают и сложность изучения биографий, и множественность подходов к пониманию сущности биографии. Если кратко, то мое отношение к высказанному ею сводится к простой формуле: я согласен с ее точкой зрения, но при этом разделяю многое в подходах других и не отказываюсь от своего. Природа подобного отношения вызвана рядом обстоятельств, но главные из них - два. Во-первых, мы по-разному смотрим на соотношение прошлого и настоящего, во-вторых, различно трактуем роль биографа.

Согласно Петровской, «биография – это всегда история, рассказ о прошедшем». Очевидно, что прошлое в биографии более, чем просто присутствует, оно – партнер человека в драме его жизни. Однако серьезно написанная биография не может быть о лишь прошедшем, само по себе это отдаленное время интересно только узкому кругу специалистов. Биография личности, оставившей яркий след в той или иной области человеческой деятельности, значима лишь в том случае, если прошлое, присутствующее в ней, воспринимается современностью как значимое, и в этом смысле биография, даже человека жившего много веков назад, - это и рассказ о настоящем. Цель изучения биографии всегда современна и обязательно явно или латентно касается будущее. Мне близок девиз одной из онлайн-сетей американских историков: «Так как прошлое – это настоящее и будущее также» (Because the Past is the Present, and the Future too). Другими словами, «чистого» прошлого в историко-биографических исследованиях не существует.

К теме баланса прошлого и настоящего, относится и вопрос о соотношении судьбы и биографии. И.Ф. Петровская ответила: «Чуждая всяких суеверий, я не приемлю идею судьбы как предопределения. Человек сам строит свою жизнь – подчиняясь обстоятельствам, сколько возможно отстраняясь от них, преодолевая их (борясь) с большими или меньшими усилиями». И далее она указывает на три фактора, определяющие биографию: биогенетические качества человека, конкретные историко-социальные условия его жизни и его собственные жизненные планы. Но, по моему мнению, называя эти факторы, Петровская, во многом говорит именно о судьбе.

В данном случае нет необходимости рассматривать и ком-

* Докторов Б. Биография – это рассказ о прошедшем, но написанный сегодня // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 4. С. 43-44.

ментировать различные дефиниции терминов «биография» и «судьба», обозначу лишь в общих чертах мою точку зрения на природу их единства-различия [3]. Биография – это совокупность всех действий и мыслей человека, приходящихся на годы его жизни. Дальнейшее движение истории, развитие сферы деятельности, в которой работал человек, не в силах изменить траекторию его жизни, ибо все это уже произошло. Но будущее придает прожитой жизни новый смысл, и значит – детерминирует, проявляет судьбу.

Судьба, в моем понимании, – это комплекс всего, что предопределяет биографию человека, что ведет его по жизни и что связано с ним после ее завершения. У биографии есть начало и конец, судьба – теоретически бесконечна, точнее сказать – она обычно дольше, продолжительнее жизни. Судьба – многомернее биографии. И, говоря по существу, биографы имеют дело не с биографиями, а с судьбами. Ученые, писатели оказываются во власти судеб своих героев уже тогда, когда берутся за изучение их биографий, а часто – и много раньше. Историк, как правило, имеет дело не с собственно биографией, но с биографией как частью, элементом, слоем судьбы человека. И очень часто, чем более продолжительный интервал времени разделяет биографа и биографируемого, тем тоньше оказывается биографический пласт и тем сложнее выделить его из судьбы. За несколько десятилетий, а часто и за более короткий срок, биография «пропитывается» судьбой. Это и есть мифологизация образа человека.

Чтобы иллюстрировать некую «заданности» конструкции жизненной траектории человека, не обязательно обращаться к истории императорских, монарших семей, достаточно вспомнить множество династий военных, ученых, музыкантов. В США никогда не было дворянства и системы сословий, но есть долгие семейные истории. В политике и в бизнесе существуют кланы, в которых опыт первых сохраняется и преумножается в деятельности трех-четырех и более поколений.

В моих интервью с российскими социологами тоже наблюдается существование некоей предначертанности. Татьяна Ивановна Заславская многое рассказала о своем деду – профессоре-физике и отце – профессоре-психологе и отметила, что с детства знала, что она будет заниматься наукой [4]. Отец и дед Андрея Григорьевича Здравомыслова были выпускниками Петербургского университета, по-видимому, и он считал своим долгом учиться там [5]. Среди первых поколений российских социологов никто не мог, а потому и не был продолжателем дела отцов, семейные традиции никак не детерминировали выбор этой профессии. Но теперь многое изменилось: Владимир

Александрович Ядов говорит уже о трех поколения социологов в его семье [6].

Однако судьба – это не только предначертанность биографии, или предбиография, судьба это – и постбиография, это жизнь после смерти, ибо, судьба человека, много оставившего людям, с одной стороны, просматривается в процессе освоения его наследия представителями новых поколений, с другой – влияет на это процесс. В богатой постбиографической жизни, невозможно отделить факты от мифов, и дело не в ограниченности информационной базы, а в психологии людей. Например, в уже написанных биографиях Владимира Высоцкого, невозможно отделить правду от вымысла. И в будущем отфильтровать одно от другого будет невозможно, ибо каждый, кто возьмется за описание его жизни, будет не только опираться на опубликованное, но слушать его песни, т.е постоянно общаться с ним.

И.Ф. Петровская пришла к изучению биографии как историк-источниковед, знающий досконально эту область и акцентирующий важность следования букве документа. Но есть и другие дороги, ведущие исследователей к анализу биографий.

Так, для Юрия Александровича Филипченко (1882-1930), основателя петербургской школы генетики, одного из первых русских биологов, применявших вариационную статистику, было естественным написать о Гальтоне и Менделе, которые заложили основы этих наук [7]. Работа Бориса Григорьевича Кузнецова (1903-1984) началась в коллективе создателей плана ГОЭЛРО, она заставила его задуматься о будущем развитии электротехники, это, в свою очередь, было импульсом к обращению к истории и методологии науки – от эпохи Возрождения до рождения теории относительности и квантовой физики. И уже затем возникли его известные книги об Эйнштейне [8] и Галилее [9]. Даниил Семенович Данин (1914-2000), до войны закончил физический факультет МГУ и Литературный институт им. Горького. В 60-х его заинтересовали «драмы идей», и некоторые итоги осмысления этого феномена отражены в его научных художественных биографиях Резерфорда [10] и Бора [11]. Мой интерес к биографиям и наследию Джорджа Гэллапа и других американских полстеров возник из стремления понять, как «из ничего» возникла сложная и многообразная современная методология и практика изучения общественного мнения, и разработка этой темы подтолкнула меня к проведению биографических интервью с отечественными социологами.

Я очень давно читал Филипченко и не помню, есть ли в его книге рассуждения о его методе работы над биографиями. Но в книгах Данина и Кузнецова мысленный диалог с их героями

присутствует явно. Их биографические построения – не только продолжение информации, представленной в документах, но и итоги мысленных диалогов с теми, чью жизнь они изучали.

Литература

1. *Петровская И.Ф.* Введение в биографику. Источники биографической информации о россиянах 1801- 1917 гг. Российский институт истории искусств. - СПб. : Logos, 2003.
2. *И.Ф. Петровская:* «Эпоха – не исторический фон, а партнёр человека в драме его жизни». Настоящий выпуск журнала, с. ???
3. *Докторов Б.З.* Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСП. 2008. Гл. 1.
4. *Т.И. Заславская:* «Глоток свободы был слишком основательным» // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований.* 2007. № 5. С. 5-14.
5. *Здравомыслов А.Г.* «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит – надо искать объяснение в мире людских отношений» // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2006. № 5. С. 2-10.
6. *В.А. Ядов:* «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2005. №3. С. 2-11; 2005. №4. С. 2-10.
7. *Филипченко Ю.А.* Фрэнсис Гальтон и Грегор Мендель. М.: 1925.
8. *Кузнецов Б.Г.* *Эйнштейн.* Жизнь. Смерть. Бессмертие. М.: Наука, 1979.
9. *Кузнецов Б.Г.* Галилей. - М.: Наука, 1964.
10. *Данин Д.* *Резерфорд.* М.: 1967.
11. *Данин Д.* *Нильс Бор.* М.. 1978.

К СЕМИЛЕТИЮ РУБРИКИ «СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ»*

В статье подводятся итоги семи лет существования рубрики «Современная история российской социологии».

Ключевые слова: постхрущевская российская социология, журнал «Телескоп», биографическое интервью, второе рождение советской/российской социологии.

Данная статья – это развернутая благодарность руководителю рубрики «Современная история российской социологии» ее читателям, всем авторам материалов, представленных в ней, и, конечно же, издателю и редактору «Телескопа» М.Е. Илле. Он – инициатор появления в журнале этого раздела, автор его названия и лишь благодаря его поддержке этот «ребенок» живет и растет.

Непосредственной причиной, побудившей меня написать эту статью, являются два значимых события в истории рубрики. Первое, ей исполнилось *семь лет*. Второе, настоящий выпуск «Телескопа» – *сороковой* в непрерывном, что крайне важно, процессе освещения событий современного этапа развития нашей науки и деятельности нескольких поколений советских/российских социологов.

Ранее мною предпринимались попытки подведения итогов сделанного, но теперь этот проект «подрос», накоплен немалый теоретический, методологический и методический опыт сбора и анализа информации о нашем далеком и близком прошлом. Потому представляется естественным вернуться к этой теме и детальнее описать характер проводимой работы и некоторые выводы, базирующиеся на материалах проекта.

Рождение рубрики

Все началось *как бы случайно*, без ясных, однозначно фиксируемых сознанием причин. 13 апреля 2004, будучи в Москве, я навестил Б.А. Грушина. Он подарил мне очередной том своего «четырехкнижия» и рассказал о дальнейшей работе над этим грандиозным замыслом.

В середине июня того года я задумал написать статью о нем. Это произошло под влиянием изучения биографий американских полстеров, а также многообразия российских впечатлений. Главное же – приближался юбилей Грушина – его 75-летие.

Я позвонил Грушину, сказал о своем замысле и предупредил

* Докторов Б. К семилетию рубрики «Современная история российской социологии» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 5. С.2-10.

дил, что статья не будет «юбилейной». Мне казалось, что рассуждения о «линии Грушина», развивавшиеся за несколько лет до того в книге «Эпоха Ельцина» [1], можно будет относительно быстро довести до статьи. Однако на это потребовался месяц, статья вышла в сентябрьском номере «Телескопа» (2004, №4). Грушин был тогда в Америке и, получив журнал, позвонил мне. Указав на ряд неточностей, он в целом принял работу. После этого я с легкой душой отправил текст моим коллегам, знавшим Грушина и дружившим с ним.

Первым ответил Б.М. Фирсов: «Так мы друг о друге не писали...». Несколько позже откликнулся Ядов: «...я с огромным интересом прочел твою статью о Грушине, каковая далеко не только о нем, но многом другом, что важно для понимания процессов развития важнейшего направления в социологии...» [2]. На следующий день он добавил: «Пример Грушина заразителен». Я воспринял эти слова как предложение заняться историей отечественной социологии. И начал.

Вскоре после выхода статьи о Грушине пришло предложение М.Е. Илле подумать о создании рубрики по истории современной российской социологии. Эта идея мне сразу показалась заслуживающей внимания и действия, хотя в то время я не занимался этой проблематикой, но активно собирал данные о жизни и творчестве Джорджа Гэллага и становлении его метода изучения общественного мнения. Да и статья о Грушине рассматривалась мною не как элемент изучения истории российской социологии, но прежде всего как знак моего личного отношения к нему, и ее дальняя цель заключалась в сравнении процессов зарождения технологии и культуры опросов общественного мнения в разных политико-социальных средах. Другими словами, в предметном пространстве-времени я находился «далеко» от вопросов возникновения и развития постхрущевской советской социологии.

Было несколько причин моего *позитивного отклика* на предложение Илле и быстрого включения в эту работу. Во-первых, конечно, собственное многолетнее участие в социологических исследованиях и желание вернуться в свое профессиональное сообщество; к тому моменту я десять лет фактически находился в стороне от него. Во-вторых, первичный опыт изучения прошлого американских опросов общественного мнения и биографий аналитиков, работавших в этой области. Мне казалось, и отчасти это оказалось верным, что приобретенные в этом направлении навыки историко-биографических поисков окажутся полезными в новой работе. Есть и третье обстоятельство, но оно, теперь это кажется странным, было латентным, скорее давало импульс для интуиции, снимало страх перед

неизвестностью, чем было базой рациональных решений. Суть в том, что задолго до начала века, еще живя в СССР/России, я задумывался об изучении прошлого отечественной социологии и даже кое-что делал в этом направлении.

Около трех лет назад в беседе с Л.А. Козловой о первых 25 выпусках настоящей рубрики «Телескопа» (2009, № 1)* я отмечал, что до последнего времени датировал возникновение моего интереса развитию постхрущевской социологии концом 2004 г. Однако незадолго до той беседы в моем домашнем архиве обнаружилась страница из журнала «Социологические исследования» с текстом моего письма в редакцию. Оно было опубликовано в первом выпуске журнала за 1987 г. и называлось «Не терять преемственности» [3]; в нем аргументировалась необходимость оглянуться на развитие социологии в СССР за истекшие (тогда лишь) четверть века и подытожить прожитое нашим профессиональным сообществом.

Заметка писалась в 1986 г., в самом начале перестройки, о возрождении российской социологии еще ничего не говорилось, наверное, потому в ней нет ни слова о необходимости анализа раннесоветской и дореволюционной социологии. Однако через четыре года мне удалось получить годовой грант по теме: «Из истории изучения экономического сознания в России. Начало XX века». Все годы жизни в Америке я помнил об этом микропроекте, но думал, что не публиковавшийся отчет о нем утрачен, а обращаться в архив Социологического института РАН не хотелось. Но во второй половине июня я нашел этот текст у себя дома и обнаружил в нем кое-что интересное для себя. В частности, я вспомнил серию событий, результатом которых стало мое письмо Нобелевскому лауреату по экономике Василию Васильевичу Леонтьеву.

Речь в нем шла о книге В.В. Леонтьева «Об изучении положения рабочих. Приемы исследования и материалы» (СПб, 1912 г.), мне хотелось уточнить, был ли ее автор отцом известного экономиста.

Упомянутый отчет был закончен не позднее ноября 1990 г., ответ Василия Васильевича Леонтьева датирован 2 декабря того же года, таким образом, мое письмо (копия которого у меня не сохранилась) скорее всего было отправлено ему осенью того года.

* Далее, в целях экономии места, при ссылках на материалы, опубликованные в «Телескопе», будет указываться лишь год и номер выпуска.

Профессору Борису Э. Докторову
Институт социологии АН СССР
386 Серпуховская ул.
198147 Ленинград, СССР
2 декабря 1990 г.

Уважаемый профессор Докторов:

Так как у меня нет пишущей машинки с русским алфавитом, отвечаю вам по-английски. Вы совершенно правы, В.В. Леонтьев, который опубликовал около восьмидесяти лет назад монографию «Об условиях жизни рабочих», мой отец. Эта была тема его докторской диссертации, написанной в Германии под руководством профессора Visser в университете Мюнхена.

Я, безусловно, буду рад помочь вам в получении полной информации о жизни и работе моего отца. К сожалению, большой объем работы, возникшей у меня в результате запросов, полученных из Советской России, притом что я должен уделять внимание многим обязанностям, делает невозможным для меня выполнить все сразу.

Я полагаю, что тем временем вы обратитесь в Международный фонд по истории науки, Университетская наб., 5, Ленинград 199024, который на протяжении некоторого времени отслеживал прошлое семьи Леонтьевых.

*С уважением,
Василий Леонтьев.*

В мире многое случается. 15 января 1991 года состоялось официальное открытие в Ленинграде «Леонтьевского центра». На банкете в гостинице «Астория» с относительно небольшим числом приглашенных я оказался рядом с А.Б. Чубайсом (судя по визитной карточке, он тогда был Председателем Госкомитета РСФСР по управлению государственным имуществом). Напротив нас сидел В.В. Леонтьев, обсуждавший различные проблемы с С.А. Васильевым, руководившим тогда Центром экономических реформ. Во время перерыва я попросил Чубайса, рассказав ему о приведенном письме, представить меня Леонтьеву. Беседа была короткой и светской; я напомнил ему моем письме, поблагодарил его за ответ и сказал, что продолжу мои поиски. Он обещал помогать. Но в силу разных причин ничего из этого не произошло.

Таким образом, я не был совсем «зеленым» в историко-социологических исследованиях, когда продумывал варианты формирования журнальной рубрики, и понимал, что проблем будет множество. Потому прежде всего была написана небольшая заметка «История есть, только если она написана», кото-

рая была опубликована в следующем выпуске журнала (2004, № 5). Я и сейчас уверен в том, что сведения, хранящиеся лишь в наших головах и в личных архивах, не есть история. Но они могут стать ею. Фактически эта статья была *краткой программой* нового раздела журнала, но в большой степени – формой убеждения самого себя в необходимости этой работы.

Интервью по электронной почте: другого пути у меня не оказалось

Когда в начале 1999 года Б.М. Фирсов планировал свой курс по истории советской социологии, он предложил группе экспертов высказаться в пользу одного из трех вариантов его композиции. Первый – осветить развитие ряда направлений социологии, второй – детально разобрать наиболее представительные, классические работы советского периода и третий – сконцентрироваться на анализе отношения между социологией и властью. Я предложил остановиться на втором варианте [4].

Поскольку Фирсов избрал иное направление анализа прошлого, я сначала задумал реализовать мое старое предложение и подготовить серию очерков по ряду представляющих мне наиболее интересными для демонстрации истории советской социологии книг, в том числе: «Человек и его работа» и «Человек после работы», книга Грушина по итогам Таганрогского проекта, «Телевидение глазами социолога» и еще несколько серьезных работ. Хотелось посмотреть, что в них современно, а что устарело. Эти все книги у меня есть, но было очевидно, что этого мало. В 20 минутах езды от меня на территории Стэнфордского университета расположена одна из крупнейших в США организаций по изучению России – Гуверовский институт, да и в самом университете есть Центр по изучению России, однако коллекции советской социологической литературы в них довольно бедные. Таким образом, этот вариант исторического исследования отпал.

Тогда я разослал электронные письма многим коллегам из Петербурга, Москвы и других городов с просьбой вспомнить и описать прошлое и прислать мне материалы для публикации. Это предложение не было воспринято с тем энтузиазмом, на который я рассчитывал, и тогда для поддержания уже объявленной в журнале рубрики пришлось искать что-то иное. Возник план проведения серии *интервью по электронной почте* с российскими социологами, с которыми я поддерживал более или менее постоянную переписку и воспоминания которых

были бы, по мнению издателя и моему собственному, интересны читателям «Телескопа». Тогда я не задумывался ни о выборке, ни о структуре интервью. Существовали сомнения в релевантности этого метода просматривавшимся целям исследования, но знание об успешности онлайн-маркетинговых опросов, проводившихся в США, и уже значительный опыт общения с российскими социологами по электронной почте заглушали сомнения в перспективности избранного метода сбора информации. Я трактовал его тогда как соединение *собственно биографического* интервьюирования (вопросы о жизни респондента) и *опроса экспертов* (вопросы о развитии социологии).

Одним из сдерживающих обстоятельств было понимание того, что в то время российские социологи старших поколений еще не очень овладели электронной почтой. Но я предполагал, что опрос будет проведен на небольшой выборке, и видел, что для реализации подобного плана у меня было достаточно ресурсов. Лишь одно интервью проведено непосредственно, лицом к лицу. А.В.Баранов не пользовался в 2008 году электронной почтой, и беседа с ним была записана на диктофон и транскрибирована его многолетней сотрудницей Марией Алисиной (2008, № 3).

Первым, к кому я обратился с просьбой «поговорить за жизнь», был Б.М. Фирсов, с которым меня связывают более трех десятилетий совместной работы и дружбы. Во второй половине августа 2004 года я написал ему: «Я исхожу из того, что кровь и пот (горячий и холодный) ряда поколений советских социологов, отразился в их работах. И нельзя все это так запросто забыть...» и спросил: «Может, и ты выскажешься?». Вскоре он ответил: «...согласен, что приходит время для высказываний». Начало процесса формирования методологии и технологии интервью отражает письмо, отправленное Фирсову в середине сентября [5]:

Меня интересуют *пионеры*...интервью с тобой я определяю как пост-юбилейное (БД: незадолго до этого письма Фирсов отмечал 75-летие) ...Нам всегда было о чем поговорить, и сейчас есть момент поговорить о тебе. История – это всегда люди, которые ее делают, другого взгляда на историю я не знаю.

Я – может быть, мы вместе – постепенно сформулирую(ем) вопросы в традиционной форме, а может быть этого не буду делать... интервью может быть как диалог, в котором 90% – это твои ответы, и 10% – мои вопросы... так тоже можно.

Что меня прежде всего интересует?

Во всех моих раскопках я уделяю особое внимание анализу процесса вхождения человека в науку, в том числе – его

учителям... в Америке – учителями были психологи первого поколения, учившиеся в Европе у Вундта, Бинэ и так далее.

В СССР до социологов первого поколения ничего не было...

В письме были сформулированы темы, по которым я просил Фирсова высказаться, и завершалось оно словами: «Поехали? Я понимаю, что обрекаю тебя на трудности самокопания, но это все важно для нашей науки, которой мы в силу наших возможностей (или нашей беспросветной глупости) продолжаем служить».

Итак, *четыре аспекта* будущей работы были обозначены уже в плане первого интервью: фокус на ученого как движителя науки, диалоговая природа общения с опрашиваемым, повышенное внимание к процессу вхождения человека в науку и установка на анализ генезиса современной российской социологии. Работа продвигалась быстро, и в первом выпуске «Телескопа» 2005 года интервью было опубликовано.

Сразу после новогодних праздников 2005 г. я предложил Я.И. Гилинскому провести с ним биографическое интервью. В тот момент в Петербурге была ночь, но уже через несколько минут после отправки моего письма я получил от него позитивный и обстоятельный ответ, начинавшийся словами: «Конечно, ты задел меня за живое. Я сам давно думаю об истории натворенного нами и лично мною» [6]. Работа продвигалась стремительно, иногда в режиме прямого диалога. В конце февраля интервью было завершено и сразу опубликовано (2005, № 2).

В том же номере журнала печаталась подборка материалов об умершем в 1990 году московском исследователе общественного мнения Я.С. Капелюше. Эта публикация продолжала освещение истории исследований общественного мнения в СССР, но одновременно она показывала, что содержание рубрики не сводится к публикации интервью. Важно и то, что это были воспоминания ряда бывших коллег и друзей Капелюша (Б.А. Грушина, А.И. Пригожина, Л.Н. Федотовой), а не только мой текст.

Появление в журнале подряд трех материалов по истории российской социологии свидетельствовало о том, что проект набирает силу; необходимо было продумать алгоритм дальнейшей работы. При поддержке М.Е. Илле было решено попытаться давать информацию на эту тему в каждом выпуске журнала, но решить эту задачу казалось очень сложным. Помог В.А. Ядов: в начале 2005 г. на мое предложение «поговорить о его жизни» я получил в ответ: «...благодарю за стимул осмыслить жизнь. Я был увлечен этим и, как мог, откладывал текущее. Спасибо. Жду твои замечания и советы. Ману

thanks» [7]. Работали мы споро, текст быстро рос. Результат интервью с Ядовым был размещен в двух последующих номерах журнала (2005, № 3,4).

Мне очень повезло с тремя первыми респондентами-экспертами; я обратился к людям, *готовым и способным* рассказывать о себе. Поэтому интервью с ними сразу вывели меня на очень широкую область *биографического и исторического анализа*. По сути, уже здесь сложилось понимание осуществляемых интервью, чаще я называю их *беседами*, как формы *профессионального и личностного общения*; в частности, я решил и в интервью, хотя это публичная форма общения, придерживаться той *формы обращения* к человеку («ты» или «вы», по имени или по имени и отчеству), которая сложилась у нас ранее. Исходно я думал о том, чтобы максимально унифицировать содержание и структуру интервью и стремиться к использованию набора стандартных вопросов, другими словами, не отходить далеко от формализованного типа интервью. Однако, поскольку трое моих первых собеседников разными путями пришли в социологию, работают в разных предметных, тематических нишах, имеют разный жизненный опыт, стало понятно, что интервью должны быть *неформализованными*.

Освоение ролей интервьюера и интервьюируемого

Довольно быстро сложилась практика одновременного опроса двух-трех респондентов, появилась возможность не торопить каждого, а форсировать работу лишь над тем интервью, которое было ближе других к завершению. Вскоре технология интервьюирования оказалась настолько отлаженной, что тексты стали публиковаться не только на главной площадке – в «Телескопе», но также в «Социологическом журнале» и в журнале «Социальная реальность», несколько лет издававшимся Фондом «Общественное мнение».

Первые биографические беседы были проведены с учеными, которых теперь я отношу к первому и второму поколению советских/российских социологов, но уже летом 2005 года было завершено интервью с Л.Е. Кесельманом (2005, №5), входящим, согласно выстроенной мною «лестнице поколений» (см. Таблицы 1, 2 в Приложении), в третью генерацию. В процессе этой работы у меня возникла потребность в комментировании сказанного, так возникла «рубрика в рубрике», называемая «Как это было» (2005, № 5). Материалы этой серии появляются нечасто (было пять выпусков), но она оказалась жизнеспособной. Вслед за интервью с Кесельманом в течении полутора

лет было опубликовано еще пять бесед с представителями третьего поколения социологов: Д.Л. Константиновским (2006, № 3), Р.С. Могилевским (2006, № 2), Л.В. Пановой (2008, № 4), Е.Э. Смирновой (2006, № 1) и И.И. Травиным (2008, №1).

Несмотря на то, что Ядов уже многие годы живет и работает в Москве, для меня он прежде всего – создатель «ленинградской социологической школы» и мой коллега по ленинградским социологическим институтам и Ленинградской социологической ассоциации. Так же ленинградцем я воспринимал и многие годы жившего в Москве А.Г. Здравомыслова (2006, № 5; «Социологический журнал, 2006. № 3/4), под руководством которого входил в социологию. И в этом смысле интервью с Константиновским оказалось первым, в котором моим собеседником был не ленинградец/петербуржец. Специфика такого интервью заключается в том, что разговор идет о той реальности, которую я *не наблюдал* и потому знаю весьма поверхностно.

Одновременно опубликованные в рубрике воспоминания о Капелюше и интервью с Гилинским подсажали мне приемы *введения в историческое* исследование людей, которые активно участвовали в развитии нашей науки, но которых, к сожалению, уже нельзя было проинтервьюировать. Так, Гилинский многое рассказал об умерших в относительно недавние годы Л.И. Спиридонове, П.Н. Лебедеве и Э.А. Фомине. Благодаря Константиновскому в создаваемую картину прошлого вошел один из создателей российской социологии В.Н. Шубкин, который многие годы болел и не мог быть опрошенным; в прошлом году его не стало. Тогда я видел свою задачу скорее не в том, чтобы писать историю российской/советской социологии, но в том, чтобы собрать как можно больше *свидетельств очевидцев о происходившем*.

Работа над биографией Джорджа Гэллапа показала мне, как из разрозненных, мелких, случайных, казалось бы, малоинтересных воспоминаний о нем и людях, в окружении которых он формировался и с которыми работал, возникло некое цельное знание об ученом и его творчестве. Поэтому при проведении интервью я не подразделял информацию на важную и менее значимую, относящуюся к ядру воспоминаний моего собеседника или к периферии. С одной стороны, было ясно, что ценность собранного сегодня будет расти со временем. С другой – не зафиксированное сейчас, скорее всего, пропадет навсегда. Это ощущение передано заголовком статьи «Биографии для истории» и ее заключительной фразой: «Хочется надеяться, что проект, который ведется на страницах “Телескопа” уже два года, будет иметь продолжение и станет частью широ-

ких и многоцелевых исследований, направленных на создание истории единой российско-советско-российской социологии» (2007, № 1, с. 22).

В начале июня 2006 года я получил электронное письмо от В.Э. Шляпентоха со словами: «Созрел для интервью». Беседа складывалась легко, материалов было собрано много, поэтому несколько различающиеся тексты интервью были опубликованы в разных журналах (2006, № 6; «Социальная реальность», 2006, №12). Шляпентох уезжал из СССР в те годы, когда отъезжавшие покидали страну фактически навсегда. Его книги были убраны из многих библиотек, и ссылаться на них не рекомендовалось. После публикации этого интервью в «Телескопе» и несколько отличающегося варианта (беседа оказалось очень объемной) в «Социальной реальности» (2006, № 12) многие узнали о социологе первого поколения, даже имя которого им было не известно. Через четыре года много интересного о зарождении «ленинградской социологической школы» вспомнил Э.В. Беляев (2010, № 3), дольше Шляпентоха живущий в США.

В практике интервьюера мне помогает то, что в начале исследования мне пришлось узнать всю гамму чувств, которые переживает человек, *рассказывающий свою биографию*. В конце января 2005 года Н.Я. Мазлумянова, закончившая тогда редактировать мою первую книгу из «гэллапиады», предложила мне рассказать о себе для «Социологического журнала». Будучи членом коллектива, которым руководил Г.С. Батыгин, она в тот момент обладала не меньшим, чем мой, опытом проведения биографических интервью и хорошо знала методологию этого типа опроса. Для меня беседа с Мазлумяновой («Социологический журнал», 2005, №4) оказалось прекрасной школой в области построения диалога с моими респондентами, я начал понимать состояние человека, рассказывающего о себе, осознавать существование границ пространства биографического диалога, за которые было бы лучше не заходить. Мое погружение в «роль» интервьюируемого продолжилось весной 2006 года, когда я отвечал на вопросы о прожитых годах, прежде всего в Америке, Фирсову; мы поменялись с ним ролями (2006, № 3). Я мог сравнивать ощущения, испытываемые респондентом при рассказе о себе человеку, которого в тот момент мало знал (Мазлумянову) и человеку, рядом с которым прожито более половины жизни и с которым привык делиться многими жизненными проблемами.

Письмо Ядова от 3 января 2008 г. еще раз предоставило мне шанс побыть респондентом. Он писал: «Не знаю, хватит ли мне времени и способностей, но хотел бы предпринять интервью с тобой наподобие тех, что ты осуществил с коллегами. Это

было бы и справедливо и поучительно. Главное, что представляется мне ценным, – артикулировать узловые точки твоей методологической саморефлексии, лабораторию мыслительного процесса». Принципиально новым для меня в этой беседе оказалось фокусирование Ядовым широкого спектра вопросов, относящихся именно к моей работе по историко-биографической тематике. Фактически, это интервью стало подведением итогов развития исторической рубрики в течение первых трех лет ее существования (2008, № 1, 3) и импульсом для продолжения этой работы.

История должна быть многолюдной и писаться многими

Во второй половине лета 2006 года количество проведенных бесед приблизилось к десяти и стало понятно, что при соблюдении определенной системы правил электронное интервью является *валидным, эффективным* приемом получения историко-биографической информации. Возникло желание завершить сбор данных и переходить к их анализу; отчасти эта установка отражена в указанной выше статье «Биографии для истории». Но ряд обстоятельств препятствовали этому. Во-первых, в тот момент было несколько начатых интервью, они ожидали завершения и публикации. Во-вторых, во мне проснулся азарт собирателя, коллекция требовала пополнения. Но главное – все полнее становилось осознание того, что история российской социологии должна быть *многолюдной*.

В подготовленной под редакцией Г.С. Батыгина книге о российской социологии 60-х годов [8], с которой собственно начинается изучение современной истории нашей науки, представлены биографические интервью с узким кругом социологов старшего поколения, основная часть которых к тому моменту давно работала в Москве; преимущественно это были доктора наук, руководители крупных научных коллективов. Причины такого формирования массива собеседников очевидны, но в середине первого десятилетия нового столетия понимание прошлого и стремление к формированию информационного задела для будущих историко-научно-исследовательских разработок требовало расширения состава опрашиваемых. К тому моменту обогатилось когортное строение социологического сообщества и значительная часть социологов стала создателями, руководителями и сотрудниками независимых организаций, работающих в области прикладных социологических исследований, ощущалась также необходимость в расширении географии

проекта. К тому же, электронная почта стала обыденностью для большинства российских социологов.

Особую значимость в развитии моего исследования имела онлайн-беседа с А.Б. Гофманом, которую я решил проводить после того, как в нашем интервью Ядов назвал его среди наиболее заметных социологов, родившихся в конце 30-х – первой половине 40-х годов. Ранее я интервьюировал только тех, с кем был лично знаком многие годы, с кем работал вместе, кто относился к «ленинградской социологической школе», кто имел опыт проведения опросов и использовал жесткие методы социологии. Здесь все было иным, я знал лишь книгу Гофмана «Лекции по истории социологии». Это заставило меня отказаться от уже апробированного плана – хронологического «раскручивания» беседы и начать с обсуждения основных направлений его исследований. Работа наша началась в конце августа 2006 года и обрела привычный мне характер после того, как в конце того года мы встретились в Москве. Беседа пару раз прерывалась, но в начале 2007 года все было завершено (2007, № 2).

К настоящему моменту проведено несколько электронных интервью с социологами, с которыми я пока не встречался, и у меня нет оснований допускать, что избранная методология и техника биографического интервьюирования работает в этом случае хуже, чем при проведении бесед с лично знакомыми мне людьми.

Интервью с М.Е. Илле было проведено в связи с 10-летием «Телескопа», но в нем были и вопросы личного характера (2007, № 1). Оно положило начало изучению плохо известной мне по личному опыту части нашего социологического сообщества. Речь идет о социологах, родившихся в 1947–1958 годах и образующих «четвертое социологическое поколение».

Более пристальное освоение жизненных траекторий представителей этой профессиональной генерации началось весной 2007 года в беседе с М.А. Тарусиным, с которым в конце 80-х я работал во ВЦИОМе. Он оказался первым из моих собеседников, учившимся именно «на социолога». Воспоминания Тарусина о годах обучения в МГУ и о его работе в различных исследовательских и аналитических социологических и политехнологических организациях сразу обнаружили некоторые специфические черты рассматриваемого поколения социологов («Социальная реальность», 2007, №7). К настоящему моменту в «Телескопе» размещены еще несколько интервью с представителями четвертого поколения российских социологов. Это Ю.М. Беспалова (2011, № 1), Е.А. Здравомыслова (2009, № 6), Л.А. Козлова (2011, №3), А.Ю. Мягков (2010,

№ 2), В.В. Семенова (2010, № 6) и А.Е. Чирикова (2010, № 1). Кроме того, два интервью с исследователями этой когорты опубликованы в «Социологическом журнале»: с В.А. Бачининым (2010, №3) и В.И.Ильиным (2010, № 2), и почти завершена беседа с А.А.Давыдовым. Мне вообще не известны историко-социологические проекты, включающие изучение этой общности, и потому рассказанное ее представителями представляется крайне значимым для понимания процессов формирования нашего сообщества.

В период интервьюирования Т.И. Заславская (2007, № 5; «Социологический журнал», 2007, № 3) и Д.Л. Константиновский были москвичами, В.Э. Шляпентох уже многие годы был профессором Мичиганского университета, но значительная часть их жизни и работы прошла в Новосибирском академгородке. Таким образом, беседы с ними автоматически несколько расширили географию проводимого исследования, вывели его за границы Москвы и Петербурга. Но первым из респондентов, чья вся трудовая деятельность (после обучения в МГУ) прошла вне двух столиц, был В.А. Артемов. Он рассказал о становлении и развитии социологии в Новосибирске (2008, № 5) и поделился воспоминаниями о двух ученых, имена которых отражены в истории нашей науки, но информации о жизни которых крайне мало. Это – Г.А. Пруденский, директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР, и Д.И. Чесноков, руководивший его кандидатским исследованием. Воспоминания Артемова об этих ученых очень скупые, но уверен, сказанное им постепенно найдет место в крупных панно нашего прошлого.

Позже интервью были проведены с социологом из Иваново А.Ю. Мягковым и из Тюмени – Ю.М. Беспаловой. Интересны рассказы петербуржцев Б.Г. Тукумцева (2009, № 5), одного из пионеров развития социологии в Самаре и в Поволжье в целом, и В.И. Ильина, много лет проработавшего в Сыктывкаре.

В совокупном массиве накопленных в нашей науке биографий ученых до последнего времени не было тех, кто работает в независимых организациях и прежде всего фокусирован на проведении прикладных политических, социальных и маркетинговых исследований. Обсуждаемый проект в настоящее время содержит биографии нескольких человек, которых с полным правом можно назвать пионерами в разработке этих направлений. Среди имен, названных выше, это: Илле, Кесельман, Могилевский и Тарусин. Сейчас добавлю к этому перечню: Т.З. Протасенко (2011, № 2), Ф.Э. Шереги (2007, № 5; «Социальная реальность», 2007, № 9) и Н.В. Ядова (2009, № 2).

Есть основания в качестве особой группы социологов, плохо представленной в биографической литературе, назвать тех, кто в течение многих лет изучал трудовые отношения непосредственно в цехах, на заводах, на производстве. Я не сразу пришел к беседам с этими специалистами, но сейчас уже многое рассказано ими для использования в исторических исследованиях. Назову этих социологов: А.Н. Алексеев (2006, № 5), Н.И. Лапин («Социологический журнал», 2007, № 1), Б.И. Максимов (2007, № 4), Ж.Т. Тоценко («Социологический журнал», 2007, № 4), Б.Г. Тукумцев, А.А. Русалинова (2009, № 6), Н.В. Ядов.

Столь же бедно в специальной литературе представлены жизнеописания ученых, «призванных» в социологию для решения проблем формирования выборки и математического анализа данных. Среди моих собеседников есть несколько человек, прошедших этим путем: Д.Л. Константиновский, Г.И. Саганенко (2010, № 5), Е.С. Петренко («Социальная реальность», 2007, № 2), Ф.Э. Шереги; есть ожидающие своей публикации беседы с А.А. Ослоном и Ю.Н. Толстой. К этой же группе специалистов я отношу и себя.

Мое исследование не было нацелено на формирование репрезентативной в статистическом плане выборочной совокупности респондентов. Прежде всего, в силу неопределенности границ, параметров генеральной совокупности и сложности ответа на вопрос о том, кого относить к социологам. Ясно, что признак «базовое образование» здесь не работает, похоже, что среди ученых старше 65 лет просто нет дипломированных социологов. Есть и множество других сложностей в очерчивании генеральной общности; к примеру, «время пребывания в социологии», т.е. продолжительность работы в этой сфере. Мое решение подсказано практикой. Социолог – это человек, «много» лет работающий в социологии, регулярно публикующийся и известный специалистам, работающим, по крайней мере, в той же исследовательской нише. Среди критериев отбора собеседников *нет требования* наличия научных степеней и званий; шестеро из них не имеют научной степени, но – большой опыт работы и признание коллег.

Стремление обеспечить «многолюдность истории» – это и есть реальный путь *повышения логической репрезентативности* проводимого исследования, ибо он ведет к расширению границ *биографического и историко-научоведческого анализа*. Увеличивается число *жизненных траекторий* социологов, что и составляет базу биографических изысканий и обобщений, а также обогащает архив «*кейсов*» для углубления понимания прошлого.

Интервью с российскими социологами составляют значительную часть публикаций в рассматриваемой рубрике «Телескопа», но это – лишь около половины представленного в ней материала. Кроме того в ней представлены: воспоминания ряда социологов о себе и коллегах, описание проектов, в которых они участвовали, статьи о жизни и творчестве социологов, обсуждение методологии исторических и биографических исследований, дискуссии относительно места биографических данных в освещении прошлого. Авторами этих материалов являются социологи, многие годы отдавшие становлению и развитию нашей науки и непосредственно наблюдавшие описываемое ими. Мне приятно назвать имена ученых, авторские тексты которых представлены в рубрике: А.Н. Алексеев, В.А. Артемов, Г.С. Батыгин, Э.В. Беляев, Ю.М. Беспалова, О.Б. Божков, Б.А. Грушин, И.С. Кон, Л.А. Козлова, Ю.Л. Неймер, Л.Н. Столович, Ч. Сымонович, А.И. Пригожин, Т.З. Протасенко, Л.Н. Федотова, Б.М. Фирсов, Д.Н. Шалин, В.Э. Шляпентох, В.А. Ядов.

У истории должно быть «человеческое лицо»

Трудно переоценить значение фундаментальной книги «Социология в России» [9], вышедшей под редакцией В.А. Ядова более десяти лет назад. Это многофункциональная работа, в том числе – и историко-научоведческая. В ней приведено порядка трех тысяч имен ученых, внесших свой вклад в развитие важнейших направлений советской/российской социологии. Но все они – лишь *разработчики* определенных проектов и *авторы* статей и книг. Завершив чтение этого труда, мы почти ничего не знаем о тех, кто стоял у истоков нашей науки и кто первым присоединился к ним.

История доперестроечной советской социологии, написанная Б.М. Фирсовым [4], – пример иного рода. Здесь социологи представлены не только через совокупность изучавшихся ими социальных проблем, но уже как люди с конкретными профессиональными взглядами, политическими и гражданскими воззрениями. Еще более отчетливо установка Фирсова на осмысление поведения социологов в профессиональной и внепрофессиональной сферах их жизнедеятельности просматривается в его монографии о разномыслии в СССР [10]. Героями этой книги являются не только социологи, но важно то, что и они присутствуют в этой работе.

В свете сказанного многолюдность истории советской/российской социологии это *не только наполненность* повество-

вания о ее развитии по возможности большим количеством участников этого процесса и описанием результатов их труда. Многогранность подразумевает присутствие в *описании прошлого нашей науки* также условий и особенностей предбиографии и ранней социализации будущих социологов (воспитание и обучение), процесса освоения ими профессиональных знаний, траекторий их вхождения в науку, выбора ими поля собственных исследований. Поскольку наука не делается в одиночку, постольку повествование должно содержать информацию о людях, повлиявших на профессиональные интересы ученых и составляющих круг их друзей и ближайших коллег. Другими словами, о *коммуникационных сетях*, в которые входит человек.

Эти и подобные соображения, которые постепенно становились теоретико-методологическими принципами построения биографического интервью, были результатом работы над «гэллапиадой» и смутно осознавались мною уже при написании биографического очерка о Грушине в 2004 году. К примеру, в этом ключе рассматривалась причастность Грушина к группе «диастанкуров», в которую кроме него входили А.А. Зинovieв, М.К. Мамардашвили и Г.П. Щедровицкий (2004, № 4). Тремя годами позже, отталкиваясь от этих соображений, была написана небольшая статья о Г.В. Старовойтовой (2007, №6), в которой развиваемый подход к изучению постхрущевского периода российской социологии обозначался как попытка написания *«истории с человеческим лицом»*. Этот подход трактовался как мягкая альтернатива институциональному видению истории, в которой социология трактуется прежде всего как социальный институт.

Движение Старовойтовой от социолого-антропологических исследований в сторону правозащитной и депутатской деятельности рассматривалось в привязке к ее раннему погружению в молодежную андеграундную и диссидентскую среду Ленинграда, культивировавшуюся во второй половине 60-х в кафе «Сайгон». Через полгода в статье памяти В.Б. Голофаста (2008, № 2; «Социальная реальность», 2008, № 3) его путь в социологию и характер его научной риторики соотносились с его еще юношескими поисками себя в поэзии и определенной включенностью в «сайгонскую культуру».

Можно сказать, что в 2007-2009 годах происходило создание методологии историко-биографических исследований на *микроуровне*, или на *индивидуальном уровне*; я имею ввиду написание биографий отдельных социологов. Так, вслед за статьями о Стровойтовой и Голофасте были написаны социокультурные портреты А.Н. Алексеева (2009, № 4; «Социологи-

ческий журнал», 2009, №3), Б.Г. Грушина («Социологический журнал», 2007, № 4; 2010, № 2; 2010, № 5), Здравомыслова (2008, № 4), Ю.А. Левады («Социальная реальность», 2007, № 6; «Социологический журнал», 2008, № 2), Б.М. Фирсова («Социологический журнал», 2009, №2) и другие.

Термин «история с человеческим лицом» применительно к изучению прошлого советской/российской социологии исходно трактовался мною *узко*, имел внутреннее значение и обозначал специфику моей устремленности к анализу собираемого историко-биографического материала и отбору статей для публикации в исторической рубрике. Сейчас я интерпретирую этот термин *шире*, распространяя его на подходы, разрабатываемые и другими социологами.

Так, многолюдные картины профессиональной и внепрофессиональной деятельности социологов, присутствующие в «Драматической социологии...» А.Н. Алексеева [11] и в написанной им в соавторстве с Р.И. Ленчовским книге «Профессия – социолог» [12], являются, в море понимания исследований, выполненными в парадигматике «истории с человеческим лицом». Этот вывод делается не только потому, что в названных работах «присутствуют» и «говорят» десятки социологов, но в силу сквозных для этих работ методов анализа социальных конфликтов, в которых социологи участвуют в многочисленных ролях. Я имею в виду авторскую *рефлексию* и *саморефлексию*.

Био-критический или *критико-биографический* анализ Д.Н. Шалиным (2011, № 4) различного рода информации о жизни и творчестве социологов тоже дает пример разработки «истории с человеческим лицом». В его композициях и комментариях социологи предстают не только как разработчики социальных проблем и создатели теоретических конструкций, но и как члены профессиональных и коммуникативных общностей.

«*Очеловеченное*» прошлое советской/российской социологии предстает перед нами и в мемуарах социологов старших поколений. Укажу здесь лишь несколько имен авторов подобных работ: И.В. Бестужев-Лада, Я.И. Гилинский, Т.И. Заславская, И.С. Кон, С.А. Кугель, Э.В.Соколов. В этом же ряду имеет смысл рассматривать сборники воспоминаний о действующих и умерших социологах. Например, юбилейный сборник о В.А. Ядове, сборники памяти Л.А. Гордона, Б.А. Грушина, Л.Н. Когана, Ю.А. Левады. Рождается и новая форма фиксации коллективной памяти о человеке-исследователе: *именные мемориальные чтения*. Так, состоялось несколько семинаров памяти Г.С. Батыгина, В.Б.Голофаста,

Б.А.Грушина, Т.М. Дридзе, Л.Н. Когана, А.О. Крештановского, Ю.А.Левады, А. Г. Харчева.

Появление «мягких» подходов к анализу биографического материала и стремление к его использованию в историко-научно-исследовательских штудиях обусловлены самой логикой развития российской социологии и желанием найти ответы на вызовы времени. Социология как наука одновременно институциализируется и все более становится саморазвивающейся, автономной системой, в которой значительную роль играют отдельные ученые и коммуникационные сети. Соответственно, многие процессы, происходящие в ней, наблюдаемые сейчас и уходящие в будущее, могут быть изучены, поняты и зафиксированы лишь в рамках «истории с человеческим лицом».

Думаю, что близким к «истории с человеческим лицом» является подход к исследованию прошлого нашей науки, обозначаемый А.Н. Алексеевым историей отечественной социологии «в лицах» [12, Том.2, Гл.6]. Он размещает его в пространстве «личностного науковедения»*.

При решении ряда проблем, касающихся интервьюирования социологов и использования получаемой информации в исторических исследованиях перспективной может оказаться субъектно-объектная трактовка социолога, предлагаемая В.И.Ильиным. Он видит в социологе, с одной стороны, носителя знаний об истории своего профессионального сообщества и, с другой, представителя определенной эпохи с присущими ей ценностями и формами социальной деятельности (2010, №5).

Мне представляется, что рубрика «Современная история российской социологии», открывающая каждый выпуск «Телескопа» на протяжении последних семи лет, стала своеобразным журналом в журнале. В этом монотематическом (по истории постхрущевской социологии) «журнале» за прошедшие годы опубликовано около сотни различного вида материалов, а их общий объем – свыше 90 авторских листов.

Подавляющее большинство публикаций, увидевших свет на страницах «Телескопа», можно прочесть на сайте журнала, и к тому же размещены на сайте российско-американского проекта «Международная биографическая инициатива» (МБИ), созданного весной 2006 года [13]. За прошедшие пять лет на

* Я благодарен А.Н.Алексееву за ценные замечания по тексту статьи. Его комментарий, приводимый в этом примечании, будет проанализирован в одной из последующих работ: «У меня нет отличного от тебя подхода в этом деле. История социологии “в лицах” – это просто другое название для твоей истории социологии «с человеческим лицом». Так же, как и “личностное науковедение”. Я в данном случае иду в твоём методологическом фарватере».

сайте, содиректорами которого являются Шалин и я, собрана наиболее полная коллекция интервью с российскими социологами, представлена различная биографическая информация и размещено множество статей по методологии биографического метода и его роли в исторических исследованиях. Недавно состоявшаяся дискуссия показала, что вокруг «Телескопа» и МБИ сложился «незримый колледж», который объединяет исследователей биографического метода, работающих в разных, но близких парадигмах [14].

Так что многолюдная история пишется многими.

Двухконусная модель генезиса современной российской социологии

Тема генезиса современного этапа советской/российской социологии обсуждалась мною во многих статьях в этой рубрике. В настоящем разделе я ограничусь приведением экспертных позиций в пользу утверждения о том, что на рубеже 1950-х–1960-х годов произошло не возрождение российской социологии, но ее *второе рождение*, и опишу новую, *геометрическую модель* этого процесса.

Впервые концепция второго рождения российской социологии была изложена мною в конце октября 2007 года. Но к тому времени уже существовало некое эмпирическое подтверждение возможности рассуждать подобным образом. Так, при обсуждении темы генезиса современной российской социологии с Т.И. Заславской она сказала: «Я согласна, что было именно второе рождение. Это уже потом возник интерес к историческим корням, который сохраняется и сейчас» («Социологический журнал», 2007, № 3, с. 166). Теперь укажу вывод Ж.Т. Тощенко: «...поэтому в этом случае более уместно говорить о втором рождении социологии, которая во многом носила сугубо осовремененный характер, больше обращала внимание на аналогичные исследования за рубежом в этот период» («Социологический журнал», 2007, №4, с. 166-167). Аналогично итожил свою точку зрения на эту тему и Шереги: (2007, № 5, с. 13): «Я согласен с этим выводом. Мало кто из первых советских социологов знал о практике советской социологии 1920-х годов».

Тем не менее, имея приведенные экспертные суждения, я и далее обсуждал эту тему с моими собеседниками. Приведу мнение В.И. Ильина: «Я согласен, что в период «оттепели» не было речи о возрождении отечественной социологии. Она рождалась в закамуфлированной попытке интеграции тогдаш-

ней западной социологии в прокрустово ложе советского марксизма-ленинизма и реалий политической и духовной жизни СССР» («Социологический журнал», 2010, №2, с. 159). Э.В. Беляев работал в первой в СССР социологической лаборатории В.А. Ядова с начала ее существования. Его высказывание – это суждение очевидца: (2010. № 3, с. 11): «Полностью согласен с тобой. Как бы это ни называлось, но не было никакой преемственности, именно потому что мы не знали, что было в этой области до революции и вплоть до 1930-х годов. Мы только знали, что что-то было. <...> Что касается эмпирической социологии, то даже если бы мы знали раннюю советскую эмпирическую социологию, как она могла бы нам помочь с ее устаревшими методами?» Обстоятельно описал начало развития социологии В.А. Артемов, приведу его завершающие слова: «А в итоге получается, что современная социология родилась уже в послевоенной стране. <...> Если же отвечать именно на поставленный вопрос, то склоняюсь “ко второму рождению”. К моей исследовательской области этот ответ больше подходит» (2008, № 5, с. 14).

Косвенным, но вписывающимся в общий фон свидетельств об отсутствии какой-либо связи исследователей первого поколения социологов со сделанным их российскими предшественниками является анализ авторефератов докторских диссертаций В.А. Ядова (1967 г.) и А.Г. Здравомыслова (1969 г.). Эмпирической базой обеих диссертаций был проект «Человек и его работа», но внимание Ядова фокусировалось на методологии социологического исследования, а у Здравомыслова центральными были проблемы изучения социальных интересов. Безусловно, в авторефератах цитировались работы Маркса и Ленина, отмечалось сделанное в соответствующих направлениях советскими социологами, кроме того, оба диссертанта называли ряд фамилий американских социологов. Но ими не было ни словечка сказано об исследованиях дореволюционных социологов и тех, кто работал в 20-х годах.

Завершая коллекцию мнений экспертов двумя замечаниями В.А. Ядова. Сначала приведу его моментальную реакцию на отправленный ему еще до публикации текст, в котором впервые обосновывалось суждение о втором рождении российской социологии: «...отличная и аргументированная статья. Термин “возрождение” нашей социологии я отныне забыл. Действительно, было становление социологии заново» [15]. Теперь – несколько необычное подтверждение этого обещания. Накануне 65-летия со дня Победы Ядов побывал дома у своего друга, участника войны В.Н. Шубкина и с его слов написал короткий рассказ-лубок. В нем есть такие слова: «Здесь надо

сделать отступление и напомнить, что «...В.Н. Шубкин принадлежит к поколению социологов шестидесятников, усилиями которых наша область знания явилась заново после сорокалетнего запрета» [16].

Итоги рассмотрения вопроса о генезисе постхрущевской социологии и ее отношения к дореволюционной и ранней советской социологии могут быть иллюстрированы с помощью простой «двухконусной» модели, которая, мне кажется, отражает многое из сказанного экспертами. Замечу, что развитие науки, как и ряда эволюционных процессов, удобно и эффективно представлять в виде конуса, обладающего многими интересными математическими свойствами. К примеру, траектория движения сверху вниз по поверхности конуса, если это не падение по его образующей, дает расширяющуюся спираль. Наоборот, подъем от основания конуса к его вершине – сжимающуюся спираль.

Представим себе прямой конус, направленный вдоль оси времени, его основание расположено на уровне начала XX века, а вершина – конец 1930-х годов. Этот конус задает характер изменения дореволюционной русской социологии и ее перехода в раннесоветскую. В годы Гражданской войны резко сократилось число социологов, изменился их состав, произошло «сжатие» социологии как науки по всем критериям, принятым в науковедении и наукометрии. К концу 30-х социология в СССР как самостоятельная наука *выродилась в точку*, этому ее состоянию отвечает вершина конуса.

На рубеже 50–60-х стал формироваться новый конус, его вершина расположена над вершиной старого, а расширение происходит вверх вдоль оси времени. Пространство, прилежащее к новой вершине, указывает на существование небольшой группы социологов первого и второго поколения и области их научной деятельности, которая быстро формировалась, но оставалась весьма ограниченной. Затем идет слой, отвечающий периоду формирования социологов третьего поколения и совокупной сферы деятельности трех когорт ученых. Над ними – еще более широкое пространство – это область активности представителей уже четырех поколений. И так далее.

Подобно любой знаковой модели конструкция двух конусов имеет ограниченную объяснительную и эвристическую функцию. Но она несет в себе *импульс* для содержательных, собственно историко-биографических размышлений и исследований.

Приложение

В Таблицах 1, 2 фамилии моих собеседников, с которыми были проведены биографические интервью, сгруппированы по поколениям социологов. Алгоритм формирования «лестницы поколений» и критерии отнесения социологов к той или иной профессиональной когорте описаны мною в ряде статей. Наиболее полно эта тема освещена в работах [17], [18].

Таблица 1

Список социологов, интервью с которыми опубликованы в «Телескопе»

Собеседник	На момент проведения интервью		Год публикации
	Научн. степень	Город	
Социологи первого поколения: 1923 – 1934 годы рождения			
Заславская Т.И.	д.э.н.	Москва	2007
Здравомыслов А.Г.	д.ф.н.	Москва	2006
Шляпентох В.Э.	д.э.н.	США	2006
Ядов В.А.	д.ф.н.	Москва	2005
Социологи второго поколения; годы рождения: конец 20-х -1934			
Алексеев А.Н	к.ф.н.	С.-Петербург	2006
Баранов А.В.	к.ф.н.	С.-Петербург	2008
Гишинский Я.И.	д.ю.н.	С.-Петербург	2005
Максимов Б.И.	к.ф.н.	С.-Петербург	2007
Русалинова А.В.	без степ.	С.-Петербург	2009
Тукумцев Б.Г.	к.ф.н.	С.-Петербург	2009
Фирсов Б.М.	д.ф.н.	С.-Петербург	2005
Социологи третьего поколения: 1935 – 1946 годы рождения			
Артемов В.А.	д.ф.н.	Новосибирск	2008
Беляев Э.В.	к.ф.н.	США	2010
Божков О.Б.	без степ.	С.-Петербург	2011
Гофман А.Б.	д.с.н.	Москва	2007
Докторов Б.З.	д.ф.н.	США	2006
Ионин Л.Г.	д.ф.н.	Москва	2007
Кесельман Л.Е	без степ.	Германия	2005
Константиновский Д.Л.	д.с.н.	Москва	2006
Могилевский Р.С.	к.ф.н.	С.-Петербург	2006
Панова Л.В.	к.э.н.	С.-Петербург	2008

Собеседник	На момент проведения интервью		Год публикации
	Научн. степень	Город	
Протасенко Т.З.	без степ.	С.-Петербург	2011
Саганенко Г.И.	д.с.н.	С.-Петербург	2010
Смирнова Е.Э.	д.ф.н.	С.-Петербург	2006
Толстова Ю.Н.	д.с.н.	Москва	в печати
Травин И.И.	к.ф.н.	С.-Петербург	2008
Шереги Ф.Э.	к.ф.н.	Москва	2007
Социологи четвертого поколения: 1947 – 1958 годы рождения			
Беспалова Ю.М.	д.с.н.	Тюмень	2011
Давыдов А.А.	д.ф.н.	Москва	в печати
Здравомыслова Е.А.	к.с.н.	С.-Петербург	2009
Илле М.Е.	без степ.	С.-Петербург	2007
Козлова Л.А.	к.ф.н.	Москва	2011
Мягков А.Ю.	д.с.н.	Иваново	2010
Семенова В.В.	д.с.н.	Москва	2010
Чирикова А.Е.	д.с.н.	Москва	2010
Ядов Н.В.	к.п.н.	С.-Петербург	2009

Таблица 2

**Список социологов, интервью с которыми опубликованы
в «Социологическом журнале» (СЖ)
и «Социальной реальности» (СР)**

Собеседник	На момент проведения интервью		Год публикации / журнал
	Научн. степень	Город	
Социологи первого поколения: 1923 – 1934 годы рождения			
Заславская Т.И.	д.э.н.	Москва	СЖ / 2007
Здравомыслов А.Г.	д.ф.н.	Москва	СЖ / 2006
Лапин Н.И.	д.ф.н.	Москва	СЖ / 2007
Шляпентох В.Э.	д.э.н.	США	СР / 2006
Социологи второго поколения; годы рождения: конец 20-х – 1934			
Столович Л.Н.	д.ф.н.	Эстония	СЖ / 2010
Тощенко Ж.Т.	д.ф.н.	Москва	СЖ / 2007

Собеседник	На момент проведения интервью		Год публикации / журнал
	Научн. степень	Город	
Социологи третьего поколения: 1935 – 1946 годы рождения			
Докторов Б.З.	д.ф.н.	СПА	СЖ / 2005
Петренко Е.С.	к.ф.н.	Москва	СР / 2007
Шереги Ф.Э.	к.ф.н.	Москва	СР / 2007
Социологи четвертого поколения: 1947 – 1958 годы рождения			
Бачинин В. А.	д.с.н.	С.-Петербург	СЖ / 2010
Ильин В.И.	д.с.н.	С.-Петербург	СЖ / 2010
Тарусин М.А.	без степ.	Москва	СР / 2007

Литература

1. Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: Мнения россиян. Социологические очерки. М.: Фонд «Общественное мнение», 2002.
2. Электронное письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову от 11 декабря 2004 г.
3. Докторов Б.З. Не терять преемственности // Социологические исследования. 1987. № 1. С. 118.
4. Фирсов Б.М. История советской социологии 1950–1980-х годов. Курс лекций. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2001. Приложение 1. С. 245-258.
5. Электронное письмо Б. Докторову Б. Фирсову от 17 сентября 2004 г.
6. Электронное письмо Я.И. Гилинского Б.З. Докторову от 9 января 2005 г.
7. Электронное письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову в интервале от 24 января до 10 апреля 2005 г.
8. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
9. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998.
10. Фирсов Б.М. Разномыслие в России. 1940–1960-е годы. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2008.
11. Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауто-рефлексия. В 4-х т. СПб.: Норма, 2003–2005.
12. Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог. (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН – 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексия. В 4-х т. СПб.: Научно-информационный центр «Мемориал», Норма, 2010.

13. Международная биографическая инициатива <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>
14. Форум: Биографика, социология и история. Протокол № 1. О «незримом колледже» и биографических интервью / Под ред. Б. Докторов и А. Алексеева <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/collegeinvisible_11.html>
15. Электронное письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову от 11 октября 2007 г.
16. Ядов В.А. Как командир орудия сержант Шубкин, ныне гл. научный сотрудник Института социологии, встретил немецкого солдата и ударил его по физиономии. <<http://bd.fom.ru/pdf/shubsm.pdf>>.
17. Докторов Б.З. Лестница поколений в постхрущевской российской социологии // Антропологический форум. 2009. №11. С. 45–54 <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/011/11_02_forum.pdf>.
18. Докторов Б.З. Современное российское социологическое сообщество: модель поколенческой стратификации // Междисциплинарность в социологическом познании: материалы методологических семинаров памяти Г.С. Батыгина, 2007-2009 / Отв. ред. Л.А.Козлова. М.: ИСИ РАН. 2010. С. 44-63.

ЛЕВ ГОРДОН: «ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ ПОВЕСТИ ОБ ОЛЬГЕ ПИСАЛАСЬ “ИНСТИНКТИВНО”»*

Настоящее интервью заметно отличается по содержанию и общей интенции от других интервью, размещенных в томах 2 и 4. В них мои собеседники – советские/российские социологи, они рассказывают о себе и своих исследованиях. Все это составляет часть истории нашей науки.

Но одновременно эта книга охватывает проблемы биографии – научного направления, в рамках которого разрабатывается методология сбора биографической информации и ее анализа. Именно в этом плане и следует рассматривать мое интервью с ученым, инженером и литератором Львом Гордоном.

Предлагаемый ниже материал по характеру – интервью, но распришиваю я моего собеседника не о нем самом, а о книге [1], героиней которой является его более двадцати лет назад погибшая жена – математик Ольга Бондарева. Книга эта попала ко мне случайно и заинтересовала меня, поскольку в ней говорится о людях, с которыми я был знаком в студенческие и аспирантские годы: прежде всего – это мои преподаватели, обучавшие меня на мат-мехе ЛГУ в 1959-1967 годах. Я был немного знаком с Ольгой Бондаревой и знал многое, о чем написано в книге. И прежде всего, читая книгу, я окунулся в атмосферу мат-меха тех лет, которая описана в размещенном в этом томе автобиографическом эссе – «Так случилось или так должно было случиться...».

Центральная тема интервью – как пишутся биографические книги, но речь идет не о методологии, не об общих вопросах биографического анализа. Я лишь просил моего собеседника осветить некоторые грани именно его работы.

В заключение – кратко о героине биографического повествования и о его авторе

Ольга Николаевна Бондарева (1937-1991). Специалист по теории игр. В 1959 – 1972 годах года работала на математико-механическом факультете ЛГУ. В 1972 году была уволена за выступление в защиту студента, подавшего заявление на выезд из СССР в Израиль. Через несколько месяцев была принята на работу на экономический факультет ЛГУ в качестве научного сотрудника без права преподавать, где проработала до 1984 года. В 1985 – 1991 годах работала профессором кафедры исследования операций математико-механического факультета С-Петербургского государственного университета. Погибла 9 декабря 1991 года в автомобильной катастрофе.

* Первая публикация

В некрологе, опубликованном в «Вестнике С-Петербургского университета», серия 1. Математика-Механика-Астрономия, вып.3, 1992, написано:

«Для одних Ольга Николаевна была высококвалифицированным экспертом, источником идей, научных оценок, профессиональных советов, для других – опорой в океане житейских сложностей и невзгод. Ольга Николаевна обладала неколебимой внутренней свободой и обостренным чувством справедливости, что сделало нелегким и весьма тернистым ее жизненный путь, но так как она прошла его, не может не вызывать уважения и восхищения. Горько сознавать, что этот путь так жестоко и несправедливо оборвался.

Ольги Николаевны не стало. Для тех, кто ее знал, она была самым символом жизни, носителем ее воскрешающих родников. В нашей памяти останется ее облик, омолаживающая жизненная сила, влекущее к себе единение серьезности и иронии, парадоксальности и житейской мудрости экстраординарности личности и научного дара.»

Гордон Лев Александрович – инженер-гидротехник, доктор технических наук, специалист в области прочности и надежности энергетических сооружений. Автор нескольких рассказов, публицистических книг и очерков. Член Союза писателей Санкт-Петербурга.

Интервью проведено в 2014 году.

Борис Докторов

Лев, Вы начали работу над книгой моментально после гибели Ольги, после опознания... прошло более 20 лет с тех пор. Как бы Вы сегодня объяснили желание писать о ней. Не думаю, что у Вас в тот момент могла быть осознанная цель написать книгу, когда эта цель появилась?

Назвать одну рациональную причину, побудившую меня спустя 20 лет вновь писать об Ольге, не берусь. Даже структурировать причины и поводы и выстраивать их в порядке предпочтений не буду. Напишу «по-простому». А уж Вы, как социолог, занимающийся биографическим анализом, придадите моему рассказу соответствующий вид. Возможно, ничего нового Вы в посылаемом тексте не увидите. Почти все я написал в повести об Ольге.

К теме «Ольга» я не возвратился спустя 20 лет. Я с этой темой не расставался и не расстаюсь. Есть такая формула в христианской брачной клятве «пока смерть не разлучит нас». Говоря высоким слогом, все эти годы Ольга присутствовала в моей повседневной жизни.

После гибели Ольги я 8 лет был один. Спустя 8 лет женился вторично. Моя вторая жена Ира не раз укоряла меня: «Долго мы будем жить втроём?» Иры тоже нет. Она умерла от рака в 2007 году.

Четыре года я жил один. Последние три года живу в Сестрорецке. Пять дней в неделю со мной женщина по имени Жанна. Два дня в неделю она в Петербурге, дает отдохнуть младшей дочери, сидит с малолетними внуками, Мальчику 5 лет, девочке полтора года. И Жанну, и меня такая жизнь вполне устраивает. Пять дней в неделю, когда мы вместе, вместе с нами в моих разговорах присутствует Ольга. Однако Жанна, в отличие от Иры, к виртуальному присутствию Ольги относится спокойно.

Импульсом, побудившим написать новый вариант повести об Ольге, был выход сборника «Экономическая кибернетика вчера сегодня, завтра», подготовленного в 2009 году по случаю 50-летнего юбилея кафедры экономической кибернетики Санкт-Петербургского государственного университета. За год до появления сборника ко мне обратился один из его составителей с просьбой предоставить ему кое-какие материалы. Ольга проработала на этой кафедре более 12 лет. Вернее не на кафедре, а в лаборатории при кафедре. В сборнике Ольге было посвящено всего семь строк (не густо). Привожу эти строки полностью. «В период с 1972 по 1984 гг. в лаборатории экономико-математических методов работала Ольга Николаевна Бондарева (1937-1991), чьи исследования в области кооперативных игр впоследствии получили широкую мировую известность. В настоящее время теорема Бондаревой-Шепли о непустоте С-ядра вошла во все классические учебники по теории коалиционных игр. О.Н. Бондарева принимала участие в разработке теоретико-игровых курсов для студентов».

Меня этот текст огорчил. Во-первых, упоминается только теорема Бондаревой-Шепли, доказанная Ольгой в далекой юности и ставшая основой ее кандидатской диссертации, защищенной на матмехе, кажется, в 1962 году. Во-вторых, Ольга никогда не преподавала на экономическом факультете, ее к этой работе не допускали. В-третьих, «исследования в области кооперативных игр получили широкую мировую известность» не впоследствии, а именно в период работы Ольги на экономическом факультете. Именно, в период работы на экономическом факультете, ею было построено решение кооперативной игры четырех лиц и подготовлена докторская диссертация, которую ей пришлось защищать в Московском университете. В Ленинграде она была «в опале» как пособница сионистов. Когда, вопреки воле ЛГУ, Ольга подала в МГУ докторскую диссертацию,

было инициировано ее увольнение с экономического факультета как специалиста, не имеющего отношения к экономике. Хотя Ольга была единственным русским специалистом, входившим в редакционную коллегию международного журнала «Теория игр и экономическое поведение».

В школе учительнице литературы нравились мои сочинения, что пробудило во мне желание «стать писателем». Писателем я не стал (о чем не жалею). По образованию и роду работы я инженер-гидротехник. Мне 76 лет, тем не менее, к ремеслу своему я интереса не потерял. В амплу «прозаика» пребываю, как правило, отпуске. Исключение – только первая редакция повести об Ольге. Впрочем, это тоже был отпуск, только не оформленный официально. После гибели Ольги я два месяца не работал. Последние 5-7 лет в октябре я приезжаю отдыхать на две недели в Хайфу. Там на берегу моря есть окраинный район Бат Галим (сестра волн). Поскольку лежать целый день на пляже я не в состоянии, то выхожу примерно на полчаса 4 раза в день к морю (до пляжа 300 метров), потом возвращаюсь и сажусь на часок за компьютер. Осенью 2010 года в Бат Галиме я написал новый вариант повести об Ольге.

Первая редакция повести об Ольге писалась «инстинктивно», «неосознанно». То, что ее откровенность может кого-то шокировать или обидеть, я, естественно, в расчет не брал. Обиженных и шокированных оказалось немало. Жена моего лучшего друга сказала, что я предал свою прежнюю жизнь, и посоветовала сжечь написанное. Известный математик И.Романовский [1], прочитав то, что о нем написано, перестал со мной разговаривать. Не менее известный математик Ю.Бураго [2], учитель еще более известного ныне Г.Перельмана [3], сказал, что я тряпка и размазня и «распустил сопли». По прошествии некоторого времени и я почувствовал, что моя откровенность чрезмерна и суждения о некоторых людях скоропалительны. Поэтому все 20 лет во мне жило желание «исправиться» и написать «более умеренный опус».

Теперь хочу остановиться на двух обстоятельствах, которые, возможно, позволяют лучше понять, почему Ольга так и не ушла из моей жизни. Первое. Ольга вошла в мой мир не одна, а вместе со своим окружением. Мы жили в университетском кооперативном доме на проспекте Мориса Тореза. Соседями были физики и математики, знакомые и друзья Ольги. С математиками я пересекался также в Меншиковском дворце, где работала Ольга, и где волею случая я оказался на стажировке в лаборатории математической физики при матмехе. Я попал в мир, где было немало незаурядных людей. С ними было интересно.

Второе. Все 27 лет совместной жизни Ольга была не только моей радостью, но и моей мукой. Мне казалось, что наш брак был мезальянсом. У Ольги до моего появления был роман с Ю.В.Прохоровым [4], математическим вундеркиндом, впоследствии академиком, лауреатом и т.д. и т.п. Мне всю жизнь мерещилось, что Ольга по-прежнему любит Юрия Васильевича, хотя никаких реальных поводов, чтобы так думать, Ольга не давала.

Первая редакция повести об Ольге имела название «Дом». У названия двойная смысловая нагрузка. Во-первых, я жил в Доме Ольги и смотрел на мир из дома (её глазами). Во-вторых, в математике имеется бинарное отношение «dom». Запись «O dom Л» означает, что O доминирует (превосходит) Л. O (Ольга) была прирожденным лидером, хотела во всем доминировать, а я старался «подтянуться», не сильно отставать, чтобы O не сильно перегоняла Л. Даже когда Ольги не стало, я мысленно «равнялся» на неё.

Ближайшая подруга Ольги профессор Е.Б.Яновская [5] по моей просьбе написавшая для первой редакции повести главку об Ольге, озаглавила ее «Биополе Ольги Бондаревой». Елена Борисовна утверждала, что у Ольги было необычайно сильное биополе, в которое попадали многие, в том числе и она. Вот и я находился и нахожусь в биополе Ольги Бондаревой.

Отчасти, Лев, наш разговор упрощается благодаря тому, что я немного знал Ольгу, пусть, со стороны, я хорошо знаю и уважаю Елену Яновскую, я провел несколько лучших студенческих лет в Меншиковском дворце, прекрасно знаю ваш академический кооператив, так как многократно бывал там у Олега Калинина [6], помню Романовского, Бурого читал на нашем курсе, знаю, кто такой Прохоров, слушал его лекцию на семинаре Ю.В. Линника [7] и знаю о романе Ольги с Прохоровым. Нас сближает и то, что я много биографического пишу о живущих социологах и о недавно умерших, но остающихся в памяти многих. Пишу я об ученых, создавших российскую социологию, они очень известны в нашем социологическом сообществе, российском и зарубежном. Я постоянно думаю о границе, отделяющей то, что надо и можно писать, от того, что лучше не писать. Лучше – для дела, поскольку я предполагаю его продолжать... Вы пишете, что «естественно» не брали в расчет тот факт, что откровенность книги могла шокировать или обидеть кого-либо. Почему «естественно»? Разве невозможно так написать, чтобы не напрячь личное в тех людях, которые к Ольге по-доброму относились? Или в данном случае Вы полагали, что имели от нее индугенцию? Или Вы полагали, что это сделает повествование более интересным?

Когда я писал первый вариант, то был полностью деморализован, ни о каком «этикете» не помышлял. Объяснить, почему я, «вульгарный материалист», хотел написать об Ольге к сорока дням, когда по христианским поверьям душа покидает землю, не мог. Через несколько лет мой сын Максим как-то сказал: «Они убили мою мать». И я с ним согласился. Максим имел в виду не того офицера, который сидел за рулем автомобиля, сбившего Ольгу, а именно этих людей, которые «по-доброму» относились к Ольге.

Между первым и вторым вариантами повести об Ольге я написал несколько книг, в основном, это публицистика. Вторая книга «Разорванная паутина» была посвящена тому, как Перестройка разрушила гидроэнергетику страны. Писал я ее по заказу Саяно-Шушенской ГЭС, тираж книги был больше (1200 экземпляров). Число обиженных этой книгой на порядок превосходило число обиженных книгой об Ольге. Однако, количество тех, кому книга понравилась, существенно превосходило число обиженных. Что забавно, что в числе обиженных оказались не только упомянутые, но и не упомянутые. Например, некий не упомянутый Сидоров говорил об упомянутом Петрове: «Что ты понаписал? Петровиада какая-то». Этот Сидоров считал, что в энергетике он фигура более заметная, чем Петров. А «отражен» Петров. Я себя не причисляю к профессиональным литератором. Но к этому времени я понял две вещи, которым следую: а) число героев в документальном повествовании должно быть много меньше, чем в жизни, кем-то надо «пожертвовать» (иначе читатель запутается и заскучает); б) до публикации крайне желательно ознакомиться с рукописью основных героев. Почти всем основным героям книги я показал рукопись. Если кто-то уличал меня в неправде, я это выкидывал, в неточности – поправлял. Серьезных «накладок» случилось, пожалуй, две. Расскажу об одной. Некто А.Гаркин работал на Саяно-Шушенской ГЭС начальником цеха. В цеху случился бунт, подчиненные отказались с ним работать. Он огорчился, уволился и уехал работать за границу. Историю бунта я описал со слов двух «бунтовщиц». Вернулся в Россию А.Гаркин после того, как книга вышла, пришел ко мне и выразил свое возмущение и даже сказал, что я «испортил ему жизнь» Правда этот А.Гаркин сейчас неплохо устроен: он директор Бурейской ГЭС, которую А. Чубайс назвал «великой стройкой капитализма» в России. Поразительно, что при наличии прототипов среди отрицательных героев в «Воине и мире» никто не предьявил претензий Л.Н.Толстому.

Второй вариант я писал, имея некоторый опыт, и полагал, что в книге, как и в жизни, должно быть не только «белое»,

но и «черное». Иначе «черного» от «белого» не отличить. Для второй редакции я вполне осознанно выбирал, «кого убрать, кого оставить, чтобы обидеть». Оставил самых близких: ближайшую подругу Е.Яновскую и любимую ученицу Н.Наумову. С обеими сохраняю товарищеские отношения, в чем Вы могли убедиться, узнав мой электронный адрес у Лены Яновской. Полагаю, что в день рождения Ольги 27 апреля мы встретимся.

Подумав «с которое время», решил один из своих публицистических опусов (про Саяно-Шушенскую ГЭС) послать вместе с этим письмом. Захотите – почитайте. Могу прислать и другой. Про Колыму, например.

Ваша книга относится к редкому жанру: муж пишет воспоминания о погибшей жене... как Вы думаете, почему книг вдов о своих мужьях много, а работ вашего типа (жанра) крайне мало?

По-моему, причин три.

Первая. Воспоминания сочиняют о людях незаурядных. Количество выдающихся мужчин пока превосходит число выдающихся женщин.

Вторая. «Невыдающийся» муж (любовник) выдающейся женщины, как правило, страдает комплексом неполноценности, стесняется своего положения, писать об этом не хочется. Если и муж и жена люди незаурядные, то не избежать соперничества. Примеры. Николай Гумилев и Анна Ахматова. Муж не считал жену большим поэтом. Фирюбин и Фурцева. На днях по телевизору видел передачу. Если ей верить, то Фирюбин стал пить от зависти к жене.

Третья. Выдающиеся мужчины зачастую заняты своим основным делом до гробовой доски. Им писать некогда. «Невыдающиеся» женщины пишут мемуары либо, чтобы заработать на жизнь или чтобы поддержать свой социальный статус.

Есть, конечно «небожители», на которых никакие «правила» не распространяются. Видимо, такими «небожителями» были Пьер Кюри – Мария Склодовская, Ирэн Кюри и ее муж, Ева Кюри и ее муж.

Возможно, и я несколько выпадаю из приведенной выше классификации. Я был «добровольным подкаблучником». Ольга во всем стремилась быть лидером, а я, чтобы «доставить ей удовольствие», с охотой «подчинялся». Приведу курьезный пример. Моя мать была детским врачом, а Ольга, начитавшись книг по нетрадиционной медицине, была «знахарем» и лечила детей, почти не прибегая к врачам. Например, пневмонию лечила горячим обертыванием по Залманову, а не антибиотиками. Моя мать была в ужасе от методов лечения Ольги. И Ольга,

и мать считали меня своей личной собственностью, которой могут распоряжаться по собственному усмотрению. Однажды мать пришла к нам в гости. Мы с матерью сидели на кухне, а Ольга была в комнате, занималась сыном. В это время проходила перепись населения. Раздался звонок в дверь. Пришла девушка, стала задавать вопросы. Очередь дошла до вопроса: «Кто является главой семьи?» Ольга выскочила из комнаты и заявила: «Я глава семьи». Мать была после этого в шоке и добрых 10 лет возмущалась: «Как ты такое позволяешь?» Кстати такую линию поведения я выбрал отчасти под влиянием Ольги. Ольга привела мне пример идеальной игры: двое играют, один считает, что играет в шашки, а другой – в поддавки. Оба выигрывают.

Я старался «не вступать» в споры Ольги и матери по поводу медицины, но иногда, когда меня спрашивали, что-то произносил. Ольга говорила, что я кругом неправ, когда говорил матери или ей, в чем они не правы. Ольга считала, что матери я должен говорить, что она во всем права и ругать Ольгу, а ей (Ольге) говорить, что она во всем права, а мать не права.

Ваша книга своеобразна в том отношении, что ее герой одновременно очень сильный профессионал, погруженный в свою тему, и женщина-жена-мать. А как Вы думаете, можно ли в принципе написать биографию ученого-женщины, понять особенности ее профессиональной деятельности, не принимая во внимание ее женских ролей?

Мне кажется, что бывает по-разному. Соответственно и писать можно по-разному. Есть люди (в том числе и женщины) для которых ничего кроме их ремесла не существует, есть «энциклопедисты». Для Ольги существовала не только математика и не только семья. Она с не меньшим увлечением занималась кройкой и шитьем, вязаньем, починкой сломанных бытовых электрических приборов. Но главное ее хобби, по-моему, была педагогика. Она любила учить в качестве лектора, подруги, пассажира автобуса, посетителя ресторана и т.д. Кстати, если Вы в повести об Ольге перечитаете то, что написала Лена Яновская, то увидите, что не только научные разногласия вызывали трения между подругами. Цитирую: «Ольга пыталась руководить моей личной жизнью. Этого я терпеть не могла. В молодости, только у меня появлялся намек на кавалера, Ольга тут же докладывала, что он был когда-то ее поклонником».

В своих историки-социологических исследованиях, базирующихся на биографическом материале, я исхожу из принципа

пристрастности отношения к герою, полагая, что пристрастность «выше» объективности. Что Вы по этому поводу думаете?

Согласен. Я отношу себя к любителям. Возможно, что профессионал может писать о ком-то (о чем-то), к кому (к чему) он беспристрастен (равнодушен). Такие примеры есть. Например, Проспер Мериме в качестве «упражнения» мог написать в одну газету статью, где отстаивал одну точку зрения, а в другую – отстаивая противоположные взгляды. Любитель пишет о тех, к кому он не равнодушен, хотя зачастую понимает, что ближе к истине «срединная позиция». К тому же «принцип пристрастия» позволяет сделать для читателя образ героя более интересным, вызывает ответную эмоциональную реакцию.

Если я вдруг напишу еще, то только о том, что не оставляет меня равнодушным. Сейчас есть одна тема, которая меня занимает и волнует. Прошло почти пять лет с момента аварии на Саяно-Шушенской ГЭС. По сей день идет судебное разбирательство. Шесть моих коллег, крепких профессионалов, честных и порядочных людей находятся под судом. За эти годы на них вылили ушаты грязи, им сломали жизнь воинствующие невежды. Возможно, что про сломанную судьбу этих людей я что-то напишу.

Выше Вы написали: «Назвать одну рациональную причину, побудившую меня спустя 20 лет вновь писать об Ольге, не берусь». А если ли среди этих причин желание испытать себя как литератора (пусть в отпуске) в биографическом жанре?

Большинство литераторов в своих мемуарах пишут про то, как их годами не печатали, как тяжело они добивались признания. Мне это самое «признание» далось легко. На заре советской власти В.И. Ленин сказал, что «коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей страны». На заре Перестройки гидроэнергетики, то есть мои коллеги, были объявлены врагами Демократии и Природы. Наше начальство, обескураженное таким поворотом темы, стало призывать нас отвечать через газеты и журналы на выдвигаемые обвинения. Я воспринял этот призыв как руководство к действию и написал тогда два объемистых очерка. Первый назывался «Чучело начальника в Маркизовой луже» и был посвящен Дамбе (комплексу защитных сооружений С-Петербурга от наводнений). Второй назывался «Дискуссия о гидроэнергетике. Взгляд изнутри». Один очерк я отнес в журнал «Нева», а другой – в журнал «Звезда». И оба были одобрены. Впоследствии я без особых усилий со своей стороны был принят в Союз писателей

С-Петербурга, а затем и в Федерацию писателей Израиля. Мне этого вполне хватило для удовлетворения честолюбия («Ага, значит могу»). Так что «испытание на писателя» я прошел до написания повести об Ольге. У Сергея Довлатова есть два словосочетания, которые мне нравятся: «потерпел успех» и «одержал поражение». Человек от успеха глупеет, а это не в моих интересах. Иными словами, я не только не стремлюсь к известности, но и несколько опасуюсь широкого признания.

Лев, то, что Вы – опытный литератор, я сразу понял, когда открыл Вашу книгу, потому и попросил Лену Яновскую дать Ваш адрес... но я спрашивал об ином... литератор хочет испытать себя в разных жанрах... возможно, одна из причин – желание испытать себя в биографическом жанре...

Есть литераторы и литераторы. Первые – сочинители, фантазёры. Вторые пишут только о том, что видели, чему были свидетелями. Я тяготею ко второму типу. Стараюсь «не врать». Даже оставляю реальные имена и фамилии героев. Иначе сам себе не поверю. Конечно, при этом получается, что в первую очередь пишешь «о себе любимом». Поскольку о себе объективно судить невозможно, то только себе я присвоил псевдоним. «Желание испытать себя» я удовлетворил несколько раньше, написав два очерка, которые были опубликованы. Повесть об Ольге (первый вариант) я писал, не отдавая себе отчета, зачем это делаю.

Наша переписка последних дней, обозначила ряд вопросов создания книг об ученых. Один из них: должны ли авторы таких книг давать некое введение в соответствующую область науки или проблематику? На какого читателя ориентироваться?

Конечно, широкий читатель ленив, но и он требует уважения. Книжки об ученых пишутся для широкой аудитории. Коллеги знают настоящую цену тому или иному ученому. Особенно математики, где «гамбургский счет» – норма. Я полагаю, что введение в предметную область деятельности героя желателен. Но он требует достаточно высокой квалификации от автора. А уж будет или нет читатель его «изучать», или пропустит – дело читателя. Почти все мои знакомые (и я тоже), читая «Войну и Мир», текст на французском языке или вовсе опускали или бегло просматривали. А бывает и так, что случайная фраза на «постороннюю» для читателя (слушателя) тему оказывается полезной и интересной. Я никогда не задумывался о роли иглы в истории человечества. Недавно по телевизору я «впо-

духа» прослушал передачу о происхождении человека. В ней утверждалось, что игла была изобретена в период оледенения, когда в Европе резко похолодало. Игла позволила шить из шкур одежды, и это спасло людей от гибели. Возможно, это некоторое преувеличение, но я проникся уважением к изобретателю иглы.

Лев, большое спасибо за участие в этом трудном для Вас разговоре.

Примечания

Романовский Иосиф Владимирович – доктор физико-математических наук, профессор СПбГУ.

Бураго Юрий Дмитриевич – доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией Санкт-Петербургского отделения Математического института им. В.А.Стеклова РАН.

Перельман Григорий Яковлевич – выдающийся российский математик, первым доказавший гипотезу Пуанкаре, кандидат физико-математических наук.

Прохоров Юрий Васильевич (1929 – 2013) — российский математик, академик АН СССР (РАН) доктор физико-математических наук.

Яновская Елена Борисовна – доктор физико-математических наук, заведующая лабораторией теории игр и принятия решений Санкт-Петербургского экономико-математического института РАН.

Калинин Олег Михайлович – кандидат физико-математических наук, специалист в области теоретических и прикладных исследований по математической статистике.

Линник Юрий Владимирович – (1914 – 1972) — академик, советский математик в области теории вероятностей, математической статистики и теории чисел.

Литература

Гордон Л. Дом. СПб <http://vk.com/doc11214130_164850714?dl=4b0ae14c154f0ae960>

**Раздел II
ПРОШЛОЕ
И НАСТОЯЩЕЕ:
ИЗ ПОЧТИ ЗАБЫТОГО**

О СОВРЕМЕННОЙ КНИЖКЕ ПО ОБЩЕСТВЕННОМУ МНЕНИЮ, КОТОРОЙ УЖЕ 130 ЛЕТ*

В 1880 году в Мюнхене была издана книга немецкого криминолога Франца фон Гольцендорфа “Wesen und Werk der öffentlichen Meinung”, а через год под заголовком «Роль общественного мнения в государственной жизни» [1] – переведена на русский язык. В конце XIX века книга представлялась интересной в либеральных кругах земских статистиков и политических философов, сегодня же она практически не известна российским обществоведам. Книгу Гольцендорфа можно обнаружить в некоторых списках литературы для студентов, изучающих общественное мнение, но трудно представить, чтобы ее активно читали. Ознакомится с ней можно лишь в крупных книгохранилищах.

По крайней мере два обстоятельства позволяют назвать *современной* книгу Гольцендорфа со 130-летней историей.

Первое, это ее содержание. В ней рассмотрены темы, остающиеся актуальными и в наше время: природа общественного мнения, формы его функционирования в различных общественных формациях, механизмы образования общественного мнения, влияние на него прессы и место общественного мнения в политике государства. Замечу, что трактовка обсуждаемых вопросов во многих случаях не вызовет серьезного возражения со стороны современных исследователей общественного мнения.

Второе, – сочетание научности и общественной страстности в толковании общественного мнения. Следует помнить, работа писалась во времена иного, чем сейчас, представления о строгости анализа мира социальных отношений и в условиях не современной западно-европейской демократии, а в период Германской империи.

Теперь – кратко об авторе книги и тех, кто дал ей жизнь в России.

Франц фон Гольцендорф (Joachim Wilhelm Franz Philipp von Holtzendorff, 1829-1889) принадлежал к старому дворянскому роду, получил образование в университетах Бонна, Гейдельберга и Берлина. В нем всегда сохранялся дух Революции 1848 года, на протяжении всей жизни он оставался активным сторонником политического либерализма. Последние 19 лет жизни он был профессором Мюнхенского университета, читал

* Докторов Б. О современной книжке по общественному мнению, которой уже 130 лет <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=318>>

различные курсы, но наибольшую известность он имел как криминолог и специалист по международному праву.

Переводчиком книги и автором «Предупреждения» является *Николай Федорович Анненский* (1843 — 1912), оставивший заметный след в российской истории как ученый и литератор. Он известен своими экономическими и статистическими исследованиями и признается создателем школы нижегородской земской статистики. На протяжении многих лет Анненский активно участвовал в народническом движении, был членом многих оппозиционных организаций и обществ, с 1895 года входил в совет Вольно-экономического общества и был председателем III отделения этой организации, отвечавшего за вопросы сельскохозяйственной экономии и статистики.

Неординарной личностью был и издатель книги — *Флорентий Федорович Павленков* (1839 — 1900). Он издавал сочинения русских классиков, иллюстрированные библиотеки русских и западноевропейских авторов для детей, научную и научно-популярную литературу. Публиковал произведения марксистско-социалистической направленности: Ф. Энгельса, А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Д. И. Писарева и др. В его серии книг «Жизнь замечательных людей» вышло около 200 биографий.

Известно, что русские земские статистики были хорошо знакомы с достижениями европейской — английской и континентальной — статистической науки, в том числе, с методами сбора информации о населении. Издание книги Гольцендорфа — свидетельство того, что уже в 1880-е годы они интересовались и теоретическими основами общественного мнения. Однако в силу многих политико-идеологических обстоятельств они не могли приступить к изучению этого сложного явления. Одно из них — прямое ограничение их деятельности властями в связи с их революционными взглядами. Так, в феврале 1880 года Анненский был арестован по причине его политической неблагонадежности. В мае 1880 года он был препровожден по этапу в Западную Сибирь, в Тобольскую губернию, и пробыл там до конца февраля 1881 года. Интересно, встречались ли он там с Павленковым, который тоже в 1880 году был выслан в Сибирь за связь с революционерами и тоже вернулся оттуда в 1881 году. Может быть, там и тогда у них возникла идея о переводе и изданию книги по общественному мнению?

Отмечу еще одно обстоятельство, конкретизирующее ранее сделанное утверждение о внимании российских обществоведов к книге Гольцендорфа. В 1895, 1896 и 1899 годах под названием «Общественное мнение» [2] она выходила в серии «Юридическая библиотека», издававшейся *Яковом Абрамович*

Канторовичем (1859–1925), адвоката и издателя. Я. Орович – один из его псевдонимов.

Будем надеяться, что появление книги Франца фон Гольцендорфа на сайте Центра социального прогнозирования и маркетинга привлечет к ней внимание действующих российских полстеров и социологов, а также студентов и молодых ученых, ориентирующихся на разработку теоретических и прикладных проблем общественного мнения.

Литература

1. *Гольцендорф Ф.* Роль общественного мнения в государственной жизни. СПб.: Ф.Павленков, 1881.
2. *Гольцендорф Ф.* Общественное мнение. СПб.: Я. Орович. 1895; изд. 2-е, 1896; изд. 3-е, 1899.

ЕЩЕ РАЗ О СОВРЕМЕННОЙ КНИГЕ ПО ОБЩЕСТВЕННОМУ МНЕНИЮ, КОТОРОЙ 130 ЛЕТ*

Речь снова пойдет о российской судьбе опубликованной в 1880 году в Мюнхене книге немецкого криминолога Франца фон Гольцендорфа (Franz von Holtzendorff, 1829–1889) “Wesen und Werk der öffentlichen Meinung”. В моей недавней заметке [1] сообщалось, что в 1881 году эта книга была переведена на русский язык и вышла под названием «Роль общественного мнения в государственной жизни» [2]. Далее отмечалось, что в 1895 увидел свет ее второй перевод, озаглавленный «Общественное мнение» [3]; он переиздавался в 1896 и 1899 годах. Поводом для той заметки было размещение издания 1881 года в интернете, данная заметка – реакция на появление в сети книги 1895 года.

Краткая биографическая информация о Гольцендорфе, а также об авторе первого перевода Н.Ф. Анненском и издателе русской версии книги Ф.Ф. Павленкове приведена в названной заметке [1]. Сейчас представлю тех, чьими усилиями было сделано 2-е издание книги Гольцендорфа.

Переводчик – Н.О. Бер; возможно, это Николай Осипович Бер (1866-), имевший юридическое образование и одно время служивший в Сенате. Можно допустить, что именно он был редактором перевода книги французского историка и юриста Эсмена Адемара «Общие основания конституционного права», вышедшей двумя изданиями на рубеже XIX – XX веков.

Об издателе «Общественного мнения», Я. Оровиче известно больше; это – Яков Абрамович Канторович (1859–1925), адвокат и издатель; Я. Орович – один из его псевдонимов. Канторович закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, был присяжным поверенным Санкт-Петербургской судебной палаты. С середины 90-х годов он целиком переключился на литературную работу, издал ряд юридических исследований научно-исторического характера. Был редактором-издателем журналов «Судебное Обозрение», «Вестник Сенатской практики» и «Вестник законодательства и циркулярных распоряжений». Незадолго до смерти им были подготовлены две книги «Хозяйственная система СССР» и «Основные проблемы гражданского права». В одном из некрологов на смерть Канторовича отмечалось, что он являлся одним из активнейших авторов по вопросам советского права, соединявших прекрасную эрудицию со знанием практических нужд эпохи [4].

* Докторов Б.З. Еще раз о современной книге по общественному мнению, которой 130 лет <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=322>>

К сожалению, в книге 1895 года нет введения или предисловия Канторовича, объясняющих причины, в силу которых он решил издать ее в новом переводе. Но, возможно, такое развитие событий было произвольно намечено, задано заключительными словами Предуведомления Н.Ф. Анненского к изданию 1881 года: «Мы позволили себе сделать в переводе некоторые сокращения, отнюдь, впрочем, не искажающие смысла подлинника. Сокращения эти относятся преимущественно к двум последним главам сочинения: жалобы на опасности от «чрезмерного влияния» ежедневной прессы на государственную жизнь в книге, адресованной к русской публике, были бы уж слишком похожи на иронию» [2].

Даже беглое сопоставление переводов книги Гольцендорфа 1881 и 1895 годов заставляет предположить, что сделанные Анненским сокращения – скорее всего, вынужденные – все же не передают адекватно смысл оригинала. Проиллюстрирую сказанное одним примером.

На страницах 90–92 издания 1895 года читаем следующее:

«Так как в большинстве европейских государств главное внимание обращается на приобретение литературных и эстетических знаний или специальных сведений, необходимых для той или иной профессии, а образованию научно-политическому придается лишь второстепенное значение, то ничего удивительного нет в том, что на прессе отражается характер образования лиц, ею руководящих. Резко выраженная тенденциозность, стремление к формулированию отвлеченных принципов и обобщений, претендующих на абсолютную истинность, с одной стороны, и специальные, односторонние взгляды, сложившиеся на почве профессионального образования, с другой; вот особенности, характеризующие направление современной прессы. Стремление к формулированию политического вероучения со временем передается и таким лицам, которые лишены чувства внутренней духовной самостоятельности и не свободны от господствующей в обществе подражательности. При таких условиях обмен мнениями между газетами различных партий остается без результатов. О том, чтобы придти к определенным выводам на почве фактических доказательств, никто не думает. Победителем в газетной полемике признает себя тот орган, который путем указания логической непоследовательности и противоречий в статьях противника, путем инсинуаций и очернения его характера и намерений, сумеет нанести ему наиболее глубокие раны.

Духовная самостоятельность толпы никогда не была значительна. Благодаря современному развитию прессы, она в на-

стоящее время еще более уменьшилась. Главнейшие течения политической жизни не остаются без представителей в лице органов печати; но самостоятельное индивидуальное мнение, не имеющее ничего общего с доктринами господствующих политических партий, лишь с величайшим трудом может проникнуть в прессу.

Таким образом, теряется столь важное для развития общественного мнения взаимодействие между индивидуальными мнениями и мнением народа. Нельзя также ожидать у того, чтобы излишества партийной прессы встречали своевременно противодействие со стороны общественного мнения. Пресса, распространяющая свою критику решительно на все, очень чувствительна, если наряду с благодеяниями, ею оказываемыми, и с пользой, от нее ожидаемой, указывают и на темные ее стороны. Люди, наиболее знакомые с технической стороной газетной деятельности и не раз прибегавшие к прессе для поражения своих противников, менее других способны подвергнуть неодобрительной критике недостатки ежедневной печати. Они знают силу той вражды, которую бы они навлекли на себя, если бы захотели раскрыть темные стороны журналистики.

Иногда сама пресса идет в разрез с общественным мнением; в таких случаях она далека от сознания необходимости уступить в чем-либо голосу народа, авторитет которого ею всегда прославляется. Не подлежит сомнению, что в цивилизованных государствах общественное мнение относится с неодобрением к объявлениям, оскорбляющим нравственные чувства, вроде тех, которые содержат, например, восхваление темных ростовщических предприятий или одобрение и пропаганду секретных медицинских средств и т. п. И, несмотря на это, те самые газеты, которые всегда готовы произнести строгий нравственный приговор над деятельностью своих политических противников, не колеблясь принимают на свои столбцы оплаченные объявления, которые всеми признаются безнравственными. По их мнению, такой образ действий извинителен, потому что принят повсеместно. Само собой разумеется, что в каждой стране существуют в этом отношении весьма почтенные исключения.

Вместе с тем нельзя не заметить, что сила общественного мнения в отношении партийной прессы далеко не одинакова в Англии и в континентальных государствах Европы».

А теперь приведу фрагмент всего этого текста в том виде, как он представлен в переводе 1881 года (с. 108):

«Так как в большей части европейских государств на научно-политические знания обращается меньшее внимание, чем

на чисто литературное, эстетическое образование или на приобретение специальных сведений, необходимых для той или другой профессии, то нет ничего удивительного, что и на прессе отражается склад образования лиц, ею руководящих. С одной стороны, мы встречаем рядом с резкой тенденциозностью, преобладание общих отвлеченных принципов, стремление к формулированию учений, претендующих на безусловную непогрешимость, с другой – узкие, специальные воззрения, стоящие на частно-правовой почве».

В заметке [1] рассматривались обстоятельства, позволившие назвать книгу Гольцендорфа со 130-летней историей современной. Сопоставление текстов двух переводов дает возможность считать ее даже более современной, чем это представлялось раньше. Могу допустить, что даже сегодняшним переводчикам на русский язык и издателям этой книги было бы сложно воздержаться от купюр, которые делались в 1881 году.

Хочется надеяться, что появление двух переводов книги Франца фон Гольцендорфа на сайте Центра социального прогнозирования и маркетинга привлечет к ней внимание действующих российских полстеров и социологов, а также студентов и молодых ученых, ориентирующихся на разработку теоретических и прикладных проблем общественного мнения.

Сразу укажу и два направления историко-социологических поисков.

Первое: внимательное, систематическое сопоставление переводов 1881 и 1895 годов между собою и, по возможности, с оригинальным текстом (на немецком языке). Движение по этому пути может привести к интересным науковедческим выводам. Надо разгадать, чем руководствовались Аненский и Павленков при сокращении текста Гольцендорфа.

Второе: сопоставление содержания книги Гольцендорфа с построениями и выводами, изложенными в известной книге В.А.Кузьмичева по общественному мнению, опубликованной более восьмидесяти лет назад [5].

Замечу, работу Кузьмичева достаточно часто цитируют или просто указывают в различных библиографиях, её включают в списки литературы для студентов, изучающих социологию. Однако о самом авторе известно крайне мало. В результате поиска в интернете удалось узнать, что личный фонд Владимира Александровича Кузьмичева (1903-1994) хранится в Центре документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО) [6]; обращение в Центр позволило получить базовую информацию о нем. В 1924 году В.А. Кузьмичев закончил Коммунистический институт журналистики в Москве, он был автором книг по социологии и теории журналистики; в 1925-

1939 годах сотрудничал со многими газетами, в 1949-1963 годах был редактором Томской областной газеты «Красное знамя», преподавал на кафедре советской литературы Томского государственного университета (1969-1971), был членом Союза журналистов СССР и членом Советской социологической ассоциации АН СССР, ветераном Великой Отечественной войны. В архиве хранятся некоторые личные документы Кузьмичева, рукописные и опубликованные материалы.

Я благодарю тюменского социолога, доцента Шамиля Фарахутдинова за помощь в получении информации от ЦДНИ ТО.

Литература

1. Докторов Б. О современной книжке по общественному мнению, которой уже 130 лет <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=318>>.
2. Гольцендорф Ф. Роль общественного мнения в государственной жизни. СПб.: Ф.Павленков, 1881 <<http://www.socioprognoz.ru/files/File/2013/golcendorff.pdf>>.
3. Гольцендорф Ф. Общественное мнение. СПб.: Я.Орович. 1895; изд. 2-е, 1896; изд. 3-е, 1899.
4. Люблинский П. Я. А. Канторович. Некролог. <<http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1135252>>.
5. Кузьмичев В.А. Организация общественного мнения. Печатная агитация. – М.-Л.: Государственное издательство. 1929.
6. Кузьмичев Владимир Александрович. Личный фонд <<http://cdnito.tomsk.ru/kuzmichev-vladimir-aleksandrovich-lichnyj-fond.htm>>.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ С.М. ВАСИЛЕЙСКОГО. ПРОСТЫЕ ВОПРОСЫ — НЕПРОСТЫЕ ОТВЕТЫ*

19–20 ноября 2012 года в Москве я записал на диктофон большое интервью с академиком Геннадием Васильевичем Осиповым, одним из создателей современной российской социологии. И вот, примерно через 40 минут после начала нашей беседы Осипов, рассказывая об одном из первых в стране теоретико-эмпирических социологических исследований в Горьком, которое было проведено в первой половине 1960-х, говорит (фрагмент интервью):

ГО: Период нашей дореволюционной социологии очень плохо описан, мы говорим только об основных фигурах: М.М. Ковалевский, Н.Я. Данилевский, Н.К. Михайловский, но тут в Горьком встречаю профессора старой русской школы – Василейского.

БД: Никогда не слышал...

ГО: ...а таких много было.. мы с ним беседуем, он работал дворником.. к удивлению я вижу у него методики социологические, которые ничем не отличаются от западных... мы с ним проводим беседы, замечательный человек был. Он говорит: «Нас много было, но мы разбрелись по России, потому что это все было запрещено, нас преследовали. Не знаю, каким образом я уцелел».

Я спросил у Осипова имя и отчество Василейского, но в тот момент он не помнил, хотя сказал, что он где-то писал о нем. При транскрибировании интервью я решил посмотреть в Интернете, не написано ли чего о Василейском. Фамилия редкая, можно искать без имени и отчества, и сразу нашел статью Натальи Юрьевны Стоюхиной о нем [1].

Я написал Стоюхиной, которая совместно с белорусским профессором Л.А. Кандыбовичем опубликовала книгу о Серафиме Михайловиче Василейском и продолжает активно изучать историю российской психологии конца XIX – начала XX вв.. В процессе переписки родилась идея интервью с Натальей Юрьевной, ибо никто лучше нее не может осветить биографию Василейского и рассказать о процессе ее поисков.

Проведенное интервью преследовало две цели. Во-первых, познакомить читателей с жизнью и творчеством Василейского. Его биография уникальна, неповторима и вместе с тем типична для когорты психологов, социологов, личность и научные интересы которых формировались в дореволюционной России, но которым пришлось работать в драматические постреволюционные годы. Во-вторых, обсудить некоторые методологические вопросы историко-биографического анализа.

Борис Докторов

* О жизни и творчестве С.М. Василейского. Простые вопросы – непростые ответы (Интервью с Н. Стоюхиной) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 3. С. 9-15.

Наталья, пожалуйста, расскажите о Вашем образовании, Вашей работе и о том, при каких обстоятельствах Вы начали заниматься биографией и исследованиями С.М. Василейского.

Я училась в Горьковском государственном университете им. Н.И. Лобачевского в 1980-х гг. Получила специальность «структурная и прикладная лингвистика». Училась я с удовольствием и, наверное, с наслаждением. Но помню, что после окончания университета, если приходилось отвечать на вопрос о своей специальности, люди очень удивлялись – что это такое? Т.е. на то время, в середине 80-х, специальность, существовавшую только в нашем университете два десятка лет (а были и другие вузы), никто не знал. Это удивляло меня... Какое-то время я работала в одном из НИИ инженером-лингвистом, составляла тезаурус по какой-то отрасли. После рождения сына, когда пришла пора выходить на работу – это был самый конец 80-х – начало 90-х, – я поняла, что вокруг что-то происходит: НИИ стали потихоньку закрываться, появились какие совместные предприятия и прочее. Постепенно я поняла: если раньше никто не знал, что такое «лингвистика», но на работу можно было устроиться, то теперь даже вопросов не задавали – сразу отказывали. Встал вопрос о получении второй специальности. Кто-то сказал, что в Горьковском педагогическом институте открывают новую специальность – психология, для тех, кто уже имеет высшее образование. Практически ничего не зная о психологии, я пошла туда. Поступила, училась. Мои однокурсницы – все работающие учителя – казались мне знающими всё, а я даже не слышала о Выготском, Эльконине, Давыдове и других основателях педагогической психологии. Приходилось всё читать, читать, читать... Потом работала школьным психологом, написала и защитила диссертацию, перешла на работу в вуз.

Как-то, в начале 2000-х, мне довелось работать со старшей коллегой, закончившей Горьковский педагогический институт в 1950-х годах. Она часто вспоминала своих преподавателей, и я спросила ее: «Я знаю всех старших и уважаемых коллег (слава Богу, живущих), они нас учили и учат, а кто учил их? С кого началась психология в нашем городе?» Профессор шепотом назвала мне фамилию Василейского, а на мои вопросы – кто это? почему шепотом? – она, также понизив голос, произнесла: «Ну, он был известный психотехник и педолог». Тогда у меня интерес к истории психологии был не велик, но слова «психотехник» и «педолог» заинтриговали, тем более – в сочетании с таинственным шепотом.

Фамилию запомнила и через какое-то время я обратилась к юбилейным сборникам, из которых узнала, что Василейс-

кий на протяжении тридцати лет работал в Горьковском педагогическом институте, в течение этих десятилетий в вузе было совсем немного профессоров, и Серафим Михайлович был одним из них. Решив, что такое небольшое количество уважаемых ученых наверняка осталось в памяти вуза, я обратилась на кафедру, на которой работал Василейский. Увы, сотрудники кафедры мало мне помогли («да... Василейский... был такой раньше...»), на кафедре не было никаких материалов. В библиотеке вуза сохранилась только одна его книга. К счастью, несколько книг обнаружилось в областной научной библиотеке.

Однако, в Центральном архиве Нижегородской области архивариус, не заглядывая в свои списки, сразу сказала, что есть фонд Василейского, и назвала на память его номер.

Это было мой первый опыт работы в архиве. Когда мне принесли папки, я не могла знать, как это будет увлекательно и захватывающе – держать в руках листки, где за формальными строками автобиографии, докладными, командировочными удостоверениями и прочей канцелярско-отделкадровой скукой скрыта целая судьба!... как палимпсест. Это завораживало. После прочтения всего материала, найденного в тех папках, у меня было ощущение, что фигура ученого будто повисла в воздухе, это было странно. Через небольшое время я поняла, что я не могу поместить его в контекст – у меня его просто нет. Я пошла читать газеты того времени, когда Василейский жил в Нижнем Новгороде – Горьком. Мне повезло – в библиотеке сохранились подшивки газеты, издававшейся педагогическим институтом – «За педагогические кадры». Плохая бумага, уже слабо видимый текст, но – какое «громздё» планов и «размаха шага саженьи»! какая лексика 30-х годов! какие сюжеты!

Поиск биографических данных Серафима Михайловича дал мне возможность познакомиться с самыми разными людьми, и это тоже был бесценный опыт.

В первую очередь, это мой замечательный и уважаемый соавтор – белорусский психолог, профессор Лев Александрович Кандыбович (1934--2011).

Когда я опубликовала первую работу о С.М. Василейском, моя коллега, историк психологии, вспомнила, что в Белоруссии, может быть, в Минске, есть ученый, который тоже писал о Василейском, назвала его фамилию – Кандыбович. Больше она ничего о нем не знала. Я нашла телефоны двух вузов Минска, где должна была быть психология: Белорусский государственный университет и Белорусский государственный педагогический институт им. М. Танка, позвонила в ректораты, нашла профессора Кандыбовича в педагогическом университете, со-

звонилась с ним. С тех пор мы с ним стали переписываться. Он писал об основателях белорусской психологии, и Василейский там — первая фигура. Работа с Львом Александровичем — глубоко порядочным, ответственным, интереснейшим человеком кроме приятных часов общения и совместной работы, научила меня многому. И благодаря его организационным усилиям в Минске в 2009 г. вышла наша совместная книга о психотехниках Беларуси, большая часть которой посвящена анализу биографии и творчества Василейского [2].

В своем рассказе Г.В. Осипов приводит слова С.М. Василейского: «Нас много было, но мы разбрелись по России, потому что это все было запрещено, нас преследовали. Не знаю, каким образом я уцелел». К последней части этого фрагмента воспоминаний мы вернемся. А сейчас хотел бы узнать, кого из коллег, учеников Василейского Вы нашли в процессе своих поисков?

На мой взгляд, Серафим Михайлович пострадал больше своих коллег-педологов. Он был уволен с работы, вынужден был работать в Кирове, где, фактически, отсиживался с 1938 по 1944 г. Будто бы переживал, пока все уляжется, что унижительные слова о педологии и педологах сгладятся в памяти людей, что тяжелые военные заботы вытеснят их. Но переезду предшествовали чудовищные по иезуитскому издевательству проработки на различных комиссиях. Я читала эти протоколы.

Ближайшим учеником коллегой Василейского был Александр Александрович Гайворовский. Он был студентом Серафима Михайловича, еще учась в Самарском государственном университете в 1918-1921 гг., потом Василейский пригласил его на работу в БГУ, и они были вместе до 1929 г., пока Василейский не переехал в Нижний Новгород, а позже встречались на съездах и конференциях. В дальнейших научных работах Гайворовского прослеживаются идеи Василейского. Так, в статье «Изучение аудитории» (1923) он описал представления об окружающем мире, особенно, о социально-политической его составляющей у красноармейцев Приволжского военного округа. В работе «Развитие круга общежизненного и общекультурного опыта современного ребенка» (1928) Гайворовский на примере различных возрастных, половых и национальных групп детей, подростков и взрослых БССР сделал попытку выявления запаса знаний и словесных представлений, которыми обладали данные группы, как располагался этот общий запас знаний и представлений по основным областям природы и культуры, как постепенно убывал запас представлений, относящихся к царскому строю, на каком культурном

уровне находились бедняцкие, середняцкие и зажиточные слои крестьянского населения Беларуси и пр. После Минска Александр Александрович работал в Краснодаре и Ростове-на-Дону, но, в конце концов, вернулся на родину — в Куйбышев (с 1991 года — Самара) и до 1963 г. жил там, работая в Куйбышевском педагогическом институте.

Что касается нижегородских коллег Василейского, то я бы сказала, что их судьбы после Постановления 1936 г. «О педологических извращениях в органах Наркомпросов» складывались по-разному, но трагедий было много. Например, доцент Горьковского педагогического института Орест Владимирович Широкогоров с кафедры дошкольной педагогики был арестован в июне 1938 г. по обвинению в участии в антисоветской троцкистской организации, через год с небольшим, в декабре 1939 г. был отпущен, восстановился на работе, но прожил недолго, болел, и умер через два года, в возрасте 33 лет. Как говорит его внучка Н.В. Широкогорова, бабушка всю жизнь вспоминала, что после заключения все его тело было опухшим от побоев. Доцент Алексей Николаевич Крылов, когда-то аспирант Василейского, проработал на кафедре психологии, после смерти Серафима Михайловича возглавил ее. Пожалуй, все его сотрудники-ученики оставались на кафедре до конца своей рабочей деятельности.

Недавно я решила поинтересоваться судьбами коллег Василейского — педологами-практиками, работавших с ним в педологических лабораториях города (Серафим Михайлович, как многие в то время, совмещал несколько должностей). С удивлением узнала, что одна исследовательница, педолог — Ирина Алексеевна Печерникова (1909-?), активно писавшая педологические заметки и статьи о психологии трудного ребенка, в последствие стала кандидатом педагогических наук, писателем. Она — автор педагогических повестей: «Величие души. О воспитании в семье Ульяновых», «Воспитание в семье Маркса», «Её любовь» (о пионерработе), «Подростки», «Скоро юность» и множества научно-популярных работ о воспитании у старшеклассников коммунистического отношения к труду, о воспитании послушания и трудолюбия в семье, о мерах поощрения и взыскания в семье. Другой коллега-педолог, в 1920-х гг. замечательный специалист по работе с беспризорными, тоже впоследствии ставший кандидатом педагогических наук, успешно описывал передовой педагогический опыт, писал статьи по русскому языку и литературе.

Кто-то из коллег Василейского в разгар борьбы с космополитизмом писал в ВАК, «сигнализируя» об «ошибках» Серафима Михайловича — своего коллеги, руководителя...

Мне трудно и горько говорить об этом, и нам ли судить? — я только стараюсь понять: было страшно. Надо было выживать и жить. Как-то приспособливаться... Наверное, так...

Обобщая накопленный Вами опыт «историка-следователя», какие из источников информации представляются Вам наиболее полезными в такой работе? Можно ли надеяться на то, что в городских, университетских архивах может быть найдена ценная информация о психологах, работавших в конце XIX – первой трети XX вв.?

Простой вопрос – непростой ответ. Помню, когда я заинтересовалась вопросом «Были ли в Нижнем психологи?», и, не получив ответа от старших авторитетных коллег ответа, поняла, что нужно самой установить хотя бы круг этих людей, хотя бы имена, – вот это была проблема. Ведь никто не интересуется психологами и историей психологии в провинции, мы говорим не более, чем о двух десятках психологов, живших в столицах. Как только установила имена и годы – пошла в государственный областной архив. Я не знаю, как бы оценили состояние фондов нашего архива профессиональные историки-архивисты, но то, что я искала, находила, правда полнота, объем искомого были разной. Так, когда работала с личными делами первых преподавателей и профессоров Нижегородского государственного университета, приехавших в город в 1918 ., заметила, что нет личных дел у некоторых ученых. Я специально не выясняла, но из того списка, что был у меня, личных дел не было у тех, кто был позже, в 30-х, репрессирован, например, Алексей Федорович Лосев (1893-1938), Владимир Федорович Динзе (1880-1938).

Каково Ваше мнение о родственниках ученых того времени как источнике биографической информации о своих предках? Я допускаю, что вопрос может не иметь общего ответа, тогда приведите несколько примеров успешных и не успешных обращений к представителям семей интересующих нас ученых?

Впервые я стала заниматься поисками родственников, когда искала материалы о Василейском. Оказалось, что в нашем городе живет его внук – Владимир Юрьевич Водзинский, любезно поделившийся со мной семейными архивами. В его семье знали, что Серафим Михайлович работал в педагогическом институте, что у него были какие-то трудности в карьере, отразившие время, сохранились даже две-три книги. Но я-то знала о Василейском больше. Меня поблагодарили. Потом я познакомилась с дочерью А.А. Гайворовского – удивительной

Галиной Александровной Петербургской, она жила в Самаре. Я к ней приезжала, и она три дня мне рассказывала, что помнила. Как-то заинтересовалась психотехником, жившим некоторое время в нашем городе Григорием Абрамовичем Ротштейном, позже ставшим известным психиатром. Подумала: а вдруг в интернете есть еще Ротштейн, и это родственник? И сразу же нашла Владимира Григорьевича Ротштейна-сына, тоже психиатра, из Москвы. Стала звонить, объяснила, кто я, зачем мне информация. Понимаете, настраиваясь на разговор по междугородному телефону, я понимаю, что для человека такой звонок — неожиданный, он может подумать все, что угодно, может быть недоверчивым, растерянным, может просто отказаться говорить — я же не могу подтвердить честность своих намерений по телефону, не могу паспорт свой предъявить... Однажды после длинной своей тирады: кто я, зачем я, не будут ли столь любезны... и пр., я услышала холодный молодой голос: «Я Вас поняла. Будьте любезны — не звоните сюда больше, забудьте этот телефон». Это известная в стране (и за границей) семья, имеющая несколько поколений ученых, работавших в точных науках. Тогда я немного растерялась, но как-то быстро поняла: это их решение... Поэтому то, что люди отвечают, идут на разговор, дают свой почтовый адрес, — это так здорово! Когда потом я слышу от родственников благодарность, я думаю: да что вы! Это я вам благодарна! Недавно откликнулась внучка одного исторического персонажа, которую я давно искала. Я говорю об одном из первых преподавателей Нижегородского университета — В.Ф. Динзе, русском интеллигенте, педагоге и просвещенце, работавшем в издательстве «Академия», и сгинувшем в 1938 г. Его внучка — Натэлла Абдулаева-Динзе, художник театра и кино, живет то в Москве, то в США, и вот — удача! — она откликнулась. Я получаю большое удовольствие от общения с ней.

У меня есть опыт обращения за помощью в получении необходимой историко-биографической информации в американские университеты. Узнав из книг, статей или информации на сайтах том, что интересующий меня исследователь работал в том или ином университете или что его архив хранится в той или иной библиотеке, я отправлял туда электронное письмо, чаще всего начинавшееся с типового обращения: «Тому, кто может помочь». Как правило, я в тот же день получал ответ от сотрудника архива и данные о том, что у них есть по интересующей меня теме. В перечне материалов, если мне все было ясно, я просто отмечал, что мне надо. Они делали ксерокопию и присылали материалы по почте вместе со счетом. В ответ я выслал благодарственное

письмо и чек. Нередко все эти материалы я получал просто в подарок. Я понимаю, что в России пока нет такой культуры архивной работы и прочее, но все же, как Вы узнаете, есть ли необходимые вам материалы в том или ином архиве и как извлекаете из него искомые материалы?

Завидую Вам, у меня – сложнее. В университетах, как правило, неполные архивы, и если работники университетских архивов или музеев откликаются, то они, как правило, отсылают в областной архив, хорошо, если сообщают номер фонда, описи и пр. А вот потом я пишу письмо в архив какой-нибудь области, начинающееся словами «Уважаемые работники архива». Как правило, в тот же день ответа не получаю, в лучшем случае, через неделю-две, иногда вообще не получаю. Как мне объяснили в одном архиве, письмо, пришедшее электронной почтой, они, конечно, принимают, как письмо, и регистрируют, но лучше, если бы я им еще прислала обычное письмо, для верности. Но иногда и в этом случае не получаю никакого ответа. А когда отвечают из архива, то происходит так, как Вы пишете: приходит квитанция на оплату с объяснением-калькуляцией, почему такая цена, а после оплаты, архивы высылают материалы. Замечательно работает Архив Республики Беларусь – четко, быстро, доброжелательно, также Центральный архив Самарской области. К сожалению, из нескольких архивов на Украине ответили мне только из одного. Остальные вообще не отвечали, как, впрочем, и украинские библиотеки.

До Вас дошли какие-либо мемуарные заметки, тексты Василейского?

К сожалению, в архиве сохранилось очень мало рукописных текстов, только автобиографии – curriculum vitae, написанные им в разное время для отделов кадров, пара писем, адресованных А.А. Гайворовскому, когда приглашает его в Белоруссию, несколько коротких отчетов о выполненной работе за какие-то периоды, черновик письма в ВАК, когда он просит дать ему возможность ответить «черному» оппоненту на вопросы, которые самому Василейскому казались странными, нелепыми. Конечно, я чувствую недостаток личных документов, но считаю – то, что найдены почти все его печатные работы – это уже хорошо. Я начинала с одной его книги, сохранившейся в библиотеке педагогического университета.

Вернемся собственно к биографии Василейского. Из какой он

семьи, какого сословия? Как происходили формирование его как личности? Что повлияло на становление его интересов, обусловивших его профессиональный выбор?

Серафим Михайлович Василейский (1888–1961) — из семьи священнослужителей Самарской губернии. В семье было шестеро детей, мальчики учились в духовном училище, а затем — в семинарии. Из четверых братьев Василейских ни один не пошел в духовную академию, один стал псаломщиком, а трое получили светское университетское образование. К сожалению, ничего не известно о том, кто оказывал на Серафима Михайловича влияние, но был он весьма способным и старательным студентом. К тому же, в семинариях в XIX-начале XX вв. предполагалось серьезное освоение теоретического материала, как общеобразовательных, так и специально-богословских дисциплин. Несмотря на практическую направленность духовного образования, загруженность семинаристов подготовкой, требования были высокими. Считалось, что знание догматического богословия в том объеме, в котором его давала семинария, знание общеобразовательных предметов, например, философии, прямым образом сельскому священнику в его проповедническом служении, в его духовничестве, не нужно, потому что на эти темы ему вряд ли с кем-то придется разговаривать в своем приходе. Но так или иначе духовно-нравственный уровень образованности священника все равно сказывается, проявляясь в его пастырском служении, имеет значение при обсуждении тем, которые ему хорошо известны. Практическая точка зрения на подготовку семинаристов была такова: выпускник семинарии — это возможный абитуриент духовной академии, а академия должна готовить богословов, церковных ученых, и если в семинарии он не получит надлежащей фундаментальной базы, то ему будет трудно получать образование в стенах духовной академии. В аттестате Василейского об окончании Самарской семинарии кроме богословских дисциплин, есть физика, логика, психология, начальные основания и краткая история философии, и по всем дисциплинам — «весьма удовлетворительно», т.е. высший балл.

Сразу же после окончания семинарии, в 1909 г. Серафим Михайлович поступил в Петербургский Психоневрологический институт (основатель — В.М. Бехтерев, 1907 г.), на базе которого была создана сеть научно-клинических и научно-исследовательских институтов, в том числе и первый в России Педологический институт. Бехтеревым был заложен опыт строго объективного исследования ребенка — его поведения, мимики, речи. В числе профессоров Психоневрологическо-

го института (наряду с П.Ф. Лесгафтом, М.М. Ковалевским, Н.Е. Введенским, В.Я. Комаровым, Е.В. Тарле) был А.Ф. Лазурский — российский врач и психолог, создатель психологии индивидуальных различий. Под его руководством С.М. Васильевский изучал анатомию, физиологию, общую и детскую психологию.

Через год после начала обучения в Психоневрологическом институте, не прерывая занятий, в 1910 г. Серафим Михайлович поступает в Петербургский университет на историко-филологический факультет.

Где, под руководством кого он осваивал психологию?

Главными фигурами, оказавшими влияние на Васильевского в университете, были профессор А.И. Введенский и профессор Н.О. Лосский. После организации на факультете философского отделения Серафим Михайлович стал работать на нем и по плану, выработанному проф. А.И. Введенским, помимо специальных курсов по психологии и философии, изучал основы высшей математики, химии и физики. Он сдал зачет по физике в объеме естественного отделения профессору И.И. Боргману со специальным курсом электричества. Для усовершенствования в психологии и философии в 1913 г. Васильевского командировали в Лейпцигский университет, где он слушал лекции Вильгельма Вундта по психологии, лекции профессора Йоханнеса Фолькельта по философии и занимался в психологической лаборатории университета под руководством приват-доцента Брана. Выпускная работа в университете была на тему: «Полемика Аристотеля против Платоновской теории идей и чисел». Она было предоставлена профессору А.И. Введенскому и признана весьма удовлетворительной. По всем зачетам в течение университетского курса Васильевский имел высшие отметки.

Какие имена, что дух захватывает! И если представить молодого человека, который проходит такой путь в науку, то, мне кажется, становится понятным, что он собирается подчинить свою жизнь служению науке, знанию, культуре. Васильевский, как и другие его сверстники-психологи (например, большинство московских студентов посещавших семинарий Г.И. Челпанова), должны были в дальнейшем представлять российскую психологию на самом высоком и достойном уровне.

Ваши поиски дают нам возможность не только говорить о Васильевском, но обсуждать и общие вопросы историко-научоведческих исследований. В частности коснусь для начала двух тем.

Несколько лет назад, отталкиваясь от анализа состава преподавателей, обучавших психологии Джорджа Гэллага в Универси-

тете Айовы, я ввел понятие «траектории преемственности». Это цепочка ученых, в которой прослеживается прямой, непосредственный контакт между представителями разных поколений одной науки. Выявились несколько траекторией преемственности, связывающих Гэллапа с «отцами» психологии, внутри которой был и Вундт. К примеру: Вундт учился у Германа Гельмгольца и Густава Фехнера, а среди учеников Вундта был Джеймс Кэттелл, студентами которого были профессора Гэллапа Уорнер Браун и Фредерик Найт. Есть короткая цепочка, соединяющая Гэллапа и Фрэнсиса Гальтона (Гальтон – Льюис Терман – Джэйлс Рач – Гэллап). Василейский, принимая во внимание его возраст, относился к поколению большого числа преподавателей Гэллапа. Однако так получилось, что на Василейском и представителях его поколения траектория прямой связи российских психологов с европейскими оборвалась. Так это или не так?

Понятие «репрессированная наука», введенное М.Г. Ярошевским, объединяет множество признаков «репрессированной науки». В частности, оно включает и ограничение научных контактов, даже лишение контактов, без которых то, что ты делаешь как ученый – лишается смысла. Так вот, в последнее время историк российской психологии Антон Ясницкий (Anton Yasnitsky) из Торонто опровергает укоренившийся постулат об изоляционизме советской психологии. Он буквально «посчитал» количество советских психологов – участников в международных зарубежных конференциях в 1920-1930-е гг., количество иностранных публикаций советских ученых, научных публикаций на иностранных языках в СССР, показал, как происходил импорт научного знания – через русскоязычные переводы, рефераты. Оказалось, что цифра впечатляющая. Т.е., понятие «репрессированная наука» представляется не таким абсолютным. И часть историков психологии склонны сейчас согласиться с такой точкой зрения. Другое дело, что участников всех этих командировок, конференций, публикаций и пр. было не так уж и много, это были, зачастую, одни и те же люди, с «громкими именами», имевшие «административный ресурс».

Что касается Василейского, вероятно, в самом конце 1920-х гг. он переводит книгу британского психоаналитика С.В. Kimmins “Children’s dreams”, которая так и не была напечатана на русском, хотя, пока психоанализ не был запрещен, Серафим Михайлович очень хотел ее издать, часто упоминал о ней. Вероятно, позже этот перевод был уничтожен, т.к. не осталось никаких его следов. Он редактирует перевод знаменитой книги Jean Piaget “Le jugement et le raisonnement”. Т.е., когда мы берем в руки книгу Пиаже «Речь и мышление ре-

бенка» (Москва, 2008) и видим пометку, что в основу издания положен анонимный перевод, опубликованный в 1932 г. Государственным учебно-педагогическим издательством, можно предположить, что Серафим Михайлович причастен к этому. Надо проверять. Наконец, Васильевский был членом советской делегации на IV Международной конференции по психотехнике в Париже в 1927 г.

Насколько типичным для того времени было обучение русских студентов-психологов в Европе?

Очень интересный вопрос. То, что студенты выезжали на стажировку за границу, учась в каком-либо российском университете, это, безусловно, было. К сожалению, обобщенных данных нет, об этом можно узнать, только изучая конкретную биографию. Например, А.Ф. Лосев, будучи учеником Г.И. Челпанова в Московском университете, поехал в научную командировку в Германию в июле 1914 г., но начавшаяся война заставила его вскоре вернуться. А.П. Болтунов учился в Берлинском университете, где работал под руководством Карла Штумпфа (Carl Stumpf, 1848-1936). Безусловно, были российские студенты, получавшие образование за границей. К счастью, тут дело обстоит лучше: есть большой исследовательский проект «Русское научное зарубежье», проводимый Домом русского зарубежья им. А.И. Солженицына (автор-составитель – М. Сорокина), в рамках которого издаются библиографические словари по научным отраслям, где отражены биографии российских ученых, в том числе, обучавшихся в европейских университетах, а также – живших и работавших. Есть отдельный том, посвященный ученым-психологам.

Ровесником Васильевского был Питирим Александрович Сорокин (1889-1968); в 1909 году он начал учиться в Психоневрологическом институте, а годом позже стал студентом юридического факультета Санкт-Петербургского университета. У Сорокина сложились хорошие отношения с В.М. Бехтеревым, М.М. Ковалевским, последний предложил ему быть соредактором «Вестника психологии, криминальной антропологии и гипнотизма». В Ваших поисках Вы обращались к документам Психоневрологического института? Если «да», то не встречалась ли Вам фамилия Сорокина? В 1921 году он изучал голод в Самарской губернии, где тогда в Самарском государственном университете работал Васильевский. Получается, что Васильевский и Сорокин могли быть знакомы... Что Вы по этому поводу скажете?

Я задавала вопрос в архив Бехтеревского института о наличии документов о Васильевском, там есть его личное дело. Надо ехать.

Давайте подождем, может, что интересное обнаружится... Расскажите о работе Васильевского в Самаре.

В педагогическом институте Самары С.М. Васильевский начинает работать в 1918 г., в августе того же года он был преобразован в университет. Его первым ректором был известный психолог Александр Петрович Нечаев (1870-1948). Он обучался в лабораториях Вундта и Альфреда Бине и признается одним из основателей экспериментального направления в дореволюционной русской психологии. Серафим Михайлович с 1919 г. стал занимать должность доцента психологии и педагогики, а после отъезда Нечаева возглавил кафедру психологии и педагогики. Также он был председателем школьно-психологического отделения педагогического факультета, заведовал психологической лабораторией, где вел занятия по экспериментальной психологии. На основе анкетных опросов 1919-1922 гг. Васильевский провел исследование, с результатами которого выступил на Втором всероссийском психоневрологическом съезде в Ленинграде в 1924 г. Его выступление было отмечено Златой Ионовной Лилиной (1882-1929) – педагогом, деятелем народного образования, также – женой Г.Е. Зиновьева. В то время она была заведующая петроградским губоно.

Это был очень интересный съезд. Обычно, говоря об этом событии, особо отмечают первое публичное появление гомельского педагога Льва Семеновича Выготского (1896-1934), но мне бы хотелось обратить внимание на другое. Здесь, на педологической секции, прозвучало несколько докладов, в которых шла речь об изучении детских представлений: «Психологические типы в условиях современной школы» (профессор Сергей Алексеевич Золотарев, 1872-1941), «Психология школьников Орловской губернии в начале Октябрьской революции» (профессор Дмитрий Иванович Азбукин, 1883-1953), «Результаты анкеты о настроениях учащихся в условиях современной школы» (Лев Семенович Выготский), «Развитие социального сознания ребенка» (Иван Николаевич Дьяков, 1881-1937), «Развитие социального чувства у детей» (профессор Иван Василевич Эвергетов, ?-?). В последствии подобные исследования – исследования представлений у детей и взрослых о современной жизни – широко использовались для научного учета влияния среды на сознание «нового человека».

Вам удалось лишь узнать названия докладов или в указанном Вами обзоре есть хотя бы краткие аннотации сообщений?

Аннотации есть.

Похоже, что эти работы – примеры не только исследований по социальной психологии, но – по социологии.

Да, целый пласт работ по педологии, а чуть позже – по психотехнике, пригодились бы и социологам, работающим в русле истории отечественной социологии. Также для примера можно вспомнить, что на Первом всероссийском съезде по психоневрологии (Москва, 1923) было несколько докладов, посвященных проблеме голода: М.Е. Шуберт «Психологические наблюдения над голодающими детьми», З.А. Шумская «Влияние голода на интеллектуальную сферу детей», А.И. Кузнецов «Несколько случаев заболевания среди голодающих детей», Илья Моисеевич Левинсон «Детские правонарушения на почве голода», что неслучайно: 1923 год – последствия страшного голода 1921 года выступают все отчетливей и ярче... Как тут не вспомнить работу Питирима Александровича Сорокина «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь»...

А Вы не могли бы сказать, где перечисленные вами ученые обучались анкетированию? Можно допустить, что это – влияние на русских ученых Вундта, Бинэ и их сотрудников?

Вполне возможно. В России известным специалистом по методу анкетирования был Александр Павлович Болтунов (1883–1942). Как я говорила выше, в 1909 г. он закончил Берлинский университет, где занимался под руководством К. Штумпфа, и Московский университет. В 1916 г. им была написана книга «Метод анкеты в педагогическом и психологическом исследовании», где анкетированию автор пророчил большое будущее.

Сорокин и его друг Николай Дмитриевич Кондратьев (1892–1938), основоположник теории экономических циклов, обучаясь в Санкт-Петербургском университете, были активно вовлечены в политическую деятельность. Что по этому поводу известно о Васильевском? Может потому он остался жив и не был выслан из страны, что был вне политики?

Мной не было найдено ни одного подтверждения того, что Серафим Михайлович был политически активен. Он вряд ли

мог быть с теми, кто был выслан из страны в 1922-м. Смотрите: из голодного Петрограда он бежит в 1917 г. в родные края, в Самару. Устраивается на работу в гимназии, как-то налаживается быт. Дальше – лучше: он работает в университете, общается с Александром Петровичем Нечаевым, даже неформально, наконец-то есть возможность заняться наукой. В 1923 г. выходит первая книга Василейского «Основные вопросы и выводы школьной педагогики» [3].

Как мне представляется, вряд ли он был доволен происходящим, но максимум, что он себе позволял (как я увидела) – это резкие высказывания в адрес студентов педфака НГУ, совершенно по-хамски себя ведущих на лекциях. Этот случай произошел в 1930 г., имел тяжелые последствия для Василейского: бесконечные объяснения в печати и на комиссиях, проработки на собраниях – кем? Теми же студентами! В это время у него умирает жена, он остается с двумя малолетними детьми на руках. Забота о семье, мне кажется, для Василейского всегда была приоритетной. У Серафима Михайловича было достаточно «грехов», которые ему не давали забыть: сын священника, сам окончил семинарию, учился в Германии, прекрасно знал французский и немецкий, был в Париже на конференции... В 1936 г., в разгар осуждений трудящимися страны «троцкистско-зиновьевской гадины», Василейскому пришлось выступить на общем собрании педагогического института от лица беспартийных. Он старался оставаться тем, кем он был: честным ученым. Так, в 1930 г. в своих лекциях он все еще не критикует Фрейда, что было с негодованием отмечено проверяющей бригадой Наркомпроса; широко использует теории зарубежных ученых в обзорных лекциях; в начале 1950-х гг. «не вскрывал качественное отличие психики советских людей от психики людей буржуазного общества»: он не терпел пустых, демагогических выступлений на собраниях, особенно, когда докладчик начинал обличать какого-либо буржуазного философа, не прочтя его работ – резко поправлял, цитируя соответствующие положения на языке оригинала.

Как долго Василейский работал в Самаре? Наверное, события тех непростых времен заставляли его не раз менять место работы?

В Самаре Серафим Михайлович проработал до 1923 г., в конце этого года он был избран профессором психологии и педагогики в Витебском педагогическом институте, в котором и проработал до февраля 1924 г., отсюда переехал в Минск, в Белорусский государственной университет, где возглавил кафедру психологии. Истинные причины переезда нам неизвестны, сам он в документах пишет: в связи с реорганизацией вуза.

Сохранились ли воспоминания Василейского о годах работы в Кирове?

Сохранились служебные документы, относящиеся к кировскому периоду жизни Василейского: характеристика, данная директором пединститута, переписка с преподавателем психологии Петром Петровичем Распоповым*, с которым они делили часы, по поводу содержания курса, кое-какие бухгалтерские документы.

За время работы в Кирове (до 1944 г.) Василейский подготавливает книгу (может быть, учебник?) по истории психологии, к сожалению, не изданную и не найденную, но выходит его большая статья «Психологические учения Ламеттри», работает над докторской диссертацией «Психология технического изобретательства», читает лекции на психологические темы для учеников средних школ, учителей и родителей. Естественно, читает лекции по психологии студентам института. В 1943/1944 уч.г. заведует кафедрой педагогики.

Давайте доведем рассказ о жизни Василейского до конца. Когда он переехал в Нижний Новгород, чем он занимался в конце 1930-х, какие проблемы он разрабатывал в 40-е, 50-е годы?

Живя в Нижнем Новгороде с конца 1920-х гг., Василейский продолжает психотехническую и педологическую научную деятельность, активно привлекая своих учеников. Так, выходят в печать: педологические и психотехнические «Основной комплекс тестов для испытания умственной одаренности», книга «Комментарии и инструкции к постановке испытаний по основному комплексу тестов», рецензия на книгу И.Н. Шпильрейна, С.Г. Геллерштейна, В.М. Когана и Ю.И. Шпигеля «Руководство по психотехническому профессиональному подбору». Выходит 3-е издание «Основных вопросов педологии» (С.М. Василейский — составитель), за что от А.Б. Залкинда — идеолога педологии — получает обвинение во «враждебном нейтралитете», «методологической мешанине». До 1938 г. Василейский читает лекции, руководит кафедрой педологии (после 1936 г. — психологии), осуществляет научное руководство Психофизиологической лаборатории Нижегородского краевого института по изуче-

* Распопов П.П., будучи научным сотрудником Кировского педагогического института, еще в середине 1930-х гг. был известным педологом в Кировском крае, работал с несовершеннолетними правонарушителями в Кировском ФЗУ Наркомата юстиции. Известна его работа: *Характер и воспитание. Киров, 1959.* — 32 с.

нию профессиональных заболеваний, работает как научный консультант в Психофизиологической лаборатории (руководитель — К.К. Платонов) Горьковского автомобильного завода им. Молотова, возглавляет Горьковское отделение ВОПиПП (Всероссийское общество психотехники и прикладной психофизиологии). В 1938 г. его увольняют из горьковского педагогического института с формулировкой «За протаскивание педологических извращений в курсах “Детская психология” в 1936-1937 уч.г. и в 1937-1938 уч.г., разоблаченных и осужденных Постановлением ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г.», и он уезжает в Киров, в Кировский государственный пединститут. Работает там профессором, читает психологию. В конце войны возвращается в Горький, восстанавливается в пединституте. Опять возглавляет кафедру психологии, занимается с аспирантами, пишет докторскую диссертацию «Психология технического изобретательства» [4].

Процедура защиты прошла в 1952 г., и, несмотря на то, что из 20-х членов Ученого Совета в тайном голосовании «за» присуждение С.М. Василейскому ученой степени доктора педагогических наук (по психологии) проголосовали 18 человек, «против» — два человека, ВАК не утвердил защиту. Об этом подробно написано в книге о Василейском. Но он не опускает руки. Выпускает книгу «Лекционное преподавание в высшей школе», готовит к изданию книгу по своему диссертационному исследованию в издательстве «Профтехобразование». В 1960 г. издательство почему-то «переигрывает» свои договорные обязательства, объясняя примерно так: «Ну кому нужна такая книга? А вот маленькая брошюра для молодых рабочих, учащихся ПТУ — пожалуйста». Василейский пишет небольшую книжку «Развитие интереса и любви к технике у молодых рабочих», которая выходит в 1961 г. На обложке фамилия автора уже в траурной рамке...

Можно ли сказать, с кем из коллег в Москве, Ленинграде Василейский поддерживал контакты? В целом, каким был его круг профессионального, личного общения?

Это сложный для меня вопрос. Личных писем сохранилось совсем немного: два от Александра Петровича Нечаева (1922 г. и 1924 г.), два — от Константина Николаевича Корнилова (1940 г. и 1946 г.), по тексту которых видно, что общение было теплым, личностным. Представить, что Василейский ни с кем не вел переписку — невозможно. С кем-то он должен был обмениваться мыслями! Мне кажется, что с коллегами и учениками из пединститута полноценного научного общения не могло получиться, Серафим Михайлович был другим, он

был европейцем... Но добрые, теплые отношения с коллегами у него, безусловно, были.

На стр. 30–31 вашей книги о Василейском сказано, что он работал по теме: «Идеалы и настроения современной молодежи по анкетным данным». Вы не знаете, опубликован ли результаты этого исследования? Предпринимались ли им другие попытки изучения тех или иных сторон массового сознания?

Тщательно изучив биографию Серафима Михайловича, могу утверждать, что речь идет о так и не опубликованной его работе, с которой он выступал на Втором всероссийском съезде по психоневрологии в 1924 г. Его исследовательская деятельность касалась идеалов детей Самары, которые он изучал на основе анкетных опросов в 1919–1922 годах. Было собрано более тысячи анкет среди дошкольников и школьников. Анкетирование дошкольников проводилась по принципу естественного эксперимента, и ответы детей записывались самими анкетерами. Исследовались идеалы детей, и среди задававшихся вопросов были к примеру такие: «Что тебе нравится в современной России и что не нравится», «Если бы тебе не удалось быть тем, кем ты хочешь, то кем бы ты хотел быть еще?», «Что бы ты сделал, если бы имел большую власть? Почему?» и т.д. Многие дети отвечали, что в современной России им не нравится: питание (анкета проводилась в голодное время), другие отвечали – «свобода» (5%), третьи – «советский строй» (3%) и т.д. Чем моложе были дети, тем более оптимистичными были их ответы. Не понравилось детям: голод (31% девочек и 27% мальчиков), смерть и т.д. Были указания и на людоедство. Что сделали бы дети, если бы имели власть? – «Принес бы счастье своему народу», «Наладил бы питание, хозяйство» и т.д. А один пишет: «Я бы наслаждался властью, приказывал, уничтожал бы город». 0,5% не хотели иметь никакой власти.

Еще в 1923 г., по свежим следам, статья была отправлена в «Педологический журнал», который издавался неизвестным ныне педологом Всеволодом Николаевичем Басовым* (1892–?) в Орле. Кстати, вот ирония истории: орловского педолога, большого энтузиаста педологического движения В.Н. Басова историки психологии часто путают с известным педологом Михаилом Яковлевичем Басовым (1892–1931). А уникальный журнал Орловского педологического общества – «Педологический журнал»,

* Басов В.Н. – уроженец г. Орла, преподаватель русского языка в ВИПК-ЗО (Всесоюзный институт повышения квалификации, заочное отделение). Был арестован в 1937 г. и осужден на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Дальнейшая судьба неизвестна. (Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине)

выходивший только в 1923-1924 гг., путают с хорошо известным журналом «Педагогика», издаваемым сектором науки Наркомпроса РСФСР в 1928-1932 гг... В результате, психологам неизвестен как В.Н. Басов, так и его уникальный «Педагогический журнал». Возвращаясь к Василейскому и его статье. Все двадцатые годы он пытался опубликовать эту статью, но не смог. В 1928 г. выходит новая работа Серафима Михайловича, носившая более психологический характер, — «Экспериментально-психологическое исследование мышления детей», где изучает способность оперировать с понятиями, суждениями и умозаключениями.

Попыток изучения массового сознания психологами в 1920-1930-е гг. было огромное количество: Д. Азбукин, М.Ф. Беляев, А.А. Гайворонский, П.Я. Колотинский, К.Н. Корнилов, В.В. Орлова, Н.А. Рыбников, А.П. Семенова-Болтунова и др. — вот только немногие имена исследователей.

Ваша книга о деятельности психотехников, живших в Беларуси, увидела свет в 2009 году. Что в области изучения судеб мало известных сейчас советских психологов, работавших в первой трети XX столетия, удалось Вам сделать за истекшее время? Какие планы на ближайшее будущее?

В последнее время меня заинтересовала история психологов, живших в провинции. Жизнеописания провинциальных ученых — яркие, но при этом — типичные случаи, раскрывающие типы ментальностей эпохи как серьезный фактор истории науки. Провинциальных ученых прошлого трудно отнести к «героям» отечественной истории психологии, о которых пишут статьи, ведется изучение его жизненного пути и творчества. Да и историкам науки трудно отказаться от привычных и удобных штампов-представлений об ученых — «больших» и «не очень», — так велика привычка, подкрепляемая эффектом узнавания. В научном психологическом сообществе отсутствует адекватное представление о роли и месте в истории науки провинциальных психологов, что, на наш взгляд, связано с тем, что их судьбы остаются не обозначенным и не осмысленным явлением в истории психологии. До сих пор провинциальная психология не осознается как значимая часть российской психологической науки. Образ провинциальной психологии в России в той немногочисленной части опубликованных материалов состоит из редких фрагментов, осколков некоторых биографий и описаний достижений отдельных ученых-психологов. Опять же подвел меня к этой тебе С.М. Василейский. Началось все с вопроса: кто был рядом с Василейским в Самаре? в Минске? в Нижнем Новгороде? Собран большой материал о нижегородских психологах и психотехниках 1920–1930-х гг.

Однажды задала себе вопрос (и очень удивилась, почему так поздно он возник): если Нижегородский университет (моя alma mater) – первый советский университет и создан в 1918 г., значит, он был создан по образцу дореволюционных российских императорских университетов, где были историко-филологические факультеты, значит, были философы, психологи? К тому же, были какие-то небольшие заметки о работе А.Ф. Лосева в Нижнем Новгороде. В результате моего любопытства родилась книга о первом историко-филологическом факультете в нашем университете в 1918-1921 гг., о работе там учеников известного философа и психолога Г.И. Челпанова: А.Ф. Лосева, П.С. Попова и Н.В. Петровского. И я узнала Николая Васильевича Петровского, интересного психолога, сгинувшего в 1930 г. и абсолютно забытого в наше время.

Когда искала материал для книги по истории психологии воздействия плаката и рекламы, новый материал буквально накрыл меня! Хотя «новый» – это условно. Это статьи и книги конца 1910-х гг., т.е. сразу после революции, и до конца 1930-х гг., и, увы, тоже все забыто. Возможно, кто-то скажет, что они не актуальны, но я не соглашусь. Когда читаешь некоторые современные работы по психологии рекламы, где авторы предлагают методы изучения эффективности рекламного продукта, поражает заимствование из работ 1930-х гг.

И в целом, прошлое отечественной психологии первой половины прошлого века слабо изучено. Это тема требует важного и ответственного исследования.

Литература

1. Стоюхина Н.Ю. Страницы биографии Серафима Михайловича Васильевского: к 120-летию со дня рождения <<http://psyhistory.ru/index.php?VSN=32>>.
2. Кандыбович Л.А., Стоюхина Н.Ю. Психотехники Беларуси: имена и судьбы. — Минск: Тесей, 2009 <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=300>>.
3. Васильевский С.М. Основные вопросы и выводы школьной педагогики / Сб.: В помощь школьному работнику I ступени. Вып. 1. Издание Самарского губпроса и Самарского губоно. 1923. С. 47–85.
4. Васильевский С.М. Психология технического изобретательства. Автореф. дисс. на соискание ученой степени д-ра пед. наук (по психологии). Горький, 1952.

НИЖЕГОРОДСКИЕ УРОКИ

Прежде всего С.М. Василейский был *психологом* с широкими научными интересами. И как психолог, в первую очередь, он представлен в книге и статьях историка психологии из Нижнего Новгорода Н.Ю. Стоюхиной. Однако мне думается, что подобная трактовка его деятельности определяется не только характером образования Василейского, кругом его общения и направленностью его главных исследований. Она не в малой степени обусловлена двумя «внешними» обстоятельствами.

Во-первых, *различиями в классификации* наук о человеке в начале прошлого столетия и в наше время. В 1920-е – 50-е годы, в силу существовавшего тогда представления о психологии и по очевидным политико-идеологическим причинам, исследования Василейского, конечно же, относились к психологии и, думается, никто, кроме разве что его оппонентов, не заявил бы о возможности рассмотрения их в логике социальной психологии и, тем более, социологии. Но сегодняшний социолог, и в беседе со мною в ноябре 2012 года подчеркнул академик Г.В. Осипов, обнаружит в исследованиях и публикациях Василейского первые опыты теоретико-эмпирического изучения трудовых, производственных отношений; некоторые из его работ относятся к социальной психологии и социологии образования. Также в них видны его попытки подойти к измерению таких непростых характеристик массового сознания, как идеалы и настроения.

В статьях по истории изучения общественного мнения в СССР в 20-е – начале 30-х годов приводятся некоторые примеры локальных опросов населения, скорее – отдельных групп по актуальным социально-политическим темам. Вместе с тем обращение к наследию Василейского расширяет границы будущих историко-социологических поисков. В нашем интервью Стоюхиной показано, что анализом общественного мнения или отдельных фракций общественного сознания (говоря современным языком), на примере изучения небольших групп населения могли заниматься педологи и психотехники. Таким образом, и под этим углом зрения уместно рассмотреть публикации психологов того времени.

Второе «внешнее» обстоятельство – это стремление Н. Стоюхиной к изучению психологии 1920-30-х годов и тот факт, что она сама трактует предмет своих исследований именно как историк психологии. Другими словами, речь идет о направленном *профессиональном* подходе к анализу творчества Василейского.

В интервью с Наталией Стоюхиной творчество Василейского обсуждается с более широких предметных позиций, и это выявило перспективность рассмотрения сделанного им как части,

фрагмента исследований, проводившихся *ранне-советскими социологами*. В этом *первый* урок, первое важнейшее следствие «случайного» открытия Стоюхиной Стоюхиной наследия С. М. Василейского. Напомню, импульсом ее исследования стал *простенький* вопрос, обращенный к старшему, коллеге: «С кого началась психология нашем городе?». Именно так, с удивления и вопроса к другим, но прежде всего к самому себе, исследователь находит тему, которой вот уже многие годы занимается себе на радость. И здесь уже ничто не может ему помешать. Но Стоюхина сделала много больше. Она не просто открыла для науки забытое имя. Она, по существу, изменила судьбу Василейского.

Второй урок Стоюхиной имеет явную историко-научно-ведческую окрашенность и определенное *оптимистическое* звучание. Ее поиски, а точнее – находки материалов о Василейском, а позже – о психологах, живших в провинции, свидетельствуют о возможности обнаружения новых, не известных нам фактов об исследованиях российских психотехников и педологов. Но велика вероятность того, что ряд этих работ можно будет трактовать как социологические. Другими словами, есть надежда лучше, полнее знать, кем и в каких направлениях, а также в рамках каких научных дисциплин складывалась отечественная социология в 1920-е - 30-е годы.

Теперь – о *третьем* нижегородском уроке. Стоюхина поведала нам еще одну историю поведения ученого в условиях *репрессированной науки*. Автор этого термина, М.Г. Ярошевский, обозначает им репрессии ученых и научного сообщества, репрессии идей и научных направлений, учреждений и центров, книг и журналов. Среди репрессированных научных дисциплин он называет: генетику, психотехнику, этологию, евгенику, педологию, кибернетику. Учитывая то, что произошло с социологами и социологией на рубеже 1920-30-х годов, мы вполне можем отнести к этому ряду и науку, которую мы разрабатываем.

Василейский имел все шансы разделить судьбу многих своих коллег, учителей и учеников: быть расстрелянным, отправленным в лагеря, уволенным без права заниматься своим делом. Он мог не выдержать давления политической атмосферы и клеветы, недоброжелательства со стороны младших представителей своего профессионального цеха. Факты биографии свидетельствуют, что Василейский проявил твердость убеждений, остался верен своим научным устремлениям. Поистине счастливые стечения обстоятельств десятилетиями защищали его от самых жестоких ударов социальной системы.

История советской социологии лишь создается. И ясно, без вклада в нее С.М. Василейского и, скорее всего, ряда других представителей родственных наук эта история не может быть полной.

**Раздел III
ПРОШЛОЕ
И НАСТОЯЩЕЕ:
СЮЖЕТЫ
ИЗ СОВРЕМЕННОЙ
ИСТОРИИ**

НЕМНОГО ОБ УЛИЧНОМ ОПРОСЕ, О КНИГЕ И ОБ ЕЕ АВТОРЕ*

Российский “уличный опрос” – не беспризорник. У него есть заботливый отец. Это – Леонид Кесельман.

Известно также место и время рождения этой технологии сбора социологической информации. Произошло это в Ленинграде, так в то время еще назывался нынешний Петербург, в самом начале 1989 года.

Возникновение уличного опроса стало ответом на вызов времени: в стране началась подготовка к первым альтернативным выборам народных депутатов СССР. История так распорядилась, что к концу 1980-х в Ленинграде возникли достаточно сильные либеральные общественно-политические движения и произошли серьезные изменения в деятельности ленинградского телевидения и ряда ведущих городских газет. Многие группы населения города оказались вовлеченным в обсуждение предстоящих выборов. Кто победит? Партийная номенклатура северной столицы или новые люди, шедшие на выборы с лозунгом «Перестройка необратима».

Непосредственным импульсом возникновения техники стал банальный случай. Социолог, вышедший из тесного помещения, в котором местная власть позволила провести встречу с избирателями кандидата, оспаривавшего мандат у первого секретаря Ленинградского горкома КПСС, в какой-то момент усомнился в эффективности агитации среди нескольких десятков участников встречи. Ведь в избирательном округе около полумиллиона избирателей, а у независимого кандидата нет почти никаких возможностей заявить о своем существовании, и, следовательно, большинство избирателей так и не узнают о том, что у них появилась альтернатива, и можно будет не голосовать за привычного партийного начальника. Вид людей, стоящих в очереди у пивного ларька, казалось бы, как нельзя лучше подтверждал эту гипотезу. Однако даже самая убедительная гипотеза должна быть проверена. «Вы уже решили, как будете голосовать на предстоящих выборах?» – спросил он у человека, стоящего в конце очереди, чей вид демонстрировал полную непричастность к страстям, бушевавшим в мире «высокой политики», и приготовился услышать «А пошли бы вы все...».

Но не услышал. Внешний вид стоявшего в конце очереди обманул социолога, он услышал четкий ответ, свидетельствующий о вовлеченности своего собеседника в бушевавшие в узком кругу политические страсти. Случайность – решил

* Докторов Б. Немного об уличном опросе, о книге и об ее авторе. Вводная статья к книге: Кесельман Л. Уличный опрос в социологическом исследовании. Самара - С. Петербург, 2001.

он, и с тем же вопросом обратился к другому представителю пивной очереди. И вновь полная осведомленность. Исходная гипотеза не подтверждалась, люди высказывались со знанием ситуации, горячо и пристрастно. Кто-то называл фамилию своего кандидата, кто-то говорил, за кого он никогда не проголосует, кто-то, не помня фамилии своего избранника, сказал: «за парня с пышными усами». Социолог стал обращаться к другим прохожим и понял, что ленинградская улица может быть местом опроса населения. Этим социологом был Л. Кесельман.

Сколько блистательных замыслов возникало в те годы у людей, стоявших в бесконечных очередях? Чаще всего эти замыслы вскоре улетучивались, забывались, заменялись новыми, возможно, еще более интересными. Идее уличных опросов повезло; уже через несколько дней после ее зарождения Л. Кесельман провел первый из них. Тематика – диктовалась жизнью, предстоящими выборами в Верховный Совет СССР. Желания ленинградцев – особенно молодежи – участвовать в социальных преобразованиях, их стремление помочь становлению нового были настолько сильными, что у Л. Кесельмана не было трудностей с привлечением добровольцев-интервьюеров, готовых часами стоять на улицах города и опрашивать прохожих. Да и прохожие, “разогретые” перестрочной прессой не уклонялись от ответов.

Результаты опросов расхватывались журналистами: все это отвечало духу времени и было шокирующе новым. К анализу электоральных установок населения Ленинграда проявляли интерес не только ведущие местные газеты «Час Пик», «Вечерний Ленинград», «Смена», но и «знаковые» центральные издания того времени – «Известия», «Московские Новости», «Огонек». Л. Кесельман был регулярным участником наиболее популярных информационных и общественно-политических радио и телевизионных программ. Пресса сыграла свою роль, интервьюеров на улицах стали спрашивать: “Вы от Кесельмана?”

Уже первые опросы ленинградцев показывали, что симпатии большинства горожан находились на стороне новых политиков. Но власти города не услышали этого звонка. В преддверии выборов прогноз Л. Кесельмана уже звучал приговором для высших партийных функционеров, баллотировавшихся в разных округах города: никто из них не имел шансов победить. Когда отцы города стали задумываться о возможной правоте прогнозов, было поздно. Ленинградцы уже сделали выбор.

Гром грянул 26 марта 1989 года. Первый секретарь Ленинградского Обкома КПСС, кандидат в члены Политбюро КПСС

Ю. Соловьев, бывший единственным кандидатом в классическом пролетарском районе города – Невском, получил в свою поддержку лишь 44,8% голосов избирателей и не был избран в Верховный Совет СССР. Первый секретарь горкома КПСС А. Герасимов, набрав 19,7% голосов, безоговорочно проиграл «парню с пышными усами» – Ю. Болдыреву (74,3%), будущему активному участнику “Межрегиональной группы” Верховного Совета страны и одному из создателей “Яблока”. Прогнозы Л. Кесельмана по различным кандидатам отличались от официальной статистики на 3%-5%. В верности использованной им технологии сбора данных убедились миллионы ленинградцев.

Итак, уличные опросы – родились, а через месяц состоялись их “крестины”, причем “крестными” – случай уникальный – стали только что проигравшие партийные лидеры города. 28 апреля 1989 года состоялось заседание Бюро Северо-Западного Отделения Советской Социологической Ассоциации, и первый пункт повестки дня был: «Об участии социологов в выборах народных депутатов СССР». На обсуждение этого профессионального вопроса пришли восемь секретарей обкома и горкома партии во главе с Ю. Соловьевым, А. Герасимовым.

Таким образом, книга Л. Кесельмана суммирует более чем десятилетний опыт проведения уличных опросов в Ленинграде-Петербурге, Самаре, Кемерово и в других городах России. Что же удалось сделать автору в области методики уличных опросов и почему ему это удалось?

На первую часть вопроса ответим кратко. Л. Кесельман показал, что при соблюдении ряда жестких требований к организации массовых интервью на улицах крупных городов России этот метод сбора информации может с полным правом использоваться социологами при изучении различных социальных проблем. По-сути дела он еще раз подтвердил известное положение о том, что нет методов “плохих” и “хороших,” “старых” и “новых,” “элитных” и “рутинных,” но есть методы, отвечающие целям и задачам исследования и не отвечающие им; есть небрежно выполненные измерительные процедуры и есть – реализованные грамотно.

Ответ на вторую часть поставленного выше вопроса будет более пространном.

Л. Кесельман не занимается анализом общественного мнения, но в своих исследованиях социальных проблем он, наряду с другими методами сбора информации, использует опрос – “базовую” технологию изучения общественного мнения. И потому при рассмотрении методического опыта Л. Кесельмана будет вполне оправданным обращение к некоторым

страницам американской истории становления практики опросов общественного мнения. Ведь ни в какой другой стране нет столько давней и многоаспектной истории массовых опросов населения.

Важнейшей вехой более чем векового изучения общественного мнения в Америке является 1936 года, именно тогда Джордж Гэллап, Арчибальд Кроссли и Элмо Роупер верно предсказали победу Франклина Рузвельта на президентских выборах. С этого момента ведется отсчет “научного” изучения общественного мнения, характеризующегося, во-первых, признанием существования проблемы качества измерения и, во-вторых, целенаправленным анализом измерительного инструментария и всех элементов измерительной цепи. То, что было делалось раньше, в общем случае называется “соломенными опросами”, проводившимися от случая к случаю, без тщательно подготовленного инструментария и без осознания наличия метрологических проблем.

Однако не следует думать, что опросные технологии, применявшиеся до 1936 года, на все времена классифицируются как слабые, ненаучные и потому не могущие быть использованными в серьезных исследованиях. Почтовый опрос, успешно применявшийся американским журналом “Литерари Дайджест” в начале прошлого века, после 1936 года был признан ненадежным, и в течение нескольких десятилетий его использование явно не приветствовалось. Однако к середине 70-х годов удалось принципиально улучшить процедурный аспект метода, и он получил признание и среди академических ученых, и в сфере прикладных политических и маркетинговых опросов. Сказанное распространяется и на телефонные опросы, первые опыты использования которых относятся к 20-м годам. Еще во второй половине 50-х годов уровень телефонизации Америки был недостаточным для проведения репрезентативных опросов общественного мнения, однако к середине 80-х ситуация в корне изменилась; телефон пришел в дома фактически всех американцев. И тогда вмиг возникли специальные телефонно-компьютерные технологии опросов общественного мнения, быстро распространившиеся по всему миру.

Справедливо и обратное: даже суперновые опросные технологии могут быть “соломенными”. Например, еще в начале второй половины 1990-х Интернет в Америке был новинкой, и потому первые онлайн-опросы, проводившиеся маркетинговыми фирмами, обособанно назывались критиками “соломенными”. Однако к концу завершившегося века сетевые опросы стали обыденностью. Уровень компьютеризации домов

американцев и их умение вести себя (жить) в электронной “паутине” позволили перейти от зондажных онлайн-опросов общественного мнения к репрезентативным.

Уличный опрос в Америке имеет многодесятилетнюю историю, но в силу принципиальных социокультурных обстоятельств он используется в достаточно узкой проблемной области – прежде всего при изучении мнений посетителей крупных торговых центров. В СССР опрос на улице не применялся. Социологам не было дано право опрашивать людей о всем, что им (социологам) казалось заслуживавшим широкого общественного обсуждения, а население не было предрасположено к откровению с людьми, представлявшимися им интервьюерами: мало ли что за этим последует?

Можно сказать, что Л. Кесельман оказался в нужный момент в нужном месте. В начале 1989 года ленинградцы как конкретная социально-демографическая общность были готовы к участию в уличных опросах, а их образ жизни и особая география города образовывали благоприятную среду для проведения опросов. Но это все – предпосылки, нужен был человек, способный воспользоваться ими. Легко сказать, но следует отчетливо понимать, что улица всегда остается улицей, и от человека, пытающегося ее “укротить” и сделать местом сбора научной информации, требуется очень многое.

Л. Кесельман – прыгнул в пучину улицы и не был ею поглощен. Во-первых, он был готов профессионально: он многие годы проработал в коллективе профессора Владимира Ядова, одного из основателей советской социологии и ведущего специалиста в области методики социологии. Во-вторых, а, может быть, во-первых, как гражданин и как лидер Л. Кесельман оказался готов к проведению уличных опросов по острейшим социально-политическим проблемам того сложного и малопонятного времени. Он многое знал, многое умел и адекватно понимал ту меру ответственности, которую он взвалил на себя, приступив к изучению и прогнозированию поведения населения Ленинграда. Особенно подчеркнем тот факт, что он сразу стал максимально публичен в отношении результатов опросов, и в изложении применявшейся им – явно непопулярной – опросной технологии.

Вообще говоря, существовало две стратегии построения уличных опросов: “соломенная” и научная. Формально рассуждая, Л. Кесельман мог выбрать первую, ведь он ни перед кем не отчитывался, он был на 100% самостоятелен в своих решениях и делах. Но, будучи профессионалом, он отдал предпочтение научно-обоснованной стратегии, хотя тогда никто не знал, что это такое. У него в принципе не было возможности

сначала поработать над методикой, а потом начать опросы: все надо было делать одновременно. Он так и поступил.

Было много объективных и субъективных причин для того, чтобы уже в начале 1990-х “красиво” завершить проведение почтовых опросов. Хорошо, что Л. Кесельман удержался от этого. И вот теперь есть книга, в которой детально, на основе огромного опыта сказано все об уличном опросе. Автору явно нравится этот прием сбора социологической информации, и он объясняет, почему. Вместе с тем, метод не мифологизируется, показано, где и когда его имеет смысл применять, а в каких случаях – следует воздержаться.

Я специально не останавливаюсь на перечислении того, что есть в книге. Я прочел рукопись несколько раз, и каждый раз мне было приятно найти в ней новое и интересное. И мне не хочется лишать подобной радости читателя.

Foster City, USA

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ*

Еще одна отметина 1996 года

Все предыдущие очерки имеют единую организацию текста. Прежде всего – перечисляются важнейшие события соответствующего периода. Вместе они образуют, точнее сказать, намечают общий социальный контекст, на фоне которого развивается то или иное кульминационное событие рассматриваемого отрезка истории страны, и далее анализируется мнение россиян по поводу этого важнейшего события.

Специфика данного очерка принципиально отличает его от всех хронологически упорядоченных разделов книги. В нем обсуждается не отношение россиян к тем или иным социально-политическим реалиям ельцинской эпохи, а некие новые реалии, нюансы в отношении высшего руководства страны к общественному мнению.

Политические, социально-исторические и социально-психологические обстоятельства проведения президентской кампании 1996 г. стали импульсом для возникновения принципиально нового научно-политического феномена, который, очевидно, ранее возникнуть не мог, но мог родиться значительно позже. Речь идет об организации мониторинга общественного мнения населения России, являющегося частью информационной системы обслуживания одновременно общества и президента страны.

Иными словами, 1996 г. можно рассматривать в качестве точки кульминации почти сорокалетнего процесса развития исследований общественного мнения в СССР и позже – в России. У нас нет сейчас возможности даже для беглого анализа отечественной истории изучения общественного мнения, но все же необходимо хотя бы кратко прокомментировать сказанное.

В 1960-х – 1980-х гг. многие социологи в различных научных центрах занимались исследованием теоретических вопросов функционирования общественного мнения в советском обществе. Еще большее число специалистов достаточно регулярно проводили зондажи мнений по множеству аспектов жизни трудовых коллективов, а также измеряли отношение населения к социальным проблемам регионов и – иногда – страны в целом. Общий результат всех этих теоретико-методологи-

* Докторов Б.З. Вместо заключения. Власть и общественное мнение. В кн.: Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: Мнения россиян. Социологические очерки. Москва: Фонд «Общественное мнение». 2002. С. 349-378.

ческих и методико-организационных разработок может быть рассмотрен в виде кабеля, сплетенного из множества проводов различного цвета, каждый из которых несет разную функцию и выдерживает ток различной силы. Однако есть в этом кабеле провод, выдерживающий самую высокую нагрузку и потому во многом определяющий его рабочие характеристики. Назовем его «линией Грушина».

В нашей работе невозможно подробно рассказать о других «линиях» исследования общественного мнения в советской социологии 70-х – конца 80-х годов. Укажем лишь две из них: изучение общественного мнения производственных коллективов и анализ предпочтений для аудитории средств массовой коммуникации.

Обратимся теперь к тому подходу к анализу общественного мнения, который мы назвали «линией Грушина». Опуская множество деталей, подчеркнем, на наш взгляд, главное: Б. Грушин первым среди советских социологов доказал теоретически и проиллюстрировал на материалах опросов многослойность общественного мнения как культурного феномена. При этом многоаспектностью и многокачественностью, или «сложностью», он наделял не только общественное мнение как некое социологическое и социально-психологическое образование, но и ту модификацию общественного мнения, которая исторически сложилась и функционировала в СССР к началу 1960-х годов. Еще тогда Б. Грушин определил общественное мнение как «общественное сознание со сломанными внутри него перегородками» [1, с. 61], таким образом, указав, что в общественном мнении перемешаны отголоски многих форм социальной рефлексии по поводу разных аспектов действительности. Получалось, что общественное мнение не одномерно, не стабильно, не гомогенно, не локально, не монотонно, не одноцветно, не логично, не рационально, не гармонично, не практично.

Но одновременно – в определенных исторических обстоятельствах и конкретных ареалах социального организма – общественное мнение может быть в порядке первого приближения рассмотрено как одномерное, достаточно устойчивое, относительно однородное и даже монистичное, пространственно ограниченное, однонаправлено изменяющееся, одноцветное, могущее аргументировать особенности своего строения, вырабатывающее механизмы взаимоотношений между разными его элементами и предлагающее властным структурам определенные конструктивные рекомендации.

Из грушинского определения общественного мнения вытекает абсурдность допущения о логической, а значит, и тех-

нологической простоте его изучения. Следовательно, вопрос о технологии исследования общественного мнения превращается из инструментального в сущностный. Ибо используемые технологии в конечном счете детерминируют не только получаемые социологами результаты, но и место общественного мнения в системе функционирования всех важнейших институтов общества. Посему общественное мнение невозможно изучать только здесь и сейчас, с помощью одного неизвестно кем и как настроенного измерительного инструмента. Его необходимо изучать всегда и везде и применять при этом разные измерительные приборы с тщательно калиброванными шкалами.

Теперь уточним, в силу каких причин серьезное участие исследователей общественного мнения в организации избирательной программы Б. Ельцина в 1996 г. следует рассматривать: а) в качестве кульминационной точки процесса развития методологии и технологии исследования общественного мнения в СССР и постсоветской России и б) в качестве события, расположенного именно на «линии Грушина». Отметим при этом, что два выделенные направления на самом деле являются одной логико-исторической задачей. Ибо, на наш взгляд, признание того, что то или иное событие является точкой кульминации («точкой сгущения») в процессе развития советско-российских исследований общественного мнения, автоматически привязывает его к «линии Грушина», а не к какой-либо иной траектории в истории исследования общественного мнения в нашей стране.

Обозначим основные события, которые наверняка, при любых обстоятельствах признаются научным сообществом как «точки сгущения» в истории становления отечественных исследований общественного мнения.

Всему начало – Институт общественного мнения «Комсомольской правды» (ИОМ «КП»), возникший в мае 1960 г.; его организатором был Б. Грушин, и первый опрос был проведен 10 – 14 мая [2, с. 69]. Он состоялся через две недели после первоймайского инцидента, когда сбили американский самолет-разведчик и на Урале был пленен летчик Пауэрс. Тема зондажа «Удастся ли человечеству предотвратить мировую войну?» была в тот момент весьма актуальной, но, заметим, напрямую не связанной с этим событием. Хотя опрос проводился под эгидой газеты, это было анкетирование 1000 человек, живших в 10 населенных пунктах России, Белоруссии, Украины и Молдавии, расположенных на 30-ом, Пулковском меридиане. Самой северной точкой был город Никель, вблизи границы с Норвегией, самой южной – воинская часть под Тирасполем. В каждом населенном пункте опрашивалось по 100 человек, и

хотя совокупная выборка не представляла все население СССР, разработчики все же контролировали ее состав по пяти параметрам: район места жительства, тип поселения, род занятий, пол и возраст.

Результаты опроса были опубликованы в «Комсомолке» 19 мая 1960 г. Почти через 40 лет Б. Грушин вспоминает: «Помню, мы просидели всю ночь в кабинете главного редактора, ожидая, как новшество будет принято ЦК КПСС. Рано утром Воронову позвонили от «первого» и сообщили: «Никита Сергеевич, которому показали свежий номер, сказал: «Прекрасно». Поздравляем с большим успехом». На следующий же день газета «Правда» (получить похвалу от которой было совершенно невозможно) в коротенькой заметке «Из последней почты» оказала нам полную поддержку, и мы торжествовали победу. Эта победа стала еще большей после того, как началось просто буйство в западной прессе по поводу того, что в Советском Союзе открыт Институт общественного мнения» [3, с. 209].

ИОМ создавался редакцией «КП» на свой страх и риск, но западные специалисты, да и некоторые люди в СССР рассматривали его как детище ЦК КПСС или даже КГБ. Очевидно, что Институт не мог действовать, нарушая правила Отдела пропаганды ЦК, но все равно оставались достаточно широкие возможности для его деятельности. Во всяком случае, Б. Грушин говорил, что за все годы к ним не поступало «сверху» указаний о тематике опросов и о том, как следовало бы интерпретировать получаемую информацию [2, с. 49]. Но наступили другие времена, и в конце 1967 г. ИОМ «КП» закрыли: тогдашнему руководству ЦК ВЛКСМ пришлось не по душе выводы опроса «Молодежь о комсомоле», утверждавшие, что новое поколение граждан страны разочаровано в комсомоле [3, с. 210].

Вторая важная точка в становлении советской социологии общественного мнения, в частности, в области методики и технологии массовых опросов – это проведенный Б. Грушиным проект «Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов». Он справедливо считается самым крупным проектом в истории советской социологии и одним из крупнейших в мировой социологической науке. Работа была начата в 1966, завершилась – в 1974 г. Результаты проекта отражены в сотнях публикаций, по ним защищено более 20 диссертаций. Но главная книга по материалам исследования [4], содержащая анализ лишь небольшой части собранной информации, вышла в свет только в 1980 г. Даже сухая статистика проекта, проведенного в Таганроге, и через три десятилетия впечатляет своими масштабами: 76 тесно связанных друг с другом и

одновременно относительно самостоятельных исследований, 23 анкетных опроса, 17 опросов с применением интервью (почти 11 тысяч личных интервью), 18 исследований на базе контент-анализа: в проекте было 85 полевых документов общим объемом почти 60 печатных листов [3, с. 218-219].

Инициатором Таганрогского проекта был отдел пропаганды ЦК КПСС, во главе которого стоял А.Н. Яковлев, будущий «архитектор перестройки». Кроме того, в судьбе исследования ключевую роль сыграли видный партийный функционер тех лет, а позже директор Института философии АН СССР Г.Л. Смирнов и консультант Отдела пропаганды ЦК КПСС Л.А. Онников – человек, очень много сделавший для развития социологии в стране. В его воспоминаниях приведены весьма любопытные примеры, как приходилось действовать высокопоставленному партийному работнику, чтобы в рамках существовавших правил – мягко говоря, не поощрявших проведение социологических исследований, – завершить проект [5].

И все же, хотя КПСС сама породила проект, она же позже и погубила его. Без поддержки на самом высшем партийно-государственном уровне проект невозможно было начать, но даже при той же поддержке его уже нельзя было завершить. «Формально, – пишет Б. Грушин – у нас был очень сильный заказчик – ЦК КПСС. Однако с первого дня мы осознавали, что вся эта информация никому не нужна» [3, с. 221]. И было ясно, почему: ведь исследование показывало, что власти бездействовали, а работа средств массовой информации была сплошной кампанейщиной.

До появления следующей точки кульминации в процессе создания теории и совершенствования практики изучения общественного мнения в Советском Союзе прошло много времени. Она датируется 7 декабря 1987 г. В тот день было подписано Постановление Президиума Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов и Госкомтруда СССР «О создании Всесоюзного центра изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам» (ВЦИОМ) и тем самым реализовано решение ЦК КПСС и Совмина СССР, принятое в апреле того же года. Руководить Центром было предложено академику Т. Заславской – одному из, как тогда говорили, «прорабов перестройки», имевшей огромный научный и моральный авторитет не только среди обществоведов, но и в среде интеллигенции.

В силу многих причин ВЦИОМ сразу стал флагманом исследований общественного мнения в СССР. Он сохраняет лидерские позиции более десяти лет. Прежде всего, это произошло потому, что его первому директору удалось собрать удивитель-

но мощный научный коллектив. Теоретическим отделом руководил признанный специалист в области социологии культуры и общественного сознания Ю. Левада, который с 1992 г. является директором ВЦИОМа. Вместе с ним в Центр пришла очень сильная команда культурологов. Известный экономист и социальный исследователь В. Рутгайзер возглавил работу по анализу отношения общества к горбачевским экономическим нововведениям.

Вместе с тем, и сам факт возникновения ВЦИОМа, и то, каким образом сложилась технология его деятельности, во многом определяются личной ролью и исследовательским багажом Б. Грушина. Через десять лет после открытия ВЦИОМа Т. Заславская отметила, что у нее не было собственного опыта изучения общественного мнения – сфера ее научных интересов охватывала прежде всего экономическую социологию и социологию села. Потому, когда ей предложили организовать первую в стране специализированную систему по измерению общественного мнения, она согласилась на это, «но при обязательном условии – чтобы заместителем был Борис Грушин». Он проработал во ВЦИОМе недолго, всего два года, но, по словам Т. Заславской, «сделал очень многое, он действительно в основном поставил работу по изучению общественного мнения» [6, с. 9]. Ю. Левада вспоминает, что при создании ВЦИОМа приходилось долго и упорно убеждать высокие инстанции в том, что новая организация не только не окажется опасной, но принесет им пользу, – «что и сумели сделать Б.А. Грушин и Т.И. Заславская» [7, с. 551].

Представляется, что рассмотренные три «точки» позволяют достаточно четко прочертить «линию Грушина» в сорокалетней истории советских и российских исследований общественного мнения.

Выше отмечалось, что авторы этой серии очерков в конце 1980-х – начале 1990-х работали во ВЦИОМе: А. Ослон руководил отделом компьютерной обработки информации, Е. Петренко была научным секретарем Центра, Б. Докторов возглавлял ленинградский (позже – питерский) филиал, являвшийся элементом периферийной сети ВЦИОМа по сбору первичной информации. Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), созданный в 1992 г. первыми двумя авторами этой книги – А.А. Ослоном и Е.С. Петренко, зародился в структуре ВЦИОМа и, естественно, опирался в своей работе на те принципы и ту систему сбора и анализа данных об общественном мнении, которые были сформулированы и сконструированы Б. Грушиным.

Факт зарождения ФОМа в недрах ВЦИОМа важен в историко-научном плане, ибо он обозначает существование внутрен-

ней связи между технологиями – в широком смысле слова – измерения общественного мнения, используемыми этими двумя исследовательскими организациями. Но, с другой стороны, этот факт, конечно же, не объясняет в полной мере, почему включенность Фонда в систему информационного обеспечения избирательной кампании Б. Ельцина может быть рассмотрена как событие, расположенное именно на “линии Грушина”. Необходимые аргументы лежат в ином, более общем политико-научном пространстве.

Даже в конце 80-х в СССР продолжала действовать вся система общественных макроотношений, которая, декларируя важность учета общественного мнения населения – “все для народа”, фактически препятствовала его изучению. В стране не существовало ни одной организации, в функции которой входило бы регулярное изучение мнения советского народа. Более того, несмотря на уже долгий период проведения опросов общественного мнения, высокие властные структуры оставляли без внимания результаты опросов. Давались исчерпывающие объяснения: “КПСС знает ситуацию в стране”.

В начале 1960-х Б. Грушину пришлось “заниматься вполне серьезно общественным мнением в безгласной стране” [2, с. 16]. Исследователи начала 90-х работали уже в ином информационном контексте. Гласность приучила людей к свободному и открытому обсуждению многих тем и проблем, которые ранее обсуждались только на кухнях. Это принципиально расширило границы «мира мнений» и позволило исследователям ельцинской эпохи, во-первых, зафиксировать те свойства общественного мнения, которые в качестве важнейших назывались Б. Грушиным в начале 60-х годов (в частности, плюрализм, дискуссионность, ограниченная компетентность и др.), и, во-вторых, приступить к анализу отношения населения к тем проблемам, изучение которых даже в конце 80-х было «неповолительным». Так, Ю. Левада вспоминает, что в первые годы существования ВЦИОМа разрешалось изучение общественного мнения лишь по социально-экономическим вопросам – «и никаким иным» [7, с. 551]. Но это ограничение очень скоро было отменено социально-политической практикой жизни, и, например, отношение россиян к политике и политикам стало одной из важнейших тем опросов.

Изменение «вширь» и «вглубь» степени внимания населения страны к социальному миру и, следовательно, принципиальное расширение объекта общественного мнения стало первым значимым фактором необходимости пересмотра сложившейся инструментально-организационной базы изучения мнений россиян. Уход с политической арены коммунистов ав-

томатически сделал ненужным согласование предмета и деталей зондажа мнений с сотрудниками соответствующих партийных структур. Приватизация в корне изменила роль трудовых коллективов в обществе и принципиально трансформировала место даже крупнейших предприятий в создании и культивации территориальной инфраструктуры. Как следствие существенно изменилась роль опросов на предприятиях – их количество резко пошло на убыль. Поскольку владелец предприятий не заинтересован в выделении сотрудников для сбора первичной социологической информации и никто не может его принудить к этому, задача сбора данных стала решаться с помощью профессиональных интервьюеров. Уйдя с производства, социологи вместо суперактивного использования производственных выборок для изучения мнений перешли к более цивилизованным приемам выборочного анализа – к территориальным выборочным схемам.

Само по себе создание ФОМа было достаточно обыденным, рядовым явлением для начала 90-х. В то время во многих городах открывалось множество независимых организаций, занимавшихся изучением общественного мнения и проведением маркетинговых исследований. Когда в 1996 г. ФОМ был включен в систему анализа общественного мнения для планирования и проведения избирательной кампании Б. Ельцина, в Москве уже успешно работали ВЦИОМ, VP (руководитель Б. Грушин), РОМИР (руководитель Е. Башкирова) и другие центры, имевшие не меньший, чем ФОМ, и опыт проведения опросов населения, и авторитет в российской профессиональной среде.

Но почему выбор пал на ФОМ? Ответ на этот вопрос будет дан несколько ниже, однако для истории исследований общественного мнения в стране более важным является не то, что из многих организаций был выбран ФОМ, а то, что высшим руководством России была, наконец, осознана необходимость теснейшего сотрудничества со специалистами по сбору и анализу мнений населения. Наступил момент, когда обращение к ним стало естественным в ряду других мер в борьбе за высший властный пост в России. Отказ же от сотрудничества мог обернуться крахом всех планов избирательной кампании.

Б. Ельцин ориентировался только на победу, а его предвыборный штаб понимал, что она неосуществима без надежной информации об установках электората и о том, как следует взаимодействовать с населением в целях максимального расширения крайне узкого на тот момент ельцинского электорального сегмента. К тому моменту Б. Ельцин уже «обжегся», поручив ведение предвыборной кампании О. Сосковцу, представляв-

шему сильный корпус политиков от ВПК, в совершенстве владевших старыми, проверенными в советское время приемами агитации. Но эти приемы не работали – их время кончилось.

От старого пришлось отказываться, а новое автоматически включало в себя изучение общественного мнения. Однако и это не все. Даже при наличии этих благоприятных для активизации электоральных исследований общественного мнения предпосылок, мониторинг мнений мог и не состояться, если бы не личные качества Б. Ельцина. В конечном счете все зависело от него.

Б. Ельцин оказался готовым к восприятию резко негативной информации о себе. Что сильнее всего проявилось при этом: психологическая устойчивость к персональной критике, рациональное постижение сложившейся ситуации или способность взглянуть правде в глаза? Наверно, и то, и другое, и третье.

А ведь меньше чем за десять лет до описываемых событий газета «Аргументы и факты» опубликовала итоги одного из исследований ВЦИОМа, согласно которому среди читателей газеты наибольшим авторитетом пользовался А. Сахаров, а М. Горбачев заметно ему уступал. Генсек был обижен, сам звонил Т. Заславской (не застал, она была в больнице), а во ВЦИОМе ожидали санкций [7, с. 552].

Вернемся к вопросу, почему выбор пал на ФОМ? Если ответить кратко, ФОМ оказался в нужный момент в нужном месте. Постараемся конкретизировать некоторые обстоятельства этого процесса.

К началу 1996 г. ФОМ стал самостоятельным сильным профессиональным коллективом, владевшим всем комплексом приемов изучения общественного мнения, составлявшим суть «линии Грушина». Его сотрудники имели представление о феноменологии общественного мнения и, как следствие, помимо «жестких» социологических приемов пытались разрабатывать и применять «мягкие» социолингвистические методы. Наконец, прогноз ФОМа в 1995 г., при мониторинге думских выборов, оказался достаточно успешным.

Кроме того, собственная аналитическая команда Б. Ельцина состояла из менеджеров, обладавших огромным опытом деятельности на общенациональном уровне и привыкших к принятию ответственных решений. Это были люди нового поколения, в основном тридцати-сорокалетние. Естественно, в своей работе они ориентировались на сотрудничество с людьми, разделявшими их политические взгляды и говорившими с ними на одном языке. Руководитель ФОМа, с которым им пришлось вплотную работать, «проходил» по этим критериям.

В целом, руководство аналитической группой избирательного штаба президента и люди, отвечавшие за информацион-

ное обеспечение соответствующей деятельности, полагали, что ФОМ справится с решением подобной задачи.

Более детальные сведения о деятельности аналитической группы, о том, каким образом использовалась информация об общественном мнении, как к ней относился Б. Ельцин и т.д., содержатся в двух интервью с участниками этой работы, приведенных ниже.

Оба интервью были проведены автором настоящего очерка. Первое из них – с Георгием Сатаровым. В 1993 г. указом президента РФ он был назначен директором Российского общественно-политического центра, а с февраля 1994 по сентябрь 1997 г. был помощником президента по политическим вопросам. Интервью было проведено 27 июня 2000 г. На следующий день, 28 июня, состоялось интервью с Александром Ослоном, генеральным директором фонда «Общественное мнение», одним из авторов настоящей книги очерков. Беседы были достаточно продолжительными, и потому тексты интервью оказались объемными. Ниже публикуются фрагменты, непосредственно связанные с темой очерка.

В заключение отметим одно важное следствие успешного участия ФОМа в проведении президентской кампании 1996 г. Тогда Б. Ельцин впервые почувствовал потребность в регулярном ознакомлении с итогами опросов и материалами социологических исследований, и это стало элементом его повседневной деятельности. Он пишет: «До начала моих рабочих встреч и телефонных звонков я обязательно должен просмотреть газеты, журналы, дайджесты прессы и итоги социологических опросов. Без этого не могу представить себе начало своего рабочего дня» [8, с. 177]. Потребовалось почти полвека, чтобы простейшая хрущевская реакция – «Прекрасно!» – по поводу первого опроса Б. Грушина сменилась столь развернутым заявлением главы государства о важности для него информации об общественном мнении населения.

Принципиально, что деятельность ФОМа по информированию президентских структур не завершилась с окончанием ельцинской избирательной кампании 1996 г. Будь это так, имело бы смысл говорить не о новой точке отсчета в истории российских исследований общественного мнения, а, скорее, о памятном эпизоде. Но в интервью Г. Сатарова и А. Ослона названо множество имен высокопоставленных сотрудников администрации президента и представителей средств массовой информации, участвовавших в заседаниях аналитической группы в момент избирательной кампании Б. Ельцина и позже, когда велась подготовка к думским выборам 1999 г. С 1998 г. на заседания аналитической группы приходил В. Путин, а

когда он стал премьер-министром и пришло время его президентской избирательной кампании 2000 г., в этих заседаниях начали участвовать и сотрудники его аппарата. Таким образом, материалы опросов общественного мнения (проводимых не только ФОМом) стали одним из важнейших компонентов информационного мира высших российских чиновников и ведущих журналистов крупнейших СМИ.

Итак, беглый анализ процесса развития исследований общественного мнения в СССР и России выявил существование в нем четырех «точек сгущения», которые, на наш взгляд, являются по-своему переломными.

Период времени	Событие
Время Н. Хрущева; май 1960 г.	Создание Института общественного мнения “Комсомольской правды”; первый опрос
Время Л. Брежнева; 1966 – 1974 гг.	Проект Б. Грушина “Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов”
Время М. Горбачева; декабрь 1987 г.	Создание ВЦИОМа
Время Б. Ельцина; март 1996 г.	Включение ФОМа в состав аналитической группы по проведению избирательной кампании по переизбранию Б. Ельцина на пост президента

До Н. Хрущева ни о каких исследованиях общественного мнения населения СССР и речи не могло быть. Возникновение ИОМ «КП» знаменовало начало эмпирических исследований общественного мнения в стране.

Одним из элементов эпохи Л. Брежнева было стремление к грандиозным проектам в различных сферах жизни общества. Брежневский режим еще мог поддержать проведение очень большого серьезного социологического проекта в период затухания волны социального оптимизма, порожденного «оттепелью»; чуть позже он уже был абсолютно не нужен. И все-таки Таганрогский проект состоялся и дал мощный импульс и для развития социологических исследований массового сознания и общественного мнения, и для деятельности средств массовой информации, и для собственно методико-методологических поисков.

Перестройка, породив ВЦИОМ, по сути придала изучению общественного мнения индустриальный характер и породила социальный заказ на мониторинг мнений практически по всему спектру социальных проблем.

Б. Ельцин осознал, что изучение общественного мнения – это не только мощнейший фактор политики самого высокого уровня, но и ее инструмент. Оказалось, что российское общественное мнение может не совпадать с мнением Президента России и может даже противоречить ему. Но в критический момент оно может поддержать власть.

Приложение 1

Георгий Сатаров: «Уважающие себя фирмы не будут врать, им это профессионально невыгодно»

Борис Докторов: Мне было бы интересно узнать, как ты попал на ту позицию, которая, в общем, сделала тебя человеком, участвующим в принятии важных политических решений? Что предшествовало этому?

Георгий Сатаров: В начале 1993 г., когда обновляли президентскую команду, они сделали ставку на профессионалов, мелькающих на телевидении.

И потом из них рекрутировались уже кадры собственно для Кремля – не общественные, а профессиональные. Я стал помощником в начале февраля 1994 г., через год после того, как стал членом Президентского совета. Так что это было в чистом виде следствие профессиональной деятельности.

Д.: Теперь я бы в самом общем виде сформулировал вопрос: можно ли сказать, что высшими властными структурами в ходе разработки ими политических решений в какой-то мере учитывается общественное мнение россиян? Можно ли сказать, что это так?

С.: Можно. Ну, скажем, во время президентской кампании 1996 г. очень существенно учитывалось общественное мнение, поскольку там все работало на один параметр – это число потенциальных голосов у Бориса Николаевича. Причем там работа шла жутко плотная, информация из большого числа центров использовалась. В основном работал Саша Ослон – он был членом аналитической группы, и основная социологическая информация, на которую мы опирались, была ФОМовская. И тактические решения не принимались без учета социологической информации. Из ярких эпизодов: если президент ехал в какой-то регион, то мы измеряли общественное мнение в регионе – до поездки и после поездки. И смотрели на соотношение прироста. И был такой эпизод: когда он ехал на юг – Краснодар, Ставрополь – по результатам замеров получился очень существенный минус.

Д.: То есть его появление привело к падению рейтинга?

С.: Да. Причина была очень проста: вся его поездка была оформлена в таком штатном режиме классического появления пре-

зидента в регионе, когда вокруг него дикое кольцо охраны, народ где-то далеко, помпезные идиотские мероприятия, которые раздражают людей. Мы померили все это дело, и потом Чубайс* положил на стол президенту две фотографии... Во-первых, данные социологические и две фотографии: президент во время кампании 91 г. – где он в толпе, такой летящий, вокруг восхищенные лица, которые на него смотрят; и вторая фотография из Ставропольского края, поездка нынешняя: стоит президент такой статуеобразный, вокруг него «гаврилы» эти самые, и где-то далеко там хмурый народ. Президент на это дело посмотрел – а это было на заседании такого маленького штаба, там Черномырдин, Илюшин,** Чубайс, Филатов*** – и Коржакову говорит: «Чтобы я вас больше за полкилометра не видел во время моих поездок!» Так оно и было – дальше поездки шли уже по совершенно другому сценарию, и замеры показывали устойчивый прирост. То есть социология очень существенно использовалась.

Теперь за пределами избирательной кампании. Во-первых, социологическая информация шла постоянно. Естественно, мы сотрудничали с самыми разными центрами, нам просто приносили. Но и кроме того, все мы получали от ФОМа. Грушин больше сотрудничал со службой помощников – Людмила Пихоя**** с ним постоянно контактировала, и в принципе, Ельцин с большим пиететом к Грушину относился, неслучайно ввел его в состав президентского совета.

Теперь влияние на принятие решений. Может быть, самый яркий эпизод, когда эта информация влияла на принятие решений, это, наверное, 97 год... Там был очень высокий градус социальной напряженности, и это все постоянно мерилось. Мы не только социологическую информацию, мы получали информацию из регионов о формах протестной активности. Она вся обобщалась как-то в президентском ситуационном центре, все это превращалось в какие-то удобоемые выводы. И тогда, в том числе с учетом этой информации, президент фактически обновил очень сильно правительство черномырдинское, и вот появилась команда молодых реформаторов: Чубайс, Немцов и т.д. И он фактически разогнал то правительство, которое Черномырдин формировал после президентских выборов. Ну, это отчетливый эпизод, когда эта информация использовалась...

... Да, теперь еще последний очень важный сюжет. После выбо-

* Анатолий Чубайс, тогда – руководитель упомянутой аналитической группы.

** Виктор Илюшин, тогда – первый помощник Президента России.

*** Сергей Филатов, тогда – руководитель администрации Президента России.

**** Людмила Пихоя, многолетний спичрайтер Б. Ельцина.

ров произошла вот какая интересная история: когда Чубайс стал руководителем администрации...

Д.: Это уже 1996 г.?

С.: После выборов, август 1996-го. Дальше произошла такая интересная вещь. Чубайс – человек, который очень плохо решает многокритериальные задачи. То есть он чрезвычайно эффективен, когда есть задача такая одномерная, с ясным критерием, типа – число приватизированных предприятий или число набранных голосов. Как только задача многокритериальная, с конфликтующими критериями, он работает по простому алгоритму – он сводит задачу к одномерной и начинает ее решать. Вот в точности так произошло, когда он стал руководителем администрации. Он свел задачу к одномерной, и в качестве критерия эффективности работы администрации выбрал один критерий – это популярность президента, причем после выборов. И фактически все время, пока Чубайс был руководителем администрации, и в какой-то мере, когда стал Юмашев, потом Волошин, это было одним из ведущих критериев работы администрации, то есть администрация начала работать как PR-агентство президентское, и поэтому, естественно, социологическая информация для них была очень существенна...

...То есть они как бы продолжили технологию выборной работы уже, так сказать, в мирное время. В этом смысле для них социология была очень существенна...

Д.: И что – можно сказать, что Ельцина знакомили не только с общей идеей или состоянием общественным, градусом, но даже и с цифрами?

С.: Я могу тебе сказать, насколько он был в курсе дела – я сейчас как раз поднимаю материалы того времени. Вот у меня лежит архив выборов 1996 г. 8 сентября 1995 г. – большая пресс-конференция Ельцина отечественным и иностранным журналистам. Его там спрашивают: «Борис Николаевич, сколько Вы отводите НДР?» Он говорит: «Ну, я так думаю, процентов 8 – 12, в этом интервале, ну уж никак не 30 – 40, как они говорят». Я напомним, что они набрали 10 целых 12 сотых, то есть он своим интервалом накрыл в точности их результат – естественно, он опирался на те данные, которые регулярно получал.

Д.: Теперь если смотреть 1995 г. – действительно ключевой во многих отношениях. Как же все-таки случилось так, что к началу выборов у Ельцина был такой низкий рейтинг? Почему это произошло, почему тогда не поддерживалось, не было пиаровских акций или каких-то других направлений, ну, чтобы держать на каком-нибудь таком, скажем, приличном уровне?

С.: Мы ведь получали не только социологические исследования, мы получали анализ, скажем, высоко профессиональный по фокус-группам, анализ его телевизионных выступлений и т.д. Мы

писали ему аналитические записки по результатам этого дела – что вот, Борис Николаевич, состояние общественного мнения такое-то, ваш образ такой-то и такой-то, что нужно было бы сделать то-то, то-то и то-то. Естественно, мы все это пытались делать. Пока, что называется, петух не клюнул в 96-ом г., он на это очень вяло реагировал.

Д.: Хорошо. Теперь вот, скажем, меня интересует эпизод с назначением и быстрым освобождением Лебеда. Сыграло ли здесь роль тоже какое-то общественное мнение, рост популярности Лебеда, его харизматичность, умение общаться с населением...

С.: Лебедь – это был чистый счет. Счет в том числе и социологический. Мы моделировали, прогнозировали приращение во втором туре в зависимости от разного рода альянсов. Это был чистый счет. Контакты с ним начались задолго до первого тура, и его 15%, которые он получил, – это тоже результат всего этого дела. Потому что начиная с того момента, когда он сказал «да», ему были переброшены колоссальные ресурсы – в первую очередь информационные. Можно просто взять статистику, скажем, появления Лебеда на телевидении и посмотреть: момент договоренности – и резко подсаживает его присутствие на экране и качество этого присутствия. Потому что были брошены ресурсы, были брошены профессионалы.

Д.: То есть это просчитанный вариант на первом этапе – тандем Ельцин-Лебедь?

С.: Один из возможных, считалось много вариантов. Это был один из возможных вариантов, и естественно, как только он сказал «да», команда наша была заинтересована, чтобы он получил как можно больше голосов...

Д.: Теперь если рассмотреть опять же высшие эшелоны власти, можно ли заметить какую-либо тенденцию в отношении к общественности – скажем, более серьезное отношение или, скажем, сильнее манипулируют, или – раз она есть, пускай и существует? Какие-то тенденции такого социального характера просматриваются по отношению к роли общественного мнения или к его качеству?

С.: Можно сказать, что просматриваются. Ну, во-первых, индустрия влияния на общественное мнение растет, и усилия, направленные в эту сторону, растут. Это свидетельство того, что общественное мнение для политиков становится важнее, это совершенно бесспорно. Растет, я думаю, социологический профессионализм на верхнем уровне. Бесспорно. Дальше – если говорить о политиках, то, с одной стороны, они вроде бы понимают важность этого дела, и ресурсы манипулирования, и прочее – все это растет; но объем предрассудков по поводу общественного мнения – он, пожалуй, не уменьшается.

Д.: Теперь вопрос такой: можно ли припомнить какой-нибудь яркий пример, когда бы – помимо электоральных сюжетов – принятие и реализация какого-нибудь важного политического решения... как составная часть этого плана было предусмотрено то или иное взаимодействие с общественным мнением через массовую коммуникацию?

С.: Одна из наиболее эффективных PR-акций Кремля – ну, скажем, март 1996 г., когда Государственная дума принимает постановление о денонсации Беловежских соглашений. Взрыв! И буквально через несколько часов после этого у нас были готовы всякие аналитические, и правовые, и прочие разработки, собрали журналистов. Это было легко сделать, потому что они Думу не любили. Собрали журналистов, все им раздали – материалы, на основании которых они могли готовить публикации. Пошел такой мощный поток антидумских публикаций на эту тему, что было ясно, что они проигрывают. Это была для них большая предвыборная ошибка. Такую волну мощную подняли – можно просто посмотреть по прессе того времени и увидеть, как там в разных публикациях одни и те же мотивы раскручивались, которые мы распространяли. Это была очень эффективная антидумская PR-акция. Но за все время моего существования в Кремле таких организованных, консолидированных с журналистами акций было очень мало – на пальцах одной руки можно пересчитать.

Д.: Если их сейчас будет больше, то это будет одна из тенденций – можно так сказать? Если их тогда было мало в силу ряда причин: еще не раскрученности, или непонимания, или отсутствия денег, или еще что-то там...

С.: Понимаешь, Чапек по этому поводу дал исчерпывающее определение: я воспеваю ту собаку, которая послушно выполняет любой приказ хозяина, когда он совпадает с ее желанием. В этом смысле взаимоотношения между прессой и властью – примерно такое же. Они с удовольствием выполняют, если это совпадает с их интересами – сильно уговаривать не надо. Выборы 96 г. – как раз тот случай.

Д.: И я понял, что, скажем, подготовки общественного мнения к войне в Чечне фактически не было. Хорошо, а если бы, скажем, немножечко прокрутить назад, давали вы какие-нибудь советы, обсуждали вы вопрос вообще – как готовить, как сделать, чтобы людям были более ясны цели, задачи?

С.: Если бы такая задача... если бы Ельцин позвал трех-четырех человек и сказал, что я собираюсь принимать такое решение, тяжелое решение, обстоятельства таковы, таковы и таковы, что я вынужден его принять, и нужно подготовить общественное мнение к принятию такого решения, – то это можно было сделать, бесспорно.

Д.: Теперь вот моменты, связанные с экономикой. Действительно, я так понял, что Ельцин понимал, что это крест. Он пошел на принятие непопулярных решений и т.д. А в последующие годы было какое-то, в старом понимании – идеологическое обеспечение экономической реформы? Направленное объяснение, разъяснение, ну вот именно как идеологическое, пропагандистское оформление экономической реформы, или на эту тему на задумывались, пошло как пошло?

С.: Ну, конечно, задумывались! Регулярно ему писали, говорили: «Борис Николаевич, вам нужно регулярно выступать с заданной периодичностью по радио, по телевидению...». Я только что поднимал материалы одного президентского совета – ему там говорят: вот, Борис Николаевич (или какая-то встреча с экспертами у него была), вам нужно раз в неделю выступать по радио. Он говорит: «Ну можно раз в полмесяца?» Принимается решение – все, ладно, давайте будем. Было выступление – все, на этом цикл заканчивается.

Д.: Это непонимание или недооценка?

С.: Недооценка, потому что после 1996 г. он на это пошел. Он регулярно выступал по радио, даже несмотря на то что он был в гораздо худшей форме, чем в 1994 – 1995 гг. Потому что для него президентские выборы – когда из трех процентов у него получилось то, что получилось – для него были неким серьезным уроком, насколько это важно, что нужно общаться с народом. Но было уже поздно.

Приложение 2

Александр Ослон: «Мы начали с конкретной работы, с такой странной для меня ситуации...»

Борис Докторов: Прежде всего я хотел бы спросить тебя: в России, в Москве, в частности, существуют несколько исследовательских центров. Как сложились обстоятельства, как это все произошло, что ФОМ стал работать напрямую на высший эшелон власти, на президентские структуры?

Александр Ослон: Тут, наверное, дело случая. Это произошло в 1996 году. В начале года были совершенно пессимистические настроения, поэтому и интерес к исследованиям, и заказы – все это исчезло. Была такая пустыня – тревожное ожидание предстоящих президентских выборов. Перспективы Зюганова расценивались как совершенно однозначные, ну и все последующее рассматривалось в самом мрачном свете. Как раз в то время и произошел закулисный «дворцовый переворот», когда группа

так называемых олигархов (будущих олигархов), собравшись в Давосе, решила все взять в свои руки и подойти к предвыборной президентской кампании совершенно иначе, по-новому, вытеснив чиновников, которые все это вели.

В тот момент я пытался все-таки воспользоваться ситуацией, делать какие-то предложения... Об этом предложении были всякие разговоры – в том числе и с Юрой Сатаровым. В конечном счете Юра мне устроил возможность выступить пять минут перед группой, которая занималась выборами, – одной из противоборствующих групп, которую возглавлял первый помощник президента В. Илюшин. Там сидели известные люди (в том числе Б. Грушин, кстати, заседал). Это было 21 марта 96 г. Я пришел, у меня было пять минут, я рассказал, они покивали головами. И я ушел, понимая, что пирог жирный, желающих много, и совершенно не предполагая, что это будет иметь продолжение, – даже в смысле данной работы.

В этот же день был один семинар, и меня на этом семинаре отыскали и вызвали еще раз туда же, в Кремль, в ту же комнату. Я пришел, там сидели уже другие люди, часть из тех, кто был утром (но Б. Грушина не было): Ю. Сатаров, С. Шахрай*... В. Илюшина тоже не было. Потом вошел А. Чубайс, снял пальто, сел во главе стола – там такой длинный стол – и сказал: «Давайте работать». А я случайно сел совсем недалеко от него. Минут через пятнадцать я прервал все это и спросил, куда я попал, что здесь происходит, что это все означает и при чем тут я. Он сказал: «Потом поймете». Вот так начала работать аналитическая группа Чубайса.

В следующий раз (или через раз – через день) заседание уже проходило не в Кремле, а в здании мэрии. И постепенно стало ясно, что группа должна, собственно, стать мотором всей работы. Там, за кулисами, уже произошло кондиционирование этой группы, хотя еще по-прежнему действовали и штаб Сосковца с большим количеством людей, техники, мебели и прочее, и штаб Филатова, и еще какая-то структура, которая уже была на издыхании. Но решение уже состоялось, хотя еще не было ресурсов, поэтому до какого-то времени все это оставалось в стадии «проектов».

Примерно через десять дней – может быть, 30 марта – пришел Чубайс и сказал: «Все, деньги есть». Вот с этого момента все и стало реальностью. В результате этой очень интенсивной работы был выработан основной, концептуальный план, как можно победить, как можно переломить отношение к Ельцину... Были выдвинуты тезисы типа «он должен быть иным» (с другими словами, с другой лексикой, с обращением к разным конкретным группам), «он дол-

* Сергей Шахрай, тогда – депутат Государственной Думы.

жен все время удивлять» (в его поведении должна быть необычность), «он должен много ездить»... Отдельно была предусмотрена антикоммунистическая линия... Ну, в общем, мы начали с такой конкретной работы – с такой странной для меня ситуации...

Потом я спросил у Сатарова, как это все произошло. Он сказал: «Ну как... Меня спросили: кого? Я сказал: тебя». Так что, в общем, я и не знаю, как это произошло. Больше того: поначалу мне казалось, что моя роль там – опросов «наловить» и выдавать результаты. Я пытался найти какие-то форматы... Ну, ты знаешь наши бюллетени предвыборные (иногда их было по несколько штук в день, но в каждом – одна мысль, максимум две), там два-три листочка – конкретный тезис, который раскрывается коротко, ясно, лаконично. Ну, а опросы – это моя работа. А потом стало интересно уже совать нос во все дела.

Д.: У меня теперь такой самый общий вопрос. Как бы ты оценил, учитывает ли в своей работе Кремль (я по-простому скажу: имеются в виду высшие эшелоны власти) состояние общественного мнения? Или это рассматривается как третий фактор, который существует сам по себе, и Бог с ним.

О.: Ситуация 1996 г. была настолько поразительна, что не учитывать ее как фактор было нельзя. Так или иначе, она осталась в памяти всех участников.

Д.: То есть это своего рода переломный момент во взгляде структур на...

О.: Абсолютно переломный момент. Никогда люди, имевшие отношение к власти, особенно не задумывались о каких-то деталях... То есть народ представлялся некой массой, с которой было более-менее все понятно. Достаточно было сослаться на мнение жены, тещи, знакомых или, посмотрев телевизор, достаточно было услышать какие-то высказывания, и составлялось мнение о том, что думают люди... Этого было вполне достаточно. Ситуация 1996 г., когда было действительно полное отторжение Ельцина, фактически за два месяца была полностью изменена – благодаря очень большому учету той специфики, которую имеют разные группы населения. В группе Чубайса обычный разговор на социологические темы (а пару-тройку раз в неделю там были специальные разговоры о том, что же думают люди) начинался всегда с обсуждения того, где у нас сейчас хуже всего и с какой группой планировать работу. То есть была отдельно программа, отражающая интересы женщин (и, кстати, указ президента о профессиональной армии с 2000 г., который впоследствии был, естественно, отменен, – это исключительно предвыборный шаг, ориентированный на женщин). Обсуждалось, какие есть проблемы с малыми городами, какие – с молодежью. Определялись адресные группы и решалось, какие специальные усилия направить...

Предвыборный прецедент оставил очень сильный след в умах, и поэтому с сентября 1996 г. в Кремле был запущен уникальный для России (и не только для России) проект постоянного мониторинга информационного поля (этим занимался Глеб Павловский* и его Фонд эффективной политики) и ментального поля (этим занимался Фонд «Общественное мнение»). И этот проект состоялся не просто для проформы: мол, предприняты действия, и всегда можно сослаться, что мы тоже не лыком шиты... Нет. Это было еженедельное совещание, оно существовало в течение четырех лет как одно из самых главных совещаний в Администрации Президента. На нем в едином блоке обсуждались события недели, их отзвук в информационном поле и, соответственно, реакции на них. Обсуждались события «в головах людей» – на основе опросов, и одновременно в ходе разговоров руководитель Администрации высказывал свои взгляды, фактически давая сотрудникам политические установки или приоткрывая свою «кухню». Волей-неволей, разговаривая на эти темы, нужно было вникать в какие-то детали, и поэтому для сотрудников Администрации это совещание было чрезвычайно важным, а мы фактически получили некое понимание взглядов и позиций руководителей, которые обычно ничего не расшифровывают. Это первое.

Второе. Там (особенно в первые год-два) очень много времени посвящалось собственно обсуждению, что же все это означает, как это интерпретировать, как к этому относиться. Люди ответили вот так – почему? Фактически это был некий ликбез, и для тех, кто его прошел, в дальнейшем уже чтение цифр, получаемых и от нас, и от средств массовой информации, и от других центров, стало вполне понятным. Стал ясен сам механизм. Этот самый проект, как я считаю, – совершенно уникальное дело.

Теперь спрашивается, в какой мере все это учитывалось. То есть информация была, внимание к ней было, умение прочитывать более-менее налаживалось, со всем вниманием выслушивались не только собственно какие-то интерпретации, но и рассуждения о том, как эти интерпретации рождаются... Остается последний вопрос – в какой мере это учитывалось? Учитывалось это, особенно в начале – 1996, 1997 гг. – очень значительно. То есть тогда эта информация фактически влияла на принятие решений. А была как раз очень острая ситуация, связанная и с болезнью Ельцина, и его операцией на сердце, ...с застоем в начале 1997 г., с появлением молодых реформаторов... Все дела, связанные с молодыми реформаторами, входили в этот процесс мониторинга. Это была такая смычка... Временами так происходит, когда смы-

* Глеб Павловский, тогда – генеральный директор Фонда эффективной политики.

каются Белый дом и Кремль и начинают действовать синхронно. Тот же Чубайс – он перешел в Белый дом и продолжал оставаться участником процесса...

Послание президента 1997 г. и последующие – там везде учитывались результаты исследований общественного мнения. Какие-то решения принимались из иных соображений, но по крайней мере при этом люди отдавали себе отчет, что это противоречит какому-то общему вектору. Есть масса примеров, которые можно посмотреть по тематике наших вопросов (тематических – не регулярных, рейтинговых, а именно тематических), потому что мы всегда фактически следовали за событиями: это и захоронение останков царской семьи, и протестные действия, и отношения институтов власти между собой (исполнительная власть, Дума, Совет Федераций, губернаторы). Все это следовало за событиями. И плюс к этому вопросы, которые создавали некий фон: например, долги по зарплате. На самом деле в Кремле осознали важность этой проблемы не из-за Госкомстата, а именно из-за опросов. Начиная с осени 1997 г., когда долги по зарплатам и пенсиям стали нарастать, эта проблема (особенно по пенсиям) вышла на первое место после остановки войны в Чечне. Все ее расценивали как самую важную, поскольку это было совсем в новинку и воспринималось как некое оскорбление со стороны власти, не выполняющей свой долг.

Д.: У меня вопрос – чтобы некоторые вещи немножечко пораньше были яснее. Ты начал работать в таком тесном контакте с кремлевскими структурами в 96 г., но ведь опыт исследований у ФОМа более давний. Почему так случилось, что Ельцин к началу своей избирательной кампании имел такой низкий рейтинг?

О.: Главный фактор этого, конечно, чеченская война, которая была вне логики, вне понимания. То, что там происходило, было запретельным абсурдом, и это ощущали люди, даже не имевшие никакого отношения к этому, не столкнувшиеся с этим даже косвенно.

Подчеркиваю: непосредственное отношение к этому событию имели немногие, и тем не менее, благодаря телевидению все население было полностью заряжено и заражено таким отношением к этой войне. Тогда телевидение впервые, может быть, повело себя самым ярким образом – прежде всего НТВ. Фактически это были ежедневные многообразные сообщения в одном и том же ключе: происходит нечто абсурдное, бредовое...

... С начала 1995 г., после этого неудачного новогоднего штурма Грозного, эта тематика стала абсолютно доминирующей. Абсолютно. То есть все ушло: и реформы, и экономика – абсолютно все было вытеснено из поля внимания событиями в Чечне. Это был как некий пресс. То, что там происходило, постоянно подтверждало, что все происходящее необъяснимо и неприятно.

Надо еще добавить... Тот эффект, который произвели опросы, вызвал понимание, что это действительно чрезвычайно важный

и нужный инструмент, и без него нельзя. Это зеркало, и в него надо смотреться, иначе могут осуществиться самые мрачные варианты. Это один результат 1996 г.

Второй момент – это вера во всеисилие средств массовой информации. Когда кампания закончилась, многие вещи забылись, а какие-то остались как самые главные. Среди важнейших был новый образ действительно нового Ельцина – с новой лексикой, с совершенно новыми посланиями для разных групп населения. Это осталось в памяти: Ельцин, танцующий на концерте, его разговоры с людьми, которые ежедневно воспроизводились в телевизоре. Некоторые казусы остались – происшедшее, скажем, в Казани, где он, как и положено на Сабантуе, с завязанными глазами разбил горшок здоровенной дубиной. В Кемерове в шахту он очень смешно въехал в вагончике... А в Новосибирске он, имея в кармане жетончик, вошел в метро: вся свита полагала, что турникеты не работают, а оказалось... А у них, естественно, жетончиков не было (это было спланировано – уже вошли во вкус, придумывая всякие приколы). Он поворачивается и перед телекамерой говорит: «Бесплатный проезд просто так никому не позволен». Ему страшно нравилось играть. Он вошел в этот ритм игры.

Там было много таких вещей, которые забылись, а осталась – и очень часто сейчас вспоминается – эта кампания. Осталась всеисильность СМИ. И действительно, СМИ выступились сами, но при этом тот же Малашенко* координировал их работу, абсолютно не заставляя, не напрягая журналистов. Они сами так хотели. И тот же Киселев**, и Сванидзе*** приходили туда и советовались, как им лучше, как эффективнее поработать, помочь и т.д.

А после первого тура уже пошла действительно заготовленная заранее антикоммунистическая кампания, вносящая некоторое напряжение, но это особой роли не сыграло, потому что реально ситуацию второго тура предопределил союз с Лебедем. Это было самое главное.

К чему я это все говорю – к тому, что эта вера во всеисильность средств массовой информации привела к тому, что реально учет результатов опросов, учет настроений журналистов и учет тех или иных обстоятельств реализовывался в виде информационных планов.

Д.: А каким образом это реализуется – через средства массовой информации государственные или?..

О.: Средства массовой информации делятся на «свои» и «не свои». «Не свои» жили своей жизнью, на них нельзя было повлиять. Ска-

* Игорь Малашенко, тогда – президент телекомпании НТВ, член совета избирательной кампании за переизбрание Б. Ельцина.

** Евгений Киселев, тогда – ведущий популярной аналитической программы «Итоги» на телекомпании НТВ.

*** Николай Сванидзе, тогда – ведущий популярной аналитической программы «Зеркало» телеканала РТР.

жем, никогда не вставал вопрос о том, чтобы разместить какую-то информацию в «Московском комсомольце», потому что он всегда вел себя абсолютно отстраненно, он не шел на сотрудничество.

Но основное, конечно, – это телевидение. С телевидением всегда была координация действий, во все времена, кроме последних, когда, начиная с лета 1999 г., НТВ вышло из этого процесса.

Я сейчас хотел бы поговорить по поводу идеи о том, что средства массовой информации всеильны. К сожалению, чаще всего текущая работа ограничивалась именно тем, о чем я говорил. То есть было как бы засилье (или власть) PR-ов. Но были за это время проекты, в которых все было гораздо глубже и проработаннее...

Проект «Молодые реформаторы» – это 1997 г., весна – прорабатывался очень тщательно и очень долго. Затем в 1998 г. разразилась война между молодыми реформаторами и олигархами. И там уже все рациональные и романтические соображения ушли в сторону. Как любая война, это стало абсурдом и привело к краху. А крах вызвал очередной кризис начала 1998 г., который, в свою очередь, привел к отставке Черномырдина и смене Правительства. Отставка Черномырдина не прорабатывалась как проект, но как только появился Кириенко, снова произошла смычка между Кремлем и Белым домом, потому что Кириенко надо было поддерживать (совсем маленький, совсем молодой, совсем зеленый), и на это тратились очень большие силы. Снова вышел на передний план учет настроений в обществе, в элитах: в медиа-элитах, экономических, культурных – и опросы все время были в картинке необходимых дел, все время были на уровне осознания, то есть это не было каким-то фоновым действием (это 1998 г.).

В конце 1998 г. ушел Юмашев.* Пришел Бордюжа.** Юмашев был одним из главных энтузиастов, понявших пользу технологий. Он участвовал в этом с самого начала... Бордюжа все это продолжал по инерции: он не очень-то понимал, но чувствовал, что за этим что-то есть. И он очень внимательно пытался разобраться...

Д.: Он был недолго?

О.: Да, он был недолго, до 19 марта. А потом был назначен Волошин.***

Волошин в этом участвовал активно, и для него это был абсолютно необходимый инструмент. И кстати, в 98 г. – уже при Бордюже, а потом и при Волошине – в этих совещаниях участвовал Путин. Он приходил, молчал, слушал, но ему было очень интересно – это было видно.

* Валентин Юмашев, тогда – глава Администрации Президента России.

** Николай Бордюжа, тогда – руководитель Администрации Президента России.

*** Александр Волошин, тогда – руководитель Администрации Президента России.

И последнее. Проект, где «на полную катушку» происходило планирование и разработка стратегий, это регулярная, изматывающая, разнообразная и очень жесткая работа с Путиным с первого дня, с момента его прихода на пост премьер-министра... Эта работа проводилась под названием «Проект Путин» до парламентских выборов. С августа, когда он был назначен на пост премьер-министра. Начиная с этого момента все это шло в абсолютно регулярном режиме.

Но ситуация, естественно, Путину благоприятствовала, если так можно выразиться... Он смог проявить себя тем, кем он себя показал, именно в условиях вторжения в Дагестан, взрывов в Москве. В условиях совершенно иного восприятия положения в Чечне, чеченских событий, войны.

Как раз именно в этот момент было развернуто регулярное проведение фокус-групп, электронного тестирования телепотока, была сформирована панель экспертов... Именно в этот момент разворачивалась наша САТИ* для экспертных опросов...

Д.: Это решение было принято, когда Путин был еще премьер-министром? Но это уже было решение президентской структуры сделать такой «Проект Путин», да?

О.: Ельцин, когда был назначен Путин, сказал ясно: «Путин – мой преемник». Вот в этот момент была публично обозначена роль Путина, которая была ему уготована. Над этим просто все смеялись: какой из Путина преемник – кто это такой? И почему это Ельцин распоряжается?

Что же касается президентской кампании... Никто не знал, что выборы будут в марте, поэтому были планы в январе отдохнуть, а с февраля уже развернуть президентскую кампанию. И уже было ясно, что этим будет заниматься примерно тот же состав, с какими-то подвижками. Во главе стола сел Волошин, а рядом с ним Медведев. Но когда Ельцин огорошил всех 31 числа заявлением о своем уходе, все это сконденсировалось и перешло в бурную работу.

Избирательная кампания – это естественная консолидация сил, ресурсов, потому что есть срок, цель... Любой другой проект – будь то реформы или что-то, – если нет четкого планируемого результата, превращается в «манную кашу»... Но с августа 1999 г., как это ни странно, хотя и не было выборов, в группе была достаточно четкая цель: есть Путин как будущий кандидат, но вместе с тем еще не кандидат. В такой ситуации наработки и сконцентрировались в едином по-настоящему большом проекте, хотя и связанном с подготовкой к выборам, но все же находившемся вне выборных дел.

* Computer-Assisted Telephone Interview – компьютерная поддержка системы телефонного интервьюирования.

Д.: Хорошо. Все-таки в твоём представлении, если можно было бы кратко охарактеризовать отношение конкретно Ельцина к общественному мнению, как ты бы сказал?

О.: Ну, это опять-таки надо делить: до 1996 г. – и после. Как я уже сказал, до 1996 г. Ельцин относился к тем людям, которые не просто пренебрегали этим институтом, – они просто не отдавали себе отчет в том, что он хотя бы зачем-то нужен.

Вот если бы он лучше понимал факторы общественного мнения, разбирался бы в нем, придавал бы ему значение и учитывал его, то, наверняка, это было бы тормозом для его деятельности. То есть, может быть, тот факт, что он пренебрегал общественным мнением, способствовал тому, что он все-таки шел на непопулярные, на совершенно резкие шаги. До 1996 г. для Ельцина это было не просто пренебрежение (“я знаю, но делаю, действую иначе”), а абсолютная уверенность в непогрешимости собственной интуиции (“я знаю свой народ – они думают вот так”). И надо сказать, что эти заблуждения и помогали ему действовать, и вели к его ошибкам. Если бы он понимал, как будет встречена война в Чечне в общественном мнении, если бы он обращал на это внимание! А это было известно уже до начала штурма: первые наши опросы, связанные с Чечней, начались сразу после 1995 г. Эта связанность была видна: отпустить – не отпустить, вводить войска – не вводить и т.д. Было видно, что вектор общественного мнения стоит абсолютно против войны, противостоит вооруженному столкновению. Если бы Ельцин это учитывал, возможно, он бы на это решение не пошел...

И еще один пример – начало работы аналитической группы. В течение первых дней мне стало ясно, что люди, которые там присутствуют, особенно наиболее близкие к Ельцину (то есть Татьяна*, тот же Валентин Юмашев, да и Чубайс тоже), предполагают только позитивное отношение к Ельцину. Это слышалось в подтексте их высказываний. То есть они тогда до конца не понимали всю глубину негатива, непопулярности президента. Я пытался им это сказать, но они не слышали. Они верили в другое. Я пытался цифры привести – но что такое цифры? Предположим, наши цифры говорят, что, скажем так, 3 – 4%, ну, 5% респондентов доверяют Ельцину. «Ну, мало ли кого вы спрашиваете... Может, вы спрашиваете не тех... И вообще – почему эта цифра, а не другая? Это неверно, что-то не так». И так всегда до тех пор, пока не привыкнут к потоку этих цифр и не будут их принимать во внимание, серьезно. Всегда есть это: «А вот я вчера видел по телевизору: вышел корреспондент на улицу и спросил про Бориса Николаевича пять человек. И всего только трое сказали, что плохо относятся, а это же не пять процентов». Вот такого типа

* Татьяна Дьяченко, дочь Б. Ельцина, тогда – член Координационного совета избирательной кампании за переизбрание Б. Ельцина на пост главы государства.

сомнения. Всего не воспроизведешь. Тогда я проделал следующую работу. У нас как раз заканчивалась очень срочная работа, основанная на незаконченных предложениях, которые предлагалось завершить респондентам. В пяти городах 200 человек: «Ельцин должен был сделать...», «Ельцин сделал...», «Ельцин как президент для меня...», «Ельцин как человек для меня...» и т.д. Двадцать таких незаконченных предложений. Я не стал специально обрабатывать результаты, а просто распечатал такие книжечки: ответы, сгруппированные только по населенным пунктам. Единственное, что я сделал – это убрал нецензурные слова, мат. Интервьюеры прислали по электронной почте файлы, у них указание: «Запишите дословно ответ респондента». Я читаю: «Что Ельцину надо делать?» А там ответ: «Он должен пойти», – и написано куда... Это я убрал. И второе: я убрал высказывания, связанные с желательностью его смерти («чтобы он сдох»), поскольку все-таки дочь – неприятно. И просто дал книжки почитать. А дело было по вечер... Утром явился – они, перекошенные, бледные, говорят: «Это что, это правда?» Вот так они фактически первый раз серьезно осознали... А до этого они слышали, знали и т.д., но не воспринимали – существовал барьер.

Д.: И можно допустить, что это стало известно президенту?

О.: Вот этого я не могу сказать, не знаю. Я могу сказать, что в целом эти месяцы были абсолютно открыты, абсолютно открытыми. Очень может быть, что как-то по-своему это было донесено. Встречи с Ельциным – они были довольно регулярными – показывали, что он в курсе всего.

Д.: Спасибо, Саша, очень много интересного для меня.

Литература

1. Грушин Б.А. Мнение о мире и мир мнений. М.: Политиздат, 1967.
2. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. М.: 2001.
3. Грушин Б.А. Горький вкус не востребованности // Российская социология шестидесятых годов. Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999.
4. Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования / Под ред. Б.А. Грушина и Л.А. Онникова. М.: Политиздат, 1980.
5. Онников Л.А. «Я выполнял свой человеческий и партийный долг» // Российская социология шестидесятых годов. Под ред. Г.С. Батыгина. С. 229–235.
6. Заславская Т.И. К десятилетию ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения. 1998. Вып. 1 (33).
7. Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000.
8. Ельцин Б. Президентский марафон. М.: АСТ, 2000.

О КОНЦЕПЦИИ «СОЦИАЛЬНОГО ПОЛЯ» Л. КЕСЕЛЬМАНА*

Трудность участия в дискуссии по сегодняшнему докладу Л. Кесельмана заключается в том, что собственно доклада я не слушал и не слышал вопросов и выступлений участников семинара.

С другой стороны, моя позиция по поводу содержания этого доклада базируется на достаточно обширном материале, позволяющем иметь определенную точку зрения относительно развиваемых автором концепций и относительно его взгляда на познание социального мира. Прежде всего – это тезисы самого доклада. Второе, развернутые ответы Л. К. на ряд моих вопросов по тексту тезисов, которые он высылал по электронной почте. Третье, это знакомство с многими его публикациями последнего времени и личные беседы в ноябре прошлого года и летом – нынешнего. Наконец, почти 15-летние наблюдения за его теоретико-методическими исследованиями социального контекста Петербурга.

Я не знаю, каков формат настоящего семинара и предполагается ли принятие какого-либо решения о проделанной Л. К. работе и о содержании его доклада. Если это входит в задачу семинара, прошу учесть мое мнение и поддержать направленность работ, осуществляемых Кесельманом и его группой. Конечно, можно было бы сказать, что обращение Кесельмана к созданию своих теоретических построений произошло потому, что он не смог найти ответы на возникающие у него вопросы. Но это объяснение чисто внешнего характера. Более ценно то, что у него (или в нем) возникло ощущение необходимости разработки теории. За полтора десятилетия эмпирических исследований Кесельманом дано описание трендов сознания (и поведения) населения Петербурга. Само по себе это крайне ценно. Но, видимо, в последние годы, автор «услышал» новые сигналы от накопленного им материала. Вся масса данных, частично упорядоченных, частично – еще требующих к себе внимания, – начала давить на него. <...>

Таким образом, мы имеем дело с достаточно редким для социологии случаем, когда теоретические представления автора возникли, прежде всего, не как восхождение от проведенного им анализа теоретических работ других исследователей, но как стремление найти концептуальную базу для обобщения накопленного им самим огромного, уникального массива эм-

* Текст заочного выступления Б. Докторова на Методологическом семинаре Социологического института РАН (декабрь 2003). В кн.: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 4. Санкт-Петербург. «Норма». 2005. С. 316–318.

пирической информации.

Трудно сказать, что и почему было отброшено Кесельманом как не подходящее ему. Но это особая тема генезиса теоретических конструктов. Так или иначе он пришел к концепции социальных силовых полей. <...>

В самом этом факте ничего удивительного нет. История 20-го века дает множество успешных примеров обращения к концепции поля. Это делали физики, философы, историки, аналитики космо-биологических феноменов, эмбриологи и так далее. Наше профессиональное сознание готово к развитию старых «полевых» концепций и к восприятию новых. Докладчик сам нередко обращается к аналогиям из области естественных наук. Можем сделать это и мы. Гравитационные поля создаются космическими телами. Радиационные поля создаются радиоактивными элементами. Эмбриональные поля – это сигналы новой жизни. Ноосфера – это продукт (поле) деятельности человека.

Как вводит социальное поле Л. Кесельман? Как он его видит?

В тексте тезисов есть утверждение о том, что «социальные детерминанты» (**социальные силовые поля**) определяют способ миропонимания, ценностные ориентации и социальную деятельность людей. Говорится, что «социальные силовые поля сами по себе «виртуальны», т. е. не обладают свойствами внешне наблюдаемой вещной, «материальной» субстанции». Отмечается, что:

«...в современном (актуальном) социальном процессе люди, как правило, являются лишь источником биофизической энергии социального поля (социальных полей); тогда как направленность их социальной активности детерминирована социальными полями, производными в своей основной “массе” от “сухого остатка” их прошлой социальной активности и, главное, социальной активности предшествовавших поколений».

Нет возможности продолжать цитирование. Автором много сказано о функции социального поля и о его субстанциональном характере. Это можно принять.

Но пока слабее разработана тема генезиса самого социального поля. И трудности, которые отчасти автор сам создал себе, по нашему мнению, заключаются в том, что он «оторвал» поле от личности, от человека, от индивида. То, что социология может изучать социум, не изучая человека, очевидно. Но это – конвенция, уровень абстракции, некая удобная схема, общенаучная модель. Убери человека по существу, и пропадет необходимость в изучении социума. В действительности, думается, социальное поле, если мы признаем его существование,

лежит, расположено в той же мере в социуме, в какой оно присутствует в человеке.

Но в чем автор скорее всего прав, так это в том, что поле легче, проще обнаруживается при изучении социума, чем при анализе индивида. Однако это уже область методологии или технологии научного поиска.

Не спасает ситуацию и замечание Л. Кесельмана о том, что:

«...само глобальное социальное поле в процессе своего саморазвития (трансформации), являющегося результатом взаимодействия множества “локальных” социальных полей, и взаимодействия с актуальной активностью людей непрерывно трансформируется, чем и определяется его генезис (трансформация)».

Ибо в таком объяснении основной вопрос генезиса и трансформации поля просто переносится с уровня глобального на локальный. Не более. Думается, что очень многое в построениях Л. Кесельмана упростится и станет более прозрачным, если он сможет отказаться от тезиса «социология – это наука не о людях, а о социуме», в другом месте – «социология в принципе не занимается людьми». Правда, после последнего тезиса автор немного откорректировал себя: Ибо в таком объяснении основной вопрос генезиса и трансформации поля просто переносится с уровня глобального на локальный. Не более. Думается, что очень многое в построениях Л. Кесельмана упростится и станет более прозрачным, если он сможет отказаться от тезиса «социология – это наука не о людях, а о социуме», в другом месте – «социология в принципе не занимается людьми». Правда, после последнего тезиса автор немного откорректировал себя:

«Объектом (социологического) изучения, как правило, люди не являются, а если и являются, то лишь в качестве элементов социального пространства».

Думается, социология это наука о социуме и о людях. Пусть даже поначалу – о людях лишь в качестве элементов социального пространства.

Если автор не соглашается с такой трактовкой, то было бы хорошо, если бы он оставил название «социологии» той науке, которая создана и обозначается этим словом, а сам искал бы термин, имя для той науки, которую он создает...

...Из выше сказанного уже следует, что я принадлежу к тем, кто считает, что социальное можно и нужно искать и внутри индивидуального (но не только). Но должен отметить, что само это допущение не влечет за собой обращения к многомерным методам статистики, которые автор почему-то обозначает как

приемы манипуляции с цифрами. Создатели этих приемов Пирсон, Гальтон, Каттэл, Терстоун и другие – понимали психологическое и социальное очень глубоко, для того и создавали свои приемы, и менее всего думали о манипуляции.

Ложным представляется и тезис Л. К. о том, что «серьезные» исследователи практикуют теперь «качественные методы», позволяющие с помощью извлечений из более или менее углубленных интервью иллюстрировать те или иные гипотезы о свойствах социума». Хотелось бы увидеть несколько примеров в подтверждение этого положения...

...Мне ситуация представляется иной. Современная социология – я не говорю о социально-философских работах – это модельные обобщения всего накопленного в науке, в том числе – итогов количественной обработки массивов. Это направление мощно развивается. И российские социологи смогут в ближайшие годы выпасть из международного профессионального сотрудничества, если не углубят свои знания в области математики и не перестанут бояться математической формализации.

Вполне допускаю, что тезисы доклада не дают мне возможности в полной мере понять ряд построений Л. Кесельмана. Тем с большим интересом я жду, когда почта доставит мне его книгу Памяти Галины Старовойтовой, в которой ряд положений его концепции изложен, а также выхода в свет материалов его семинара по трансформирующемуся социальному пространству.

Что меня особенно интересует, это реализация его принципов в его же теоретико-эмпирических исследованиях. Появляются ли, проступают ли в его операционализациях, в его показателях (индикаторах), в его интерпретации изучаемых социальных феноменов те конструкты, которые в принципе (именно в принципе) не используются социологами, не разделяющими концепцию Л. К. или пока не знакомыми с нею?

Наличие таковых атрибутов в новых работах Л. Кесельмана может стать мощным прорывом в теории и в практике социологических тенденций. Возможно, это все произойдет вскоре.

23.12.2003

СЕНТЯБРЬСКИЙ ЗВОНОК*

Я благодарен редакции журнала *Телескоп* за предоставленную мне возможность высказаться по поводу проблем, поднятых Леонидом Кесельманом в его статье «Давайте разберемся». Спокойные дискуссии о роли социальных исследований и позиции исследователей в жизни общества всегда полезны. Особенно, если их следствием становятся конкретные дела.

То, что произошло в Петербурге в ходе недавних выборов губернатора, сюжет не очень приятный для аналитиков электорального сознания и поведения. С другой стороны, если смотреть на него с исторической и логической точек зрения, он - обыденный, рутинный. Погрешности в прогнозах результатов выборов были и будут. Причем я не имею в виду предсказания не квалифицированных и мало ответственных людей, но говорю об опытных и граждански озабоченных исследователях.

В практике электоральных прогнозов существует три типа погрешностей предсказания итогов выборов. Первый тип: верно назван победитель избирательной кампании, но ошибочно указано количество голосов, которое будет им получено при голосовании. Второй тип: в количественном отношении прогноз близок к официальным результатам выборов, но победитель назван неверно. Есть третий тип: ошибочно назван победитель, и одновременно предсказанная доля голосов далека от итогового показателя.

В прошедших сентябрьских выборах губернатора Петербурга все аналитики сходились на том, что победителем станет Валентина Матвиенко. Так и произошло; она набрала 48,7%. Таким образом, погрешностей в предсказании имени победителя не было.

Наиболее интересными для анализа, сопоставления и оценки являются прогнозы, выполненные Центром изучения и прогнозирования социальных процессов (руководитель – Леонид Кесельман) и Агентством социальной информации (руководитель – Роман Могилевский). Прогноз первого отмечал, что большинство избирателей поддержит В. Матвиенко, но одновременно он предупреждал о том, что потребуются второй тур голосований. Прогноз АСИ говорил о высокой вероятности победы В. Матвиенко уже в первом туре. При этом в числовом отношении прогноз Р. Могилевского (50,3%) оказался много ближе к итоговому показателю выборов, чем оценки Л. Кесельмана. Из его анализа следовало, что В. Матвиенко получит не более 44% - 45%.

Л. Кесельман не изучает общественное мнение, его объект – социум, электоральное поведения петербуржцев, их полити-

* Докторов Б. Сентябрьский звонок // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2003. №6. С. 43-44.

ческие предпочтения. Он рано определил, что одним туром все не завершится, и дальнейший анализ лишь подтверждал этот вывод. Прогноз голосов, отданных победителю избирательной кампании, не был *целью* его социологических поисков; он – одно из *следствий* решения общей социальной задачи.

Напротив, фокусом исследований Р. Могилевского и ряда других аналитиков общественного мнения было именно нахождение распределения голосов петербургского электората и прогноз итогов выборов. Безусловно, ими также изучались политические установки избирателей, но эти измерения трактовались не как *самостоятельные*, а как *промежуточные* данные, позволяющие решать главную для *них* задачу – нахождение количественной оценки итогов выборов.

Насколько я понимаю, обе аналитические организации и оба исследователя профессионально решили задачи, которые они *ставили перед собою*. Это и есть главный результат их деятельности.

Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть особую методологическую ценность работы социальных исследователей, пытающихся дать обществу точный прогноз итогов выборов. Отцы-основатели изучения общественного мнения: Джордж Гэллап, Арчибалд Кроссли и Элмо Роупер со смещенными чувствами ожидали наступление года президентских выборов, когда вся страна хотела услышать от них имя нового президента. Они осознавали трудность решения этой задачи, но одновременно они понимали, что общенациональные президентские выборы – это главное испытание их теоретических конструкций и их измерительной технологии. Скажем больше, в действительности високосные годы в Америке были (и являются) моментами истины, временем проверки многих концепций, выводов и методов значительного числа разделов социальной науки.

Вся мировая социология в тех ее «департаментах», которые предусматривают проведение опросов, опирается именно на опыт исследователей общественного мнения. Отделять социологов от поллстеров можно, но следует точно понимать, когда и зачем это делается. В современном понимании поллстер (от слова *poll* – опрос общественного мнения) – это не технолог массовых опросов, это социолог, социальный психолог, изучающий определенную сферу бытия социума. Во второй половине 30-х прошлого века отношение американской академической науки и политиков к опросам общественного мнения было настороженным. В годы Второй мировой войны взгляд на опросы общественного мнения стал меняться, появилось понимание значимости информации об установках, ценностях,

представлениях населения, начало возникать доверие к технологиям опросов. К концу века стало очевидным, что никакой большой науки о современном социуме не может существовать без данных, которые собирались и собираются поллстерами.

В 1948 году Гэллап, Кроссли и Роупер, проводя опросы независимо друг от друга, ошиблись в своих прогнозах. Они предсказали победу республиканцу Томасу Дьюи, а президентом страны стал демократ Гарри Трумэн. Через несколько недель после завершения выборов американская ассоциация исследователей общественного мнения сформировала комиссию из представителей академической науки и тех, кто работал в коммерческих структурах. Комиссии было поручено определить причины погрешностей.

Гэллап, Кроссли и Роупер предоставили членам комиссии полную информацию о том, что и как они делали. Отчет об итогах этой уникальной экспертизы был опубликован и стал доступен исследователям и прессе.

1948 год мог войти в историю как момент сокрушительного поражения поллстеров и даже как год остановки практики проведения опросов. Но он стал годом испытания силы профессионального сообщества американских исследователей общественного мнения. Одновременно произошло утверждение и признание высокой общественной позиции поллстеров.

В Америке изучение общественного мнения давно стало для одних - предметом специализированных социологических исследований, для других - областью бизнеса. Но представителей обоих цехов роднит понимание того, что опросы – это прежде всего инструмент демократии. Потому высокое качество опросов и точность прогнозов рассматриваются ими как непременные составляющие процесса развития демократии.

Думается, что понимание наличия глубокой связи качества опросов и степени развития демократических институтов еще не стало аксиомой деятельности для всех тех, кто изучает российское общественное мнение и кто принимает на себя ответственность за электоральные прогнозы. Но это обязательно произойдет.

Сентябрь 2003 года нельзя рассматривать как «последний звонок» в школе построения прогнозов. По традиции сентябрьский звонок – это сигнал начала учебы. Ближайшие полгода покажут, какие профессиональные и нравственные уроки извлечены петербургским социологическим сообществом из состоявшихся губернаторских выборов. Покажут, какую роль оно отводит себе в процессе развития демократии в стране и в какой мере оно справляется с этой ролью.

МИР СОЦИОЛОГИИ И МИРЫ СОЦИОЛОГОВ*

Название этого текста «Мир социологии и миры социологов» родилось без явной опоры на заголовки двух известных социологам и историкам работ: книги Бориса Грушина «Мир мнений и мнение о мире» и эссе Михаила Гефтера «Мир миров: российский зачин». Оно спонтанно возникло из стремления кратко передать содержание и общую атмосферу новой работы Бориса Фирсова по недавней истории российской социологии [1]. Хотя — конечно — построения и концепции Грушина и Гефтера занимают заметное место в профессиональных воззрениях и миропонимании Фирсова, и потому они каким-то образом «подталкивали» меня к выбору такого названия.

Обсуждаемая книга Фирсова является вторым изданием его монографии «История советской социологии 1950–1980-х годов», опубликованной в 2001 году [2], однако ее с полным основанием можно назвать новой. Расширение предмета анализа и, соответственно, увеличение объема текста, появление серьезных авторских комментариев и принципиальное расширение перечня цитируемых источников придали монографии новое качество. Представленные в новом издании мир советской социологии и миры советских социологов оказываются шире, многообразнее, чем десятилетие назад. В совокупности это составляет главное достоинство исследования Фирсова и задает особое место рассматриваемой книги в ряду увидевших свет в последние годы историко-социологических работ российских авторов.

В начале рецензируемой книги указывается около трех десятков монографий, сборников и статей о развитии российской социологии в течение всего периода ее существования, которые были изданы в новом столетии. Не уверен в полноте этого перечня, тем не менее, он явно отражает тенденции, наметившиеся в отечественной историко-социологической литературе. Первая группа работ — это воспоминания ученых, стоявших у истоков современного этапа советской/российской социологии; это — прошлое, как оно виделось мемуаристам и как оно понимается ими в наше время. Вторая заметная часть работ из рассматриваемого перечня — это коллекции воспоминаний о действующих и недавно ушедших от нас социологах. В основном такие материалы носят описательный характер, но в некоторых случаях их можно трактовать как поиск подходов к анализу творчества отдельных ученых. В силу разных

* Докторов Б. Мир социологии и миры социологов (Рецензия на книгу: Фирсов Б.М. История советской социологии 1950-1980-х годов. Очерки. Санкт-Петербург: Европейский Университет в Санкт-Петербурге. 2012) // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 168-173.

причин этот жанр историко-наукоеведческих исследований у нас еще не получил должного развития. Укажу третью констелляцию работ; скорее всего, они не относились их авторами к разряду исторических, но по сути являются (и) таковыми. Из включенных в «список Фирсова» к подобным работам относятся: «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» Андрея Алексева, «четырёхкнижие» Бориса Грушина о жизни России и социологические очерки о российском человеке Юрия Левады. Они и достаточное число не представленных в этой библиографии работ иллюстрируют пока не вошедший в круг наукоеведческих обсуждений тезис о *биографичности* социологических исследований. Речь идет о том, что практически любая достаточно объемная, многомерная социологическая разработка, относящаяся к любой предметной, проблемной области, во многом биографична: в ней могут быть найдены факты из жизни автора, в той или иной мере отражены его ценности, интересы, говоря иначе — фрагменты его личностного и профессионального мира. Следовательно, и книги этой группы содержат материал для изучения деятельности их авторов и круга специалистов, к которому они принадлежат.

Однако в силу каких-то причин Фирсов не считал возможным включить в рассматриваемый перечень источников по истории российской социологии свою недавнюю книгу о *разномыслии* в СССР в послевоенное двадцатилетие [3]. А это непременно следовало сделать, по крайней мере, в силу двух обстоятельств. Во-первых, названное исследование особенностей массового сознания советских людей в «холодные» сталинские времена и в «оттепельный» период латентно и манифестируемо глубоко биографично, мемуарно. Во-вторых, мне кажется, что главное отличие второго издания книги Фирсова по истории советской социологии от первого, обусловлено именно тем, что значительную часть прошедшего десятилетия он отдал разработке понятия разномыслия. Я не знаю, осознанно это сделано или «так получилось», но его книга по истории советской социологии приобрела *новое лицо* именно благодаря погружению автора в очень непростые, скажем, гефтеровские ниши соприкосновения тоталитарного общества и личности.

Первое издание книги Фирсова было обстоятельно рассмотрено Еленой Здравомысловой [4], ряд особенностей строения и содержания второго издания отражены в рецензии Олега Божкова [5]. Поэтому мне хотелось бы сфокусировать внимание лишь на тех новых разделах монографии, за счет которых, на мой взгляд, автору удалось расширить мир социологии и сообщества социологов.

Очерк 7 о сотрудничестве советских социологов с их иностранными коллегами — абсолютная «новинка» книги; читая первое издание, можно было составить представление о (почти) полной замкнутости, закрытости советского мира социологии. Теперь Фирсов показал, что это не так: отечественные социологи входили в международные профессиональные ассоциации, занимали в них руководящие позиции, встречались и общались с ведущими зарубежными учеными, имели доступ к зарубежной социологической литературе. Конечно, все социологи делились на тех, кому «можно было» (крайне небольшая группа) и «кому нельзя» (подавляющее число специалистов) выезжать за границу, участвовать в групповых и тем более индивидуальных обменах мнениями с иностранцами; в целом все контакты дозировались и контролировались «компетентными органами». Но все же стена между социологами СССР и западными учеными не была сплошной.

Интересен параграф, рассказывающий о том, как западные социологи, социальные аналитики видели социологическую жизнь в СССР. Возможно, я ошибаюсь, но в столь развернутом виде эта тема ранее не рассматривалась в отечественных исторических исследованиях. Разрешу себе сделать одно уточнение историко-научоведческого плана. Фирсов отмечает, что первый визит американских социальных исследователей в СССР состоялся в мае 1961 года; в делегации были шесть психологов, один психиатр, один антрополог, а также два социолога: Роберт Мертон и Хенри Рикен [1, с. 278]. Полагаю, что когда-либо будет писаться обстоятельная история взаимодействия советских/российских и американских социологов и в ней будет отражен визит в Москву в ноябре 1958 года одного из основателей современных опросов общественного мнения, психолога и политолога, принстонского профессора Хэдли Кэнтрила. Тем более что по итогам поездки им была написана книга о советских политических лидерах и о советской идеологии [6].

Признавая весьма значительным для исторического анализа включение Фирсовым в его книгу раздела о наведении мостов между советскими и зарубежными социологами, я полагаю одновременно, что в своем рассказе он имел возможность привести большее число сюжетов, тем самым сделав повествование более ярким и репрезентативным. К примеру, не ограничиться воспоминаниями Андрея Здравомыслова о его встречах с Талкоттом Парсонсом, но описать свое собственное посещение в Принстоне Джорджа Гэллапа. Аналогично можно было бы сократить изложение работы Алвина Гоулднера и привести суждения о российской социологии Роберта Мертона, Алена Турена и дру-

гих известных ученых, опубликованные в фундаментальном сборнике документов «Социология и власть» [7].

Отмечая осуществленное расширение в книге мира социологов, я в первую очередь имею в виду заключительные параграфы Очерков 4 и 6 и Очерк 8, итожащий книгу и озаглавленный «О советской социологии по гамбургскому счету». Хотя я не считаю возможным сейчас, учитывая неполноту нашего знания о прошлом советской социологии, давать оценку пройденного ею пути, само стремление сделать это весьма ценно. Понимая при этом, что подобных суммарных оценок будет много, и, похоже, они будут разными.

Еще весной 1999 года, начиная свой проект по истории советской социологии, Фирсов обратился к группе коллег с просьбой высказаться об общей композиции курса, который позже составил основу книги. Предлагались три варианта: 1) хронологическое описание процесса становления и развития послевоенной советской социологии, 2) обзор наиболее значимых, известных социологических исследований и 3) трактовка истории социологии через динамику ее отношения с властью, автор говорил о «восхождении на Голгофу» социологического знания в условиях советского государства [1, с. 359]. Тогда мнения друзей-экспертов разделились, в группе с Андреем Здравомысловым, Самуилом Кугелем и Теодором Шаниным я оказался среди сторонников второго варианта, то есть case-study анализа.

В чем я видел привлекательность второго из фирсовских замыслов? Мне кажется, что именно такой подход в то время (в точке встречи завершившегося и нынешнего столетий) был наилучшим. Исследования по истории современной российской социологии тогда лишь начинались, специальной литературы было мало, но на примерах лучших работ, к тому же признанных на Западе, студентам можно было показать, как складывалась отечественная социология. Важно и то, что тогда еще были живы и активно работали почти все авторы этих классических для нашей страны исследований, и они не отказали бы Фирсову поучаствовать в соответствующих занятиях.

Теперь — об ограниченности первого и третьего из обозначенных Фирсовым взглядов на историю советской социологии. Первый мне тогда представлялся трудно реализуемым, слишком мало было информации для построения развернутой хронологии. На мой взгляд, она — не начало исторических разработок, но один из важнейших итогов. Третий подход, избранный Фирсовым, тогда виделся мне несколько абстрактным и внутренне противоречивым.

Мне казалось, что движение в подобном направлении можно было избрать лишь при наличии информации о том, что со-

циологи первых призывов действительно трактовали свои социологические исследования как «восхождение на Голгофу». Но, скорее всего, этого не было. Напротив, были увлечение, радость от встречи с новым, мечты об улучшении общественного устройства. Приведу один пример из моего интервью с Владимиром Ядовым, проведенного на рубеже 2004–2005 годов. Мой вопрос относился к тому периоду, когда Ядов и его поколение ученых приступали к проведению социологических исследований: «Чувствовали ли вы тогда себя скованными тем, что работать надо было лишь в рамках марксизма?» Ответ Ядова был развернутым, приведу лишь самое начало:

Какая, Боря, скованность? Мы и были марксистами, но такими, которых потом окрестили идеалистами-шестидесятниками. Важно заметить, что в тот период марксизм как-то уютно совмещался с парсонсовским позитивизмом. «Бульдозер» (как его назвал Грушин) М. Руткевич, директор ИКСИ, писал о «социальных перемещениях» (читай — мобильности) и проч. Он же опубликовал сборник Андрея Здравомыслова с его предисловием и переводами Парсонса. Почему так? Парсонс отлично отвечал интересам брежневских прагматиков: стабильность системы [8, с. 9–10].

Указанная внутренняя противоречивость рассматриваемого «третьего» подхода усматривается мною в том, что он излишне акцентирует зависимость научного творчества от влияния властной среды. Ведь в действительности профессиональное поведение ученого детерминируется многими макро- и микро-, внешними и внутренними, долгосрочными и краткосрочными и прочими обстоятельствами. Кроме того, профессиональное сообщество советских социологов использовало множество приемов *фильтрации* властных сигналов или просто *игнорировало* их. В качестве примера приведу фрагмент интервью с Францем Шереги:

Первый серьезный социальный заказ, который был мне поручен, исходил от центральных политических органов в 1982 году (ЦК КПСС и ЦК комсомола). Было предложено изучить социальные проблемы строителей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ), в том числе мотивацию приезда на «стройку века», планы строителей на будущее. Удивительным было то, что, несмотря на высокий политический заказ, начальник ГлавБАМстроя (статус зам. министра) К.В. Мохортов в течение длительного времени находил повод не пускать интервьюеров на БАМ. В итоге у меня и работников ЦК комсомола состоялась встреча с Мохортовым в Москве. Он ознакомился с анкетой, я пообещал исключить из анкеты острые вопросы о социальных проблемах строителей, после чего Мохортов дал указание руководителям участков

БАМа допустить к работе наших интервьюеров. Сознаюсь, никаких сокращений в анкете я не сделал, я знал степень занятости руководителей такого ранга и был уверен, что читать анкету он больше не будет. Исследование было очень трудным и в высшей степени интересным [9, с. 10].

Понимание реального мира обстоятельств, мира социологии и миров социологов позволило Фирсову не только рассмотреть многие линии вмешательства режима, государства, идеологии в деятельность социологов, что предусматривалось особенностями его подхода к истории советской социологии, но выйти далеко за рамки этой парадигматики. Это и делает рецензируемую работу высоко значимым историко-научоведческим исследованием. Оно в равной мере будет полезным тем, кого интересуют творчество ученых, создававших советскую социологию; события, образующие прошлое науки; а также тем, кто задумывается о методологии изучения нашей истории.

Литература

1. *Фирсов Б.М.* История советской социологии 1950–1980-х годов. Очерки: [Учебное пособие] / Борис Фирсов. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.
2. *Фирсов Б.М.* История советской социологии 1950–1980-х годов: Курс лекций. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001.
3. *Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР, 1940–1960-е годы: История, теория, и практики. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге: Европейский дом, 2008.
4. *Здравомыслова Е.А.* О книге Б.М. Фирсова «История советской социологии 1950–1980-х годов» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 3. С. 204–208. [<http://ecsocman.hse.ru/data/864/827/1219/Zdravomyslova.pdf>].
5. *Божков О.Б.* История советской социологии — это часть нашей жизни // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 158–168.
6. *Cantril H.* Soviet leaders and mastery over man. New Brunswick: Rutgers University Press, 1960.
7. *Осинов Г.В., Москвичев Л.Н.* Социология и власть. Как это было на самом деле. М.: Экономика, 2008.
8. *Ядов В.А.*: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 3. С. 2–11 [http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1203348361424318file.pdf].
9. *Шереги Ф.Э.*: «Тогда я и пришел к выводу: СССР стоит перед распадом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 5. С. 5–14 [http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1226749726451205file.pdf].

«В ПОИСКАХ АДРЕСАТА»: ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ*

Началом этой необычной книги послужило мое электронное письмо Андрею Алексееву, отправленное ему 20 февраля 2006 года, точно шесть лет назад. Первоначально задумывалось разместить вслед за «Вместо предисловия», написанного Алексеевым, мой краткий вводный текст. Я уже намеревался сделать его, но, посмотрев на календарь и обнаружив на нем – 20 февраля 2012 года, подпал под магию совпадения дат и решил, что логичнее попытаться написать «Вместо послесловия». Тем более, что шесть прошедших или промелькнувших лет дают повод для осмысления той уже давней переписки. Главное: она «ушла в песок», не оставив следа, или дала какие-то всходы?

Почему именно этот вопрос я задаю себе, в чем вижу его смысл? Ведь в начале нашей переписки никакие далеко идущие цели не формулировались, она начиналась просто как обмен письмами давно не общавшихся друзей-коллег. С моей стороны то был своего рода отчет о проделанном в последние годы и бытовые зарисовки. Более того, и позже никакие ориентиры, границы обсуждений не обозначались. И поэтому, зачем искать итог переписки, которая к тому же не завершилась, а продолжается?

В моем понимании эта книга приоткрывает и для ее соавторов, и для тех, кто ее пролистал, особенности процессов возникновения тематики социологических исследований, происхождения понятийных конструкций, поисков стиля, формата, языка социологии. Названная проблематика давно осознана историей и социологией социологии и в разных научных парадигмах предложены подходы к ее решению, но многое все равно требует принципиального прояснения. Отчасти это вызвано тем, что теоретические поиски в этой области не опираются на эмпирические данные. И дело не просто в бедности биографического материала, но в почти полном отсутствии информации о том, «из какого сора» растут «социологические стихи». В традиционной схеме генезиса тематики и происхождения теоретического аппарата социологических исследований доминирующее положение придается двум обстоятельствам: социальному (в широком смысле) заказу и трудностям (теоретического и инструментального характера) развития самой науки. Но в этой схеме слабо прописаны сами исследователи, хотя именно им общество «направляет» для анализа возник-

* Докторов Б. «В поисках Адресата»: вместо послесловия. В кн.: Алексеев А., Докторов Б. В поисках Адресата. Переписка двоих с постепенным расширением круга тем и участников (февраль – октябрь 2006 г.) [Электронный ресурс]. СПб-Foster City. 2012 <http://cdclv.unlv.edu/archives/correspondence/aa_bd_letters.pdf>.

шую внутри него проблему и никто кроме них не способен найти выходы из внутри научных тупиков.

Почему сегодня при изучении процессов постановки исследовательских задач и отыскании методов их решения историки науки часто обращаются не к опыту современных ученых, но к реалиям доинституциональной науки? В определенной степени это обусловлено тем, что во второй половине XVII – первой половине XVIII вв., когда закладывались основы математики, физики, механики, астрономии, научная коммуникация была прежде всего эпистолярной. Обращение к письмам Гука, Гюйгенса, Лейбница, Ньютона, Паскаля и других ученых того времени позволяет историкам не только анализировать состояние науки того времени, но проследить пути, которыми шли ученые [1].

Институализация науки, рост численности ученых, появление большого числа специальных журналов, становление практики проведения различного рода научных конференций изменили характер всей системы научной коммуникации. При этом эпистолярная форма общения между исследователями потеряла свое былое значение.

Естественно предположить, что активное освоение учеными всего мира электронной почты, а в последние годы – блогосферы породит новые традиции эпистолярной научной коммуникации. Мне не известны работы в этой области, однако легко допустить, что сетевое общение охватывает большое число исследователей и дает огромные возможности для обсуждения разного рода научных проблем. Изучение содержания такой переписки может дать ценную информацию для методологов и историков науки, для познания механизмов научного творчества.

Полагаю, что в советской / российской социологии личное письмо как метод распространения научной (социологической) информации и теоретико-эмпирических обобщений был внесен Андреем Алексеевым в начале 1980-х в его серии «Писем Любимым женщинам». Это были неформальные описания событий, происходивших в жизни рабочего-социолога, его наблюдений, его рефлексия и опыт саморефлексии. Они адресовались опытнейшим социологам и журналистам, которых Алексеев знал многие годы и которые понимали не только написанное, но и то, что он не мог написать, оберегая их и себя. Не случайно по завершении этого цикла он писал: «Мои письма – принадлежат вам. Но все же прошу вас: не выпускайте их за пределы круга ваших *личных друзей*» [2].

В свете сказанного не удивительно, что наша спонтанно начавшаяся переписка практически сразу превратилась, по словам Алексеева, в *эпистолярную хронику*. Так сложилось, что в течении последующих пяти лет весь материал существо-

вал лишь в его компьютере. Вместе с тем можно утверждать, что процесс обмена письмами, а позже и готовившимися для публикации статьями, стал стимулом для развития наших собственных исследований, проводившихся нами независимо друг от друга.

Алексеев в содружестве с киевским социологом Романом Ленчовским в 2008-2010 годах провел исследование ряда ценностно-профессиональных коллизий, протекавших: 1) в петербургском Социологическом институте РАН, 2) в российском социологическом сообществе в целом и 3) затрагивавших интересы значительной части населения Петербурга. Одним из главных информационных источников этого проекта стали письма многих социологов, вовлеченных в изучавшиеся конфликты. Итогом этой работы стал 4-томный труд «Профессия – социолог» [3].

В течении прошедших шести лет я продолжал разработку ряда аспектов проблематики, обсуждавшейся в переписке с Алексеевым 2006 года. Первое направление: историко-биографический анализ становления американской технологии проведения опросов общественного мнения. Результаты этих поисков отражены в трех книгах [4] и во многом стали отправными для движения вдоль второго направления – изучение современной истории советской/российской социологии. Эмпирической базой данного проекта являются около полусотни проведенных мною по электронной почте глубинных интервью с социологами разных поколений. Промежуточные историко-методологические выводы этого исследования отражены в десятках журнальных статей, в онлайн-книге, содержащей тексты всех интервью, и в монографических работах, готовящихся к изданию.

Трудно сказать, каково место нашей эпистолярной дискуссии, начавшейся в 2006 году, в том, как далее развивались исследования ее участников. Ведь они проводились нами и до обмена письмами и, можно утверждать, тем или иным образом продолжались бы и далее. Перечитав содержание переписки, я могу сказать, что она прежде всего убедила меня в главном, в перспективности изучения истории отечественной *социологии* в опоре на воспоминаниях российских *социологов*. Интуитивно, такой переход мне казался возможным и эвристически ценным еще в 2004-2005 годах, к тому же справедливость этого допущения подтверждался накапливавшимся опытом интервьюирования и анализа биографической информации. Но именно не ограниченный никакими рамками обмен мнениями с Алексеевым, подчеркну особо, *без оглядки на будущую публикацию* наших писем, стал для меня решающим в продолжении движения в этом направлении.

Я нахожу в переписке еще ряд методологических проблем, которые спонтанно возникали, но не получили обстоятельного рассмотрения. Теперь я понимаю, чем это было обусловлено. Тот формат переписки, о котором я говорю, во многих своих аспектах является *конспектом размышлений* «здесь и сейчас». Пишущий максимально раскрепощен, не задумывается об обосновании высказываемых положений, о соответствии их утверждениям, которые им формулировались ранее, минимально редактирует себя. Что-то из «проговоренного» затем – иногда сразу, иногда – через какое-то время додумывается и трансформируется в научный текст. Но что-то не запечатлевается в сознании, существует в нем «латентно» и в какой-то момент всплывает и воспринимается как нечто новое. Именно поэтому перечитывая старые записи, ученые нередко обнаруживают в них ростки тех идей, которые – казалось им – пришли к ним недавно. Более того, те старые, забытые формулировки были почти такими же, как те, которые человек нашел «недавно».

Я испытываю некий дискомфорт раскрывая *личную* переписку, хотя она содержит обсуждение научных, т.е. *внеличностных*, проблем. Невозможно предвидеть, как и кто ее воспримет, что будет искать за произнесенными словами и как будет додумывать произнесенное. Но пусть будет так, как будет.

Литература

1. Арнольд В.И. Гюйгенс и Барроу, Ньютон и Гук. Первые шаги математического анализа и теории катастроф, от эволюент до квазикристаллов. М.: Наука, 1989
2. Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауто-рефлексия: В 4 т. СПб.: Норма, 2003–2005; т. 1, с. 271.
3. Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог. Документы, наблюдения, рефлексии. 4 тома. СПб.: Норма, 2010.
4. Докторов Б.З. Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСП. 2008; Отцы-основатели. История изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования. 2006; Джордж Гэллуп. Биография и судьба. М.: Изд-во ООО «Полиграф – Информ». 2011.

СПРАВЕДЛИВА ПРОСТАЯ ФОРМУЛА: ОТ ВТОРОГО РОЖДЕНИЯ К ВОЗРОЖДЕНИЮ*

Во Введении к моей книге [1], озаглавленном «Как началось это исследование», написано, что непосредственным импульсом к изучению истории современной советской/российской социологии стала моя работа над статьей о жизни и исследованиях Б. А. Грушина [2]. То был июль—август 2004 г., сейчас – начало августа 2012 г. Таким образом, путь от, образно говоря, первой буквы этой книги до – в буквальном смысле – последней продолжался восемь лет. Многое сделано, но *важнейшим* я считаю около полусотни проведенных глубинных биографических интервью с представителями первых четырех поколений отечественных социологов (Докторов 2012, т. 2). Без этих бесед ничего бы не было. Они – эмпирический базис моих историко-научно-исследовательских размышлений и выводов; они составляют основное содержание книги, а также определяют ее жанр и стиль. Исходно я планировал провести несколько интервью с близкими мне коллегами, но на определенном этапе процесса общения с ними я начал слышать не только отдельные «голоса» собеседников, но явное давление всего « хора ». Становилось понятным, что эмпирический материал будет увеличиваться и усложняться и, соответственно, придется искать новые подходы к его анализу.

И где-то в этой точке исследовательского проекта поначалу смутно, а потом все отчетливее стала заявлять о себе идея существования *поколений* социологов; ее разработка давала надежду на синтетическое рассмотрение всей информации о возникновении в СССР социологической науки, постепенном формировании ее проблемного поля и методического арсенала и главное – появлении собственно социологов. Ибо в рамках поколенческого подхода удается отразить и зафиксировать то обстоятельство, что мотором, движущей силой становления и развития на рубеже 1950–1960-х гг. современной советской социологии была совсем небольшая группа молодых обществоведов, которые – и это явно был вызов консервативному кругу философов, идеологов – стали называть себя социологами. Институционально, формально эти новые исследователи общества не были связаны друг с другом. Их объединяли история, культура, все пережитое: война против фашизма, радость победы, атмосфера хрущёвской «оттепели», верность романтическим представлениям о Революции и Гражданской войне и, как следствие, – вера в возможность улучшения со-

* Докторов Б. Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2013, с. 491-495.

ветского общества и желание активно участвовать в этом процессе. В силу обстоятельств, не зависевших от этих ученых, они не могли продолжать того, что было сделано в дореволюционной российской социологии и советскими социологами, работавшими в 1920–1930-х гг.; в этом смысле не могло быть и речи о *преемственности*. Более того, они не искали опоры в прошлом или «печки для начала танца», да и многие инстанции как внутри науки, так и вне ее не одобрили бы заявлений о такой преемственности. В те годы спокойнее было оставаться «научной сиротой», чем иметь таких «предков».

Все сказанное было мной обобщено в виде утверждения о *втором рождении* советской/российской социологии. В начале, в 2007 г., мне самому оно казалось еретическим, но работа над книгой убедила меня в его справедливости. К тому же концепция второго рождения не противоречит заявлениям ряда ученых о *возрождении* российской социологии. На мой взгляд, справедлива простая логическая формула: от второго рождения к возрождению.

Многолетнее изучение специальной литературы позволяет говорить о разной степени присутствия ученого в историко-наукоеведческих исследованиях. Схематично *континуум присутствия* можно задать следующими шестью опорными «точками»: 1-я – «ученых нет», 2-я – «присутствуют лишь их фамилии», 3-я – «есть годы жизни ученых и нечто абстрактно-минимальное об их жизни», 4-я – «дано одномерное (профессиональное) представление», 5-я – «личностные и профессиональные атрибуты ученого рассматриваются как некий комплекс» и, наконец, 6-я – «объемное личностно-профессиональное представление ученого в контексте эпохи и научного сообщества»

Первые два (1 и 2) «фактически безлюдных» случая характерны для исторических исследований «чисто» институционального плана и работ, фокусированных на изучении макротрендов научных идей или методов. Соответственно, исследования этого типа и разработка проблем биографического анализа оказываются в разных семантических пространствах и не пересекаются. В двух следующих типах (3 и 4) историко-наукоеведческих исследований используются некоторые данные о жизни и творчестве ученых. Однако этот материал в основном имеет иллюстративное (на)значение и программы подобных проектов не включают в себя проведение собственных биографических поисков.

Исследования, в которых характер присутствия ученых отвечает «точкам» 5 и 6 на указанном континууме, можно классифицировать как биографоцентричные историко-наукоеведческие. В них ученые присутствуют в *двух* ипостасях: как

участники процесса развития науки и как наблюдатели всего происходящего в науке. История науки – в этом случае – пишется вместе с теми и от лица тех, кто ее создает.

Границу между этими двумя типами поисковых проектов провести непросто, но различие в них есть. Очевидно, что стремление к объемному личностно-профессиональному представлению ученых в контексте эпохи и научного сообщества (6) прежде всего распространяется на исследователей, добившихся крупных результатов, опубликовавших множество работ, воспитавших большое число своих последователей. Здесь историко-биографический анализ сконцентрирован на личности и на ее ближайшем окружении и портрет ученого строится на основе историко-культурологических методов и достижений в области психологии креативных процессов.

Исследование, результаты которого отражены в этой книге, я помещаю в сферу, окружающую «точку» 5 континуума присутствия. В проведенном анализе обнаруживается «портретная» (индивидуально-личностная) направленность, но не она – главная. Доминирует поколенческий подход, т. е. *социологический*. Укажу ряд отличительных свойств, генетически присущих ему в силу специфики анализируемого объекта – значительного числа специалистов одной профессии.

Первое свойство: настоящий подход позволяет выявить общее и специфическое в процессе *формирования* поколенческих общностей. **Второе:** воспоминания моих собеседников открыли некоторые типичные для разных поколений *пути*, по которым люди приходили в социологию. Замечу, что другие типы историко-научоведческих исследований не только не позволяют осветить эти темы, принципиальные для понимания становления социологии в стране, – они их просто не «замечают». **Третье:** исследование поколений социологов обнаруживает новую историко-научоведческую проблематику – *функции*, или *сферы ответственности поколений*, в общем для всех деле развития социологии. **Четвертое свойство** исследования, апеллирующего к поколениям, – это принципиальная возможность построения разветвленных внутринаучных *коммуникационных* сетей и перехода к изучению *преемственности*. Еще одно, **пятое свойство** – очевидно, но я его все же отмечу: анализ поколений прежде всего фокусирован на изучение выше упомянутого *хора*, но и голоса *солистов* он отчетливо различает.

Определенные грани данной тематики рассмотрены в книге, тем не менее на все изложенное здесь я смотрю как на самые первые шаги в обосновании методологии биографоцентричной парадигмы, разрабатываемой в целях исследования прошлого современной советской/российской социологии. Биографичес-

кие материалы, собранные под руководством Г. С. Батыгина [3] (Российская социология шестидесятых 1999), и интервью, проведенные в рамках настоящего проекта, создают основательную перспективу для многоаспектного анализа становления функций *двух первых* поколений социологов и исследования творческого наследия ряда представителей этих профессиональных когорт. Что касается жизненных траекторий и научной деятельности социологов *третьего* и *четвертого* поколения, то раньше они никогда не были предметом историко-методологического анализа.

В проведенном исследовании дано множество ответов на вопросы, уже около двух десятилетий обсуждаемые историками российской социологии, и рассмотрены новые темы, не поднимавшиеся в специальной литературе. Но есть серия принципиальнейших вопросов, которые стали остро заявлять о себе лишь два-три года назад и на которые я уже не мог реагировать, серьезно не меняя программу и график исследования.

В 2004 году, когда исследование только задумывалось, мне казалось, что представителей *пятого* (1959–1970 гг. р.) поколения социологов рано интервьюировать для исследования исторической направленности. Их возраст заключался в интервале от 34 до 45 лет, они обладали серьезным исследовательским опытом, некоторые уже имели научные степени и ученые звания, но все же их положение в профессиональном сообществе лишь определялось. Еще большие сомнения у меня были относительно бесед с *шестой* возрастной когортой исследователей (1971–1982 гг. р.), тем более что младшие из них (22 года) лишь завершали свое профессиональное обучение. Было еще одно – внутреннее – препятствие на пути к представителям этих двух поколений: уехал из России в 1994 г. и практически никого из них не знал. Я отчетливо понимал невозможность задавать им вопросы, с которыми обращался к социологам первых четырех поколений, но и не знал, как строить разговор с ними. Прошло восемь лет, младшим из пятого поколения уже за сорок, а старшие уже отметили свой полувековой юбилей. Многие определились даже в жизни младших представителей шестого поколения. Таким образом, появились все основания для изучения их биографий.

Анализ этих двух профессионально-возрастных структур имеет самостоятельную цель, *процессный* характер поколенческого подхода не предполагает остановки на сделанном. Но сейчас я хотел бы обратить внимание на то расширение исторических изысканий, которое *автоматически* следует за включением в исследовательскую программу в качестве объектов наблюдения двух новых поколений социологов.

Представители первых четырех формировались и работали сначала в СССР, потом – в России и поэтому являются как советскими, так и российскими социологами. В 1985 году, на старте перестройки, младшим из пятого поколения социологов было 15 лет, они еще учились в школе; самые старшие, им было 26 лет, лишь недавно получили высшее образование и (некоторые из них) начинали свою социологическую карьеру. Но их вхождение в социологию протекало в абсолютно иных социально-политических условиях: уже не застой, но гласность и первые шаги к рыночной экономике. Старшие из шестого поколения входили в социологию в эпоху Ельцина, младшие – уже при Путине. Эти два поколения – *качественно* иные, чем четыре предыдущих. Они – *первые постсоветские* социологи.

В октябре 2008 г. в связи с 50-летием советской/российской социологии в Москве состоялся III Всероссийский социологический конгресс. Встреча социологов была задумана его организаторами и как юбилейное мероприятие, и как площадка для рассказа о сделанном, и для свободного обсуждения специалистами интересующих их проблем. Все это было. Но для меня особо ценным стало то, что отметить полувековой юбилей вместе собрались и те, кто дал российской социологии ее второе рождение, и те, для кого совсем недалекий по историческим меркам советский этап российской социологии представляется далеким и малознакомым. Я знаю, насколько важно для новых поколений социологов увидеть тех, с чьими именами они были ранее знакомы лишь по учебникам и давно ставшим классическими публикациям. Для людей, серьезно относящихся к науке, к своему делу, такие встречи – как бы коротки они ни были – остаются памятными на всю жизнь и часто становятся определяющими в их судьбе.

...Представим, что осенью 2058 г. в Москве состоится Всероссийский социологический конгресс, приуроченный к 100-летию современной российской социологии. Легко понять, что в его работе не будет участвовать социологи первых четырех поколений, ибо самому младшему из них (см. гл. 4, табл. 2) именно в том году должно будет исполниться сто лет. Возможным, но проблематичным представляется участие в этом форуме и «посланцев» пятой профессиональной когорты; ибо никто из них не будет моложе 88 лет. А вот шестое поколение социологов на том юбилее отечественной социологии станет весьма заметным – ведь возраст половины из них будет составлять от 76 лет до 81 года. Особое положение данной когорты на том конгрессе определится тем, что их рассказы о социологах первых поколений будут основаны на личных впечатлениях

и на том понимании прошлого, которое дает людям их жизненный и профессиональный опыт. И говорить они будут о необходимости сохранения и развития к тому времени уже вековых традиций отечественной социологии.

Примечания

1. Докторов Б. Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2013.
2. Настоящее издание. Том 3, с. 22-60 <http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/Publications/tom_3_1_2.pdf>
3. Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В РОССИИ*

Почти забытое начало: Франц фон Гольцендорф, лорд Джеймс Брайс

История теоретических и прикладных исследований общественного мнения в России изучена крайне поверхностно, фрагментарно, но ясно одно: русские ученые давно стали приглядываться к тому, что делалось в Европе и США в этой области обществоведения. И это были не сугубо академические соображения, а самые общие обоснования (будущих) либеральных политических, социально-экономических преобразований в стране. Не находя многого дома, они ездили за границу, учились там, работали в университетских центрах, переводили на русский язык наиболее серьезные книги зарубежных ученых.

В историко-научных исследованиях рискованно называть что-либо или кого-либо «первым», но похоже, что книга немецкого криминолога Франца фон Гольцендорфа “Wesen und Werk der öffentlichen Meinung”, опубликованная в Германии в 1880 г. и уже через год вышедшая в России под названием «Роль общественного мнения в государственной жизни» [1], является одной из самых ранних работ, знакомивших русского читателя с современным взглядом на общественное мнение. Хотя ссылка на эту книгу можно обнаружить в некоторых списках литературы для студентов, изучающих общественное мнение, трудно представить, чтобы до недавнего времени ее активно читали; с содержанием работы можно было ознакомиться лишь в крупных книгохранилищах. Но в начале 2013 г. она была выложена в Интернете**.

Автор книги Франц фон Гольцендорф (Joachim Wilhelm Franz Philipp von Holtzendorff, 1829–1889) принадлежал к старому дворянскому роду, получил образование в университетах Бонна, Гейдельберга и Берлина. В нем всегда сохранялся дух Революции 1848 г., и на протяжении всей жизни он оставался активным сторонником политического либерализма. Последние 19 лет жизни он был профессором Мюнхенского университета, читал различные курсы, но на-

* Докторов Б. З. Лекции по истории изучения общественного мнения: США и Россия: учебное пособие. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 156-178. <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=340>>.

** Благодарю Ф.Э. Шереги, руководителя Центра социального прогнозирования и маркетинга, при активном содействии которого это было сделано.

большую известность имел как криминолог и специалист по международному праву.

По крайней мере, два обстоятельства позволяют назвать книгу Гольцендорфа со 130-летней историей *современной*.

Первое, это ее содержание. В ней рассмотрены темы, остающиеся актуальными и в наше время: природа общественного мнения, формы его функционирования в различных общественных формациях, механизмы образования общественного мнения, влияние на него прессы и место общественного мнения в политике государства. Замечу, что трактовка обсуждаемых вопросов во многих случаях не вызывает серьезного возражения со стороны современных исследователей общественного мнения. Второе, – сочетание научности и общественной страстности в толковании общественного мнения. Следует помнить, что работа писалась во времена иного, чем сейчас, представления о строгости анализа мира социальных отношений и в условиях не современной западно-европейской демократии, а в период Германской империи.

Необходимо назвать также переводчика книги и автора «Предупреждения», это – Николай Федорович Анненский (1843–1912), оставивший заметный след в российской истории как ученый и литератор. К тому же он известен своими прикладными статистическими исследованиями и признается создателем школы нижегородской земской статистики. На протяжении многих лет Анненский активно участвовал в народническом движении, был членом многих оппозиционных организаций и обществ, входил в совет Вольно-экономического общества. Хотелось бы обратить внимание на два момента в предисловии Анненского. Во-первых, он объясняет, что книга была предложена русской публике, поскольку Гольцендорф пользуется заслуженным авторитетом в области государственного управления, и его книга имеет «несомненный и жизненный интерес». Во-вторых, Анненский сообщает, что в переводе есть некоторые сокращения. Скорее всего, имея в виду деятельность русской прессы в условиях жесткой цензуры того времени, он писал: «жалобы на опасности от “чрезмерного влияния” ежедневной прессы на государственную жизнь в книге, адресованной к русской публике, были бы уже слишком похожи на иронию» [1, Предупреждение, с. 2].

О несомненном интересе к проблематике общественного мнения в либеральных кругах российского общества свидетельствует не только факт быстрого перевода и публикации книги Гольцендорфа, но и то, что в 1895 г. эта книга под названием «Общественное мнение» [2] вышла в новом переводе, более того, переиздавалась еще дважды, в 1896 и 1899 гг.

Перевод был выполнен Николаем Осиповичем Бером (1866–?), имевшим юридическое образование и специализировавшимся в переводе книг по истории и праву.

К сожалению, в книге 1895 г. нет введения или предисловия, объясняющих причины, в силу которых было решено опубликовать книгу Гольцендорфа в новом переводе. Я связываю это с тем, что в новых социально-политических условиях оказалось возможным издать книгу без купюр. Сопоставление «старого» и «нового» переводов показывает, что сокращения – конечно же, вынужденные, – осуществленные Анненским, сделали издание 1881 г. заметно отличным от оригинала. Похоже, что над книгой Гольцендорфа Анненский работал в Тобольской губернии, куда в мае 1880 г. он был препровожден по этапу в силу его политической неблагонадежности. Он находился там до конца февраля 1881 г. А на обороте титульного листа переведенной книги указано: «Дозволено ценз. СПб. 13 февраля 1881 г.».

Замечу, что в российских исследованиях общественного мнения мог быть не только яркий «немецкий след», но и англо-американский. В Лекции 1 рассказывалось о значительном влиянии идей лорда Джеймса Брайса на становление гэллэповской философии изучения общественного мнения, речь шла о его книге об американской системе власти, вышедшей в Англии в декабре 1888 г. Траектории развития науки дают нам много интересного для исторических исследований, для понимания внутри и междисциплинарных миграций различных идей и методов. В частности, важно понять, какие события, обстоятельства привели к тому, что в 1889 г., т.е. через год после своего рождения в России вышел перевод первого тома, а еще через год издание «Американской республики» было завершено полностью [3]. Каким образом эта фундаментальная историко-политологическая работа была отображена для перевода, сегодня не известно.

Логично было допустить, что инициатива издания Брайса шла от политических философов, государствоведов, журналистов, разделявших идеи прогрессивной интеллигенции и устремления земских статистиков. Подобная гипотеза базируется на общих соображениях историко-социологического характера, ибо известно, что в конце XIX в. русские экономисты, статистики, политические философы активно осваивали достижения европейских ученых, интересовались проблемами развития американского общества и вполне могли обратить внимание на работу Брайса.

Такие люди, несомненно, были в кругу издателя книги Кузьмы Терентьевича Солдатенкова (1818–1901), известного

просветителя и мецената. Он издавал не только широко читавшихся русских писателей, например, Д.В. Григоровича, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, А.А. Фета, В.О. Ключевского, но и западные сочинения по истории и культуре.

Вполне естественно предположить, что инициатором перевода книги Брайса был ее переводчик Василий Николаевич Неведомский (1828–1899). Он происходил из литературной семьи, служил чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе, обер-секретарем в Сенате, Департаменте государственных имуществ, в 1872 г. он стал сотрудником «Русских ведомостей», а последние двадцать лет жизни занимался исключительно переводами английских и немецких историков. Знакомство В.Н. Неведомского с либеральными социальными учеными и их идеями легко объясняется характером, направленностью «Русских ведомостей», и иногда это издание иронично называли «профессорской» газетой из-за большого количества ученых, печатавшихся на ее страницах. Поскольку во второй половине 1880-х гг. Неведомский перевел на русский язык ряд солидных исторических исследований, и в частности, несколько томов Теодора Моммзена по римской истории, он не мог не знать историко-политологических работ Брайса. Ведь среди них важное место занимал его труд по истории Римской империи [4].

Вообще Брайс был связан с Россией огромным числом нитей. Поздним летом 1876 г. он впервые побывал в России, посетил Петербург, Москву и Нижний Новгород, добрался по Волге до Казани и Саратова, затем был в Тифлисе, Эриване и во многих других местах Кавказа. Может быть, тогда Брайс познакомился с кем-либо из либеральных российских экономистов, историков, журналистов? Может быть, с Неведомским? Добавлю, в декабре 1910 г. Брайс был избран член-корреспондентом Российской Императорской Академии Наук по историко-филологическому отделению.

Если мы действительно стремимся к познанию истории исследований общественного мнения в России, нам не уйти от изучения политической, социально-экономической, нравственной, культурной атмосферы российского общества на рубеже XIX–XX вв., также как невозможно не попытаться узнать, кто конкретно, какие ученые, журналисты, общественные деятели были причастны к освоению нового для того времени феномена – общественное мнение, хотя сам этот термин существовал в русском языке и раньше. Так, при анализе политического мировоззрения А.С. Пушкина русский философ С.Л. Франк цитирует его письмо к П.Я. Чаадаеву от октября 1836 г. Пушкин говорит, что в современном ему обществе «от-

существует общественное мнение, и господствует равнодушие к долгу, справедливости, праву, истине...» [5].

В Лекции 1 было показано, что, несмотря на успехи ряда весьма опытных исследователей в анализе потребительских установок, до середины 1930-х гг. в США не могло начаться научно-обоснованное изучение общенационального электората и регулярное выборочное зондирование общественного мнения населения. В России в последние два десятилетия XIX века постепенно складывалось научное сообщество, готовое к анализу общественного мнения: эти люди разделяли либеральные, народнические идеи, они были знакомы с теоретическими работами западных ученых по данной тематике и хорошо ориентировались в области статистического анализа. К примеру, именно таким был Н.Ф. Анненский. Но мало правдоподобно, чтобы этот высокий гражданский и научный потенциал мог бы реализоваться в то время и до начала Первой мировой войны. Ни население, ни властная элита, ни бизнес не могли сформулировать перед наукой подобного требования. Потом – Революция, Гражданская война и военный коммунизм, тоже не лучшее время для опросов населения и разработки феноменологии общественного мнения.

К концу 1920-х гг. многие философы, психологи, юристы, статистики, начинавшие свои исследования в дореволюционное время, в силу разных причин отошли от активной научной деятельности, были лишены возможности преподавать. Но все же какая-то преемственность между старыми и новыми поколениями ученых сохранялась. Может быть, именно это помогло недавнему выпускнику Коммунистического института журналистики в Москве Владимиру Александровичу Кузьмичеву (1903-1994) написать и издать в 1929 году книгу по теории общественного мнения [6]. Она заслуженно признается одной из первых советских монографий по рассматриваемому предмету и часто цитируется в историко-социологических исследованиях*. Но с точки зрения истории науки представляется интересным изучить, была ли известна Кузьмичеву книга Гольцендорфа и в какой мере она повлияла на его собственные теоретические поиски.

* Личный фонд В.А. Кузьмичева хранится в Центре документации новейшей истории Томской области. Я благодарен тюменскому социологу, доценту Шамилю Фарахутдинову за помощь в получении базовой информации о содержании этого фонда.

СССР и США: разные страны, но сходные начала практики опросов

Общеизвестно, что Россия, россияне плохо знают свое прошлое, и далекое, и недавнее. Это относится и к стране, и к населению, и к индивиду. На протяжении десятилетий в стране немало делалось для того, чтобы вырвать или испортить многие страницы книги прошлого; население получало и продолжает получать идеологизированный, с разрывами, пустотами рассказ о былом, многие люди знают поверхностно или не знают вообще историю своей семьи. Не буду останавливаться на причинах подобного явления, они многочисленны и разноприродны, но отмечу, что и в коллективной памяти нашего профессионального сообщества – социологов, полстеров – существует огромное число «белых пятен», мифов, табу. Со временем какие-то из этих «пятен» будут ликвидированы (т.е. прошлое приоткроется), мифы – разрушены, а табу – преодолены. Но сейчас мне хотелось бы обозначить детерминанты, обстоятельства, которые определили характер – во многом уникальный – истории изучения общественного мнения в России.

Как показано в предыдущих лекциях, в Америке исследования общественного мнения зародились на стыке маркетинговых исследований и журналистики. Может показаться, что это обстоятельство – не более чем локальный, хронологически удаленный и особняком расположенный факт истории науки. В действительности, это важнейший практико-организационный момент, многое объясняющий в происшедшем, происходящем и в том, что будет происходить. Рождение опросов общественного мнения именно в указанной нише *детерминировало* тогда и навсегда механизм их финансирования и их место в политической культуре общества. Если совсем коротко, то опросы в США сразу оказались *отделенными* от государства.

Так, идею Гэллапа о проведении выборочных опросов поддержали столпы газетной индустрии: издатель “Washington Post” Юджин Мейер (Eugene Meyer) и владелец “New York Herald Tribune” Элизабет Рид (Elizabeth Reid). Кроссли нашел понимание в херстовском прессовом концерне «King Features Syndicat». Заказчиком Роупера, отмечалось выше, был журнал “Fortune”. И в настоящее время проведение опросов общественного мнения в США финансируется общенациональными и региональными телевизионными корпорациями, прессой, крупным бизнесом, независимыми фондами, университетами, ведущими американскими партиями.

Приведу историю, показывающую, что даже исследования для руководства страны финансировались не государством, а частным бизнесом.

Известно, что поводом для вступления США во Вторую мировую войну послужила атака японских самолетов и авианосцев базы американского флота Пирл-Харбор, произошедшая 7 декабря 1941 г. Вскоре после этого, вспоминал Хэдли Кэнтрил, ему позвонил его сосед по Принстону, которого он никогда не встречал: то был Джерард Ламберт (Gerard Lambert). Он получил образование в Принстоне и Колумбийском университете, служил в армии в годы Первой мировой войны, и в 1921 году начал работать в фирме своего отца, одного из изобретателей известного антисептика «листерин». В 1922 г. Ламберт открыл рекламное агентство в Нью-Йорке и увеличил доходы фирмы по выпуску листерина в 60 раз.

В 1936 г. в Принстоне при поддержке Фонда Рокфеллера Кэнтрил создал свою аналитическую структуру – Бюро по изучению общественного мнения (Office of Public Opinion Research, или OPOR). В 1940 г., когда война в Европе прогрессировала и все очевиднее становился факт участия Америки в ней, изучение отношения американцев к войне стало одним из центральных в деятельности OPOR.

Кэнтрил и Ламберт встретились; беседа началась утром и завершилась ужином в доме Ламберта. Он сказал Кэнтрилу, что готов помочь в работе для президента любыми способами: участием в выработке идей, в написании отчетов, в финансировании. До того момента Институт Гэллага на договорной основе проводил сбор информации для OPOR. Ламберт предложил создать собственную систему общенациональных опросов, сопоставимую с гэллаговской. В начале 1942 г. такая структура была создана.

Ежемесячно Кэнтрил высылал в офис Ламберта в Нью-Йорке отчет о затратах на исследование, и оттуда приходил чек на оплату. Не было никаких ограничений на затраты, проводились все исследования, которые, по мнению Кэнтрила и Ламберта, были полезны Белому дому или заказывались им.

Федеральные и региональные властные институты: президент, губернаторы штатов и их администрация, законодательные структуры, политики, бизнес, средства массовой информации, сами полстеры вырабатывали правила использования получаемой информации, методологи разрабатывали стандарты качества данных, журналисты и аналитики заботились о требованиях к публикациям распределений мнений. Никакого единого органа по координации деятельности участников всех этих процессов не было.

Не иначе чем чудом является то, что Б.А. Грушин (см. ниже) начал свои опросы, рассматривая их как новый инструмент прессы, особый канал связи с читателями. Атмосфера политической оттепели, особый дух, существовавший в редакции «Комсомольской правды», настрой газеты на расширение форм общения с молодежью, харизматичность Грушина позволили им найти, пусть не надолго, простой и эффективный (и даже эффектный для той эпохи) путь к изучению общественного мнения: прямой контакт с аудиторией, позже – с населением, выявление мнений, суждений, предложений и оглашение результатов. Много лет спустя я спрашивал Грушина, хотя его ответ было легко предположить, знал ли он, начиная опросы, опыт Гэллапа или каких либо других американских или европейских полстеров. Нет, ни он, ни кто-либо другой в редакции газеты ничего об опросах на Западе не знали.

В чем же дело, почему, несмотря на отсутствие в СССР независимой от государства прессы, свободного рынка и информации о том, как сложилась и функционирует практика изучения мнений населения за рубежом, группе журналистов-«шестидесятников» удалось *самостоятельно открыть* – не повторить, не воспроизвести – систему организации опросов населения, родственную той, что в середине 1930-х гг. начала складываться в США? Представляется, что история и социология науки подводят к однозначному ответу: эта система – *естественная*, т.е. отвечающая *природе* общественного мнения, его социальным функциям. Как элемент демократии, общественное мнение имеет право на сотрудничество с государством, и средства массовой информации – мощнейший, ведущий социальный институт, обладающий возможностями для поддержания, оптимизации этого сотрудничества.

Затухание потенциала хрущевской «оттепели», проявившейся в некотором ослаблении государственного давления на общество и средства массовой информации, а также активизации публичных обсуждений большого числа актуальных для населения вопросов, моментально сказалось на организации и характере изучения общественного мнения. Властные, прежде всего, идеологические структуры стали направлять, контролировать, решать вопросы финансирования опросов, подбора кадров, организации полевых работ. Они, их отношение к общественному мнению *детерминировали* развитие всей рассматриваемой исследовательской области.

Борис Грушин. Человек идеалов и идей

Борис Андреевич Грушин (1929–2007) входит в узкую группу исследователей, с полным правом называемых основателями советской теоретико-эмпирической социологии. Суть творчества Грушина и уникальность его вклада в социологию заключается в триединстве его деятельности.

Во-первых, Грушин – философ и методолог социологии, значительно углубившей понятийный язык этой науки, а также наше понимание природы массового сознания и многих других форм мышления и поведения масс. Кроме того, им существенно развиты общие принципы построения социологических теорий среднего уровня. Во-вторых, Грушин – исследователь различных социальных институтов и массовых форм жизнедеятельности общества: массовое сознание, общественное мнение, идеологические процессы, функционирование средств массовой информации, политические процессы. В-третьих, Грушин – один из немногих социологов, долгие годы целенаправленно и успешно занимавшихся разработкой методов и процедур сбора и анализа эмпирической информации. Им самим и его учениками создано множество «жестких» и «мягких» приемов измерения мнения населения, предложены сотни формулировок вопросов, измеряющих отношение людей к различным социальным явлениям и процессам. Грушиным введен в научный обиход огромный массив информации об общественном мнении и других фракциях, состояниях массового сознания.

Хотя я следил за работами Грушина с конца 1960-х гг., познакомились мы лишь в апреле 1985 г.: он был моим оппонентом на защите докторской диссертации. Через несколько лет, оставаясь сотрудником Института социально-экономических проблем АН СССР в Ленинграде, я стал работать в создававшемся тогда в Москве Всесоюзном центре изучения общественного мнения (ВЦИОМ), где он был первым заместителем директора. Мои встречи с ним стали частыми, и наши отношения, минуя фазу «начальник-подчиненный», приобрели неформальный характер. В 1989 г. Грушин ушел из ВЦИОМа, но наше общение продолжалось. Оно сохранилось и после моего отъезда в Америку. Так что мой рассказ о Грушине-исследователе базируется не только на его работах и выступлениях в печати, но пронизан моим собственным отношением к этому уникальному человеку.

Сын Джорджа Гэллапа, подобно отцу, многие годы своей жизни отдавший изучению общественного мнения, сказал о нем: «Он был человеком идей...» и добавил: «... и идеалов»

[7]. Гэллапом была в деталях разработана и выверена на практике схема изучения общественного мнения населения огромной и весьма сложной в социокультурном отношении страны. Проведены тысячи опросов и сформулированы десятки тысяч вопросов, многие из которых без изменений используются свыше полувека. Но при этом Гэллап был романтиком. Многие из его современников считали, что он переоценивал способность населения адекватно понимать происходящее и разумно судить о политике. Однако, будучи представителем десятого поколения американцев, Гэллап рано осознал свою связь с прошлым. Он ощущал свое предназначение, слышал зов судьбы и вызовы времени и называл себя апостолом демократии.

Мне посчастливилось в том, что мои первые опыты анализа биографии и деятельности Грушина были опубликованы при его жизни, и я мог обсудить их с ним [8]. При нашей последней встрече в феврале 2007 г. я рассказал Грушину о соотношении идей и идеалов в творчестве Гэллапа и отметил, что собираюсь продолжить изучение жизни и дела Грушина в рамках этих понятий. И добавил, что применительно к нему буду говорить прежде об идеалах и затем – об идеях. В моем понимании лишь идеалист, мечтатель был способен начать опросы общественного мнения в СССР в 1960-х гг., бороться за их проведение, рисковать и жертвовать многим, носиться, как говорили о Грушине его друзья, с такой «идеей-фикусом».

Но и идей у Грушина было множество. Его креативность видна во всех его делах: в творчестве теоретика и методолога, методиста и организатора крупнейших социологических проектов.

На мой взгляд, Грушин не был ни «красным», ни «белым», ни левым, ни правым, ни либералом, ни консерватором, ни русофилом, ни западником, ни пессимистом, ни оптимистом. Он старался быть совершенно свободным, у него была своя цель в жизни и своя дорога. Грушин никогда не включался ни в какие политические сюжеты – даже если речь шла о Сахарове или об «уходе» в диссиденты. Когда ему предлагали это, он отвечал, что у него «есть работа на собственном поле».

Грушин родился в Москве, и в 1947 году, после окончания школы с золотой медалью, знакомый с работами Гегеля и Фейербаха, он поступил на философский факультет Московского университета, хотел заниматься этикой и эстетикой по Чернышевскому. Он «..был одержим проблемами морали и шел туда, чтобы улучшить свое поколение»...

Университетские годы Грушина прошли в напряженных философских дискуссиях внутри дружеского объединения, известного как «Московский логический кружок» (МЛК), возникшего в начале 1950-х гг. Его основателями, помимо

Грушина, были еще три человека, каждый из которых внес значительный вклад в науку, философскую культуру и нравственный климат советского общества: Александр Александрович Зиновьев (1922–2006), Георгий Петрович Щедровицкий (1929–1994) и Мераб Константинович Мамардашвили (1930–1990). Участники МЛК называли себя диалектическими станковистами, или «диастанкурами». Мамардашвили объяснял происхождение этого названия так: «Издеваясь над приспособленческим искусством – “реалистическим”... где фактом нового искусства считалось само изображение новых людей, то есть партийных руководителей района и всей страны, когда портреты выполнялись в гайках, сеном... есть смешная картинка такого наблюдения у Ильфа и Петрова. Они назвали подобных “художников” диалектическими станковистами – диастанкурами! Вот в этом смысле, плюс внутренняя аллитерация, мы и были четырьмя диастанкурами...скажем так» [9].

В 1952 г. Грушин с красным дипломом окончил МГУ и в аспирантуре начал разрабатывать тему «Приемы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития». Защищать свою трактовку соотношения логического и исторического ему пришлось дважды на заседаниях ученых советов и третий раз – в 1958 г. – на экспертном совете ВАКа. Через несколько лет диссертация была опубликована в виде монографии [10].

После провала защиты диссертации у завершившего обучение в аспирантуре Грушина наступило трудное время. Диастанкуры считались ярко выраженными антимарксистами, и действовало правило «волчьего билета», закрывавшее перед Грушиным возможность найти работу по специальности. После массы неудач случайно в 1956 г. он был принят в «Комсомольскую правду» литсотрудником отдела пропаганды.

Институт общественного мнения «Комсомольской правды» возник в мае 1960 г., и Грушин стал его руководителем. Первый опрос был проведен 10–14 мая 1960 г. в преддверии несостоявшегося Парижского совещания глав правительств СССР, США, Франции и Англии и всего через две недели после того, как на Урале был сбит американский самолет-разведчик и пленен пилот Пауэрс. Тема опроса «Удастся ли человечеству предотвратить мировую войну?» была весьма актуальной, но напрямую не связанной с первомайским инцидентом.

Через 40 лет после тех событий Грушин вспоминал: «Помню, мы просидели всю ночь в кабинете главного редактора, ожидая, как новшество будет принято ЦК КПСС. Рано утром позвонили от “первого” и сообщили: “Никита Сергеевич, которому показали свежий номер, сказал: “Прекрасно”. Поздравляем с большим успехом”. На следующий же день газета

“Правда” (получить похвалу от которой было совершенно невозможно) в коротенькой заметке “Из последней почты” оказала нам полную поддержку, и мы торжествовали победу. Эта победа стала еще большей после того, как началось просто буйство в западной прессе по поводу того, что в Советском Союзе открыт Институт общественного мнения» [11, с. 209].

Могли ли абстрактные философские исследования Грушина позже подвести, подготовить его к социологическим исследованиям массового сознания? Думается, что да; просматривается достаточно простая логическая цепочка: разрешая себе быть свободным в своих теоретических суждениях, Грушин не мог не подойти и к признанию свободы для людей с улицы воспринимать мир и высказывать свои суждения о нем. Настоящая философия – социальна и моральна, и Грушин воспринял ее ядро.

Выше было показано, что рождение в США научных опросов общественного мнения было подготовлено развитием свободного рынка, независимой прессы, многодесятилетней практикой соломенных опросов избирателей. Ничего подобного для возникновения практики зондирования мнений населения СССР в 1960-е гг. не существовало. Вместо выборов – голосование за одного кандидата, выдвигавшегося государством. Одна партия. Государственные средства массовой информации и идеологическая цензура. Плановая экономика, в которой не потребитель – король, но директивные органы. Психометрика и другие области психологии, а также социология были разгромлены в стране в 1930-е гг., и никакой непрерывности в развитии наук о человеке не было.

Рассматривая творчество и траекторию жизни Грушина, приходишь к выводу о том, что важнейшим стимулом его деятельности были идеалы свободы, уверенность в том, что власти обязаны слышать и слушать мнения людей. Потому важно понять, откуда все это возникло в человеке, родившемся через 12 лет после Октябрьской революции и воспитывавшемся в годы почти тотального подавления личности.

Конечно, это жизнь в атмосфере политической «оттепели», это работа в редакции «Комсомольской правды», знание классических трудов по философии. Но этого недостаточно для объяснения грушинского «куража», его многолетней заряженности на изучение мнений населения. Нечто иное должно было сформировать в Грушине некую глубинную установку, позволившую ему в письмах читателей «Комсомолки» увидеть «знак судьбы» – заказ на изучение общественного мнения.

Здесь мне представляется важным указать тему, которая не обсуждается в работах по истории послевоенной российской социологии, но развитие которой может серьезно углубить

понимание генезиса нашей науки и характера деятельности ряда социологов. Речь идет о поиске механизмов и определении масштабов влияния на становление социологии элементов неофициальной, самиздатовской, андеграундной, смеховой культуры 1950–1970-х гг. Имеющиеся в моем распоряжении материалы свыше полусотни глубинных интервью с советскими/российскими социологами позволяют привести массу примеров их погруженности в различные ниши неформальной культуры и контркультуры.

Многое в профессиональной и общей культуре Грушина обусловлено его погруженностью в «пивной» и «банный» мир Москвы. Грушин писал, что в студенческие годы диастанкуры постоянно посещали пивные, где вели непрекращающиеся споры о философии. Существенно замечание Мамардашвили: «Наша общность возникла по гусарским <...> каналам. Какая-то струйка свободы продолжалась, ее нельзя было до конца истребить, так же как нельзя до конца истребить жизнь. И существование этой внутренней независимости выражалось, в частности, походами – не попойками, <...> по Москве большими компаниями молодежи, она липла к нам, и это было спонтанным возобновлением прежних студенческих вольных форм общения» [12]. В середине 1990-х гг. Грушин отметит, что такие прогулки и беседы не были безопасны, и вспомнит слова Мамардашвили: «...мы все ходили по краю бездны» [11, с. 207].

Пройдут годы, и Грушин напишет любимую им, но редко называемую в материалах о нем, книгу «In pivo veritas» (Истина в пиве), в которой он проявил себя одновременно и как исследователь массового сознания, и как истинный любитель и уникальный знаток пива и пивной культуры [13]. Живя несколько лет в Праге и выучив чешский язык, Грушин сделал карту города, нанес на нее все пивные, посетил их и по специальной методике описал. Он собрал богатейшую коллекцию сентенций, афоризмов, высказываний о пиве. Книга – это уникальная работа по классификации фольклорных текстов и гимн пиву.

Не останавливаясь на изложении теории диалога различных культурных миров внутри личности, можно утверждать, что профессиональное сознание Грушина-социолога вмещало очень многое из городской смеховой культуры его времени (самодельная и бардовская песня, анекдоты, кинокомедии, выступления сатириков), которая несла в себе антисоветский потенциал. На факультете журналистики МГУ Грушин в течение четырех лет вел семинар по анализу текстов массового сознания. Анализировались стихи В. Высоцкого, песни А. Пугачевой, сочинения М. Жванецкого, Д. Хармса. Грушиным

было выделено 27 типов «текстов», позволяющих проследить менталитет народа.

Грушинское обозначение постперестроечного периода как «социотрясения», его характеристика массового сознания россиян в начале XX в. как «шизофренического», название его передачи на «Радио “Свобода”» – «Общество имени Кафки Корчагина», заголовок статьи – «Ученый совет при Чингисхане» – это не только итоги многолетних научных наблюдений за динамикой социальных процессов в стране, но и индикатор его погруженности в смеховую культуру.

По результатам первых опросов общественного мнения Грушиным была написана книга «Мнения о мире и мир мнений» [14], она могла стать учебником, но не стала. Никому такой учебник в то время не был нужен. К сожалению, и до сих пор в России его нет. Затем, благодаря неутомимости Грушина, появилась коллективная книга по итогам грандиозного «Таганрогского проекта» [15]. Даже сухая статистика сделанного впечатляет: 76 логически связанных друг с другом исследований, 23 анкетных опроса, почти 11 тысяч личных интервью, 18 исследований содержания прессы и радиосообщений. На материалах проекта в течение 1969–1979 гг. была защищена 21 кандидатская диссертация. Сегодня это книга – об исчезнувшей реальности. Нет СССР, нет КПСС, произошли кардинальные изменения в технологии работы и в содержании телевидения, радио и прессы, стало иным отношение людей к массовым текстам. Но социологическая фотография прошлого окажется крайне полезной всем будущим исследователям.

Несколько лет назад, пытаясь одним словом охарактеризовать главные книги Грушина, я назвал первую из указанных – «научной», вторую – «технической», или «технологической», а третью – «Массовое сознание» [16] – «поэтической», понимая под поэзией философию, выраженную в художественной форме. Грушин работал над этой книгой свыше двух десятилетий, она в высшей степени научна и жестко конструктивна. Но сквозь ее рационализм четко просвечивает эмоциональное и эстетическое отношение автора к теме.

Постепенно выстраивается представление о методологических и методических идеях Грушина и в целом о сделанном им в области изучения общественного мнения. Но сейчас назову лишь два его фундаментальных вклада в эту индустрию и в этот раздел науки. Первый – не только создание ВЦИОМ, но системы, сети организаций по изучению общественного мнения.

Второй – задуманное им и не в полной мере реализованное «четырёхкнижие» – анализ общественного мнения населения России в эпохи Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина [17].

Работу над незавершенным четырехкнижием можно назвать научным подвигом в силу множества обстоятельств. Прежде всего, грандиозна цель: дать характеристику сознания советских людей в разные периоды жизни общества. Браться за такой труд можно, только отчетливо понимая, что назад пути нет. Замысел Грушина – свидетельство его глубочайшей, на всю жизнь, включенности в одну тему, верности ей. Это свыше сорока лет горения, самоотдачи, страстности. Я не припомню в отечественной социологии подобного случая. Из проведенных им 700 исследований Грушин отобрал 300 наиболее интересных, чтобы проанализировать состояние умов россиян в эпохи Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Грушин сделал то, что мог сделать только он: рассказал о первых двух эпохах. Содержание этих томов выходит далеко за пределы области изучения общественного мнения. Книга – о власти и населении, о нашем уме и близорукости, печалях и радостях. Книга о времени Горбачева оказалась незавершенной... он работал над нею до последних дней жизни. В начале работы издатели спрашивали Грушина: «А если ты помрешь?», и он, как истинный философ и приверженец смеховой культуры, ответил: «Если я помру – напишите: “Автор неожиданно помер!”»

В начале 2001 г. Грушин сказал, что его жизнь была бурной, но не состоявшейся. Затем уточнил: «...состоялась, но не удалась». И как же горько было говорить Грушину об ощущении не востребованности, о ненужности того, что он делал, о том, что жизнь не состоялась, не удалась... У кого же тогда она состоялась? Кому же она удалась?

Завершилась жизнь Грушина, но не его судьба. Начав почти полвека назад опросы общественного мнения в СССР, он столкнулся с горы камушек, породивший лавину, и дал возможность высказаться десятилетиями молчавшему обществу. Не приходится сомневаться в том, что в политической культуре XX столетия имя Грушина будет стоять в одном ряду с выдающимися гуманистами, считавшими демократию и свободу важнейшими ценностями.

Пять периодов изучения общественного мнения в СССР/России

Во «Введении» к данному курсу лекций отмечался долгий и неровный, с разрывами процесс развития исследований общественного мнения в России. Утверждение о продолжительности этой истории проиллюстрировано выше, теперь раскрою смысл слов о ее неровности и разрывности.

Традиционно, рассматривая достаточно протяженный во времени процесс, стараются выделить внутри него этапы и показать их специфику; совокупность этапов автоматически передает развитие процесса. Подобная методология базируется на допущении о том, будто в недрах одного этапа завязывается, зарождается то, что затем определит суть, лицо следующего этапа, т.е. развитие в целом осуществляется непрерывно. В нашем случае такое допущение было бы неверным, потому я воздержусь говорить об этапах. Логичнее просто выделить ряд хронологически упорядоченных «блоков», периодов. В этой структуризации я буду учитывать построения В.А.Мансурова и Е.С.Петренко, два десятилетия назад сделавших остающееся и в настоящее время наиболее обстоятельное описание истории изучения общественного мнения в СССР/России.

Свое изложение прошлого Мансуров и Петренко открывают словами: «Начиная с 30-х гг. проблематика обследований с помощью опросов резко сужается (в основном она затрагивает проблемы быта рабочих, частично крестьян и студентов), а к середине 30-х опросы вовсе прекращаются» [18, с. 572]. С этим утверждением нельзя не согласиться, и мы вернемся к нему, но допускаю оправданным отнести начало исследований общественного мнения в нашей стране на полвека раньше.

Период первый: 1880-е – предреволюционные годы. Происходит освоение западного теоретического опыта и формирование отечественной философии общественного мнения. Книги Гольцендорфа и Брайса – пример стремления русских ученых к овладению передовыми достижениями европейской науки. Но возможно, «самое начало» придется отодвинуть еще почти на 50 лет глубже. Во второй половине 1830-х гг. русская интеллигенция активно читала и обсуждала книгу французского политика и историка Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке», в которой речь идет о многих особенностях политического устройства этой страны, в том числе – о мнении народа. Назову также и одно из первых исследований по общественному мнению русских авторов. Это – небольшая книжка профессора права МГУ Вениамина Михайловича Хвостова (1868–1920) «Общественное мнение и политические партии» [19].

Любой историк науки скажет, что наличие заметного числа выявленных книг по той или иной тематике автоматически означает существование и неизвестных книг, и – тем более – статей. Надо продолжить поиски.

Период второй: революционные годы, включая Гражданскую войну – середина 1930-х гг. Называвшаяся выше книга В.А. Кузьмичева – свидетельство того, что в конце 1920-х гг. в стране – среди журналистов и идеологов – было стремление

к пониманию того, что такое общественное мнение. Это факт можно зафиксировать, но пока трудно сказать, является ли книга Кузьмичева единственной теоретической работой в этой области или существуют и другие, пока нам не известные. Второй вопрос: в какой мере теоретики нового времени знали, использовали выводы, построения своих дореволюционных предшественников, в чем они продолжали их поиски, в чем шли вперед?

Вернемся к цитированному фрагменту статьи Мансурова и Петренко и заметим, что в нем говорится не об изучении общественного мнения, а лишь об опросах. Однако опрос как метод социологии, социальной психологии, статистики и т.д. далеко не обязательно использовался для выяснения установок населения (или его отдельных групп) относительно актуальных, вызывающих общественную дискуссию социальных процессов. Возникает вопрос: что является специфическим предметом опросов общественного мнения? К примеру, в обстоятельном исследовании Ф.Э. Шереги о прикладной социологии 1920-х гг. указываются многие опросные технологии, которые использовались при анализе отношения кинозрителей к различного рода кинопродукции, при изучении бюджета времени школьников, быта рабочих, уклада крестьянского хозяйства, читателей прессы и книг и т.д. [20]. В составленном им же кратком списке монографий по социологии, опубликованных в 1923-1933 гг., отражено около 80 работ. В большинстве из них рассматриваются результаты опросов, но лишь специализированный анализ должен определить, какие из них могут классифицироваться как исследования по общественному мнению [21].

Могу допустить, что в настоящее время мы не просто поверхностно знаем сделанное исследователями того времени, но нами слабо очерчено само пространство поисков. В ноябре 2012 г. я провел большое интервью по истории советской/русской социологии с одним из ее создателей Г.В.Осиповым. Рассказывая о теоретико-эмпирическом социологическом исследовании в Горьком, которое было проведено в первой половине 1960-х гг., он сказал: «Период нашей дореволюционной социологии очень плохо описан, мы говорим только об основных фигурах: М.М. Ковалевский, Н.Я. Данилевский, Н.К. Михайловский, но тут в Горьком встречаю профессора старой русской школы – Василейского». И после моей реплики: «Никогда не слышал...» Осипов продолжил: «...а таких много было. Мы с ним беседуем, он работал дворником.. к удивлению я вижу у него методики социологические, которые ничем не отличаются от западных... мы с ним проводим беседы, замечательный человек был. Он говорит: “Нас

много было, но мы разбрелись по России, потому что это все было запрещено, нас преследовали. Не знаю, каким образом я уцелел»^{*}. При работе с этим интервью мне посчастливилось найти в Нижнем Новгороде историка психологии Н.Ю. Стоюхину, которая несколько лет назад в соавторстве с белорусским коллегой Л.А. Кандыбовичем опубликовала книгу о С.М. Василейском (1888-1961) [22]. Это рассказ не только о тяжелой судьбе Василейского, но и о драматической участи ученых его поколения.

Обстоятельная беседа со Стоюхиной показала, что Василейский и его коллеги-психологи использовали опросные методы и изучали разные фракции массового сознания [23]. Это лишний раз доказывает, что, проводя исторические поиски, следует исходить из двух обстоятельств: во-первых, на рубеже 1920-х – 1930-х гг. занятие социологией в СССР было рискованным и, во-вторых, трактовка социологии как науки отличалась от современной. Таким образом, поиск работ, которые сегодня могли бы классифицироваться как социологические, следует вести в области соприкосновения ряда обществоведческих наук, т.е. в парадигматике междисциплинарного подхода.

Период третий: вторая половина 1930-х – рубеж 1950-х – 1960-х гг. По оценкам Мансурова и Петренко, «...к середине 30-х опросы вовсе прекращаются. Они прекращаются в том смысле, что полностью исчезают со страниц печати, но, напротив, интенсифицируются и расширяются как источник закрытой партийной (и государственной) информации. При партийных комитетах всех уровней решением ЦК ВКП(б) создаются отделы партийной информации. Используя самые разные источники (сообщения информаторов-активистов, сбор сведений собственными силами и с помощью НКВД-КГБ), эти отделы регулярно готовили обобщающие записки о настроениях в среде рабочих, на селе, в среде студенчества, молодежи вообще (этим занимались аппаратчики службы комсомольских комитетов), интеллигенции, в армии, в партийных ячейках и в самих органах НКВД-КГБ. Более изоциренной системы изучения мнений и настроений населения, чем та, что была создана большевиками как единственной правящей партией, сросшейся с государством, не было ни в одной западной демократии» [18, с. 572].

И далее они отмечают, что по мере ужесточения политико-идеологического режима службы информации, по существу, смыкались по своим функциям с аналогичными службами

^{*} Интервью с Г.В.Осиповым еще не опубликовано, но его разрешение на публикацию мною получено.

органов НКВД и ГБ, т.е. превращались в органы своего рода «партийной разведки» и политического сыска. Главным в их деятельности было доносительство об антипартийных и антисоветских настроениях и создание в стране ощущения активной поддержки широкими массами очередных партийных решений.

В целом, все сказанное дает верную оценку прошлого. Мансуров и Петренко характеризуют описанное как действия партийно-советской системы изучения настроений трудящихся. Мне представляется, что в рамках исторического анализа будет справедливым признать: в рассматриваемом 25-летию собственно изучения общественного мнения в СССР не было. Да и могло ли оно быть? То было время борьбы с «врагами народа», тяжелейшей войны, в том числе и на огромной части территории страны, восстановления народного хозяйства, колоссальных подвижек в структуре населения, вызванных войной и террором в отношении советских людей, тотальной цензуры, сильнейшего государственно-идеологического воздействия на сознание масс, страха людей, «железного занавеса». Конечно, страна не была безмолвной, существовало разномыслие [24], но общественного мнения как продукта достаточно свободного обсуждения в обществе волнующих его проблем, имеющего легальные формы изъяснения, рассчитывающего на учет его позиции в практике управления, не было.

Таким образом, до начала 1960-х гг. процесс теоретического и эмпирического (прикладного) исследования общественного мнения не был гладким. При переходе от первого периода ко второму многое из прошлого людям пришлось либо забыть, либо уничтожить, либо стараться не узнавать.

В одном из моих телефонных разговоров с И.С. Коном, состоявшемся в начале 2010 г., он вспомнил, что спрашивал Б. А. Чагина, который изучал в первой половине 1920-х гг. общественные науки и тогда же начинал свою профессиональную деятельность, нет ли в его личной библиотеке выпусков журнала «Логос». Тот ответил, что были, но в ожидании ареста он все уничтожил. «Логос» – международный ежегодник по философии культуры, издававшийся в Москве и Праге (1910–1914, 1925). В нем публиковались А.С. Лаппо-Данилевский, Н.О. Лосский, С.Л. Франк и другие социальные философы.

Наверное, этот разговор Кона с Чагиным состоялся в 1960-х – 1970-х гг., но вот пример из нашего времени. В указанной выше моей беседе со Стоюхиной она вспомнила, как втянулась в изучение прошлого: «Как-то, в начале 2000-х, мне довелось работать со старшей коллегой, закончившей Горьковский педагогический институт в 1950-х гг. Она часто вспоминала своих преподавателей».

давателей, и я спросила ее: “Я знаю всех старших и уважаемых коллег (слава Богу, живущих), они нас учили и учат, а кто учил их? С кого началась психология нашим городе?” Профессор шепотом назвала мне фамилию Василейского, а на мои вопросы – кто это? почему шепотом? – она, также понизив голос, произнесла: “Ну, он был известный психотехник и педолог”. Тогда у меня интерес к истории психологии был не велик, но слова «психотехник» и «педолог» заинтриговали, тем более – в сочетании с таинственным шепотом» [23, с. 9-10].

Период четвертый: начало 1960-х – конец 1980-х гг. Границы этого периода фактически совпадают с временем первого опроса Грушина и созданием ВЦИОМ, в определяющей степени – его детища. В социально-политическом отношении большая часть этого тридцатилетия протекала в эпоху застоя и около пяти лет – в наиболее яркие годы перестройки. В историко-научковедческом плане этот временной интервал исследований общественного мнения справедливо называть *грушинским*.

Могу допустить, что для историков советской/российской социологии, в частности – исследований общественного мнения этот период является и долго будет оставаться наиболее интересным. Его уникальность, думается, даже если рассматривать в масштабах развития глобальной системы изучения общественного мнения, заключается в существовании некоего весьма неустойчивого баланса политических и научных сил, заинтересованных в научном познании массового сознания, и сил, препятствовавших развитию этого процесса. Причем, здесь не следует считать, что конфликт всегда разворачивался между политиками (партийными функционерами, другими представителями власти) и социологами. Все было сложнее. В системе партийной иерархии были достаточно высокого уровня функционеры, в целом поддерживавшие проведение опросов на руководимых ими территориях, были директора крупных предприятий, которые активно содействовали социологам в изучении мнений в возглавляемых ими многотысячных трудовых коллективах. Но были и те, кто даже и слышать не хотел о допуске исследователей в «их» регионы и на «их» предприятия. Аналогичное положение существовало и в сфере науки: одни социологи считали необходимым изучение общественного мнения, другие – видели в опросах лишь стремление сторонников их проведения к «заигрыванию» с Западом и к использованию «под зонтиком партии» буржуазных методов.

Не может не вызывать интерес историков к рассматриваемому периоду изучения общественного мнения и тот факт, что в эти годы было сделано – при поддержке партийных структур и вопреки им – очень много.

Во-первых, были осуществлены широкие *теоретико-методологические* изыскания. Помимо апологетических построений о природе так называемого «социалистического общественного мнения» с присущим ему «социалистическим монизмом» [25], были и серьезные попытки разобраться с общими критериями феноменологии общественного мнения и особенностями, обусловленными спецификой развития (позже – «развитого») социализма и деятельностью советских средств массовой информации. Нет возможности даже для краткого рассмотрения подходов разных исследователей к интерпретации понятия общественного мнения, но назову имена основных участников этой открытой и скрытой дискуссии: Б.А. Грушин, М.К. Горшков, Б.А. Ерунов, М.Х. Игитханян, М.Я. Ковальзон, В.С. Коробейников, Р.А. Сафаров, А.И. Пригожин, Ж.Т. Тощенко, А.К. Уледов.

Во-вторых, одновременно с изучением «субстанции» общественного мнения советскими социологами активно разрабатывались проблемы *методики и техники* измерения это сложного образования. Невозможно перечислить имена всех, кто разрабатывал соответствующий круг вопросов, но перечислю авторов наиболее цитировавшихся работ: А.А. Алексеев, А.Г. Андреенков, Б.А. Грушин, А.А. Возьмитель, В.Д. Войнова, Б.З. Докторов, Т.М. Дридзе, А.С. Кулагин, Е.С. Петренко, Э.П. Петров, Г.Д. Токаровский, Б.М. Фирсов, С.В. Чесноков, Ф.Э. Шереги, В.Э. Шляпентох. В этих исследованиях рассматриваются правила формирования и реализации территориальных и производственных выборок, разные аспекты методов анкетирования, изучения документов и прессы, приемов наблюдения, способы организации полевых работ, математической обработки больших массивов данных.

Третье важнейшее направление деятельности исследователей общественного мнения – *выявление и изучение суждений, оценок, установок советских людей*. Масштабы, многообразие, географию опросов, проведенных в те годы, еще предстоит оценить; безусловно, это – тысячи полевых исследований. Если говорить о руководителях наиболее крупных, многоцелевых теоретико-прикладных проектов, то следует вспомнить Е.И. Башкирову, М.К. Горшкова, Б.А. Грушина, Я.С.Капелюша, В.С. Коробейникова, В.Н. Иванова, И.Т. Левыкина, В.А.Мансурова, Ж.Т. Тощенко, Б.М. Фирсова, Ф.Э. Шереги, В.Э. Шляпентоха. В Институте комплексных социальных исследований АН СССР (теперь – Институт социологии РАН) в 1973-1984 гг. все опросы общественного мнения – 10-12 в год – были сосредоточены в отделе прикладных социальных исследований и проводились только по

прямому указанию отделов ЦК КПСС. Данные опросов публиковались крайне ограниченно, в основном они использовались заказчиком.

Опросы общественного мнения, прежде всего, работающей части населения и студенчества проводились во всех регионах, но результаты этих исследований либо вообще не публиковались, т.к. действовали очень суровые ограничения на распространение этого рода информации, либо кратко освещались в местных малотиражных сборниках. Общую картину сделанного по этому направлению дать крайне сложно, но, может быть, кое-что еще восстановимо.

Период пятый: конец 1980-х гг. – настоящее время. Два общего плана обстоятельства характеризуют последние 20-25 лет изучения общественного мнения в России. Во-первых, рассматриваемый период стал развитием предыдущего, прежде всего, сохранилась кадровая преемственность. Во-вторых, новый период, возникавший в условиях гласности и становления свободного рынка, исторически, генетически был «обременен» на то, чтобы качественно отличаться от предыдущего.

Прежде всего, в 1987-1988 гг. был создан ВЦИОМ с сильной региональной сетью по сбору информации. Организацию возглавили Т.И. Заславская и Б.А. Грушин, вскоре они пригласили Ю.А. Леваду с сильной группой аналитиков. Все это интерпретировалось в стране и на Западе как знак заинтересованности М.С. Горбачева в регулярной информации об отношении населения к проходившим в СССР политическим и экономическим реформам. ВЦИОМ сыграл роль «материнского роя». В начале 1990-х гг. большинство его региональных отделений оформились как самостоятельные организации. Из ВЦИОМ вышли и стали успешно функционировать Фонд «Общественное мнение», КОМЖОН, структура, называемая в настоящее время группой компаний TNS Россия. В 2003 году во ВЦИОМ пришла новая команда, а старый коллектив в полном составе создал Левада-Центр.

На рубеже 1980-х – 1990-х гг. в Москве, Петербурге, во многих областях страны стали возникать *независимые* организации, которые по заказам политических структур, прессы, предпринимателей, зарубежных фондов начали зондировать общественное мнение, потребительские установки, отношение к рекламе и так далее.

В период 1960-х – 1980-х гг. опросы проводились преимущественно с привлечением анкетеров, реже – интервьюеров, на общественных началах, и сбор данных обычно проходил по месту работы или учебы, территориальные выборки использовались в исключительных случаях. К началу 1990-х гг. по-

добная практика перестала существовать, опрос респондентов происходил дома и осуществлялся оплачиваемыми и прошедшими специальный инструктаж интервьюерами.

Принципиально то, что результаты многих опросов стали открытыми, они появились на страницах прессы, комментировались по радио, на телевидении. Исследователь общественного мнения впервые стал публичной фигурой.

Значительная группа опытных исследователей и многие молодые социологи прошли обучение в американских и европейских полстерских и маркетинговых организациях или на курсах, проводившихся в России иностранными специалистами. К концу века российские исследовательские компании освоили западные технологии по сбору и анализу данных и были приняты в международные ассоциации, общества, союзы аналитиков общественного мнения и рынка.

Кроме перечисленных выше организаций, проводящих общенациональные опросы общественного мнения, назову также: «Башкирова и партнеры», «Институт социального маркетинга» (ИНСОМАР), «Институт сравнительных социальных исследований» (CESSI), Международный институт маркетинговых и социальных исследований «ГФК Русь» (GfK RUS), «РОМИР», «Центр социального прогнозирования и маркетинга», «Циркон» и ряд других организаций.

В апреле 2001 г. была образована и успешно действует Ассоциация региональных социологических центров «Группа 7/89», она объединяет около 120 исследовательских компаний, работающих в Москве, Петербурге и почти в 30 регионах России.

Выводы

Настоящая лекция – это не рассказ о том, как в России/СССР/России зарождался интерес к изучению общественного мнения и как на протяжении длительного времени складывалась методология и практика опросов. Это – введение в будущее историческое исследование, стремление очертить траекторию развития данного научного направления. Его познание, оценка сделанного потребует огромных поисков не известных сегодня информационных массивов, приведет к знакомству с учеными, имена которых не представлены в летописи нашей науки, к выработке методологии, которая даст возможность увязать весьма драматические события в истории России/СССР/России с биографиями и особенностями творчества большого числа ученых.

Литература

1. *Гольцендорф Ф.* Роль общественного мнения в государственной жизни. СПб.: Ф.Павленков, 1881 <<http://www.socioprognoz.ru/files/File/2013/holtzendorff.pdf>>
2. *Гольцендорф Ф.* Общественное мнение. СПб.: Я.Орович. 1895; изд. 2-е, 1896; изд. 3-е, 1899 <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=322>>
3. *Брайс Д.* Американская республика: в 3-х частях / Пер. с англ. В.Н.Неведомского. Москва: Изд-во К.Т.Солдатенкова, 1889. Ч.1. Национальное правительство; Ч.2. Правительства Штатов. Политические партии. 1890; Ч.3. Общественное мнение. Объяснительные примеры и замечания. Строй общественной жизни. 1890.
4. *Bryce J.* The Holy Roman Empire. – London: T. & G. Shrimpton. 1864
5. *Франк С.* Пушкин как политический мыслитель <<http://www.magister.msk.ru/library/philos/frank/frank002.htm>>.
6. Кузьмичев В.А. Организация общественного мнения. Печатная агитация. – М.-Л.: Государственное издательство. 1929.
7. *Gallup G., Jr.* Interview <<http://www.pbs.org/fmc/interviews/gallup.htm>>.
8. *Докторов Б. Б.А. Грушин.* Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 4. С. 2–13.
9. Начало всегда исторично, то есть случайно: Фрагменты из беседы М. Хромченко с М.К. Мамардашвили 5 апреля 1990 года // Вопросы методологии. 1991. № 1. <<http://old.circle.ru/archive/vm/v911mam.html>>.
10. *Грушин Б.А.* Очерки логики исторического исследования. Москва: Высшая школа, 1961.
11. Грушин Б.А. Горький вкус не востребованности. В кн.: Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999.
12. Начало всегда исторично, то есть случайно: Фрагменты из беседы М. Хромченко с М.К. Мамардашвили 5 апреля 1990 года // Вопросы методологии. 1991. № 1 [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://old.circle.ru/archive/vm/v911mam.html>>.
13. *Grušin B.* In pivo veritas. Praga: 1986.
14. *Грушин Б.А.* Мнения о мире и мир мнений. Москва: Изд-во политической литературы, 1967.
15. Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплексного социологического исследования / Под ред. Б.А. Грушина, Л.А.Оникова. Москва: Изд-во политической литературы, 1980.
16. *Грушин Б.А.* Массовое сознание. Москва: Политиздат, 1987.
17. *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. М.: Прогресс-Традиция. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. 2001; Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Часть 1. 2003; Часть 2-я. 2006.
18. *Мансуров В., Петренко Е.* Изучение общественного мнения. Социология в России. Ред. В.А.Ядов. М.: Издательство Института социологии РАН 1998. С. 569- 587.

19. *Хвостов В.М.* Общественное мнение и политические партии. – М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1906.
20. *Шереги Ф.Э.* Методический аппарат прикладной социологии 20-х годов. Проблемы репрезентативности исследований // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 192-201.
21. *Шереги Ф.Э.* Краткий список работ советских социологов: 1920–1930-е годы <http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/biblio_early_russian.html>.
22. *Кандыбович Л.А., Стоюхина Н.Ю.* Психотехники Беларуси: имена и судьбы. – Минск: Тесей, 2009 <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=300>>.
23. О жизни и творчестве С.М. Василейского. Простые вопросы – непростые ответы (Интервью с Н. Стоюхиной) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 3. С. 9-15.
24. *Фирсов Б.М.* *Разномыслие* в СССР. 1940-е – 1960-е годы: История, теория и практики. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге: Европейский Дом, 2008.
25. *Тягло В.А.* Генезис понятия «социалистическое общественное мнение» // Социологические проблемы общественного мнения и деятельности средств массовой информации. М.: ИСИ РАН. 1976. С.22-36.

Раздел IV ПОРТРЕТЫ

ГЕННАДИЙ БАТЫГИН: «Я ХОЧУ РАБОТАТЬ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ»*

Десять лет назад, 1 июня, оборвалась жизнь Геннадия Семёновича Батыгина (1951-2003), основателя и первого главного редактора «Социологического журнала». Его памяти посвящается этот материал.

Сейчас Батыгину было бы лишь 62 года. Каждый скажет, для исследователя-обществоведа, гуманитария это не время подведения итогов, но период обобщения накопленного опыта. В этом возрасте ученые, как правило, полны планов и ощущают в себе силы для решения по-настоящему важных и сложных проблем. То, что Батыгин успел сделать, и то, как он очертил свое исследовательское пространство, открывало ему перспективы для глубоких, многоаспектных поисков, а его эрудиция и работоспособность давали основание надеяться на последующие успехи его научной деятельности. К сожалению, сполна реализовать задуманное ему не удалось. Его жизнь, а значит и его биография завершились. Началась его постбиография.

В силу двух обстоятельств преждевременно оценивать результаты исследований и в целом научной деятельности Батыгина. Во-первых, необходимо систематизировать его работу по проблемам методологии и истории социологии, сделанное им на ниве подготовки кадров, в качестве редактора журналов и книг. Во-вторых, надо дать отстояться многим событиям в нашем коллективном профессиональном прошлом, испытать временем все сделанное в советской/российской социологии во второй половине завершившегося века. Мы должны осознавать, что сегодняшние наши историко-наукovedческие аргументы и выводы – лишь начало анализа сложного, многоаспектного процесса возникновения и развития нашей науки. Тем не менее, как современники и участники этого процесса мы не только можем, но и должны рассказывать о наших коллегах и о происходившем в те десятилетия, и мы имеем право оценивать вклад отдельных ученых в развитие нашей науки. Мы должны будущим поколениям социологов дать прошлое российской социологии.

Рисунок жизни Батыгина – прост; он показан им в биографическом интервью, данном Н.Я. Мазлумяновой незадолго до его смерти [5]. Отец – строевой офицер с врожденным еврейским почитанием книжности, ни о какой военной карьере для него не могло быть и речи. Существовала так называемая ситуация «перекрестного давления»: местечковый еврей, не имеющий шансов на образование и повышение по службе, но

* Докторов Б. Геннадий Батыгин: «Я хочу работать в области истории советской социологии» // Социологический журнал, 2013. № 2. С. 5-15.

преданный казарме и плацу; мать – врач, она – из Архангельска, из поморов; в лихие годы ее семья лишилась всего хозяйства, но ссылать их было некуда, они жили на Белом море.

Годы детства и взросления Батыгина прошли в военных городках: запах стиранных гимнастеров и гуталина, фуражки, ремни, сапоги... заваленные снегом финские домики где-то в саратовских степях, развод караула и военный оркестр – запомнившиеся ему детские впечатления. У него рано обнаружилась сердечная недостаточность. Он часто болел и, проводя много времени дома, пристрастился к чтению и размышлениям. Что было на отцовских полках или в горнизонной библиотеке, – то и читал, не переставая. Затем – стремление узнать, понять устройство мира, знакомство с философской литературой. В упомянутом интервью он отмечал: «Более или менее определенные интересы сформировались лет в пятнадцать». Несистематизированное чтение детской и юношеской литературы совмещалось с учебником В.Г. Афанасьева «Основы философских знаний», в котором для него оказалось важным «не содержание, а само философствование, определенным образом организованная “бесмыслица”» [5, с. 135].

По нынешним временам очень необычно звучит рационалистически-нравственное, даже – политико-нравственное обоснование Батыгиным своего движения к философскому образованию. Неизгладимое впечатление произвела на него книга Николая Носова «Приключения Незнайки и его друзей». Он встретил в ней «бесконечную смысловую многослойность», и для него открылась возможность интертекста. Он увидел в книге развертывание мечты о коммунизме. Далее – влюбленность в начисто забытый в наше время роман «Секретарь обкома». Его автор – Всеволод Кочетов – сегодня характеризуется как главный мракобес, ярый сталинист, боровшийся и с либеральной, и с почвеннической интеллигенцией. Его произведения признаются самым породистым соцреализмом, а роман «Секретарь обкома» – самой «сахарной соцреалистичностью».

Батыгина привлек в романе образ «мыслящего секретаря обкома», положение которого позволяло ему «осуществлять справедливость и преобразовывать мир». Позднее Батыгин увидел во всем этом глупость и тоталитарность собственного понимания мира, но – приведу его слова – «такова предыстория выбора мною философского факультета» [5, с. 136]. Надо думать, что на самом деле все было и сложнее, и как-то по-другому. К этому документу лучше относиться с осторожностью. Надо хорошо знать этого человека, чтобы увидеть в его словах, закругляющих рассказ о своем философском взрослении, глу-

бинную самоиронию. Надо знать, насколько разным он был в разные периоды своей жизни и насколько постоянным в самоиронии и парадоксальности. Да и здесь же, в интервью, Батыгин как бы в подтверждение говорит – о себе том: «Я рискую ошибиться, потому что воспроизводимый сейчас мною текст я навязываю человеку, который уже не существует. Я смотрю на него со стороны и иногда удивляюсь его поступкам» [5, с. 136]. И далее с теми же чувствами – о своей «боевой юности». Но воспроизводимые факты, конечно, реальны.

В воспоминаниях Батыгина рассказывается о его ранних годах в комсомоле, куда он вступил в 14 лет и где сразу проявил свою активность: «Нравилось руководить, точнее, создавать руководящие тексты, письменные и устные. В девятом и десятом классах был секретарем комитета комсомола школы. Жалею ли я об этом? Скорее нет. Но что уж точно не хочется вспоминать, так это мою искреннюю службу в комсомольском подразделении по охране общественного порядка. Надо сказать, что со времени “оттепели” средние и малые города были переполнены шпаной. Хулиганство и уличная преступность... Партия и комсомол боролись с пережитками прошлого без каких-либо представлений об административном и уголовном процессе. Меня отчасти оправдывают “светлые” мотивы борьбы с нарушениями правопорядка, тем более что мои старшие товарищи, взрослые милиционеры, нимало ни о чем не задумывались. Родители пытались противодействовать моему увлечению, но это лишь укрепило идейную убежденность юного борца» [5, с. 134].

В развиваемой мною поколенческой стратификации общества российских социологов Батыгин относится к четвертому поколению, которое образуют исследователи, родившиеся в период с 1947–1958 гг. [9]. Я провел 15 глубинных интервью с представителями этой профессионально-возрастной группы, но ни в одном из них нет даже сколь-нибудь подобной истории вхождения в философию, а позже – в социологию. Приведенное больше напоминает мотивацию поступления на философский факультет некоторых социологов первого поколения. Когда журналистка Ольга Кучина спросила Б.А. Грушина о том, как он настроился на дорогу, по которой многие годы шел, он ответил: «... я постоянно думаю об этом сам. Я снял с себя кожаную куртку и маузер Корчагина в 49-м году, в пору борьбы компартии с космополитизмом». Ясно, что «кожаная куртка и маузер», да и сам Павка Корчагин – образы жесткого, наверное, бескомпромиссного отношения к окружавшей Грушина реальности. По воспоминаниям его студенческого друга М.К. Мамардашвили, Грушин вырос «из обыкновенно-

го, банального комсомольского активиста...» [8, с. 12].

По духу близкое к описываемому присутствует в интервью с В.А. Ядовым, в котором он вспоминает о своем знакомстве с И.С. Коном: «В отличие от него, в полном смысле академического ученого, который все время проводил в библиотеке и за своим рабочим столом, я с энтузиазмом занимался общественной работой, бегал по собраниям и прочее. Кстати, однажды на комсомольском собрании (присутствовал на факультетском как заместитель секретаря комитета комсомола ЛГУ) я обрушился на своего товарища с яростной критикой по поводу какого-то его высказывания, показавшегося мне сомнительным в смысле “большевистской зрелости”. Игорь потом не раз подшучивал, что Ядов чуть было не исключил его “из рядов”» [7, с. 4].

При этом я думаю, что в Грушине и Ядове, которых связывали глубокие дружеские чувства, и в некоторых других их ровесниках эта комсомольская напористость сочеталась с романтикой, с духом оруджавских комиссаров «в пыльных шлемах» и светловской «испанской грустью». То было неизвестно, которое присутствовало в образах коммуниста в известном фильме с Евгением Урбанским «Чистое небо» (1961) и комиссара, сыгранного Нонной Мордюковой в одноименном фильме (1967). Иначе невозможно объяснить, почему, живя в обществе, в котором все подчинялось государству, они наделись это общество усовершенствовать.

Тот факт, что бурная общественная активность, желание улучшить мир и романтическое отношение к миру более сближают Батыгина не с представителями его профессиональной когорты, но с рядом социологов первого поколения, я отмечал еще два года назад [9, с. 121], но тогда я не видел объяснения этому обстоятельству. Сейчас я вижу корни подобной близости в двух особенностях его ранней социализации.

Прежде всего – жизнь в замкнутых анклавах – военных городках, постоянное общение с людьми прошедшими войну и, скорее всего, мало понимавшими все происходившее в стране после смерти Сталина. Да и духовная атмосфера в них не могла значительно отличаться от той, что отражена в фильме Петра Тодоровского «Анкор, еще анкор». Таким образом, Батыгина в большей степени, чем его ровесникам, жившим и обучавшимся в крупных городах и в цивильном (не военном) пространстве, пришлось самому осмыслить и принять сюжеты политической оттепели. За четверть века до него так же трудно постигали хрущевские начинания представители двух первых поколений российских социологов. И хотя по возрасту Батыгин был много моложе представителей когорты «шестидесятников», он во многом разделял их мироощущение, и они – его.

И еще одно обстоятельство – его детская, юношеская болезнь и потому – одиночество, собственный поиск смыслов, раздумья о мире других, не таких, как он. Нечто подобное испытали в эвакуации Т.И. Заславская, И.С. Кон, Ю.А. Левада и долгие годы прикованный к постели А.Г. Здравомыслов.

Стремления к изучению философии и агрессивный оттенок комсомольской активности Батыгина соседствовали в нем с интересом к богословию. Впервые он взял в руки Библию, уже обучаясь в университете, а крестился, по воспоминаниям многие годы работавшей с ним Каринэ Щадиловой, в 1991 году. Но еще живя в Сызрани, он хотел обратиться к священнослужителю, чтобы поучиться у него, однако воздержался, понимая, что это может отразиться на службе отца —члена партии. Тем не менее, приехав в Москву, чтобы сдавать вступительные экзамены в МГУ, он отправился в Троице-Сергиеву лавру, где прозондировал вопрос о поступлении в духовную семинарию. Он полагал, что таким образом окажется «ближе к финальной истине, чем на философском факультете», однако из церкви его «вежливо выгнали», и он поступил на философский факультет. [5, с. 139].

Никаких подобных сюжетов в жизни старших поколений мне не встречалось, думаю, их и не было. Но были иные.

Вот фрагмент ответа правнука священника А.Г. Здравомыслова на вопрос о его отношении к религии: «Что я вынес из блокады? Я остался без отца и без брата, потерял массу родственников и друзей детства, сохранил на всю жизнь воспоминание о свисте бомбы, летящей на наше жилище. <...> Много людей вокруг меня обращались к Богу, к религии за утешением. Но я не мог и до сих пор не могу найти места для высшего существа в объяснении этих страданий. <...> Я решил для себя, что высшей силы нет, она не могла бы допустить столь чудовищной несправедливости...» [10, с. 8-9].

Теперь приведу с сокращениями сюжет из воспоминаний А.В. Баранова, учившегося на философском факультете ЛГУ в те же годы, что и Здравомыслов. И в урезанном виде эти воспоминания производят сильное эмоциональное впечатление. В семнадцатилетнем возрасте он решал вопрос о существовании Бога: «Вот говорят, что он очень суровый, если его не слушаться, то наказывает, Бог, наказующий за неправильное поведение. Какое неправильное поведение? Ну, самое надежное – хула на самого Бога. Поэтому я принимаю решение. Неделью я ругаю Бога как только возможно и потом предлагаю ему дуэль. Я еду в Горький по делам на пригородном поезде, и это время, когда я ему представляю каким-то образом проявиться: ну, поездки – всегда определенный риск. <...> Я поставил условие:

“Если ты не выполняешь, если ты мне не явишься в том или ином виде, я считаю, что тебя нет. И мы расходимся. Я тебя не знаю, ты меня не трогай. Договорились?” Хорошо. Я жду, когда тронется поезд, я Богу даю фору. Дождался, когда вагон тронется, и на ходу сажусь, за перила держусь и ступаю на ступеньку поезда. Мне было страшно почти до смерти. Я почти потерял сознание от страха. Я Бога вызвал на дуэль. Несколько минут ехал на ступеньке движущегося поезда, держась обеими руками за поручни и коленками стоя на ступеньках. Вопрос был решен раз и навсегда. <...>» [1, с. 7-8].

Трудно представить подобные сюжеты, связанные с поисками веры, «финальной истины», в биографиях социологов, родившихся в начале 1950-х и позже.

Я специально рассмотрел, как начинался путь Батыгина в философию/социологию, ибо многое, что происходило в годы его обучения в Москве и в его исследовательско-преподавательско-редакционной деятельности, было следствием, развитием, трансформацией событий и размышлений, составлявших суть его домосковской жизни. Безусловно, в той или иной степени это относится к строению жизненных траекторий многих людей, однако – не столь жестко.

В 1969 году, со второй попытки, Батыгин поступил на философский факультет МГУ, который закончил в 1974 году с «красным дипломом». При этом он одновременно обучался – это парадоксально – на отделении научного коммунизма и на кафедре научного атеизма: всегда писал две курсовые работы и защитил два диплома. Его должны были призвать на срочную военную службу; как сын военного и сам когда-то хотевший стать летчиком он был готов работать с личным составом и вступить в КПСС, но обнаружилось, что выпускники философского факультета тогда не были нужны вооруженным силам. После долгих поисков работы он случайно пришел в Институт социологических исследований (ИСИ) Академии наук СССР. Здесь его не спросили ни о партийности, ни о рекомендации в аспирантуру, которой у него и не было. Слово «социология» для него было внове. В очную аспирантуру он не поступил, конкурс был слишком большой, стал заочником. Зачислили его лаборантом на временную ставку, и начал он «работать, как сумасшедший, сутками». Через полгода его приняли на постоянную работу лаборантом, а через год после сдачи кандидатских экзаменов перевели на должность младшего научного сотрудника. В 26 лет он – кандидат наук, в 36 – доктор и вскоре профессор.

С легкой руки В.А. Ядова за его поколением социологов закрепилось определение «самоучки»; действительно, они до

всего доходили сами. Но, замечу, самоучками были и многие представители даже четвертого поколения социологов, в том числе – Батыгин. Правда, они уже могли учиться не только по западной литературе, но и по работам советских авторов. Вот от чего были свободны представители четвертой, да и третьей, когорты, так это от отстаивания самостоятельности социологии как науки. «Наше поколение – написал мне недавно В.А. Ядов – дружно сопротивлялось истматчикам и научкоммунистам; поколение Геннадия не столько защищало свою науку, сколько утверждало ее. Это совсем не одно и то же» (из электронного письма В.А. Ядова Б.З. Докторову от 23 мая 2013).

Батыгин явно обгонял в профессиональном признании и карьерном росте многих членов своей возрастной когорты. То, что он ранее других представителей своего поколения защитил кандидатскую и докторскую диссертации, согласно ряду наукометрических выводов уже дает основание говорить о нем как об одном из лидеров своего поколения российских/советских социологов.

Он менее чем на год уходил из Института социологии, но потом вернулся, так что вся его научная деятельность протекала в стенах этой организации. Круг исследовательских интересов Батыгина включал большой набор различных по содержанию проблем социологии, связанных прежде всего с поисками методов познания и описания мира социальных отношений. Его прекрасная философская подготовка и многие годы работы с эмпирическими данными позволяли ему с высокой степенью компетентности обсуждать и сложные теоретические вопросы социологического измерения, и инструментальные приемы. В 1986 году вышла его книга «Обоснование научного вывода в прикладной социологии», которая и сейчас, почти три десятилетия спустя, активно используется при обучении будущих социологов [6]. Широкую известность у исследователей и преподавателей социологии получила и более поздняя книга Батыгина «Лекции по методологии социологических исследований (1995)» [3].

В конце 1970-х Батыгин начал работать в единственном тогда в СССР социологическом журнале «Социологические исследования» и вскоре стал одной из ключевых фигур в определении редакционной политики этого издания. Еще работая в этом издании, он мечтал делать настоящий, сильный, свободный, интеллектуальный и популярный журнал – «царство духа и пиршество мысли». В 1994 году при финансовой поддержке фонда Сороса ему удалось создать «Социологический журнал». Однако задолго до рождения журнала «Социологи-

ческая Мечта: познать законы, управляющие человеческими сообществами и указать народам путь к счастью» растаяла, и перед журналом была поставлена весьма прагматичная задача: «ориентироваться не столько на изобретение новых парадигм, сколько на рутинную профессиональную деятельность социологов» [2]. Возможно, поэтому издание быстро завоевало высокое признание в социологическом цехе.

Создавая этот журнал, Батыгин преследовал цель, которой ему не удалось достичь, работая в «Социологических исследованиях», – активно формировать просматривавшееся им в общих чертах лицо постсоветской российской социологии, оказывать поддержку тем группам социологов, которые стремились к разработке актуальных социальных проблем и выработке новых теоретических и эмпирических методов. Но, думаю мне, была еще десятилетиями вынашивавшаяся им цель – содействовать становлению новой риторики отечественной социологии.

По воспоминаниям Батыгина, учась в школе, он плохо знал физику, математику, химию и биологию, но достаточно хорошо – литературу, русский язык и историю. Учительница русского языка иногда предоставляла ему возможность разъяснять в классе особенности правописания или управления в русском языке. В университете особое влияние на него оказал профессор психологии П.Я. Гальперин, но прежде всего это влияние было стилистическим. При интервьюировании Д.Л. Константиновского, социолога и литератора, я заметил, что в своих последних работах Батыгин был не только социологом, но и (почти) писателем. Имелось в виду его стремление к некоему синтезу текста и контекста, его повышенное внимание к стилю изложения. Константиновский согласился со сказанным и добавил: «Кроме того, не надо забывать, что Батыгин был человек колоссальной эрудиции, плюс память у него была феноменальная. И огромные литературные пассажи необъятными цитатами хранились у него в голове. Конечно, не потому, что он просто их запоминал. Мне сразу было ясно, что он тяготеет к литературе, к художественному восприятию» [11, с. 9].

Среди дальних планов Батыгина было изучение проблем, лежащих в пересечении социологии, литературоведения и религиоведения. Он задумывал рассмотреть возникновение проблемы искренности в литературе и в общественных науках и проанализировать историю советской общественной мысли в терминах истории «традиционных» религиозных ересей как альтернативы иерархическим церквам. Одна из важнейших задач, которые он ставил перед собою, заключалась в исследовании советского дискурса. В этом отношении мне представ-

ляется весьма значимой его статья о социальных науках как тексте [4].

Конечно же издание журнала отвечало и желанию Батыгина преподавать, передавать людям то, что он знал. Но это было не его стремлением к монологу, а приглашением к диалогу, в котором себе он оставлял роль ведущего. В нем это всегда присутствовало. В уже несколько раз упоминавшемся интервью с Батыгиным есть очень интересный фрагмент, передающий стиль его общения: взаимопереплетение серьезного с элементами «смеховой культуры». Прочитирую эту часть интервью с некоторыми сокращениями: «На старших курсах я подрабатывал чтением лекций по линии общества “Знание”. <...> Я приезжал в какой-нибудь магазин в подвале. Собиралось человек пять, из них две продавщицы, и я рассказывал им о религиозной идеологии, религиозной философии, читал священные тексты, Евангелие, Христову молитву, Нагорную проповедь. Например: “Вы слышали, что сказано древним – не прелюбодействуй”. Продавщицы из овощного отдела смотрели на меня с искренним чувством стыда и желанием очиститься. <...> И тут директор магазина выносил мне завернутый в газету кусок мяса, не с костью, а вполне приличный. Чувства, которые я пробуждал в своих благодарных слушателях, выражались в желании чем-то мне помочь... Это уже было преподаванием, поэтому я был внутренне к нему готов и надеялся, что стану профессором – в конце карьеры, конечно. Я прекрасно знал уже тогда, что это моя задача. Что будет стол с книгами, будет преподавание, будут студенты-аспиранты. И я всю жизнь буду читать им Аристотеля, Платона или еще что-нибудь такое, что приближает нас к финальной истине» [5, с. 145].

В какой-то мере Батыгину удалось реализовать свои преподавательские намерения и способности. Он вел различные курсы по социологии, был профессором Российского университета дружбы народов и деканом факультета социологии Московской высшей школы социальных и экономических наук. Под его руководством защищено около трех десятков кандидатских диссертаций.

В 1990-е годы, по мнению Батыгина, окончательно сформировалась основная тема его интересов – история советской общественной мысли, им была задумана и начата реконструкция интеллектуальной истории советского периода, который считался временем мракобесия. Исходно его заинтересовала социология периода заката сталинской эры, но вскоре области его поисков и размышлений оказалась и советская социология других периодов.

Во второй половине 1980-х и начале 1990-х мы часто встречались с Батыгиным и обсуждали многие интересовавшие нас

вопросы логики социологических исследований. Он в то время работал в архивах и готовил свои первые историко-социологические статьи, но я тогда не занимался анализом прошлого российской социологической науки, соответственно, мы мало говорили на эту тему. Затем наши встречи прекратились из-за моего отъезда в Америку, таким образом, я «пропустил» период его углубления в историко-социологическую проблематику. Но судя по всему, он достаточно быстро входил в эту тематику, во всяком случае, В.А. Ядов, собрав сильный коллектив авторов для работы над фундаментальным томом «Социология в России» [13], доверил Батыгину, возможно, самому молодому в той команде, написать первую и крайне сложную главу о российской социологической традиции.

Долгие годы зная Батыгина и учитывая его тщательность и ответственность в выборе исследовательской тематики, я не могу допустить, что уже после защиты докторской диссертации его обращение к истории нашей науки было случайным или было спровоцировано внешними обстоятельствами.

К сожалению, в беседе с Мазлумяновой на ее вопрос о дальнейших планах Батыгин лишь сказал, что хочет работать в области советской истории, быть архивистом, исследователем каких-то мелких и, казалось бы, незначимых ситуаций – «деталей истории». Но не комментировал это намерение. Я думаю, что, скорее всего, существовало множество причин, в силу которых он решил сконцентрироваться на исследовании прошлого, но среди главных, наверное, были и такие. Прежде всего, Батыгин многие годы стремился к исследованиям, которые дают ученому подлинную свободу в творчестве. И второе, как это ни парадоксально звучит, изучение прошлого вполне обоснованно могло рассматриваться Батыгиным в качестве в высшей степени актуальной темы. Тогда представители разных обществоведческих наук стремились к поиску ответа на вопрос: «Куда идет Россия?» К этому типу относится и вопрос: «Куда идет российская социология?», ответ на который во многом зависит от знания процесса ее становления.

У меня есть основания допускать, что сделанное Батыгиным будет долго жить в российской социологической науке, в частности потому, что он одним из первых начал углубленно исследовать её прошлое и оказался первопроходцем в изучении биографий исследователей, причастных к созданию нашей науки. Не сделай он этого в то время, сегодня мы представляли бы становление постхрущевской российской социологии значительно более поверхностно, схематично. А возможно, многое просто было бы потеряно. Задумаемся, в книге, изданной под редакцией Батыгина в конце прошлого столетия [12],

представлено 25 автобиографических интервью и рассказов социологов первых поколений. Сегодня из них лишь треть жива и продолжает работать. Ценность этой книги велика уже и сейчас, и она будет расти. Книга позволяет нам и всем будущим поколениям социологов получить из первых рук информацию о зарождении современной советской/российской социологии.

Прошло десять лет с момента смерти Геннадия Батыгина. Но своими работами он, безусловно, участвует в развитии российской социологии. И можно предположить, что его постбиография будет долгой и насыщенной.

Литература

1. А.В. Баранов: «А все-таки она вертится» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2008. № 3. С. 2–16.
2. Батыгин Г.С. Журнал социологов для социологов // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 4–5.
3. Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект-Пресс, 1995 [2-е издание – М.: РУДН, 2008].
4. Батыгин Г.С. Социальные науки как текст // Социальные науки в постсоветской России / Рос. академия наук, Институт социологии; Университет Фрибурга; Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой, Э.М. Свицерски. М.: Академический проект, 2005.
5. Батыгин Г.С. «Никакого другого пути я даже помыслить не мог...» // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 132–167.
6. Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М.: Наука, 1986.
7. В.А. Ядов: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 3. С. 2–11.
8. Докторов Б. Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. №4. С. 2–13.
9. Докторов Б.З. Г.С. Батыгин и формирование четвертого поколения советских/российских социологов // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 114–128.
10. Здравомыслов А.Г.: «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит – надо искать объяснение в мире людских отношений» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. С. 2–10.
11. Константиновский Д.Л.: «Такие вот динамические ряды...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 4. С. 2–13.
12. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
13. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. Изд. 2-е. М.: Институт социологии РАН, 1998.

В НЕМ ВСЕГДА ПРИСУТСТВОВАЛА «ДИСЦИПЛИНА ТЕКСТА», ПРИСУЩАЯ ЛЮДЯМ ПОЭЗИИ*

Как это было

Настоящая заметка состоит из двух частей.

Первая часть включает в себя минимально отредактированную переписку авторов заметки, которая внезапно возникла 2 сентября 2011 г. и завершилась через две недели. Породившей обмен письмами Нине Ларсен хотелось рассказать о друге юности Валерии Голофасте, а Бориса Доктора, работавшего вместе с Голофастом, дружившего с ним и уже несколько лет изучающего его биографию, интересовали ее воспоминания. Кто-то может с сомнением отнестись к тому факту, что два человека, никогда не слышавшие друг о друге, в течение одного дня – по-московскому времени это было 2 сентября – обменялись шестью письмами. Два обстоятельства объясняют эту необычную эпистолярную активность: высокая заинтересованность корреспондентов к тематике, объединившей их, и девяти часовое различие во времени между Копенгагеном и Сан-Франциско, где они проживают. Образовались «длинные сутки», в которые можно было успеть многое сделать.

Вторая часть, это – ряд кратких историко-методологических замечаний Доктора относительно места этой переписки в его понимании природы биографического анализа.

Подзаголовок заметки указывает на ее принадлежность к серии материалов Доктора под общим заголовком «Как это было». В них рассматриваются случаи из его практики поиска биографической информации.

Вот эти несколько стихотворений я помню всю жизнь.

В хронологическом порядке расположены 16 электронных писем – довольно больших и совсем коротких – которыми мы обменялись в течении восьми дней. Текст не редактировался. Лишь в нескольких письмах встречаются треугольные скобки <...>; они указывают на то, что соответствующий фрагмент текста убран. Либо он касался вопросов, не относящихся к стержневой теме переписки, либо в нем затрагивались слишком личностные сюжеты.

* Докторов Б., Ларсен Н. В нем всегда присутствовала «дисциплина текста», присущая людям поэзии. Как это было // Социология вчера, сегодня, завтра. V Социологические чтения памяти Валерия Голофаста / Под редакцией О. Б. Божкова. СПб.: Эйдос, 2012С. 602-618.

Письмо № 1.

Н. Ларсен Б. Докторову; 2 сентября 2011

Attn.: Борис Докторов

доктор философских наук, профессор,
независимый исследователь

Здравствуй уважаемый Борис (к сожалению, не знаю Вашего отчества). Случайно обнаружила в интернете Вашу статью о Валерии Голофасте (Валерий Голофаст. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» <http://teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1208530346289952file.pdf>)*.

Я была знакома с Валерием Голофастом, а также с Владимиром Трякиным** и Маратом Бузским***, когда жила в Днепропетровске и училась в той же школе (СШ №100), что и они. Посещала вместе с ними также литературно-творческую студию под руководством Эдуарда Ефремовича Флинка.

Кроме короткого стихотворения Валерия Голофаста, которое было напечатано Владимиром Трякиным, я помню ещё некоторые другие.

Мне бы очень хотелось разыскать Владимира Трякина. Я знаю лишь, что он уехал в своё время из Днепропетровска в Москву, где учился в МГУ.

Имеете ли Вы какую-либо информацию о нём или контакт с ним? Буду Вам очень благодарна, если Вы мне что-либо сообщите о нём.

Меня зовут Нина Викторовна Галушко. Я живу в Дании, в Копенгагене. Официально моё имя в Дании – Nina Larsen.

С уважением,

Нина Ларсен

Tel.: <...>.

Письмо № 2.

Б. Докторов Н. Ларсен; 2 сентября 2011

Во, как забавно, Нина.. у меня многое о Валерии написано.. я подберу и пришлю.. поищу и мэйл Трякина, Бузкина.. или телефон.. что-то было... дам мэйл Оксаны, дочери Валерия.. сейчас убегаю, но моим вечером (Калифорния) [БД: напишу], всего, Нина, Борис

* Докторов Б. Валерий Голофаст. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 2. С. 25-33.

** Трякин В. Для меня он навсегда остался Валеркой... // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 2. С. 2 – 4.

*** Бузский М. О Валерии Голофасте // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 2. С. 4 – 5.

Письмо № 3.

Б. Докторов Н. Ларсен; 2 сентября 2011

Нина, пока почитайте это <http://kkk-bluelagoon.nm.ru/tom5a/zub_golofast.htm#2>.

Письмо № 4.

Б. Докторов Н. Ларсен; 2 сентября 2011

Дорогая Нина, я утром торопился.. очень рад вашему письму.. найтись в сети можно, но трудно.. я понял так, что вы учились Валерием в одной школе и вместе посещали литературную студию.. я работал с Валерием многие годы, а после отъезда в Америку переписывался с ним регулярно.. он был очень интересный человек, эрудированный и щедрый на обсуждения.. один мой текст о Валерии вы прочитали.. был другой – Валерий Голофаст. Независимый ум // Социальная реальность. 2008. № 3. С.67 – 82 <<http://socreal.fom.ru/files/sr0803-067-082.pdf>>.

Недавно на Радио Свобода у меня было интервью о Валерии: Социолог Валерий Голофаст: «Мне нужна интеллектуальная свобода внутри и вовне» <<http://www.svobodanews.ru/content/article/24302065.html>>. В Петербурге друзья Валерия провели уже пять «Голофастовских чтений», на которые приезжают социологи из многих городов России, бывают и киевляне..

<...>

Про стихи Валерия на сайте <http://kkk-bluelagoon.nm.ru/tom5a/zub_golofast.htm#2>. Пишет суперспециалист по ленинградскому, российскому андеграунду Константин Кузьминский*.. Валерий с ним дружил ..

Вот почта Оксаны Голофаст <...>, она недавно была в Германии, гостила у нашего общего друга, я говорил с ней по Скайпу.. высокая, красивая молодая женщина..

Вот так.. пишите.. чем рад, поделюсь, Борис

Письмо № 5.

Н. Ларсен Б. Докторову; 2 сентября 2011

Дорогой Борис, честно говоря, не ожидала так быстро получить ответ от Вас. Он пришёл после 11-ти вечера по датскому времени. Между нами (Данией) и Вами (Калифорнией) – 9 часов разница. Я читала Ваше послание и уже раздумывала, как Вам буду писать, но у меня пятница занята одной несложной работой,

* Константин Константинович Кузьминский (р. 1940) – русский поэт. Фундаментальный труд Кузьминского – «Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны» (девять томов начиная с 1980 г.). Издание представляет собой наиболее обширное, систематизированное по регионам и поэтическим группам собрание поэзии самиздата 1950-80-х гг..

которая занимает по сути целый день. Сейчас 9 утра, начало 10-го и, тем не менее, не могу Вам не написать хотя бы коротко.

Безмерно приятно, что откопался телефон Трякина, потому что я не знала, какое у него точно отчество. Я натыкалась в Интернете на Михайловича, Юрьевича и понимала, что всё это не то. Валерия я пробовала искать в разные времена. И до 2004 года также. Потом я как-то обнаружила одну мою давнюю одноклассницу, Волштейн Людмилу Львовну, которая закончила ленинградский иняз и работает сейчас, давно уже, в Красноярске. Но она Валерия Голофаства не знала, к сожалению.

И вот я опять пошла, в который раз, через свой айфончик в интернет и вдруг наткнулась! Причём на то, что написал сам Трякин о Валерии. Там есть фотография молодого Валерия и под этой фотографией маленькое стихотворение, одно из моих любимых, о котором я рассказывала своему сыну, Максиму. Я пришла в неописуемый восторг и послала вчера Максиму ссылку по смс'у, дескать, прочти, восторгнись! Я его стихи, вот эти несколько стихотворений, помню всю жизнь, странным образом. Когда-то давно я их переписала для себя. К сожалению, всего не помню, потому что я не сидела в Днепропетровске на одном месте. Меня мотало то туда, то сюда. Мир интересовал. Хотя до 90-го года я дальше Забора не выбиралась, а в переездах что-то терялось.

Вот то, что у меня сохранилось в памяти:

Майская весёлость,
Синь и зеленыя
Озёрными глазами
Смотрят на меня.
Мне теперь шестнадцать...
Почему-то росы
Кажутся слезами
На ковыльных косах.
Почему-то облако
Кораблём мечтаний
Показалось чудным
Этим утром ранним.
Почему-то в шелесте
Маков наклонённых
Слышу песни сказок,
Ветром обронённых.
Песенная радость,
Как ты мне нужна!
Жизнь в шестнадцать вёсен
Вовсе не сложна...

Это не целиком. Я пропускаю то, что не могу сейчас на ходу вспомнить. Потом всплывёт. Ещё одно:

Пахнет мятой, полынью,
Чем ещё, не пойму.
Ничего, что ковыль я
Здесь немного примну.
После трудной работы
Ляжешь навзничь в траву -
Слушать трели и ноты,
Насекомых молву...
И за маленькой тучкой
Долго-долго следить...
Никогда не наскучит
Этой жизнью мне жить.
Голубая сторонка,
Тихий шелест стеблей,
Тёплый голос телёнка -
Ничего нет милей.

Значит так, Борис, сегодня вечером, я расслаблюсь и тогда смогу написать обстоятельно.

А сейчас хочу Вам сказать великое спасибо за контакты, которые начинают восстанавливаться.

Мы можем с Вами поговорить по Скайпу в подходящее, совмещённое время. Судя по всему, я более свободна, чем Вы и могу разговаривать с Вами даже среди ночи по датскому времени, если Вам это будет удобно.

<...>

Нина

Письмо № 6.

Б. Докторов Н. Ларсен; 2 сентября 2011

Хорошо, прекрасно.. вот что, Нина, я сейчас напишу Божкову Олегу, который после смерти Валерия выпустил его книгу и проводит Голофастовские чтения.. если последний сборник еще незавершен, то ваши воспоминания могут сразу войти в сборник.. или мы вывесим их на нашем историко-биографическом сайте.. пока пишите.. всего, Борис

Письмо № 7.

Б. Докторов Н. Ларсен; 2 сентября 2011

Нина, вот отклик Божкова на нашу переписку:

... огромное спасибо за это послание. К сожалению, я почему-то не получил твоего выступления на «Свободе». Можешь

ли послать мне его еще раз? Любой текст о Валерии, как ты понимаешь, для меня очень дорог. Я подумую, как и где опубликовать эти материалы. Кстати, у меня есть довольно много стихов Валеры. Может быть имеет смысл сделать сборник, посвященный его памяти (вне зависимости от чтений, а м.б и приурочив его, скажем к 75-летию Валеры), куда вошли бы и его стихи, и воспоминания о нем разных людей. Что скажешь на эту идею?

Олег.

..естественно, я поддержал эту идею.. пишите.. Борис

Письмо № 8.

Б. Докторов Н. Ларсен; 3 сентября 2011

Дорогая Нина, от вашего (вы простите мое «вашего» с маленькой буквы.. что поделаешь, так привык.. я вообще не любитель заглавных букв) письма тепло исходит.. я прекрасно вас понимаю.. вы хотели найти что-либо о Валерии, перебирали разные ключевые слова, но это не помогало.. бывает... как испытание.. у меня такое раньше бывало.. хочешь что-либо отыскать, не получается.. случилось, искал месяцами, и в один прекрасный вечер натыкаешься.. и идет пластом.. и не понимаешь, как это ты раньше не находил..

...приведенные вами стихи Валерия очень теплые, искренние, хорошие.. ведь прав Константин Кузьминский, когда писал, что Валерий приехал в Ленинград уже будучи поэтом... возможно, вы прочитали мой рассказ о нем на сайте Радио Свобода, там коротко и однозначно сказано, что для меня Валерий стал более понятен, после того, как он написал о своем юношеском увлечении стихами.. вот и вы – о том же.. утром я переслал вам письмоцо Олега Божкова о его готовности включить ваши воспоминания в сборник Голофастовских чтений.. но у нас есть еще сайт «Международная биографическая инициатива» <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>, на нем много эссе, статей памяти Валерия.. и для ваших воспоминаний место найдется..

... пожалуйста, напишите мне о себе... так и распишитесь.. всего самого доброго, Борис

Письмо № 9.

Н. Ларсен Б. Докторову; 3 сентября 2011

Добрый день, Борис!

<...>

Пишется вам это письмо в 12 ч. 23 мин. по датскому времени. В стране предвыборная гонка. И все центральные площади Копенгагена заняты под всевозможные демонстрации,

выступления, концерты. Здесь у нас за окном пешеходная улица и там тоже кто-то что-то концертирует. Слышно даже за двойными стёклами. А народ, как в «Риме», очень любит, когда шумно.

Поэтому чаще всего я пишу ночью. Или МЫ пишем вдвоём ночью. Тишина способствует, вы сами знаете. Но меня уже заедает совесть, что я вам не отвечаю полноценно.

<...>

Вчера вечером ещё всплыло несколько строчек. Валерьевых.

«На улице – сумятица
Зима нашла занятыице...»

Дальше я не помню. Но из того же стихотворения вот ещё четыре строчки:

«...И чьи-то чудо-пальцы
Наигрывают стансы
На проводах фонарных,
Как на струнах гитарных...»

Факт, когда их произносишь, возникает чувство смакования.

Давайте, Борис, сделаем так. Вы предложили мне написать что-нибудь о себе. О себе писать, вы сами знаете, сложнее, чем о ком-нибудь. Мне проще было бы ответить на какие-либо вопросы.

А о Валерии – мне нужна ночная тишина.

В контексте обращения на «Вы».

В Дании, мы давно уже – можно сказать – привыкли, что здесь подавляющее большинство датчан обращаются друг к другу, используя форму личного местоимения второго лица в единственном числе (вот как я закрутила!).

Короче говоря, все говорят друг другу, независимо от возраста и социального положения, «ду» (du [tu]), т.е. «ты». И это, несмотря на то, что в языке форма «Вы» (De [ti]) ещё существует – украдкой. К королеве – как к некоему реликту или историческому рудименту – снисходительно ещё могут (но не обязательно) обратиться на «Вы». Она у нас тётка простая – курит как паровоз и периодически меняет нормальные органы на искусственные.

Итак: долой приличия и высокопарности! Можно даже на «ты», как на нейтральное «you».

Так что в одну из самых ближайших ночей – я созрею.

Пишите. Мне приятно от вас получать не путевые, а беговые заметки.

Нина

Письмо № 10.

Б. Докторов Н. Ларсен; 5 сентября 2011

Нина, похоже вы решили сразу написать повесть или роман .. возможно, в стихах.. иначе не могу понять вашего молчания.. Борис

Письмо № 11.

Н. Ларсен Б. Докторову; 7 сентября 2011

День добрый, Борис!

Нет, сразу отвечаю, ни романов, ни повестей не пишу. Это забирает очень много времени. В стихах – зачем – ? Есть такой парень, регулярно печатающийся в «Новой газете» – Дмитрий Быков. Я с удовольствием читаю его иронизмы (ехидизмы) в стихах. Не берусь так, как он.

Но напишу о том, что имеет некоторое отношение к Валерию Голофасту.

В 1957-м, по-моему, в декабре пришёл в тот класс, 10-Б, где училась я, Флинк Э.Е. и предложил желающим записаться в Литстудию при дворце пионеров. Я, единственная из всего класса, пришла в студию в назначенный день к назначенному времени.

Там я и обнаружила из 10-В класса Трякина Владимира и Борисова Евгения, с которыми я и раньше, разумеется, была знакома.

Была ещё девочка-восьмиклассница – Кекушева Галина из СШ № 81.

О Валерии не помню, появился ли он в тот день.

Руководитель предложил чтения повести «Золотая роза», которая была закончена Паустовским после его круиза на теплоходе «Победа» вокруг Европы. К тому времени писатель смог купить дом в Тарусе, где мне удалось однажды побывать в летнее время.

Потом зашла речь о выпуске газеты к Новому году. На одно из занятий пришёл и Валерий. Кроме нас, перечисленных, было ещё человек пять из разных школ. Они просто присутствовали, мне кажется. Что-то мычали, участвуя вразнобой.

За газету взялись, насколько помню, три человека – Трякин, Борисов и я. Газета получилась звонкая, длиной в три ватманских листа. На зависть дворцопионерцам. Там же, в газете, и были те стихи Валерия, часть из которых я запомнила: «На улице сумятица...».

Я пробовала вымучивать что-то длинное, с весьма слабыми рифмами, посвящённое предстоящему празднику, зиме с её снежинками и кукольным дедкой-Морозкой, но – нет, кажется-таки, отказалась от этой затеи.

Не помню чего-нибудь выдающегося, что могло бы произойти за те оставшиеся полгода, которые нам оставались до окончания школы. Мы ходили в студию, чтобы отвлечься от настоящих занятий в школе.

<...>

Валерия – пыталась обхаживать девица из школы, находящаяся за пределами центра. Дубоватая девица – из тех, которые намечают цель и, по-собачьи преданно заглядывая цели в рот, пробуют повторять непонятные им слова. Скорее всего, этой девице, преждевременно перезревшей, сказали в школе: «Пойди хоть куда-нибудь-займись-хоть-чем-нибудь!»

Валерий принимал её ухаживания с мягкой ироничностью. А тут май начался, сирень, акация, сочные южные ночи.

Возможно, тогда и родились строчки «майская весёлость...».

Несомненно, присутствовало есенинское настроение. Но говорить о подражании Есенину, думаю, было бы грубым. Я встречала тех, кто о Голофасте говорил неодобрительно. Например, по поводу фразы «жизнь в шестнадцать вёсен вовсе не сложна» сказано было одним из моих сокурсников, впоследствии, что это наивщина и безответственность. Мне не хватало в те времена слов (и знаний) отстоять свою, а я понимала, что верную – точку зрения.

Однажды я пришла к Дому пионеров и застала там только одного человека, который учился в той же школе, что и Кекушева. Его звали Валерий Сало. Мне он сказал, что Эдуард Ефремович чуть приболел и просил прийти к нему домой.

Жил Эдуард Ефремович в малюсенькой кирпичной пристройке неподалёку от нашей школы. С какими-то там условиями удобствами.

Мы просидели у него часа три или четыре. Было интересно.

Я тогда раздумывала, что буду делать после окончания школы. У меня было ощущение такое, будто стою на краю обрыва. Эдуард Ефремович настроил меня очень точно, и я последовала его совету. Ценным совет оказался.

<...>

Нина.

Письмо № 12.

Б. Докторов Н. Ларсен; 8 сентября 2011

Дорогая Нина.. еще раз перечитал твой текст.. он дорогого стоит.. а кто ты по профессии?

..начну издавека.. по-моему, я писал тебе о том, что многие материалы Валерия лежат на сайте Проекта «Международная биографическая инициатива».. <<http://www.unlv>.

edu/centers/cdclv/programs/bios.html>, это, скажу без лишней скромности, самая полная коллекция биографических материалов и статей по биографическому методу.. вокруг этого сайта собралась очень профессиональная международная группа социологов.. у каждого – свое дело, но вместе мы разрабатываем вопросы биографики и истории социологии.. так вот, вчера мы вывесили на сайте Протокол нашей первой большой дискуссии по ряду вопросов, соотнесенных с этой темой <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/collegetinvisible_11.pdf>.

Он очень длинный и местами «засушенный», но важно другое.. сейчас мы активно обсуждаем эти же темы, новые грани и затем вывесим Протокол №2.. я показал моим друзьям два твоих первых письма (многие из них знали Валерия десятилетиями). Все нашли твою историю очень интересной и порождающей массу вопросов для исследователей биографий, прошлого.. мой вопрос: «Могу я подготовить на базе твоих писем мне и моих тебе текст для общего обсуждения?».. естественно, все, что я буду делать, я буду обсуждать с тобой... если ты считаешь, что там есть нечто очень личное, уберем.. А?

<...>

...Всего доброго, Борис

Письмо № 13.

Н. Ларсен Б. Докторову; 10 сентября 2011

Продолжаю начатое прошлой ночью.

Вот, о чём хотела я спросить тебя, Борис, в связи с предложенной социологической темой.

1. Мне интересно, чем, именно, привлекли мои письма тебя и твоих коллег, кроме того, что я написала о Валерии.

2. Каким образом это может (или должно) быть использовано?

3. В какой форме должно выражаться моё участие? Или не должно?

<...>

Всё пока, Борис. Нина.

Письмо № 14.

Н. Ларсен Б. Докторову; 10 сентября 2011

Напишу-ка я:

День добрый, дорогой Борис!

В Дании около 6-ти вечера, в Калифорнии – около 9-ти утра.

Хочется же соответствовать. Пока допишу это письмишко, в Калифорнии наступит день. ...

<...>

После внимательного прочтения твоего письма делаю вывод, что оно меня побуждает к более доверительному тону.

<...>

Твой вопрос, Борис: «Могу я подготовить на базе...»

Думаю, что да. Да. За исключением, возможно, каких-то деталей, подумаяю.

Тебе интересно, кто я по профессии. Ой. Рядовая распространённая, часто презираемая определённым типом прямоходящих. Нелёгкий, неблагодарный, ненормированный труд. Без которого мне здесь тоскливо нередко.

Учитель...

Что можно сказать...

Кто только ни шёл в советское время в учителя – за престижем, за двухмесячным летним отпуском?

Ты знаешь, Борис, мне часто не хватает тех знаков, как принято их называть, препинания, которые существуют. Допустим, вопросительный знак. А если вопрос риторический?

Иронический – ? Знаки пререкания – как? Смайлики – не люблю. Здесь, когда едешь в электричке, видишь часто, как беседуют между собой девицы. Как в беседе участвуют все (без преувеличения) части тела. Слов не хватает и – включается система жестикующий и мимических выкрутас. Ужимки – было такое слово в старину.

У каждого из нас есть старый, 74-го года издания большой датско-русский словарь под редакцией А.С. Новаковича. Хороший, добросовестный словарь. Выручал и выручает. Но. Очень многие слова и выражения, имеющиеся в этом словаре, начисто вышли из употребления. Не нужны, значит. На смену словам приходят разнообразные телодвижения. Так – понятней. Не только собеседникам, но и всем прочим вокруг.

Письмо № 15.

Б. Докторов Н. Ларсен; 10 сентября 2011

получил.. прочту внимательно... подумаяю.. отведу..
Учитель – прекрасно... Борис

Письмо № 16.

Б. Докторов Н. Ларсен; 17 сентября 2011

Нина, уже много лет я стараюсь ежедневно писать по 4-5 тыс. знаков... но это не эссе, это статьи, книги, чтобы написать 1000 знаков, надо прочесть во много раз больше, да и подумать тоже необходимо .. но, скажу, 4-5 тыс. – это много.. публикация я очень много, и дело не в деньгах, ...в России за статьи не платят.. гонорары за книги я не получаю, хорошо, что не

просят денег за издание.. это очень сложная система.. в эти дни я был очень загружен.. а написать тебе хотелось.. но статью я закончил, завтра перечитаю и отправлю.. другая работа – еще на много месяцев.. не горит..

Почему я серьезно отнесся к твоим письмам и раздумываю о сказанном тобою? Потому что сказанное них оказалось созвучным моему пониманию развития личности Голофаста.. я допускал раньше что мог ошибаться.. переоценивать значение его юношеской включенности в стихи, в поэзию.. возможно, и сейчас ошибаюсь, но вероятность ошибки уже меньше.. понимаешь в чем дело, верно Константин Кузьминский писал о стихах Голофаста, что они становились все более философскими.. но все более, означает, что они таковыми были раньше.. но не в той мере.. дело в том, что метр стиха, ритм, рифма очень организуют мышление и развивают множество полезных свойств ума.. но не они главные в стихах.. настоящие поэты прежде всего очень образованные люди, знающие историю, культуру, часто интересующиеся техникой, наукой.. у меня есть две книги, которые я постоянно перечитываю.. это: беседы Соломона Волкова с Иосифом Бродским и десятки интервью с Бродским.. перечитываю не потому, что большой любитель стихов Бродского, но потому что там, где он описывает свою жизнь до Америки, я нахожу многое, что было в моей жизни.. хотя я никогда не писал стихов, поздно стал их читать, получил математическое образование и так далее..

Бродский всего на год старше меня.. он жил (не знаю, бывала ли ты в Ленинграде) в той же части города, что и я.. в той же архитектуре, в той же среде, в том же климате.. это близко от центра, но не центр.. это еще дореволюционная архитектура, близко от Невы.. Бродский восхищался Васильевским островом (Университет, Кунсткамера.. это мирового уровня архитектурные ансамбли..).. но я там учился.. и люблю эти места.. его притягивал район Новой Голландии, но там располагался факультет психологии, в котором в поздние студенческие годы и аспирантские годы я бывал почти ежедневно.. он любил Неву в районе Смольного, но я там жил.. читая Бродского, я все время возвращаюсь в прошлое (Бродский говорил, что география и есть Родина) и пытаюсь понять, как могло развиваться сознание людей, которые рано пришли в поэзию.. и все время перебрасываю мост к Голофасту.. и прочерчиваю его движение в социологию (хотя многое в жизни происходит случайно..)..
я сейчас не говорю и масштабах талантов, о личностном потенциале.. говорю о некотором каркасе рассуждений..

..я около десяти лет провожу историко-биографические исследования, и меня интересует многое.. в частности, факторы,

обстоятельства формирования внутреннего мира человека, его личности.. так случилось, что на протяжении многих лет биографические исследования в СССР были редкостью, верхом достижений считались книги серии «Жизнь замечательных людей», хотя люди о которых эти книги писались, часто не были замечательными, да и уровень проработки биографий был крайне низким.. почему так было, я не буду объяснять, хотя это несложно.. но как результат – нет теории написания биографий, нет серьезных архивов биографической информации.. ...нет культуры работы с биографическими данными..

..удивительно, но Валерий одним из первых в СССР, еще в начале перестроечных лет начал сбор биографической информации о «простых людях».. под его руководством началась разработка методов изучения биографического материала.. почему именно он? Можно отмахнуться от этого вопроса.. но можно связать ответ на этот вопрос с его пониманием человека.. можно – с его стремлением узнать, как можно больше о судьбах людей.. это еще социология, но уже и культурология.. и близко к литературе..

Я был бы рад, если бы мои рассуждения о том, как писать биографии социологов, уже позволили бы мне активно работать в этой области, но пока это все догадки, гипотезы, прощупывание.. и твои тексты позволили мне найти небольшую точку опоры в той зыбкости, по которой я иду..

Самолучшего, Борис

Несколько общих суждений по поводу частного случая

В рамках проводимых мною более десяти лет исторических исследований переписка с Ниной Ларсен представляется мне интересной по причине необычности ее возникновения и в силу ее контента.

При сборе и анализе биографического материала об американских полстерах, создателях современной выборочной технологии опросов общественного мнения, я достаточно быстро обнаружил, что обращение за помощью к людям которые знали их, позволит мне не только получить необходимую информацию, но почувствовать личностные особенности моих героев. Ведь я ни с кем из них не был знаком, да и американскую жизнь лишь начинал постигать. Мне повезло, меня поддержал сын Джорджа Гэллапа – Джордж Гэллап-мл., интересные материалы прислал сын Хедли Кроссли, статью об Арчибальде Кроссли я написал с его дочерью. Многие коллеги Гэллапа, работавшие с ним после войны, прислали мне свои

воспоминания о нем. Одновременно я стал искать переписку интересующих меня людей в американских архивах. Во всех этих случаях заказ на информацию исходил от меня: я искал тех, от кого надеялся ее получить, и я обозначал тематику запроса. Сказанное относится и к переписке с большим числом российских социологов; содержащаяся в них биографическая информация, это, как правило, реакция на мои вопросы.

Иное – начало переписки с Ниной Ларсен. Я помню мое удивление, когда в строке «тема» одного из электронных писем (Письмо №1) увидел непривычное сочетание английского «Denmark» и русского «Голофаст»: «Greetings from Denmark / Валерий Голофаст, Владимир Трякин». Все письма сохранились в моем «почтовом ящике»; поскольку я использую почту <inbox.ru>, то время на них – московское: 2 сентября 2011, 00:35 (В Калифорнии это было 1 сентября, 13:35). По-видимому потребовалось 14 минут, чтобы придти в себя и в 00:49 ответить короткой запиской, начинающейся словами: «Во, как забавно, Нина...» (Письмо №2). А еще через 10 минут (00:59) я отправил человеку, о существовании которого менее получаса назад вообще не знал, предложение посетить сайт <http://kkk-bluelagoon.nm.ru/tom5a/zub_golofast.htm#2> (Письмо №3).

По-видимому в тот момент мне казалось, что воспоминания Константина Кузьминского о Голофасте и несколько его стихов начала 60-х будут интересны Нине, ибо они в полной мере отвечали содержанию и настрою ее первого письма; как я тогда его понимал. Текст Кузьминского озаглавлен «Голофаст» и начинается так:

Что сказать о поэте? Я не Бахрах. Байками я могу пробавляться – там, где можно бы – промолчать. Геологи, биологи, филологи, кто тулупы, кто просто – чайники, 19 лет, двадцать лет прошло уже, и сейчас Голофасту – 40. Я ошибся, он на год был старше меня, или же, наоборот, на год моложе.

И сейчас мне грустно: какого поэта я потерял, или он – потерял сам себя? Кто теперь скажет? И не только поэта, но и все его рукописи. Здесь постаралась подруга Евтушенко уже, как я говорил, Эстер Вейнгер. Не могли справиться руки Бори Тайгина со всеми поэтами. Дал я рукописи Голофаста девушке. Но потом пропал Голофаст, потом я, потом Эстер куда-то уехала. В Москву, не иначе. Или на Валаам. Потом, с 64-го года «издательство» наше рухнуло, Боря пошел работать в вечер, и о 70-х я о Голофасте не вспоминал. А напрасно.

Когда вспомнил, было уже поздно. Рукописи были потеряны на Всеволожской, и то, что сохранилось – чудом – у меня, это уже ошметки. Читал я на память только то, что мне нравилось, текста четыре. Остальные оценил – сегодня, 20 лет спустя. Ког-

да печатал игривую статью «ЗУБ», вдруг, в напряге, вспомнил разом наизусть, всю «Балладу, написанную в дороге», которую не особо и любил. И уж не перечитывал – лет 19.

Возможно, обращение к воспоминаниям Кузьминского о Голофасте оказалось в психологическом и информационном плане верным. Во всяком случае, когда через семь часов (2 сентября в 07:42 по московскому времени, или 1 сентября в 20:42 – по калифорнийскому) я писал Нине Ларсен более обстоятельный ответ (Письмо №4), у меня было ощущение того, что нас давно и нечто важное связывает. Ее воспоминания (Письмо №5) пришли ко мне через четыре часа (2 сентября в 11:59 по московскому времени, или 2 сентября в 0:59 – по калифорнийскому). Таким образом, можно сказать, наше общение носило характер информационного взрыва; оно сразу стало весьма доверительным (замечу, в Письмах № 4 и № 5 снято по одному фрагменту) и – для нас – информативным.

Сейчас, перечитывая переписку первого дня, у меня создается ощущение того, что у каждого из нас была глубинная установка, предрасположенность к этой «встрече», она «ожидалась» нами. В Письме №5 Нина описывает свои поиски информации о Валерии Голофасте: «И вот я опять пошла, в который раз, через свой айфончик в интернет и вдруг наткнулась! Она увидела его фотографию и любимое ее с юности стихотворение Голофаста, о котором она рассказывала своему сыну. Она «пришла в неописуемый восторг» и сразу послала сыну эсэмэску, «дескать, прочти, восторгнись!». В моей многолетней практике сбора биографической информации были случаи, когда после долгого блуждания в Интернете я находил нужного мне человека. Поэтому мне легко было представить чувства, которые переживала Нина.

О себе могу сказать, что я постоянно включен в поиски новых биографических сведений о российских социологах, особенно тех, кого интервьюировал или жизнь которых целенаправленно изучал. Но я никак не ожидал получить сведения о Голофасте из Дании.

Теперь отмечу, почему меня сразу заинтересовало письмо Нины Ларсен, чем полезно для меня все сообщенное ею. Это будет дополнение к сказанному в Письме № 16. Суть такова: в моей трактовке прихода Голофаста в социологию и специфики его научных интересов, а также стилевых характеристик его текстов, особенно написанных им в последние годы жизни, я придаю большое значение его поэтическим увлечениям в юности и ранней молодости. Воспоминания Нины именно о том времени, о том дискурсе: «...Жизнь в шестнадцать весен / Все не сложна...».

Возможно, в будущем я попытаюсь на основе стихов Голофаства, которые хранятся в архиве Олега Божкова и которые запомнились Кузьминскому и Ларсен, очертить его предметный и чувственный мир и разглядеть в нем базис его социологических исследований. При этом замечу, Голофаств для меня не только личность, индивид со своей уникальной жизненной траекторией, но и представитель третьего поколения советских / российских социологов.

В заголовке этой статьи использовано понятие «дисциплины» поэтического текста, о которой много и обстоятельно рассуждал Иосиф Бродский, рассказывая о природе и технологии своей работы. Я не хочу дать и намек на сравнение стихов Бродского и Голофаства, даже имея в виду начало 60-х, но будет оправданно говорить, что в указанное время они оба принадлежали к относительно небольшой группе молодых ленинградских поэтов, которых не печатали и которые в своих бесконечных спорах обсуждали законы – не менее – мироздания и стихосложения. Вновь процитирую Кузьминского, издателя многотомной антологии андеграундной поэзии «У голубой лагуны»: «По критериям Бродского, кроме него, Уфлянда, да еще, может быть, Рейна, в антологии никого не останется. У меня другие критерии. Голофаств. Он тоже входил в нашу «школу», хотя не был биологом. А филологом». А несколько ниже, будучи на год старше Голофаства, Кузьминский пишет о нем: «Казался он мне почему-то гораздо старше, может, потому что сам я был щенком? Но ощущение большего знания – у меня осталось надолго. Был он умнее всех нас».

Замечу, письмо Нины Ларсен пришло всего через двадцать после моего рассказа о Валерии Голофастве по Радио Свобода (9 августа 2011)*, и я еще не в полной мере освободился от размышлений о его жизни и исследованиях. В частности в том интервью я отметил: «Так, как писал Голофаств, было дано немногим.

Думаю, в нем всегда сохранялась «дисциплина текста», присущая людям поэзии. Голофаств задумывался не только о том, что сказать о социуме, но был сконцентрирован и на мысли о том, как выразить итоги своих размышлений».

Допускаю существование многих объяснений того, что творческая, в том числе – научная деятельность человека, не ставшего профессиональным поэтом, но рано погрузившегося в поэзию и привыкшего к дисциплине текста, на протяжении

* Социолог Валерий Голофаств: «Мне нужна интеллектуальная свобода внутри и вовне» (Интервью Б.Докторова В. Боде) <http://www.svobodanews.ru/content/article/24302065.html>

всей его жизни заметно обусловлена этим его ранним опытом. По А. Шюцу, жизнь человека развивается во множестве миров, каждому из которых присущ определенный «когнитивный стиль», т.е. особая форма вовлеченности личности в активную деятельность. Эти миры автономны, но не антагонистичны. Сформировавшаяся в молодом человеке методология поэтического постижения и отражения мира каким-то образом универсализируется и позже используется им при построении научной картины мира. В частности, если говорить о творчестве Валерии Голофаства, в его социологических исследованиях.

ОН ИЗУЧАЛ ЛЮДСКИЕ МНЕНИЯ «НЕЩАДНО, ВОПРЕКИ ВСЕМУ»*

Смерть Бориса Андреевича Грушина – огромная потеря не только для его родных и друзей. Это событие глубоко переживается всем сообществом российских социологов и теми, кто на постсоветском пространстве изучает общественное мнение.

Завершилась жизнь Грушина, но не его судьба. Начав четыре десятилетия назад опросы общественного мнения в СССР, он столкнул с горы камушек, породивший лавину. Он дал возможность высказаться десятилетиями молчавшему обществу, и не приходится сомневаться в том, что в политической культуре XX столетия имя Грушина будет стоять в одном ряду с выдающимися гуманистами, считавшими демократию и свободу важнейшими ценностями.

По своим политико-гражданским воззрениям Грушин не был ни «красным», ни «белым», ни левым, ни правым, ни либералом, ни консерватором, ни русофилом, ни западником, ни пессимистом, ни оптимистом. Он старался быть совершенно свободным, у него была своя цель в жизни и своя дорога. Его студенческому другу, одному из крупнейших философов XX века Мерабу Мамардашвили принадлежат слова: «Мы не участвовали в чужих войнах, мы вели свои». И Грушин говорил: «Мы действительно никогда не включались ни в какие политические сюжеты – даже если речь шла о Сахарове или об “уходе в диссиденты”». Когда ему предлагали это, он отвечал, что у него «есть работа на собственном поле» [1].

Несколько лет назад я опубликовал пространную статью [2] о творчестве Грушина, потом были главы о нем в книгах по истории изучения общественного мнения [3]. Было трудно писать о живом классике российской социологии, нельзя было допустить и намека на лесть. Теперь – иная трудность: как написать о Грушине выпукло, но не пафосно? Мои заметки – пристрастны, но историко-биографические работы в принципе не могут не быть личностными, тем более когда пишешь о человеке и ученом, которого хорошо знал и сделанное которым очень высоко ценишь.

Настоящая статья – дань памяти и уважения одному из первых советских/российских социологов постхрущевского периода, и одновременно – часть историко-наукovedческого исследования, в котором прошлое отечественной социологии раскрывается через биографии ее творцов. Она относится к на-

* Докторов Б.З. Он изучал людские мнения «нещадно, вопреки всему». Памяти Б. А. Грушина (1929-2007) // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 171-184.

правлению «оперативных историко-биографических» исследований [4]; цель которых заключается в анализе с «близкого расстояния» личных судеб и творчества ученых, чей жизненный путь завершился, но наследие останется значимым для будущего. Записанные сегодня, пусть даже очень бегло, воспоминания, наблюдения, опубликованные документы окажутся крайне ценными для истории российской социологии.

Продолжительная болезнь Грушина не позволила мне провести с ним электронное интервью, а мои короткие приезды в Москву были недостаточными для обстоятельного разговора. Но в последние годы Грушин дал ряд интервью журналистам, которых хорошо знал и которым верил, потому – отвечал развернуто и раскованно. Эти интервью и тексты самого Грушина составляют информационную базу настоящей работы.

Как-то Грушин сказал, что его жизнь была бурной, но не состоявшейся. Затем уточнил: «состоялась, но не удалась» [5]. С этими словами Бориса Андреевича невозможно согласиться.

Человек идеалов и идей

Сын Джорджа Гэллапа, Джордж Гэллап-младший сказал о своем отце: «Он был человеком идей и идеалов» [6]. Эту характеристику в различной мере можно распространить на советских социологов-шестидесятников, начинавших свои исследования на рубеже 1950–1960-х годов, но в первую очередь, она относится к Грушину. Слова сына Джорджа Гэллапа были спонтанной реакцией на вопрос интервью, в равной мере он мог бы сказать и иначе: «человек идеалов и идей»; подобное изменение порядка слов было бы оправданным. Многие называли Гэллапа-старшего романтиком, считали, что он переоценивал способность населения адекватно понимать происходящее и разумно судить о политике. Но он, будучи представителем десятого поколения американцев, осознавал свою связь с прошлым и называл себя апостолом демократии. Гэллап ощущал свое предназначение, слышал зов судьбы и вызовы времени.

Именно в таком порядке: идеалы и идеи – следует располагать указанные сущности применительно к творчеству и судьбе Грушина. Лишь идеалист, романтик был способен начать опросы общественного мнения в СССР в 1960-х годах, лишь такой человек мог бороться за их проведение, рисковать и жертвовать многим, носиться, как говорили его друзья, с «идеями-фикусом». Идей же у Грушина была масса. Его креативность видна во всех его делах: в творчестве теоретика

и методолога, методиста и организатора крупнейших социологических проектов.

Грушин сказал: «Я снял с себя кожаную куртку и маузер Ёрчагина в 49-м году, в пору борьбы компартии с космополитизмом» [5], однако дух окуджавских комиссаров «в пыльных шлемах» и светловская «испанская грусть» остались в нем. Иначе невозможно объяснить, почему, живя в обществе, в котором все подчинялось государству, он считал, что общественное мнение имеет право на существование и должно быть услышанным. Начиная опросы, Грушин не мог предполагать, что не только нашел тему исследований, но и определил линию своей жизни. Но он быстро распознал в них свою судьбу и занимался ими «нещадно и вопреки всему» [7].

В США, где в первой половине XIX века возникли простейшие опросы общественного мнения, а примерно через сто лет – научная, или гэллаповская, технология изучения мнений населения, для этого имелись весомые социальные предпосылки.

Первое: становление американской президентской власти и многоуровневой (страна, штаты, «районы») системы голосования. Отсюда желание избирателей, прессы и политиков как можно больше знать об электорате с целью предсказать итоги голосований. Одновременно отмечу стремление издателей (исходно – партийной, позже – внепартийной) прессы играть активную роль в политической жизни страны.

Второе: рыночная экономика, конкуренция и борьба за деньги потребителей. Это привело к появлению на рубеже XIX и XX веков служб изучения установок и поведения потребителей и к изучению эффективности рекламы. Для этого был необходим анализ аудитории газет, потом – журналов и еще позже – радио. Эти же каналы в периоды избирательных кампаний служили важнейшими средствами распространения политической и социальной информации.

Третье: непрерывное развитие в США системы наук о человеке. В данном случае я особенно выделяю такие направления психологии, как измерение способностей и конструирование тестов. Опыт университетских ученых быстро находил применение в прикладных разработках, поддерживавшихся бизнесом. Это видно по «траекториям преемственности» [8], которые показывают связь «учитель – ученик», соединяющую Гэллала с основателями европейской и американской психологии Гальтоном, Фехнером и Джемсом.

Ничего подобного для возникновения практики зондирования мнений населения СССР в 1960-е годы не существовало. Вместо выборов – голосование за одного кандидата, выдвигав-

шегося государством. Одна партия. Государственные средства массовой информации и идеологическая цензура. Плановая экономика, в которой не потребитель – король, но директивные органы. Психометрика, как и другие области психологии, была разгромлена в стране в 1930-е годы, и никакой непрерывности в развитии наук о человеке не было. В статье памяти Грушина его ровесник, учившийся на философском факультете Ленинградского университета, А. Здравомыслов писал, что во времена их студенчества понятие «социология» еще не употреблялось, оно существовало только в сочетании с прилагательным «буржуазная» [9].

Сказанное переводит задачу поиска факторов, детерминировавших начало деятельности Грушина по изучению общественного мнения, из проблемы анализа макросоциальных предпосылок в проблему биографическую и подводит к изучению его микросреды.

Рассматривая творчество и траекторию жизни Грушина, приходишь к выводу о том, что важнейшим стимулом, движителем его деятельности были идеалы свободы, уверенность в том, что власти обязаны слышать и слушать мнения людей. Потому так важно понять, откуда все это возникло в человеке, родившемся через 12 лет после Октябрьской революции и воспитывавшемся в годы почти тотального подавления личности.

В одном из интервью Грушин сказал следующее: «Я москвич в третьем поколении. Мама служила по бухгалтерской части. Дед был пекарем, отец тоже. У отца (мы с ним очень дружили) было 4 класса образования, но человек это был совершенно особого склада ума и характера. Член партии с 1924 года. Фронтовик – ушел добровольцем в первые же дни, хотя у него тогда уже не было одной почки. Был тяжело ранен. Карьеру свою он закончил в Минфине, в аппарате министра финансов А.Г. Зверева. Мне с генами передались от него два качества: честность в делах (до глупости) и аккуратность. У меня они выродились в этакий “перфекционизм”, я – “отличник по определению”. Отец оказал на меня огромное влияние» [1]. В личном письме Грушин, кроме того, сообщил мне, что его отец, будучи комсомольским и партийным активистом, быстро продвигался по службе и, став директором пекарни, был избран в Московский совет депутатов. Хотя у него не было особого образования, в середине 1930-х Моссовет направил его в Московский репертуарный комитет, утверждавший спектакли всех московских театров, кроме трех академических: Большого, Малого и МХАТа. Волей истории в 1939 году он попал в Министерство финансов СССР в качестве работника секретно-шифровального отдела. В 1943 году инвалидом войны вернулся домой.

Беседы в семье, общение со школьными друзьями (например, одноклассником и другом жизни Бориса был Егор Яковлев, в будущем одна из ярчайших фигур перестройки), встречи с фронтовиками, видевшими Европу [10], рано заставили Грушина задуматься о мире социальных отношений. «Золотой медалист, – отмечает М. Хромченко, – еще в школе начитавшись Гегеля и Фейербаха, легко преодолев собеседование, поступает на философский факультет университета с целью заниматься этикой и эстетикой по Чернышевскому. Оказывается, идейного комсомольца <...> не устраивало не только раздельное обучение, против которого он выступал еще в школе, но и некоторые отклонения в поведении советских людей в кавычках. Полагая, что для их исправления надо усилить коммунистическое воспитание, он хотел за годы обучения пополнить свой теоретический багаж. Окончательно переосмыслить систему идеологических координат ему пришлось, однако, в страшные годы борьбы с безродными космополитами, детей которых, тех, кто учился на его курсе, он чуть ли не в одиночку защищал» [11]. Возможно, что со временем Грушин стал бы «нормальным» философом, разрабатывал бы проблемы морали, но в год его поступления в университет на философском факультете была открыта кафедра логики, и Грушин, по его словам, «откликнулся на призыв партии и правительства» [12, с. 205].

Университетские годы Грушина прошли в напряженных философских дискуссиях внутри дружеского объединения, известного как «Московский логический кружок» (МЛК), возникшего в начале 1950-х годов. Его основателями, помимо Грушина, были еще три человека, каждый из которых внес значительный вклад в науку, философскую культуру и нравственный климат советского общества: прошедший войну Александр Александрович Зиновьев (1922–2006), Георгий Петрович Щедровицкий (1929–1994) и Мераб Константинович Мамардашвили (1930–1990). Участники МЛК называли себя диалектическими станковистами, или «диастанкурами». Мамардашвили объяснял происхождение этого названия так: «Издеваясь над приспособленческим искусством – “реалистическим”... где фактом нового искусства считалось само изображение новых людей, то есть партийных руководителей района и всей страны, когда портреты выполнялись в гайках, сеном... есть смешная картинка такого наблюдения у Ильфа и Петрова. Они назвали подобных “художников” диалектическими станковистами – диастанкурами! Вот в этом смысле, плюс внутренняя аллитерация, мы и были четверьмя диастанкурами... скажем так» [13]. Грушин уточнил эту версию: «...поначалу

мы назывались просто диалектические станковисты, а я, как любитель древнегреческого эпоса, знал о двух выдающихся братьях-близнецах Диоскурах, Касторе и Полидевке, которые не расставались никогда друг с другом. И потому, желая подчеркнуть особый тип наших отношений, предложил называться “диастанкурами”. Так выглядело все на самом деле».

Диастанкуры стремились раскрыть приемы и процессы мышления, познания и назвали разрабатывавшуюся ими логику генетически-содержательной. Они не были ревизионистами Маркса, как и не были марксистами, просто в логике «Капитала» они обнаружили некий образец интеллектуальной работы; они трактовали этот труд как текст мыслителя по имени Маркс.

В 1952 году Грушин с красным дипломом окончил МГУ и, поступив в аспирантуру, приступил к разработке темы: «Приемы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития». Однако его трактовка соотношения логического и исторического не нашла поддержки у ученого совета, и в 1955 году диссертанта провалили на предзащите. В 1957 году защита диссертации длилась пять с половиной часов, и в обсуждении участвовало 13 человек. Итог голосования был успешным: 15 «за» и 3 «против», но эти трое написали в ВАК о том, что факультет совершил грубую идеологическую ошибку, пропустив антимарксистскую работу. Грушину пришлось защищать диссертацию в ВАКе. Все завершилось в 1958 году, и через несколько лет диссертация была опубликована в виде монографии [14].

Могли ли эти абстрактные философские исследования Грушина позже подвести его к социологическим исследованиям массового сознания? Думается, что да, просматривается достаточно простая логическая цепочка: разрешая себе быть свободным в своих теоретических суждениях, Грушин не мог не подойти и к признанию свободы для людей с улицы воспринимать мир и высказывать свои суждения о нем. Настоящая философия – социальна и моральна, и Грушин воспринял ее ядро. Будучи диастанкурором, Грушин не мог не разделять одного из важнейших политико-нравственных положений философии Мамардашвили, видевшего назначение человека в том, чтобы стать свободным.

Приступив к опросам, Грушин «поменял» предмет исследования: от изучения научного мышления он перешел к массовому, и опросы стали его естественным инструментом. Не зная опыта Гэллапа, находясь в принципиально иной политико-экономической и социально-нравственной среде, чем американские отцы-основатели опросов, и оставаясь при этом

философом, развивавшим теорию познания, Грушин пришел к тому же эмпирическому методу познания установок, что и они. Здесь мы имеем очень интересный науковедческий инвариант.

«In pivo veritas»

Утверждение о том, что постхрущевская социология является продуктом, продолжением, рефлексией «оттепели», верно, но подобная формулировка имеет слишком общий характер и соответствует институциональной трактовке истории советской/российской социологии. При стремлении к познанию прошлого отечественной социологии через биографии ее активных создателей необходим более тонкий индивидуально-личностный анализ. Важно найти в жизни конкретных социологов те события, обстоятельства, которые свидетельствовали бы о специфике, особенностях их погруженности в культуру той эпохи. Обнаружение подобных знаков позволит увидеть обусловленность творчества социолога влиянием атмосферы «оттепели».

Если говорить о Грушине, то прежде всего следует отметить, что появление группы диастанкуров – следствие начинавшегося потепления политического климата в стране. Существенно замечание Мамардашвили: «Наша общность возникла по гусарским <...> каналам. Какая-то струйка свободы продолжалась, ее нельзя было до конца истребить, так же как нельзя до конца истребить жизнь. И существование этой внутренней независимости выразилось, в частности, походами – не попойками, <...> по Москве большими компаниями молодежи, она липла к нам, и это было спонтанным возобновлением прежних студенческих вольных форм общения» [13]. В середине 1990-х Грушин отметит, что такие прогулки и беседы не были безопасны, и вспомнит слова Мамардашвили: «...мы все ходили по краю бездны» [12, с. 207].

Здесь мне представляется важным указать тему, которая еще обсуждалась в работах по истории послевоенной российской социологии, но развитие которой может серьезно углубить понимание генезиса нашей науки и ряда особенностей ее развития. Речь идет о поиске механизмов и определении масштабов влияния на становление социологии элементов неофициальной, самиздатовской, андеграундной, смеховой культуры 1950–1970-х годов. Эта тема периферийна (если вообще может быть прописана) в рамках институционального изучения истории отечественной социологии, но она становится значимой, если входить в историю через биографии социологов.

В очерке о Галине Старовойтовой (1946–1998) было показано, что многое в ее гражданской позиции и научной деятельности было порождено «сайгонской культурой» – элементом андеграундной культуры Ленинграда 1960–1970-х годов. То же можно отнести к особенностям социологического мышления Валерия Голофаства (1941–2004) [15]. В данном случае речь идет о располагавшемся в центре Ленинграда кафе, за которым закрепилось имя «Сайгон» и в котором собирались молодые представители богемы и диссиденты. К «сайгонавтам» относятся: И. Бродский, С. Довлатов, В. Кривулин, М. Шемякин, группа «митьков», Б. Гребенщиков, С. Курехин, В. Цой.

Полагаю, что многое в профессиональной и общей культуре Грушина обусловлено его контактом с «пивным» и «баннным» миром Москвы. Грушин писал, что в студенческие годы диастанкуры постоянно посещали пивные, где вели непрекращающиеся споры о философии. Эта любовь к пиву стала импульсом для написания Грушиным книги «In pivo veritas», в которой он проявил себя и как исследователь массового сознания, и как истинный любитель пива и уникальный знаток пивной культуры [16]. Обращение Грушина к пивной и банной культурам нельзя свести к досугу или хобби, они были значимым элементом его культурно-профессионального мира, неременной частью среды его бытования.

Здесь я мог бы поделиться собственными впечатлениями о посещении с Грушиным бани и о разговорах о пиве... но дам слово другим...

Вот яркое наблюдение Щедровицкого: «Мы часто фланировали по улице Горького и по прилегающим к Пушкинской площади бульварам. Это всегда была компания в пять, шесть или восемь человек <...>, которая могла, скажем, собраться в два часа дня и до вечера двигаться по московским улицам, где-то оседать: либо в пивном баре номер один на улице Горького, либо в пивном баре в Столешниковом переулке, или доходить до Кировской, или идти еще куда-то. И вот именно здесь, в этом постоянном движении, оттачивались оппозиции, мысли» [17]. Теперь – фрагмент из воспоминаний Щедровицкого об истории московского методологического кружка: «...БА был великий мастер пить пиво с крабами. И всех нас научил, поэтому мы собирались рано утром, выбирали пивной бар и отправлялись туда. Сидели. Пили пиво и обсуждали проблемы философии и логики» [18].

Дополню сказанное цитатой из текста американского советолога и историка Стivena Гранта, подружившегося с Грушиным в конце 1980-х: «...то, что он был и остается знатоком

и энергичным потребителем пива, я могу подтвердить на собственном опыте, проведя с ним много вечеров в вашингтонских *rathskeller* (пивных, подвальчиках) после пары весьма приятных часов в бане» [19, с. 16].

Тому, кто сам хоть иногда бывал в пивных и рюмочных и хоть немного понимает смысл парилки или сауны, знакомо то анонимно-причастное (или причастно-анонимное) состояние, которое ощущаешь после получаса пребывания там. Ты одновременно существуешь, и тебя нет: ты – как другие, и другие как ты... ты «уважаешь» окружающих, и они «уважают» тебя... Пивная и баня (в силу их демократизма) были одновременно и школой свободомыслия Грушина, и площадкой анализа общественного мнения, фактически начатого им задолго до того, как он стал изучать его профессионально.

Многие формы диалога различных культурных миров внутри личности были открыты и впервые изучены М. Бахтиным; позже это направление философии и культурологии обогатилось серьезными методологическими выводами. Не останавливаясь на изложении концепций теории диалога, можно утверждать, что профессиональное сознание Грушина-социолога вмещало очень многое из городской смеховой культуры его времени (самодетельная и бардовская песня, анекдоты, изредка прорывавшиеся сквозь цензуру кинокомедии, выступления сатириков), которая несла в себе антисоветский потенциал.

На факультете журналистики МГУ Грушин в течение четырех лет вел семинар по анализу текстов массового сознания. Анализировались стихи Высоцкого, песни Пугачевой, сочинения Жванецкого, рассказы Хармса. Им было выделено 27 типов «текстов», позволяющих проследить менталитет народа. Под его руководством было защищено несколько диссертаций, в частности – «Анекдоты на тему: русские и другие». Было изучено свыше сотни анекдотов о том, как себя ведут русские и другие нации в тех или иных ситуациях, начиная с политики и кончая сексом [5].

В упомянутой выше статье Грант пишет: «В качестве последнего доказательства его остроумия назову нашу общую любовь к анекдотам, которые мы оба коллекционируем. Объем его коллекции, без сомнения, затмевает количество собранных мною анекдотов, хотя это десятки тысяч анекдотов прежде всего богатого советского прошлого и относительно немного – современных» [19, с. 16].

Грушинское обозначение постперестроечного периода как «социотрясения», его характеристика массового сознания россиян в начале XX века как «шизофренического», название

его передачи на «Радио “Свобода”» – «Общество имени Кафки Корчагина», заголовок статьи – «Ученый совет при Чингисхане» – это не только итоги многолетних научных наблюдений за динамикой социальных процессов в стране, но и индикатор его погруженности в смеховую культуру. На это указывает и реплика Грушина о том, что время покажет, кто стоял на пути развития советской социологии, а кто лежал, причем не вдоль, а поперек. Она была высказана им в защиту Ю.А. Левады, книгу которого по методологии социологических исследований громили на многочисленных собраниях.

Еще один диастанкур, Александр Зиновьев, проявил себя не только как логик, философ и социолог, но и как писатель-сатирик, мастерски использовавший образцы, традиции советской смеховой культуры. Достаточно вспомнить некоторые названия его книг: «Зияющие высоты», «Гомо советикус», «Пара беллум», «Катастрофка», «Глобальный человек».

Два научных и гражданских подвига Грушина

Выше было обозначены научные и общекультурные предпосылки движения Грушина в сторону изучения общественного мнения. Но в том, что он все же начал проведение опросов, есть сплетение закономерного и случайного. Как и в возникновении МЛК; вот слова Мамардашвили: «...начало всегда исторично, то есть случайно» [13]. Грушин оказался в нужный момент в нужном месте – в нужном для него, для социологической науки и для советского/российского общества. Этим местом стала «Комсомольская правда», и прав М. Хромченко, занимавшийся историей диастанкуров, утверждая, что «именно изучение почты подсказало [Грушину], что поступающий самостоком поток можно фокусировать вопросами из редакции. Тогда он и предложил создать при газете Институт общественного мнения, который стал для него формой научной деятельности» [20].

Настоящая статья – не место для детального перечисления сделанного Грушиным в области изучения общественного мнения; назову лишь два его вклада, которые могут быть признаны как научные и гражданские подвиги. Первый – создание в стране системы изучения общественного мнения. Второй – задуманное им и не в полной мере реализованное «четырёхнижие» – анализ общественного мнения населения России в эпохи Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина.

На вопрос журналистки О. Кучкиной о том, как он попал в «Комсомольскую правду», Грушин ответил: «Дуриком. Пос-

ле долгой безработицы <...> У меня был «волчий паспорт» <...> наш квартет на факультете философии считался анти-марксистским <...> Меня взяли в «КП» в один день. Жена Зиновьева Тамара Филатьева сказала: напиши нам что-нибудь, хоть гонорар получишь. И я написал статью «Главная экономическая задача СССР» – не помню, какая. Я сохранил все заметки в «Комсомолке», включая «Уголок орнитолога», который вел, а эта не сохранилась <...> Меня взяли в отдел пропаганды...» [21]. Это был 1956 год – хорошее для газеты время: поддерживались новые идеи и открывались новые жанры, проводились дискуссии по вопросам, волновавшим молодежь, публиковались письма реабилитированных, вернувшихся из концлагерей. По замечанию Грушина, многое шло от журналистов, пришедших с фронта, «они создали климат честности» [5].

Первые три года были тяжелыми для Грушина от мысли, что он предал любимое дело; но к 1960 году он постепенно перешел от изучения научного сознания к анализу сознания массового. Идея создать Институт общественного мнения была результатом размышлений, дискуссий Грушина и еще трех людей: тогдашнего главного редактора газеты Ю.П. Воронова (1929–1993), ее будущего главного редактора Б.Д. Панкова (р. 1931) и журналиста В.В. Чикина (р. 1932).

ИОМ «КП» возник в мае 1960 года, и Грушин стал его руководителем. Первый опрос был проведен 10–14 мая 1960 года в преддверии несостоявшегося Парижского совещания глав правительств СССР, США, Франции и Англии и всего через две недели после того, как на Урале был сбит американский самолет-разведчик и пленен пилот Пауэрс. Тема опроса: «Удастся ли человечеству предотвратить мировую войну?» была весьма актуальной, но напрямую не связанной с первомайским инцидентом. Опрос проходил в тех районах страны, жители которых «ближе всего столкнулось с бедствиями» войны. Это были населенные пункты, расположенные на 30-м, Пулковском, меридиане. На нем располагались четыре союзные республики бывшего СССР: РСФСР, Белоруссия, Украина и Молдавия; в годы войны там велись активные боевые действия и значительная часть обозначенной территории была оккупирована немецкими войсками. Отбор респондентов производился на основе (условно) стратифицированной пропорциональной выборки.

Через 40 лет после тех событий Грушин вспоминал: «Помню, мы просидели всю ночь в кабинете главного редактора, ожидая, как новшество будет принято ЦК КПСС. Рано утром позвонили от “первого” и сообщили: “Никита Сергеевич, которому показали свежий номер, сказал: “Прекрасно”. Позд-

равняем с большим успехом”. На следующий же день газета “Правда” (получить похвалу от которой было совершенно невозможно) в коротенькой заметке “Из последней почты” оказала нам полную поддержку, и мы торжествовали победу. Эта победа стала еще большей после того, как началось просто буйство в западной прессе по поводу того, что в Советском Союзе открыт Институт общественного мнения» [12, с. 209].

ИОМ «КП» просуществовал около восьми лет, были проведены: 20 всесоюзных и один международный опрос. Большая часть произведенной Институтом информации оказалась «непубликабельной»; она, писал Грушин, «либо работала на антипропаганду, выявляя не столько успехи советского общества, сколько его неудачи и хронические болезни, либо предлагала такие решения проблем, которые плохо совмещались или вовсе не совмещались с господствующей в обществе идеологией» [22, Жизнь 2-я, ч. 1, с. 27.]. Все острее обозначалась незаинтересованность органов управления в объективной информации и их настороженность в отношении к выводам социологов.

Анализ значительного числа биографий социологов [23], начинавших свои исследования на рубеже 1950–1960-х годов, позволяет трактовать становление современной российской социологии как второе рождение социологии в России [24]. Путь, которым Грушин подошел к проведению опросов, полностью отвечает этой концепции и задает модель становления постхрущевской социологии. Сначала талантливые молодые обществоведы обнаружили противоречие между тем, чему их учили, и тем, что открыла их взору «оттепель», и тогда они сами стали изобретать методы и создавать науку, которые позволили бы им описать наблюдавшиеся ими социальные отношения. Мамардашвили говорил о бессмысленности восстановления его поколением прошлого, его не было, после революции «все исчезло физически» и новое могло произрасти лишь в существовавшем человеческом материале. Так, по его мнению, появились диастанкуры: «Что, Зиновьев из Бердяева, что ли, вырос? Да ничего подобного – из полупьяного лейтенанта Советской Армии. И Грушин... из обыкновенного, банального комсомольского активиста...»

Опросов общественного мнения не было в дореволюционной России, и в СССР на ранних этапах развития государства, они не имели сколь-нибудь выраженного значения, потому можно утверждать, что Грушин начал опросы с нуля, без опоры на отечественные политические и научные традиции и без очевидных объективных макро социальных предпосылок. Беседы с Грушиным позволяют мне говорить о том, что в начале 1960-х он не знал технологию изучения общественного мне-

ния, признававшуюся тогда научной в США и Европе. И это имело позитивные следствия. Принимая во внимание максимализм Грушина, можно предположить, что его знакомство с особенностями современных для того времени методов изучения общественного мнения заставило бы его стремиться к их использованию. Такое решение отодвинуло бы начало проведения опросов на многие годы.

С историко-наукоеведческой точки зрения весьма интересен тот факт, что, подобно Джорджу Гэллапу, Элмо Роуперу и Арчибальду Кроссли, отцам-основателям американских опросов общественного мнения, Грушин начинал с проведения опросов по заказу прессы и имел возможность знакомить население с результатами опросов. В силу множества причин эта американская практика не получила развития в СССР, и она не была возрождена в новой России. Возможно, это дело будущего.

В 1969 году, через два года после закрытия Института «Комсомольской правды», Грушин организует Центр изучения общественного мнения (ЦИОМ) в Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР. Работа Центра группировалась вокруг «Таганрогского проекта». Даже сухая статистика сделанного впечатляет: 76 логически связанных друг с другом исследований, 23 анкетных опроса, почти 11 тысяч личных интервью, 18 исследований содержания прессы и радиосообщений. На материалах проекта в течение 1969–1979 годов была защищена 21 кандидатская диссертация. Одновременно была предпринята попытка впервые в стране создать организационную структуру для проведения оперативных опросов общественного мнения по различным проблемам. Весной 1971 года ЦИОМ провел первый всесоюзный репрезентативный опрос с выборкой в 2000 человек. Однако, пишет Грушин: «закрепить и умножить достигнутый успех ЦИОМ не удалось». Были финансовые, кадровые и организационные трудности, «но главное, конечно, – из-за принципиального, резкого ухудшения макро- и микроусловий... для такого рода занятий» [22, Жизнь 2-я, ч. 1, с. 38]. Центр просуществовал до 1972 года, и весь процесс его рождения и жизни Грушин назвал «медленным взлетом и стремительным падением».

При последней нашей встрече в феврале 2007 года в Москве Грушин, зная о моей работе по истории советской социологии, подарил мне несколько страниц из готовившегося им третьего тома четырехкнижки «Эпоха Горбачева». Это – параграф, озаглавленный «Заключительная 15-летняя борьба за создание в стране федеральной службы изучения общественного мнения». То была деятельность, в которой Грушин выделял

три направления. Первое: личная пропагандистская работа – разговоры с встречавшимися на его пути влиятельными людьми (от Г. Алиева и Э. Шеварнадзе до Давида Слуцкого и Аркадия Райкина) в надежде на то, что при случае они поддержат создание подобной системы. Второе – просветительская работа и третье – информационное давление на институты власти.

В значительной мере следствием и итогом этой деятельности стало создание в 1988 году Всесоюзного центра изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам (ВЦИОМ). По настойчивой рекомендации Грушина первым директором ВЦИОМа стала академик Татьяна Ивановна Заславская, обладавшая огромным научным и моральным авторитетом не только среди обществоведов, но и в среде интеллигенции страны в целом. Когда Заславской предложили организовать первую в стране специализированную систему по измерению общественного мнения, она согласилась, «но при обязательном условии – чтобы заместителем был Борис Грушин» [25] Грушин проработал там всего два года, но в горькие дни прощания с ним Заславская сказала: «...именно ему принадлежит честь создания ВЦИОМа как современной организации по изучению общественного мнения».

Из того ВЦИОМа выросли «Левада-центр», Фонд «Общественное мнение», многие региональные исследовательские фирмы, организации, работающие в странах СНГ. Можно сказать, что как русская литература вышла из «гоголевской “Шинели”», так и постсоветское сообщество аналитиков общественного мнения вышло из «грушинской шинели».

Итогом теоретической работы и обобщений результатов серии опросов стала докторская диссертация Грушина «Проблемы методологии исследования общественного мнения», защищенная им январе 1967 года. Многие из нее вошло в книгу «Мнения о мире и мир мнений» [26], которая на многие годы стала введением в изучение общественного мнения. Эта книга могла стать нормальным учебником, но не стала, власть не считала нужным готовить специалистов в этой области.

«Таганрогский проект» продолжался свыше семи лет, еще шесть лет прошло до выхода книги, представляющей его концепцию, методологию, инструментарий и теоретико-эмпирические выводы [27]. Прошло более тридцати лет после завершения исследований в Таганроге, и это затрудняет ее понимание социологами новых поколений. Но одновременно «историчность» книги придает ей новое значение: это документ, зафиксировавший исчезнувшую реальность: «Атлантиду». Нет СССР, нет КПСС, произошли кардинальные измене-

ния в технологии работы и в содержании телевидения, радио и прессы, стало иным отношение людей к массовым текстам. Но социологическая фотография прошлого окажется крайне полезной всем будущим исследователям.

Несколько лет назад, пытаясь одним словом охарактеризовать главные книги Грушина, я назвал первую из указанных – «научной», вторую – «технической», или «технологической», а третью – «Массовое сознание» [28] – «поэтической», понимая под поэзией философию, выраженную в художественной форме. Грушин работал над этой книгой 23 года, она в высшей степени научна и жестко конструктивна, но сквозь ее рационализм четко просвечивает эмоциональное и эстетическое отношение автора к теме.

Грушин согласился с этими оценками. Но можно взглянуть на эти книги и с иной позиции. В первой книге виден исследовательский кураж Грушина, прорыв, некое удивление устройством мира мнений. Вторая книга – это компромисс, она не такая, какой бы он хотел ее видеть, но такая, на какую ему удалось добиться разрешения. Потому в ней совсем немного радости и много грусти. Книга о массовом сознании вышла в самом начале перестройки; Грушин приближался к своему шестидесятилетию, ему казалось, что найдено и оконтурено то, что он будет разрабатывать в грядущие годы. Он бился за создание в стране службы изучения общественного мнения, но перспективы не были радужными.

Общим для трех названных книг Грушина является то, что в них он предстает как ученый, творчество которого охватывает широкий круг проблем теоретического, методологического и методического характера. Его идеи претворяются в логические схемы и инструментарий, позволяющие изучать те области общественного сознания и те стороны общественного мнения, о существовании которых многие даже не догадываются.

Четырехкнижие [22] возвращает нас к истокам грушинского творчества, к идеалам. В этом труде Грушин развивает ряд прежних идей и предлагает много нового в методологии анализа общественного мнения, в частности – метод, названный мною голограммой Грушина [29]. Сам автор, так мне кажется, отнес идеи на второй план. По-видимому, он посчитал, что важнейшие из них реализовал ранее, и «приглушил» их изложение.

Четырехкнижие можно назвать подвигом в силу множества обстоятельств. Прежде всего – грандиозна цель: дать характеристику сознания советских людей в разные периоды жизни общества; браться за такой труд можно, только отчетливо понимая, что назад пути нет. Из проведенных им 700 ис-

следований Грушин отобрал 300 наиболее интересных, чтобы проанализировать состояние умов россиян в эпохи Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Грушин сделал то, что мог сделать только он, – рассказал о первых двух эпохах. Книга о времени Горбачева оказалась незавершенной... В начале работы издатели спрашивали Грушина: «А если ты помрешь?», он, как истинный философ и приверженец смеховой культуры, ответил: «Если я помру – напишите: “Автор неожиданно помер!”» [7].

Содержание работы выходит далеко за пределы области изучения общественного мнения, она – о власти и населении, о нашем уме и близорукости, о переживаниях и радостях. Пройдут годы, и стремление ученых узнать, о чем и что думали советские люди в эпоху Хрущева и Брежнева, однозначно приведет их к этим данным.

Замысел Грушина – свидетельство его огромного, на всю жизнь, погружения в одну тему; это свыше сорока лет горения, самоотдачи, страстности. Я не припомню в отечественной социологии подобного случая. Еще одна черта отношения Грушина к своей работе: он всю жизнь накапливал и хранил информацию, вот его слова: «...я, вопреки семейным интересам (большой квартирой никогда не располагал), сохранил архивы всех своих исследований» [10].

* * *

Итак, Грушин начал в СССР опросы общественного мнения, стремясь к тому, чтобы опросы стали нормой публичной жизни страны. Он инициировал создание в стране первой специализированной службы изучения мнений населения, сам провел много сотен опросов, предложил свою теорию массового сознания и сделал многое другое. В целом же, – это пока не нашло отражения в науковедческой литературе – благодаря Грушину российская наука обогатилась таким уникальным направлением, как социология общественного мнения. В США, на Западе изучение общественного мнения не является частью социологической науки, а рассматривается как инструмент, метод прикладных междисциплинарных исследований.

И как же горько было говорить Грушину об ощущении невостребованности, о ненужности того, что он делал, о том, что жизнь не состоялась, не удалась... У кого же тогда она состоялась? Кому она удалась?

Литература

1. Борис Грушин: «Переходного периода нам всем на целую жизнь хватит» [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://viperson.ru/wind.php?ID=213403&soch=1>>.
2. Докторов Б. Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 4. С. 2–13.
3. Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005.
4. Докторов Б. Жизнь в поисках «настоящей правды». Заметки к биографии Ю.А. Левады // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 67–82.
5. Кучкина О. В России кипит неслышанный бульон // Комсомольская правда. 2001. 15 февраля [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://www.kp.ru/daily/22493/7654>>.
6. Gallup G., Jr. Interview [online]. Date of access: 1.12.07. URL: <<http://www.pbs.org/fmc/interviews/ggallup.htm>>.
7. Грушин Борис: «Я изучал людские мнения нещадно, вопреки всему...» // Известия. 2004. 2 августа [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://www.izvestia.ru/russia/article236324>>.
8. Докторов Б. Учителя и учителя учителей. К построению траекторий преемственности // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 2. С. 29–41.
9. Здравомыслов А. Человек, создавший себя сам // Политический класс. 2007. № 10. С. 18–19.
10. Грушин В. «Мы все время вели войны за свой предмет» [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://www.relga.ru/Environment/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=97&level1=main&level2=articles>>.
11. Хромченко М.С. Диалектические станковисты. М.: Школа культурной политики, 2004. С. 32–33.
12. Грушин Б.А. Горький вкус неостребованности // Российская социология шестидесятих годов / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1999. С. 205–228.
13. Начало всегда исторично, то есть случайно: Фрагменты из беседы М. Хромченко с М.К. Мамардашвили 5 апреля 1990 года // Вопросы методологии. 1991. № 1 [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://old.circle.ru/archive/vm/v911mam.html>>.
14. Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования. М.: Высшая школа, 1961.
15. Докторов Б. Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007 № 6 (в печати).
16. Grušin V. In pivo veritas. Praga, 1986.
17. Московский логический кружок [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://ru.wikipedia.org>>.
18. Щедровицкий Г.П. Александр Александрович Зиновьев [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <http://zhurnal.lib.ru/s/shedrowickij_g_p/gp_i7.shtml>.

19. Грант С.А. Борису Грушину в его 75-летие // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 4. С. 14-16.
20. Грушин Б. Я до сих пор не знаю, что собой представляет наш народ... // Огонек. 1999. № 36 [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://ogoniok.ru/archive/1999/4623/36-11-13>>.
21. Борис Грушин: «Во время паники рабочий и академик ведут себя одинаково» // Комсомольская правда. 2004. 2 августа [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://www.kp.ru/daily/23329.5/30831>>.
22. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. М.: Прогресс-Традиция. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. 2001; Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Часть 1. 2003; Часть 2-я. 2006.
23. «Международная биографическая инициатива» (IBI) [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>.
24. Докторов Б. Российские реформы и история российской социологии / Тезисы к Международной научно-практической конференции «Гуманитарные стратегии российских трансформаций». Тюмень, 26–27 октября 2007 г. [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/doktorov_reform.html>.
25. Заславская Т.И. К десятилетию ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения. 1998. Вып. 1 (33). С. 9.
26. Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений. М.: Изд-во политической литературы, 1967.
27. Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплексного социологического исследования / Под ред. Б.А. Грушина, Л.А. О니кова. Москва: Изд-во политической литературы, 1980.
28. Грушин Б.А. Массовое сознание. М.: Политиздат, 1987.
29. Докторов Б.З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования. 2006. Гл. 10.

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ЗАСЛАВСКАЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЕЁ ЖИЗНИ*

Сделанное Т.И. Заславской как социологом, экономистом, организатором науки, политиком и общественным деятелем будет отражено в истории советской / российской науки, в работах, анализирующих процессы перестройки и последующего периода, связанного с поиском путей постсоветского развития нашего общества и государства. Но это — со временем, а сейчас в самых общих чертах хотелось бы сказать о Т.И. Заславской как об уникальной личности и ученом-гражданине. Есть люди, которые знали Татьяну Ивановну много дольше и лучше меня, работали с нею вместе или в одной проблемно-предметной области. Придет время, и они напишут свои воспоминания. Однако думаю, что все же есть обстоятельства, разрешающие и мне написать эти заметки о Татьяне Ивановне. Прежде всего я работал несколько лет под ее руководством во Всесоюзном центре изучения общественного мнения; во-вторых, в 2005–2007 годах брал у Заславской биографическое интервью по электронной почте [1; 2] и перед публикацией материалов все согласовывал с автором; в-третьих, мне и ранее доводилось анализировать судьбу Татьяны Ивановны [3], бывать у нее дома и на даче, многое обсуждать с ней.

Процесс интервью был долгим, так как именно в то время Т.И. перечитывала свои многолетние дневники и писала мемуары [4]. Приведу фрагмент письма Заславской от 2 августа 2006 года; он одновременно раскрывает детали ее работы над воспоминаниями и показывает, насколько щепетильным и ответственным было ее отношение к интервью:

Сейчас написано 26 п.л. из предполагаемых 40 и 6 разделов из предполагаемых 11-ти. <...> Тяну из последних сил. Единственная выгода для нашей с Вами работы — это то, что я приближаюсь ко второй половине жизни и, так или иначе, буду на Ваши вопросы отвечать.

Должна Вам признаться, что в процессе работы с документами, дневниками и перепиской узнаю о себе много нового. Прежде всего, конечно, о жизненных событиях, т. е. что, когда и как происходило. «Что» — потому что о некоторых событиях я вообще не помнила, «когда» — потому что многие события в памяти оказались смещены во времени, а «как» — это часто интересные детали событий, которые совершенно смылись из памяти. <...> Я как бы заново переживаю свою жизнь, которая отнюдь не являлась величавым шествием к научной славе. Было много горя, мук и даже отчаяния и в

* Докторов Б.З. Памяти Татьяны Ивановны Заславской: размышления о её жизни // Социологический журнал, 2013. №3. С. 149-165.

личной, и в общественной жизни. Мне кажется, что за то хорошее и отличное, что послал мне Бог, я заплатила полностью «невидимыми миру слезами». Особенно писать об этом, конечно, не буду, поэтому мемуары не будут тождественны моим реальным воспоминанием о жизни, но что поделаешь?..

Сейчас я посмотрела Ваши оставшиеся не отвеченными вопросы. Ответить коротко, то это можно сделать за один день, но это мало интересно. Более интересны размышления и подробности, которые требуют времени. Но обещаю Вам вернуться к этой работе, чтобы отвечать в день хотя бы на один вопрос.

Таким образом, информационной базой предлагаемых заметок являются названные интервью и мемуары, но это — не только жизнеописание Заславской. Данный материал — продолжение моих исследований по истории современной российской социологии и еще одна попытка в разработке методологии изучения творческого наследия тех, кто стоял у истоков послевоенной советской социологии. Десять лет назад работа над этой темой была более академичной по стилю, но, к сожалению, последние годы заметно актуализировали ее. В ноябре 2006 года в своем кабинете умер Ю.А. Левада, через год скончался Б.А. Грушин, в следующие четыре года не стало А.Г. Здравомыслова, В.Н. Шубкина, И.С. Кона и вот — Т.И. Заславской. Мне бы не хотелось расширять этот мартиролог за счет имен социологов этой возрастной группы и более молодых, ясно одно: у российского социологического сообщества появилась новая функция — изучение биографий и деятельности наших учителей, наставников, коллег и друзей с целью обеспечения неразрывности российской социологии, создания и сохранения научных традиций. Речь идет об освещении фактической стороны их жизни и работы, сборе воспоминаний о них, составлении полных библиографий их публикаций, переиздании написанных ими книг и статей.

Движение в этом направлении началось. Так, Т.В. Левадой издана серия книг, содержащих работы Ю.А. Левады и воспоминания о нем, выпущены материалы конференций памяти Г.С. Батыгина, В.Б. Голофаства, Б.А. Грушина, Т.М. Дридзе, Л.Н. Когана, А.Г. Харчева. Но может быть сделано больше: ведь то, что относительно несложно для нас, в принципе не смогут сделать новые поколения социологов.

Даже в моих историко-социологических работах я не скрываю пристрастности своего отношения к ученым, чье творчество и чья жизнь рассматриваю. Тем более я не могу оставаться академически бесстрастным сейчас. Я уважал Татьяну Ивановну Заславскую как ученого и, зная ее четверть века, имел возмож-

ность убедиться в высочайшем уровне ее человеческих качеств и почувствовать ее глубокую женскую притягательность.

Жизнь Татьяны Ивановны завершилась недавно, и конечно, сейчас данное обстоятельство детерминирует характер мысленного диалога с нею. Постепенно социологическим сообществом будут осваиваться источники, представляющие ее как обществоведа, одного из руководителей нашей профессиональной ассоциации, парламентария; также надеюсь, что будут изучены ее личные дневники, экспедиционные записи.

Материалы, доступные мне сейчас, — мемуары и интервью с Т.И. Заславской — предоставляют возможность рассказать о ее жизни и судьбе через анализ становления системы ценностей и личностных качеств, которые составляли базис профессиональной и общественно-политической деятельности этого ученого. Трудно сказать, в какой мере подобная методология универсальна, но на Заславскую принцип «биография человека — это его ценности» распространяется в полной мере.

Становление личности и профессиональное самоопределение

Осталось всего четыре года до столетия Октябрьской революции 1917 года, с тех пор прошло много лет, но все равно мы пытаемся увидеть в нашем современном обществе следы предоктябрьской России, трагических лет гражданской войны и бурного периода строительства социализма. Иначе нам не понять настоящего. Тем более следует учитывать особенности общественной атмосферы того неблизкого прошлого при изучении биографии Т.И. Заславской. Ведь она родилась всего через десять лет после революции, и формирование ее ценностного мира — в большей мере, чем у ее ровесников, других представителей первого поколения советских / российских социологов, — проходило в пространстве двух культур: «старой», либеральной, профессорско-дворянской, и «новой», прелетарской, школьно-дворово-коллективистской.

Судя по всему, в ее сознании граница между этими двумя социокультурными, нравственными пространствами никогда не исчезала полностью. Вспоминая середину 1930-х, свое московское детство, Т.И. писала о себе и своей сестре*: «В нас не было ни грана аристократизма. Не сговариваясь и никогда не

* Майя Ивановна Черемисина (род. 1924) — лингвист, доктор филологических наук, профессор Новосибирского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ; создатель новосибирской синтаксической школы.

обсуждая это, мы обе стремились *быть такими, как все*, хотя на самом деле были *иными*, постоянно ощущали эту двойственность и понимали, что другие чувствуют ее не хуже нас. Но этим другим был не аристократизм, а пока еще не находившая внешнего выражения система моральных ценностей, а также внутренняя интеллигентность, вынесенная из киевского детства» [4, с. 68]. Более того, ощущение маргинальности присутствовало у Т.И. всегда: «Где бы я ни была, с кем бы ни общалась и ни дружила, в каких бы кампаниях ни участвовала, нигде я не ощущала себя полностью принадлежащей данной среде. Всегда идентификация была лишь частичной, везде я была «своей» и все-таки «не своей»» [4, с. 68].

Таня Карпова (такова девичья фамилия Т.И. Заславской) родилась и прожила первые пять лет в Киеве, в доме деда со стороны матери. Георгий Георгиевич де Метц, сын бельгийского подданного и русской дворянки, был профессором физики в Киевском университете Св. Владимира. В соответствии со ступенями академической карьеры он в 1906 году получил личное, а в 1913 году — потомственное дворянство. Таким образом, сам он был дворянином 12 лет, а члены его семьи — всего 4 года. Тем не менее, по воспоминаниям Т.И., это негативно отразилось на их последующей жизни.

Ее бабушка, Сарра Карловна Крафт, была дочерью высокопоставленного офицера из русских немцев. Он рано умер, но его дети получили прекрасное образование за государственный счет. Два брата бабушки еще в царское время стали адмиралами, старшая сестра окончила Парижскую консерваторию и медицинский факультет Сорбонны и жила во Франции. Сама бабушка три года проучилась в парижской консерватории, но потом всю свою жизнь посвятила семье. В доме бабушки была традиция: один день все говорили по-русски, второй день — на французском языке, а третий — на немецком.

Мемуары Заславской начинаются словами: «Я родилась 9 апреля 1927 года в Киеве в семье Ивана Васильевича и Татьяны Георгиевны Карповых. Эта была одна из многих семей, косвенно обязанных фактом своего возникновения революции, — уж очень резко различалось социальное происхождение моих родителей. Моя мама происходила из высоко интеллигентной профессорской семьи, а папа — из семьи фабричного рабочего и крестьянки» [4, с. 11].

Мама Татьяны Ивановны училась на филологическом факультете Киевского университета, свободно владела рядом европейских языков, знала греческий и латынь, успешно училась музыке. Но реализовать свой творческий и квалификационный потенциал в силу своего происхождения и семейных

обстоятельств не смогла. Она погибла 21 июля 1941 года во время первой бомбежки Москвы. Отец начал свое образование с церковно-приходской школы. В августе 1914 г. он был призван в армию, участвовал в Империалистической войне, был ранен и награжден «Георгием» 4-й степени. В дальнейшем он окончил философско-педагогический факультет Киевского университета, а в 1941-м. стал профессором Московского педагогического института иностранных языков.

Предбиография Т.И. — уникальна, ничего подобного нет ни в одной из известных мне биографий представителей первого поколения российских социологов [5]. И, пожалуй, здесь мы встречаем редкостный случай того, как история семьи предопределила главные линии профессиональной деятельности человека. От материнской семьи Заславская унаследовала способности к углубленной научной работе, она с раннего детства слышала, что наука — это самое почтенное занятие. По отцовской линии к ней пришло уважение к крестьянскому труду, внимание к жизни деревни.

Под влиянием семьи закладывалось ядро системы ценностных ориентаций Заславской. Отвечая на один из первых вопросов интервью о том, что формировало ее идеалы, Т.И. ответила: «Думаю, гуманистическое воспитание, которое мама старалась дать нам с сестрой... <...> Когда мне было пять лет, мы переехали в Москву, и мама начала вечерами читать нам с сестрой книги, выбиравшиеся, видимо, очень тщательно. Это были самые разные книги: русские и иностранные, грустные и веселые, драмы и романы, повести и рассказы, и про животных, и про людей, про все что угодно. Но все они носили очень гуманный, гуманистический характер» [1, с. 138–139]. К этому же ряду ценностей Т.И. относила «нравственное равновесие с миром», или «спокойную совесть», а также личные честь и достоинство.

Затем война, она формировала патриотические идеалы. В те годы Заславская стала относиться к своим сверхценностям «странную и необычную ценность», которую она называла — Россия. Войну как обстоятельства, определившие ценностный мир и, в ряде случаев, стремление познать общество, называли все социологи, родившиеся на рубеже 1920–1930-х годов. Все в годы войны следили за информацией, сообщавшейся по радио и газетам. У Заславской был еще один источник сведений: их квартира в центре Москвы «стала одной из редких надежных точек, через которые родные и близкие могли находить друг друга. Поэтому все, кто ехал через Москву (обычно на фронт или с фронта), останавливались на пару дней у нас и рассказывали, рассказывали, рассказывали... То, что я слышала

от этих людей, было до бесконечности не похоже на то, о чем писалось в газетах...» [1, с. 141]. Именно тогда она обнаружила «пропасть между жизнью и пропагандой».

Читая заготовки Т.И. к мемуарам, я обратил внимание на описание ее впечатлений от встреч с молодыми поэтами-фронтовиками в студии при издательстве «Молодая гвардия» в первые послевоенные дни. Там были Гудзенко, Межиров, Солоухин, Коржавин, Тушнова, Друнина и другие. Зная, что стихи этой когорты поэтов, передавших в своих произведениях войну и позже дух «оттепели», во многом определили мировоззрение социологов ее поколения, я спросил Заславскую об отношении к их творчеству. Приведу ответ полностью, ибо он передает определенные фрагменты ее ценностного мира: «Встречаться с молодыми поэтами, слушать их стихи, а потом споры было увлекательно и очень радостно. Они оказали на меня громадное влияние, потому что свойственная им суровая, проверенная войною мораль открыто и жестко противостояла мелочности, пошлости, а нередко и подлости тыловой жизни. Молодые поэты были чистыми в высшем смысле слова, они прошли войну, пропустили ее ужас через свои души и благодаря этому приобщились к самым высоким ценностям. Мне остро не хватало духовной опоры в окружавшем мире, а тут — такие прекрасные люди и такие замечательные стихи!» [1, с. 141].

И наконец, еще одна группа ценностей, которая возникла во время ее учебы на экономическом факультете Московского государственного университета, была названа Заславской. Это — идеалы свободного социалистического общества, в котором людям жилось бы хорошо и достойно: «Прежде всего, — высочайшая ценность Свободы и Правды. Когда я говорю о демократическом и справедливом обществе, то имею в виду прежде всего свободное общество. А одна из важнейших свобод — это Свобода утверждать Правду» [1, с. 142].

Закончив экстерном в Москве школу с отличием, Заславская после долгих колебаний и сомнений в 1943 году поступила на физический факультет МГУ, в этом она видела продолжение дела своего деда. Училась она отлично, но на третьем курсе поняла, что физика — «не ее наука», ее интересовало устройство общества. Отпускать с физфака не хотели, но все же она смогла перевестись на второй курс экономического факультета, обязавшись в течение года сдать все экзамены за два курса. Но обучение на физическом факультете не было «потерей времени», много лет спустя Т.И. говорила: «Математические методы я применяла и в экономике, и в социологии, но это было второстепенным. Главным же достоянием, вынесенным мною с физфака, был мой “естественно-научный” тип

мышления, и это оправдывает “потерю времени”». [1, с. 144]. По моему представлению, это утверждение является одним из главных ключей к пониманию не только научного стиля Заславской, но и ее гражданской позиции.

Обучение физике сделало ее «иной», чем все студенты-экономисты. На физфаке ей три года объясняли, что законы природы потому и законы, что всегда исполняются. Слушая на экономическом факультете лекцию о «законе планомерного и пропорционального развития социалистической экономики, который, к сожалению, действует не всегда», она задавала вопрос: «Тогда, какой же он закон?». Она ставила вопросы перед преподавателям: «Ну как же это может быть?». Ответов на них не было и быть не могло. Поэтому у преподавателей и сокурсников создавалось впечатление, что она — «не как все». В итоге по окончании университета, это был 1950 год, несмотря на отличный диплом и признание дипломной работы значительной частью кандидатской диссертации, ее не рекомендовали в аспирантуру. Но гораздо сильнее ее поразили слова одной из ее подруг, что сделано это было правильно, так как в ней «было что-то не то, чуждость какая-то». С большим трудом Заславской удалось получить должность младшего научного сотрудника в секторе аграрных проблем Института экономики АН СССР

В ходе интервью я спросил у Т.И., почему в центре ее научных интересов оказалось сельское хозяйство, экономика села, почему городская девушка из профессорской семьи, которая училась на физфаке и экономическом факультете, выбрала для исследований сельское хозяйство. Она ответила: «Думаю, что здесь сыграли роль и гены. Все-таки отец родился в деревне <...> и линия его крестьянских дедов и прадедов известна до 6-го колена» [1, с. 142]. Не знаю, действовали ли здесь законы генетики, но система ценностей явно способствовала движению Заславской в сторону изучения села. Живя в 1940 году в деревне у родственников отца, она «почувствовала деревню, впустила ее в свою душу, проще говоря — полюбила». В интервью она заметила: «Я думаю, что мое глубокое сопереживание деревне пошло именно оттуда» [1, с. 142].

Мне кажется, что оно могло возникнуть в сознании Заславской даже раньше. Г.Г. де Метц, ее дедушка, родился в Одессе в год отмены крепостного права, и его социализация проходила в период становления народничества, одной из центральных идей которого было сближение интеллигенции с народом; в то время это было крестьянство. И весьма вероятно, что студент де Метц, а позже приват-доцент физико-математического факультета Новороссийского (Одесского) университета, разделял

те или иные взгляды народничества, тем более что в Одессе, где действовал филиал «Земли и воли», они были популярны. Отсюда оправданно предположить, что его дочь, выбирая книги для чтения своим дочерям (Тане и Майе), знакомила их с произведениями Гаршина, Мамина-Сибиряка, Короленко, Некрасова и других писателей-народников. Рассказы этих писателей явно могли вызвать в детских душах глубокое сострадание к жизни крестьян.

Оставлено нам

Очерченный набор ценностных ориентаций Т.И. Заславской — это базис ее профессиональной и общественно-политической деятельности, а также — ключ к пониманию ее жизни и творчества. Одновременно систему ее важнейших установок возможно трактовать как каркас, пучок главных направлений пространства историко-биографических исследований. На мой взгляд, этими направлениями во многом определяются личностные и профессиональные миры представителей разных поколений советских / российских социологов.

Сформулированное утверждение следует из общих представлений об иерархии ценностных ориентаций личности и одновременно находит эмпирическое подтверждение. Одним из центральных моментов нашей беседы по электронной почте неожиданно оказался вопрос, исходно представлявшийся мне «проходным». Я спросил Т.И., почему в середине 1970-х годов, то есть в ее пятидесятилетие, обладая значительным исследовательским опытом и большим числом публикаций, будучи член-корреспондентом АН СССР (с 1968 г.), она не умерила свои профессиональные усилия, а, напротив, расширила область теоретико-эмпирических поисков и перешла к анализу крайне беспокойной социально-политической тематики, включавшей изучение механизмов управления агропромышленным комплексом, то есть деятельности власти.

Ее развернутый ответ начинается словами: «Это очень серьезный вопрос, касающийся моих базовых ценностей, или того, зачем я вообще пошла в науку, почему из всех наук выбрала экономическую и из каких побуждений со временем перешла в социологию.

На экономический факультет Т.И. перешла потому, что уже в то время политическая экономия представлялась ей единственной наукой, изучающей устройство и функционирование человеческого общества. Тогда она ставила перед собой простую задачу — усвоить уже наработанную теорию об

устройстве советского общества. Но оказалось, что усваивать было практически нечего; концепция «реального социализма» не отвечала элементарным требованиям, предъявляемым к теории, она «кишела» внутренними и внешними противоречиями. Тогда возникла вторая задача: понять, как *на самом деле* устроено наше общество. Это означало, во-первых, необходимость опровержения общепринятых экономических и социальных «истин» и, во-вторых, развитие науки, вначале фиксирующей, а затем объясняющей процессы, действительно происходящие в советском обществе. Так Заславской был прочерчен ее генеральный путь в науке.

Интерес, или рациональная составляющая обращения Заславской к экономическим отношениям государства с колхозами, был вызван тем, что там она видела едва ли не самое больное место теории развитого социализма; там несоответствие практике было вопиющим. Большинство крестьян жили на нищенском уровне до конца 1950-х годов, по сути, оставаясь крепостными. Кандидатская диссертация была успешно защищена ею в 1956 году, а докторская — «Экономические проблемы распределения по труду в колхозах» — в мае 1965-го. Остро критические выводы этого исследования неожиданно пришлось «ко двору». Брежневу, необходимо было переложить все недостатки в сельском хозяйстве на Хрущева.

В начале 2000-х Т.И. говорила, что конечную цель своей работы, за исключением последних 12–15 лет, она видела не в развитии научной теории как таковой, а прежде всего в создании научной базы для совершенствования экономической, социальной и аграрной политики государства. Внутренним стимулом ее научной работы было не только развитие соответствующей области знания, но и возможность влиять на реальную жизнь общества, содействовать улучшению системы его институтов и социальной структуры. А это требовало выхода на проблемы управления и политической власти.

По воспоминаниям Заславской, защитив докторскую диссертацию, она стала заниматься проблемами села, лежавшими на стыке экономики и социологии [1, с. 147]. Формально ее приобщение к социологии произошло в начале 1966 года, когда она участвовала в Первом Всесоюзном симпозиуме социологов в Ленинграде. Она описывает это так: «Как интересно было слушать “наших первопроходцев”, среди которых, как звезды первой величины, выделялись Ядов, Грушин, Кон, Здравомыслов, Харчев... <...> ...Где-то в кулуарах мы встречаемся с Ядовым, коротко знакомимся, и буквально через пять минут я чувствую себя с этим человеком так, словно знала его всю жизнь! Закончив какие-то неотложные дела, В.А. ведет нас...

в какое-то небольшое кафе, и в центре нашего внимания сразу же оказались главные в ту пору вопросы развития социологии. В чем-то мы соглашались, в чем-то расходились и спорили, но главное — сразу стало понятно, что “мы одной крови”, иными словами, одних ценностей и убеждений» [6, с. 143–145].

Реально же вхождение Заславской в социологию началось раньше, и возможно, здесь мы имеем случай, близкий к описанному О.И. Шкаратаном. По его представлениям, он достаточно долго никак не был связан с социологией, хотя фактически уже становился социологом. Так, в беседе с В.В. Радаевым Шкаратан вспомнил, что в 1957 году один приятель-философ спросил его, знает ли он, что на Западе результаты социологических исследований используются в целях развития экономики. Шкаратан удивился и выразил сомнение в возможности подобного. Тогда его собеседник сказал, что он должен это знать, поскольку с сотрудниками С.Г. Струмилина изучал 1920-е годы. Шкаратану осталось только воскликнуть: «Так это и есть социология?» [7, с. 56].

Опыт экспедиционного сбора материалов Заславская начала осваивать в первой половине 1950-х годов под руководством Григория Григорьевича Котова (1901–1979), который оказал на нее исключительно сильное влияние. По ее предположениям, Котов мог в 1920-х годах участвовать в конкретных социальных исследованиях деревни и был убежден, что без долгих и откровенных разговоров (то есть углубленных интервью) с представителями всех сельских социальных ролей невозможно понять суть исследуемых проблем. Сами же посещения колхозов не могли оставить Т.И. равнодушной, усиливали ее сопереживание деревне, о котором говорилось выше. Летом 1955 года для сбора данных она приехала в одну из деревень Нечерноземья — района, побывавшего «под немцем». К тому моменту прошло уже десять лет после окончания войны, но люди там жили в землянках и зимовали вместе с телятами, овцами и свиньями. Она жила месяц в колхозе, приехала туда вместе с полугодовой дочкой и ее семнадцатилетней няней. Привезла с собой абсолютно все: продукты, лекарства, примус, керосин, утюг, корыто, хозяйственное мыло, консервы — в деревне не было ничего.

Так что через экспедиционный метод, долгие беседы с жителями деревни, через потрясение от увиденного и услышанного к концу 1950-х Заславская фактически стала и экономистом, и социологом; иными словами, началось ее движение в сторону создания российской экономической социологии. Находясь постоянно «внутри» конкретных исследований, она, — видимо, незаметно для себя — подошла к оформлению, конститу-

ированию этого научного направления. В интервью я спросил Т.И.: «Ведь не было так, что в какое-то прекрасное утро Вы встали и сказали себе: “Дай-ка я создам экономическую социологию...”». Ответ был таким: «А вот тут Вы как раз ошибаетесь. На самом деле было почти так. Аганбегян во что бы то ни стало захотел создать на экономическом факультете НГУ отделение социологии (в то время была только специализация студентов с четвертого курса, они писали у нас курсовые и дипломные работы). А для специализации, начинающейся на третий год обучения, нужен какой-то главный специализирующий курс, и Аганбегян предложил нам его подготовить. Мы с Р.В. Рывкиной, как главные кураторы специализации, стали ломать голову, что же предложить студентам. И пришли к выводу, что на социологическом отделении экономического факультета следует преподавать *экономическую социологию*. При этом мы не имели ни малейшего понятия, что на Западе такая наука, хоть и недавно, но уже возникла. <...> И мы успели почитать этот курс два или три раза, после чего решили, что можно и нужно делать книгу. Поэтому наша книга носила характер учебника. Может быть, не совсем, но во многом...» [1, с. 157].

В конце 1970-х – начале 1980-х Заславской и ее коллегам становилось все более ясным, что кризисные явления в советской экономике вызывались в первую очередь социальными причинами, общественные отношения тормозили, отторгали эффективную экономику, препятствовали ее созданию. Этот вывод стал отправным для написания доклада «О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии», вынесенного на обсуждение семинара в Новосибирском академгородке 8–10 апреля 1983 года. Тогда в Академгородке собрались более 70 новосибирских и примерно столько же иногородних ученых, приехавших из 17 городов страны, что свидетельствовало об исключительном интересе научного сообщества к обсуждавшейся проблематике. Доклад был опубликован в виде препринта и, как отмечала Т.И., «участники семинара, не получившие препринтов, брали их у счастливых владельцев на ночь и переписывали от руки. Этот факт меня просто потряс...» [1, с. 154].

Доклад оказался не просто серьезным аналитическим документом, заинтересовавшим специалистов; в академической, спокойной форме он отражал многое, о чем думала интеллигенция и что глубоко понимало население страны. В нем содержалась четкая общественная позиция — нужны глубокие социальные преобразования. Интересна реакция сестры Т.И. на текст, который она прочла на этапе подготовки доклада: «Ты

знаешь... по-моему, это *не доклад*... Это скорее *манифест*». И действительно, через несколько месяцев доклад был опубликован во многих странах именно как «Новосибирский манифест». На Западе его стали рассматривать как провозвестник коренных изменений в СССР.

Два экземпляра препринта с грифом «Для служебного пользования», оказавшиеся в США и ФРГ, не имели титульного листа, из которого можно было узнать название доклада и фамилию автора. Поначалу советологи предполагали, что доклад был итоговым документом закрытого семинара в Кремле, но потом авторство Заславской было установлено.

Знание реальной жизни населения страны, теоретические выводы, наполнившие «Новосибирский манифест» соответствующей духу времени социально-нравственной энергетикой, признание в профессиональной среде уже в предперестроечные годы сделали Заславскую не только известным обществоведом, но моральным, гражданским лидером интеллигенции, символом «шестидесятников», не растерявших за десятилетия свои надежды на возможность улучшения советской модели социализма, придание ей «человеческого лица».

И здесь, вопреки желаниям Т.И., стремившейся к продолжению своих исследований, события, разворачивавшиеся в стране после прихода к власти М. Горбачева, объективно сделали ее политиком высокого уровня. В конце ноября 1986 года ее избрали президентом Советской социологической ассоциации АН СССР (ССА). Читая сегодня ее доклад, вышедший в газете «Правда» лишь через два месяца под заголовком «Перестройка и социология», понимаешь, что каждое слово в нем обсуждалось на очень высоких этажах власти [8]. Неизвестно, имела ли бы эта статья какие-либо позитивные последствия, но помогла случайная встреча Заславской с Горбачевым 31 марта 1987 года на одном из официальных мероприятий. Она получила освещение в средствах массовой информации, и сразу же начали развиваться события, завершившиеся признанием социологии в качестве самостоятельной науки. Записи в дневнике, сделанная Т.И. в тот день, включает такие слова: «И все-таки весь этот шум — дело именно моих рук, глядишь, и будет какая-то польза для нашей социологии. Из-за этого я ведь и шла в президенты, хотя подобных сдвигов не ожидала...» [4, с. 573].

Прошло полгода, и Заславской пришлось принимать еще более трудное решение, чем давать согласие на руководство ССА. Все начиналось так: «После поездки в Болгарию в ноябре-декабре 1987 г. мне надо было встретиться с председателем ВЦСПС С.А. Шалаевым. Мы хорошо поговорили с ним, но у меня

возникло ощущение, что он меня “прощупывает” на предмет чего-то. И действительно, в самом конце встречи он сделал мне совершенно неожиданное предложение — переехать в Москву и возглавить организацию первого в стране специализированного центра изучения общественного мнения, получающего общесоюзный статус» [1, с. 158]. Принять такое предложение для Заславской означало расстаться с друзьями, учениками, единомышленниками, коллективом, формировавшимся 25 лет и составлявшим ее «второе я». Но она чувствовала, что пульс общественной жизни страны ускоряется, и центр этой жизни перемещается в Москву. Как социологу ей хотелось быть там, где происходили основные события, определявшие судьбы общества. Также было очевидно, что центр изучения общественного мнения будет испытывать политическое давление, способное подчинить его интересам власти и лишить действительной ценности. Поэтому, понимала она, руководитель этого центра должен обладать высоким и относительно независимым статусом, и в этом плане ее положение было уникальным. Стать первым заместителем руководителя центра согласился Борис Андреевич Грушин.

17 декабря 1987 года состоялось историческое событие: Заславская и Грушин встретились с руководителями ВЦСПС и обговорили все принципиальные вопросы организации и работы Всесоюзного центра изучения общественного мнения — ВЦИОМа. У нас есть все основания считать этот день значимым в процессе развития политической системы страны и истории российской социологии.

Первые шаги по созданию ВЦИОМа были сложными для Т.И. Она никогда не занималась изучением общественного мнения, да и решением организационных вопросов столь огромного масштаба ей не приходилось ранее заниматься. По ее воспоминаниям, многое в работе не ладилось, шло «через пень колоду», к тому же ВЦСПС, создавший ВЦИОМ, очень скоро понял, что без данных о мнениях, настроениях людей жить значительно проще, легче, чем при наличии такой информации. Постепенно началось экономическое удушье «новорожденного».

Происходившее в стране, во ВЦИОМе, переезд с семьей в Москву, конечно, изматывали и утомляли Т.И. Я помню, как на ее маленькой, чрезвычайно скромной даче в академическом поселке в районе Мозжинки, где интервью проходило под диктофон, она рассказывала, как в тот момент жизни ей очень помогло ее крещение в православие. Они с сестрой давно сожалели о том, что родители, будучи атеистами, запретили бабушке крестить детей, да и сами не были уверены, что хотели

этого. Но в июле 1988 года в небольшом русском Пюхтинском монастыре в Эстонии они приняли предложение настоятельницы и крестились. Мы договорились с Т.И. не включать этот фрагмент нашей беседы в готовившийся к публикации текст интервью. Но она сама рассказала об этом в книге [4, с. 614–615].

Вскоре ей пришлось пройти еще через одно испытание. В январе 1989 года началось выдвижение кандидатов в народные депутаты СССР, и Заславская была выдвинута по трем линиям: от Академии наук СССР (как академик), от общественных организаций при Академии (как президент ССА) и от ВЦСПС (как директор ВЦИОМа). Вскоре она была избрана народным депутатом СССР именно как президент ССА и в июне 1989 года вошла в «Межрегиональную депутатскую группу» (МДГ). С тех пор прошло около четверти века, и сегодня это сообщество депутатов, объединившихся вокруг А.Д. Сахарова, Ю.Н. Афанасьева и Г.Х. Попова, признается первой советской легальной парламентской оппозицией. Среди требований МДГ были: отмена 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС, демократизация избирательной системы, демократический закон о печати, законы о земле и собственности, новый Союзный договор. Деятельность МДГ протекала в чрезвычайно сложной обстановке. В мемуарах Заславской этот период ее жизни назван: «Моя Голгофа». 29 июня 1989 года в ее дневнике было записано: «Нет у меня ни физических, ни духовных сил воевать с этим “агрессивно-послушным”, по выражению Ю. Афанасьева, большинством Съезда. Но и соглашаться с ним не могу. <...> На Съезде под проницательным взглядом Горбачева почти всегда голосовала с меньшинством» [4, с. 638].

В конце 1991 года, когда многое в работе ВЦИОМа уже определилось, после решений коллектива, объективно сделавших ее статус директора нелегитимным и потому достаточно болезненно воспринятых Т.И., она отошла от руководства этой организацией. Одновременно, в силу неприятия нового стиля отношений Ельцина и его ближайшего окружения с людьми, ей пришлось отойти и от политической деятельности, о чем она не сожалела. 28 декабря того же года Т.И. записала в дневнике: «Слава Богу, что политика из моей жизни ушла навсегда, больше ей меня не видать» [4, с. 677]. Начался новый этап в ее жизни — тесное сотрудничество с Теодором Шаниным, известным британским крестьяноведом, специалистом по истории и экономике России, в созданных им Интерцентре и Московской высшей школе социальных и экономических наук — «Шанинке».

Заславская руководила крупным научным проектом, связанным с социологическим анализом социально-экономических преобразований в стране, и кроме того, начала читать в Шанинке курс «Социальный механизм трансформации российского общества». Казалось бы, какие могут быть трудности у серьезнейшего исследователя этой проблематики и политика, наблюдавшего управленческую деятельность высших эшелонов власти, с подготовкой двенадцатичасового курса студентам? Но опять происходило то, о чем Т.И. говорила в нашем интервью о преподавании: «Фактически же я так и не успела полюбить этот вид труда, а потому и в полной мере им овладеть. Преподавание осталось для меня тяжелой и нелюбимой “нагрузкой”» [1, с. 157]. Но все прошло успешно, она смогла продумать и изложить будущим социологам свои основные воззрения на происходившие в стране изменения, и — как отмечено в дневнике — пообщаться с молодежью, умной, думающей, серьезной.

Наряду с этим в течение десяти лет Т.И. была руководителем и душой ежегодного симпозиума Интерцентра «Куда идет Россия?». Первый форум состоялся в декабре 1993 года, то есть через четыре месяца после ГКЧП и через несколько дней после поражения демократов на выборах в Государственную думу.

Тематика симпозиумов охватила наиболее актуальные проблемы развития российского общества, и ее обсуждение дало многое и для развития социологической теории, и для выработки практических рекомендаций. Симпозиумы стали существенной частью научной жизни обществоведов страны.

Сделанное Т.И. Заславской оставлено ею всем нам. Это ее вклад в познание нашего общества, его демократизацию, в нравственные основы современного российского социологического сообщества.

Немного сугубо личного

На рубеже 1980–1990-х годов имя Т.И. Заславской знала вся активная часть советского общества. Я познакомился с ней, когда в 1988 году начал работать во ВЦИОМе. Но узнал ее лишь в середине июня 1990 года; тогда большая группа московских и региональных сотрудников Центра участвовала в конференции в Алма-Ате. Мы летели туда из Москвы ночным рейсом, и мое место оказалось рядом с ее. Доверительность, открытость ночных разговор с попутчиками — излюбленная тема русской классической литературы. По-видимому, то, что наблюдалось литераторами на небольших станциях, в вагонах

поездов, верно и для самолетов. Мне повезло. Я увидел в Татьяне Ивановне то, чего в принципе не могли наблюдать миллионы телезрителей, да и многие ее коллеги. Мне открылись ее стремление как можно больше узнать о жизни других людей и готовность рассказывать о себе. Крайне редкое качество, тем более для человека, находившегося на пике популярности.

В 1993 году, когда я уже знал, что вскоре уеду из России в Америку, я пришел к Татьяне Ивановне домой и сообщил об этом. Она была первой в Москве, с кем я поделился планами моей семьи, и меня согрели, успокоили ее слова: «Грустно, когда уезжают друзья».

Наши контакты, уже по электронной почте, возобновились лишь осенью 2005 года — она легко согласилась дать мне биографическое интервью. Прошло не менее полугода до того момента, когда наша «электронная беседа» через океан началась. Но для меня это время не было потерянным. В конце марта 2006 года Татьяна Ивановна прислала мне свою документальную повесть-драму «Первый год войны» с подзаголовком «Через призму семейной переписки». Это рассказ 14–15-летней девушки, едущей из Киева в Ташкент с мало знакомыми людьми, и о ее жизни в Ташкенте. Прочтение дневниковых записей Тани Карповой стало для меня вторым открытием Заславской. Они ввели меня в ее ценностный мир.

Пройдет время... и кто-либо отважится написать роман, прообразом главной героини которого станет Татьяна Ивановна. Содержание такого произведения будет определено трагической историей России XX–XXI вв. Повествование может начаться как семейная сага и превратиться в социально-психологическую драму, где размышления и переживания героини будут неразрывным образом связаны с историческими реалиями нашей страны. Героиня романа — не пассивный наблюдатель событий, в которые вовлекли ее жизненные обстоятельства, а активный их участник. Видя все это в ходе интервью, я как-то сказал Татьяне Ивановне: «Ваша жизнь — основа для романа». Она согласилась и после некоторой паузы добавила: «Социально-психологической драмы». Мемуары свидетельствуют — она была глубоко права.

28 февраля 2013 года я находился в Москве на конференции памяти Бориса Андреевича Грушина, которую проводил ВЦИОМ. Программа была очень плотной. Успел лишь выскочить на пару часов, доехать до Дома ученых, где у меня была намечена встреча с Владимиром Александровичем Ядовым... Там оказалась и Татьяна Ивановна. Обнялись, поговорили, она меня спросила: «Может, заедете к нам?». Пообещал в следующий раз...

Очень грустно, когда друзья уходят навечно...

Литература

1. *Заславская Т.И.*: «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие — это наука» // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 137–169.
2. *Заславская Т.И.*: «Глоток свободы был слишком основательным» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 5. С. 5–14.
3. *Докторов Б.* Судьба для романа // Троицкий вариант. 2008. № 18N (854). С. 12–13 [<http://scientific.ru/trv/N-18-last.pdf>].
4. *Заславская Т.И.* Избранное. Том 3. Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: Экономика, 2007.
5. *Докторов Б.* Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013.
6. *Заславская Т.И.* Мы с Ядовым — «братья по разуму» // Vivat, Ядов! К 80-летию юбилею: Сборник / Ред.-сост. Е.Н. Данилова, Л.А. Козлова, П.М. Козырева и др. М.: ИС РАН, 2009.
7. *Шкаратан О.И.* «Академические исследования требуют спокойствия» // Экономическая социология в России: поколение учителей / Сост., отв. ред. В.В. Радаев. М.: Издат. дом ГУ–ВШЭ, 2008. С. 53–81.
8. *Заславская Т.И.* Перестройка и социология // Правда. 1987. 6 февраля.

А.Г. ЗДРАВОМЫСЛОВ: ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И НАСЛЕДИЕ ЕЩЕ ПРЕДСТОИТ ИЗУЧИТЬ*

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

*Плачет старушка: мало пожила...
А шарик вернулся, а он голубой.*
Булат Окуджава

*Песню спеть про шарик в небе,
И про девочку, что плачет,
Оттого, что шарик этот
Шарик этот улетел!*
Андрей Здравомыслов

Сделанное Андреем Григорьевичем Здравомысловым (1928—2009) для становления и развития советской/российской социологии навсегда определило его высокое положение в любом самом коротком перечне основателей нашей науки. В этом году ему исполнилось бы 85 лет. Цель этой статьи – весьма ограниченная, камерная. Вспомнить Здравомыслова и, обращаясь к архиву переписки с ним, показать некоторые стороны его личности и творчества.

Четыре десятилетия общения

Моя первая встреча с Андреем Григорьевичем Здравомысловым произошла в конце февраля – начале марта 1968 года в Большом зале Санкт-Петербургского (тогда – Ленинградского) университета. Народу было очень много, отмечалось 60-летие декана философского факультета Василия Павловича Рожина. Свидание там мне назначил Здравомыслов, когда я позвонил ему. На мой вопрос, как я его там найду, он ответил примерно так: «Спросите у любого, кто здесь Здравомыслов?». Зайдя в зал, я сразу увидел мощную фигуру профессора психологии Евгения Сергеевича Кузьмина, которого знал уже несколько лет и который активно помогал мне в поиске работы. Я подошел к нему, рассказал о цели встречи со Здравомысловым и узнал у него, кто в этом зале Здравомыслов. Через какое-то время я заметил, что они недолго разговаривали, но подошел к Здравомыслову лишь после окончания юбилейного события. Познакомились, и он – ничего не сказав мне – попросил через день-два прийти к определенному часу в Таври-

* Докторов Б. А.Г. Здравомыслов: его деятельность и наследие еще предстоит изучить. К 85-летию со дня рождения // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 2. С. 2-8.

ческий дворец. О том, что Здравомыслов ищет специалиста по математической статистике, мне скороговоркой сообщила Галина Саганенко, теперь известный в стране социолог, а тогда недавняя выпускница математико-механического факультета. Она не сказала, где он работал, а я не знал, что в Таврическом дворце располагалась Ленинградская высшая партийная школа (ЛВППШ). Опущу детали, но буквально через неделю я приступил к работе в качестве сотрудника социологической группы при кафедре марксистско-ленинской философии, которую возглавлял Здравомыслов. Почти сорок лет спустя, проводя биографическое интервью с ним, я спросил его: «Один вопрос совсем личного плана: как тебе удалось взять в Высшую партийную школу меня – беспартийного еврея, без философского образования и далекого от всякой политики, к тому же по распределению обязанного уехать из Ленинграда?». Вот его ответ: «Еврей ты или не еврей, это для меня ни тогда, ни потом не имело никакого значения. По-моему, я тебя рекомендовал в ряды КПСС, так что недостаток “отсутствия партийности” был устранен. Я на тебя посмотрел и понял, что из тебя может получиться неплохой сотрудник, который как раз был мне нужен. Твой взгляд говорил, что ты открыт новым идеям, умеешь учиться и вполне способен освоить новую дисциплину. Что касается высших инстанций, то мне был дан, как говорится, “карт-бланш”, которым я и воспользовался. Кроме того, насколько я помню, мне тебя рекомендовал Евгений Сергеевич Кузьмин. Во время моего студенчества он был одним из наиболее авторитетных членов руководящей группы философского факультета». Вот о чем тогда переговорили Здравомыслов и Кузьмин. Они в общем определили мою профессиональную жизнь.

В конце июля 2005 года Здравомыслов прислал мне свое краткое CV, приведу его текст полностью: 1953 г. – окончил философский факультет ЛГУ; 1959 г. – закончил аспирантуру этого же факультета; 1960 г. – защита кандидатской диссертации; 1960–1967 гг. – заместитель заведующего лаборатории социологических исследований ЛГУ; 1969 г. – защита докторской диссертации «Теоретические и методологические проблемы изучения социальных интересов»; 1967 – 1969 гг. – заведующий кафедрой марксистско-ленинской философии ЛВППШ; 1968–1974 гг. – заведующий сектором методологии и техники социологических исследований Института конкретных социальных исследований АН СССР; 1974 – 1991 гг. – старший научный сотрудник, в 1991 г. – заведующий сектором социологии партии в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; 1991–2003 гг. – директор Центра социологического анализа межнациональных конфликтов Российского независимого

института социальных и национальных проблем, с 2003 г. – главный научный сотрудник; С 2005 г. – главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Таким образом, вместе со Здравомысловым я работал не более двух лет, но нечто, соединившее нас, не пропало. Я благодарен Здравомыслову за то, что в те далекие годы он не учил меня, а просто дал возможность задуматься о социологии, тогда абсолютно новой, и не только для меня, исследовательской области, и постепенно узнавать людей, которые десятилетием раньше сами открыли эту науку для себя и начали внедрять ее в советское общественное сознание и политическую систему.

Какое-то время после его переезда в Москву мы не встречались, потом наше общение восстановилось. Видимо, с середины 1980-х я старался хотя бы раз в год писать ему о сделанном и планах.

В начале 2000-х, после того, как моя жизнь в Америке приобрела некоторую стабильность и обозначилось мое возвращение к исследовательской работе, наша переписка возобновилась и приобрела регулярность. Во всяком случае, 6 октября 2000 года я писал ему «... но человек лишь предполагает, а Бог – располагает. Не все потеряно, хочется думать. Увидимся», за день до окончания 2004 года он отметил: «Очень рад, что ты восстанавливаешь свою итоговую традицию в переписке со мной».

К лету 2005 года я давно, но все же относительно слабо знал Здравомыслова; эта ситуация заметно изменилась, когда я начал свою серию биографических интервью, предложил ему побеседовать (с помощью электронной почты) и получил его согласие. Возможно, моя просьба была сделана по телефону (письма с таким предложением я не обнаружил в мое архиве), но так или иначе, в конце июля того года Здравомыслов прислал мне свое CV (приведено выше) и перечень основных публикаций. Тогда я ему ответил: «Я так думаю, хочу так думать, что это – первая ласточка, возвещающая о том, что и наше интервью состоится». Заканчивалось лето, и 22 сентября 2005 г. я вернулся к теме интервью: «Андрей, мы так долго знакомы, и ты так долго в социологии, что мне и без последних материалов есть, о чем спросить. Они повлияли в том смысле, что еще более убедили меня в необходимости нашего интервью. Потому главное – это твое решение о начале интервью: когда?».

К сожалению, не все из нашей переписки сохранилось, возможно, после этого было письмо Здравомыслова, в котором он спрашивал о содержании нашей беседы, во всяком случае через неделю (28 сентября 2005 г.) я обозначил элементы со-

держания и процедуры интервью. Приведу текст этого письма с несколькими не меняющими сути дела купюрами:

Добрый день, Андрей,

Статью я получил, буду читать и, уверен, она дает многое для обсуждения в интервью. И не только потому, что она историко-методологическая и касается России, но и потому, что, занимаясь уже почти пять лет историческими сюжетами, все более начинаю видеть в чисто научных текстах отголоски биографии автора. Я этому учусь, я еще не овладел этим искусством... но оно вырабатывается... Автор, я не имею в виду начинающих «писателей», имеет всегда множество вариантов развития текста, но он выбирает нечто, не только в силу логики, но и эмоций. Отмечу, что твои тексты очень авторские, личностные, прежде всего в логическом (отчасти – языковом) отношении... читая их, я всегда вспоминаю еще те твои лекции, которые я слушал с Ларисой Абрамовой... ты не только обращался к аудитории, но всегда старался общаться с самим собою. Много воды утекло, тогда я был более психологом, чем сейчас, и находился под влиянием общения с Палеем и книг Бодалева. Я помню твою жестикуляцию левой рукой – это (по Палею или Бодалеву ?) диалог с самим собою...

Твой вопрос о том, можно ли начать с пути в социологию я понимаю прежде всего как согласие начать интервью... спасибо...

Безусловно, начало пути – крайне важно....постараюсь объяснить, почему...

Я исхожу из того, что твое поколение начинало путь в социологию (из философии, истории, экономики...) с какой-то предметно-этической позиции... (Грушин говорит, что он был в кожанке Павки Корчагина и с маузером; Фирсов – пережил блокаду и хотел изменить мир, сначала на партийной работе, потом – на телевидении, в социологию он пришел взрослым и во многом лишенным иллюзий.. Ядов был в душе хунвейбином...)... в моем поколении уже не было этого... в частности, многие <...> шли не от социальной заряженности, а от метода, который можно было применить в социологии... это принципиально...

Потому, все что ты найдешь в твоём детстве (я знаю, оно было трудным, жестким, скорее всего, лишенным нормальной «детской» коммуникации), что, по твоему сегодняшнему разумению, могло позже бросить тебя на философский факультет и потом в социологию, мне (и читателям) крайне интересно...

Мне кажется, что ты всегда считал себя философом-социологом-философом (Ядов долгое время считал себя со-

циальным психологом и социологом, Грушин – логиком и социологом.... Заславская, Шляпентох... экономисты и социологи, Гордон – историк и социолог...) и раньше других тебя потянуло в политологию... мне трудно сказать, видел ли ты политологические сюжеты, когда шел в ЛВПШ, но то место позволяло в какой-то мере реализовывать подобные планы... <...> сейчас это тоже надо, но меня интересует логика и интенция тех давних исследований (бюджеты, труд, пропаганда)... я тогда ничего кроме методов обработки не понимал и не анализировал материалы...

Пиши спокойно, можешь сам задавать себе вопросы (пусть левая рука активно действует), можешь не сдерживать себя в ответах на мои уже задававшиеся и будущие вопросы... <...> если мы перевалим заметно за 80000 знаков (два листа), то опубликуем в двух выпусках «Телескопа»...

Мне интересны твои ответы по поводу «социологического марксизма», я спрашивал об этом тебя раньше, который был иным, чем у чистых философов... я опять же вспоминаю твои споры на кафедре <...> мне казалось тогда, что те люди не были искренними в своих рассуждениях, они во что-то играли, но теперь я понимаю, что они могли действительно так думать... они не понимали, что своими интерпретациями они губили то, что пытались защитить...

<...>Ты долго работал в Институте Маркса-Энгельса (?)...что это была за работа? Что бы ты сказал об отношении власти к социологии, ее выводам? Что, по-твоему, произошло с теоретическим обоснование перестройки? Оно было? Были ли в работах – пусть очень закрытых – какие-то предложения, спекуляции, догадки...о том, что СССР вот-вот развалится... Я был когда-то на одном закрытом семинаре в АОН, у Керимова... он, помню, говорил, если не у нас обсуждать, то где еще? Или власть боялась признаться себе...?

<...>Я помню на одном из заседаний кафедры в ЛВПШ выступал М.А. Кисель... это было для меня новым и интересным... почему ты его тогда пригласил? Уже тогда у тебя был интерес к истории науки? Почему почти вся история русской социологии была отдана Чагину? В те годы я ничего не понимал, но сейчас задумываюсь о взрывной силе исторических исследований. Он никого не подпускал к русской социологии? Или думалось, что там нет чего-то для нормального (позитивного, позитивистского) анализа?... всех сдерживали идеологические «шоры»?

<...> Теперь о технологии интервью: если можешь, пожалуйста, отсылай порциями, не надо ждать, когда много на-

копится... диалог помогает в работе, придает интервью живость...

В письме упоминаются лекции Здравомыслова, которые он читал в ЛВППШ в 1968-69 годах и которые я и его сотрудница Лариса Петровна Абрамова всегда посещали. С содержанием этих лекций можно ознакомиться сейчас, они составили основу его книжки по методологии социологических исследований [1]. В них было много интересного, но еще важнее для меня была их атмосфера: то были озвученные внутренние диалоги. Замечание о «жестикуляции левой рукой» оказалось, по-видимому, созвучным пониманию Здравомысловым своего стиля письма и чтения лекций. В наших телефонных беседах он просил уточнить, что я имел в виду, и запомнил. Это видно в надписи на его книге о восприятии немцами русских, сделанной 6 декабря 2006 г. : ««Дорогому Борису Докторову. На память о первых лекциях, на которых автор жестикულიровал левой рукой. А. Здравомыслов» [2].

Наше интервью по электронной почте проходило как обычный дружеский разговор: то ускоряясь, то затихая. Продолжалось оно более года и сопровождалось обменом значительным числом писем общего и профессионального содержания. Текст интервью получился весьма объемным. Большая часть беседы была передана для публикации московскому «Социологическому журналу» [3], но текст в «Телескопе» [4] не был урезанным вариантом указанного материала: около 20 процентов его содержания приходилось на фрагменты, отсутствовавшие в московском издании. Допускаю, что проделанная работа в целом удовлетворила Здравомыслова, наша неспешная беседа позволила ему многое рассказать о себе. Через два года он включил текст интервью в свою – оказавшуюся итоговой – книгу по теории и истории социологии [5].

В последние годы жизни он тяжело болел, долго находился в больнице, потому мой отчет о сделанном в 2007 году, отправленный Здравомыслову накануне 2008 года, начинался словами: «Андрей, очень рад твоему возвращению домой, понимаю, что многое в твоей поправке зависело (и будет зависеть) от твоих усилий, воли... это так важно. Год завершается, очень сложный для тебя, желаю тебе сохранять оптимизм, верить в свои силы и в возможности медицины». Его ответ не был очень оптимистичным (29 декабря 2007 г.): «Боря, привет! С Новым Годом. Как раз когда ты прислал мне последнее письмо, я свалился, теперь понемногу поправляюсь. АЗ».

За две недели до смерти (25 мая 2009 г.) он продолжал работать и просил меня указать сайт российско-американского

проекта «Международная биографическая инициатива» [6], на котором размещено множество воспоминаний российских социологов.

Но 7 июля 2009 года утренняя электронная почта содержало послание В.А. Ядова. Одна строчка крупными буквами: «ЧАС НАЗАД УМЕР АНДРЕЙ ЗДРАВОМЫСЛОВ».

Три сюжета к портрету Здравомыслова

Указанное интервью со Здравомысловым на сегодняшний день является самым полным рассказом о его жизни и направлениях деятельности. Сейчас я попытаюсь дополнить портрет Здравомыслова материалами более позднего происхождения.

Сюжет первый. Помощь коллеге

21 ноября 2006 г. я сообщил Здравомыслову о том, что в то время проводил интервью с профессором Кларой Григорьевной Барбаковой, которую много лет знал и по приглашению которой многократно ездил в Тюмень для чтения лекций и участия в разных научных конференциях. Именно в тот день я получил от нее очередную порцию ответов на вопросы интервью, и в них содержалась история, относящаяся к деятельности Здравомыслова.

Фрагмент из интервью с К.Г. Барбаковой:

Но, а второй пример, ты знаешь, по-моему, я тебе говорила, что я докторскую защищала 11 раз – в 4 советах, на 6 заседаниях экспертного совета ВАКа и на Президиуме ВАКа, с 1977 г. по 1986 г. До сих пор очень благодарна Здравомыслову А.Г.: сюжет интересный – на предпоследнем заседании экспертного совета мне сказали, что мою работу отдадут независимому высококвалифицированному специалисту. И когда я пришла на последнее заседание экспертного совета мне сказали, что независимый эксперт дал очень хорошую характеристику моей работе, после чего меня утвердили. Прошло несколько лет, я стала председателем совета в ТюмГУ и по делам совета попала к Е.В. Рогольской и ее спросила кто же был тот независимый эксперт, она мне назвала фамилию Здравомыслова. В 1991 году я была на какой-то конференции в Москве, где выступал Здравомыслов (до этого времени я его не видела и знала только по работам). Я подошла к нему, предварительно подписав нашу книгу с Мансуровым В.А. «Интеллигенция и власть»: «С признательностью, Барбакова К.Г.». Он был очень удивлен

именно этой приписке. И спросил – за что? Я ему объяснила, он конечно этого эпизода не помнил.

Сюжет второй. Доброе слово о коллеге, друге

Тексты Здравомыслова, возникшие как отклики на смерть Ю.А. Левады и Б.А. Грушина, с которыми он долгие годы поддерживал добрые, дружеские отношения, интересны в историко-наукоедческом и собственно в биографическом плане. Они приоткрывают коммуникационный мир советских/российских социологов первого поколения и одновременно характеризуют Здравомыслова как историка нашей науки и человека, глубоко переживавшего уход близких ему людей. Не могу припомнить, кто еще столь детально описал проводы Левады и кто из ровесников Грушина был также последователен в анализе его творчества.

Моим ранним утром 21 ноября 2006 г. я отправил Здравомыслову весточку-просьбу:

Андрей, Дима Рогозин (БД: Дмитрий Михайлович Рогозин, сейчас – директор Центра методологии федеративных исследований РАНХиГС) особенно выделил твое выступление на прощании с

Юрой Левадой... пожалуйста, если нет текста, напиши основную посылку..

пусть несколько фраз... я хотел бы поместить их в «Телескопе».... Боря

Через два с половиной часа я получил этот текст:

Боря, на прощание с Юрой пришло много народу. Зал на Троекуровском кладбище вместил (БД: возможно, не вместил?) всех. Заходили по очереди и этот проход занял не менее 20 минут. По моей прикидке было около 800 человек, но Боря Грушин считает, что это преувеличение. Много было прессы. Там над залом был второй ярус, на котором расположились осветители и киношники. Открыла церемонию Люда Хахулина, вел ее Алексей Левинсон.

Люда сказала несколько слов о том, что значил Юра для их коллектива, она зачитала телеграмму от Путина (полезно было бы тебе ее воспроизвести). Затем слово было предоставлено...кому же ты думаешь? Касьянову – бывшему председателю правительства и лидеру какой-то правой партии, намеревающейся выдвинуть его кандидатуру на президентских выборах! Он что-то говорил о социологии и Юре.

За ним выступил другой вечный кандидат в Президенты России – Жириновский. Он заявил, что выступает от имени

Государственной Думы! Его речь была более взвешенной и спокойной, но тоже про социологию. Затем наша дама – борец за гражданские права при Президента России, которая благодарила Юру за участие в работе ее комиссии.

После этого выступали Заславская, Ядов, Гражданкин, Грушин. Время оставалось, и Алексей прошел сквозь толпу мимо меня к Гайдару (но он отказался от выступления), рядом с ним стоял Ясин, который произнес несколько достаточно добрых слов признания, затем Шанин. Время оставалось.

Выступил еще один молодой человек из Левада-Центра, который поставил Юру в ряд с известными диссидентами Сахаров, Богораз.. еще несколько имен.

Время опять оставалось, и я подошел к Алексею во время этой речи и попросил слова. Алексей объявил: «Слово предоставляется Андрею Григорьевичу». Я подошел поближе и встал так, чтобы видеть лицо Юры. Оно было бледно и неподвижно.

Вот то, что я сказал, (по памяти):

Я знал Юрия Александровича с 1966 года (дата требует проверки) - со времени проведения знаменитой первой общероссийской – Всесоюзной социологической конференции, которая проводилась в Сухуми. Конференция была посвящена количественным методам в социологии. Тогда мы были молоды и полны энтузиазма – веры в свою науку. С тех пор мы стали друзьями. Но наши отношения с Юрой были свободны от каких-либо обязательств, они основывались на чувстве взаимной симпатии друг у другу.

Когда мне бывало трудно, то Юра мог сказать всего два слова «Держись, старик!», и такая мужская поддержка от него значила очень много.

Я бы хотел подчеркнуть, что Юрий Александрович в годы перемен, произошедших в стране, не менял своих убеждений. Он оставался верным тем идеям, к которым пришел в молодости. Его первая книга «Социальная природа религии» стала предметом и его докторской диссертации. Она остается значимой и сейчас. Тот, кто интересуется вопросами социологической теории, найдет в ней немало важных положений, ибо в ней представлено многообразие теоретических подходов к рассмотрению общественного сознания. Здесь и марксистское, и дюркгеймианское, и веберинское понимание религии, а без этого нет современного социологического образования. Эти идеи вошли и в знаменитые «Лекции по социологии», о которых здесь уже упоминалось.

Прощай, дорогой друг!

После прощания состоялся вынос гроба. Могила была приготовлена примерно в трехстах метрах от выхода из ритуального зала. Гроб опустили работники и присутствовавшие на погребении стали бросать землю. Земля была сухая и подмороженная, так что первые комья отдавались гулко о крышку гроба. Каждый удар во мне отдавался как «Прощай, прощай». Затем опять к делу приступили работники и образовался могильный холм. Откуда-то возникла надпись и крест, и скоро все это пространство оказалось засыпано венками и цветами. Где-то там были и мои четыре розы – красные внутри и с синеватым оттенком снаружи.

Спи, дорогой Юра... и люди стали расходиться длинной нестройной чередой.

По дороге мы с Николаем (Лапиным) потеряли друг друга, но потом на выходе из кладбища вновь встретились. Мы не воспользовались подготовленным автобусом, а поехали на поминки на моем фольксвагене..

На поминках вновь были речи. Николай первым взял слово, затем я рассказал чуть подробнее о деталях. Я вспомнил первый банкет по поводу открытия Института конкретных социальных исследований и тост Юры про социологию и про конференцию, посвященную 150-летию со дня рождения Маркса, которая проходила в том числе и в Ленинграде, и на этой конференции Юра выступил с лучшим докладом. Потом я рассказал, как один из главных начальников из ЦК сказал мне лично уже после кампании, проведенной против Юры: «Что Вы так волнуетесь, АГ? Ведь мы же его даже не исключили из партии, пусть себе работает спокойно в ЦЭМИ». Из этих слов можно было сделать вывод, что вопрос о мере наказания за лекции обсуждался «на самом верху» и принятое решение – свидетельствовало о прогрессе, по крайней мере, в средствах контроля.

В 30-е годы его бы расстреляли, в 50-е обязательно исключили из рядов и, возможно, послали на лесоповал. А вот в начале 70-х лишь передвинули на другую работу, возможно даже, «по собственному желанию».

Очень я жалею, что все переносил нашу встречу, которая должна была состояться... но я не знал, что никогда не надо переносить нечто намеченное. Поэтому пытаюсь исправиться.

Пока все, дорогой Боря. Можешь считать, что ты почти присутствовал на похоронах Юры. Что видно с других точек зрения? А.

Я сразу же ответил:

Спасибо, Андрей, то, что я видел сегодня на картинке ТВ, дополняет твоё описание.. в текст для «Телескопа» я включу

лишь фрагмент (кроме твоих там будут материалы Лапина, Ядова, Ирины Елисейевой, Дубина, Левинсона, Гудкова, Паниотто, сейчас пишет Шляпентох), но для сайта хочу подготовить все... сегодня напишу Люсе Хохулиной, может придет текст президентского письма.

Через несколько часов от Здравомыслова пришло дополнение к вышеприведенному письму:

...После меня выступал Засурский – декан факультета журналистики МГУ (возможно, сейчас он уже эту позицию оставил) Он принес благодарность за прочитанный тогда курс лекций и просил прощения то, что в те времена не сумели защитить Ю.А. от нападок на лекции и лишили его звания профессора ими же и присвоенного несколько ранее.

На поминках весьма содержательной была речь Гудкова – ты бы обратился к нему за воспроизводством. А.

На мое замечание о том, что конференция в Сухуми была в апреле 1967, Здравомыслов прислал еще один уточняющий текст:

Значит, я допустил ошибку в дате. В 1966 году мы были вместе на Эвианском конгрессе. А познакомились мы еще раньше – до Кении. С начала 60-х годов. А еще до образования ИКСИ я работал у Левады в Отделе. Вчера по «Эху Москвы» прошла передача о Юре, участвовали Гудков, Дубин, Левинсон. Они объясняли смысл девиза «От мнений к пониманию» и говорили о всех ключевых проблемах. А.

Не прошло и года, 18 сентября 2007 года я получил от Здравомыслова небольшое письмо, начинавшееся словами: «... вот и еще одна потеря. Сегодня в 10-00 по московскому времени окончилась жизнь Бори Грушина» и завершавшееся так: «И таких людей мы не умеем ценить! Когда-нибудь – пройдет время – и Борису будет поставлен памятник может быть «у трех вокзалов», может быть – на Волхонке 14 с надписью «Первому россиянину, описавшему сознание людей в эпоху социотрясений 80-х и 90-х»». Поясню, на Волхонке 14 размещался Институт философии АН СССР, в котором многие годы работал Б.А. Грушин.

В письме было много добрых слов об умершем коллеге, и я не думал, что Здравомыслов вскоре вернется к этой скорбной теме. Потому был удивлен, когда через три дня (21 сентября) появился новый текст:

Боря, сегодня похоронили (предали кремации в крематории Хованского кладбища) Борю Грушина. Собралось много людей проводить его в последний путь. Все проходило по гражданскому обряду. И это вполне понятно, Боря не заигрывал с религией и не надеялся на бессмертие. За все платил сам

и объяснить все стремился на основе эмпирических данных о людских побуждениях и страстях. Разгадал ли он загадку общественного мнения? «Мнения о мире и мир мнений» (1967). С одной стороны, оно есть, а с другой стороны – его нет! Наверное, об этом мы узнали бы по выходе 4-го тома «Четырех жизней в России». Во всяком случае, им зафиксирована картина массового сознания в определенной динамике.

Это было сделано еще в советский период в содружестве с большой командой сподвижников и единомышленников, как в «Комсомольской правде», так и в ряде книг. Мне кажется, что главная из них «Массовая информация в советском промышленном городе» (1980). Она построена на информационной теории общества и на идее прямой и обратной связи «власти» и «населения».

Большой период работы связан с «Проблемами мира и социализма» (Прага). Следующий важный этап работы – «Vox Populi». Конструирование образа политической, а затем и экономической элиты. Далее, динамика лидерства в эпоху «социотрясения» и сдвига цивилизации, работа во ВЦИОМЕ, разработка программы мониторинга.

И, наконец, концепция 4-х жизней – эпох, участником, исследователем и аналитиком он стал и это оказалось незавершенным проектом... Но все же есть некоторая надежда на завершение так как рукописи, как сказала Наташа (БД: Карцева Наталия Георгиевна – вдова Б.А. Грушина), в основном готовы.

Пришли мне материалы о Борисе, которые у тебя собрались теперь в связи с его кончиной и похоронами. А.

Безусловно, я переслал Здравомыслову все, что имел о Грушине. И в октябре им был закончена небольшая статья о Грушине, озаглавленная «Человек, создавший себя сам» [7]. Позже этот текст был включен Здравомысловым в свою книгу теоретико-исторических исследований [5, с. 342-346].

Сюжет третий. Самоидентификация

Перед отправкой на сайт Полит.Ру я переправил Здравомыслову вариант эссе, написанного по случаю его 80-летия. В частности, там были такие суждения:

«Ощущение себя как части русской интеллигенции обнаруживается в работах Здравомыслова, касающихся природы русскости и русского национального самосознания. Развивая релятивистскую концепцию нации [8], он трактует современный русский этнос как часть глобального человечества. Отсюда

его резко негативное отношение к попыткам ряда российских ученых предложить «истинно» русскую социологию, базирующуюся на православии. Воспринявший принципы секулярной науки, в частности – марксизма, и традиции русской разночинной интеллигенции, Здравомыслов, по его словам, считает, что объяснение всего происходящего надо искать в мире людских отношений, но не в проявлении высших сил».

«Много трагического принесла Здравомыслову война: жизнь в блокадном Ленинграде, голод, смерть родных и потеря друзей, тяжелейшая болезнь. Как большинство подростков, он ненавидел немцев, ему понятна была справедливость лозунга «Убей немца!», и он отказывался изучать немецкий язык» [9].

Приведу реакцию Здравомыслова (12 мая 2008 г.):

Боря, спасибо тебе за этот опус!

Раз ты его прислал, то надо сделать хотя бы несколько замечаний (см. пометки):

1. *я не стремлюсь к ИДЕОЛОГИЧЕСКОМУ самоопределению – тем более, что в нашем контексте слово «марксист» звучит как «упрямый догматик», тем более в сочетании с «традициями разночинной интеллигенции» – (Герцен разве относится к разночинцам ?).*

2. *по моему, я нигде не употреблял термин «современный русский этнос»*

3. *напоминание лозунга Эренбурга «убей немца» выходит за рамки политкорректности. Я ограничиваюсь тем, что напоминаю о том, что та война была «Vernichtungskrieg» (БД: война на уничтожение) и даю определение Холокоста. А.*

Для публикации текста [10] я уточнил первое суждение: «Развивая релятивистскую концепцию нации, он трактует русский народ как часть глобального человечества, а достижения России в областях искусства, литературы, науки – как элемент всемирной культуры. Отсюда его резко негативное отношение к попыткам ряда российских ученых предложить «истинно» русскую социологию, базирующуюся на православии. Воспринявший принципы секулярной науки и традиции русской интеллигенции, Здравомыслов, по его словам, считает, что объяснение всего происходящего надо искать в мире людских отношений, но не в проявлении высших сил».

Второй абзац приобрел следующий вид, здесь снижен уровень персонализации, но усилен контекст: «Много трагического принесла Здравомыслову война: жизнь в блокадном Ленинграде, голод, смерть родных и потеря друзей, тяжелейшая болезнь. Его отношение немцам формировалось в идеологической и нравственной среде, проникнутой эренбургским:

«Мы поняли: немцы не люди... Отныне слово «немец» разряжает ружье» и симоновским «Ты помнишь, Алеша...». Как все подростки, он ненавидел немцев, даже отказывался изучать немецкий язык».

Из переписки по истории российской социологии

Переписка со Здравомысловым охватывала, касалась множества разных аспектов повседневности, событий, протекавших в нашем профессиональном цехе и собственно тем, которые тогда нами разрабатывались. Внизу приведены полностью (или в фрагментах) письма Здравомыслова, в которых отражено его понимание вопросов изучения истории российской социологии. В ряде случаев приводятся и мои письма; подобная диалогичность помогает понять причины и содержание писем Здравомыслова.

А.Г.Здравомыслов, 30 декабря 2004

Поздравляю тебя с Новым Годом. Действительно – дело святое. Так или иначе перебираешь в памяти основные события прошедшего. Чем-то доволен, чем-то огорчаешься. Я однако стараюсь не поддаваться этому чувству одиночества, иначе...

Читаю курс лекций в ГУ ВШЭ – по истории российской социологии. Огромная радость от возвращения к «Былому и думам». Это сейчас мое чтение беллетристического характера. Хотя по сути дела – это прорыв из прошлого в современную социологию.

А.Г. Здравомыслов, 19 июня 2005 г.

Я отсчитываю начало российской социологии с А.И. Герцена. А Зборовский [11] – с Михайловского и Лаврова. В этом суть того, что я назвал недооценкой, а так учебник неплохой.

Б.З. Докторов, 19 июня 2005 г.

Я не знаю книгу Зборовского, потому ничего не могу сказать. Современная российская социология должна осмыслить свои корни. Ваше поколение не работало на фундаменте Герцена, но более на Марксе, Мертоне, Парсонсе. Произойдет ли синтез дореволюционной русской социологии и советской социологии? Это большая проблема. Во всяком случае, мне кажется серьезной опасностью стремление замешивать современную российскую социологию на трудах русских религиозных философов. Герцен – значительно более плодотворнее, он – западник, рациональнее подходил к истории и человеку.

А.Г.Здравомыслов, 22 июня 2005 г.

Весь вопрос в том, как понимать традицию. Некоторые вещи, как бы принятые в США и других странах, просто не-

мыслимы были в советском обществе. Например, Сорокин еще в 60-е годы рассматривается как персона non grata. Почему? Потому что с 1922 года где-то в архивах хранится его расписка о добровольном выезде из страны с обязательством невозвращения. Только позже Голосенко начинает открывать эту дверь и в конце концов добивается успеха.

На мой взгляд, понятия традиции более широкое, это не институциональное воспроизводства, а культурный феномен.

Люди воспитываются в российской культуре и усваивают определенные ценности, сформировавшиеся в сознании предшествующих поколений. Именно через культуру мы воспринимаем Герцена, а не как важного заведующего социологической кафедрой. Это социология несколько иного рода. В ней есть необходимые компоненты – видение российского общества в целостности и вместе с тем в европейском контексте; систематичность анализа ситуации – в публицистической и мемуарной форме, понимание взаимоотношения структуры и актора (вполне современное), понимание женского вопроса (также вполне современное), взаимоотношений макро и микроуровня (вплоть до биографического метода), соотношение с современными социальными мыслителями – Марксом (марксистами, в его терминологии), Бакуниным, и даже Контом, тем более Оуэном, Прудоном, пристрастность – и участие в движениях освободительных, понимание положения массы населения как в России, так и в других странах (средний класс), отношение к революции и реформаторству, наконец, last but not least – светское мировоззрение, что ты и отмечаешь в своем письме. По всем эти сюжетам я подобрал выписки из «Былого и дум», послал Володе (БД: В.А. Ядов) и он не знает, как это можно использовать.

К сожалению, Герцен не в чести. Ибо – революционер (по отношению к царской монархии и даже к революции 1948 года, коей он был участником). Чтобы преодолеть тенденцию, о которой ты пишешь, надо, чтобы БиД (БД: «Былое и думы») стало настольной книгой каждого российского интеллигента. Кстати, посмотри, в каком количестве стран и на какие языки переведена эта книга?

Б.З. Докторов, 20 декабря 2006 г.

Андрей, спасибо за встречу, беседу. Очень все было по-доброму...

Прилетел домой, на столе гора всего, что было получено по почте за дни моего отсутствия. В том числе – «Социологический журнал» с твоим интервью. Видать, сегодня я спрашивал бы чуть иначе, есть и новые вопросы, но текст уже живет сам...

<...>

В нашем интервью ты подробнее, обстоятельнее всех моих собеседников рассказал историю твоей семьи. По-моему, это многое говорит о тебе и о твоём миропонимании, о твоих связях с прошлым. Твой интерес к истории социологии и к истории семьи – это сходные явления, это общие симптомы единой установки на понимание «былого».

Согласно твоим воспоминаниям, о социологии ты впервые узнал в 28 лет... и сейчас ты считаешь, что она пришла к тебе из классической литературы. Думаю, что в действительности процесс протекал иначе.

Твои социальные идеалы закладывались рано, в семье, где скорее всего должен был быть культ русской классической литературы... эти идеалы шлифовались и дали о себе знать в 60-е годы... социологическое видение возникло у тебя под влиянием и анализом марксизма (кто-бы и что-бы сейчас о нем в России не говорил, это мощнейшая социальная теория) и под воздействием социальной атмосферы (Окуджава... а ты –любитель пения, сейчас я вспомнил, что это мне еще говорила Лариса)... и только после того ты реально смог увидеть в русской классике социологию... без всего, что было в марксизме и в политической атмосфере, ты не нашел бы социологию у Толстого, Герцена, Некрасова... хотя она там, естественно, есть..

А.Г.Здравомыслов, 25 декабря 2006 г.

Боря, вот тут ошибка: «Согласно твоим воспоминаниям, о социологии ты впервые узнал в 28 лет... и сейчас ты считаешь, что она пришла к тебе из классической литературы». Слово «социология» – это не сама социология. Не она ко мне пришла, а я к ней пришел. Я не вижу большой разницы в семейном окружении у Володи (БД: В.А. Ядов) и у меня. В школах мы учились разных, но примерно в одно время и по единой программе, где проходили «Кому на Руси жить хорошо?», а в детстве читали по-видимому Аркадия Гайдара.

Оба мы проходили комсомольскую школу жизни (его школа при этом была более солидная) и учились на том же факультете. Он был весь зациклен на идеологии и даже писал про это кандидатскую диссертацию, а я – про интересы. И та, и другая темы – социологичны по существу. И именно отсюда надо вести историю ознакомления с социологией (приближения к...). Я занимался Парсонсом, он – Мангеймом.

Жизненная школа также примерно одинакова – он исключался из партии (и восстанавливался), работал на заводе, я работал на фабрике, а потом в угольном районе – жил в доме, пост-

роенном зеками. Но классическая русская литература сидела в подсознании – у него, не в меньшей степени, чем у меня. Но люди различаются тем, копаются ли они в своем собственном подсознании. Если не копаешься, тогда, действительно, «все возникает из ничего». Борис Грушин в еще большей степени был заряжен на классиков марксизма. Его первая работа посвящена Логике «Капитала» Маркса. Думаю, что между этой его работой и последующим интересом к массовому сознанию также есть промежуточные звенья подсознательного характера, основанные на семейном опыте, школьном и дошкольном восприятии. Для Бориса большее значение, чем для ленинградцев, имело живое обсуждение текущих проблем.

А песня, которая повлияла на всех нас в самой большой степени была спета, конечно, не Булатом Шалвовичем, а Никитой Сергеевичем. Окуджава – это параллельное явление, подкрепляющее установку, но не порождающее ее. Для Грушина референтная фигура того времени – Воронов (БД; Юрий Петрович Воронов) – главный редактор «Комсомольской Правды», который и открыл ему путь к изучению общественного мнения. Не было бы Воронова, не было бы и Грушина. Здесь происходит процесс вытеснения в подсознание определенных фигур и действий и возникает иллюзия «из ничего». И ты совершаешь большую ошибку методологического плана такую иллюзию озвучивая и поддерживая. Но это общий закон динамики индивидуального сознания – ведь иллюзии так приятны! Я – ИМЯРЕК – САМ СЕБЯ СОЗДАЛ ИЗ НИЧЕГО БЕЗ ВСЯКИХ ПРЕДПОСЫЛОК! Конечно же, это асоциологическая позиция по отношению к себе у некоторых социологов.

А.Г.Здравомыслов, 4 января 2007 г.

Боря, вспоминаю, что был некий доцент в военной форме, который читал лекции по истории русской философии (отнюдь не социологии – это было бы невозможно), но затем в 90-е годы некоторые историки русской философии внезапно переквалифицировались в историков социологи. В числе их и В. Я. Ельмеев. Это произошло и с книжкой история русской философии Галактионова, кажется, посмертно. Список от Герцена до Плеханова вполне корректный – это все же социальные мыслители, хотя АИ и ГВ (БД: Александр Иванович Герцен и Валентин Георгиевич Плеханов) могут быть отнесены и к социологам. А сам В.Я. был просто «научным коммунистом». Андрей.

Это был ответ Здравомысллова на мой вопрос относительно того, преподавали ли им на философском факультете историю русской дореволюционной социологии. Учившийся там в те же

годы профессор Василий Яковлевич Ельмеев в интервью, которое я с ним провел, утверждал, что такой курс существовал и его читал Н.Н. Андреев [12].

Б.З. Докторов, 9 октября 2007

Андрей, отталкиваясь от моего к тебе письма с моим пониманием начала нашей современной истории, я написал небольшой материал для конференции в Тюмени. Туда я не еду, да и тема конференции – слишком широкая для меня, но Тезисы я соорудил. Будет время, пожалуйста, посмотри.. что смотрится?

Речь идет о нескольких страницах, на которых впервые излагалась концепция второго рождения современной российской социологии и приводился ряд аргументов в ее обоснование [13].

А.Г.Здравомыслов, 9 октября 2007

Боря, здесь есть один вопрос, который стоит за пределами твоего текста: существует ли прошлое, о котором человек не знает? Попробуй на него ответить. А.

Б.З. Докторов, 9 октября 2007

Андрей, вопросов подобного уровня масса, сразу возникает вопрос о том, что такое «знает», какой человек (отмечают, что люди Возрождения знали о прошлом больше, чем люди Средневековья, человек сегодняшней России знает, мне кажется, о прошлом своей семьи и страны, больше, чем человек СССР)... и все же я думаю, что да, многое в прошлом стерто окончательно, я называю это «невосполнимыми разрывами»... Буду думать. Боря

А.Г.Здравомыслов, 10 октября 2007

Представь себе, что ты не знаешь, кто твои родители. Это ведь не означает, что они никак не повлияли на твое рождение, возрождение или новое рождение, и что никакой преемственности – нет. Ты же будешь «либо в мать, либо в отца, либо в прохожего молодца». Так и в культуре – что-то переходит внеинституционально.

Посмотри, на какие культурные компоненты обращают внимание твои респонденты, какие чувства доминируют при самопрезентации? А.

Б.З. Докторов, 13 октября 2007

Андрей, я продолжаю думать о нашей истории и твоём взгляде на роль Герцена. Посмотрел книгу Голосенко и Козловского по истории русской социологии. Там нет Герцена. В чем

дело? У них были иные критерии? Я понимаю, что это вопрос скорее к Игорю, но ему уже на задать...

Хотел бы тебя спросить, почему Герцен, но, скажем, не Радищев? То, что он писал и как он писал, вполне можно назвать социальной философией, политологией и даже социологией. Мы же относим к социологии работу Энгельса о положении рабочих в Англии... Радищев писал о положении крестьян (не только) в России.

Когда-то я предлагал тебе написать статью о Герцене как социологе... мое предложение остается в силе...

21 октября 2007 года Здравомыслов прислал мне более, чем 300-страничную рукопись сборника «История и современность отечественной социологии (глазами начинающих социологов)», подготовленного под его редакцией. Это – 12 статей его студентов, в которых рассматриваются исследования дореволюционных, ранне советских и современных социологов. Была идея доработать эти тексты и сделать сетевое издание с целью стимулирования участия молодых ученых в анализе прошлого отечественной социологии. Примерно через неделю я ответил на это письмо:

Б.З. Докторов, 29 окт. 2007

Андрей, добрый день, как ты? Ни ты, ни твои студенты, которым я предложил подготовить текст для сайта, ничего мне не ответили. Рассосалось? Так кое что читая в последнее время, я хочу спросить тебя, когда ты пришел к Герцену? Скорее всего поздно... если бы рано, то ты мог бы оказаться в стране, из которой вышел Буковский. Не так ли?

Дальнейшего развития эта тема не получила; состояние здоровья Здравомыслова начало заметно ухудшаться.

* * *

История – дальнозорка, должно пройти время для того, чтобы адекватно оценить сделанное А.Г. Здравомысловым и его поколением советских/российских социологов для становления и развития нашей науки. Все станет виднее. Задача тех, кому довелось жить и работать вместе с ними, рассказывать о них. Определить их постбиографию и судьбу.

Литература

1. Здравомыслов А.Г. Методология и процедура социологических исследований. М.: Изд-во «Мысль», 1969.

2. *Здравомыслов А.Г.* Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. М.: РОССПЭН, 2003.
3. *Здравомыслов А.Г.* Социология как жизненное кредо // Социологический журнал. 2006. №3/4. С. 151-186.
4. *Здравомыслов А.Г.* : «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит – надо искать объяснение в мире людских отношений» (Интервью Б.З. Докторову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. С. 2-10.
5. *Здравомыслов А.Г.* Социология: теория, история, практика. М.: Наука, 2008.
6. Международная биографическая инициатива <http://cdclv.unlv.edu/programs/bios.html>.
7. *Здравомыслов А.* Человек, создавший себя сам <http://cdclv.unlv.edu/archives/memoriarn/grushin_zdravomyslov.html>.
8. *Здравомыслов А.Г.* К обоснованию релятивистской теории нации // Релятивистская теория нации: Новый подход к исследованию этнополитической динамики России. М., 1998. С. 5-25. Он же: О пластах национального бытия. Там же, С. 188 – 193.
9. *Здравомыслов А.Г.* Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. М.: РОССПЭН. 2003.
10. *Докторов Б.* Человек, чье кредо – социология (А. Г. Здравомыслову – 80 лет) <http://www.polit.ru/science/2008/05/18/zdravomyslov_print.html>.
11. *Зборовский Г. Е.* История социологии / Под ред. И. Б. Зорько, Н. Я. Марголина. – М.: Гардарики, 2007.
12. *Ельмеев В.Я.* : «Я был и остался сторонником материализма в социологии». В кн.: Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски Том 2. С. 2324-248. <http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/Publications/tom_2_1_6.pdf>.
13. *Докторов Б.* Российские реформы и история российской социологии / Тезисы к Международной научно-практической конференции «Гуманитарные стратегии российских трансформаций». Тюмень, 26-27 октября 2007 г. <http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/doktorov_reform.html>.

Приложение

Владимир Ядов: «Андрей прекрасно совмещал основательную начитанность с креативом»

Текст Бориса Докторова об Андрее Здравомысловом хорош тем, что высвечивает его индивидуальность. К сказанному им могу добавить несколько фраз

Андрей прекрасно совмещал основательную начитанность с тем, что сегодня принято называть креативом, т.е. творческой жилкой.

Именно Андрей при разработке программы исследования мотивации труда молодых рабочих нашел выход, как обойти догмат о «социальном содержании» труда, что противопоставляло подневольный труд при капитализме и труд как самоценную деятельность в коммунистическом

обществе. Мы не могли непосредственно это исследовать без сравнения данных по Питеру и, скажем, Манчестеру. И Андрей предложил концепт «социально-технологическое содержание труда» от требующего большой умственной нагрузки до бездумного «человек-машина» на конвейере. Это спасло проект.

Он же придумал индекс «логический квадрат», что по сути представляло совмещение в одном показателе ответов на три разных вопроса об отношении к своей работе.

К сожалению, случаев сотворчества с Андреем у меня больше не было. Мы в последние годы обсуждали с ним проблему национальных особенностей социологического теоретизирования и существенно расходились в содержательных характеристиках этих особенностей, каковые де факто признавал и я. Не смотря на разногласия, я пригласил Андрея прочитать пару лекций нашим студентам. Была живая дискуссия, что опять же в пользу продуктивности синергетического эффекта.

БОРИС РАББОТ И СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ НАМ ЕЩЕ ПРЕДСТОИТ УЗНАТЬ*

Импульсом к написанию и информационной основой настоящей заметки является вышедшая в Москве в начале этого года на русском и английском языках книга [1], знакомящая с биографией и деятельностью Бориса Семеновича Раббота (1930-2011). Сделано им как аналитиком социальных процессов, протекавших в советской и новой России во второй половине прошлого века, немало, но жизнь его сложилась так, что лишь совсем небольшое число социологов старших поколений – прежде всего – москвичей, помнят его. Книга содержит опубликованные и неопубликованные статьи и эссе Раббота, фрагменты интервью с ним, проведенного в 2008 г. Дмитрием Шалиным [2], а также вспоминая о нем его друзей. Составителями и редакторами книги выступили вдова Раббота американская писательница и переводчик Линн Виссон и его друг Василий Арканов – журналист и переводчик.

Цель, которую ставили перед собой составители книги, очевидна: познакомить читателя с Борисом Рабботом – человеком, социальным философом и политическим консультантом. На мой взгляд, им это удалось сделать. Книга вводит читателей в плотно закрытый и потому мало известный мир советской властной и научной элиты. Почти десять лет Раббот, будучи консультантом и помощником вице-президента АН СССР А.М. Румянцева, крупного ученого и партийного функционера высокого уровня, участвовал в выработке управленческих решений правительства. И потому мог наблюдать вблизи поведение представителей политического Олимпа. Более того, книга, рассказывающая о частном, как это нередко случается с работами историко-биографической направленности, заставляет задуматься об общем. О природе советского государства, характере его внутренней и внешней политики, а также о причинах и последствиях горбачевской перестройки. Причем подобные рассуждения возникают и при чтении биографии Раббота, и при анализе написанного им.

Мемуары и книги смежных жанров интересны многим. Знакомясь с судьбами других, люди пытаются переосмыслить собственное прошлое и по-новому взглянуть на годы, которые они прожили, вспомнить тех, кто встречался им на жизненном пути. В свете сказанного рассматриваемая книга будет интересна тем, кто помнит послевоенное время, события хрущевской «оттепели», годы косыгинских попыток усвер-

* Докторов Б. Борис Раббот и страницы истории, которые нам еще предстоит узнать // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012.

шенствовать советскую систему хозяйствования, начало и закат брежневского периода и рождение перестройки. Но мне кажется, она вдвойне будет интереснее тем, кого интересует, как формировались первые поколения советских социологов и как рождалась отечественная социология. Во-первых, становление Работы как личности и как социального аналитика проходило в той же социально-политической и нравственной среде, в которой «варились» ученые, известные сегодня всем как создатели советской социологии. Во-вторых, в силу своих служебных обязанностей и научных интересов он содействовал конституированию в СССР социологии и сам занимался теоретическими и прикладными социологическими исследованиями.

Но у каждого человека – своя жизненная траектория, по своему развивалась она и у Работы.

Дороги, которые приводили граждан бывшего Союза в Америку (или в Израиль, Канаду, Германию, реже – другие страны) в начале 1970-х – конце 1980-х гг., многочисленны. Однако ясно одно, беспричинно никто не покидал Родину, дом, родных, друзей. В отдельных случаях доминировала одна веская причина, но, как правило, существовал комплекс копившихся годами объективных (политических, гуманитарных, культурологических, профессиональных и пр.) и субъективных обстоятельств. Оставим в стороне случаи вынужденной эмиграции, когда гражданина СССР «выставляли» из страны. Здесь все предельно ясно: тюрьма или эмиграция. Или «психушка». Значительно чаще в указанный период люди покидали страну в силу накопившейся неудовлетворенности своей жизнью. Последнее, на мой взгляд, в полной мере относится и к Борису Работу.

Он родился в 1930 г., эмигрировал в Америку в 1976 г. и умер в 2011 г.; таким образом, момент эмиграции разделил его жизнь на два почти равных по продолжительности периода. Чисто «арифметически» б льшая часть профессиональной жизни Работы, оборвавшейся лишь с его смертью, протекала в США. Однако по важности сделанного им, по значимости вклада в политику и науку об обществе московский период, по моему мнению, много «весомее» нью-йоркского и, во всяком случае, представляет б льший интерес для познания его личностного мира и его деятельности. В Америке происходило естественное для ученого переосмысление, обобщение накопленного исследовательского опыта и жизненных впечатлений. Появилось то, что приходит к обществуведу с возрастом и открывшимися возможностями сравнивать сначала советскую и американскую действительности, а после 1985 г. – и пост-

советскую реальность. Эмиграция изменила среду обитания и личную жизнь Работы, но его научные интересы и гражданская позиция в основном оставались прежними.

Мать Работы происходила из небогатой провинциальной еврейской семьи, в двадцатых годах она окончила Гнесинский институт и начала петь в Большом театре, но сорвала голос. Она стала фармакологом; муж бросил ее во время беременности. Бабушка Бориса Работы была очень верующей, в доме хранились религиозные книги, в частности, толкование Талмуда. Она учила внука по нему, до восьми лет он многое знал наизусть и неплохо читал на иврите. В интервью Шалину Работ сказал: «После ее смерти постепенно почти все забылось, но что-то эмоционально в душе осталось. Я бы сказал, что это была некоторая интенция, которая меня толкала в сторону этой проблематики» [1, с. 38-39].

В краткой биографии можно было бы опустить упоминание о глубоко верующей еврейской бабушке и раннем знакомстве с религиозными книгами. Но в жизни Работы этот сюжет – один из ключевых. Происходившее тогда сформировало ядро его ценностного мира и стало импульсом для профессионального самоопределения. И теперь, зная его жизненную траекторию, можно сказать, что именно тогда, в детстве он, конечно же, многого не понимая, оказался в начале дороги, ведущей в эмиграцию. Однако очевидно, что человек, вступивший на эту тропу, не обязательно проходит ее до конца. Думаю, что Работ не покинул бы свою страну, если бы его профессиональная деятельность позволила ему в своей стране достаточно полно реализовать свой интеллектуальный и организационный потенциал и проявить свою гражданскую позицию. Но этого не произошло.

При получении паспорта он мог записаться русским по отцу, но, несмотря на протесты матери и родственников, в графе национальность указал «еврей». В условиях государственного антисемитизма конца 1940-х – первой половины 1950-х, да и в последующие годы дававший знать о себе «пятый пункт» Работы затруднил его поступление на философский факультет МГУ, а позже – в аспирантуру и оказывался препятствием на протяжении всей его профессиональной карьеры. Вот, к примеру, воспоминания Работы о трудоустройстве по окончании аспирантуры: «... в 1956-ом году (или в 1955-ом, точно не помню) вышел закон, по которому прежде чем защищаться [Б.Д.: защищать кандидатскую диссертацию], нужно было иметь печатные работы. Мы были первым поколением, попавшим под этот закон. Защищаться мы не стали, но ребята так или иначе устраивались на работу, а для меня, еврея, это была тяже-

лейшая проблема. Я помню, я вел список после студенческой скамьи, во сколько мест, в какие двери я стучался, чтобы устроиться, и где получал отказ, хотя знал, что там, куда я ходил, были вакансии. В первом случае это было, по-моему, что-то около 250-ти адресов (я записывал не для статистики, а чтобы иметь адреса), а после аспирантуры количество мест, которые я исходил, было около трехсот» [1, с. 36].

Дух семьи, по воспоминаниям Раббота, своеобразно отразился на его интересах; произошло не только знакомство с иудаизмом и еврейской культурой, но и со сферой социального; а отсюда – философия и социальные науки. По его словам, именно от истории христианства и иудаизма он пришел к пониманию коммунизма. В студенческие годы его тянуло к советской политике, но, начиная с третьего курса, он больше занимался западноевропейской философией. Обучаясь в аспирантуре, он разрабатывал ряд аспектов философии Лейбница и одновременно преподавал социальную философию. Несмотря на долгие поиски, работу по специальности ему не удалось найти, но в 1959 г. он стал завотделом нового журнала «Наука и религия». Издание вскоре стало весьма популярным, и во многом его «лицо» определялось Рабботом; его интересовали вопросы религии, он хорошо писал и успешно овладел редакторским искусством. Журнал был создан по инициативе ЦК КПСС, и Рабботу пришлось осваивать новую для него роль – консультировать по вопросам религии партийных функционеров высокого уровня, участвовать в выработке государственной политики в отношении религии и церкви. Однако в 1965 г., обвинив его в потере идеологической бдительности (была такая формулировка в те годы), Раббота выставили из журнала и сделали все, чтобы он никуда устроиться не мог. Ряд своих журнальных статей Раббот включил в сборник «50 слов о вере и неверии», увидевший свет в 1966 г. [3]. По тем временам то была очень смелая книга.

Но друзья помогли, они представили и рекомендовали его Румянцеву, члену ЦК КПСС, который на посту вице-президента АН СССР отвечал за развитие в стране всего комплекса общественных наук. Его значительные властные полномочия дополнялись многолетними дружескими связями со многими ключевыми фигурами в Кремле. Занимая высокие посты в системе власти, он придерживался либеральных взглядов относительно путей развития советской экономики и активно помогал людям с неортодоксальными для того времени политическими воззрениями, например, А.Твардовскому, М. Гелфтеру, Р. Медведеву. По мнению Раббота, Румянцев фактически был лидером либеральной оппозиции, особенно после

провала экономических реформ и событий «Пражской весны». Когда Румянцева освободили от всех его высоких постов, формулировка в выговоре гласила: «За либерализм».

Понятно, что Румянцев мог позволить себе сотрудничать лишь с человеком, в котором он видел серьезного профессионала, инициативного и ответственного работника, придерживавшегося либеральных взглядов на политику, экономику, общественное устройство в целом, которому полностью доверял. Сам Раббот так характеризовал их отношения: «Я был для него одновременно и помощником, и другом, и душеприказчиком, поэтому он и советовался. Понимал, что я к нему очень хорошо отношусь, что я искренне желаю ему добра» [1, с. 49].

Круг обязанностей Раббота был весьма обширен и включал подготовку, вместе с небольшой командой интеллектуалов, документов по многим направлениям внутренней и внешней политики СССР, а также – по развитию академической науки. После обсуждений с Румянцевым все направлялось в Политбюро, Совет Министров, отделы ЦК КПСС, некоторые предложения вставлялись в доклады Л.Брежнева, А. Косыгина, других ответственных партийных и государственных работников. Кроме того, Раббот писал множество текстов, которые публиковались и докладывались на научных форумах Румянцевым. С одной стороны, это приносило Работу определенное удовлетворение, ибо под своим именем он многое вообще не мог опубликовать. С другой, конечно же, в нем копилось внутреннее напряжение, усиливалась обида на «верха» из-за постоянной «эксплуатация его мозгов» и необходимости соблюдения строгого режима секретности в работе.

В исследовательском плане многое из того, что делалось Работом в журнале «Наука и религия» и на посту консультанта Румянцева, можно отнести к социологии, возникшей в СССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Возможно, видя это, Румянцев привлек Раббота, который одновременно был ученым секретарем президиума Академии наук по общественным наукам, к деятельности по созданию академического Института конкретных социальных исследований (ИКСИ), сейчас – Институт социологии РАН. Институт открылся осенью 1968 г., и это стало знаковым событием в современной истории советской / российской социологии.

Академик Румянцев был назначен директором нового института, Раббот создал и возглавил сектор экспериментальных ситуаций. Его интерес к этой проблематике был следствием участия в разработке концепции косыгинской экономической реформы. Раббот не сомневался в перспективности данного направления социологии. Уже первые исследования показы-

вали, что при проведении экономических реформ придется решать серьезные социальные проблемы, такие как массовая перекавалификация рабочей силы, перемещение значительных групп населения в мало освоенные регионы страны, создание системы социального обеспечения безработных. В 1970 г. Работ одним из первых в стране защитил кандидатскую диссертацию по теме социального эксперимента и предполагал двигаться дальше. В том же году ИКСИ была издана его книга «Проблемы эксперимента в социальном исследовании» [4]. В конце лета 1971 г. была в целом завершена докторская диссертация «Специфика социального эксперимента».

Но ситуация в стране изменилась, планы на реформы были свернуты. Румянцев был освобожден от должности директора ИКСИ, сектор Работа – распущен, в защите докторской диссертации было отказано. Невиданное по тем временам произошло с книгой. Сначала новое руководство института намеревалось сдать тираж в утильсырье, но потом решило сжечь книгу в институтском дворе на костре. Я не знаю, сколько экземпляров этой книги сохранилось в библиотеках и домашних архивах, но не думаю, что много; ведь ее тираж был 980 экземпляров. Прочитав о такой судьбе книги Работа о проблемах эксперимента, я попросил Линн Виссон сканировать весь текст, и сейчас, благодаря поддержке Ф.Э. Шереги, книга выложена на сайте <www.socioprognoz.ru>. Несколько лет назад я опубликовал статью, названную «Рассказ о книге, которой нет», то был анализ книги Я.С. Капелюша о выборности на производстве, весь тираж которой пустили под нож [5]. Теперь предстоит написать «о книге, которую сожгли». Так постепенно к нам могут вернуться книги, без которых невозможно глубокое понимание отечественной социологии.

Как замечает Работ: «Это был последний мощный удар» [1, с. 53], к тому же он «устал от еврейского вопроса» [1, с. 54]. Из ИКСИ ему пришлось уйти, он проработал два года в Институте истории естествознания и техники АН СССР, занимаясь социологией науки, потом – пару лет пробыв в статусе «отказника» (не давали разрешения на выезд из страны). И – отъезд, 1976 г.; больше он в СССР/России не был.

В книгу включено около десятка эссе Работа, написанных в 1977 – 2010 гг., а также даны названия курсов лекций, которые он вел в 1986-1991 гг. в Колумбийском университете (Нью-Йорк), отдельных докладов, прочитанных в правительственных структурах США, университетах и исследовательских центрах. В них он также предстает как аналитик социальных и политических процессов в Союзе и новой России. Сейчас хранящиеся в его доме документы, рукописи, другого типа мате-

риалы переданы в Архив Бахметьева (The Bakhmeteff Archive) в Колумбийском университете.

Когда этот текст был почти закончен, я попросил В.А. Ядова прочитать его. Для меня была ценной любая его реакция, так как при его участии и на его глазах современная российская социология родилась и свыше полувека развивается. Кроме того, он был знаком с Работом и потому мог оценить созданный мною его «портрет». Ядов написал: «О Работе, думаю, ты написал вполне объективно. Было бы интересно познакомиться с его текстами о политиках высокого ранга» [6].

В рассматриваемую книгу включен ряд ранее публиковавшихся и не публиковавшихся текстов Работы «о политиках высокого ранга»: «Что стоит за увольнением Подгорного», «Открытое письмо Л.И.Брежневу», «Политик в футляре. О вкладе Алексея Косыгина в развитие России и политику детанта». Отдельно отмечу эссе об академике А.М.Румянцеве, это довольно значительный по объему фрагмент из неопубликованной книги «Московская элита: Невидимые политики Кремля».

Но это, явно не все. Линн Виссон любезно прислала мне Лист документов, переданных в Бахметьевский архив. Со многим из хранящегося теперь в США было бы полезно ознакомиться исследователям советской политики и историкам российской социологии. Назову некоторые из материалов:

Неопубликованные лекции: «Anti-Chinese Motivations of Soviet Détente» (Антикитайская мотивация советской политики детанта); «The Soviet Foreign Policy Mind: Psychological Portraits of Soviet Leaders» (Мир советской внешней политики: психологические портреты советских руководителей); «Soviet Listeners' Reactions to Foreign Radio Stations» (Реакции советских слушателей на иностранное радиовещание). Неопубликованные статьи: «Internal Influence Groups and USSR Foreign Policy» (Группы влияния и советская внешняя политика); «Soviet Domestic Reactions to Kissinger's Foreign Policy» (Реакции Советского союза на внешнюю политику Киссинджера); «Исторический урок в комнате смеха»; «American Sovietology and Soviet Americanology» (Американская советология и советская американистика). Различные документы и переписка: Дело о романе В.А.Кочетова, «Чего же ты хочешь?»; Дело либерального историка Михаила Гефтера (включая письмо М.А. Суслову) и его коллег (1969-71); Запись разговора в ЦК Кубы между Карлосом Рафаэлем Родригесом и замдиректора Института экономики мировой социалистической системы АН СССР И.В. Дудинским и секретарем советско-кубинской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству

В.И. Бондарчуком; Памятная записка о новой модели социализма в Чехословакии, написанная М.В. Келдышем, А.М. Румянцевым и др.; переписка А.М. Румянцева; дело А. Я. Гуревича по поводу его «либеральных» публикаций по русской истории и т.д. В целом, прочтение рецензируемой книги, изучение биографии Раббота и ознакомление с его работами дает основание для двух выводов историко-социологического значения.

В целом, прочтение рецензируемой книги, изучение биографии Раббота и ознакомление с его работами дает основание для двух выводов историко-социологического значения.

Прежде всего, Раббот может быть назван одним из первых советских социологов, разрабатывавших проблемы социального эксперимента. Кроме того, допускаю, что анализ документов, которые готовились им для высшего уровня партийного и государственного руководства (уверен, историками социологии это будет сделано), по сути, являются пионерными исследованиями по социологии политики. Наконец, его очерки и эссе о Брежнев, Косыгине, Румянцеве и ряде других представителях власти – это опыт социологического изучения властной элиты.

Второй вывод соотносится с тем, что каждый исследователь входит в историю науки не только как «суверен», с собственным кругом проблематики и уникальным стилем деятельности, но и как представитель определенного поколения ученых. В моем понимании, индивиды совершают прорывы в системе знаний о мире, но наука делается поколениями. В разрабатываемой мною концепции советских / российских профессиональных поколений первое поколение объединяет тех, кто родился в 1923–1934 гг. и кто вошел в социологию «самоучками». Социологии нигде и ни у кого не учился. К этой весьма небольшой по численности группе принадлежит и Борис Раббот.

Литература

1. Борис Раббот: Шестидесятник, которого не слышали. Статьи. Интервью. Воспоминания / Составители Л. Виссон, В. Арканов. – М.: Р. Валент, 2012. – 368 с., илл.; Boris Rabbot: An Unheeded Voice of the 1960s. Articles. Interviews. Reminiscences / Compiled by: Lynn Visson, Vasily Arkanov. – Moscow: R. Valent, 2012. – 358 p., ill.
2. Борис Раббот: Как внутренний эмигрант, я все время жил в закрытой стойке (Интервью Дмитрию Шалину). 2008 <http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/rabbot_08.html>. 50 слов о вере и неверии [Текст] : мысли и афоризмы / сост., авт. предисл. Ю. Я. Коган, сост., авт. предисл. Б. С. Раббот. – М.: Знание, 1966.

3. *Раббот Б.С.* Проблемы эксперимента в социальном исследовании. Институт конкретных социальных исследований АН СССР. М.: 1970 <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=268>>.
4. *Докторов Б.* Рассказ о книге, которой нет. (Я.С. Капелюш «Общественное мнение о выборности на производстве») // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №2. С. 15-19 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202893665366675file.pdf>.
5. Электронное письмо В. Ядова Б. Докторову от 1 октября 2012 г.

ГАЛИНА САГАНЕНКО: ЛИЧНОЕ И ПОКОЛЕНЧЕСКОЕ*

Мне приятно писать о Галине Иосифовне Саганенко и интересно попытаться хотя бы кратко обозначить сделанное ею в социологии. Во-первых, мы очень давно знакомы и учились у одних и тех же профессоров, во-вторых, мы многие годы работали в одних и тех же исследовательских институтах и разрабатывали проблемы одного круга, в-третьих, как социологи мы сформировались в одной – ленинградской – школе, в-четвертых, только что завершилась наша беседа [1], в которой она вспоминает о своем прошлом и о текущих днях. Думаю, что перечисленного хватило бы для рассказа собственно о Саганенко, но стремление выйти за рамки биографического повествования и рассмотреть нечто более общее, оправдывают упоминания еще одного обстоятельства. В-пятых, мы принадлежим к одному поколению постхрущевской российской социологии. Есть и шестое обстоятельство, сугубо личное: именно Саганенко «подтолкнула» меня в социологию.

Писать «Галина Иосифовна» я никак не могу, мы познакомились тогда, когда сразу говорили друг другу «ты», а об отчествах вообще не думали. Писать здесь «Галя» или «Галина» – как-то уж очень разухабисто. Вариант «Саганенко» – всем хорош. Тем более что, так сложилось, многие в Ленинграде и Москве называли ее по фамилии. В частности, в нашем интервью, вспоминая момент подведения итогов исследования иерархической структуры ценностей, она замечает: «Ядов, когда расписал все наши участия во введении к книге, ахнул: “Саганенко (называл меня то по имени, то по фамилии), у тебя чуть ли не больше всех!”».

В 1957 году Саганенко, ей еще не исполнилось 17 лет, на самолете-кукурузнике, о котором договорился ее отец, работавший на авиационном предприятии, прилетела из Таганрога (до этого она жила в Улан-Удэ) в Ленинград и сразу поступила на математико-механический факультет ЛГУ. Жила в общежитии, учиться было очень трудно, денег не было. Родители помогать не могли: старший (на год) брат учился на филфаке ЛГУ, двое младших оставались дома. На втором курсе она решила «послать матмех на все четыре стороны» и перевестись в Лесотехническую академию. Ее брали, но в последний момент прятельница убедила ее, что если иметь высшее образование, то только университетское. Начало весны, сессия сдана, стипендию выделили, но она взяла «временный развод» с мат-мехом, ушла в академический отпуск и поехала к маме на Сахалин.

* Докторов Б. Галина Саганенко: личное и поколенческое // Социологический журнал, 2010. № 3. С. 148–154.

Одновременно с ЛГУ Саганенко проходила еще один университет – жизненный. Похоже, что ЛГУ «завел» ее в социологию, но именно жизненный опыт способствовал тому, что она задержалась в этом научном пространстве. По ее мнению, в социологию она принесла свою открытость миру, заинтересованность в конечном результате, способность уйти от шаблонов и стереотипов, находить массу сюжетов для исследований и проектов.

На втором курсе она начала работать на почте, разносить газеты. Это было «полевым изучением проблем СМИ: акционистские исследования, контент-анализ». Потом – работа на хлебозаводе, откуда ей пришлось уйти через 21 день. Так она познакомилась с проблемой текучести кадров и темой «летунов». На Сахалине мама устроила ее на «прибыльную работу» – продавать газированную воду с сиропом, но коммерция не задалась. Не доливать сироп она не смогла и через несколько недель сдала взятую трехлитровую банку сиропа, доплатив за недостачу три рубля. После этого продавала билеты во всех трех кинотеатрах г. Корскова. С этим она справлялась, заодно самосильно смотрела кино. Вернувшись на матмех к четвертому семестру, она поработала на ситценабивной фабрике. Когда совсем уставала, надрывала ткань, станок останавливался, и можно было отдохнуть минут 15–20 в ожидании наладчика. Так она постигла поведение луддитов и некоторые страницы социальной истории России.

На третьем курсе Саганенко изменила трудовую ориентацию и стала искать формы самореализации в сфере интеллектуального труда. Иногда, по ее воспоминаниям, она устраивалась на очередную работу, просто чтобы не упустить шанс. И это ей пригодилось в будущем, вот ее слова: «Это как сейчас с грантами – если я чувствую, что у есть меня определенное представление и ресурс, чтобы заявить этот жанр работы/исследования – я почти всегда ввязываюсь в эту социально-методологическую интригу. В сумме я получила грантов 20–25, не считая грантов на поездки, и моих студентов/выпускников научила оформлять проекты на конкурсы».

1962 год – настал «момент истины». Кто-то из приятелей Саганенко, она училась уже на 4-ом курсе, увидел объявление в газете «Ленинградский университет» о том, что социологическая лаборатория философского факультета приглашает студентов на кодировку материала. Это велась подготовка к обработке информации исследования «Человек и его работа», ставшего потом знаменитым в стране и многократно повторенного в разных точках СССР. Приглашала на работу первая в стране социологическая лаборатория, а иссле-

дованием руководили начинающие социологи В.А. Ядов и А.Г. Здравомыслов. Закодировав положенные 500 анкет, Саганенко заработала свои 37 руб. Просмотрев затем несколько кодировочных листов, она обнаружила в них ошибки. Ядов страшно испугался – как же так, ошибки! Провели строгий статистический эксперимент на 10 анкетах и обнаружили в каждой от двух до пяти ошибок кодирования. Пришлось ей перекодировать оставшиеся 2665 анкет: ей это не стоило больших усилий, но дало первый приличный социологический заработок.

Потом Саганенко писала в лаборатории диплом по математическим методам в социологии, а Ядов ходил к ректору ЛГУ академику А.Д. Александрову, чтобы ее оставили по распределению в Ленинграде и предоставили место в студенческом общежитии. Это было лето 1963 года.

Мои исторические исследования позволяют предположить, что Саганенко была первым в СССР (возможно, одним из двух-трех первых) профессиональным математиком, начавшим работать в социологическом коллективе, участвовавшим в полевых исследованиях и обеспечивавшим обработку первичной информации. Раньше нее начинали несколько человек с философским, экономическим и физическим образованием, в работах которых обсуждались общеметодологические вопросы использования математических методов в социологии.

Подробное описание траектории движения Саганенко в социологию показывает, что в начальной точке ничего не предвещало следующего развития событий. В старших классах она отдавала предпочтение математике, не обществоведческим наукам. В студенческие годы у нее также не возникло интереса к философии или социальным проблемам, не увлекала ее и общественная деятельность, которая могла бы дать импульс к познанию общества. Большая часть выпускников матмеха, учившихся одновременно с Саганенко, до нее и после нее, работала на предприятиях военно-промышленного комплекса, меньшая – преподавала в ВУЗах и продолжала учебу в аспирантуре. Она оказалась в социологии *случайно*, но сам по себе этот случай был первым заявлением о себе *нарождавшейся тенденции*.

В середине и начале второй половины 1960-х в Ленинграде, Москве, Новосибирске, Киеве, Тарту и еще в небольшом числе городов СССР в социологию одновременно пришло заметное число выпускников математических и физических факультетов университетов, а также элитных институтов ВПК с серьезным математическим образованием. Каждый из них, как показывает биографический анализ, оказался в социологии случай-

но, многие даже не знали, что такое социология, но в целом процесс вхождения математиков в советскую социологию был *закономерен*. Столь мощного притока сюда людей с подобным образованием не могло быть раньше, и в нем не было необходимости позже.

В развиваемой мною *лестнице поколений* советских/российских социологов насчитывается семь «ступеней», и каждому из них присущи свои *роли, функции* в процессе становления и развития в стране социологии. Эти роли не распределялись каким-либо режиссером, внешней силой, властными институтами. Они – следствие исторических процессов, составляющих фон рождения и суть постхрущевской отечественной социологии.

Первому поколению социологов предстояло доказать самостоятельность социологии как науки, и это была не просто науковедческая тема, не вопрос феноменологии, методологии и организации науки, но прежде всего *проблема политико-идеологическая*. Второе поколение – если говорить в целом – почти не участвовало в дискуссиях о специфике марксистской социологии, оно, опять же в основном, приняло концепцию трех уровней социологии и решало задачи *расширения предметного поля исследований* в опоре на свой солидный «до- и внесоциологический» научный и практический опыт.

Анализируя состояние только оформлявшейся во второй половине 1960-х годов советской социологии, можно выделить обозначившиеся в те годы тенденции ее развития, которые определяли механизмы рекрутирования третьего поколения – время рождения представителей этой группы заключено в интервале 1935–1946 гг. – и тематику, которую ему пришлось разрабатывать. Нет смысла сравнивать глубину ощущавшихся проблем, но безусловно, среди главнейших была проблема *математической обработки* результатов анкетных опросов. Особенностью того времени были большие объемы выборок и большое число вопросов, включавшихся в анкеты. Использовались и другие методы сбора информации, но доминировало анкетирование. Математики нужны были для обеспечения анализа первичных данных, планирования выборок, разработки приемов шкалирования измеряемых установок. Причем социологи первого поколения, прежде всего, назову Б.А. Грушина, Т.И. Заславскую, А.Г. Здравомыслова, Г.В. Осипова, В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина и В.А. Ядова, понимали, что эти специалисты должны не просто их консультировать, не только обсчитывать собранные данные на ЭВМ, обучать их, но постоянно работать с социологами, быть членами единого исследовательского коллектива.

Отмечу две особенности современного российского социологического сообщества. Первая: в нем работают социологи *всех* существующих профессиональных поколений. В странах, где социология развивалась нормально, первопроходцы присутствуют в науке лишь своими работами и портретами на стенах создававшихся ими кафедр. Вторая: представители старших поколений многого уже *не помнят*, а младших – *мало знают* о прошлом. Первым – трудно поверить в то, что было полвека назад в отечественной социологии, вторым – это сложно представить.

Вот что вспоминает Саганенко о начале работы в лаборатории Ядова: «Техника феерическая – получаешь распределения на табуляторе (так называлось то техническое сооружение), прогоняешь стопку 80-колоночных перфокарт с массивом данных – задаешь колонку для сортировки, и перфокарты проваливаются в карманы в соответствии с их дыркой на анализируемой строке), затем эти рассортированные стопки считаешь – маленькие вручную, большие опять прогоняешь на табуляторе (у него был механический счетчик)».

Но не только своих коллег по лаборатории Саганенко учила математическим приемам и не только им объясняла правила интерпретации результатов обработки. «Все жаждали приобщиться к научным методам, – вспоминает она, – а какая наука из социологии, если не будет математики. Помню, я обучала группу О.И. Шкаратана. Он был страшно доволен, что договорился в бухгалтерии Военмеха платить мне серьезные деньги – по 6 рублей за академический час (!). Он сам и пять-шесть его сотрудников добросовестно слушали мои лекции. А я что-то в каких-то книжках вычитывала, все больше по теории вероятностей, сама более или менее пыталась понять что к чему и затем грузила эти теоретические построения на свежую голову ходяков за знаниями».

В действительности ее «студенческая аудитория» была все-союзной. Книга «Человек и его работа», классика советской социологии, включала в себя приложение, написанное Саганенко и содержавшее четкое, иллюстрированное примерами изложение статистических методов анализа первичной информации. Долгие годы эта монография была учебником по методологии социологии и по математическому анализу данных. Лет через двадцать после выхода книги, встретив на конференции в Москве Саганенко, один известный социолог страшно удивился. Как это? Приложение было написано очень молодой женщиной. Он тогда решил, что ее написал седовласый муж.

С самого начала работы Саганенко «подседа» на качество социологических данных. Она проверяла для Ядова все вдоль

и поперек, и появлялись новые идеи относительно анализа данные. В 1974 году ею была защищена кандидатская диссертация по проблематике надежности исходной информации в социологическом исследовании [2]. Через несколько лет вышла книга на ту же тему [3]. Работа продолжалась, материалов было много, углублялось понимание проблематики, и в 1983 году появилась еще одна книга Саганенко, в которой обстоятельно рассматривался уже комплекс вопросов, связанных с обеспечением надежности результатов социологических исследований [4].

Конец 80-х, пришла пора решиться Саганенко на подготовку докторской диссертации. И здесь, по ее сегодняшним ощущениям, «соединились три благодатные вещи»: студенты и лекции, открывшаяся возможность представить диссертацию в виде доклада и учение Шри Чинмоя, подводившее к определенной форме медитации. Заряженная всем этим, она за три недели подготовила первый текст доклада. Особых трудностей не возникало и в дальнейшем, и в 1991 году все успешно завершилось защитой [5].

Пару лет назад В.А. Ядов писал мне, что, по мнению Саганенко, она принадлежит к потерянному поколению. Это неверно. Выше отмечалось, что на третье поколение временем была возложена трудная и многоуровневая задача – привнести математические методы в социологию. На мой взгляд, эта задача во многих ее составляющих решена. И роль Саганенко в этом процессе весьма значима.

В последние два десятилетия Саганенко отошла от изучения проблем надежности и активно работает по двум новым для себя направлениям. Во-первых, почти десять лет она руководит общественной организацией «Азария», оказывающей помощь семьям, в которых дети попали в наркозависимость. Под ее руководством и на базе созданных ею «мягких» методов проведено множество исследований по социальным аспектам наркомании. Самая малость полученных ею результатов представлена в книге «Лицом к лицу с наркоманией» [6]. Во-вторых, Саганенко является профессором Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, ею разрабатываются новые подходы к преподаванию различных курсов социологии.

Не только профессиональная, но и личная жизнь Саганенко пронизана социологией. Крестным отцом ее сына Владимира является В.А. Ядов. Дочь Елена стала социологом и занимается проблемами высшего образования. Проведя исследование модернизации российского образования в рамках Болонского процесса, она два года назад стала кандидатом наук. Это голос уже седьмого поколения российских социологов.

Однако не одной социологией живет Саганенко. Мало кто знает, что она была одной из ведущих в стране скалолазок и многого добилась в альпинизме. За пару недель до защиты кандидатской она с большим преимуществом выиграла первенство ленинградского «Буревестника» и первенство города. Она семь раз была чемпионкой Ленинграда в разных видах скалолазания, дважды – призером чемпионатов Советского Союза и ВЦСПС. Были и другие заметные победы.

Литература

1. Саганенко Г.И. «...И любимое хобби – социология» (Интервью Б.З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 5 (в печати).
2. Саганенко Г.И. Измерение уровня надежности информации в социологическом исследовании. Опыты разработки основных процедур. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: ИСИ АН СССР, 1974.
3. Саганенко Г.И. Социологическая информация. Статистическая оценка надежности исходных данных социологических исследований. Л.: Наука, Ленингр. Отделение, 1979.
4. Саганенко Г.И. Надежность результатов социологических исследований. Л.: Наука, Ленингр. Отделение, 1983.
5. Саганенко Г.И. Уровни эмпирической доказательности в социологии. Дис. ... д-ра социолог. наук в форме науч. докл. М.: ИС АН СССР, 1991.
6. Саганенко Г.И. Лицом к лицу с наркоманией: перемены идут, перемены возможны. СПб.: ГНУ «ИОВ РАО», 2005.

ФРАНЦ ШЕРЕГИ. У НЕГО ВСЕ ОТ ЖИЗНИ

Мне в высшей степени симпатичен текст «Загадки Шереги» [1], ибо несколькими предложениями его автору Андрею Алексееву удалось отразить в нем некоторые существенные черты личности и профессиональной деятельности Франца. Объясняя заголовок своего эссе, Андрей заметил, что с Шереги он знаком «разве что заочно». Однако я думаю, что подобным образом свои заметки могли бы назвать даже многие из тех, кто знает Франца на протяжении десятилетий. Причина – он «иной», из другого ценностного пространства. Вот как он сам об этом говорит: «Я пришел в советскую социологию случайно, причем как “белая ворона” и остался “белой вороной” в российской социологии. Иначе говоря – пришел в социологию “ниоткуда”, “побродил” в кулуарах словно незванный, но “диковинный” гость, и остался в российской социологии как неудобный объект, который в какой-то мере мешает, но к которому “притерлись” и мимо которого можно проходить не замечая, коли в нем нет надобности» [2].

Я же рискну предложить «отгадки» задач, поставленных Алексеевым. Во-первых, меня связывают с Шереги годы дружбы и обсуждений многих проблем общественного развития и методологии социологического познания. Во-вторых, при самой деятельной поддержке Франца я уже около десяти лет изучаю историю современной советской/российской социологии и, в том числе, пытаюсь понять внутренние механизмы деятельности моих коллег.

Мой опыт историко-научоведческих поисков показывает, что творчество социологов биографично. Таким образом, анализ многоаспектной проблематики, к которой относится и «пазл Алексеева», включает в себя изучение профессионального и более широко – личностного мира ученых, в том числе – их биографий, а еще лучше – если удастся, автобиографий. Зная Франца Шереги, я не надеюсь, что в ближайшие, да и в более отдаленные годы, он засядет за написание мемуаров. Но сейчас можно обратиться к глубинному биографическому интервью с ним, в котором он рассказывает о себе и о своей работе. И в нем есть фраза, вынесенная в заголовок данного текста: «... свои социологические «опусы» я пишу «от жизни», а не по заученным шаблонам» [2].

Я вижу в ней более широкий смысл: все, что Шереги делает, он делает «по жизни», т.е. в опоре на ценности, а не на предлагаемые извне идеологемы и конъюнктурные рекомендации. В сказанном и самый общий ответ на «загадки Шереги»: мир, в котором проистекала его первичная социализация, сформировали в нем то отношение к семье, труду, личной свободе,

властным институтам, которое в том мире естественно, обыденно. Но «загадочно» в нашем большом мире.

Мы познакомились с Шереги в конце 1976 или в начале 1977 годов, вскоре после защиты им кандидатской диссертации. Нас соединило много общего: одно поколение, я на три года старше; оба пришли в социологию после получения математического образования; круг интересов обоих включал в себя проблемы выборочных методов и изучения общественного мнения. К тому же мы оба работали тогда в близких по духу институтах: Франц – в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ в Москве, я – в Ленинградской Высшей партийной школе. Давно все это было, но можно с уверенностью говорить, что сами по себе эти атрибуты наших биографий вряд ли могли стать основой нашего неформального сближения. В Институте социологических исследований АН СССР в те годы работала значительная группа наших ровесников с математическим или физическим образованием, все занимались вопросами повышения надежности измерения и/или обработкой информации, со всеми у меня были добрые, приятельские отношения, но стабильного взаимного притяжения не было.

Сегодня мне представляется, что прежде всего нас с Францем сближало стремление к научному, т.е. идеологически не ангажированному рассмотрению социальных процессов, происходивших в стране. Меня «тянуло» в сторону позитивизма, абстрактных моделей процесса социологического измерения и истории науки, в частности – творчества Карла Пирсона, но одновременно меня заинтересовали общелогические построения Шереги и его интерес к марксизму как методу социального познания.

Но главное, что меня привлекало в нем, это внутренняя свобода. Пожалуй, прошло четверть века, я уже несколько лет жил в США, когда я стал чувствовать себя столь же свободным в научном и гражданском отношении, каким был Франц в те далекие годы. Интуитивно я связывал эту особенность его суждений и поведения с тем, что он родился и вырос в венгерской общине Закарпатья, многие классические и современные социологические теории изучал по венгерским переводам, изданным без всякой цензуры, и сначала переводил, а позже и сам преподавал студентам из Венгрии, которые по-умолчанию не могли принять крайне идеологизированное рассмотрение принципов социализма, характерное для советской системы образования. Но глубинное объяснение его свободных, часто резко критических суждений относительно внутренней и внешней политики СССР я нашел в нашем интервью в 2006-2007 годах.

Мой вопрос касался того, как им в школе объясняли вхождение Западной Украины в СССР. Приведу его ответ полно-

стью: «Общепринятая официальная версия была простая – советские войска освободили земли Украины. Нас эта, да и любая иная официальная версия “не коробила”, так как все мы, кстати, даже местные украинцы (гуцулы) и русины, обладали превентивным “генетическим” иммунитетом недоверия к любой официальной информации – и советской, и несоветской – даже если она была объективной. Отчуждение населения Закарпатья от любой государственности как института власти всегда было абсолютным» [2].

Расположенность Закарпатья в центре Европы, где сталкивались политические интересы различных государств, отмечает Шереги, способствовало формированию у населения социального иммунитета по принципу: «кесарю кесарево, а я сам себе на уме». Эта неподверженность никакой политической идеологии стала основой умения людей самостоятельно анализировать любые политические и социальные процессы, делать независимые выводы и принимать автономные решения. Со временем полученный Шереги при рождении иммунитет к идеологии проявился во множестве следствий, в частности, он трансформировался в независимость его исследовательской деятельности. При этом залогом, гарантом подобной независимости Шереги мог быть и стал его глубокий профессионализм.

Ключ к разгадке других «Загадок Шереги» следует видеть в его отношении к труду вообще и к профессии, в частности. Вот как Шереги вспоминает обстоятельства своей ранней социализации: «Личный политический опыт заключался в том, что все население Закарпатья формировалось в капитализме и примерно до 1960-х годов социализм воспринимало как временное явление, равно как и советскую “оккупацию”. В течение семи лет в венгерской школе меня учили бывшие “капиталистические” учителя» [2]. Многие социологи, с которыми мне удалось провести интервью, отмечали, что начали работать рано, сменили несколько профессий, но никто из почти 60 человек не имел столь богатого производственного опыта, предшествовавшего приходу в социологию, как Франц: сельскохозяйственный рабочий и сапожник, мясник и артист венгерского народного театра, военный служащий, заведующий библиотекой, учитель венгерской школы, репетитор по подготовке к поступлению в вуз по математике, физике и французскому языку; переводчик-синхронист венгерского языка. Но и потом его деятельность оказалась весьма многообразной: аспирант, ответственный секретарь журнала «Социологические исследования», научный сотрудник, преподаватель вуза. А еще у него были планы стать католическим священником, заниматься литературным трудом, изучать юриспруденцию и

философию. В 1988 году началась его карьера предпринимателя, это не было для него чем-то новым, совсем неизвестным. В Закарпатье некоторые формы предпринимательства всегда существовали. Осенью 1990 года он зарегистрировал свою частную социологическую фирму.

Приехав в Москву из Центральной Европы и имея богатый личный опыт всевозможных социальных отношений, в том числе и капиталистических, Шереги вполне обоснованно считал себя в социальном отношении более зрелым, чем его советские коллеги. И у него есть основания считать, что история, подтвердила его правоту. Приведу лишь один пример.

В 1982 году ЦК КПСС и ЦК комсомола предложили Шереги изучить социальные проблемы строителей Байкало-амурской железнодорожной магистрали (БАМ), в том числе мотивацию приезда на «стройку века» и планы строителей на будущее. Результаты исследования его поразили многим, в частности тем, что хотя стройка объявлялась и пропагандировалась как интернациональная, в действительности 85% приезжавших на БАМ составляли русские. Например, в составе бригад, приезжавших из республик Средней Азии, русские составляли 95%, из Прибалтики – 60%, Украины – 40% и т.д. Он заинтересовался противоречием между информацией об интернациональном составе строителей магистрали и обнаруженной им высокой национальной однородностью приезжавших отрядов строителей. И пришел к неожиданному для себя выводу: русские и русскоязычные вытесняются из национальных республик. Подобное он выявил и при изучении «интернациональных» строек на Канско-Ачинском топливно-энергетическом комплексе (КАТЭКе) и в Волгодонске, на строительстве завода «Атоммаш». Интернациональная по замыслу структура отрядов строителей, рекрутированных на стройки по комсомольскому призыву, на самом деле также оказалась почти мононациональной – в основном русские или русскоязычные (украинцы, белорусы). Уже в 1983 году он сделал вывод о том, что социальные фонды национальных республик стали скудеть, рабочих мест, где имелись социальные гарантии, с трудом хватало для представителей титульных национальностей. Это могло привести к межнациональным противоречиям и потому центральная власть, зная о происходившем, постепенно «выводила» из национальных республик русскую молодежь. Тогда он пришел к выводу: СССР стоит перед распадом.

Я хорошо помню, как Франц рассказывал мне о своих выводах. Они казались логичными, но внутренне согласиться с ними, принять их мне было трудно...

Сказанное о трудовой этике Шереги объясняет и его удивляющую всех продуктивность. Алексеев насчитал 35 монографий

и отмечает: «может я, что-то и пропустил в подсчете». Уверен, что пропустил. Книжки – это завершение исследований. С 1990 по 2006 год под руководством Шереги было выполнено не менее 400 проектов. После 2007 года заказов на исследования стало меньше, однако 30-35 только общероссийских исследований его Центр социального прогнозирования и маркетинга (ЦСПиМ) проводил ежегодно и проводит по сей день.

Еще одна «загадочная» область поведения Шереги – благотворительность, мне не известны ни частные, независимые, ни государственные социологические организации, которые бы столь активно и эффективно осуществляли эту благотворную деятельность. Безусловно, это еще одно проявление стандартов отношения к труду и человеку, восходящих к протестантской этике и глубоко укоренившихся в Западном бизнесе.

Так, веб-сайт Шереги <www.socioprognoz.ru>, упоминаемый Алексеевым, это несомненно вид благотворительной акции; серьезные затраты, но никак не источник прибыли. Этот сайт открылся 12 апреля 2011 года, и лишь в малой степени он выполняет роль визитной карточки ЦСПиМ, минимум информации о нем. Это – общедоступная «сайт-библиотека», основная цель сайта – содействовать повышению качества социологического образования в стране. Поначалу на нем размещались работы сотрудников ЦСПиМ, но вскоре появились и книги сторонних авторов. Примечательно, что на сайте нет материалов, не прочитанных Шереги, он лично отбирает тексты. К середине 2014 года в библиотеке хранилось около 250 публикаций по различным отраслям социологии, есть в ней и «кабинет раритетов» – 22 работы из дореволюционной и ранней советской социологии. Аудитория этого специализированного сайта порядка 5000 человек. В апреле-мае 2011 года сайт посещали 10-12 человек в день, сейчас – 80-90 человек ежедневно. Конечно же, в большинстве – это люди, имеющие прямое отношение к социологии, демографии, статистике и исследованию общественного мнения и рынка.

К ряду многолетних благотворительных деяний Франца Шереги относится и его активная издательская деятельность. Вот что он сам говорит об этом: «Хотя в социологическом образовании с 1995 года я практически не участвую, не читаю лекции в вузах, тем не менее, в форме подготовки учебника и иных изданий по методике, издания и размещения на сайте учебников и тематических книг по социологии <...> по сей день содействую развитию социологического образования

* Я благодарю Елену Григорьеву, которая создала и поддерживает этот сайт, за предоставленную мне информацию о его содержании и обращении к нему.

в России. По состоянию на начало 2014 года Центром издано 120 книг по социологии, все они размещены на сайте в открытом доступе» [2]. И здесь принципиально не только количество изданных книг, важно и то, что при издании новых и переиздании старых книг Шереги стремится познакомить социологов с работами авторов, представляющих разные научные направления и придерживающихся разного понимания социологии как науки. Например, им переизданы: монография «Труд» И.И. Чангли, в которой труд и его место в обществе рассматриваются в рамках истмата; брошюра о развитии социологии на Урале М.Н. Руткевича, деятельность которого, по мнению многих социологов первых поколений, нанесла вред отечественной социологии; работы разных лет В.Э. Шляпентоха, которые после его эмиграции в США фактически выпали из поля зрения специалистов, тем более – студентов; классическая книга В.А. Ядова по диспозиционной теории личности, давно ставшая библиографической редкостью; научные и публицистические материалы В.Н. Шубкина.

Я вижу в такой издательской стратегии Шереги следствие (продолжение) присущей ему с детства национальной, конфессиональной, языковой и прочих форм толерантности. В интервью он отмечает, что испокон веков в его родных местах жили люди разных национальностей, в каждом селе имелось по 1-2, а в небольших городах – по 4-5 церквей разных религий, все с детства говорили на 2-3 языках. Принципиальна и его позиция в межличностном внутрицеховом пространстве: «...в своих работах я никогда никого из социологов или философов не критиковал, относясь к ним только с позиции коллегиальности и права на собственное автономное мнение...» [2]. Еще в аспирантские годы Шереги удивило невероятное число межличностных конфликтов в советской социологии, вроде бы по поводу научной корректности позиций исследователей. Он полностью согласен с утверждением английского социолога Теодора Шанина, многие годы работающего в России и внесшего значительный вклад в ее развитие. По мнению Шанина, кризисы происходят не в социологии, а у социологов, которые, вдруг сцепившись друг с другом, создают кризисные ситуации, так что наблюдаемое – скорее кризис социологов, чем социологии.

Такие «загадки Шереги», как «равновесность теории, методологии и эмпирии», «коллегиальность» и «разнообразие», могут быть «разгаданы» полностью лишь при наличии трех особых «ключей», но в любом случае в процессе поиска ответов следует учитывать факт глубинной и многолетней погруженности Шереги в сферу прикладных социологических исследований. На мой взгляд, принимая во внимание такие

моменты, как продолжительность работы в этой нише социологии, знание методов прикладных исследований, широту предметной области поисков, нацеленность на практику и ряд других, Шереги может быть признан одним из лидеров этого раздела советской/российской социологии.

Еще будучи аспирантом, Шереги в 1974-1976 годах читал 60-ти часовой курс по прикладной социологии и социальной психологии на венгерском языке для руководителей Венгерского союза молодежи в Высшей комсомольской школе; тогда же проводил исследования по идеологии и вопросам политического управления. Так что его стаж прикладных социологических исследований – сорок лет. Теперь приведу названия нескольких книг, написанных одним Шереги или с соавторами, заголовки которых однозначно указывают на их содержание и жанр: «Социология образования: прикладные исследования» (2001), «Социология права. Прикладные исследования» (2002), «Социология предпринимательства: прикладные исследования» (2003), «Социология политики: прикладные исследования» (2003), «Социология девиации. Прикладные исследования» (2004).

В начале 1980-х Франц Шереги и Михаил Горшков, тогда еще не академик и не директор Института социологии РАН, а молодой ученый, кандидат наук, задумали подготовить учебное пособие по прикладной социологии, доступное для широких масс. Сначала была серия статей в издававшемся под эгидой ЦК КПСС журнале «Политическое самообразование», затем в 1985 году под их редакцией вышел учебник «Как провести социологическое исследование» [3]. Через несколько лет он был переиздан, а в 2011 году на основе этой книги было издано интерактивное учебное пособие «Прикладная социология», включающее 300 задач, по подготовке прикладного исследования [4]. О том, насколько эта работа востребована, свидетельствует тот факт, что на упомянутом выше сайте эта книга привлекает наибольшее внимание посетителей; около 4000 скачиваний.

Шереги сознательно подавил в себе стремление заниматься целенаправленно социологической теорией, хотя, я уверен, что его подход к пониманию формационной динамики общества, его теория социальной структуры и деятельности социальных институтов могли бы принципиально обогатить российскую науку. Оглядывая сделанное, Шереги замечает, что он наименее доволен собственными успехами в теоретической социологии. И называет две причины, одна – на поверхности, чрезмерная занятость эмпирическими исследованиями. Вторая – свидетельство высокой требовательности к себе: «нет уверенности, что разрабатываемые мной категориальные модели – это именно те модели, которые станут научно обоснованной базой

для характеристики и прогноза развития цивилизаций» [2]. Однако, в целом каркас этих моделей сформирован, и велика вероятность уже в ближайшее время познакомиться с ними.

Но ответ на «загадок» Алексеева не будет полным, если в биографическом анализе социологического творчества, более широко – социологической деятельности Шереги мы не рассмотрим его ценностный мир еще с одной стороны. Ценность труда в его синдроме социокультурных ориентаций явно занимает очень высокое место. Аналогичное можно сказать о таких ценностях, как образование, благотворительность в самых различных формах и толерантность. Но доминирующей, в полном соответствии с императивами протестантской этики, оказывается ценность семьи. Шереги сам говорит, что работа для него – не способ удовлетворить личные профессиональные амбиции или таланты, но возможность обеспечить условия жизни его семьи. И до сих пор он считает свои занятия прикладной социологией лишь инструментом заработка на жизнь.

А теперь – все тоже самое, но совсем кратко.

Франц Шереги – высочайшего уровня специалист в области прикладной социологии, со своей философией этого рода исследований и огромным опытом их планирования и проведения. В силу этого, а также его независимости как ученого выводы и рекомендации Шереги востребованы практикой, а его методологические и инструментальные построения представлены в учебниках и во многих книгах, и стали основой для подготовки новых поколений российских социологов. Высокий профессионализм сочетается в Шереги с уникальными личностными качествами: интерес к своему делу, трудолюбие, уважение к своим учителям и коллегам, забота о подготовке новых поколений социологов.

Дорогой друг. Здоровья тебе и успешного пути по избранным тобою в прошлом и по совсем новым дорогам.

Литература

Алексеев А. Загадка Шереги // СОТИС – социальные технологии, исследования. 2014. №5.

Ф. Э. Шереги: «Свои социологические “опусы” я пишу “от жизни”, а не по заученным шаблонам» // СОТИС – социальные технологии, исследования. 2014. №5.

Как *провести социологическое исследование*. Коллективная монография под редакцией Горшкова М.К. и Шереги Ф.Э. М.: Политиздат, 1985.

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Прикладная социология: методология и методы: Интерактивное учебное пособие. – М.: Институт социологии РАН, 2011.

Раздел V
ПОРТРЕТНЫЕ
ЗАРИСОВКИ.
Интервью для
«Радио Свобода»

ИГОРЬ ГОЛОСЕНКО: «Я БЕРУ ТОЛЬКО РОССИЮ, И МНЕ С ИЗБЫТКОМ ЕЕ ХВАТАЕТ»*

В.Б. Вся творческая жизнь Игоря Голосенко была связана с исследованием истории русской дореволюционной социологии. Сегодня о его жизни и творчестве расскажет профессор Борис Докторов.

Б.Д. Игорь Анатольевич Голосенко (1938–2001) осознанно или интуитивно еще в студенческие годы нашел тему, которую на протяжении всей своей жизни он разрабатывал с интересом и, как оказалось позже, с пользой для российской социологии. На рубеже 60-х – 70-х советское социологическое сообщество, формировавшееся в условиях хрущевской «оттепели», видело свою главную задачу в изучении актуальных общественных проблем и в разработке путей улучшения всей системы социальных отношений. Достаточно быстро первые советские социологи осознали, что в теоретическом плане и в области эмпирических методов они заметно отставали от американской и западно-европейской, тогда говорили – буржуазной. Пришлось стремительно осваивать опыт своих зарубежных коллег. Существовала масса идеологических и научно-организационных обстоятельств, препятствовавших ознакомлению и, главное, использованию «чуждых» советской науке приемов познания, но жизнь подсказывала, что некоторые препятствия, барьеры можно было преодолеть или обойти. Вместе с тем, как показало время, более сложным и продолжительным оказалось постижение наследия отечественной дореволюционной социальной философии и социологии. Здесь нет возможности объяснять причины подобного невнимания к собственному прошлому, отмечу лишь то, что Голосенко был первым и долго – единственным советским ученым, кто направленнно изучал историю российской социологии.

В.Б. *О каких событиях жизненного пути Игоря Голосенко вам хотелось бы упомянуть в таком вот коротком рассказе о нем?*

Б.Д. Во внешней канве жизни Голосенко не было ничего примечательного, что, вообще говоря, во все времена типично для академического ученого и преподавателя: учебные аудитории, библиотеки, научные семинары. Несмотря на предупреждение знавших жизнь старших товарищей, он в начале своей карьеры вступил в контакт с гидом на американской книжной выставке.

* Интервью Б. Докторова В. Боду, 2 апреля 1997 года

Это имело серьезные последствия: до конца советской власти он оставался невъездным. К тому же, как он сам вспоминал, после после Пражской весны, когда ситуация в стране стала меняться, он не захотел заниматься актуальными проблемами, бежал от реальности, полностью ушел в историю социологии. Он знал многих в социологическом сообществе, и его знали многие, и все же он считал себя одиночкой.

Отец Голосенко был военным летчиком, первые послевоенные годы были для семьи кочевыми, а в 1951 году она «приземлилась» в Ленинграде. После школы он два года проработал на заводе, так как, не имея трудового стажа, нельзя было поступить в высшее учебное заведение. На заводе он вступил в партию, скорее всего, понимая, что это необходимо для человека, готовившегося стать обществоведом. Затем Голосенко поступил в ЛГУ и начал обучение на философском факультете; на рубеже 50-х – 60-х там, наряду с марксистами-ортодоксами, уже преподавали и люди новой формации. К ним относился профессор Игорь Кон, успешно работавший в различных направлениях философии и истории социальной мысли. Он-то и посоветовал Голосенко заняться изучением творчества русско-американского социолога Питирима Сорокина.

В.Б. Насколько я понимаю, именно эти исследования и стали основным направлением в работе Игоря Голосенко?

Б.Д. Безусловно. Биография, творчество Сорокина – Сначала по этой теме было написано дипломное исследование, потом (1968 год) – кандидатская диссертация. Сейчас, во многом благодаря именно исследованиям Голосенко, работы Сорокина изучаются будущими социологами, его творчеству посвящено множество статей и несколько книг. Но когда Голосенко обратился к изучению жизни и трудов этого ученого, от него требовались не только хорошая теоретическая подготовка и умения в проведении историко-научоведческих поисков, необходимо было определенное гражданское мужество. Ведь по распоряжению В.И.Ленина Сорокин в 1922 году был выслан из страны, и до самой перестройки он официально рассматривался как антикоммунист и враг СССР. Более десяти лет назад, Владимир Ядов, вспоминая о том, как складывалась современная советская / российская социология, заметил: «О Сорокине знали по “хихикам” Ленина» и добавил: «Да не знали мы о нем».

Нередко молодые ученые после защиты кандидатской диссертации ищут новые исследовательские темы. Но Голосенко, такова логика исторических изысканий, удалось найти новое, погрузившись глубже в творчество Сорокина. Прежде всего, Голосенко осознал, что Сорокин – русско-американский мыслитель

и потому в его работах американского периода жизни многое порождено его российским прошлым. Не только ранним научным опытом, накопленным в Петрограде до его вынужденной эмиграции, но всей российской действительностью, культурой, православием. Так появилось желание понять творчество Сорокина, по словам Голосенко, «в русском контексте». Изучая дореволюционные книги, листая старые научные журналы, открывая новые имена, знакомясь с теоретическими построениями российских социологов конца XIX – начала XX веков, вчитываясь в результаты их исследований различных сторон российской жизни, Голосенко стал постепенно переходить от русского контекста к русской социологии вообще и решил посвятить себя изучению русской социологии. В 1982 году им была защищена докторская диссертация под названием, в полной мере отвечающим идеологическим требованиям того времени – «Буржуазная социология в России на рубеже двух веков». Фактически речь шла о работах русских дореволюционных социологов, которые в силу очевидных исторических и собственно научных обстоятельств базировались не на принципах марксизма.

В.Б. А как воспринимались в советские годы исследования ученого о Питириме Сорокине?

Б.Д. Свою первую книгу о Сорокине Голосенко написал в 1970 году, но издать ее не удалось. Это стало возможным лишь через два десятилетия. В середине 90-х стали регулярно публиковаться его работы о творчестве российских социологов; одновременно выходили его работы с результатами анализа ряда сторон жизни российского общества. Они базировались на материалах дореволюционных социологических исследований, и в них Голосенко уже выступал не только как историк социологии, но как культуролог. За несколько лет до смерти, рассказывая о сделанном и о планах, он заметил: «Я беру только Россию, и мне с избытком ее хватает».

Голосенко «вернул» российской науке Сорокина и очертил огромное поле для исследований прошлого отечественной социологии. И по мере того, как современная российская социология будет осознавать необходимость знания своего прошлого, будет возрастать значение научного наследия Голосенко.

Дополнительные материалы:

«Я беру только Россию, и мне с избытком ее хватает». Интервью с Игорем Анатольевичем Голосенко 2 апреля 1997 года записала М.Г. Пугачева // Социологическое обозрение Том 1. № 2. 2001. С. 82-89. . URL: http://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211856551/1_2_7.pdf (Дата посещения: 18.07.2012).

АЛЕКСАНДР КОВАЛЕВ. ЕМУ МОЖНО БЫЛО ВЕРИТЬ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЮ И ЧЕЛОВЕКУ*

Назову два обстоятельства, в силу которых я хочу рассказать о жизни и исследованиях Александра Дмитриевича Ковалева (1940-2011). Во-первых, им многое сделано для развития российской социологии. Во-вторых, рассказ о нем, позволит мне несколько расширить представление многих людей о социологии и социологах.

Сейчас эти представления – весьма упрощенные, они навешаны средствами массовой информации. В сознании большинства социологи – это те, кто в преддверии президентских, думских или региональных выборов предсказывают, по мнению многих, очевидное, итоги голосования. Однако социологию нельзя сводить к опросам.

Не могли бы Вы кратко пояснить сказанное?

Социология – многоуровневая наука, в которой есть не только прикладные разделы, но в которой существует множество серьезных тем для теоретического анализа. Поиски в этой области, в конечном счете, определяют возможности науки в решении социальных проблем, напрямую волнующих население, общество. Александр Ковалев – один из тех социологов, которые создают и испытывают на прочность фундамент науки. Деятельность на этом поприще требует глубокой эрудиции, высочайшей включенности в дело и научного бесстрашия. Ведь приходится годами «бродить» в одиночку там, где редко кого встретишь. Научное сообщество относится к таким специалистам с огромным уважением, но вне профессионального цеха они, как правило, мало известны.

Какие пути привели Александра Ковалева в социологию и кто оказал наиболее заметное влияние на его становление?

Ковалев вышел из простой московской рабочей семьи, его родители – выходцы из деревень средней полосы России. И отец, и мать бежали в Москву в 1930-е годы, оба обучились грамоте на курсах. В нем рано проявилась способность находить и читать именно те книги, которые составляют золотой фонд человечества. Сначала детские, художественные, потом исторические, потом по истории науки и научных открытий и затем философские труды. Учился он в обычной московской школе, но в ней еще преподавали учителя с гимназическим образованием.

* Интервью Б. Докторова В. Боде, 30 августа 2012 г.

Окончена школа, Ковалев прислушался к пожеланиям родителей и поступил на вечернее отделение Московского инженерно-физического института, работая при этом в Институте атомной энергии им. Курчатова. Три года он успешно учился, но затем открылся матери, что не хочет становиться инженером, его притягивала философия. Интересен ее ответ: «Иди, поступай. Отцу не скажем».

Поначалу на философском факультете МГУ он занимался логикой, математической логикой. Но к концу обучения его все более интересовало устройство общества, т.е., социология, хотя в 1966 году такой науки в СССР не существовало. Два года Ковалев работал в секторе Ю.А. Левады в Институте философии АН СССР, а затем, в 1968 году, поступил в аспирантуру только что созданного Института конкретных социальных исследований АН СССР.

Так что интеллектуальные интересы и профессиональный путь Ковалева определились достаточно рано. Повезло ему и с учителями, что, замечу, характерно для талантливых молодых ученых, стремящихся к самостоятельным серьезным исследованиям. После Левады он работал у И.С. Кона, а затем его руководителем стал Ю.Н. Давыдов. Каждый из этих ученых оставил яркий след в советской / российской социологии.

В каких областях социологии работал Александр Ковалев?

Исследовательское пространство, в котором работает серьезный ученый, это всегда компромисс между его внутренними установками, пристрастиями и внешними обстоятельствами. В конце 1960-х советская социология, только возрождавшаяся после тридцатилетнего перерыва, должна была в условиях слегка приподнятого «железного занавеса» искать возможности для освоения зарубежного опыта в области обществоведческих теорий и методов сбора данных. Таких путей было два. Первый – перевод на русский язык тех работ западных ученых, которые, можно было надеяться, будут пропущены цензурой. Второй путь – критический анализ новых буржуазных теорий. Высказывая свое несогласие с теми или иными положениями американских, европейских обществоведов, отечественные ученые – в действительности – показывали, в какую сторону развивается мировая социологическая наука.

В переводах Ковалев начал пробовать себя еще в студенческие годы, во всяком случае, на них было построено его дипломное исследование. Вспоминая начало 1970-х, за три года до смерти, он говорил, что в стране стала неуловимо

меняться атмосфера, и уже «что-то носилось в воздухе такое, что держало за язык и за руку. Припоминаю, как у меня начинался крен ... в сторону истории социологии». Тогда лишь история социологии предоставляла возможности для объективного рассмотрения зарубежных социологических школ и осмысления новых теоретических построений. Ковалев вошел в советскую социологию и как историк науки, и как уникальный переводчик.

Что было сделано Ковалевым в этих областях?

Во второй половине 1980-х гг. группа московских социологов, в которую входил и Ковалев, приступила к созданию социологического словаря, охватывающего все периоды социальной мысли. В 1990 году этот коллективный труд завершился изданием 100-тысячным тиражом словаря «Современная западная социология». Книга активно используется как учебное пособие. Затем Ковалев принял активное участие в подготовке пятитомной «Истории теоретической социологии», освещающей социальную мысль от античности до современности. Анализ классических работ Г. Спенсера, Дж.С. Милля, Т. Парсонса и других, проведенный Ковалевым, навсегда останется значимым фактом российской социологической культуры.

Имена переводчиков социологических текстов не слишком известны, хотя качество перевода нередко предопределяет место первоисточника и его автора в актуальном социологическом дискурсе. переводы важны не только потому, что они знакомят с трудами того или иного зарубежного социолога широкую аудиторию. Они формируют язык российской социологии, обогащают арсенал ее терминов. , сказываются на стиле мышления ученых. Ковалеву нравилось заниматься научными переводами, ему было интересно разобраться в замысле переводимого автора и дать его идеям жизнь в российской социологии. Он ввел в научный оборот классические труды Т. Парсонса, И. Гофмана, Э. Гидденса и других западных социологов.

Что можно сказать об Александре Ковалеве как человеке?

Ковалев был непубличным человеком, его не заботила карьера, он был сосредоточен на размышлениях, поиске информации. Знавшие его люди отмечают, что он был философом по жизни, по складу натуры, любил на несколько дней уходить в лес, замкнуть наедине было уединение. Для него мучением было закончить собственный текст, мешало богатство ассоциаций, постоянно возникавших в его сознании. В силу этого он

и кандидатскую диссертацию защитил только в 1985 году, уже будучи признанным специалистом и автором большого числа публикации.

Ковалев производил сильное впечатление, прежде всего, оригинальностью личности, удивительной непохожестью ни на кого из окружающих. Ему можно было верить и как исследователю, и как человеку. Его отличала интеллектуальная скромность свободно мыслящего, хорошо эрудированного ученого, который глубоко понимал социально-политический контекст эпохи, но никогда в своих теоретических построениях и переводах не позволял собственным амбициям исказить суть обсуждаемых концепций.

Еще многие годы труды Ковалева будут служить источником знаний и вдохновения, примером стремления к истине.

Дополнительные материалы:

1. Абрамов Р.Н. Памяти А.Д. Ковалева: эссе об интеллектуальной скромности // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 144-153.
2. «Неторопливый человек». Воспоминания об Александре Дмитриевиче Ковалеве Беседа М. Пугачевой с А.Б.Гофманом // Социологическое обозрение. 2012, т. 11, № 1, с. 148–151.
3. Интервью М. Пугачевой с Александром Дмитриевичем Ковалевым (4 марта 1998 г.) // Социологическое обозрение. 2012, т. 11, № 1, с. 152-159.
4. Интервью М. Пугачевой с С. Баньковской (11 августа 2012 г.). Аудиоархив Б. Докторова

ИГОРЬ КОН БЫЛ УЧЕНЫМ, РЕДКОСТНОЙ ДЛЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ ЭРУДИЦИИ*

В.Б.: После смерти Игоря Семеновича Кона прошло полтора месяца, это слишком короткий период, чтобы до конца осознать этот факт и понять научные, общегражданские и этические следствия, вытекающие из него. Ясно одно: Кон был ученым мирового масштаба, человеком высоких гражданских взглядов и личностью, демонстрировавшей своим поведением и отстаивавшей в своих работах самые высокие стандарты нравственности.

Вы знали Игоря Семеновича, читали многие его работы, не могли бы Вы прежде всего охарактеризовать его как личность.

Б.Д.: Кон был удивительно одаренным в интеллектуальном отношении человеком, подлинным самородком. Его отец никогда не жил с его семьей и никакого влияния на формирование характера и интересов сына не оказал. Мать была интеллигентной женщиной, она во многом определила нравственные основы личности Кона, но она не могла задать вектор его интеллектуального движения.

Говоря о гениальности применительно к ученым, часто отмечают их раннее (как бы подаренное при рождении) определение ими собственной области приложения интеллектуальных усилий, самостоятельное проникновение в нее и быстрое освоение базовых знаний. Нечто подобное обнаруживается и в биографии Кона. Живя в годы войны с матерью на территории Чувашского пединститута, он получил возможность пользоваться институтской библиотекой. В его воспоминаниях есть такая фраза: «Никогда в жизни я не читал так много и продуктивно, как в шестом-седьмом классах». По совету одного умного человека он сдал экстерном экзамены за старшие классы и в 15 лет стал студентом истфака. Кроме того, по собственной методике он одновременно изучал английский, немецкий и французский языки. В 1944 году Кон вернулся в Ленинград, перевелся в Педагогический институт и через три года, в 19 лет, с отличием закончил его. В 1950 году он в течение трех летних месяцев защитил две кандидатские диссертации: одну – по истории, другую – по философии. Готов был представить и третью, но мудрые люди объяснили ему, что этого делать не надо. В 30 лет Кон – доктор философских наук.

Кон был ученым редкостной для нашего времени эрудиции. Это позволило ему успешно работать по разным темам и в разных науках. Кон – был философом и социологом, психологом

* Интервью Б. Докторову В. Боде, 28 июня 2011 г.

и историком науки, антропологом и сексологом. И что крайне важно, всем, что он знал, он с легкостью и радостью делился. Интеллектуальная щедрость присуща только по-настоящему одаренным людям. Нам еще предстоит удивиться тому, сколько Коном было сделано и опубликовано. Но он не был удовлетворен сделанным и постоянно достраивал мир, в который он – и только он – был погружен. Кон понимал, что никто не скажет того и так, что и как мог сказать только он.

Кон никогда не имел своей семьи. И хотя в течении десятилетий он дружил с многими интеллектуалами, был знаком с лучшим числом отечественных и зарубежных ученых, бывал во многих странах, был членом ряда профессиональных сообществ, он ощущал себя комфортно только за рабочим столом. Безусловно, он не мог – чаще, ему не разрешали – делать всего того, что считал нужным. Когда-то он мне говорил, что в 80-х годах ему предлагали заняться весьма «ходовой» в те годы темой – «образ жизни». Он ответил, что хотел бы заниматься «образом смерти»; очевидно, в этом он поддержки получить не мог.

Кон был из тех, рано отстоял свое право делать лишь то, что считал важным и интересным.

В.Б.: Что бы вы отметили среди главного, сделанного Коном?

Б.Д.: Очевидно одно, им сделано очень много. Кон – один из, возможно, дюжины, возможно – десятка человек, которых с полным основанием можно считать создателями современной отечественной социологии. Моментально классикой стала его книга «Социология личности» (1967 год), сразу же переведенная на многие языки и положившая начало этому направлению социологических исследований. В стране, где человек десятилетиями был лишь работником, членом различных общественных организаций, жителем города или деревни, членом семьи и прочих массовидных образований, Кон первым сказал, что человек – еще и личность. Со своими интересами и ценностями, со своим отношением к жизни.

В 1966 году в «Новом мире» Александра Твардовского была опубликована статья Кона «Психология предрассудка». В ней были показаны социальные истоки национальных предрассудков, в частности – антисемитизма. И хотя в статье не шла речь об СССР, читатели журнала все понимали и без лишних разъяснений. За 40 лет до начала перестройки Кон писал, что на крутых поворотах истории, при возникновении определенных трудностей, межнациональные конфликты дают себя знать. Он оказался прав. Так было в преддверии распада СССР, это обнаруживается в российской повседневности. Много позже

теоретические положения этнопсихологии, сформулированные Коном во второй половине 60-х, были развиты им при объяснении нетерпимости людей к тем, кто «не такой», в том числе – к представителям однополой любви. Кон осознавал, что своими работами в области сексологии он породит зону социальной напряженности и – более того, в определенных кругах общества, в том числе – среди консервативной части РПЦ – ненависть к себе. Но он понимал природу социального прогресса и верил в правоту своего дела. Кон не только оставил нам свои многочисленные работы, но дал пример осознанного мужества ученого. Мужества интеллекта.

Мало кто из социологов может сказать, что своей работой, своими книгами он реально помог хотя бы одному человеку. Книги Кона уже помогли и будут помогать. Они спасли от суицида юношей, переживавших свою сексуальную особость, оберегли многих от СПИДа, помогли большому числу родителей понять своих детей.

В.Б.: В какой степени реализовался потенциал Игоря Кона как личности и ученого?

Б.Д. Кон считал, что им сделано мало, что он смог осуществить лишь небольшую часть из задуманного. В конце 90-х он с грустью писал: «Эпоху не выбирают...», его мемуары, опубликованные менее трех лет назад, называются «80 лет одиночества»; в них и о том, что Кон не смог сделать. В феврале 2007 года, имея в виду свою неостребованность и понимая, как стремительно бежит время, Кон писал мне в письме: «Я чувствую себя великим человеком, который просто забыл умереть в 1989 году, а все, сделанное после этого срока, никому уже не нужно, все сами с усами».

Игорь Кон много успешнее других связывал российскую социологию с мировой. Его смерть заметно и надолго ослабит эту связь...

Дополнительные материалы:

1. Кон И.С. Эпоху не выбирают. В кн.: Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 110-131.
2. Кон И.С. 80 лет одиночества. М.: Время, 2008
3. Докторов Б. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. [Электронное издание]. М.: ЦСПиМ. 2012. Том 3. Игорь Кон: “Я чувствую себя великим человеком, который просто забыл умереть в 1989 году” С. 67-78. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/Publications/tom_3_1_3.pdf (Дата посещения: 18.07.2012).

ЖАН ТОЩЕНКО: «В ПАРАДОКСАЛЬНОСТИ ОТРАЖАЕТСЯ НЕ СЛУЧАЙНОЕ ИЛИ РЕДКОЕ, А УСТОЙЧИВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ»

Мое желание рассказать о Жане Терентьевиче Тощенко обусловлено двумя обстоятельствами.

Во-первых, - пониманием значимости сделанного им за долгие годы работы в социологии. Тощенко рано, в 36 лет, защитил докторскую диссертацию по философии, вскоре стал профессором, в конце 90-х – членом-корреспондентом РАН. Он – декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, весьма престижного в стране учебного заведения. Свыше полутора десятилетий он стоит во главе старейшего российского журнала «Социологические исследования». Под руководством Тощенко выполнено множество крупных социологических проектов, в том числе – международных, им опубликовано более 20 монографий, под его редакцией вышло множество книг и учебников по социологии, и под его руководством подготовлено более полусотни кандидатских диссертаций и два десятка докторских. Тощенко – член нескольких зарубежных академий наук и ряда научных обществ.

Второе обстоятельство связано с тем, что в последние годы меня интересует биографичность творчества социологов, т.е. то, как в их работе отражается их жизненный путь. Почитайте биографии поэтов и писателей, композиторов и художников и вы непременно обнаружите стремление биографов найти истоки творчества своих героев в особенностях их родительской семьи и – более широко, в культуре, в которой они формировались как личности и профессионалы. Я уверен, что подобный подход будет плодотворным и при изучении биографий социологов, в том числе – жизненной траектории Тощенко.

Тощенко родился в 1935 г. в семье сельских учителей в деревне, расположенной в том месте, где петух кукарекал сразу на три республики – Россию, Украину и Белоруссию. Его отец серьезно увлеклся историей французской революции, французской литературой и дал сыну уникальное для тех мест и той эпохи имя – Жан. Самое сильное детское воспоминание Тощенко – расстрел немцами его отца в сентябре 1941 г. на глазах матери и троих детей. В школьные годы он начал трудиться в колхозе и навсегда запомнил свой первый заработок за сезон работы: мешок зерна и 220 кг картошки. С 8 класса учился в районной средней школе и три года проходил ежедневно 8 км туда и столько же обратно. После школы сразу поступил на исторический факультет МГУ, где за отличную учебу

и общественную активность получал Сталинскую стипендию (780 руб. при минимальной зарплате в стране в 170–220 руб.). Окончив с отличием университет и имея возможность учиться в московской аспирантуре, уехал в Красноярский край на строительство железной дороги Абакан-Тайшет, хотел приобрести жизненный опыт. Затем была ответственная комсомольская работа, которая позволила Тощенко увидеть «бесчеловечность», тогдашней экономики и политики: человек рассматривался лишь как рабочая сила. Пришло понимание важности анализа социальных факторов.

В 1964 г. его направили учиться в Москву в Академию общественных наук, где была создана одна из первых в СССР социологических лабораторий. Начался процесс превращения Тощенко из историка и комсомольского работника в социолога.

Теперь – кратко об основных направлениях его исследований.

В середине 60-х в стране стали проводиться теоретические и прикладные исследования в области социального развития трудовых коллективов. Существовало представление о том, что за счет умеренной модернизации производства, изменений в организации труда, решения жилищных проблем и совершенствования организации свободного времени работников, прежде всего, крупных предприятий можно будет принципиально поднять производительность труда в стране и повысить уровень общественной активности значительных групп населения. Конечно, на практике все было не столь гладко, однако можно утверждать, что группе энтузиастов разработки и внедрения планов социального развития, в которую входил Тощенко, многое удалось сделать.

В середине 1980-х под руководством Тощенко были проведены исследования различных аспектов массового сознания. Его вывод был еретическим по тем временам. Он обнаружил, что в сознании людей существовала не только официальная социалистическая идеология, но также националистическая, буржуазная, религиозная и множество других идеологических представлений.

Во второй половине 80-х, будучи одним из руководителей Советской социологической ассоциации Тощенко много сделал для развития прикладных социологических исследований в стране и подготовки социологических кадров.

В последние 10-15 лет Тощенко изучает феномены «парадоксального человека» и «кентавризма», так он называет особые формы противоречия в развитии общества. Это очень сложные социологические конструкции, которые показывают объективность, неисчерпаемость и неустранимость парадок-

сальности сознания и поведения человека, а также противоречивость процессов развития общества. Первые результаты этих исследований отражены в его монографиях и серии статей. Дальнейшая работа Тощенко в рассматриваемом направлении может привести к выводам, крайне ценным для теории и практики образования и поиска правил снижения напряженности конфликтов между многочисленными социальными группами и институтами.

Пять лет назад Тощенко дал мне обширное биографическое интервью, к сожалению, тогда я не знал содержание двух его последних книг «Парадоксальный человек» и «Кентавр-проблема» и потому не задал вопросов о биографичности исследований, результаты которых изложены в этих работах. Но я перечитываю это интервью и стараюсь увидеть, что в прожитом им могло стать импульсом к исследованию «устойчивой парадоксальности» человека и общества. И обнаруживаю многое: «парадоксальное» имя, блистательное освоение программы МГУ после обучения в обычной сельской школе, два раза отклоненные предложения работать в Москве, чтобы увидеть и понять повседневную жизнь разных слоев населения вдали от «Садового кольца», отказ от карьеры партийного функционера ради изучения общества, возвращение в Академию общественных наук при ЦК КПСС и проведение исследований, которые показывали противоречия между официально декларируемым и реальным состоянием дел в стране. И многое другое, в чем видна биографичность его творчества.

Подчеркну, истинное творчество только таким и может быть.

БОРИС ФИРСОВ. ЧЕЛОВЕК НЕСКОЛЬКИХ ЭПОХ*

В.Б. Борис Докторов, который регулярно рассказывает в нашем эфире о российских социологах, обычно сам выбирает, о ком говорить. Почему сегодня он остановил свой выбор на Борисе Фирсове? Причин несколько. Прежде всего, Фирсов входит в короткий ряд наиболее известных российских социологов. Далее, он – один из нравственных авторитетов профессионального сообщества. А, кроме того, в жизни Бориса Фирсова отражены многие важнейшие события советской и российской истории последних восьми десятилетий. Слово профессору Докторову:

Б.Д.: Фирсов родился в 1929 году, и первые 37 лет его жизни прошли вне социологии. Простая семья, перенесенная новой жизнью из Сальских степей, где служил отец, в Ленинград. В 1938 году по доносу кого-то из бывших друзей отца арестовали. Били, потом отпустили «за недоказанностью состава преступления», вскоре он умер. Потом – война, девятьсот дней блокады. Учился школе на одни пятерки и с «красным» дипломом окончил Электротехнический институт им В.И. Ульянова (Ленина). Одновременно – активнейшая общественная работа. Сначала – комсомольский лидер своего института, потом секретарь Ленинградского обкома комсомола.

В тридцать лет Фирсов – первый секретарь Дзержинского РК КПСС, в «его» районе были основные культурные центры города: Эрмитаж, Русский музей, Дом кино; здесь же – творческие союзы писателей, журналистов. С ними он находил общий язык, но стиль работы Фирсова не устраивал партийное руководство, ему предложили поучиться в Москве в Академии общественных наук, он отказался. Вспомнили, что он – технар, и в 1962 году Фирсов стал первым директором Ленинградского телевидения. Ветераны ТВ называют те годы «золотыми».

Критически настроенные поэты и писатели, самые громкие имена тогдашней театральной сцены стали авторами, героями и участниками большого числа телевизионных передач. Складывался культурный диалог с телезрителями. Через некоторое время Фирсов «дымился» от партийных взысканий и выговоров. Работник он был отличный, и потому его терпели. Но не вечно же...

Точку всему этому поставила в начале 1966 года передача о государственной политике переименования населенных пунктов, когда взамен исторически сложившихся названий городам присваивались имена деятелей советского государства. Социолингвистическая дискуссия участников передачи –

* Интервью Б. Докторову В. Боде, 09 января 2012 г.

тогда все шло в прямом эфире – напрягла партийные власти. В итоге Фирсова освободили от работы директора Ленинградской студии телевидения.

В.Б.: *Похоже, что здесь завершается первый этап жизни нашего героя. Ведь именно после этого Борис Фирсов и пришел в социологию?*

Б.Д.: Именно так. Обдумав прожитое, он понял: никакого возврата в партийную номенклатуру. Но, естественно, в Фирсове поселился «вирус» телевидения, он чувствовал необходимость основательной его перестройки. Он поступил в аспирантуру философского факультета ЛГУ к Владимиру Ядову и начал работать над кандидатской диссертацией по социологии на основе изучения ленинградской телеаудитории. Московские друзья помогли Фирсову пройти стажировку в Англии в Службе исследований аудитории Би-Би-Си. В феврале 1969 года он досрочно защитил кандидатскую диссертацию. Это было пионерное для советской социологии исследование.

После этого Фирсов занялся анализом процессов массовой коммуникации в СССР и в мире. Итоги были обобщены им в 1979 году в докторской диссертации. И затем, неожиданно, но мгновенно он отошел от этой темы. Он понял: общественный спрос на серьезные исследования постоянно снижался.

В.Б.: *И это стало еще одним переломом в судьбе социолога?*

Б.Д.: ... не совсем так.

В начале 1970-х годов Ленинградский обком КПСС решил приступить к изучению общественного мнения населения города. Оказалось, что кроме Фирсова возглавить эту работу в многомиллионном городе было некому. В рамках Института социально-экономических проблем АН СССР была создана уникальная по тем временам технология, которая позволяла за 24 часа опросить 2000 человек, провести первичную обработку на допотопной вычислительной технике и подготовить оперативный отчет.

До 1983 года было осуществлено полтора десятка исследований, но все результаты были засекречены. На волне расправы с социологией в Ленинграде летом 1984 года этот проект был закрыт. При этом, выдвинув смехотворные – даже по тем временам – аргументы, обком КПСС объявил Фирсову «строгий выговор с занесением в учетную карточку» (более серьезным наказанием было только исключение из партии) и рекомендовал дирекции Института освободить его от должности заведующего

ющего сектором. А еще лучше – вообще освободиться от него. Так и произошло. Тогда Фирсов сказал себе: «Радуйся! Ты стал свободным от них».

В.Б.: Похоже, что в целом повторилась история с изгнанием Фирсова по идеологическим причинам из партноменклатуры и телевизионного руководства?

Б.Д.: Да, так завершился «второй жизни» Фирсова. Поначалу будущее не прорисовывалось, но вскоре пришел апрель 1985 года. Социология оказалась востребованной, а Фирсов – нужным, и пошел третий, современный этап его жизни.

В конце 80-х он создал ленинградское отделение академического Института социологии, а в 1992 году тогдашний мэр города Анатолий Собчак предложил Фирсову возглавить организационный комитет по созданию негосударственного образовательного учреждения, позже названного Европейским университетом в Санкт-Петербурге. Фирсов смог собрать сильную команду по-новому мыслящих социологов, экономистов, культурологов, и в 1996 году университет открылся. Два двухгодичных срока Фирсов был ректором и заложил основы и традиции этого уникального для России центра обучения.

Став посвободнее, он смог вернуться к научной работе. Три года назад вышла книга по его исследованию разномыслия в России. В этом году будет опубликовано второе издание его истории советской социологии.

Третий этап продолжается.

Дополнительные материалы:

1. *Фирсов Б.М.:* Как добивались послушания социологов. // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 346-357.
2. *Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР. 1940-1960-е годы. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2008.
3. *Фирсов Б.М.:* «...О себе и своем разномыслии...» В кн: Докторов Б. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. [Электронное издание]. Том 2. М.: ЦСПиМ. 2012. С. 535-566. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/Publications/tom_2_2_10.pdf (Дата посещения: 18.07.2012).

ВЛАДИМИР ШЛЯПЕНТОХ: «К НАСТОЯЩЕМУ ТВОРЧЕСТВУ Я ПРИОБЩИЛСЯ, КОГДА СТАЛ ЗАНИМАТЬСЯ СОЦИОЛОГИЕЙ»*

Наш сегодняшний герой – Владимир Эммануилович Шляпентох – советский эконометрик и социолог и он же – Vladimir Shlapentokh – американский социолог и политический исследователь. За последние 25 лет прошлого столетия минимум два десятка советских социологов эмигрировали в США. Некоторые из них многие годы работали в СССР, но, приехав в Америку, отошли от социологии. Есть такие, кто оставил Союз в молодые годы; на Родине они не успели получить признание в среде специалистов, но успешно вошли в американскую науку. Похоже, лишь Шляпентоха, если иметь в виду послевоенное время, можно действительно назвать советским и американским социологом.

В.Б.: Что вы могли бы сказать о начальном периоде жизни Владимира Шляпентоха?

В.Д.: Владимир Шляпентох родился в Киеве в 1926 году в интеллигентной еврейской семье. Его дед по материнской линии до революции был владельцем нескольких аптек, а родители отца были домовладельцами. Революция стала для них катастрофой. Мать получила консерваторское образование и стала преподавателем фортепиано, отец был врачом. В семье был культ иностранных языков и музыки. И это – на всю жизнь. Шляпентох знает около десяти языков. Когда он звонит мне из своего кабинета в Мичиганском университете или я звоню ему туда, я всегда слышу записи классической музыки.

В 24 года у Шляпентоха было два высших образования: историческое и статистическое, но по национальному признаку он не мог получить хорошую работу. Три года он преподавал статистику в одном из техникумов Сталинградской области, потом около десяти лет в саратовском зооветеринарном и сельскохозяйственном институтах. Лишь в начале 60-х его взяли преподавать статистику и историю экономических учений в Новосибирском университете. Однако, работая долго в провинциальных ВУЗах, он без аспирантуры в 1956 году стал кандидатом экономических наук и через десять лет – доктором.

* Интервью Б. Докторова В. Боду, 1 августа 2012 г.

В.Б.: Верно ли я поняла, что Владимир Шляпентох пришел в социологию уже доктором наук?

Б.Д.: По сути так и было, замечу, не единственный, но крайне редкий случай. В начале 60-х с СССР стали проводиться социологические исследования, формироваться социологическое профессиональное сообщество, и Шляпентоха с полным правом можно отнести узкой группе ученых, стоявших у истоков современной российской социологии. В 1962-1969 года он работал в Новосибирском университете, а с 1969 года до эмиграции в 1979 году – в Институте социологических исследований РАН СССР в Москве.

В.Б.: Что наиболее ярко характеризует советский период социологической деятельности Шляпентоха?

Б.Д.: Прежде всего, назову выполненный в середине 1960-х под его руководством крупномасштабный всесоюзный опрос читателей центральных газет («Труд», «Известия», «ЛГ» и «Правда»). Впервые были получены научные данные не только о читательской аудитории и читательских предпочтениях, но также о политических настроениях советских людей. Кроме того, в рамках этого проекта была впервые разработана и реализована на практике территориальная выборка, репрезентировавшая по многим аспектам взрослое население страны.

Далее отмечу серию книг Шляпентоха по проблемам качества социологической информации; потребность в профессиональном освещении этой темы ощущалась тогда крайне остро. Сначала была работа о факторах, «зашумляющих» материалы опросов, и о приемах очистки получаемой информации. Затем – монография о построении выборок. И сразу – третья книга – «Как сегодня изучают завтра»; о методах прогнозирования в социологии.

Большой популярностью пользовалась книга Шляпентоха «Социология для всех» (1970 г.). Она впервые познакомил советскую интеллигенцию с возможностями и методами социологии, интерес к которой и надежды на которую в те годы был очень высоким.

В.Б.: Если в профессиональной сфере жизни Шляпентоха все складывалось столь успешно, почему в 1979 году он эмигрировал?

Б.Д.: Я думаю, что этот вопрос в равной мере относится ко многим, кто уезжал из СССР в начале 1970-х – конце 1980-х гг.; ведь, используя современную лексику, страну покидали

далеко не «лузеры». Одно ясно, беспричинно никто не оставлял Родину, дом, родных, друзей. В отдельных случаях доминировала одна веская причина, но, как правило, существовал комплекс копившихся годами объективных (политических, гуманитарных, культурологических, профессиональных и пр.) и субъективных обстоятельств. В ходе обстоятельного интервью со Шляпентохом, проведенного мною в 2006 году, он сказал, что думал об эмиграции с конца 1940-х годов, когда оформилась его неприязнь советской системы как тоталитарной и антисемитской. В частности, он указал на четыре причины своего отъезда: невозможность самореализации, невозможность увидеть мир, отсутствие перспектив для детей и вечный страх КГБ.

В.Б.: Получается, что Владимир Шляпентох живет и работает в Америке свыше тридцати лет. Что же ему удалось сделать за эти годы?

Б.Д.: Оставляю в стороне рассмотрение его большой преподавательской деятельности и многолетних консультаций, американских правительственных структур по политике СССР и затем – России. Ограничусь лишь краткой характеристикой его научных изысканий, которые можно сгруппировать в следующие направления.

Первое: многомерное сегментирование общества и его многомерный системный анализ. В работах по этому направлению Шляпентох выступает одновременно как историк, политолог и социолог. Обнаружение в каждом современном обществе элементов феодализма, авторитаризма и либерализма позволило ученому построить общую модель историко-политического развития общества и конкретизировать ее применительно к конкретным ситуациям. В последние годы, им опубликованы книги об элементах феодализма в современном американском и российском обществах. Три года назад его книга «Современная Россия как феодальное общество» была издана в Москве.

Второе направление – изучение природы тоталитаризма, его различных форм и проявлений. И здесь, естественно, его пристальное внимание к идеологии и функционированию общественного мнения в странах с разным уровнем развития демократии.

Детство Шляпентоха пришлось на драматический период советской истории: 30-е годы и война. И хотя, по его воспоминаниям, оно было счастливым, и дружба с многими одноклассниками оказалась для него важной на всю жизнь, страхи, пережитые им в те годы, тоже остались в нем на всю жизнь.

Не случайно страх как социологическая и социально психологическая категория, как регулятор повседневной жизни людей уже многие годы является одним из направлений его исследований. В одной из его последних американских книг рассматриваются негативные и позитивные эффекты страха в обществе.

За годы жизни в Америке Владимиром Шляпентохом опубликовано около двух десятков книг, его статьи публикуются в *New York Times*, *Washington Post*, *Christian Science Monitor* и в других широко читаемых изданиях.

И сейчас у него множество планов.

Дополнительные материалы:

В. Шляпентох. Социолог: здесь и там. В кн: Докторов Б. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. [Электронное издание]. Том 2. М.: ЦСПиМ. 2012. С. 128-182.

ВЛАДИМИР ШУБКИН. НАЧАЛО ПОСТБИОГРАФИИ*

В.Б.: В конце 2010 года после продолжительной болезни скончался один из основателей советской/российской социологии Владимир Николаевич Шубкин. Я попросила рассказать о нем профессора Бориса Докторова, многие годы занимающегося историей отечественной социологии и лично знавшего его.

В.Б.: С чего Вы сами хотели бы начать рассказ о Шубкине?

Б.Д. Смерть человека – это всегда горе для его родных, потеря для тех, кто с ним дружил, кто знал его многие годы. Но одновременно, если речь идет о человеке, оставившем яркий след в той или иной области деятельности, это призыв к анализу его творческого наследия. Смерть оборвала биографию Владимира Николаевича Шубкина... началась его постбиография.

В.Б.: Для начала попрошу Вас в целом охарактеризовать Шубкина как человека и ученого?

Б.Д. Мой историко-социологический проект включает в себя проведение продолжительных интервью с социологами разных поколений. В силу многолетней и тяжелой болезни Шубкина я не мог обстоятельно поговорить с ним, но расспрашивал о нем его друзей и коллег. Прежде всего приходит на память ощущение радости, которые испытывали мои собеседники оттого, что у них появилась возможность поделиться своими чувствами к Шубкину. У них глаза теплели. Когда я попросил рассказать о Шубкине, профессора Владимира Шляпентоха, работавшего и дружившего с ним многие годы, он начал свой ответ словами: «Это самый приятный моей душе вопрос, который ты мне задал».

В.Б.: Теперь хотелось бы узнать некоторые факты из биографии Шубкина.

Б.Д. Шубкин родился в 1923 году. Попробуйте опрокинуть главные события в истории советского общества на жизнь представителей этого поколения, и Вы сами легко создадите его биографию.

Отец Владимира Николаевича до революции преподавал в Барнаульской гимназии, потом в школах города русскую

* Интервью Б. Докторова В. Боду, 28 марта 2011 г.

литературу. В 1937 году его арестовали и почти сразу расстреляли. Его мать – учительницу литературы уволили с работы, а его самого как сына врага народа исключили из школы. Они обращались в разные инстанции, и через восемь месяцев пришло указание восстановить мать на работе, а его вернуть в школу.

Выпускной вечер состоялся 21 июня 1941 года. В армию его как неблагонадежного не брали, он несколько месяцев проработал в степи под Новосибирском в стройбате. Вернулся в Барнаул, где ему чудом удалось уговорить начальника штаба комплектовавшей там части взять его наводчиком орудия. Он был в самых горячих точках Великой Отечественной. Весной 1942 года – под Сталинградом, где после короткого обучения начались его фронтовые будни. После ранения вернулся в свою дивизию, участвовал в штурме Перекопа. В боях за Севастополь в апреле 1944 года получил тяжелое ранение. Выжил чудом, какой-то солдат из другой воинской части дотащил раненого старшину до медсанбата. В биографической книге Шубкина есть рассказ об этом случае, он назван – «Пашкин подарок», ясно, имеется в виду жизнь. Шубкину дали инвалидность и списали «вчистую».

23-летний ветеран и инвалид приехал в Барнаул и поступил в эвакуированный туда Ленинградский инженерно-строительный институт. Вскоре Институт вернулся в Ленинград, и Шубкин переехал туда. Учился хорошо, но через год понял, что он – не инженер, его интересовало устройство общества. Отправился в Москву, хотел поступить на философский факультет, но знакомые объяснили ему, что там его ничему не научат. Он поступил на экономический факультет МГУ и в 1951 году закончил его.

Шубкину – около 30, он ветеран с университетским экономическим образованием, но на карьере рассчитывать не приходится. Еще пройдет много лет, пока он добьется полной реабилитации отца. Он преподает политэкономии в техникуме, читает лекции в Обществе «Знание» и начинает готовить кандидатскую диссертацию. В 1958 году в МГУ он защищает работу под скучно звучащим сегодня названием: «Некоторые вопросы внутрирайонного экономического анализа колхозов». В действительности, это был не только экономический анализ деятельности колхозов, но и социологический, к тому же требовалось большое гражданское мужество, чтобы заниматься проблемами сельского хозяйства. Уж очень это была проблемная сфера жизни.

В.Б.: В чем главный результат деятельности Шубкина социолога?

Б.Д. В начале 60-х Шубкина стал работать в новосибирском Академгородке. Тогда-то он приступил к исследованию профессиональных траекторий молодежи, давно признанному классикой российской социологии. Исследуя казалось бы не очень «взрывную тему» – отношение молодежи к профессиям, Шубкин первым показал существование социального расслоения в советском обществе. КПСС утверждала, что в стране рабочие, крестьяне и интеллигенция социально равны при «ведущей роли» рабочего класса. Шубкин показал иное: дети номенклатуры поступали в ВУЗы, дочери и сыновья из рабочих семей – по преимуществу оказывались в профессионально-технических училищах и техникумах. По-сути он показал ложность фундаментального тезиса официальной идеологии о руководящей роли рабочего класса.

В сделанном Шубкиным есть еще один пласт, значение которого пока до конца не осознано. Он первым указал на связь образования и уровня демократии в обществе.

Шубкин был одним из горячих сторонников использования математики при изучении социальных закономерностей, и во многом благодаря его активности в середине 60-х вышла книга о количественные методах в социологии. Выход этой книги позволил первым социологам разобраться в роли математических приемов в их работе. Кроме того она стимулировала обращение социологов к ЭВМ, благодаря ей создававшиеся социологические коллективы стали искать контакты с молодыми математиками.

Одновременно с этим Шубкин одним из первых в стране заговорил о познавательной ограниченности этой методологии и обосновал свой взгляд в эссе «Пределы», опубликованном в «Новом мире». Он сказал, что социологический анализ должен сочетаться с гуманистическими представлениями о человеке. Как сын преподавателей литературы и сам литератор, он понимал, что литература и искусство столь же важные формы познания социальных явлений и процессов. Его обращение к публичной социологии было вызвано желанием сказать о проблемах, которые многими не виделись, а многие принципиально не хотели замечать.

Шубкиным создана научная школа, исследующая проблемы образования молодежи. Его учениками и коллегами в Институте социологии РАН показано, сколь радикально изменились профессиональные ориентации и профессиональные карьеры молодых людей в постсоветском обществе.

Уверен, постбиография Владимира Николаевича Шубкина будет успешной и долгой.

Дополнительные материалы:

1. Шубкин В. Н. : «Возрождающаяся социология и официозная идеология». Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. – СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 64-65.
2. Ядов В. Как командир орудия сержант Шубкин, ныне главный научный сотрудник Института социологии, встретил немецкого солдата и ударил его по физиономии / Троицкий вариант. 2010, 11 мая, №53. С. 10. URL: <http://trv-science.ru/2010/05/11/sociologiya-voyny/#more-4912> (Дата посещения: 18.07.2012).

Раздел VI КОГДА УХОДЯТ ДРУЗЬЯ

ГЕННАДИЙ СЕМЁНОВИЧ БАТЫГИН* (1951–2003)

Я не помню, когда и при каких обстоятельствах мы познакомились. Я знал Гену Батыгина всегда.

Мы жили и работали в разных городах: он в Москве, я в бывшем Ленинграде. Я старше его на десять лет. Нас никогда не связывали никакие формальные отношения. Мы не участвовали вместе ни в одном из проектов. Я не помню, чтобы мы когда либо говорили с ним о политике или об окружавших нас людях.

Мы работали в одном профессиональном цехе. Это было и основной наших встреч, и главным мотивом. Каждая встреча – а в некоторые годы я бывал в Москве по несколько раз в месяц – продолжала предыдущую...она начиналась в редакции тогда единственного в Союзе профессионального журнала «Социологические исследования», продолжалась по дороге к нему домой, и потом – до поздней ночи. Нередко, я оставался у него до утра. Зная о моих регулярных поездках между Ленинградом и Москвой, он говорил: «Ну ладно, старичок, заходи завтра...»...

В те годы нас интересовали методология измерения социальных процессов, развитие эмпирических методов социологии, некоторые аспекты истории и философии социального познания. Наши беседы никогда не были рассмотрением частных, конкретных вопросов. Нас тянуло к поиску каких-то констант, детерминировавших процесс научного познания.

Он не только прекрасно знал философию и социологию, у него было удивительное личное понимание взаимосвязи этих предметов. Он глубоко видел различия в историческом и логическом, но эти различия ему не были интересными. Много интереснее ему было искать те области, где и в силу каких-то причин логическое и историческое представлялись ему едиными. Ибо это – точки роста нового знания.

В беседах он не старался доказывать свою правоту, он стремился понять себя. Его определение социологии: «Социология – это то, что мы публикуем в нашем журнале», не было заявлением чиновника, следовавшего какой-то свыше заданной политике. Он чувствовал свою правоту в понимании движения социологии и своими силами пытался противостоять жестким идеологическим императивам конца 70-х – первой половины 80-х годов.

* Докторов Б. Геннадий Семёнович Батыгин (1951 – 2003) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2003. № 3. С. 56. <http://www.pseudology.org/Batygin/Batygin_GS.htm>.

Мой переезд в Америку не разорвал наших отношений. У меня на полке стоят почти все выпуски его «Социологического журнала». В нем публиковались многие авторы, но журнал был «батыгинским».

Он многое сделал. И очень многое еще мог сделать.

Мне будет всегда грустно без Гены

ВАЛЕРИЙ БОРИСОВИЧ ГОЛОФАСТ 1941 – 2004*

В течение многих лет Валерий Голофаст был одним из интеллектуальных лидеров петербургской социологии, этим определялось его место в социологическом сообществе города и России. Трудно очертить сферы его интересов и измерить глубину его знаний. Формально – это методология социологии, урбанистика, современные глобальные процессы, культурные трансформации в различных обществах и так далее.

Даже перечисленное – уже очень много. Но столь же профессионально он ориентировался в истории социологии и во многих методико-инструментальных разделах нашей науки. Знание нескольких иностранных языков, четкая ориентация в мире специальной литературы, прекрасная память были лишь предпосылками этой эрудиции. Импульсом к познанию было само желание знать. Одновременно Голофаст любил делиться знаниями и делал это мастерски. Дискуссии с ним вызывались быстро и могли продолжаться бесконечно...

Первая половина 1980-х была ужасным временем для ленинградской социологии. В Институте социально-экономических проблем АН СССР, в котором мы тогда работали, культура семинаров выродилась полностью, идеология в ее самой примитивной форме ограничивала и предмет обсуждений, и многообразие разрешенных для высказывания точек зрения, и способов аргументации. Публиковаться было негде, но если даже такая возможность открывалась, понимание невозможности излагать то, что хотелось, делало эти публикации бессмысленными. Мы почти ничего тогда не публиковали...

В тех условиях научная жизнь была возможной лишь в семинарах-беседах... и лучшим местом для этих бесед была комната, в которой размещался сектор Голофаста... приходил, выискивал стул, брал стакан чаю, и многое отступало... я помню до сих пор это чувство нежелания прекращать обсуждения... ведь, по-сути, это было возвращением из мира социальных грез в мир социальных реалий...

Четверть века назад была опубликована небольшая книга Голофаста «Методологический анализ в социальном исследовании», детали некоторых его теоретических построений уже забылись, но во мне хранится ощущение эмоциональной приподнятости, возникавшее при чтении этой книги. Так, как писал Голофаст, дано немногим...

Была у Голофаста в отношении к социуму некая черта, свойственная ученым тех далеких эпох, когда они вынуждены

* Докторов Б. Валерий Борисович Голофаст 1941 – 2004 <http://www.pseudology.org/Golofast/Golofast_indivd2.htm>.

были знать все и когда они действительно все знали... Как назвать ее? Затрудняюсь ответить... может быть, удивление конструктивностью мира... Голофаст очень любил механические часы... ему нравилось их разбирать, изучать, ремонтировать... видимо, в эти моменты ему хорошо думалось...

В последние годы мы несколько раз виделись в Петербурге, виделись недавно, в июне... незадолго до поездки я спросил Голофаста, что ему привезти... ответ был оглушительно неожиданным, он попросил привезти Тору на хибру и английском языке... я привез и передал ему солидный том... через пару дней он сказал мне, что комментарии в этом издании его удивили, в какой-то другой книге было иначе...

Я посмотрел мои публикации последних лет...чаще всего я благодарил в них за помощь Валерия Голофаста... спасибо Валерий... я понимаю, что без тебя мой интеллектуальный мир станет много беднее... а значит и все остальное будет серее...

ОН ИЗУЧАЛ ЛЮДСКИЕ МНЕНИЯ «НЕЩАДНО, ВОПРОКИ ВСЕМУ»*

ПАМЯТИ Б. А. ГРУШИНА (1929-2007)

Смерть Бориса Андреевича Грушина — огромная потеря не только для его родных и друзей. Это событие глубоко переживается всем сообществом российских социологов и теми, кто на постсоветском пространстве изучает общественное мнение.

Завершилась жизнь Грушина, но не его судьба. Начав четверть десятилетия назад опросы общественного мнения в СССР, он столкнулся с горы камушек, породивший лавину. Он дал возможность высказаться десятилетиями молчавшему обществу, и не приходится сомневаться в том, что в политической культуре XX столетия имя Грушина будет стоять в одном ряду с выдающимися гуманистами, считавшими демократию и свободу важнейшими ценностями.

По своим политико-гражданским воззрениям Грушин не был ни «красным», ни «белым», ни левым, ни правым, ни либералом, ни консерватором, ни русофилом, ни западником, ни пессимистом, ни оптимистом. Он старался быть совершенно свободным, у него была своя цель в жизни и своя дорога. Его студенческому другу, одному из крупнейших философов XX века Мерабу Мамардашвили принадлежат слова: «Мы не участвовали в чужих войнах, мы вели свои». И Грушин говорил: «Мы действительно никогда не включались ни в какие политические сюжеты — даже если речь шла о Сахарове или об “уходе в диссиденты”». Когда ему предлагали это, он отвечал, что у него «есть работа на собственном поле» [1].

Несколько лет назад я опубликовал пространную статью [2] о творчестве Грушина, потом были главы о нем в книгах по истории изучения общественного мнения [3]. Было трудно писать о живом классике российской социологии, нельзя было допустить и намека на лесть. Теперь — иная трудность: как написать о Грушине выпукло, но не пафосно? Мои заметки — пристрастны, но историко-биографические работы в принципе не могут не быть личностными, тем более когда пишешь о человеке и ученом, которого хорошо знал и сделанное которым очень высоко ценишь.

Настоящая статья — дань памяти и уважения одному из первых советских/российских социологов постхрущевского периода, и одновременно — часть историко-наукоедческого исследования, в котором прошлое отечественной социологии

* Докторов Б.З. Он изучал людские мнения «нещадно, вопреки всему». Памяти Б. А. Грушина (1929-2007) // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 171-184.

раскрывается через биографии ее творцов. Она относится к направлению «оперативных историко-биографических» исследований [4]; цель которых заключается в анализе с «близкого расстояния» личных судеб и творчества ученых, чей жизненный путь завершился, но наследие останется значимым для будущего. Записанные сегодня, пусть даже очень бегло, воспоминания, наблюдения, опубликованные документы окажутся крайне ценными для истории российской социологии.

Продолжительная болезнь Грушина не позволила мне провести с ним электронное интервью, а мои короткие приезды в Москву были недостаточными для обстоятельного разговора. Но в последние годы Грушин дал ряд интервью журналистам, которых хорошо знал и которым верил, потому — отвечал развернуто и раскованно. Эти интервью и тексты самого Грушина составляют информационную базу настоящей работы.

Как-то Грушин сказал, что его жизнь была бурной, но не состоявшейся. Затем уточнил: «состоялась, но не удалась» [5]. С этими словами Бориса Андреевича невозможно согласиться.

Человек идеалов и идей

Сын Джорджа Гэллапа, Джордж Гэллап-младший сказал о своем отце: «Он был человеком идей и идеалов» [6]. Эту характеристику в различной мере можно распространить на советских социологов-шестидесятников, начинавших свои исследования на рубеже 1950–1960-х годов, но в первую очередь, она относится к Грушину. Слова сына Джорджа Гэллапа были спонтанной реакцией на вопрос интервью, в равной мере он мог бы сказать и иначе: «человек идеалов и идей»; подобное изменение порядка слов было бы оправданным. Многие называли Гэллапа-старшего романтиком, считали, что он переоценивал способность населения адекватно понимать происходящее и разумно судить о политике. Но он, будучи представителем десятого поколения американцев, осознавал свою связь с прошлым и называл себя апостолом демократии. Гэллап ощущал свое предназначение, слышал зов судьбы и вызовы времени.

Именно в таком порядке: идеалы и идеи — следует располагать указанные сущности применительно к творчеству и судьбе Грушина. Лишь идеалист, романтик был способен начать опросы общественного мнения в СССР в 1960-х годах, лишь такой человек мог бороться за их проведение, рисковать и жертвовать многим, носиться, как говорили его друзья, с «идеяй-фикусом». Идей же у Грушина была масса. Его креативность видна во всех его делах: в творчестве теоретика и методолога,

методиста и организатора крупнейших социологических проектов.

Грушин сказал: «Я снял с себя кожаную куртку и маузер Кюрчагина в 49-м году, в пору борьбы компартии с космополитизмом» [5], однако дух окуджавских комиссаров «в пыльных шлемах» и светловская «испанская грусть» остались в нем. Иначе невозможно объяснить, почему, живя в обществе, в котором все подчинялось государству, он считал, что общественное мнение имеет право на существование и должно быть услышанным. Начиная опросы, Грушин не мог предполагать, что не только нашел тему исследований, но и определил линию своей жизни. Но он быстро распознал в них свою судьбу и занимался ими «нещадно и вопреки всему» [7].

В США, где в первой половине XIX века возникли простейшие опросы общественного мнения, а примерно через сто лет — научная, или гэллаповская, технология изучения мнений населения, для этого имелись весомые социальные предпосылки.

Первое: становление американской президентской власти и многоуровневой (страна, штаты, «районы») системы голосования. Отсюда желание избирателей, прессы и политиков как можно больше знать об электорате с целью предсказать итоги голосований. Одновременно отмечу стремление издателей (исходно — партийной, позже — внепартийной) прессы играть активную роль в политической жизни страны.

Второе: рыночная экономика, конкуренция и борьба за деньги потребителей. Это привело к появлению на рубеже XIX и XX веков служб изучения установок и поведения потребителей и к изучению эффективности рекламы. Для этого был необходим анализ аудитории газет, потом — журналов и еще позже — радио. Эти же каналы в периоды избирательных кампаний служили важнейшими средствами распространения политической и социальной информации.

Третье: непрерывное развитие в США системы наук о человеке. В данном случае я особенно выделяю такие направления психологии, как измерение способностей и конструирование тестов. Опыт университетских ученых быстро находил применение в прикладных разработках, поддерживавшихся бизнесом. Это видно по «траекториям преемственности» [8], которые показывают связь «учитель — ученик», соединяющую Гэллапа с основателями европейской и американской психологии Гальтоном, Фехнером и Джемсом.

Ничего подобного для возникновения практики зондирования мнений населения СССР в 1960-е годы не существовало. Вместо выборов — голосование за одного кандидата, выдвигав-

шегося государством. Одна партия. Государственные средства массовой информации и идеологическая цензура. Плановая экономика, в которой не потребитель — король, но директивные органы. Психометрика, как и другие области психологии, была разгромлена в стране в 1930-е годы, и никакой непрерывности в развитии наук о человеке не было. В статье памяти Грушина его ровесник, учившийся на философском факультете Ленинградского университета, А. Здравомыслов писал, что во времена их студенчества понятие «социология» еще не употреблялось, оно существовало только в сочетании с прилагательным «буржуазная» [9].

Сказанное переводит задачу поиска факторов, детерминировавших начало деятельности Грушина по изучению общественного мнения, из проблемы анализа макросоциальных предпосылок в проблему биографическую и подводит к изучению его микросреды.

Рассматривая творчество и траекторию жизни Грушина, приходишь к выводу о том, что важнейшим стимулом, движителем его деятельности были идеалы свободы, уверенность в том, что власти обязаны слышать и слушать мнения людей. Потому так важно понять, откуда все это возникло в человеке, родившемся через 12 лет после Октябрьской революции и воспитывавшемся в годы почти тотального подавления личности.

В одном из интервью Грушин сказал следующее: «Я москвич в третьем поколении. Мама служила по бухгалтерской части. Дед был пекарем, отец тоже. У отца (мы с ним очень дружили) было 4 класса образования, но человек это был совершенно особого склада ума и характера. Член партии с 1924 года. Фронтвик — ушел добровольцем в первые же дни, хотя у него тогда уже не было одной почки. Был тяжело ранен. Карьеру свою он закончил в Минфине, в аппарате министра финансов А.Г. Зверева. Мне с генами передались от него два качества: честность в делах (до глупости) и аккуратность. У меня они выродились в этакий “перфекционизм”, я — “отличник по определению”. Отец оказал на меня огромное влияние» [1]. В личном письме Грушин, кроме того, сообщил мне, что его отец, будучи комсомольским и партийным активистом, быстро продвигался по службе и, став директором пекарни, был избран в Московский совет депутатов. Хотя у него не было особого образования, в середине 1930-х Моссовет направил его в Московский репертуарный комитет, утверждавший спектакли всех московских театров, кроме трех академических: Большого, Малого и МХАТа. Волей истории в 1939 году он попал в Министерство финансов СССР в качестве работника секретно-шифровального отдела. В 1943 году инвалидом войны вернулся домой.

Беседы в семье, общение со школьными друзьями (например, одноклассником и другом жизни Бориса был Егор Яковлев, в будущем одна из ярчайших фигур перестройки), встречи с фронтовиками, видевшими Европу [10], рано заставили Грушина задуматься о мире социальных отношений. «Золотой медалист, — отмечает М. Хромченко, — еще в школе начитавшись Гегеля и Фейербаха, легко преодолев собеседование, поступает на философский факультет университета с целью заниматься этикой и эстетикой по Чернышевскому. Оказывается, идейного комсомольца <...> не устраивало не только раздельное обучение, против которого он выступал еще в школе, но и некоторые отклонения в поведении советских людей в кавычках. Полагая, что для их исправления надо усилить коммунистическое воспитание, он хотел за годы обучения пополнить свой теоретический багаж. Окончательно переосмыслить систему идеологических координат ему пришлось, однако, в страшные годы борьбы с безродными космополитами, детей которых, тех, кто учился на его курсе, он чуть ли не в одиночку защищал» [11]. Возможно, что со временем Грушин стал бы «нормальным» философом, разрабатывал бы проблемы морали, но в год его поступления в университет на философском факультете была открыта кафедра логики, и Грушин, по его словам, «откликнулся на призыв партии и правительства» [12, с. 205].

Университетские годы Грушина прошли в напряженных философских дискуссиях внутри дружеского объединения, известного как «Московский логический кружок» (МЛК), возникшего в начале 1950-х годов. Его основателями, помимо Грушина, были еще три человека, каждый из которых внес значительный вклад в науку, философскую культуру и нравственный климат советского общества: прошедший войну Александр Александрович Зиновьев (1922–2006), Георгий Петрович Щедровицкий (1929–1994) и Мераб Константинович Мамардашвили (1930–1990). Участники МЛК называли себя диалектическими станковистами, или «диастанкурами». Мамардашвили объяснял происхождение этого названия так: «Издеваясь над приспособленческим искусством — “реалистическим”... где фактом нового искусства считалось само изображение новых людей, то есть партийных руководителей района и всей страны, когда портреты выполнялись в гайках, сеном... есть смешная картинка такого наблюдения у Ильфа и Петрова. Они назвали подобных “художников” диалектическими станковистами — диастанкурами! Вот в этом смысле, плюс внутренняя аллитерация, мы и были четверьмя диастанкурами... скажем так» [13]. Грушин уточнил эту версию: «...поначалу

мы назывались просто диалектические станковисты, а я, как любитель древнегреческого эпоса, знал о двух выдающихся братьях-близнецах Диоскурах, Касторе и Полидевке, которые не расставались никогда друг с другом. И потому, желая подчеркнуть особый тип наших отношений, предложил называться “диастанкурами”. Так выглядело все на самом деле».

Диастанкуры стремились раскрыть приемы и процессы мышления, познания и назвали разрабатывавшуюся ими логику генетически-содержательной. Они не были ревизионистами Маркса, как и не были марксистами, просто в логике «Капитала» они обнаружили некий образец интеллектуальной работы; они трактовали этот труд как текст мыслителя по имени Маркс.

В 1952 году Грушин с красным дипломом окончил МГУ и, поступив в аспирантуру, приступил к разработке темы: «Приемы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития». Однако его трактовка соотношения логического и исторического не нашла поддержки у ученого совета, и в 1955 году диссертанта провалили на предзащите. В 1957 году защита диссертации длилась пять с половиной часов, и в обсуждении участвовало 13 человек. Итог голосования был успешным: 15 «за» и 3 «против», но эти трое написали в ВАК о том, что факультет совершил грубую идеологическую ошибку, пропустив антимарксистскую работу. Грушину пришлось защищать диссертацию в ВАКе. Все завершилось в 1958 году, и через несколько лет диссертация была опубликована в виде монографии [14].

Могли ли эти абстрактные философские исследования Грушина позже подвести его к социологическим исследованиям массового сознания? Думается, что да, просматривается достаточно простая логическая цепочка: разрешая себе быть свободным в своих теоретических суждениях, Грушин не мог не подойти и к признанию свободы для людей с улицы воспринимать мир и высказывать свои суждения о нем. Настоящая философия — социальна и моральна, и Грушин воспринял ее ядро. Будучи диастанкурором, Грушин не мог не разделять одного из важнейших политико-нравственных положений философии Мамардашвили, видевшего назначение человека в том, чтобы стать свободным.

Приступив к опросам, Грушин «поменял» предмет исследования: от изучения научного мышления он перешел к массовому, и опросы стали его естественным инструментом. Не зная опыта Гэллапа, находясь в принципиально иной политико-экономической и социально-нравственной среде, чем американские отцы-основатели опросов, и оставаясь при этом

философом, развивавшим теорию познания, Грушин пришел к тому же эмпирическому методу познания установок, что и они. Здесь мы имеем очень интересный науковедческий ин-вариант.

«In pivo veritas»

Утверждение о том, что постхрущевская социология является продуктом, продолжением, рефлексией «оттепели», верно, но подобная формулировка имеет слишком общий характер и соответствует институциональной трактовке истории советской/российской социологии. При стремлении к познанию прошлого отечественной социологии через биографии ее активных создателей необходим более тонкий индивидуально-личностный анализ. Важно найти в жизни конкретных социологов те события, обстоятельства, которые свидетельствовали бы о специфике, особенностях их погруженности в культуру той эпохи. Обнаружение подобных знаков позволит увидеть обусловленность творчества социолога влиянием атмосферы «оттепели».

Если говорить о Грушине, то прежде всего следует отметить, что появление группы диастанкуров — следствие начинавшегося потепления политического климата в стране. Существенно замечание Мамардашвили: «Наша общность возникла по гусарским <...> каналам. Какая-то струйка свободы продолжалась, ее нельзя было до конца истребить, так же как нельзя до конца истребить жизнь. И существование этой внутренней независимости выразилось, в частности, походами — не попойками, <...> по Москве большими компаниями молодежи, она липла к нам, и это было спонтанным возобновлением прежних студенческих вольных форм общения» [13]. В середине 1990-х Грушин отметит, что такие прогулки и беседы не были безопасны, и вспомнит слова Мамардашвили: «...мы все ходили по краю бездны» [12, с. 207].

Здесь мне представляется важным указать тему, которая еще обсуждалась в работах по истории послевоенной российской социологии, но развитие которой может серьезно углубить понимание генезиса нашей науки и ряда особенностей ее развития. Речь идет о поиске механизмов и определении масштабов влияния на становление социологии элементов неофициальной, самиздатовской, андеграундной, смеховой культуры 1950–1970-х годов. Эта тема периферийна (если вообще может быть прописана) в рамках институционального изучения истории отечественной социологии, но она становится значимой, если входить в историю через биографии социологов.

В очерке о Галине Старовойтовой (1946–1998) было показано, что многое в ее гражданской позиции и научной деятельности было порождено «сайгонской культурой» — элементом андеграундной культуры Ленинграда 1960–1970-х годов. То же можно отнести к особенностям социологического мышления Валерия Голофаства (1941–2004) [15]. В данном случае речь идет о располагавшемся в центре Ленинграда кафе, за которым закрепилось имя «Сайгон» и в котором собирались молодые представители богемы и диссиденты. К «сайгонавтам» относятся: И. Бродский, С. Довлатов, В. Кривулин, М. Шемякин, группа «мильков», Б. Гребенщиков, С. Курехин, В. Цой.

Полагаю, что многое в профессиональной и общей культуре Грушина обусловлено его контактом с «пивным» и «банным» миром Москвы. Грушин писал, что в студенческие годы диастанкуры постоянно посещали пивные, где вели непрекращающиеся споры о философии. Эта любовь к пиву стала импульсом для написания Грушиным книги «In pivo veritas», в которой он проявил себя и как исследователь массового сознания, и как истинный любитель пива и уникальный знаток пивной культуры [16]. Обращение Грушина к пивной и банной культурам нельзя свести к досугу или хобби, они были значимым элементом его культурно-профессионального мира, непременной частью среды его бытования.

Здесь я мог бы поделиться собственными впечатлениями о посещении с Грушиным бани и о разговорах о пиве... но дам слово другим...

Вот яркое наблюдение Щедровицкого: «Мы часто фланировали по улице Горького и по прилегающим к Пушкинской площади бульварам. Это всегда была компания в пять, шесть или восемь человек <...>, которая могла, скажем, собраться в два часа дня и до вечера двигаться по московским улицам, где-то оседать: либо в пивном баре номер один на улице Горького, либо в пивном баре в Столешниковом переулке, или доходить до Кировской, или идти еще куда-то. И вот именно здесь, в этом постоянном движении, оттачивались оппозиции, мысли» [17]. Теперь — фрагмент из воспоминаний Щедровицкого об истории московского методологического кружка: «...БА был великий мастер пить пиво с крабами. И всех нас научил, поэтому мы собирались рано утром, выбирали пивной бар и отправлялись туда. Сидели. Пили пиво и обсуждали проблемы философии и логики» [18].

Дополню сказанное цитатой из текста американского советолога и историка Стивена Гранта, подружившегося с Грушиным в конце 1980-х: «...то, что он был и остается знатоком и энергичным потребителем пива, я могу подтвердить на собс-

твенном опыте, проведя с ним много вечеров в вашингтонских rathskeller (пивных, подвальчиках) после пары весьма приятных часов в бане» [19, с. 16].

Тому, кто сам хоть иногда бывал в пивных и рюмочных и хоть немного понимает смысл парилки или сауны, знакомо то анонимно-причастное (или причастно-анонимное) состояние, которое ощущаешь после получаса пребывания там. Ты одновременно существуешь, и тебя нет: ты — как другие, и другие как ты... ты «уважаешь» окружающих, и они «уважают» тебя... Пивная и баня (в силу их демократизма) были одновременно и школой свободомыслия Грушина, и площадкой анализа общественного мнения, фактически начатого им задолго до того, как он стал изучать его профессионально.

Многие формы диалога различных культурных миров внутри личности были открыты и впервые изучены М. Бахтиным; позже это направление философии и культурологии обогатилось серьезными методологическими выводами. Не останавливаясь на изложении концепций теории диалога, можно утверждать, что профессиональное сознание Грушина-социолога вмещало очень многое из городской смеховой культуры его времени (самодельная и бардовская песня, анекдоты, изредка прорывавшиеся сквозь цензуру кинокомедии, выступления сатириков), которая несла в себе антисоветский потенциал.

На факультете журналистики МГУ Грушин в течение четырех лет вел семинар по анализу текстов массового сознания. Анализировались стихи Высоцкого, песни Пугачевой, сочинения Жванецкого, рассказы Хармса. Им было выделено 27 типов «текстов», позволяющих проследить менталитет народа. Под его руководством было защищено несколько диссертаций, в частности — «Анекдоты на тему: русские и другие». Было изучено свыше сотни анекдотов о том, как себя ведут русские и другие нации в тех или иных ситуациях, начиная с политики и кончая сексом [5].

В упомянутой выше статье Грант пишет: «В качестве последнего доказательства его остроумия назову нашу общую любовь к анекдотам, которые мы оба коллекционируем. Объем его коллекции, без сомнения, затмевает количество собранных мною анекдотов, хотя это десятки тысяч анекдотов прежде всего богатого советского прошлого и относительно немного — современных» [19, с. 16].

Грушинское обозначение постперестроечного периода как «социотрясения», его характеристика массового сознания россиян в начале XX века как «шизофренического», название его передачи на «Радио “Свобода”» — «Общество имени Кафки Ёрчагина», заголовок статьи — «Ученый совет при Чингисха-

не» — это не только итоги многолетних научных наблюдений за динамикой социальных процессов в стране, но и индикатор его погруженности в смеховую культуру. На это указывает и реплика Грушина о том, что время покажет, кто стоял на пути развития советской социологии, а кто лежал, причем не вдоль, а поперек. Она была высказана им в защиту Ю.А. Левады, книгу которого по методологии социологических исследований громили на многочисленных собраниях.

Еще один диастанкур, Александр Зиновьев, проявил себя не только как логик, философ и социолог, но и как писатель-сатирик, мастерски использовавший образцы, традиции советской смеховой культуры. Достаточно вспомнить некоторые названия его книг: «Зияющие высоты», «Гомо советикус», «Пара беллум», «Катастрофка», «Глобальный человек».

Два научных и гражданских подвига Грушина

Выше было обозначены научные и общекультурные предпосылки движения Грушина в сторону изучения общественного мнения. Но в том, что он все же начал проведение опросов, есть сплетение закономерного и случайного. Как и в возникновении МЛК; вот слова Мамардашвили: «...начало всегда исторично, то есть случайно» [13]. Грушин оказался в нужный момент в нужном месте — в нужном для него, для социологической науки и для советского/российского общества. Этим местом стала «Комсомольская правда», и прав М. Хромченко, занимавшийся историей диастанкуров, утверждая, что «именно изучение почты подсказало [Грушину], что поступающий самотеком поток можно фокусировать вопросами из редакции. Тогда он и предложил создать при газете Институт общественного мнения, который стал для него формой научной деятельности» [20].

Настоящая статья — не место для детального перечисления сделанного Грушиным в области изучения общественного мнения; назову лишь два его вклада, которые могут быть признаны как научные и гражданские подвиги. Первый — создание в стране системы изучения общественного мнения. Второй — задуманное им и не в полной мере реализованное «четырёхкнижие» — анализ общественного мнения населения Россия в эпохи Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина.

На вопрос журналистки О. Кучкиной о том, как он попал в «Комсомольскую правду», Грушин ответил: «Дуриком. После долгой безработицы <...> У меня был «волчий паспорт» <...> наш квартал на факультете философии считался антимарк-

систским <...> Меня взяли в «КП» в один день. Жена Зиновьева Тамара Филатьева сказала: напиши нам что-нибудь, хоть гонорар получишь. И я написал статью «Главная экономическая задача СССР» — не помню, какая. Я сохранил все заметки в «Комсомолке», включая «Уголок орнитолога», который вел, а эта не сохранилась <...> Меня взяли в отдел пропаганды...» [21]. Это был 1956 год — хорошее для газеты время: поддерживались новые идеи и открывались новые жанры, проводились дискуссии по вопросам, волновавшим молодежь, публиковались письма реабилитированных, вернувшихся из концлагерей. По замечанию Грушина, многое шло от журналистов, пришедших с фронта, «они создали климат честности» [5].

Первые три года были тяжелыми для Грушина от мысли, что он предал любимое дело; но к 1960 году он постепенно перешел от изучения научного сознания к анализу сознания массового. Идея создать Институт общественного мнения была результатом размышлений, дискуссий Грушина и еще трех людей: тогдашнего главного редактора газеты Ю.П. Воронова (1929–1993), ее будущего главного редактора Б.Д. Панкова (р. 1931) и журналиста В.В. Чикина (р. 1932).

ИОМ «КП» возник в мае 1960 года, и Грушин стал его руководителем. Первый опрос был проведен 10–14 мая 1960 года в преддверии несостоявшегося Парижского совещания глав правительств СССР, США, Франции и Англии и всего через две недели после того, как на Урале был сбит американский самолет-разведчик и пленен пилот Пауэрс. Тема опроса: «Удастся ли человечеству предотвратить мировую войну?» была весьма актуальной, но напрямую не связанной с первомайским инцидентом. Опрос проходил в тех районах страны, жители которых «ближе всего столкнулось с бедствиями» войны. Это были населенные пункты, расположенные на 30-м, Пулковском, меридиане. На нем располагались четыре союзные республики бывшего СССР: РСФСР, Белоруссия, Украина и Молдавия; в годы войны там велись активные боевые действия и значительная часть обозначенной территории была оккупирована немецкими войсками. Отбор респондентов производился на основе (условно) стратифицированной пропорциональной выборки.

Через 40 лет после тех событий Грушин вспоминал: «Помню, мы просидели всю ночь в кабинете главного редактора, ожидая, как новшество будет принято ЦК КПСС. Рано утром позвонили от “первого” и сообщили: “Никита Сергеевич, которому показали свежий номер, сказал: “Прекрасно”. Поздравляем с большим успехом”. На следующий же день газета “Правда” (получить похвалу от которой было совершенно не-

возможно) в коротенькой заметке “Из последней почты” оказала нам полную поддержку, и мы торжествовали победу. Эта победа стала еще большей после того, как началось просто буйство в западной прессе по поводу того, что в Советском Союзе открыт Институт общественного мнения» [12, с. 209].

ИОМ «КП» просуществовал около восьми лет, были проведены: 20 всесоюзных и один международный опрос. Большая часть произведенной Институтом информации оказалась «непубликабельной»; она, писал Грушин, «либо работала на антипропаганду, выявляя не столько успехи советского общества, сколько его неудачи и хронические болезни, либо предлагала такие решения проблем, которые плохо совмещались или вовсе не совмещались с господствующей в обществе идеологией» [22, Жизнь 2-я, ч. 1, с. 27.]. Все острее обозначалась незаинтересованность органов управления в объективной информации и их настороженность в отношении к выводам социологов.

Анализ значительного числа биографий социологов [23], начинавших свои исследования на рубеже 1950–1960-х годов, позволяет трактовать становление современной российской социологии как второе рождение социологии в России [24]. Путь, которым Грушин подошел к проведению опросов, полностью отвечает этой концепции и задает модель становления постхрущевской социологии. Сначала талантливые молодые обществоведы обнаружили противоречие между тем, чему их учили, и тем, что открыла их взору «оттепель», и тогда они сами стали изобретать методы и создавать науку, которые позволили бы им описать наблюдавшиеся ими социальные отношения. Мамардашвили говорил о бессмысленности восстановления его поколением прошлого, его не было, после революции «все исчезло физически» и новое могло произрасти лишь в существовавшем человеческом материале. Так, по его мнению, появились диастанкуры: «Что, Зиновьев из Бердяева, что ли, вырос? Да ничего подобного — из полупьяного лейтенанта Советской Армии. И Грушин... из обыкновенного, банального комсомольского активиста...»

Опросов общественного мнения не было в дореволюционной России, и в СССР на ранних этапах развития государства, они не имели сколь-нибудь выраженного значения, потому можно утверждать, что Грушин начал опросы с нуля, без опоры на отечественные политические и научные традиции и без очевидных объективных макро социальных предпосылок. Беседы с Грушиным позволяют мне говорить о том, что в начале 1960-х он не знал технологию изучения общественного мнения, признававшуюся тогда научной в США и Европе. И это имело позитивные следствия. Принимая во внимание макси-

мализм Грушина, можно предположить, что его знакомство с особенностями современных для того времени методов изучения общественного мнения заставило бы его стремиться к их использованию. Такое решение отодвинуло бы начало проведения опросов на многие годы.

С историко-наукоеведческой точки зрения весьма интересен тот факт, что, подобно Джорджу Гэллапу, Элмо Роуперу и Арчибальду Кроссли, отцам-основателям американских опросов общественного мнения, Грушин начинал с проведения опросов по заказу прессы и имел возможность знакомить население с результатами опросов. В силу множества причин эта американская практика не получила развития в СССР, и она не была возрождена в новой России. Возможно, это дело будущего.

В 1969 году, через два года после закрытия Института «Комсомольской правды», Грушин организует Центр изучения общественного мнения (ЦИОМ) в Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР. Работа Центра группировались вокруг «Таганрогского проекта». Даже сухая статистика сделанного впечатляет: 76 логически связанных друг с другом исследований, 23 анкетных опроса, почти 11 тысяч личных интервью, 18 исследований содержания прессы и радиосообщений. На материалах проекта в течение 1969–1979 годов была защищена 21 кандидатская диссертация. Одновременно была предпринята попытка впервые в стране создать организационную структуру для проведения оперативных опросов общественного мнения по различным проблемам. Весной 1971 года ЦИОМ провел первый всесоюзный репрезентативный опрос с выборкой в 2000 человек. Однако, пишет Грушин: «закрепить и умножить достигнутый успех ЦИОМ не удалось». Были финансовые, кадровые и организационные трудности, «но главное, конечно, — из-за принципиального, резкого ухудшения макро- и микроусловий... для такого рода занятий» [22, Жизнь 2-я, ч. 1, с. 38]. Центр просуществовал до 1972 года, и весь процесс его рождения и жизни Грушин назвал «медленным взлетом и стремительным падением».

При последней нашей встрече в феврале 2007 года в Москве Грушин, зная о моей работе по истории советской социологии, подарил мне несколько страниц из готовившегося им третьего тома четырехкнижия «Эпоха Горбачева». Это — параграф, озаглавленный «Заключительная 15-летняя борьба за создание в стране федеральной службы изучения общественного мнения». То была деятельность, в которой Грушин выделял три направления. Первое: личная пропагандистская работа — разговоры с встречавшимися на его пути влиятельными людьми (от Г. Алиева и Э. Шеварнадзе до Давида Слуцкого и Аркадия Райкина) в

надежде на то, что при случае они поддержат создание подобной системы. Второе — просветительская работа и третье — информационное давление на институты власти.

В значительной мере следствием и итогом этой деятельности стало создание в 1988 году Всесоюзного центра изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам (ВЦИОМ). По настойчивой рекомендации Грушина первым директором ВЦИОМа стала академик Татьяна Ивановна Заславская, обладавшая огромным научным и моральным авторитетом не только среди обществоведов, но и в среде интеллигенции страны в целом. Когда Заславской предложили организовать первую в стране специализированную систему по измерению общественного мнения, она согласилась, «но при обязательном условии — чтобы заместителем был Борис Грушин» [25] Грушин проработал там всего два года, но в горькие дни прощания с ним Заславская сказала: «...именно ему принадлежит честь создания ВЦИОМа как современной организации по изучению общественного мнения».

Из того ВЦИОМа выросли «Левада-центр», Фонд «Общественное мнение», многие региональные исследовательские фирмы, организации, работающие в странах СНГ. Можно сказать, что как русская литература вышла из «гоголевской “Шинели”», так и постсоветское сообщество аналитиков общественного мнения вышло из «грушинской шинели».

Итогом теоретической работы и обобщений результатов серии опросов стала докторская диссертация Грушина «Проблемы методологии исследования общественного мнения», защищенная им в январе 1967 года. Многое из нее вошло в книгу «Мнения о мире и мир мнений» [26], которая на многие годы стала введением в изучение общественного мнения. Эта книга могла стать нормальным учебником, но не стала, власть не считала нужным готовить специалистов в этой области.

«Таганрогский проект» продолжался свыше семи лет, еще шесть лет прошло до выхода книги, представляющей его концепцию, методологию, инструментарий и теоретико-эмпирические выводы [27]. Прошло более тридцати лет после завершения исследований в Таганроге, и это затрудняет ее понимание социологами новых поколений. Но одновременно «историчность» книги придает ей новое значение: это документ, зафиксировавший исчезнувшую реальность, «Атлантиду». Нет СССР, нет КПСС, произошли кардинальные изменения в технологии работы и в содержании телевидения, радио и прессы, стало иным отношение людей к массовым текстам. Но социологическая фотография прошлого окажется крайне полезной всем будущим исследователям.

Несколько лет назад, пытаясь одним словом охарактеризовать главные книги Грушина, я назвал первую из указанных — «научной», вторую — «технической», или «технологической», а третью — «Массовое сознание» [28] — «поэтической», понимая под поэзией философию, выраженную в художественной форме. Грушин работал над этой книгой 23 года, она в высшей степени научна и жестко конструктивна, но сквозь ее рационализм четко просвечивает эмоциональное и эстетическое отношение автора к теме.

Грушин согласился с этими оценками. Но можно взглянуть на эти книги и с иной позиции. В первой книге виден исследовательский кураж Грушина, прорыв, некое удивление устройством мира мнений. Вторая книга — это компромисс, она не такая, какой бы он хотел ее видеть, но такая, на какую ему удалось добиться разрешения. Потому в ней совсем немного радости и много грусти. Книга о массовом сознании вышла в самом начале перестройки; Грушин приближался к своему шестидесятилетию, ему казалось, что найдено и оконтурено то, что он будет разрабатывать в грядущие годы. Он бился за создание в стране службы изучения общественного мнения, но перспективы не были радужными.

Общим для трех названных книг Грушина является то, что в них он предстает как ученый, творчество которого охватывает широкий круг проблем теоретического, методологического и методического характера. Его идеи претворяются в логические схемы и инструментарий, позволяющие изучать те области общественного сознания и те стороны общественного мнения, о существовании которых многие даже не догадываются.

Четырехкнижие [22] возвращает нас к истокам грушинского творчества, к идеалам. В этом труде Грушин развивает ряд прежних идей и предлагает много нового в методологии анализа общественного мнения, в частности — метод, названный мною голограммой Грушина [29]. Сам автор, так мне кажется, отнес идеи на второй план. По-видимому, он посчитал, что важнейшие из них реализовал ранее, и «приглушил» их изложение.

Четырехкнижие можно назвать подвигом в силу множества обстоятельств. Прежде всего — грандиозна цель: дать характеристику сознания советских людей в разные периоды жизни общества; браться за такой труд можно, только отчетливо понимая, что назад пути нет. Из проведенных им 700 исследований Грушин отобрал 300 наиболее интересных, чтобы проанализировать состояние умов россиян в эпохи Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Грушин сделал то, что мог сделать только он, — рассказал о первых двух эпохах. Книга

о времени Горбачева оказалась незавершенной... В начале работы издатели спрашивали Грушина: «А если ты помрешь?», он, как истинный философ и приверженец смеховой культуры, ответил: «Если я помру — напишите: “Автор неожиданно помер!”» [7].

Содержание работы выходит далеко за пределы области изучения общественного мнения, она — о власти и населении, о нашем уме и близорукости, о переживаниях и радостях. Пройдут годы, и стремление ученых узнать, о чем и что думали советские люди в эпоху Хрущева и Брежнева, однозначно приведет их к этим данным.

Замысел Грушина — свидетельство его огромного, на всю жизнь, погружения в одну тему; это свыше сорока лет горения, самоотдачи, страстности. Я не припомню в отечественной социологии подобного случая. Еще одна черта отношения Грушина к своей работе: он всю жизнь накапливал и хранил информацию, вот его слова: «...я, вопреки семейным интересам (большой квартирой никогда не располагал), сохранил архивы всех своих исследований» [10].

Итак, Грушин начал в СССР опросы общественного мнения, стремясь к тому, чтобы опросы стали нормой публичной жизни страны. Он инициировал создание в стране первой специализированной службы изучения мнений населения, сам провел много сотен опросов, предложил свою теорию массового сознания и сделал многое другое. В целом же, — это пока не нашло отражения в науковедческой литературе — благодаря Грушину российская наука обогатилась таким уникальным направлением, как социология общественного мнения. В США, на Западе изучение общественного мнения не является частью социологической науки, а рассматривается как инструмент, метод прикладных междисциплинарных исследований.

И как же горько было говорить Грушину об ощущении невостребованности, о ненужности того, что он делал, о том, что жизнь не состоялась, не удалась... У кого же тогда она состоялась? Кому она удалась?

Литература

- Борис Грушин: «Переходного периода нам всем на целую жизнь хватит» [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://viperson.ru/wind.php?ID=213403&soch=1>>.
- Докторов Б. Б. А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 4. С. 2–13.
- Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005.
- Докторов Б. Жизнь в поисках «настоящей правды». Заметки к биографии Ю.А. Левады // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 67–82.
- Кучкина О. В России кипит неслышанный бульон // Комсомольская правда. 2001. 15 февраля [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://www.kp.ru/daily/22493/7654>>.
- Gallup G., Jr. Interview [online]. Date of access: 1.12.07. URL: <<http://www.pbs.org/fmc/interviews/ggallup.htm>>.
- Грушин Борис: «Я изучал людские мнения нещадно, вопреки всему...» // Известия. 2004. 2 августа [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://www.izvestia.ru/russia/article236324>>.
- Докторов Б. Учителя и учителя учителей. К построению траекторий преемственности // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 2. С. 29–41.
- Здравомыслов А. Человек, создавший себя сам // Политический класс. 2007. № 10. С. 18–19.
- Грушин Б. «Мы все время вели войны за свой предмет» [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://www.relga.ru/Environment/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=97&level1=main&level2=articles>>.
- Хромченко М.С. Диалектические станковисты. М.: Школа культурной политики, 2004. С. 32–33.
- Грушин Б.А. Горький вкус невостребованности // Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1999. С. 205–228.
- Начало всегда исторично, то есть случайно: Фрагменты из беседы М. Хромченко с М.К. Мамардашвили 5 апреля 1990 года // Вопросы методологии. 1991. № 1 [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://old.circle.ru/archive/vm/v911mam.html>>.
- Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования. М.: Высшая школа, 1961.
- Докторов Б. Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007 № 6 (в печати).
- Grušin B. In pivo veritas. Praga, 1986.
- Московский логический кружок [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://ru.wikipedia.org>>.
- Щедровицкий Г.П. Александр Александрович Зиновьев [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <http://zhurnal.lib.ru/s/shedrowickij_g_p/gp_i7.shtml>.

- Грант С.А. Борису Грушину в его 75-летие // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 4. С. 14-16.
- Грушин Б. Я до сих пор не знаю, что собой представляет наш народ... // Огонек. 1999. № 36 [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://ogoniok.ru/archive/1999/4623/36-11-13>>.
- Борис Грушин: «Во время паники рабочий и академик ведут себя одинаково» // Комсомольская правда. 2004. 2 августа [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://www.kp.ru/daily/23329.5/30831>>.
- Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. М.: Прогресс-Традиция. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. 2001; Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Часть 1. 2003; Часть 2-я. 2006.
- «Международная биографическая инициатива» (IBI) [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>.
- Докторов Б. Российские реформы и история российской социологии / Тезисы к Международной научно-практической конференции «Гуманитарные стратегии российских трансформаций». Тюмень, 26–27 октября 2007 г. [online]. Дата обращения: 1.12.07. URL: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/doktorov_reform.html>.
- Заславская Т.И. К десятилетию ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения. 1998. Вып. 1 (33). С. 9.
- Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений. М.: Изд-во политической литературы, 1967.
- Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплексного социологического исследования / Под ред. Б.А. Грушина, Л.А. Ониква. Москва: Изд-во политической литературы, 1980.
- Грушин Б.А. Массовое сознание. М.: Политиздат, 1987.
- Докторов Б.З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования. 2006. Гл. 10.

АНДРЕЙ ЗДРАВОМЫСЛОВ: УМЕР ЧЕЛОВЕК. БУДЕТ ЖИТЬ СОЦИОЛОГ...*

В утренней почте – электронное послание Владимира Ядова, одна строчка крупными буквами: «ЧАС НАЗАД УМЕР АНДРЕЙ ЗДРАВОМЫСЛОВ». Перечитываю много раз... пытаюсь понять ситуацию и свои чувства... мы знали друг друга сорок лет... Здравомыслов сделал меня социологом... Все – смертны, Андрей давно и тяжело болел, но не любил говорить на эту тему... сразу о том, что сделал, что делает, что думает сделать.

Наша продолжительная беседа трехлетней давности о его жизни-работе называлась: «Мое кредо – социология» [1]. Эти слова передают суть понимания Здравомысловым своего назначения, своей роли в российском/советском социологическом сообществе. Отражают они и его реальное место в нем.

Для него социология не была лишь сферой деятельности. Он был озабочен трансформацией социального знания в управленческие, властные решения. Он чувствовал свою ответственность за нравственный климат в нашем цехе. Он старался передать свое понимание назначения социологии новым поколениям ученых... Его лекции всегда были интересными и содержательными, всегда озвученными внутренними диалогами. И вообще, диалогичность – антитеза монологу, нарративности – важнейшая характеристика научного стиля Здравомыслова.

Среди предков Здравомыслова были князья и дворяне, крестьяне, в том числе крепостные, военные, священнослужители и разночинцы — почти вся Россия, а редкая фамилия, подчеркивающая особенности мышления ее носителей, восходит к его прадеду, получившему ее после окончания Новгородской духовной академии.

История его семьи, война и пережитые им физические тяготы, стремление понять устройство социального привели Здравомыслова на философский факультет ЛГУ; ранее Петербургский университет заканчивали его отец и дед. Оттепель определила его гражданское и научное кредо. Его слова: «*Булат Окуджава имел для нас гораздо большее значение, чем Пилтирим Сорокин*» – это, и ключ к пониманию его современного движения в социологию, и указание на генезис современного – постхрущевского – этапа российской социологии.

* Умер известный социолог Андрей Григорьевич Здравомыслов <<http://www.polit.ru/news/2009/07/07/zdravom/>>

В стихотворном поздравлении Здравомыслова Ядову, написанном в 2004 году, есть слова:

*Было время, было время
Всё понять и всё измерить.
Вникнуть разумом в пространство
Изменить несчастный мир,
Песню спеть про шарик в небе,
И про девочку, что плачет,
Оттого, что шарик этот
Шарик этот улетел!**

...Ощущение себя частью русской интеллигенции обнаруживается в работах Здравомыслова, касающихся природы русскости и русского национального самосознания. Развивая релятивистскую концепцию нации, он трактовал русский народ как часть глобального человечества, а достижения России в областях искусства, литературы, науки как элемент всемирной культуры. Отсюда его резко негативное отношение к попыткам предложить «истинно» русскую социологию, базирующуюся на православии. Воспринявший принципы секулярной науки и традиции русской интеллигенции, Здравомыслов, по его словам, считал, что объяснение всего происходящего надо искать в мире людских отношений, но не проявлении высших сил.

...Окончился жизненный путь Андрея Здравомыслова, обеднело наше профессиональное братство, но сделанное социологом Андреем Здравомысловым остается с нами... навсегда...

Дорогой Андрей... Пусть земля тебе будет пухом!

* А.Г. Здравомыслов: «Социология как жизненное кредо» (Интервью Б. Докторову с А. Здравомысловым) // Социологический журнал. 2006. № 3. С. 111–148.

ЛЕОНИД КЕСЕЛЬМАН СДЕЛАЛ МНОГОЕ, БУДЕМ ПОМНИТЬ ЕГО*

Леонид Кесельман давно болел, возвращался к жизни после нескольких клинических смертей, последние месяцы (возможно, годы) был готов к смерти... и вот это произошло... помолчим...

... но он заслужил много добрых слов...

Леня явно был не как все, и уж точно – не как многие... он десятилетиями проработал в академической социологии, но его сознание не могло, не хотело ограничиться лишь познанием окружающего социума, он все время пытался сделать мир таким, каким он виделся ему... он болезненно чувствовал сопротивление среды, но не хотел этого принять... его человеческий и социальный темперамент протестовали против покоя, «он с детства угол рисовал...». Вот слова Леонида, сказанные им в начале 2000-х о себе 25-летнем: «... отвергая довлеющую над нами реальность, я пытался понять, как и каким образом эта реальность может быть преобразована в более «правильную» и справедливую». Таким он оставался до конца...

Я знал Леню сорок лет, с начала 1970-х, и могу с уверенностью разделить его жизнь на три этапа: до перестройки, годы перестройки и постперестроечный период. Можно и иначе: «поздний шестидесятник», «пророк перестройки», «человек, оставшийся в конце 80-х – начале 90-х».

В годы перестройки я говорил: «Кесельман это не человек, это социальное явление». Спонтанно, на волне горбачевской гласности, он открыл для себя опрос ленинградцев на улице, и в буквальном смысле привлек к ним внимание Ленинграда и страны. Опросы по самым обсуждаемым обществом темам проводились практически ежедневно. Перестроечная пресса города и страны: от «Смены» до «Московских новостей» и «Огонька» регулярно публиковала его оперативные отчеты, ленинградское радио и телевидение – «Пятое колесо» – представляли ему лучшее время для выступлений, интервьюерам, представлявшимся на улицах города словами: «Мы от Кесельмана», не составляло труда выявить мнения людей. Леонид совершил чудо: он сохранил для истории дух, атмосферу, Ленинграда-Петербурга перестроечных лет. В 1989 году он постоянно фиксировал недоверие ленинградцев к партийной элите города и предсказал поражение ее представителей на выборах на горбачевский Съезд народных депутатов СССР в 1989 году.

* Докторов Б. Леонид Кесельман сделал многое, будем помнить его
<<http://www.cogita.ru/cogita/pamyat/in-memorium/l.-keselman.-abpozdnii-shestidesyatnikbb-potom-abprorok-perestroikibb-pervye-dve-tretnizhizni>>

До референдума 1991 года он показал, что преобладающая часть жителей города приветствовала возвращение ему его исконного имени – Санкт-Петербург.

Леонид родился зимой 1944 года в Казахстане, неподалеку от станции Талды-Курган в бараке эвакуированных из Одессы, детство и юность провел в Черновцах. В нем всегда сохранялось нечто южное, яркое, бурное, вулканическое. Но в первую очередь он был ленинградцем/петербуржцем, даже после вынужденного переезда с семьей в Германию.

Он сделал многое, будем помнить его.

ПАМЯТИ НАТАЛЬИ МАЗЛУМЯНОВОЙ* (1952–2013)

Для меня смерть Наташи Мазлумяновой — огромная потеря. Появятся трещины в мире моей профессиональной деятельности и образуется пустота в моей коммуникационной среде. Это — неизбежно.

Она получила добротное домашнее армянско-московское образование, отлично училась в школе, обучалась музыке, языкам. Окончила Институт иностранных языков в Москве, где специализировалась в области математической лингвистики. Помаялась с поисками работы, прослужила несколько лет в одном из «НИИЧАВО», подобно многим представителям ее профессионального поколения случайно оказалась в Институте социологических исследований РАН, успешно защитила кандидатскую диссертацию и обрела себя в коллективе, который создал и возглавлял Геннадий Батыгин. Рано вышла замуж. Воспитала сына.

Ее главным научным интересом были методология и методы прикладного социологического исследования. Публиковалась Мазлумянова не очень активно, но работы ее принимались с интересом научным сообществом. Мне неоднократно встречались ссылки на ее десятилетней давности статью по методологии изучения проблемных ситуаций, ею получены тонкие результаты в области биографических исследований российской социологии. Она была активным участником «незримого колледжа» — дисперсной, неофициальной группы социологов, объединенных онлайн-проектом «Международная биографическая инициатива». Как член редколлегии «Социологического журнала» и редактор она во многом содействовала укреплению позиций этого издания в нашем профессиональном сообществе. Наташа была прекрасным знатоком русского языка, отлично переводила с английского. В числе ее переводов — две научные книги.

Ни саму Наташу, ни что-либо о ней я не знал восемь лет назад, когда в первых числах декабря 2004 года получил электронное письмо: «...Я редактор Вашей книги, мне позвонили из Фонда “Общественное мнение”, просили с Вами связаться. Как мне сказали, она должна быть готова к концу декабря, объем 10 листов. ФОМ очень торопится, если у Вас есть готовые куски, я могла бы начать прямо сейчас. Мазлумянова Наталия Яковлевна».

И завертелось. Наша работа шла непрерывно: когда в Москве была ночь, в Америке — день, и наоборот. В последних

* Докторов Б. Наталия Мазлумянова. In memorial // Социологический журнал. 2013. №1. С. 147-148.

числах декабря текст книги был готов, редактирование завершилось в середине января 2005 г., а летом книга увидела свет. Лично мы познакомились лишь в конце года.

Я был достаточно опытным автором, но в работе над текстом Наташа меня многому обучила. Как-то заметила про одно слово, что оно «зеленое», а в этом месте следовало бы разместить «розовое». Пришлось написать, что у меня и «по жизни» цветовая слепота, плохое различение некоторых оттенков зеленого и красного.

Наше общение не прерывалось ни на день. Еще эта книга не была опубликована, но мы начали работать над следующей. Не было перерывов и потом. За шесть лет нами было подготовлено четыре книги по вопросам становления и развития американских опросов общественного мнения общим объемом свыше полутора тысяч страниц. Это удивительно. И не только потому, что подобное содружество редактора и автора — явление крайне нечастое, но и потому, что наше общение осуществлялось по электронной почте. Что не упрощало работу.

Так получилось, что осенью 2004 года я начал проводить биографические интервью с российскими социологами. И мне снова повезло: участвуя в историко-биографическом проекте Батыгина, Мазлумянова накопила опыт подобного интервьюирования. Потому ее критические и позитивные суждения мне были крайне полезны. Через ее глаза прошли тексты многих интервью, и я получал не просто замечания редактора, но наблюдения и рассуждения специалиста в области биографического анализа.

В конце 2000-х у Мазлумяновой обнаружилась тяжелая болезнь, но она и тогда не оставляла своей работы. Летом 2011 года ее состояние ухудшилось. Буквально до последних дней жизни она надеялась вернуться к своим обычным делам...

В первых числах января 2013 года наша переписка оборвалась.

А через несколько дней не стало и Наташи.

Пусть земля ей будет пухом...

ЮЛИЯ СИНЕЛИНА. ЕЁ УХОД – ЭТО ЗАМЕТНАЯ БРЕШЬ В НАШЕЙ НАУКЕ И ОГРОМНАЯ ПОТЕРЯ ДЛЯ СОЦИОЛОГОВ ЕЁ ПОКОЛЕНИЯ...*

Сначала по электронной почте пришла совсем глухая информация: погибла Юля Синелина. Некоторым из моих коллег, знавших Юлию, эту трагическую весть пришлось сообщать мне. Первая реакция у всех была одинаковая. Ужас... Все произошло 29 марта в австрийских Альпах. Лавина... она погребла не только Юлю, но только ее не смогли откачать...

... трое детей остались без мамы...

Юлии Юрьевне Синелиной был только 41 год, исполнилось в начале января. Половину жизни она посвятила изучению проблем религии в России, в 2009 году стала доктором социологических наук, но ее авторитет в сообществе исследователей религии сложился и был признан давно. Она возглавляла Отдел социологии религии Института социально-политических исследований РАН в Москве, и как сказал мне по телефону директор института академик Г.В.Осипов, в день гибели была утверждена в должности заместителя директора.

Я не считаю себя знатоком в области социологии религии, но склонен согласиться с мнением человека, который многие годы весьма успешно разрабатывает это проблемное поле. Узнав о гибели Юли, она написала: «И никого такого же масштаба в нашей стране сегодня не просматривается...».

Интернет мгновенно отозвался на случившееся. Юлю многие знали, ценили, да и трагичность завершения ее жизни не могла оставить людей равнодушными. В статьях и блогах она предстает серьезным, глубоким ученым, руководителем наиболее сильного научного семинара по проблемам религии, человеком, который был способен к взвешенному анализу сложнейших исследовательских и нравственных проблем религии, горячо, бурно, часто – надрывно обсуждаемых в российском обществе.

Мы познакомились в летом 2010 года связи с грустным обстоятельством, умерла ее руководитель в области изучения религии и ее духовный наставник В.Ф.Чеснокова, и Юля согласилась написать воспоминания о ней для рубрики, которую я веду в петербургском журнале «Телескоп». Наша переписка не была регулярной, но сразу стала дружеской и откровенной. Летом 2012 года возникли темы для постоянной переписки,

* Докторов Б. Ее уход — это заметная брешь в нашей науке и огромная потеря для социологов ее поколения (Памяти Ю.Ю. Синелиной) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 3. С. 63.

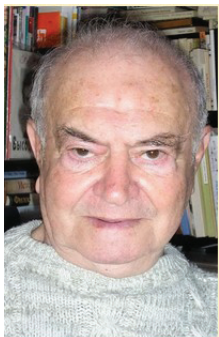
а в ноябре того года и в конце прошедшего февраля мы работали вместе в Москве.

У Юли была своя правда. Она и цементировала ее отношение к миру. И потому Юля была столь эффективна и плодотворна в исследованиях, столь рассудительна в дискуссиях и столь привлекательна в жизни... ее уход – это заметная брешь в нашей науке и огромная потеря для социологов ее поколения...

Не понимаю законы эволюции: зачем лепить такое чудо и потом так быстро его забирать?

3.04.2013

ОН ВСЕГДА ОСТАВАЛСЯ ЛЕНИНГРАДЦЕМ.* **Памяти Леонида Наумовича Столовича** **(1929–2013)**

Мое очное знакомство с Леонидом Столовичем произошло в Тарту и состоялось очень давно. Когда в декабре 2009 года мы познакомились – уже заочно, по электронной почте – снова и быстро сблизились, мы оба не могли припомнить хотя бы примерно время того давнего общения. Да это и не очень нам нужно было... написать Столовичу меня надумил покойный Игорь Кон, меня интересовала обстановка на философском факультете ЛГУ в первые послевоенные годы. Именно тогда на нем учились те, кто вскоре сыграли решающую роль в становлении современного этапа развития советской/российской социологии.

Тогда же там учился и Столович.

Кон, к которому я обратился за помощью, написал мне: «Чтобы понять атмосферу философского факультета, когда там учился Ядов и др, надо прочитать мемуары Столовича. Кто из его однокурсников, которые в дальнейшем стали порядочными людьми, писал на него доносы, он Вам не расскажет (да это и не нужно), но общий климат станет яснее. Можно ему написать, сославшись на меня...». Я так и сделал. И был вознагражден предельно откровенным, точным, концептуальным рассказом.

Теперь в моей домашней библиотеке есть несколько научных и поэтических книг Столовича, в компьютере – множество его писем. Быстро дело дошло до проведения с ним биографического интервью, мы провели его на одном дыхании, и вскоре оно было опубликовано.

Летом 2012 года он уже чувствовал себя плохо. Однако в декабре он помог мне в датировке некоторых событий состоявшихся в конце 1960-х в нашем профессиональном сообществе, а 26 июня сего года предупредил о появлении нового компьютерного вируса...

...Не имея возможности после окончания ЛГУ в 1952 году трудоустроиться в Ленинграде, Столович нашел несколько преподавательских часов в Тартуском университете. И всю жизнь проработал там, многое сделав в науке: этике, философии и социологии культуры и в области подготовки высокоп-

* Докторов Б. Он всегда оставался ленинградцем (памяти Л.Н. Столовича) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 6. С. 53.

рофессиональных кадров. Последние 20 лет он имел высокое звание Почетного профессора Тартуского университета.

Он любил Эстонию, но вместе с тем он всегда оставался ленинградцем, и нижеприводимый текст указывает на его тонкое понимание сути «ленинградской социологической школы» и петербургской культуры.

Леонид Наумович Столович был крупным ученым, талантливым, теплым, доброжелательным человеком, обладавшим хорошим чувством юмора. Пусть земля ему будет пухом...

Раздел VII
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ.
Продолжение

ТАК СЛУЧИЛОСЬ ИЛИ ТАК ДОЛЖНО БЫЛО СЛУЧИТЬСЯ...*

Введение

Этот текст не связан с анализом множества событий, с определением их вероятностей, с исчислением вероятностей перехода из одного состояния в другое. Тем не менее, речь в нем явно пойдет о совокупности каким-то образом взаимосвязанных событий, образовавших цепь длиной в 50 лет, а – может быть – и дольше. В описываемом много случайного, однако все произошедшее сегодня видится мне целостным, единым, монолитным. Все вместе это рассуждения о том, почему человек, решивший когда-то и почему-то стать математиком, не стал им; тем не менее, он считает, что именно полученное им математическое образование определило его жизнь. Писать все это мне легко, так как этот человек – я. Но в силу этого же обстоятельства писать очень сложно.

Ниже я объясню, как произошло, что уже десять лет я занимаюсь историко-научными исследованиями на базе различного биографического материала. Люди, биографии и судьбы которых меня интересуют, жили (живут) в разные эпохи, в разных странах, различны и их профессии. Самые старшие из моих героев родились в первой половине XIX века, самые молодые – в середине 1950-х. Основная часть «объектов» моих биографических поисков – американцы и советские/российские люди. Главное, что их объединяет, – творческий характер их работы.

Среди американцев это: авторы вошедших в историю рекламных кампаний, выдающиеся исследователи рынка и эффективности рекламы, отцы-основатели выборочных методов изучения общественного мнения. Наши соотечественники – это социологи разных поколений. Лишь на первый взгляд ничего не связывает представителей перечисленных профессий, в действительности их объединяет не только мой к ним интерес.

Маркетинговые исследования возникли в США в ответ на заказ бизнесменов и создателей рекламы. Университетским психологам предстояло определить, почему одна реклама «работает», т.е. продает некий продукт, а другая – не запоминается людям и не «подталкивает» их к покупке. Соответственно, ученым необходимо было создать измерительный инструмен-

* Докторов Б.З. Так случилось или так должно было случиться. В кн.: Матмех ЛГУ, шестидесятые и не только. Сборник воспоминаний / Под ред. Д. Эпштейна, Я. Шапиро, С.Иванова. – СПб.: ООО «Копи-Р Групп», 2011. С. 195–212.

тарий, по результатам применения которого можно было бы ответить на запросы бизнеса. Однако оказалось, что метод выборочного опроса, родившийся при проведении маркетинговых исследований, позже доказал свою успешность при изучении электората и отношения населения к проблемам внутренней и внешней политики страны. Парадоксально, но, отталкиваясь от опыта изучения биографий американских полстеров (аналитиков общественного мнения), я начал интересоваться жизнью и делами тех, кто изучал общественное мнение в СССР. Так (или почти так) в поле моего зрения оказались биографии советских социологов, людей, многих из которых я знаю десятилетиями.

Сейчас завершается 2010 год. С начала нового столетия мною в петербургских и московских журналах опубликовано свыше двух сотен статей, изданы пять и продолжается работа еще над двумя книгами. Мне хочется понять, как же сложилась моя странная жизненная траектория, почему в общем-то случайные события образовали нечто, что при определенном рассмотрении образует квазицелостное образование.

Удивительно и то, что нечто автобиографическое я пишу для книги, в которой собраны воспоминания математиков. Вообще говоря, я оценивал бы вероятность подобного события как «нулевую», тем более что с 1994 года я живу в Америке. Однако в жизни все случается. И я искренне благодарю за это матмех, подготовивший меня к жизни, а также Василия Малоземова и Давида Эпштейна, сделавших мне такое лестное предложение. Писать хочется, так как это дает мне возможность вспомнить доброе время, хороших друзей. И писать надо, так как истории нет, если она не написана.

Я должен был учиться на матмехе, но кем я должен был стать?

Я и моя сестра родились в Ленинграде за две недели до войны. В сентябре мама с нами смогла уехать в Новосибирск, и вернулись мы именно 9 мая 1945 года. Мой отец закончил живописный факультет Академии художеств в Ленинграде, возможно, какое-то время он был художником, но еще до войны он возглавил Ленинградское издательство «Искусство». Он умер в 1948 году, так что на мое воспитание и профессиональное становление он не мог оказать прямого влияния. Моя мать в середине 1930-х окончила в Ленинграде институт, который позже назывался Институтом культуры, он расположен на набережной Невы у Летнего сада. Она стала библиотекарем

редчайшей квалификации: помогала ленинградским театральным и кинохудожникам в поиске книг, альбомов, в которых они могли бы найти костюмы, детали интерьера при работе над спектаклями и кинофильмами. Будучи школьником, я часто бывал у нее в Театральной библиотеке, разглядывал эти книги, видел многих выдающихся художников, часто бывал в драматических театрах. Моя сестра, после слияния мужских и женских школ мы учились в одном классе, поступила на искусствоведческий факультет Академии художеств. Это было «естественным». Но меня ни история, ни искусство как профессия не привлекали.

Я всегда и по всем предметам учился хорошо, иногда в табелях проскакивали «четверки», но обычно были «пятерки», хотя на медаль я никогда не «тянул», и меня никогда не «тянули». Свободное время я отдавал книгам, играм во дворе, спорту. Я не посещал каких-либо кружков по математике, не участвовал в олимпиадах. Странно, учась в ленинградской школе, я даже не знал о существовании такой реальности. Но в десятом классе, когда надо бы задумываться о продолжении образования, я понял, что только технический вуз, физика или математика. Хотя никакого представления о том, что это такое, у меня не было.

Жил я на тихой улице Красной Конницы (теперь – Кавалергардская), недалеко от Смольного. Я слышал о существовании Политехнического института, но ежедневно ездить туда казалось невозможным. Я знал про Военно-механический институт, но приятель по двору, который там начал учиться, сказал, что принял неверное решение. После окончания надевают погоны и посылают работать за 300–500 км от ближайшей железнодорожной станции. Два моих школьных друга решили поступать в Университет: один – на химфак, другой – на физический. Мне остался матмех. Удивительно, но и они, и я поступили с первого раза. Это был 1959 год.

Кто-то подсказал мне, что надо готовиться по учебнику П.С. Моденова, я отыскал эту книгу и увлекся ею, неся из школы домой, чтобы скорее засесть за работу. Безусловно, я узнал много нового о методах решения задач, но главное, как я теперь понимаю, я научился самостоятельно входить в новый для меня предмет. Мне повезло. Я быстро осознал, что во многих случаях одну задачу приходится решать несколько дней. Я привык во всем разбираться самостоятельно.

И вот школа окончена, документы поданы на матмех, готовлюсь к экзаменам. Лето. Жарко, разрешаю себе лишь поездки в Ржевку, тогда в озерах можно было купаться. Садился я в трамвай с книгой, ехал долго, можно было многое узнать.

Чтобы как-то прожить, мама сдавала одну из двух наших небольших комнат в коммунальной квартире двум студентам. Тогда у одной из них гостил друг, только что окончивший физфак МГУ и специализировавшийся по ядерной физике. Как-то я пригласил его с собой на озеро, и за время поездки он пересказал мне содержание двух книг. Этот рассказ оказался для меня интеллектуальным шоком. В нем было все новое, необычное, не похожее на то, что я знал.

Одна книга называется «Что такое жизнь? С точки зрения физика», ее автор – Нобелевский лауреат Эрвин Шредингер. Это – введение в генетику, написанное с позиций квантовой физики; книга увидела свет за год до Сессии ВАСХНИЛ 1948 года, объявившей генетику лженаукой. Естественно, что в школьные годы я ничего не слышал о генетике. Вторая – «Эварист Галуа – избранник богов», написанная Леопольдом Инфельдом, физиком, сотрудником Эйнштейна. Книга о Галуа с таким странным для уха советского человека названием, думаю, была опубликована, так как в ней Галуа в большей степени показан не как открыватель теории групп, но как революционер, бунтарь.

Теперь-то я понимаю, что для физика-ядерщика рассказ о физической теории генетики и о математической теории Галуа был естественным, он говорил о базовых вещах, которыми занимался. Но почему услышанное в той поездке на Ржевку произвело на меня сильнейшее впечатление, трудно сказать. Наверное, потому, что все было новым и подтверждало верность выбора матмеха для продолжения образования.

При первой же возможности я, уже став студентом, нашел эти книги, и постепенно осилил их. Книга Шредингера породила во мне интерес к прикладной математике, биологии и наукам о человеке. Кроме того, она познакомила меня с позитивизмом, ведь до нее я ничего философского не читал. Работа Инфельда ввела меня в круг историко-научных и историко-биографических поисков.

В поисках себя

Прошло полвека с момента поступления на матмех, и из экзаменационного периода я помню лишь то, что на устном экзамене получил «отлично» от Людмилы Яковлевны Андриановой. Потом она вела у нас занятия по дифференциальным уравнениям и, глядя на нее, я понял, что математика – красивая наука.

Когда я подавал документы, то записался на «механику», начитавшись книг по кибернетике, теории автоматов; мне ка-

залось, что это все – механика. Сразу после экзаменов, узнав о зачислении, я уехал в деревню под Ленинградом, а когда за день до начала занятий пришел на факультет, то увидел себя в одной из математических групп. Оказалось, я пропустил собеседование и автоматически был зачислен в математики. Поэтому, первые два-три года программы обучения математиков и механиков не сильно различались. Во всяком случае, когда я все же перешел в «теоретические механики», мне кажется, я ничего не досадал.

Я быстро почувствовал, что заметно уступал многим моим однокурсникам в специальных знаниях, некоторые из них уже были знакомы с основами дифференциального и интегрального исчисления, элементами теории множеств и других разделов математики. На мои вопросы, сложно ли все это, они отвечали: «Нет». Тогда я, привыкнув работать самостоятельно, начал все это изучать сам, немного опережая программу. Иногда это было полезно, иногда – прямой пользы не было.

Увлеченность кибернетическими идеями привела меня – по видимому, на втором курсе – на философский факультет, где вечерами я прослушал несколько курсов Льва Марковича Беккера, в наше время признаваемого выдающимся психологом. Разобравшись немного в этой тематике, я начал изучать работы в то время опального Николая Александровича Бернштейна по физиологии движения; это было соединением психофизиологии и кибернетических схем. Мне кажется, он тогда публиковался в продолжающемся издании «Проблемы кибернетики».

Я начал ходить на семинар по теории автоматов, который вел Владимир Андреевич Якубович, и там кому-то из старшекурсников рассказал о работах Бернштейна. Следствием этой беседы была просьба написать заметку для стенной газеты. Написал. Через какое-то время известная тогда всем на факультете Гета Анашко сказала мне, что со мною хочет познакомиться Олег Михайлович Калинин, занимавшийся статистическими проблемами биологии. В то время меня интересовала теория движения волчка, классическое и одновременно активно развивавшееся направление теоретической механики, но встреча с Калининым, по-моему, окончившим матмех в тот год, когда я поступил, круто изменила характер моих интересов и направленность моего обучения. Он тогда исследовал некоторые проблемы, поставленные в работах А.Н. Колмогорова и Ю.В. Линника.

Мне в жизни повезло на знакомства с интересными, самобытными людьми, но началось все с Калинина; он был нестандартен во взглядах на роль математики в познании мира и стремился к синтезу многих собственно математических построений, законов физики и открытий в различных разделах

биологии и медицины. Хотя я продолжал учиться на отделении механики, я все больше увлекался биометрикой.

Формально я с Калининым никак не был связан. Поскольку специализировался в теоретической механике, то даже курсовые работы не писал у него. Он давал мне читать различные статьи, объяснял законы динамики биологических популяций. Потом к нам присоединилось еще несколько человек, в 1962 или 1963 году Калинин организовал «биометрический семинар», нестандартный и по проблематике, и по характеру отношений в нем всех его участников. Иногда мы собирались несколько раз в неделю и говорили до ночи. Так формировался круг моих интересов — математические методы биологии. Прежде всего, приемы измерения корреляции, работы Роланда Фишера и Карла Пирсона. Среди активных «семинаристов» я прежде всего назову моих однокурсников Александра Барта и Альберта Шалыта, помню также тех, кто учился на один-два курса позже: Сергея Колодяжного, Николая Хованова, Ольгу Бушман. Я стал отходить от семинара во второй половине 1960-х, уже после окончания матмеха, но многое в моем понимании науки, философии науки сформировалось там. Биометрический семинар не был «междусобойчиком», на нем выступали выдающиеся ученые Александр Александрович Любищев, Раиса Львовна Берг, Лев Николаевич Гумилев и другие. Семинар многому учил.

Скорее всего, в 1963 году на семинар пришел молодой, но уже опытный психолог, доцент Иосиф Маркович Палей; его интересовал новый в то время для советских психологов математический метод — факторный анализ. Зная о моем легком интересе к психологии, Калинин предложил мне помочь Палею. От биологии и медицины я «соскользнул» в психологию. В математическом отношении основная схема факторного анализа проста, факторы — это результаты интерпретации главных компонент корреляционной матрицы изучаемого набора признаков, отвечающих наибольшим собственным числам. Я немного овладел широко использовавшимся тогда АЛГОЛом-60, написал программы для обработки информации и, следуя логике биометрического семинара, начал с Палеем обсуждать результаты расчетов. Тогда я понял, что математика действительно позволяет увидеть и измерить то, о чем без нее можно лишь догадываться или что вообще скрыто от аналитика. Конечно, к тому времени я уже многое читал и знал об эвристической силе математических моделей, но здесь я впервые обнаружил это сам.

Механикам преподавали тогда очень сильные специалисты: профессора С.В. Валландер, Л.М. Качанов, В.В. Новожилов,

Н.Н. Поляхов, ряд молодых ученых. Но я погружался в прикладные задачи математической статистики, и делал дипломную работу по линейному дискриминантному анализу под руководством Калинина. Некоторые результаты были потом опубликованы в «Вестнике ЛГУ».

В конце четвертого или в начале пятого курса нам объявили, что в связи с добавлением ряда новых предметов мы будем учиться пять с половиной лет. Особо утомительным это не было. В моей памяти остался лишь курс по расчету траекторий ракет, прочитанный Н.Н. Поляховым. Для меня эти лекции были еще одной встречей с умным и интеллигентным человеком. Уже став студентом, я узнал, что мы жили в одном доме.

Студенческие годы

В те годы матмех располагался на 10-й линии Васильевского острова в здании, построенном в конце XIX века для Бестужевских курсов. Хотя рядом был шумный Средний проспект, улица эта была тихой, особенно в той части, которая располагалась ближе к Малому проспекту.

Несколько ступеней вверх вели к широким дверям, из которых мы попадали в довольно просторный вестибюль. Справа был небольшой гардероб для преподавателей и ряд лабораторий. Немного в глубине в правой части вестибюля начиналась широкая лестница, которая вела на второй и третий этажи к главным, самым большим аудиториям. Через второй этаж можно было выйти на внутреннюю лестницу, ведущую вниз в библиотеку. Не сразу, но откуда-то я узнал, что раньше в этом здании располагались Бестужевские курсы, и библиотека несла в себе черты «той» эпохи.

Поворачивая от входных дверей налево, мы сначала попадали в студенческий гардероб, потом проходили небольшой кусок по коридору мимо кафедры теоретической механики и оказывались в столовой. Мне кажется, что кормили там хорошо, а, может быть, это просто воспоминания голодного студента. Там были очень сердечные раздатчицы, тарелку пюре или макарон с подливкой могли дать и бесплатно.

Рядом с дверьми в столовую была еще одна лестница. На втором этаже располагались учебные классы и кафедра астрономии. На третьем – относительно небольшие учебные классы, деканат и комнатка факультетского комитета ВЛКСМ. Мне кажется, что я никогда не занимал никаких выборных позиций, но при этом был общественно активным. Вообще, об-

щественная жизнь, в моем понимании, строилась на хорошей неформальной основе. Такими, дружественными я запомнил тех, кто был лидерами: Владимир Демьянов, Василий Малоземов, Александр Рубинов. Но первым, в начале осени 1959 года, с кем из старших я познакомился на факультете, был Марк Башмаков, он тогда, если не ошибаюсь, учился в аспирантуре, но вскоре на несколько лет уехал преподавать математику в одну из африканских стран.

Летние поездки в совхозы на строительство свинарников и коровников и осенние поездки на уборку урожая я вспоминаю просто как романтическое время, тогда в ходу выражение – «клеили отношения». Физическая работа, общие обеды, приготовленные дежурными, долгие посиделки, песни: «Надоело говорить и спорить / и любить усталые глаза...», «Я ехала домой, душа была полна...», ночные гулянья, какие-то общие, ненатужные разговоры – все это было ясным, легким, не обремененным заботами.

Летом после первого года учебы большая группа студентов нашего курса работала в Приозерском районе: озера, лес, свобода. Как-то утром я перевез двух девушек – Людмилу Поваркову и Галину Шавандину – на лодке на остров, а сам отправился в дом, где мы все жили. Днем была гроза и сильнейший дождь. Когда погода успокоилась, я подумал, а что, собственно с этими девушками, ведь они не умеют плавать. Пошел на берег озера, добрался вплавь до острова и нашел их в какой-то старой конюшне. Поплыл обратно, чтобы найти на берегу лодку, но увидел какого-то рыбака, удившего рыбу с лодки, подплыл к нему и упросил его перевезти двух девушек на берег. Тогда эта история никакого продолжения не имела, но осенью 1964 года мы с Люсей поженились. Так что в нашей семье два выпускника матмеха.

Весной, скорее всего 1962 года, я заглянул без какой-либо цели в комитет комсомола, и там справа от входа стоял стол, за которым сидела уже упоминавшаяся Гета Анашко; она училась несколькими курсами раньше, и сходу сказала: «Ну, ты-то точно на целину не собираешься». Я ей ответил – абсолютно спонтанно – типа того, что зашел именно затем, чтобы записаться. И записался, и поехал. В дороге закончилась моя не начавшаяся комсомольская карьера. Меня назначили старшим по вагону, но где-то, по-моему еще до Урала, сняли с этой должности. Я не только не пресек карточную игру в вагоне, но сам играл. Удивительно, что вообще-то я в карты не играл, но телеграмма, отправленная на факультет, сделала свое дело. Потом несколько лет замдекана Г.П Самосюк, упорно видел во мне заядлого картежника.

Возможно, поскольку я переходил из математиков в механики и обратно, я знал очень многих на курсе, а участие в разных общественных делах и поездка на целину еще более расширяли мою дружескую неформальную сеть. Недавно меня нашел в Интернете Александр Мясников, мы по скайпу вспоминали наших однокурсников. Память еще держит. Удивительно, можно закрыть глаза и многих увидеть на тех местах в, скажем, огромной аудитории № 66 (это были лекции для всего курса), которые они обычно занимали...

В первом ряду правого сектора амфитеатра, который шел вдоль высоченных окон, сидели слепые Женя Смирнов, Юрий Левичев и их товарищ. Я часто сидел во втором ряду, так как на утренние лекции приезжал вместе с Сергеем Свиридовым, который после перенесенного в детстве полиомиелита не ходил. Тогда складных колясок еще не было. Утром я доезжал на метро до Витебского вокзала, брал там такси, заезжал за Сережей, и на факультете мы, нас было несколько человек, переносили его на руках из одной аудитории в другую. После занятий отвозили его домой. Несколько лет назад он умер, он был очень оптимистичным и мужественным человеком. В нашей небольшой кампании, которая иногда собиралась у него дома, были Наташа Мидина, Надя Каргина, Валентин Солев, Владимир Нигголь, рано умерший Игорь Грачев.

Вижу быстрого, экспансивного Владимира Итенберга, неспешно входящего в аудиторию Евгения Жигалко, общительного Ивана Скопина, неразлучных Наташ (Мишустину и Васильеву), смешливую Аллу Демьянову, скромную Эллу Худобину, задумчивого Адольфа Снегурова, грустно-мудрого Анатолия Колесникова, подтянутого после хореографического училища Льва Жукова, стройную Нину Москалеву, доброжелательную Мариям Тер-Месробьян... хочется продолжать. Но невозможно.

Я не помню, о чем мы говорили, собираясь. Скорее всего, о каких-то факультетских делах, об изучаемых предметах, об прочитанных книгах. Но помню, что мы практически не обсуждали политику. И не потому, что боялись, просто она не присутствовала в нашем мире как тема, о которой мы думали. Возможно, это было формой бегства от политико-идеологической реальности, но я не помню, чтобы это было осознанным бегством. Просто были иные интересы.

Мне трудно сказать, какая была атмосфера на других факультетах университета и в других вузах города, но на матмехе, в моем представлении, она была в высшей степени неформальной в отношениях с преподавателями и между студентами. Конечно, в первую очередь, это определялось свободой в обсуждении собственно профессиональных – точнее, учеб-

ных – вопросов. В перерыве между лекциями и после лекций можно было обсудить возникшие вопросы, была развита система семинаров, в которых иногда участвовало несколько человек. Лишь упоминание нескольких имен наших преподавателей: Д.К. Фаддеев, А.Д. Александров, Ю.В. Линник, С.Г. Михлин, В.А. Плисс, Б.З. Вулих, Г.П. Акилов, В.А. Рохлин, М.К. Гавурин, В.А. Залгаллер, Ю.Ф. Борисов, В.М. Бабич – указывает на интеллектуальную составляющую среды, в которой мы учились. К тому же, в моем представлении, эта среда была высоко этической и не идеологизированной.

Скорее всего, на третьем курсе Р.М. Финкельштейн, всегда подтянутый и нарядный, читал нам некоторые теоретические разделы сопротивления материалов. Обычно он сопровождал изложение курса беседами общего плана и как-то заметил, что не понимает студентов, которые ходят на его лекции. Ведь есть книга академика В.В. Новожилова «Теория упругости», в которой все это изложено. Я подошел к нему, уточнил, верно ли я его понял, и сказал, что воспользуюсь его советом. Действительно, за пару месяцев я разобрался в теме, позвонил ему и сказал, что к экзамену готов. К моему удивлению, Рафаил Матвеевич пригласил меня к себе домой, на Моховую; он указал, какие главы книги я должен ему рассказать, и ушел гулять с ребенком. Вернувшись, он долго выяснял, в какой мере я проработал материал, мы «гуляли по книге». Мне, действительно, этот предмет нравился, и я радовался оценке «отлично».

Но еще важнее для меня оказался тот факт, что экзамены можно сдавать досрочно. Я получил «свободное расписание» и ходил только на те занятия, которые нельзя было пропускать. С утра до ночи читал в студенческих залах Публичной библиотеки и по возможности сдавал экзамены досрочно. Кроме всего прочего, это увеличивало мои каникулы.

Помню один забавный случай. Уже став студентом, я продолжал слушать лекции по кибернетике в Центральной лектории на Литейном проспекте. Познакомился с одним парнем примерно моих лет, тоже Борисом. Через некоторое время в разговоре с ним выяснилось, что он ведет занятия по программированию в моей группе; я этого не знал. Сейчас зашел в Интернет проверить себя, верно: Борис Мстиславович Соколов, специалист по дискретной математике и математической кибернетике.

После третьего курса я получал повышенную стипендию, но, ясное дело, денег не хватало. Случай, произошедший в первый или второй год обучения, многому меня научил. С двумя приятелями я отработал на Бодаевские склады разгружать вагоны. Пришли мы туда рано утром, но работы долго не было.

Потом нам дали «пульман», набитый картофелем. Работы мы этой не знали, пока приспособились, начался вечер. К ночи мы совсем выдохлись и решили уйти, а утром по-быстрому доделать. Когда пришли утром, нашего вагона уже не было, его доделали постоянные работяги. Нам ничего не заплатили, но дали совет: «Беретесь – делайте». Великое жизненное правило.

С первого курса я занимался репетиторством. Тяжелый труд, в дождливые ленинградские осени и холодные зимы ездить приходилось в разные концы города. Позже, как и многие студенты, получал полставки за выполнение не очень обременительных обязанностей в разных лабораториях. Но все равно летом работал на стройке на прядильно-ниточном комбинате им. Кирова, станочником на небольшом заводе на Охте, грузчиком на жиромаслокомбинате на Обводном канале. Так постепенно осваивались многие стороны жизни.

Многое мне дало участие сначала в организации школы-интерната для одаренных школьников на ул. Савушкина, а потом и преподавание там. Это было начало 1960-х. К организации меня привлек Алексей Алексеевич Никитин, астроном, он долгое время был секретарем партийной организации факультета. Он и Марк Башмаков, скорее всего, в те годы он был секретарем университетской комсомольской организации, вкладывали в это дело душу; и мне было интересно работать с ними. Для отбора способных ребят я ездил в Сызтывкар, Новгород, Псков, Вологду; выступал там в школах, проводил отборочные экзамены. Мы сами строили программу преподавания, и отношения с учениками были намного менее формальными, чем в обычных школах. Вот передо мною фотография выпуска 1967 года, среди преподавателей – известные на факультете студенты Юрий Ионин и Наум Плисс. Этим школьникам уже под 60 лет, как-то сложились их судьбы?

Помню такой забавный случай. Как-то подходит ко мне завуч, женщина средних лет, и просит меня переговорить с Анатолием Яковлевым, он сейчас руководит кафедрой алгебры на матмехе. Поскольку он не записывает в журнале темы занятий, она вынуждена будет задержать ему выплату зарплаты за текущий месяц. Я пообещал поговорить, если увижу его. Но на следующей перемене она зашла в мой класс и отменила свою просьбу. В бухгалтерии ей сказали, что Яковлев уже несколько месяцев не приходит за деньгами.

Закончу этот раздел рассказом, имеющим отношение к «большой» истории математики. Описываемое в нем относится к осени 1964 года, но оно – часть многих событий студенческой поры, когда зимние выходные дни и каникулы большая компания, в которую входил и я, проводили в «будке», летнем домике

Анны Андреевны Ахматовой в поселке Комарово под Ленинградом. Перефразируя известный слоган, моя сестра говорила: «Спасибо Анне Андреевне за наше счастливое детство».

На класс старше нас с сестрой училась Анна Каминская, внучка второго мужа Ахматовой, известного искусствоведа Николая Николаевича Пунина. Прошло много лет, но наша дружба сохранилась. Как-то Аня дала мне письмо к Ахматовой, написанное Андреем Николаевичем Колмогоровым, который в первой половине 1960-х интересовался математическим анализом стихосложения. К письму, в котором Колмогоров писал, что из русских поэтов ему наиболее близок Александр Блок и одновременно он высоко ценит поэзию Ахматовой, прилагались оттиски двух его статей. От меня требовалось «по-простому» объяснить Ахматовой их содержание. Договорились с кем-то о машине и поехали, по дороге я пересказал Ахматовой то, что вычитал и понял в работах Колмогорова.

Конечно, я бы не вспомнил точно, когда это было, но в Интернете нашел название и год публикации этих работ Колмогорова. Это статьи, написанные им с А.В. Прохоровым: «О дольнике современной русской поэзии (Общая характеристика)» (1963 г.) и «О дольнике современной русской поэзии (Статистическая характеристика дольника Маяковского, Багрицкого, Ахматовой)» (1964 г.). Они опубликованы в журнале «Вопросы языкознания».

Подарок Анны Андреевны за мой «труд» навсегда остался со мной. Она показала мне, что если ехать по Суворовскому проспекту от Невского к Смольнинскому собору, то это белоглабое здание Франческо Растрелли сначала, как и положено, приближается, а потом, вопреки законам зрительного восприятия, вдруг начинает удаляться. Не знаю, был ли этот эффект предусмотрен зодчим, но он был обнаружен поэтом.

История науки. Как все начиналось

Итак, за пять с половиной лет я побывал математиком и механиком, познакомился с азами психологии, окунулся в биометрику, научился самостоятельно входить в новые научные направления. Сейчас можно сказать, что освоение принципов и методов теоретической механики было продолжением моего интереса к кибернетике. Изучение приемов математической статистики, участие в биометрическом семинаре, начало работы с И.М. Палеем было ответом на те импульсы, которые были порождены во мне книгой Э. Шредингера. Но ведь была и книга о Галуа, и оказалось, что «вызов» от нее тоже не заглох.

Поначалу я сосредоточился на изучении положений теории групп, по-моему, в программе механиков этого не было. Вскоре меня увлекло то, что связывает теорию групп и явление симметрии в физике и биологии, но я чувствовал, что это «не мое». Однако два «случая» вернули меня к другому пласту книги Инфельда – собственно историко-биографическому.

У меня были два дяди-двойняшки, двоюродные братья моей матери: один был морским инженером и жил сначала в Ленинграде, потом – в Лиенае, где была крупная военно-морская база. Другой – жил в Москве и, по словам мамы, «был ученым». Не было секретом, чем он занимался, она просто не могла этого объяснить. Постепенно я начал понимать, что область его интересов – история науки. Это никак меня не заинтриговало: я не знал, что такое наука вообще, а история для меня сводилась к истории СССР и мало интересовала. Но в один прекрасный день я шел в здание исторического факультета ЛГУ, на первом этаже которого располагалась военная кафедра, где по программе все военнообязанные должны были заниматься. По дороге я зашел во двор здания Академии наук в небольшой книжный магазин и увидел новую книжку Б.Г. Кузнецова «Беседы о теории относительности»; книга издана в 1960 году, значит это могло быть в том году или в следующем. Фамилия моего дяди была Кузнецов, а звали – Борис Григорьевич. Первое, что я подумал: может быть, эта книга написана моим дядей? И купил ее. Это было простенькое введение в теорию относительности, и за день на военной кафедре я ее осилил. Вскоре я узнал, что моя догадка относительно родства с автором книги была верной.

Б.Г. Кузнецов был одним из крупнейших в СССР специалистов по истории и методологии науки и автором десятков книг, изданных во многих странах; ему принадлежат также много раз переиздававшаяся книга об Эйнштейне и научные биографии Галилея и Бруно. После окончания университета, когда я стал часто бывать в Москве, я останавливался в его квартире, и, хотя меня еще не «притягивала» историко-научковедческая проблематика сама по себе, я читал написанное им и обсуждал многое из интересовавшего меня. Через годы многое из тех бесед вспомнилось.

Второй случай – это начало работы с ленинградскими психологами и появление желания разобраться в генезисе корреляционного и факторного анализа. Мне хотелось не просто освоить технологию этих статистических методов, но понять, у кого и как возникла базовая идея измерения связей меж-

ду признаками и поиска латентных переменных (факторов), детерминирующих картину корреляционных зависимостей. Тогда я не мог рационализировать эту установку, т.е. ответить себе на вопрос, зачем мне это надо. Я понимал, что это уже не математика, что погружаясь в ту область, я отхожу от того, чему и для чего меня учили, но остановиться уже не мог. И так получилось, что я начал знакомиться с творчеством и биографиями Фрэнсиса Гальтона и Карла Пирсона, еще не зная, что к наследию этих ученых я буду обращаться долгие годы.

Так что за годы обучения на матмехе постепенно начал складываться мой интерес к истории науки и к изучению творчества ученых. Эта проблематика активно разрабатывалась в Ленинградском отделении Института истории и естествознания АН СССР, но – скорее всего – моя включенность в эту тематику была тогда не столь плотной, чтобы обращаться туда.

Аспирантура и потеря контактов с матмехом

После окончания матмеха я остался в аспирантуре, поэтому моя жизнь мало изменилась, я мог лишь еще больше времени проводить в библиотеке и работать над тем, что мне было интересно. Формально моим руководителем был Виктор Павлович Скитович, автор классической теоремы Скитовича-Дармуа о характеристике многомерного нормального распределения вероятностей и факультетского гимна: «Мы – соль Земли, мы украшение мира...». В те годы он был замдекана факультета. Но реально мою работу направлял Олег Калинин.

Я не помню, как формулировалась тема моего диссертационного исследования, но по сути я занимался прикладными задачами многомерной статистики, прежде всего – линейным дискриминантным анализом и факторным анализом, что отвечало духу биометрического семинара. Распознаванием образов в те годы занималось значительное число людей, и дискриминантный анализ трактовался как один из методов распознавания. Как и положено аспиранту, я исследовал разные дискриминантные функции, пытаюсь понять их устойчивость. Тематика факторного анализа была принципиально новой, отчасти потому, что этот метод родился и развивался в недрах экспериментальной психологии, в сфере тестирования свойств личности, но исследования в этих областях в СССР были закрыты в 1930-х годах. Лишь в начале 1960-х, благодаря инициативе двух выдающихся психологов, Б.М. Теплова в МГУ и Б.Г. Ананьева в ЛГУ, в советскую социологию стало возвра-

щаться тестирование в его современном понимании и возникла потребность в освоении приемов факторного анализа.

Как положено аспиранту, я публиковал результаты в журналах и сборниках, выступал на конференциях, планировал выходить на защиту и заниматься постепенно прояснявшимся кругом прикладных проблем. Ничего не предвещало крутого поворота в моей судьбе.

Однако в первые дни июня 1967 года, за шесть месяцев до окончания аспирантуры, состоялось распределение, и меня неожиданно направили на кафедру математики Архангельского лесотехнического института заниматься математико-биологическими проблемами. Покидать Ленинград никак не входило в мои планы, и я не подписал распределение. Это имело «резонанс», я был «положительный» студент, и вдруг! Но ни матмех, ни факультет психологии, где меня уже знали как специализировавшегося в факторном анализе, меня не «бросили». А.А. Никитин и очень влиятельный в те годы профессор психологии Евгений Сергеевич Кузьмин просили за меня в Ректорате, обещая найти место в университете. Но все эти обращения были безрезультатными.

За все годы обучения на матмехе я не встречался с проявлением антисемитизма. Помню, на лекции А.Д. Александрова кто-то из студентов среагировал неудачно на еврейскую фамилию одного из математиков, названную Александровым. Он тут же попросил этого студента встать и спросил его: «А Вы знаете, кто занимается математикой в антимире?» Опешивший студент ничего толком ответить не мог, тогда Данилыч, поблескивая стеклами очков, сказал: «Антисемиты».

Но тогда состоялась израильско-арабская Шестидневная война, и заметно проявлялся государственный антисемитизм. Я вынужден был забросить все аспирантские дела и плотно заняться поиском работы. Ничего не получалось. Заканчивался 1967 год, я уже выяснял расписание самолетов и поездов на Архангельск, чтобы ехать туда и просить их отказаться от меня или, если не получится, получить представление о моей будущей работе.

Однако все произошло иначе. В первые дни февраля 1968 года я встретил на матмехе Галину Саганенко (ее воспоминания включены в эту книгу), завершившую факультет пару лет назад. Она подбежала, по-моему, она в те годы всегда бежала, и сказала: «Есть такой социолог с бородой, Андрей Григорьевич Здравомыслов, вот тебе его телефон. Ему нужна какая-то консультация по статистике». Ничего более узнать я не мог, через секунду ее уже не было. Я позвонил Здравомыслову, сослался на Саганенко, и он попросил меня подойти на какое-то

мероприятие в Большом зале главного корпуса университета. Сказал, что там будет много народу, но почти каждый покажет мне Здравомыслова. В тот момент я не знал ни его, ни где он работает, ни что такое социология.

Встретились мы со Здравомысловым в Большом зале, поговорили пару минут, и он назначил время нашей встречи через пару дней в Таврическом дворце. Я многие годы жил в пяти минутах ходьбы от этого величественного здания, знал все дорожки в Таврическом парке, но понятия не имел, что находится в Таврическом дворце. Прихожу. В дверях охранник, но не милиционер, а в зеленой КГБэшной форме. Просит меня подождать, меня проводят к Здравомыслову.

Поговорили немного о том, что я знаю. Здравомыслов сказал, что они занимаются социологией партийной работы, попросил меня заполнить стандартный листок по учету кадров и принести характеристику о моей учебной и общественной деятельности от секретаря комитета комсомола университета. Кто тогда занимал эту позицию, я не знал, пошел к Марку Башмакову, он тогда жил на Боровой, и он вмиг написал мне добрую характеристику. Опущу детали: дня через три я стал ассистентом кафедры марксистско-ленинской философии Ленинградской высшей партийной школы (ЛВППШ). Это был шок и для меня, и для всех, кто в течение нескольких месяцев старался мне помочь в трудоустройстве.

Ушедший от нас в 2009 году А.Г. Здравомыслов – один из создателей ленинградской социологической школы, он принадлежит к узкой группе ученых, давших жизнь современной советской/российской социологии. В интервью 2006 года, возвращаясь к событиям сорокалетней давности, я спросил его: «Как тебе удалось взять в Высшую партийную школу меня – беспартийного еврея, без философского образования и далекого от всякой политики, к тому же по распределению обязанного уехать из Ленинграда?» Вот его ответ: «Еврей ты или не еврей, это для меня ни тогда, ни потом не имело никакого значения. По-моему, я тебя рекомендовал в ряды КПСС, так что недостаток “отсутствия партийности” был устранен. Я на тебя посмотрел и понял, что из тебя может получиться неплохой сотрудник, который как раз был мне нужен. Твой взгляд говорил, что ты открыт новым идеям, умеешь учиться и вполне способен освоить новую дисциплину. Что касается высших инстанций, то мне был дан, как говорится, карт-бланш, которым я и воспользовался. Кроме того, насколько я помню, мне тебя рекомендовал Евгений Сергеевич Кузьмин. Во время моего студентства он был одним из наиболее авторитетных членов руководящей группы философского факультета».

На меня сразу навалилось многое: пришлось учиться социологии, налаживать обработку больших массивов информации, помогать в интерпретации результатов, кроме того, меня нагрузили преподаванием математики. Конечно, это не было трудно, но время занимало. Слушатели (там слово студенты не использовалось) школы, многие из которых были старше меня, относились к занятиям весьма ответственно, но математика многим была в тягость. Привычный к неформальным отношениям матмеха и университетского интерната, я и здесь придерживался той же системы. Одну историю расскажу.

В начале учебного года я сказал слушателям, что зачет по математике (экзамена у них по этому предмету не было) я поставлю всем, кто в течение года будет хорошо работать. Год проходит, я, конечно забыл о сказанном. Однажды дома звонит телефон, и староста группы напоминает мне о моем обещании. Я отвечаю: «Раз обещал, значит так и будет». В телефонной трубке молчание, затем: «А еще Вы обещали провести хотя бы одно занятие на воздухе. А ближайшее – последнее». Говорю: «Значит его и проведем». Опять молчание, потом: «А где? Давайте в Репино». Я отвечаю, что Репино не очень хорошо, там нет никаких достопримечательностей. На это слышу: «Об этом не волнуйтесь. Мы с собою захватим». Конечно, я понимаю, о чем речь, но предлагаю отправиться в Петергоф. Через час староста снова звонит, соглашается на Петергоф, и мы договариваемся на следующее утро встретиться на пристани около Эрмитажа. Приезжаю. У них полные сумки «достопримечательностей». Приплываем, находим хорошую поляну, расстилаются одеяла, выставляют достопримечательности. Садимся. Выпиваем за хорошую погоду, но чувствую какое-то напряжение в поведении моих учеников. Кто-то так мягко спрашивает: «А как насчет зачетов?» Отвечаю, что все присутствующие ответственно относились к занятиям и зачет заслужили. Вижу, лезут в карманы и сумки за зачетками. Я говорю: «Ну что вы. Разве так делается? Завтра староста соберет все зачетки, впишет туда название предмета, напишет слово “зачет”, пойдет в деканат, возьмет там ведомость и все принесет мне. Я распишусь, и дело будет закрыто». Здесь я услышал общий вздох облегчения и увидел благодарность в глазах. Зачет прошел успешно.

Существует миф о том, что в партийных школах работали сплошь какие-то замшелые, зашоренные преподаватели. Это неверно. Во-первых, в ЛВПШ были «четырёхгодичники» и «двухгодичники». Первые не имели высшего образования и получали его в процессе обучения. Вторые имели высшее образование, часто – университетское, многие были со сданным кандидатским минимумом. Преподавание этим слушателям

было делом сложным. Во-вторых, обком КПСС, курировавший ЛВПШ, был заинтересован в том, чтобы там был сильный преподавательский состав. Так что основная часть профессоров Школы были сильными специалистами.

На рубеже 1968–1969 годов, после полутора лет приостановки работы над диссертацией, у меня появилась возможность вернуться к ней, при этом мне хотелось завершить все поскорее. Обсуждение сделанного с Калининым и Скитовичем показывало, что ряд теоретических положений требует серьезного углубления, но работа может быть закончена за несколько месяцев. Опять же помог случай. В январе 1969 года проводилась Всесоюзная перепись населения, и меня откомандировали для работы переписчиком. Я с радостью ухватился за это, так мог выполнить свои обязанности очень быстро, и в оставшееся время заняться собственно исследованиями. Осенью 1969 года обнаружилось, что матмех разделился на два факультета, точнее, из него выделился факультет прикладной математики – процессов управления. Я предполагал вынести мою диссертацию на ученый совет этого нового факультета, однако было неясно, когда он начнет функционировать.

Тогда возникло решение отказаться от разделов, связанных с исследованием дискриминантных функций, сконцентрироваться на рассмотрении факторного анализа, усилить прикладную направленность работы и защищать ее на факультете психологии. С одной стороны, это явно было рискованным решением, так как у меня не было соответствующего образования, с другой – я не мог долго пребывать в неопределенности. Тем более что обсуждение возникшей ситуации с И.М. Палеем показало принципиальную реализуемость этой задумки.

Заканчивался 1969 год, я проанализировал накопленный материал, понял, что у меня есть достаточное число публикаций по применению факторного анализа, и приступил к работе. Вскоре выяснилось, что я не умею писать. Ведь наши курсовые, дипломная работа, статьи для математических журналов были «формульными» и короткими. Здесь же все надо было писать достаточно пространно. Первое время у меня получалось не более 1–2 страницы день, но постепенно приходил навык. Месяца за три я подготовил текст, и, по-моему, с рукописным вариантом отправился к Палею, чтобы осудить общие выводы. Он в целом поддержал меня, но категорически отказался выступить титульным руководителем и предложил мне обратиться с этой просьбой к Б.Г. Ананьеву. Тогда я не понял этого поступка Палея, но сейчас оцениваю его очень высоко.

Действительно, на защиту кандидатской диссертации по психологии собирался выходить человек без базового обра-

зования или хотя бы обучения в аспирантуре. Во-вторых, факторный анализ был темой, известной очень немногим, и необходима была, как теперь сказали бы, мощная «крыша». Ананьев – один из крупнейших советских психологов, работавший по многим направлениям и в последние годы развивавший общую методологию познания психологии человека. Мне не надо было ему представляться, я несколько раз выступал у него на семинаре, он и его сотрудники использовали результаты найденных мною факторизаций корреляционных матриц, он направлял мою статью в ведущий журнал «Вопросы психологии». Но все равно я испытывал некоторый дискомфорт, прося его стать мой титульным руководителем. Однако все оказалось много проще, чем я ожидал, – он сразу согласился. Прочитав бегло оглавление работы, он дал мне совет, которым я воспользовался, но который по-настоящему понял, осознал лишь через много лет. Речь шла о направленном исследовании миграции факторного анализа из одной области психологии в другую и из психологии в другие науки.

Наша беседа с Ананьевым состоялась в конце учебного года, а в сентябре я пришел к нему и сказал, что все закончил. Он удивился тому, что я еще не переплел «том», но еще больше – что у меня не сдан кандидатский минимум по психологии. И так вызывающе спросил, хватит ли мне двух недель для подготовки. Что я мог ответить? Только «Да». Действительно, через пару недель я получил «удовлетворительно», но не расстроился, так как был убран самый большой камень на пути к защите. Она состоялась в конце 1970 года. Так я формально стал психологом.

У меня были планы на продолжение исследований в области факторного анализа, но этого не удалось сделать. В 1972 году не стало ученых, которые поддерживали развитие этого направления. Летом умер Ананьев, а 1 октября погиб в авиакатастрофе мой первый оппонент – блестящий ученый, 42-летний член-кор. Академии педагогических наук Владимир Дмитриевич Небылицын, использовавший факторный анализ при изучении индивидуально-психологических различий.

Опросы общественного мнения

В ЛВПШ я работал до 1 сентября 1973 года, а затем перешел по конкурсу на должность старшего научного сотрудника в ленинградские сектора Института социологических исследований АН СССР, и до отъезда в Америку работал в одном и том же коллективе исследователей, хотя институт не раз менял свое

название. Но работа с академическими социологами у меня началась раньше, когда я, оставаясь в штате ЛВПШ, был включен в группу по созданию в Ленинграде системы изучения общественного мнения. Эта команда, позднее – сектор – работала под руководством Б.М. Фирсова, который сегодня признается одним из ведущих российских социологов. В 1994 году им был создан Европейский университет в Санкт-Петербурге. Группа работала по заданиям областного комитета КПСС и, соответственно, туда же передавала результаты опросов. Моя деятельность заключалась в обеспечении репрезентативности использовавшейся выборки и в налаживании математической обработки собранной информации.

Ситуация, сложившаяся в области проникновения математики в социологию в конце 1960-х – первой половине 1970-х годов в СССР может быть охарактеризована следующим образом. Во-первых, в те годы не прекращались попытки трактовать исторический материализм в качестве социологии, отказывая ей в праве существования как самостоятельной науки. Соответственно, использование математических методов объявлялось зачастую некритическим подходом к опыту буржуазных социологов. Далее, постепенно набиравшие силу молодые социологи, как правило, по базовому образованию это были философы, историки и экономисты, пришли к осознанию того, что без математической обработки собранной ими информации они ничего нового об обществе узнать не смогут. Как следствие, они стали приглашать в свои исследовательские коллективы математиков, физиков, инженеров, которые могли бы разобраться в теоретических аспектах применения математических методов и создать необходимый софтвер (тогда говорили о написании программ) для обработки данных массовых опросов. Мне повезло, я оказался одним из них. Третье обстоятельство – наличие пропасти между обсуждавшимися возможностями математики в социологии и уровнем математической оснащенности, подготовленности основной части социологов. В работах теоретического плана рассматривались модели, включавшие дифференциальные уравнения, цепи Маркова, теоретико-множественную интерпретацию задач шкалирования, сложные схемы регрессионного анализа, алгоритмы и принципы распознавания образов и проч. Но многие социологи с трудом справлялись с расчетом процентов. К примеру, в начале 1970-х Институт социологии АН СССР выпустил мою брошюру по вычислению процентов для чисел от 1 до 100. Она пользовалась огромным спросом.

Первые два опроса с разницей в неделю были проведены в апреле 1971 года. Вся полевая фаза исследования была

сжата до 24 часов: утром начало опроса, в первой половине следующего дня — оперативный отчет. При этом подчеркну, собранные материалы опросов обрабатывались на счетно-перфорационной технике. Такой вариант был избран, поскольку не было возможности в течение одного вечера подготовить информационные носители для использования ЭВМ. За десять лет было проведено много исследований, но результаты мгновенно «закрывались», и существовал полный запрет на публикацию результатов опросов. В начале 1980-х началось очередное давление на социологов, сначала наша деятельность была приторможена, а в 1984 году пресечена. Сектор изучения общественного мнения был закрыт, а сотрудников растасовали по другим подразделениям.

Будучи включенным лишь в организацию опросов общественного мнения, я не шел далее обеспечения качества получаемой информации, т.е. не анализировал состояние общественного мнения. При желании, несомненно, я мог это делать, но все же меня более интересовали вопросы методов сбора информации, тем более что по этим темам можно было писать и публиковаться. В итоге, в апреле 1985 года, вскоре после прихода к власти М. Горбачева, я защитил докторскую диссертацию, в которой анализировался широкий комплекс вопросов, касавшихся надежности измерения общественного мнения.

Стал ли я к тому времени социологом? Формально, конечно, моя деятельность была востребована и в целом принята моими коллегами. Но я оставался «странным» социологом, не погруженным в непосредственное изучение социального мира.

В воспоминаниях Сергея Востокова, представленных в этой книге, есть замечание о том, что для потомков интересно, как выдающиеся ученые дошли до той или иной идеи, истоки их мышления, однако ничего этого нет в книгах по истории математики. Я с ним согласен, ибо тоже давно пришел к такому пониманию назначения истории науки.

Меня все время «преследовали» вопросы генезиса корреляционного и факторного анализа. Вскоре после защиты кандидатской я встречался в МГУ с Борисом Владимировичем Гнеденко, много занимавшимся не только теоретическими и прикладными аспектами теории вероятностей и математической статистики, но и исторической тематикой. Я не думаю, что мог тогда внятно изложить концепцию моего историко-математического замысла: добраться до истоков ряда математических конструкций, но он меня поддержал, сказав примерно так: «Из какой только глупости нельзя сделать диссертацию».

Во всяком случае, работая в ЛВППШ и потом в социологических институтах АН, я одновременно изучал сделанное Кар-

лом Пирсоном и его последователями, в первую очередь – его сыном Эгоном Пирсоном и Ежи Нейманом – в области математической статистики: корреляционная теория,² – тест, система пирсоновских распределений, метод моментов для оценки параметров статистических распределений, базовые принципы проверки гипотез, метод главных компонент и прочее. К моей радости, в библиотеках Ленинграда можно было найти журналы начала XX века, в которых Пирсон публиковал серию статей «Mathematical contributions to the theory of evolution» и журнал *Biometrika*, основанный им и Гальтоном. Но в конце 1970-х в силу многих причин эту мою «партизанщину» пришлось законсервировать. Было очевидно, что я не смогу издать книгу о математических работах Пирсона, а писать «в стол» – не было оснований.

История науки. Американский период жизни

Опущу последовавшие после защиты докторской полтора десятилетия, хотя они вместили многое. Сначала – перестройка и первые постперестроечные годы, когда на короткий срок социология оказалась востребованной и было много интересных проектов. Потом, в 1994 году, – переезд в США, за этим не было ни политических причин, ни карьерных. Исключительно – семейные. Затем была пятилетка вживания в новый мир. Потом были планы, которые не смогли реализоваться; в середине «нулевых» я бывал в России два-три раза в год. Теперь это стало невозможным: я могу оставить дом лишь на несколько дней. Все это – в совокупности с ранее прожитым – и определило мою сегодняшнюю действительность и мою деятельность.

Приехав в Америку, я оказался *overqualified*, т. е. никому не нужным. У меня была задумка синтезировать мое математическое образование и социологический опыт – получить новую профессию *actuary* – специалиста по обоснованию новых схем страховки. Я сдал первый экзамен, включавший элементы аналитической геометрии, интегралы на плоскости и диффуры, но на этом остановился. Общий лист экзаменов, которые надо было сдать, и семинаров, которые надо было посетить, – прекрасный вызов для 25-летних, но я был более чем вдвое старше.

Но опять – случай, подготовленный ходом течения предыдущих событий.

С работами Джорджа Гэлаппа я познакомился в начале 1970-х годов, когда был включен в группу по изучению обще-

ственного мнения. Серьезное отношение к его публикациям отчасти было вызвано тем, что единственная в Ленинграде подборка журналов “Public Opinion Quarterly”, в которых публиковались его статьи, хранилась в библиотеке Ленинградского отделения Математического института АН СССР, и потому в первое время я воспринимал Гэллапа как статистика.

После возвращения из моей второй поездки в Россию в январе 2000 года, когда в стране началась подготовка к президентским выборам, меня стали спрашивать о прогнозах. Я рассказывал о результатах опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения, Фонда «Общественное мнение» и других организаций, но мои собеседники, бывшие советские граждане, сомневались в возможности предсказания итогов избирательной кампании по небольшим выборкам. Чтобы усилить свою аргументацию, я пошел в библиотеку и выписал таблицу с прогнозами Джорджа Гэллапа начиная с 1936 года. Единственный неверный прогноз был сделан им в 1948 году, и средняя погрешность в предсказании итогов голосования была менее 3%. Затем написал небольшую заметку о его опыте и опубликовал ее в русских газетах Сан-Франциско и Филадельфии.

В тот момент я имел неплохое представление о методах, использовавшихся Гэллапом, но ничего не знал о нем как об ученом и человеке, не знал, как он пришел к идее опросов общественного мнения. Начав знакомиться с литературой, я обнаружил, что в ноябре 2001 года исполнялось 100 лет со дня рождения Гэллапа, и написал мою первую биографическую статью о нем. Постепенно задумывавшаяся историко-методическая работа – анализ становления современной технологии опросов общественного мнения – переросла в историко-научно-ведческую и биографическую. Меня заинтересовало не только сделанное Гэллапом, но и сам процесс его творчества. Гэллап стал центральной фигурой моих исследований, однако стремление охватить процесс зарождения опросной технологии как можно шире привело к тому, что наряду с изучением его наследия, уже сейчас рассмотрены жизненные траектории и результаты деятельности нескольких десятков людей, оставивших яркий след в становлении американской рекламы, исследований рынка и собственно измерения массовых установок. В итоге за прошедшее десятилетие опубликованы десятки статей и три книги, раскрывающие многие аспекты этой темы.

Еще в начале 1980-х я предложил использовать язык метрологии при определении рабочих характеристик методов изучения общественного мнения, ввел конструкцию, названную метрологической картой исследования общественного мнения

и начал говорить о построении метрологических уравнений ряда опросных методов. Тогда этот круг вопросов виделся мне несколько обособленным от существовавших традиций анализа надежности методов опроса. Исследование почти двухвековой практики американских опросов (впервые итоги так называемых «соломенных» опросов были опубликованы в США в 1824 году) позволили сформулировать вывод о том, что на рубеже XXI века в недрах существующей гэллаповской технологии измерения мнений начала складываться постгэллаповская, базирующаяся на новых схемах опроса. Так вот, метрологический подход может оказаться «естественным» для этой новой культуры опросов.

Особенности деятельности Гэллапа как исследователя общественного мнения и характер его наследия дают основание сказать, что он был *естествоиспытателем*, работавшим в *социальных* департаментах науки. Он понимал значение хорошей, глубокой теории общественного мнения, но прежде всего он думал о развитии демократии, что в его понимании означало предоставление каждому человеку возможности донести свое мнение до всего общества. Безусловно, Гэллап задумывался о феноменологии общественного мнения, роли различных факторов в его формировании, возможности манипуляции общественным мнением, сильных и слабых сторонах мнения населения и т. д. Но свое предназначение он видел, прежде всего, в том, чтобы создать инструментарий для изучения установок людей и зафиксировать их отношение к различным сторонам социальной среды.

Сделанное Гэллапом может быть полнее охарактеризовано, если обратиться к истории классических наук. Птолемей, Галилей, Бруно, Коперник предложили свое видение Вселенной, открыли фундаментальные законы движения небесных тел. Другие ученые занимались и занимаются проблемами возникновения и существования галактик, небесной механики. А великие *астрометристы* Улугбек и Браге выполнили точнейшие для своего времени измерения движения звезд и планет на основе созданных ими измерительных технологий. Прошли века, сменилось множество астрономических теорий, используются новые сверхточные измерительные инструменты, но сделанное Улугбеком и Браге не теряет своего значения. Их атласы – основа для анализа динамики небесных тел.

Три гиганта: Дарвин, Гальтон и Пирсон создали *биометрику*.

Петти, Эджворт, Гальтон, Пирсон заложили основы *эконометрики*.

Учителя учителей Гэллапа Гальтон, Спирмен, Вундт, Фехнер и другие психологи сформировали новую область научных

исследований – *психометрику*.

Сделанное Джорджем Гэллапом определило и его место в истории науки, культуры и политики. Пройдут годы, столетия, но практику научного изучения общественного мнения, в частности – анализ динамики установок населения, всегда будут начинать с упоминания работ Гэллапа. Он дал точку отсчета, и все постгэллповские технологии опросов будут развитием гэллаповской методик, и постгэллаповская культура изучения общественного мнения будет надстраиваться на опросах, начатых им в середине 1930-х годов.

Наследие Джорджа Гэллапа – *опиниометрика* как эффективный инструмент демократии.

* * *

Так, я считаю, интересно и нестандартно сложилась моя профессиональная жизнь. Ее определили две книги по методологии и истории науки, прочитанные в 18–19 лет, математическое образование, случайное вхождение в социологию и многие математики и социологи, которые учили и продолжают учить меня.

Несколько лет назад я попытался объяснять мое понимание математики. Сейчас я хотел бы этим объяснением закончить мои воспоминания о матмехе и о том, кем я стал.

...Есть проза, есть стихи, есть математические формулы. Есть проза, приближающаяся к поэзии. Есть поэзия, приближающаяся к математике. Я бы так все упорядочил. Поэзия — между. Она компактнее и гуще, чем проза, описывает картину мира и мир чувств. Потому мы так любим настоящую поэзию. Она зовет нас мыслить, думать, чувствовать... мы задумываемся над фразой, словом, слогом, звуком, знаком препинания... Формула еще компактнее и еще гуще описывает картину мира. К простым формулам, типа теоремы Пифагора или бинома Ньютона (сегодня их нормальный школьник выведет запросто), могли подойти только гении, им это послал Бог (вспомним Галуа – любимца богов), как поэтам или композиторам. Из формул вытекает еще больше следствий, чем из поэзии. В них все так свернуто, что их постижение вызывает мощную энергию творчества, часто приближает к психическим срывам... Но в любом случае работа с ними, как со строчками стихов, – это великое наслаждение...

ЭТО БЫЛО ОЧЕНЬ ДАВНО, НО БЫЛО*

Все произошло, как в некоторых рассказах Александра Грина. Утром 19 июня я получаю следующее электронное письмо [1]:

Здравствуйте, Борис Зусманович!

Меня зовут София Федоровна Случевская.

Ваш адрес я нашла на Вашем сайте и была очень обрадована, так как слышала из разных уст, что Вы когда-то очень давно общались с моим отцом. В этом году, кафедра психиатрии, которой он заведовал вплоть до самой смерти в 1993 году, организовывает конференцию, посвященную 180-летию со дня рождения Федора Измайловича Случевского (1931–1993). Мы составляем сборник, включающий в том числе и воспоминания о папе. Если у Вас найдется немного времени, я буду очень рада Вашему письму!

Получив предложение участвовать в сборнике памяти Федора Измайловича Случевского, я недолго был в растерянности, почти сразу согласился. Письмо было для меня полнейшей неожиданностью. Оно отправляло меня во вторую половину 1960-х, причем в ту предметную нишу моей жизни, из которой я почти сорок лет назад вышел. Я не помню, когда и в силу каких обстоятельств я специально «прокручивал» в моей памяти сотрудничество с Ф.И. Однако я согласился, так как считаю крайне важным фиксацию воспоминаний о прошлом. Иначе оно исчезает. В моем понимании, история существует, только если она написана.

Мое общение с Ф.И. было недолгим, нечастым и весьма ограниченным по своей тематике. И вряд ли я рискнул бы записать запомнившееся. Однако есть два обстоятельства, объясняющих, или оправдывающих, появление этих заметок. Первое: мозаика былого всегда состоит из множества мелких, часто невзрачных «кусочков», но каждый из них в руках умелого художника находит свое место. Второе: предметом наших с ним обсуждений был широкий круг новых для того времени проблем: методология и технология использования методов математической статистики, прежде всего, факторного анализа в психиатрии. И сегодня мне представляется заслуживающим внимания коснуться не только собственно результатов наших обсуждений, но и рассмотреть некоторые особенности освоения ленинградскими психiatрами приемов многомерного статистического анализа.

* Докторов Б.З. Так случилось или так должно было случиться. В кн.: Матмех ЛГУ, шестидесятые и не только. Сборник воспоминаний / Под ред. Д.Эпштейна, Я.Шапира, С.Иванова. – СПб.: ООО “Копи-Р Групп”, 2011. С. 195–212.

Наша первая совместная с Ф.И. публикация – краткие тезисы на конференцию по математическим методам в психиатрии и неврологии, состоявшуюся в Ленинграде 12–15 ноября 1968 года. С учетом того, что в «ту эпоху» и время (во всяком случае, мое) текло не столь быстро, как сейчас, и сближение специалистов проходило медленнее, можно допустить, что наше сотрудничество началось весной-летом 1967 года.

Ф.И. был тогда главным врачом Ленинградской психиатрической больницы № 3 им. Скворцова-Степанова, располагавшейся вблизи железнодорожной станции «Удельная». Эта часть города в те годы активно застраивалась, что-то строилось и на территории больницы. Тем не менее, многое в ней сохранялось с довоенного и дореволюционного периода: деревянные бараки, больничные строения с явными чертами архитектуры XIX столетия, кирпичная церковь. Иногда я немного ждал Ф.И и ходил по территории больницы. К тому времени у меня уже был опыт работы с медиками, бывал я в Мечниковской больнице, в клиниках Первого медицинского института и лабораториях Психоневрологического института им. Бехтерева, но, помню, мне было тяжело наблюдать гулявших психических больных.

Мне было 26–27 лет, к тому времени я окончил математико-механический факультет ЛГУ и учился в аспирантуре. Уже несколько лет область моих исследований составляли методы многомерной статистики и, прежде всего, дискриминантный и факторный анализы. Я не могу точно припомнить, как состоялось наше знакомство, но могу обозначить траекторию моего движения к точке встречи.

Все началось в 1963 году, когда выпускник матмеха Олег Михайлович Калинин организовал Биометрический семинар, нестандартный и по проблематике, и по характеру отношений между собой всех его участников [2]. Там обсуждались не только теоретические вопросы математической статистики, но также методология, или философия применения, математики. Выступали выдающиеся ученые, деятельность и политические взгляды которых тогда явно не поощрялись властями: Александр Александрович Любищев, Раиса Львовна Берг, Лев Николаевич Гумилев и другие. Большое значение придавалось анализу медико-биологических проблем и обсуждению общих вопросов взаимодействия математиков и «предметников». Тогда в Ленинграде после долгих политических «заморозков» шла борьба за признание психологии и социологии в качестве самостоятельных наук, преодолевались последствия решений августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, происходило освоение биометрических методов. Снова в науку входили имена Фрэнсиса Гальтона, Карла Пирсона, Чарльза Спирмена, Рональда Фишера, Уильяма Госсета (Стьюдента) и других классиков

биометрики. В 1960 году под редакцией известного генетика П.В. Терентьева вышел первый сборник статей по математическим методам в биологии [3]. На матмехе стали создаваться программы статистической обработки данных на ЭВМ.

Скорее всего, в 1963–1964 годах на семинар пришел молодой, но уже опытный психолог, доцент Иосиф Маркович Палей; его интересовал новый в то время для советских психологов математический метод — факторный анализ. Я помню в его руках еще неопубликованный текст статьи известного психолога Б.М. Теплова о простейших приемах факторного анализа, сыгравший большую роль в понимании советскими психологами целей факторизации корреляционных матриц и логики интерпретации этих вскрытых латентных переменных. Статья была опубликована после смерти ученого в сборнике, который он редактировал [4].

Еще на первом курсе я слушал лекции выдающегося психолога Л.М. Веккера тогда еще доцента. Зная о моем интересе к психологии, Калинин предложил мне помочь Палею. Так от биологии и медицины я «соскользнул» в психологию. В математическом отношении основная схема факторного анализа проста, факторы — это результаты интерпретации главных компонент корреляционной матрицы изучаемого набора признаков. Я немного овладел широко использовавшимся тогда машинным языком АЛГОЛ-60, написал программы для обработки информации и, следуя логике биометрического семинара, начал с Палеем обсуждать результаты расчетов. Тогда я понял, что математика действительно позволяет увидеть и измерить то, о чем без нее можно лишь догадываться или что вообще скрыто от аналитика. К тому времени я уже многое читал и знал об эвристической силе математических моделей, но здесь я впервые обнаружил это сам.

Возможно, в 1965 году произошло знакомство Калинина с психотерапевтом и исследователем Борисом Вениаминовичем Иовлевым, интересовавшимся математикой и, похоже, слушавшим лекции на матмехе. Через него «семинаристы» познакомились с работами, проводившимися в «Бехтеревке» под руководством профессора Иосифа Михайловича Тонконового. Там собирались огромные массивы данных о больных, и это явно требовало обработки на ЭВМ. Мне представляется, что наша встреча с Ф.И. произошла при посредничестве Иовлева или Тонконового.

Я дважды удивился, прочитав в приведенном выше письме С.Ф. Случевской, слова: «*посвященную 180-летию со дня рождения*». «Споткнувшись» на числе 180, я понял, что это описка и решил: наверное, речь идет о 100-летию. Но когда прочел даты жизни Ф.И., удивился снова; он был всего на десять лет

старше меня, а в моей памяти он был «пожилым». Почему во мне сложилось и закрепилось такое восприятие человека, которому не было и 40 лет и который всегда был подтянутым, элегантным и энергичным? Первая причина очевидна: для молодых любому человеку, который старше их, по умолчанию, «много» лет. Вторая причина – социальная, в моем представлении главный врач крупнейшей в городе психиатрической больницы просто не мог быть молодым.

Наши рабочие встречи проходили в кабинете Ф.И., по-моему, достаточно просторном, похожем больше на кабинет исследователя, а не врача. Мне кажется, что на стене висел его портрет, деревянная мозаика, сделанная кем-то из больных; он мне говорил, что среди его пациентов много талантливых людей.

Логикой Биометрического семинара предусматривались, по выражению Калинина, «километры разговоров» с приходившими к нам специалистами. Так оно и было, но из-за давности тех бесед многое забылось. Однако я помню, что Ф.И. тогда интересовали общие вопросы диагностики и частные, связанные с выделением «чистой» шизофрении из множества заболеваний, имеющих сходную с ней симптоматику, но не являющихся шизофренией. Конечно, я не мог понять многого в его рассказах, насыщенных профессиональными терминами, но его навыки преподавателя были отчетливо видны. Беседы с ним не были утомительными для меня, у нас быстро сложилось хорошее взаимопонимание.

В рамках методологии статистического анализа тех лет проблематика Случевского вписывалась в формировавшееся тогда направление – распознавание образов, или типологический анализ. На Биометрическом семинаре к тому времени был накоплен значительный опыт применения линейного дискриминантного анализа, предложенного Рональдом Фишером, да и мое дипломное исследование было посвящено этому методу. Уверен, что мы рассматривали возможности использования дискриминантного анализа, но – видимо – после обсуждений предпочтение было отдано факторному анализу. К сожалению, краткие тезисы, рассказывающей об этой работе [5], не содержат результатов факторизации, но они все же указывают на обстоятельства выбора факторного анализа.

Ф.И. интересовало не только разделение больных шизофренией и больных с другими формами психических заболеваний, для него как врача необходимо было понимание структуры синдромов и обнаружения особых групп признаков, характерных для различных форм болезней. Им ставилась также и другая задача – изучение процесса врачебной диагностики путем сопоставления статистических оценок взаимосвязи симптомов с представлениями врача о симптоматике заболевания.

В этом Ф.И., по-видимому, видел возможность углубления процедуры врачебной диагностики и перспективы компьютерного определения формы заболевания.

Свыше 17 лет я живу в Америке, и у меня нет возможности обратиться к большей части опубликованных в России книг, потому я не могу перечитать другую нашу совместную (третьим соавтором был Б.В. Иовлев) публикацию, которая, судя по ее названию, фокусировалась именно на элементах диагностического мышления врача [6].

Активная фаза моей работы с Ф.И., скорее всего, завершилась в конце 1967 или в начале 1968-го года; вскоре он защитил докторскую диссертацию по диагностике шизофрении и перешел на другую работу. Однако какая-то связь между нами сохранялась, во всяком случае, в ноябре 1970 г. состоялась конференция, посвященная 100-летию больницы им. Скворцова-Степанова, и в выпущенном по этому поводу сборнике тезисов есть и мой текст [7]. В то время я уже закончил обучение в математической аспирантуре и – так распорядилась судьба – начинал работу в области применения математических методов в социологии.

Имело ли какое-либо продолжение мое сотрудничество с Ф.И. или все полностью оборвалось? Имело и имеет.

В силу ряда обстоятельств в конце 1969 года я решил отказать от исследований в области дискриминантных функций, сконцентрироваться на рассмотрении факторного анализа, усилить прикладную направленность моей работы и защищать ее на факультете психологии. Обсуждение возникшей ситуации с Палеем показало принципиальную реализуемость этой задумки. Меня поддержал и декан факультета психологии, академик Борис Герасимович Ананьев, согласившийся стать титульным руководителем работы. Вот тогда-то и оказались полезными беседы с Ф.И., они позволили мне лучше понять и точнее описать логику интерпретации факторных решений.

Защита состоялась в конце 1970 года. У меня были планы продолжить исследования в области факторного анализа, но этого не удалось сделать. В частности, потому, что в 1972 году не стало ученых, поддерживавших развитие этого направления. Летом умер Ананьев, а 1 октября погиб в авиакатастрофе мой оппонент – блестящий ученый, 42-летний член-корр. Академии педагогических наук Владимир Дмитриевич Небылицын, первым [8] из советских ученых использовавший факторный анализ [9].

Прошли годы... десять лет назад меня заинтересовала история возникновения современных методов изучения общественного мнения и биография их создателя, американского психолога Джорджа Гэллапа. Чтобы дойти до истоков предло-

женного им метода, пришлось обратиться к перечню предметов, которые он изучал в университете, и к составу команды профессоров, обучавших его. Оказалось, что среди них были выдающиеся американские психологи, в том числе работавшие в области медицинской психологии. Вот тогда я смог опереться на мой давний опыт работы с психологами и психиатрами [10]. Ничего не пропадает бесследно.

До 19 июня этого года я не мог и подумать о том, что мысленно вернусь к тому времени, когда я работал с Федором Измайловичем Случевским. Но это случилось. И мне приятно думать, что подобное может произойти вновь.

Литература

1. Электронное письмо С.Ф. Случевской Б.З. Докторову от 19 июня 2011 г.
2. Калинин О.М. Математическая биология и квантование. Генетический код, нервный импульс, глобальная экология человека. Автореферат дис. ... доктора физ.-мат. н. СПб. Гос. унив. СПб: 2005 <<http://www.tetraktida.spb.ru/wp-content/uploads/2009/03/kalinin.pdf>>.
3. Применение математических методов в биологии / Под ред. П.В. Терентьева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960.
4. Теплов Б.М. Простейшие способы факторного анализа // Типологические особенности высшей нервной деятельности человека: Т. V. / Под ред. Б.М. Теплова. М.: Просвещение, 1967.
5. Докторов Б. З., Случевский Ф. И Факторный анализ психопатологической симптоматики при шизофрении и сходных клинических состояниях при других формах психических заболеваний // Математические методы в психиатрии и неврологии. Материалы симпозиума. 12–15 ноября 1968 / Под ред. И.М. Тонконового. Л., 1968. С. 40–41.
6. Докторов Б.З., Иовлев Б.В., Случевский Ф.И. О некоторых элементах диагностического мышления врача (взаимосвязь симптомов) // Проблемы моделирования психической деятельности. Материалы к симпозиуму: Вып 2. / Под ред. А.Н. Кочергина, П.П. Волкова. Новосибирск, 1968.
7. Докторов Б.З. Некоторые направления в развитии модели факторного анализа // Математические методы в психиатрической клинике. Материалы конференции, посвященной 100-летию юбилею 3 Ленинградской психиатрической больницы. 21–22 ноября 1970 г. / Отв. ред. Ф.И. Случевский. Л.: 1970. С. 18–19.
8. Докторов Б.З. Об использовании методов факторного анализа в работах советских исследователей // Вопросы психологии. 1968. № 2. С. 142–146.
9. Небылицын В.Д. Современное состояние факториального анализа // Вопросы психологии. 1960. № 4.
10. Докторов Б. Джордж Гэллуп. Биография и судьба. М.: Изд-во ООО «Полиграф-Информ», 2011.

«ТЕЛЕСКОП»: ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА ВО МНЕ*

Настоящий выпуск «Телескопа» – *сотый!*

Это – значимое событие не только для петербургского социологического сообщества, но и для современной российской социологии. Думаю, что в стране нет других *региональных, независимых* социологических изданий, отметивших или готовящихся отметить подобное достижение.

Журнал создан в 1997 году М.Е. Илле, и вот уже полтора десятилетия издается им. «Телескоп» – это результат его подвижничества и его видения социологии как науки и социального феномена. Без сделанного им мы как исследователи социальных процессов, полстеры, аналитики рынка были бы беднее и разобщеннее.

В моей домашней библиотеке – 93 выпуска «Телескопа», наверное, это самая полная в Западном полушарии коллекция. Есть предпосылки для тщательного многопараметрического контент-анализа содержания журнала. Он может дать многое, ведь это – документ, в котором представлена рефлексия петербургских социологов на происходившие в городе, стране перемены и который отражает процессы, происходившие внутри нашего профессионального сообщества. Однако и просто его регулярный просмотр, чтение наиболее интересных для меня материалов позволяют утверждать, что у «Телескопа» есть свое «лицо», свой «голос» и свой «темперамент», есть особость в освещении современного российского социального пространства и свое понимание длительного пути российской-советской-российской социологии. Закономерно, что в центре внимания журнала петербургские проблемы и большинство авторов – петербуржцы. Но одновременно издание по-петербургски открыто для обсуждения более широких проблемных пространств и активно приглашает «в гости к нам» исследователей из других городов.

Отмечу два уникальных аспекта издательской политики журнала. Во-первых, он публикует весьма объемные по размеру статьи, что крайне редко встречается в периодических научных изданиях. Во-вторых, процесс принятия статей и их публикации в целом недолог. Отчасти обе эти особенности обусловлены тем, что свыше десяти лет журнал выходит шесть раз в год, но главное здесь – взаимное доверие Михаила Илле

* Докторов Б. «Телескоп»: праздник, который всегда во мне // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 4. С. 43-44 <<http://www.cogita.ru/cogita/a.n.-alekseev/novosti-sociologii/100-номеров-zhurnala-abteleskopbb.-pozdravlyaem>>.

и авторов, а также – открытость, отсутствие бюрократизма в работе редакционного совета.

Для меня «Телескоп» – это не просто постоянный источник ценной информации, не только канал для сообщения коллегам о сделанном мною, но – настоящий праздник. Поясню сказанное.

В июне 1999 года я впервые после пяти лет жизни в Америке приехал в Петербург, хотя и сейчас мне привычнее говорить Ленинград, и утром следующего дня помчался в «Дом Книги» на Невском проспекте. Заглянул в отдел философской литературы и был крайне удивлен обилию книг по социологии. Там я обнаружил два или три выпуска не известного мне журнала «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев». Я покупал тогда всю социологическую литературу, которую видел, и увез с собою около 40 кг книжной и журнальной продукции. Два приобретения стали для меня жизнеопределяющими, знаковыми. Книга о российской социологии 60-х годов, вышедшая под редакцией Г.С. Батыгина, и журнал «Телескоп». Многие из сделанного мною за последние десятилетие наваяно этой книги и стало возможным лишь благодаря журналу.

«Телескоп» сразу стал «моим журналом». Прежде всего, он вернул меня в социологическое сообщество города; я листал страницы журнала и очень часто радовался встречам с коллегами, которых знал десятилетиями. Вскоре Илле стал высылать мне каждый свежий выпуск журнала, я читал все подряд и постепенно окунался в петербургскую реальность и проблематику. Видел, как социологами осваивается мир, который – в силу вынужденной оторванности от российских реалий и, наоборот, необходимости погружения в американские – был очень поверхностно знаком мне или вообще не известен.

Подчеркну, мой пространственно-временной отход от проблем жизни города и населения был все же относительно недолгим. Тем не менее даже этот ограниченный натуральный эксперимент давал мне право для вывода о том, что журнал оказался ценнейшим источником информации о петербургских реалиях. Теперь представим читателей, которые обратятся к «Телескопу» в середине текущего столетия. Как много интересного и полезного они там найдут. Бег времени повышает цену сделанного сегодня.

К лету 1999 года завершалось пятилетие моего профессионального молчания, и иногда мне казалось, что я уже не заговорю. Но по мере освоения содержания журнала во мне возникло желание самому что-либо подготовить для него, Сдерживали два обстоятельства. Первое – страх. Я долго на-

ходил на значительном удалении от каких-либо научных исследований, выпал из системы профессиональных контактов и утерял опыт работы над статьями. Второе, журнал был пронизан, пропитан «петербургской» тематикой и смотрелся значительно более маркетинговым, чем социологическим.

Проиллюстрирую сказанное краткой информацией о содержании первых двух выпусков журнала за 1999 год, с которых началось мое знакомство с ним. Выписываю подряд заголовки статей: «Кушай, Вася, рекламу... (О том, сколько рекламы съели петербуржцы в ночь с 26 на 27 декабря)»; «Бизнес и предпринимательство в зеркале свободных высказываний петербуржцев»; «Рынок продуктов быстрого приготовления в Санкт-Петербурге»; «Обзор рынка косметики Санкт-Петербурга»; «Готовность к насилию в Санкт-Петербурге: набросок социального портрета»; «Выборы в Государственную Думу-99 на страницах Петербургских СМИ»; «Рынок маргарина в Санкт-Петербурге»; «Рынок меховых изделий Санкт-Петербурга»; «Жилищные компенсации и задолженность населения по оплате жилья и коммунальных услуг в С.-Петербурге в 1998 году»; «Дачный Петербург»; «Пушкин в нашей жизни». Перечитывая сейчас эти «имена» журнальных материалов, я снова просмотрел многие из названных статей. Безусловно, «Телескоп» сохранил для будущего фоновую информацию о жизни Петербурга в конце прошлого столетия и показывает, как социологи города осваивали методы маркетинговых изысканий.

Однако тогда я не размышлял в подобном ключе, думал, как вписаться в складывавшийся дискурс журнала, чем можно заинтересовать его читателей. Помогло то, что накануне поездки в Россию я закончил колледж по специальности business administration и в процессе обучения по собственной инициативе выполнил несколько проектов по только начинавшемуся проникать в российскую социологию Интернету. Желание испытать себя было настолько сильным, что уже осенью того года в сотрудничестве с молодым московским экономистом Артемом Шадринным, с которым познакомился в сети, была написана первая статья для «Телескопа» – «Социология на Российском Интернетe: в начале долгого пути (1999, №6)». Она открывала журнал, а закрывала его моя небольшая рецензия на вышедшую в США в 1999 году книгу о российской бизнес и политической элите периода перестройки. Но, похоже, тоска по нормальной исследовательской работе и голод по профессиональному общению сидели во мне настолько глубоко, что за весну-начало лета я подготовил для журнала еще три статьи. Одна, как мне казалось, продолжала маркетингово-

интернетовскую тему «Онлайновые опросы: обыденность наступившего столетия (2000, №4), но в действительности стала началом анализа опросных технологий XXI столетия. В двух других (2000, №№ 2, 6) начиналась «гэллапиада»: исследование истории становления американской рекламы и опросов общественного мнения, в нем сразу значительное внимание уделялось изучению биографий и творчества создателей современной опросной технологии и практики. Конечно, работая над теми уже давними статьями, я не мог допустить, что процесс поиска ответов на возникшие тогда вопросы не завершится и к настоящему моменту, а результаты исследований будут отражены в множестве статей и нескольких монографиях. И во многом это произошло в силу того, что для меня публикация в «Телескопе» это – освобождение от отшельничества, своего рода выступление в аудитории, в которой все друг друга знают. Такая атмосфера способствует активной работе, по-доброму «заводит».

Осень 2004 года кардинально изменила мои контакты с «Телескопом», из частых, но эпизодических они превратились в постоянные. 18 августа Илле предложил мне войти в редакционный совет журнала и стать ведущим рубрики «Современная история российской социологии». Допускаю, что наблюдая некоторый рост интереса социологов к своему прошлому, он какое-то время вынашивал идею освещения истории социологии на страницах журнала, а поводом к созданию такой рубрики была моя статья о Б.А. Грушине (2004, № 4), к которой положительно отнеслись и ее герой, и его многолетние друзья Б.М. Фирсов и В.А. Ядов. Я с благодарностью принял оба предложения, хотя у меня не было даже самых смутных соображений ни о содержании такого раздела, ни о его информационно-организационном обеспечении. Конечно, к тому времени я многократно перечитал названную выше книгу Батыгина, но посоветоваться с ним у меня уже не было возможности, летом 2003 года его не стало. В основанном им журнале «Социологические исследования» усилиями Л.А. Козловой и Н.Я. Мазлумяновой продолжалась публикация интервью с социологами, но я тогда об этом не знал. К тому же я не мог напрямую воспользоваться накопленным этим коллективом методическим опытом, их инструментом было личное интервью, у меня такой возможности в принципе не было.

Так возникла идея использования инновативного по тем временам, да и сейчас не часто применяемого метода – интервью по электронной почте. Замечу, не анкетирования, не формализованного интервью, а именно «живого» интервью, при котором новые вопросы отправлялись собеседнику после

получения его ответов на ранее заданные. Фактически, мои интервью – это *диалоги*.

Результаты первой беседы через океан с Б.М. Фирсовым были опубликованы в «Телескопе» № 1 за 2005 год. Можно сказать, что именно тогда и начал складываться раздел журнала по истории современной российской социологии. Прошло 6,5 лет, и *каждый* из выпусков «Телескопа» открывался материалами по этой теме, таким образом, № 2 журнала за этот год оказался по-своему юбилейным.

Это был *пятидесятый* выход в свет историко-социологической рубрики.

Совокупный объем опубликованного в ней материала весьма значителен, не менее 100 авторских листов. Прежде всего, это – свыше 40 обстоятельных биографических интервью с российскими социологами разных поколений (вообще, к настоящему времени проведено и опубликовано более полусотни интервью). Особо отмечу интервью с ленинградцами/петербуржцами, в «Телескопе» их – 23: А.Н. Алексеев, А.В. Баранов, Э.В. Беляев, О.Б. Божков, В.М. Воронков, Я.И. Гилинский, Б.З. Докторов, А.Г. Здравомыслов, Е.А. Здравомыслова, М.Е. Илле, Л.Е. Кесельман, Л.Н. Лесохина, Б.И. Максимов, Р.С. Могилевский, Л.В. Панова, Т.З. Протасенко, А.А. Русалинова, Г.И. Саганенко, Е.С. Смирнова, И.И. Травин, Б.Г. Тукумцев, В.М. Фирсов, В.А. Ядов, Н.В. Ядов; кроме того В.А. Ядов рассказал о Л.Н. Лесохиной. «Электронные» беседы состоялись также с В.А. Бачининым, В.Я. Ельмеевым, В.И. Ильиным, Л.Н. Столовичем. Принимая во внимание и то обстоятельство, что в рубрике публиковался биографический материал о В.Б. Голофасте, Г.В. Старовойтовой, И.С. Коне и С.А. Кугеле, можно сказать, что в целом положено начало архива данных о становлении «ленинградской социологической школы» и ее развитии в постперестроечный период.

Несложно понять, чтобы провести такое количество интервью по электронной почте, необходимо заниматься этим делом практически ежедневно; в каждый момент времени одна-две беседы должны начинаться, две-три – находиться на каком-либо этапе их развития и одна-две должны завершаться; иначе потока не будет. Именно в таком режиме я работаю уже почти десять лет. Поскольку интервью – это форма общения с интересным мне человеком, постольку для меня интервьюирование – постоянный праздник. Надо иметь в виду, что каждая такая беседа продолжается в среднем от трех месяцев до полугода, и, мне кажется, я научился улавливать тот момент, когда настороженность моего собеседника уходит, сменяется раскрепощенностью. Мое стремление получить информацию о

нем начинается сосуществовать с его желанием рассказать о прошлом. Тогда уже не задумываешься о новых вопросах, они сами рождаются. Но вообще поддержание диалога – очень сложная вещь. Пожалуй, это главное в процессе длительного *эпистолярного* интервью.

Второе важнейшее направление рубрики сконцентрировано на обсуждении методологических проблем историко-биографических исследований и комплекса вопросов проведения биографического анализа. Центральной темой методологического характера является определение роли, места, функций биографической информации в воссоздании картины прошлого советской/росийской социологии. Изучение специфики биографического анализа, его разновидностей, моделей должно способствовать созданию информационной базы для проведения собственно историко-социологических изысканий. Важно отметить, что в очерчивании и осмыслении обозначенной проблематики участвовали сильные, опытные известные специалисты. Среди них: А.Н. Алексеев, А.С. Готлиб, Л.А. Козлова, Б.М. Фирсов, Д.Н. Шалин, В.Э. Шляпентох, В.Н. Ядов.

Значительная часть материалов, опубликованных в исторической рубрике, воспроизведена на сайте «Телескопа» [1]. Кроме того они расположены на сайте российско-американского проекта «Международная биографическая инициатива» [2] и на портале Центра социального прогнозирования и маркетинга [3], [4]. Сетевые счетчики дают статистику отношения к этой информации; это тысячи посещений и скачиваний.

Настоящий *сотый* выпуск «Телескопа» – памятная точка в истории журнала. Зафиксировать и запомнить этот факт надо. Но лишь для того, чтобы более осмысленно двигаться дальше. Пусть праздник продолжается...

1. Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований <<http://www.teleskop-journal.spb.ru/>>.
2. Международная биографическая инициатива» (<http://cdclv.unlv.edu/programs/bios.html> <<http://cdclv.unlv.edu/programs/bios.html>>).
3. Докторов Б. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х томах [Электронное издание]. М.: ЦСПиМ. 2012. <http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/htm/menu.htm>.
4. Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами [электронный ресурс]. 3-е дополненное издание / Ред.-сост. А.Н. Алексеев. М.: ЦСПиМ, 2013 <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=332>>.

... ОТ БАЛЬЗАКА ДО ХЕМИНГУЭЯ*

Дорогие Андрей и Роман... после вашей «Профессия – социолог» и рассуждений по поводу границ нашей науки, как не написать вам...

Андрей, ты читал мое недавнее эссе по поводу 100-го номера моего любимого «Телескопа» – «Телескоп: праздник, который всегда во мне...»... Роман, тебе могу переслать...

Уже в заголовке присутствует «привязка» к Хемингуэевскому «Праздник, который всегда с тобой»... это дало повод к моей переписке с Ларисой Козловой о моих «литературных соавторах» ... помните эту книгу? молодые годы Хэма в Париже... когда я читаю, чувствую запах вина, теплоту камина, понимаю его радость, что написана дневная норма.. и он знает, что будет писать завтра... он возвращается домой по узким улицам Парижа... его ждет жена, которую он любит и которая любит его..они молоды, и им хорошо вдвоем...

..несколько лет назад я писал эссе о Юрии Леваде... тогда мне хотелось (и я сделал) включить в это эссе сравнение Левады со Стариком из Хемингуэевской притчи «Старик и море»... Старик один далеко заплывал...там думалось хорошо... он любил одиночество...

... попробую для вас более связно изложить то, что сказано Ларисе....

Открываю страницу сайта «Телескопа» с перечнем статей по теме «Прошлое и настоящее в изучении общественного мнения и рекламы»: <http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=30&type=by_theme&value=38>. Мои работы давно не пополняют ее, так как от статей я перешел к более объемным формам, да работаю не только по истории изучения общественного мнения, но и по нашей истории...

<...>

...помимо этих историко-биографических статей были еще в «Социальной реальности», в питерской интеллектуальной газете «Дело»... в 2005 году вышла первая книга, которую редактировала Наташа Мазлумямова (удивительное было чувство слова) ... и понеслись книги...

Но еще в январе 2004 года Валерий Голофафт написал мне: «...ты работаешь на грани литературы. Посему будь пост-пост-модернистом, смело делай любые коллажи из любых вариантов и кусков». До университета Валерий прожил значительный этап жизни как андеграундный поэт (я писал об этом), и круп-

* В основе этой онлайн-публикации лежит письмо моим коллегам: Андрею Николаевичу Алексееву и Роману Ивановичу Ленčovскому.

Социолог Б. Докторов и его соавторы: от Бальзака до Хемингуэя. 2013 (Первая публикация <<http://www.cogita.ru/cogita/a.n.alekseev/publikacia.n.alekseeva/sociolog-b.doktorov-i-ego-so-avtory-ot-balzaka-dohemingueya>>).

нейший знаток этого мира Константин Кузьминский писал, что стихи Голофаства были гениальными. Я не успел с Валерой обсудить его суждение, знаете, мы же сильные задним умом... в том же 2004 году он лег спать и не проснулся...

...я не знаю, в чем Голофаств узрел близость к «границе литературы». Мазлумянова в заметках редактора (были с «Социологическом журнале») писала о специфике моего языка, но, думаю, Валерий не это имел в виду... Ядов в наших «беседах через Океан» говорил о моем стремлении писать от своего имени («я») и использовать безличные предложения... первое, я ему отвечал, связано с «диалогичностью» моего историко-биографического анализа и открытой (манифестируемой) «пристрастностью» (по-моему, в конце концов многие согласилась с тем, что и научные биографии могут быть написаны с позиции пристрастности), второе – наверное, обусловлено моим математическим образованием... в математике полно выражений типа: обозначим, как доказано, как будет доказано....

но, думаю, и не эти «загогулины» видел Голофаств... в них нет подхода к «краю» литературы...

К тому моменту, когда Валерий это заметил, я написал лишь 7-8 статей, но я в них сформулировал два подхода к анализу биографий: «от работ Гэллапа и его интервью к Гэллапу» и «от людей, знавших Роупера, к Роуперу». Эти простенькие постулаты автоматически привели к тому, что я стал самосильно знакомиться не только с моими главными героями – тогда, лишь Гэллап – но с людьми из их окружения... причем, где-то я писал, что не считаю понятие «окружение» точным, релевантным... окружение – пассивно... но люди, с которыми общался Гэллап, были уникальными творцами и личностями... потому у меня доминировали не вертикальные отношения между людьми, а горизонтальные... а это ведет к росту численности «окружения»... так от Гэллапа (1901-1984) я ушел к гениальным копирайтерам и даже раньше: Финис Барнум (1810–1891), Джордж Роуэлл (1838–1908) ...

...другими словами, у меня стало «многолюдно» ... появились разного рода связи между людьми... места для описания никогда не хватало (журнальная статья не более 80000 знаков, книги, хотя и толстые, но тоже конечные.... но все же читатель чувствует, что я не все написал о людях из того, что знаю о них...

Я раньше писал Мазлумяновой (с нею сделаны четыре книги), теперь – Анатолию Чернякову, с которым сделана книга «Явление Барака Обамы» – более 50 очерков, – что не надо бояться недосказанности... дело в мере и в содержании недосказанного... дело в том, что читатель всегда активен... Хемингуэй писал: если сам знаешь, что происходило с героями, то многого можешь не писать... отсюда удивительная емкость написанного им...

..мне кажется, что Валерий первым заметил многолюдность моих статей и стремление дать портрет героев во времени... а это уже близко к литературе... и вот я подошел к моему, возможно, главному «соавтору» – Оноре де Бальзак... «Человеческая комедия». Сейчас залез в Википедию, посмотрел даты его жизни, там написано:

Крупнейшее произведение Бальзака – серия романов и повестей «Человеческая комедия», рисующая картину жизни современного писателю французского общества.

Все верно... сегодня я могу сказать, что мною написана серия статей и ряд книг, не только рассказывающих о становлении современного арсенала методов изучения общественного мнения, но и рисующих картину жизни людей, создавших эти методы... это – почти 200 лет..

Бальзака я прочел в школе, в классах 7-9, не позже... летом в деревне... на станции была библиотечка: учебники, литература для школьников и механизаторов... и почему-то Бальзак... и я читал том за томом...

Я до сих пор помню удивление оттого, как у Бальзака герои появлялись ненадолго, пропадали, а потом появлялись снова и были главными героями новых романов... именно так все и у меня разворачивается... в одной из первых статей появился Дэвид Огилви – гений рекламы 20 века... было лишь имя и то, что он работал у Гэллапа... через пять лет, когда я прочел все книги Огилви, все написанное о нем, познакомился с человеком, который работал с ним, я написал большую статью об Огилви... она ходит по массе сайтов... масса перепечаток в прессе... я бы и книгу написал о нем... он – единственный европеец в американском мире рекламы, англичанин, многие годы проживший во Франции.. после отхода от дел он купил замок во Франции и жил там долго... выдающимся копирайтером считают Раймонда Рубикама, – без образования (как и Огилви), но с нечеловеческой интуиции... он уговорил молодого профессора Гэллапа создать у него в рекламном бюро отдел исследования рекламы... о потом помог ему в создании Института Гэллапа.. Рубикам появился в нескольких строчках, а потом – в специальной статье, а потом в параграфе книги... в пятницу я закончил очерк о Луисе Бине (американце, еврее из Литвы) он единственный, кто предсказал победу Трумэна в 1948 году... о Бине я писал немного в одной из книг, а сейчас утроил объем этого текста.. у меня на сайте ФОМ уже сложилась серия «Изучаем прошлое для лучшего понимания настоящего»... это будет глава в новой книге...

Так что метод (в моем понимании) Бальзака я и использую... с тех далеких лет я Бальзака не открывал и читал о нем лишь Моруа, но не специальные исследования...

Не знаю, можем ли мы считать Бахтина писателем? Я считаю писателем... я почерпнул у него очень много, без знакомства с его творчеством я писал бы иначе... безусловно – идею диалогичности и положение о «карнавальной культуре».. ведь у меня (не только в последней книге, но даже в статье 2004 года) Грушин раскрывается через включенность в карнавальную культуру.. Голофаст, Елена Здравомыслова, Галина Старовойтова... в книге несколько раз упоминается Окуджава... так что, конечно, и Бахтин... но я наткнулся на Бахтина в самом начале 60-х, когда учился на 2-3 курсах матмеха, это было исследование Рабле... я ошалел от прочитанного... тогда ведь о Бахтине говорили, если вообще говорили, лишь шепотом... но все это было настолько давно, что просто вошло в меня... хотя сейчас у меня есть кое-что Бахтина и я перечитываю, но дух мой спокоен...

...о Хемингуэе я сказал выше... «Праздник, который всегда с тобой» – читан мильён раз... и каждый раз я читаю все это с трепетом.. удивляюсь, как так можно писать... «Старик и море», на мой взгляд, фантастическая притча... философия жизни...

Грин и Платонов – у них ничего взять нельзя... это – неповторимо... они научили меня сохранять чувство удивления... знаете, за годы жизни можно растерять чувство удивления... все-де видел, все-де прочувствовал... а как откроешь Платонова, так поймешь ограниченность собственного опыта... Грин утверждает, что чудо возможно наяву... без внутреннего согласия с ним я не нашел бы и десятой части того материала, которым я сейчас обладаю и на базе которого пишу..

Сергей Довлатов и Иосиф Бродский – мои последние (по времени появления) «соавторы». Но это уже другое, мы – ровесники, жили в одной части Ленинграда, ходили по одним улицам, посещали «Сайгон»... правда, они там «керосинели» с утра до вечера, а я забегал на полчаса попить кофе, так как всегда работал в студенческих залах Публичной библиотеки на Фонтанке... 5 минут до «Сайгона»... я не входил с ними в одну компанию, но наши компании как-то пересекались.. были близкими... Довлатов и Бродский дали мне ключ к пониманию моего поколения, не всего, но нашего круга... я не отмечаю этого в книге, но когда я писал о социологах моего поколения, да и следующего, я читал (и продолжаю читать) беседы Соломона Волкова с Бродским... я читаю его стихи, слушаю их в исполнении Козакова и Юрского... мощные ассоциации... Довлатов – проще, земнее, но мне очень близок его юмор... знаете, без юмора не выжить... да и не написать о прошлом...

... если я когда-либо напишу (первый заход был) о связи духа «ленинградской социологической школы» с петербург-

ской культурой (архитектурой), то это произойдет от импульса, данного Бродским... я когда-то говорил Ядову, что мысленно нарисовал точки «роста» ленинградской социологии: факультет философии ЛГУ, Меншиковский дворец, заброшенные лабазы на ул. Ломоносова (за Гостиным двором), Таврический дворец, факультет социологии (территория Смольнинского собора)... то получится, что все это центр города, все вблизи от Невы... но Ядов такие материи не сечет...

В №1 «Телескопа» за этот год есть крошечная заметка Чеслава Сымановича, замечу, мы лично не знакомы, ее заголовок: «К 50-му материалу рубрики Б. Докторова». Она начинается словами: «Если бы я вел дневник, то записал бы 3-4 декабря 2012 года о некотором потрясении, испытанным от нового прочтения, ПОДРЯД, просмотренных некогда в «Телескопе» биографий из рубрики Б. Докторова». Конечно, приятно читать слова историка и социолога, человека моего поколения... но что меня особенно тронуло, так это слово «подряд», оно записано у Сымановича заглавными буквами... когда я прочитал именно подряд многие биографии, я по-новому увидел давно знакомое... я сам был потрясен.. последняя книга – нечто вроде романа о нашем профессиональном сообществе.. это не Бальзак, но человеческая комедия-трагедия... на нечто подобное я смог намекнуть в Заключении, но у меня не было места... я и без заключения должен был выкинуть 3 авторских листа.. и подошел к краю допустимого Европейским университетом объема книги..

Я пока не назвал одного из главных моих «соавторов» – Б.Г. Кузнецова. Но: а) по-моему, вы и так об этом знаете, б) у меня есть текст-дискуссия с Ларисой Козловой под заголовком «Рассуждения о том, как и для чего пишутся биографии» [1], и там кое-что об этом сказано; в) все же он не писатель, а историк науки. Однако он не просто историк физики и историк науки эпохи Возрождения, но и биограф: Эйнштейн, Галилей, Ньютон, Ломоносов... и биограф «зависит» от литературных образов и от литературы... Это наглядно, если листать его книгу о путешествиях графа Калиостро... но это видно и из его научных работ... у него центральная фигура – Достоевский.. мне помогли... в ИИЕТе отксерили личное дело Кузнецова... чуть позже я напишу о нем особо..

Во как, будем, Боря

Литература

1. Докторов Б., Козлова Л. «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев?..». Рассуждения о том, как и для чего пишутся биографии. 2007 (Первая публикация <http://cdclv.unlv.edu//archives/Comments/doktorov_kozlova.html>). 28 июля 2013 г.

Аскольд КУЗЬМИНСКИЙ: ЕГО ТВОРЧЕСТВО ЗНАКОМО МИЛЛИОНАМ, ЕГО ИМЯ ЗНАЮТ НЕМНОГИЕ*

*Я благодарю К. А. Кузьминского за ценные консультации
при работе над этим очерком об его отце
и оформлении текста*

Прежде всего раскрою смысл заголовка.

Петербуржским графиком и дизайнером Аскольдом Ивановичем Кузьминским (1938–2005) – создана эмблема петербургского метро – буква «М», с которой все настолько сроднились, что не замечают её. Ему принадлежит эмблема Елисейевского магазина. Это – самый известный и красивый в городе продуктовый магазин, отмечающий исторический центр Санкт-Петербурга. В 1995 году Кузьминским была завершена полуторагодовая работа над логотипом Государственного Эрмитажа; его можно увидеть на афишах, книгах и альбомах, издаваемых музеем, на входных билетах и буклетах выставок. Все это незаметно вошло в художественную, культурную атмосферу города, стало ее составной частью. Существует без авторства, живет само по-себе. Как народная песня.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭРМИТАЖ
The State Hermitage Museum

Но есть в его наследии и работы принципиально иного плана, утонченные и загадочные. Летом 2012 года в Петербурге в музее Анны Ахматовой проходила выставка ее портретов. В официальной информации об этом событии отмечалось, что выставка открывалась графическим портретом Ахматовой, нарисованным Амедео Модильяни. Также на ней были представлены канонические изображения поэтессы, созданные Николаем Тырсой, Владимиром Фаворским, Аскольдом Кузьминским, Гавриилом Гликманом и ряд других работ. Кто знаком с историей российской графики, согласится с тем, что Кузьминский здесь назван в ряду выдающихся художников.

* Докторов Б. Аскольд Кузьминский: его творчество знакомо миллионам, его имя знают немногие // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 6. С. 42–47.

Этот портрет Ахматовой (о нем – ниже) – яркий пример стиля Кузьминского. Несколькоими линиями создан оригинальный портрет Ахматовой, в котором соединены классические образы поэта, восходящие к Модильяни и Натану Альтману.

По отзывам специалистов, Кузьминский был замечательным рисовальщиком, ему удалось создать особую легкую, изящную линию, придававшую его новым графическим знакам классическую завершенность и выразительность. Мне кажется, его работы – истинно петербургские, глубоко интеллигентные.

В силу многих обстоятельств жизнь Кузьминского сложилась так, что, хотя сделано им было немало и работы его получили признание, он оставался известен прежде всего в узком кругу людей, знавших его лично. Он не выставлялся на крупных художественных выставках, о нем не писали центральные газеты, он не делал портреты передовиков производства, его не осаждали журналисты. Он не стремился к расширению профессиональных контактов, не участвовал в гонках за грантами. Не сидел в президиумах и не был диссидентом. Его влекла тонкая, камерная работа, он искал простые, негромкие выразительные средства. И всегда был скромным, даже стеснительным.

Художничество не вписывается в мою профессиональную деятельность, и я не решился бы писать о Кузьминском как о графике, если бы ни одно принципиальное обстоятельство. В конце июня этого года Андрей Алексеев в рамках развиваемого им Проекта «Семейная хроника» опубликовал мою заметку о Лидии Коновой, которая принципиально пополнила мои знания об отце [1]. Он был художником, и А. Алексеев разместил мой текст под заголовком: «Сбережение памяти о ленинградских художниках». Данные заметки об Аскольде Кузьминском это и «сбережение памяти» о художниках нашего города, и часть моей семейной хроники. Дело в том, что в начале теперь далекого 1962 года Аскольд женился на моей сестре Ольге, и вместе они были свыше сорока лет¹. До момента его смерти. В 2012 году не стало и ее.

Аскольд родился в селе Рослятино в 60 км. от Вологды. Школу он закончил в Грязовце, в те годы, я давно там не был, – тихом городе, в котором и сейчас проживает 15–16 тыс. человек. Знал я неплохо и его родителей – провинциальных интеллигентов, десятилетиями несших образование детям, обиженным судьбой. Мать преподавала русский язык и литературу в школе для детей с нарушенным слухом, отец возглавлял школьное образование в Грязовецком районе, а потом долгие годы был директором выстроенной им школы-интерната для слепых и слабовидящих детей и учил их истории. Еще школьником Аскольд начал рисовать, первые профессиональ-

ные уроки ему дал учитель рисования. Возможно, что родители хотели, чтобы он продолжил преподавательское дело, имея серебряную медаль, Аскольд поступил на физический факультет Вологодского пединститута. Но через год или два, в 1958 году, уехал в Ленинград и начал учиться в Ленинградском художественно-графическом училище.

В нашу семью он пришел, когда заканчивал обучение в училище. Он недолго преподавал рисование в школе и в 1963 году нашел работу в новой по тем временам области прикладной графики – в Ленинградском институте дизайна. Там он стал ведущим специалистом, выполнил свыше 200 дизайн-проектов и получил 38 авторских свидетельств. Его работы экспонировались на выставках в Ленинграде, Москве, Штутгарте, Загребе, Бомбее, Будапеште.

Несколько лет Кузьминский учился на заочном отделении Московского полиграфического института, но оставил его. Ничего это обучение не могло ему дать. К карьере он не стремился, а в профессиональном отношении давно перерос студенческий уровень. Он собирал дома коллекцию книг и альбомов по многим направлениям изобразительного искусства и изучал все самостоятельно. Он был энциклопедически образованным в области графического искусства. Я помню беседы с ним о линии у Дюрера и Леонардо, Пикассо и Дали. Я тогда учился на математико-механическом факультете ЛГУ, и линия для меня была лишь набором точек определенного свойства. Уже в первой половине 1960-х Аскольд говорил об эстетике линии, о том, как через ее восприятие зритель формирует образ изображаемого предмета. Постепенно он шел к своей графике. Она – не статична, не обременена деталями, призывает зрителя к сотворчеству.

В начале 1990-х количество государственных дизайн-проектов резко сократилось, постоянной работы не стало, соответственно, не было и постоянного, пусть хоть небольшого, дохода. Своей мастерской у Кузьминского никогда не было, он работал дома. Семья: Оля, Аскольд и их сын Константин жили в коммунальной квартире на тихой Кавалергардской улице вблизи Таврического сада.

Аскольд брался за многое. Разрабатывал фирменный графический стиль для различных организаций Петербурга, несколько лет был главным художником Театрального музея в Санкт-Петербурге, выполнял заказы для телевидения, в частности – для «Пятого колеса», делал плакаты, афиши, каталоги, упаковку для чая и т.п.

Две работы Кузьминского в области книжной графики: иллюстрации к 2-томнику сочинений Эдгара По (1995 г.) и к кни-

ге Даниила Гранина «Вечера с Петром Великим» (2000 г.) представляются мне особенно интересными. В них отражена творческая философия художника, его уникальный стиль и собственная техника работы.

На столе он раскладывал листы бумаги, чертежные инструменты: рапидограф, параллельная линейка с внутренним валиком и черную тушь, тонкий фломастер, шариковую ручку. Тщательно и скрупулезно он работал с каждым штрихом, линией деталью.

Из серии иллюстраций Кузьминского к новеллам Эдгара По приведу лишь одну, к мистической истории «Колодец и маятник». Напомню ее фабулу: приговоренного к смертной казни держат в камере с сжимающимися железными стенами; сам он привязан к скамье, и над ним раскачивается медленно опускающийся маятник-нож. Финал этой истории – оптимистический: выдержка, самообладание и во-время пришедшая

помощь спасают заключенного, однако на картинке отражен момент ужаса человека, который борется за жизнь, но понимает, что через минуту-другую наступят мучения и смерть. Интересно, здесь нарушена одна из культурных традиций: белое пространство олицетворяет зло, это – давление на человека, он почти расплюсчен; а черная мышь – это добро. Она перекусила ремень, которым был связан человек, и, тем самым, помогла ему немного отползти от ножа. Этого мгновения оказалось достаточно для спасения...

Приводимая иллюстрация к «Вечерам с Петром Великим» одновременно дает представление о художественном стиле Кузьминского и точно передает содержание и дух очень необычного романа Гранина: сплав современного и исторического, реального и вымышленного, собственно петербургского и пространственно неопределенного, – можно допустить – ленинградского. Лишь контуром намеченные четыре «реальных»

человека что-то обсуждают, но даже не с «черным человеком», а кем-то как-бы потусторонним. Эта фигура не отражает свет, она его поглощает. Ведь по законам физики, оптики вещь, расположенная ближе к источнику света, чем все остальные освещенные предметы, должна быть более яркой, светлой, чем они. И уж во всяком случае, никак не черной. И это нарушение логичного превращает беседу в сеанс спиритизма, в общение с духом. Баланс черного и белого обеспечивается висящей на арочной части явно петербургского окна черной летучей мышью. Она – слепая слушает беседу, представляя здесь Петра, который тайно наблюдает все происходящее, возможно, с улицы, но, возможно, из другого мира. Здесь все очень личностное, я легко определяю реальные прообразы облика Петра I и фигуры «черного человека», но вместе с тем, здесь есть нечто от работ средневековых графиков: динамика черного и белого, летучая мышь, иезуитское лицо левого мужчины в очках.

Так случилось, что на той же Кавалергардской улице (тогда она называлась улица Красной Конницы) жила Анна Андреевна Ахматова, и мы с сестрой учились в одной школе с Анной Каминской [2], внучкой известного историка искусств Николая Николаевича Пунина, который был мужем Ахматовой. Потом моя сестра и Аня учились на искусствоведческом факультете Академии художеств, и Аня познакомила ее с Аскольдом, который был другом ее будущего мужа, художника Леонида Зыкова [3]. Никто не мог знать, что эта дружба пройдет через всю нашу жизнь и многое в ней будет согрето воспоминаниями о регулярных, прежде всего осенне-зимних, встречах в Комарово на маленькой даче Ахматовой, которая в ее стихах помечена как Будка. Так что портрет Ахматовой, упоминавшийся выше, не случаен в творчестве Кузьминского, он навеян и ее стихами, и их личными встречами. Приведу воспоминания Аскольда о моменте его знакомства с нею:

«1961 год. Комарово. Идем мимо магазина, рынка, выходим на широкую улицу, ведущую к Щучьему озеру. Именно здесь Анята познакомила меня с Ольгой Докторовой, моей судьбой на всю жизнь. Вот и «Будка». Открываем калитку. С крылечка величественно и торжественно спускается дама в китайском халате с рукавами-крыльями.

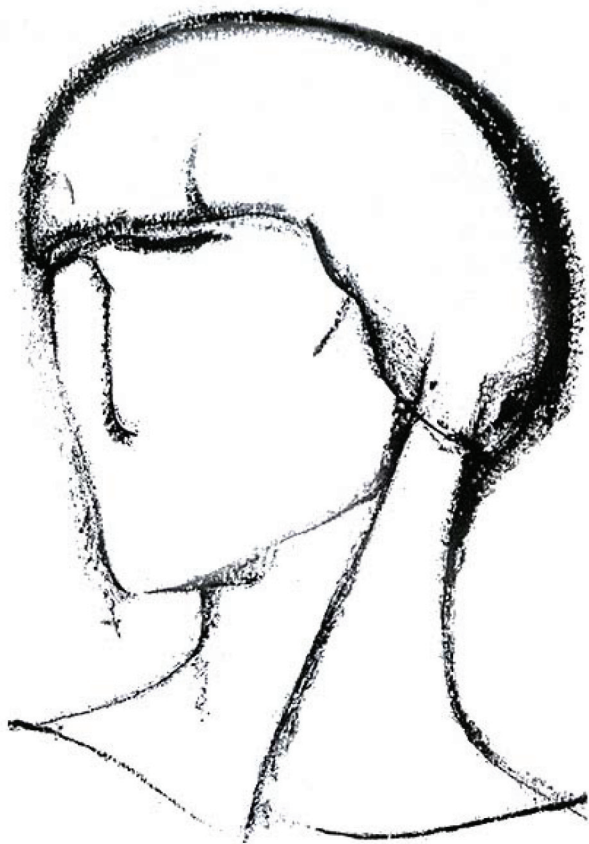
— Ахматова – шепчет Каминская. Робко подхожу.

Анята знакомит.

— Это Аскольд.

— А отчество? – интересуется Анна Андреевна.

— Иванович, – дрожит мой голос.

— Может быть... Лучше, чем Роберт Иванович [4] – это ужасно. Поэт обязан был сменить имя. Вы знаете о ком я говорю? Стало как-то легко... Все пошли пить чай».

Эта история извлечена мною из тоненькой малотиражной книжки, Кузьминского «Memoire» с подзаголовком – «Двести лет со дня рождения Александра Пушкина и сто десять лет со дня рождения Анны Ахматовой» [2]. Приведу полностью текст предисловия к этой книжке Ирины Николаевны Пуниной [5], мамы Анны Каминской: «С 1956 года Ахматова проводила лето, а иногда и осень в Комарово, все больше привязывалась к этому месту. Дел и забот там хватало на всех, говорила она с хитринкой, – особенно, когда с 1962–1963 годов поток посетителей стал расти в геометрической прогрессии. Аня Каминская и «сопровождающие ее лица» – как назвала ее друзей Анна Андреевна в одном из писем – часто бывали в Комарово. Они много помогали по хозяйству, привозили из Зеленогорска дрова, пилили и кололи их, растапливали дачу перед приездом хозяйки, убирали участок, привозили и отправляли почту.

По вечерам регулярно разжигали костер рядом с «лесной корягой», принесенной Каминской и Варварой Сперанской [6] из леса. Анна Андреевна простодушно и с видимым удовольствием участвовала в нехитрых молодежных развлечениях, особенно в сидении у костра и чистке грибов.

Среди друзей Каминской был и Аскольд Кузьминский, в то время студент Художественно-графического училища. С тех пор прошло несколько десятилетий, Аскольд Иванович стал известным дизайнером и выполнил много работ в области книжной графики. Теперь Аскольд Иванович дебютирует в области литературы...» [2, с. 2].

Приведу рассказ Кузьминского о рождении в 1965 году его рисунка Ахматовой:

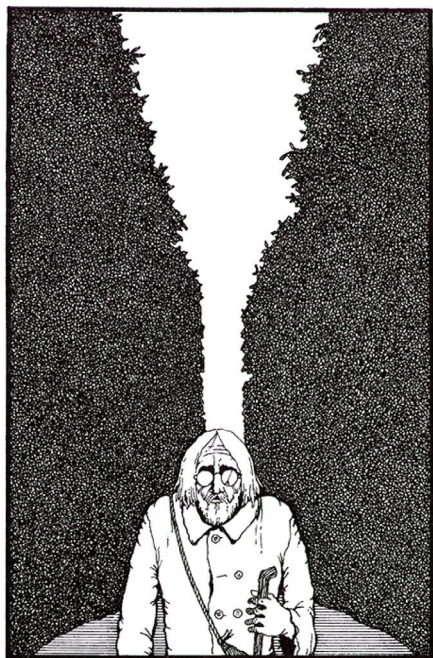
«Анна Андреевна как-то сказала, что ей надоели во всех изданиях одни и те же ее портреты (Альтман, Анненков и т. д.) Нет ли новых, молодых дарований.

Накануне мне был подарен «Реквием» (в машинописном варианте), я переплел его и на обложке нарисовал портрет автора.

На следующий день принес свое творение. Анна Андреевна долго рассматривала:

— Пожалуй, подпишу Вам «Реквием», хотя никогда этого не делала. И этот портрет пригодится. И эти печальные брови».

Потом Ахматова уехала в Англию, потом в Москву, потом Анны Андреевны не стало...» [2 с. 5].

„Сшел безвесно, скцтаецца по миру...“
Трифун. Левая часть

В этой книжке не только сюжеты-воспоминания, но и истории «под Хармса», написанные Кузьминским и сопровождаемые его веселыми рисунками. Ограничусь цитированием двух таких текстов:

«Встретились как-то Александр Христофорович Бенкендорф и Андрей Александрович Жданов.

— Пушкин совсем от рук отбил, — плачет шеф III отделения.

— А Вы, Александр Христофорович, создайте ЦК — «Царский Комитет» и примите «Постановление ЦК о журнале «Современник».

У нас, после Постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» Ахматова до сих пор в обмороке, хихикнул Андрей Александрович.

— Благодарю Вас, товарищ Жданов, пожал Александр Хриstoffорович руку Андрею Александровичу и на цыпочках поплыл в сторону кабинета Николая Павловича.

А в это время Пушкин и Ахматова встретились на вокзале в Москве.

— Вы куда, Александр Сергеевич?

— В Петербург, — тяжело вздохнул Александр Сергеевич.

— А я в Ленинград, — тяжело вздохнула Анна Андреевна».

«Помню как-то, сидит Ахматова на крылечке в Комарово, в окружении молодых поэтов. Они как мухи облепили ее, и все время просили на водку.

— У вас, Иосиф [7], повадки нобелевского лауреата, — пошутила А.А. по поводу самого шустрого из них. А позже эта шутка дошла до короля Швеции. Александр Сергеевич долго сокрушался по этому поводу».

Заметная часть «Мемоiре» рассказывает о похоронах Анны Ахматовой, которые состоялись 10 марта 1966 года; они включали в себя многолюдную панихиду в Никольском соборе, официальную гражданскую панихиду в Доме писателя и собственное погребение на кладбище в Комарово. Давно все это было, и с каждым годом становится все меньше очевидцев описываемых Кузьминским событий:

«В центральном нефе, ближе к алтарю, в Соборе Николы Морского стоял гроб. Мы сдерживали нахлынувшую толпу, сцепившись руками. Рядом со мною были Боря Докторов и Леня Зыков. Напор особенно мощным был до начала панихиды. Мы создали живой коридор — люди хоть как-то могли подойти к гробу, возложить цветы, поклониться. Перед выносом тела все затихли, расступились. Многие поехали на панихиду в Дом писателя. Мы же — в Комарово, готовить поминки. Женщины накрывали на стол, мужчины пошли на кладбище. Ждали Анну Андреевну Ахматову. Ждали долго. Уже темнело. Несли гроб и крест. Я и Андрей Львович Пунин [8] шли с венком впереди процессии. Помню впервые увиденным мною Сергея Михалкова [9] и Арсения Тарковского [10]. Когда выступал Тарковский, плакал. Меня это поразило. В «Будку» возвратились уже в темноте. Там священник отслужил молебен. Все стояли вокруг стола. Я оказался между Тарковским и Бродским. Выпили. Помянули. Возвращались на электричке. Молчали. Только однообразный стук колес и тихий говор пассажиров. Вдруг взрыв смеха. Я оглянулся: Найман [11], Бродский и Ардов [12] развлекали каких-то девиц. На душе было печально и одновременно торжественно. Таким я помню этот момент...».

Не знаю, писал ли это Аскольд по памяти или обращался к дневнику, но все именно так и было. Тогда мы не могли знать

и, наверное, даже не предчувствовали, что со смертью Ахматовой заканчивался важный этап жизни всей нашей дружеской компании. На нас ни в какой мере не распространяется понятие «ахматовские сироты» [13], оно – о другом. Но не стало «Будки», прекратились наши Комаровские встречи, закончилось время ранней молодости; во многом безрассудной, свободной, не угнетающе безденежной и не очень задумывающейся о завтрашнем дне.

Конечно, более всего о художнике говорят его произведения, но здесь невозможно показать много работ Кузьминского, поэтому я был вынужден цитировать «Мемоіге», а теперь – немного еще об одной его книге, по-видимому, весьма дорогой ему. Она – о городе, в котором прошли его детство и юность и который он регулярно посещал, особенно в последние годы жизни; ее название – «Легенды и были города Грязовца». Кузьминский – ее автор и иллюстратор [3].

Книга открывается текстом Главы самоуправления Грязовецкого муниципального района В. И. Чуркова, это – признание в любви к городу и знак признательности к человеку, подготавливавшему книгу о нем. Начинается предисловие словами: «Мой любимый Грязовец! Есть такой маленький, но самый главный для нескольких тысяч человек городок на московской дороге. Чтобы полюбить его всей душой, прирасти к нему всеми «корнями», иному вполне достаточно родиться в нем, провести здесь, скажем, детство и... навсегда обрести каким-то мистическим образом силу притяжения к нему». Далее говорится о том, что любовь к малой родине позволяет человеку осознать свою причастность к большой истории России. И в конце: «Книга, которую вы держите в руках, поможет вам понять это. Читайте, делайте открытия, узнавайте, вспоминайте прошлое, вдумывайтесь в настоящее, вглядывайтесь в будущее нашего Грязовца, грустите, улыбайтесь... и влюбляйтесь в него подобно тому, как произошло это с автором книги, петербуржцем Аскольдом Кузьминским и его грязовецкими помощниками» [3, с. 3].

Книга, действительно, познавательна и по-доброму иронична, это изложенные Кузьминским исторические факты и легенды о Грязовце, начиная с неолита и до наших дней. А завершается все коротким рассказом Аскольда «Пятый сон Веры Павловны, или город Грязовец в конце 3-го тысячелетия н. э.», ясное дело, написанным по мотивам романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». То обстоятельство, что Грязовец расположен на московской дороге, позволило Кузьминскому, соединив правду и вымысел, привести в городок Петра I и Екатерину Великую, Александра I и Наполеона, и, конечно же, А. С. Пушкина.

Но центральной фигурой книги Кузьминский сделал поэта Василия Ивановича Сиротина (1830 – не ранее 1885), родившегося в Грязовце и прожившего трагическую, скитальческую жизнь. Самое известное его стихотворение, дошедшее до нынешнего времени, — «Улица, улица, ты, брат, пьяна». Никаких изображений Сиротина не сохранилось, но Кузьминский в своей книге посвятил ему триптих: по бесконечной дороге идет пожилой, усталый путник. В жизни Сиротина – неровной, обремененной классической русской болезнью многих творческих личностей – Аскольд увидел то немалое, что родило их, и он изобразил в поэте себя.

Незадолго до смерти Кузьминский составил и оформил первую книгу Сиротина. В нее включены автобиографическая поэма «Исповедь», стихотворения «Летний вечер», «Ливанские кедры», «Питейный», известнейшее – «Улица, улица, ты, брат, пьяна» и ряд других. В нее также вошли биографические материалы о Сиротине и свыше 20 иллюстраций Кузьминского. Эта книга должна была стать полным собранием сочинений Сиротина. Но пока эта задумка не реализована.

Однако не хочется заканчивать рассказ о Кузьминском на грустной ноте. Он не был «буйным оптимистом», скорее «умеренным пессимистом». Но что безусловно, он обладал чувством юмора, веселой импровизации. Потому в заключении приведу еще одну «хармсовскую» историю Аскольда:

«Однажды, в рюмочную на улице Красной Конницы врывается Пушкин. А очередь, надо сказать, была преогромная.

— Господа! Спешу к Ахматовой. Можно без очереди?!

Я заказал ему 150 с килечкой.

— Поднимем стаканы,

Содвинем их разом!

Экспромт все бурно одобрили.

В тот вечер Пушкин так и не встретился с А. А., хотя жила она этажом выше».

Литература

1. Докторов Б. О Лидии Коновой, спасающей от забвения <<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/sberezhenie-ramyati-o-leningradskih-hudozhnikah>>
2. Кузьминский А. И. Memoire. 200 лет со дня рождения Александра Пушкина. 110 лет со дня рождения Анны Ахматовой – СПб.: Издательство альманаха Санкт-Петербург, 2000.
3. Кузьминский А. И. Легенды и были города Грязовца. – СПб.: «Историческая иллюстрация», 2001.

- [1] Кузьминская (Докторова) Ольга Зусмановна (1941–2012) – свыше сорока лет проработала экскурсоводом в Государственном Эрмитаже.
- [2] Каминская Анна Генриховна – кандидат искусствоведения, доцент Государственной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица.
- [3] Зыков Леонид Александрович (1940–2001) – живописец, график, мемуарист.
- [4] Рождественский Роберт Иванович (1932–1994) — советский поэт, переводчик.
- [5] Пунина Ирина Николаевна (1921–2003) – кандидат искусствоведения, многие годы преподавала в Санкт-Петербургском государственном архитектурно-строительном университете.
- [6] Сперанская Варвара Сергеевна – кандидат искусствоведения, профессор. зав. кафедрой теории и истории архитектуры и искусств Санкт-Петербургской Государственной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица
- [7] Бродский Иосиф Александрович (1940–1996) – русский и американский поэт, эссеист, переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе.
- [8] Андрей Львович Пунин – историк архитектуры, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой истории и теории архитектуры Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.
- [9] Михалков Сергей Владимирович (1913–2009) – советский / российский писатель, поэт.
- [10] Арсений Александрович Тарковский (1907–1989) — советский поэт и переводчик.
- [11] Анатолий Генрихович Найман (род.1936) — поэт , переводчик, мемуарист.
- [12] Михаил Викторович Ардов (род. 1937) — писатель, публицист и мемуарист; клирик неканонической Российской православной автономной церкви, протоиерей.
- [13] Ахматовские сироты – четверо поэтов из близкого окружения А. А. Ахматовой: И. А. Бродский, Дмитрий Васильевич Бобышев (род.1936), А. Г. Найман и Евгений Борисович Рейн (1935).

ЭТО НЕ БЫВАЕТ ПРОШЛЫМ, ЭТО ВСЕГДА – СЕЙЧАС*

1

Каждое слово, написанное здесь, найдено и выписано с огромным трудом...ведь это противоестественный, абсурдный жанр: отец пишет о том, каким был его сын, каким он остался для него и каким он становится для него...

Год назад Саши не стало... но в этом «не стало» нет абсолютности, он все время в нашем сознании. Не в той его части, которая называется памятью, а в той, откуда исходят главные импульсы деятельности и мироощущения. Все проходит через эту точку сознания и все возвращается в нее.

Потому-то все связанное с ним не может быть прошлым, оно постоянно здесь-и-сейчас. Что-то в душе явно не приняло случившееся... иначе я бы не ощущал в какие-то моменты реального, обыденного желания позвонить Саше...

2

Год назад я отправил самым близким мне людям краткую записку:

Дорогие друзья,

пишу каждому в отдельности и всем вместе. 20 августа мы с Милой сиротели. Утешает, что мы не одни, и нам есть кому написать.

И здесь (это случилось в 9 вечера) – сразу приехал батюшка, Санины друзья, и все это как-то помогло нам выдержать этот удар. Сегодня день рождения Лизочки, ей 4. Мы спросили батюшку, что ей сказать. Он ответил, скажите, что папу забрали ангелы на небеса.

И мы с ним согласны...

3

У нас была поздняя ночь или раннее утро. В России уже был день, и ответы, т.е. реальная, сердечная и самая действенная помощь, пришли немедленно. Сочувствуя нам, многие писали, что их слова – не помощь. Они ошибались. Ничего кроме тепла человеческих слов нам и не нужно было....

...До последнего мига верили в чудо, догадываясь о том, что оно может и не случиться... Разделяем ваше горе, считая его и нашей общей бедой.

...Это большая беда, постарайся выдержать...

...Пусть будет так – «ангелы на небеса». Но из памяти вашей Саня не уйдет до конца дней....

* Докторов Б. Это не бывает прошлым, это всегда – сейчас. 2003. <http://www.pseudology.org/Gallup/Doktorov_Sasha1.htm>

...Виртуальная поддержка мало что значит, но все же в ашем странном мире приходится прибегать и к этому. Мы здесь не раз обсуждали вашу трагедию. Я хочу сказать, что даже не очень близкие к вам люди сегодня разделяют вместе с вами ваши горести...

...Пусть сыну Вашему будет спокойно на небесах....Вы сделали все, но на все воля божья.

... сердце мое облилось кровью от твоей вести...Наверное, многие сейчас переживают горе вместе с Вами.

...Саша продолжает жить не только с ангелами, но и рядом с Вами...

...Это страшный удар, это безмерная боль. Весть о твоей утрате поселилась во мне как тень.

...И поэтому надеюсь, что, собравшись вместе, наши сочувствия могут превратиться в каплю той самой энергии, которая вам нужна, чтобы держаться.

...Слов в таких случаях не подберешь. Мне стало в свое время легче, когда я стала думать: это Господь послал испытание, а не наказание. Кому много дано (ум, уважение других и т.д.), тому и испытания достаются труднее.

Каждый из писавших эти и подобные слова достиг многого в своей жизни, прошел через труднейшие испытания... тем более ценно сказанное. Одного из поддержавших нас уже нет... Здесь приведены слова отца, которому вскоре предстояло пережить гибель сына...и слова матери, несколько лет назад похоронившей своего сына...

Все это безумно...

4

Тогда я не мог найти слов благодарности, а сейчас я не хотел бы исправлять сказанное:

В тот первый момент, когда на нас обрушилось наше горе, я не выбирал из длинного списка тех, с кем я переписываюсь, имена друзей. Это делало сердце, рука только отщелкивала адреса. Все услышали наш крик и прислали такие разные, но все такие искренние и добрые слова в нашу поддержку, что забыть этого невозможно.

Люся и я благодарны вам за помощь. И мы говорим это с той глубиной искренности, к которой приходят люди, понимающие и разделяющие страдания других людей. Без тех сердечных слов, которые нам прислали наши друзья, нам было несоизмеримо горше.

Пустота, которую мы ощущаем, невосполнима, но жить надо.

5

Он блестяще закончил математическую школу и институт, готовивший специалистов по компьютерной технике. Он хотел стать и стал программистом и последние годы работал в одной из известных в Силиконовой Долине фирм по созданию супер-современного программного обеспечения.

Еще студентом он задумывался об общих принципах строения сложных многоуровневых программ и стал – по мнению знающих людей – высоко профессиональным архитектором сложного софтвера.

При этом его логика и его рационализм находились в гармонии с его ощущением культуры и литературы... Его очень привлекала архитектура Лондона, французские и итальянские художественные музеи, европейский и американский модерн в графике. Он несколько раз был в Осаке и начал понимать особенности городской среды будущего и интересоваться культурой Востока.

6

Саша уехал из Петербурга в начале 1992 года. В то время в быденной речи горожане еще называли город Ленинградом, а себя чаще всего ленинградцами.

Через десять лет, когда вопрос о том, хотел бы он съездить в Петербург, я не мог произнести, я спросил его, думает ли он о городе.

Он сказал, что это одна из самых тяжелых для него потерь... но не друзья, не архитектура....ему не хватало сумеречного освещения города, того почти неуловимого, всегда неожиданного мгновения, когда некоторые здания и набережные как бы повисают в этом предвечернем освещении...

В 20 лет он вдруг, не посещая никаких классов, начал писать маслом пейзажи.

В Ленинграде его привлекали районы дореволюционной застройки города: набережные Карповки, Мойки, Канала Грибоедова, часть города, всегда называвшаяся Петербургом Достоевского...

7

Но лишь несколько месяцев назад я узнал, что он пробовал писать стихи... и опять о городе:

Незабвенные туманы города-града.
Низкий свет маквами храмов вспоротый,
Соборов на приматуре сизого неба громады,
Воздух северным морем напоенный

Грозной реки течение гордое,
Парки саваном темных ветвей закутанные.
Как от дум о тебе возвести мне преграду
Санкт-Петербург, России парадом задуманный

8

На моем столе лежит несколько книг, которые Саня дал мне прочесть, и стопка журналов Time – последние выпуски просмотренные им. Мне кажется, что если я прочту все это, то что-то в нашем общении оборвется. Что-то завершится, закроется...

Пусть лежат нечитанными...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ К ТОМУ 5

В предисловии к первому изданию этой книги отмечено, что данный историко-социологический проект начался с написания летом 2004 года статьи о творчестве Б.А. Грушина (Том 3, с. 22-60) Таким образом, вопросы работы над биографиями современных российских социологов возникли не как продолжение собственно исторических поисков, а наоборот, они были импульсом к проведению интервью и затем к переходу от них к анализу становления постхрущёвской российской социологии. И в этом смысле, «портретирование» социологов – базовый элемент осуществлявшейся в течение десятилетия историко-наукведческой работы.

Общее количество статей, заметок, блогов о российских социологах – около 40, число людей, о которых написано, 19. Лишь двоих (А. Ковалев и Б. Раббот) я не знал лично, о всех других писал, видя их глаза, помня тембр их голосов и тепло их рук. Есть среди этих коллег живущие и продолжающие работать, есть те, кого уже нет. Писать сложно о представителях обеих групп, но это разные трудности. И особые чувства испытываешь, когда приходится в одном тексте говорить о живых и ушедших.

Аксиоматично утверждение о биографичности творчества деятелей искусства, и я много лет помню слова Анны Ахматовой, сказанные ею о молодом Иосифе Бродском, когда его судили и отправили в ссылку: «Какую биографию делают нашему рыжему!». Она отчетливо понимала, что это отразится в его последующей жизни и в его стихах. Уже в первом опыте рассмотрения сделанного Грушиным, он еще был жив, я нацупал личностные истоки его многолетнего «нешадного» изучения общественного мнения, обсуждал эту тему с ним, но прошел мимо того, что здесь была обнаружена одна из главных черт творчества социологов; оно – *биографично*.

А ведь уже в начале работы примеров была масса. Так в 2005 году, в одном из первых проведенных интервью социолог-криминолог Я.И. Гилинский (том 2, с. 369-399) вспоминал, что у них дома была большая библиотека, в которой было несколько выпусков «Архива гениальности и одаренности (эвропатологии)». По его мнению, они в сочетании с профессиональной деятельностью юриста были началом его увлечения девиациями. В интервью 2008 года В.А. Артемов (том 2, с. 294-328) большую часть своей жизни занимавшийся изучением бюджетов времени, напрямую связал включенность в эту тематику с его увлечением спортом и привычкой с детства планировать свое время.

В статье о Ю.А. Леваде, написанной вскоре после его смерти и опубликованной в 2007 году (том 3, стр.79-101), отмечалось,

что важной особенностью его творчества, наиболее заметно проявившейся в его статьях и выступлениях последних десяти лет его жизни, является их латентная и нетривиальная автобиографичность. В них нет мемуарности, но в их предметной наполненности присутствует и его гражданская позиция, и его «я», т.е. размышления о прожитых годах. Более того, мне показалось интересным раскрыть природу биографичности творчества Левады через обращение к рассказу-притче Э. Хемингуэя о старике и море. Это было сделано, но опять же я почему-то не задумался целенаправленно о характере детерминации деятельности социолога спецификой, особенностями его до- и вне- профессионального опыта.

Отчасти это объясняется тем, что основное внимание в моих методологических разработках того времени было уделено анализу концепции «второго рождения» советской/российской социологии и разработке «лестницы поколений» российских социологов. Но, обращаясь к своим публикациям, я вижу, что в начале 2010-х годов тема биографичности творчества социологов уже осознавалась мною более отчетливо, выходила из латентного состояния в текстуально обозначаемую.

В 2012 году, рецензируя второе издание книги Б.М.Фирсова по истории советской социологии 1950–1980-х годов, я писал, что круг науковедческих обсуждений пока не вошел тезис о *биографичности* социологических исследований. И пояснял, что при этом речь идет о том, что практически любая достаточно объемная, многомерная социологическая разработка, относящаяся к любой предметной, проблемной области, во многом биографична. В ней могут быть найдены факты из жизни автора, в той или иной мере отражены его ценности, интересы, говоря иначе — фрагменты его личностного и профессионального мира. В том же году в интервью для «Радио Свободы» о Ж.Т. Тощенко я говорил о своем интересе к теме биографичности творчества социологов, к тому, в что в их работе отражается их жизненный путь. Отмечалось, что в биографиях поэтов и писателей, композиторов и художников четко обнаруживается стремление биографов найти истоки творчества своих героев в особенностях их родительской семьи и — более широко, в культуре, в которой они формировались как личности и профессионалы. И делалось предположение о том, что подобный подход окажется плодотворным и при изучении биографий социологов.

Этот исследовательский метод, как и любой другой, не универсален. Однако оправданно предполагать, что особенно плодотворным изучение творчества, деятельности социологов через соотнесение сделанного ими со спецификой их ценност-

ных миров будет в тех случаях, когда структуры их базовых установок необычны, когда формирование личности ученого происходило в каких-либо сингулярных для российской жизни точках ценностного пространства. Можно развить систему общей аргументации в пользу приведенной гипотезы, но пока сошлюсь на опыт работы в 2013-2014 годах над «портретами» Т.И. Заславской и Ф.Э. Шереги. Результаты этого анализа приведены в Разделе IV настоящего тома, сейчас же поясню, что подразумевается под сингулярностью относительно «традиционного» для России ценностного пространства.

Т.И. Заславская родилась через десять лет после революции, и формирование ее ценностного мира — в большей мере, чем у ее ровесников, других представителей первого поколения советских / российских социологов, — проходило в пространстве двух культур: «старой», либеральной, профессорско-дворянской, и «новой», пролетарской, школьно-дворово-коллективистской. Она, несомненно, это ощущала в детстве и, судя по всему, в ее сознании граница между этими двумя социокультурными, нравственными пространствами никогда не исчезала полностью. Вспоминая середину 1930-х, свое московское детство, Заславская писала о себе и своей сестре, что в них не было ни грана аристократизма. Однако, не сговариваясь и никогда не обсуждая эту тему, они обе стремились быть такими, как все, хотя на самом деле были иными. Они постоянно ощущали эту двойственность и понимали, что другие чувствуют ее не хуже их. Более того, ощущение маргинальности присутствовало у Татьяны Ивановны всегда, в любых средах идентификация оставалась лишь частичной, с кем бы она ни общалась и ни дружила, в каких бы кампаниях ни участвовала, она везде была «своей» и все-таки «не своей».

А вот как воспринимает себя родившийся в конце войны в венгерском районе советского Закарпатья Франц Шереги: «Я пришел в советскую социологию случайно, причем как “белая ворона” и остался “белой вороной” в российской социологии. Иначе говоря – пришел в социологию “ниоткуда”, “побродил” в кулуарах словно незваный, но “диковинный” гость, и остался в российской социологии как неудобный объект, который в какой-то мере мешает, но к которому “притерлись” и мимо которого можно проходить не замечая, коли в нем нет надобности». Мир, в котором проходила его первичная социализация, сформировали в нем то отношение к семье, труду, личной свободе, властным институтам, которое в том мире естественно, обыденно. Но необычно, «загадочно» в нашем большом мире.

Может показаться, что разработка темы биографичности социологического творчества – это исключительно область микросоциологии, даже психологии творчества или историко-научоведческого анализа текстов. Безусловно, обращение к методологии и приемам микросоциологии и других названных исследовательских направлений смотрится весьма перспективным. Но все же следует понимать, что концепция биографичности социологического творчества в полной мере пропитана тем, что составляет предмет макросоциологии: социально-политическое и идеолого-нравственное состояние общества, социальная структура, отношение к истории страны и т.д. Признаем, сами биографические изыскания в России активизировались лишь в новое время, они казались «надуманными» в эпоху, когда общество трактовалось как композиция трудовых коллективов, когда миллионы людей не по своему желанию покидали «родовые гнезда» и теряли связь с семьями, когда от детей скрывали прошлое родителей.

Таким образом, изучение биографичности творчества социологов – элемент исследования прошлого нашей науки, науки – вообще и страны.

Научное издание

Докторов Борис Зуманович

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ:
ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОИСКИ**

В 9-ти томах

ТОМ 5

**ИСТОРИЧЕСКОЕ, БИОГРАФИЧЕСКОЕ
И АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ**

*Корректурa Бориса Никифорова
Макет издания Евгения Чичилова*

Издатель:

Центр социального прогнозирования и маркетинга

127106, Москва, ул. Гостиничная, 9.

Тел. (495) 481-18-38, 482-18-47

E-mail: info@sheregi.ru

Подготовка электронного издания:
IT центр Института социологии РАН

E-mail: delo@isras.ru

Тираж: 500 экз.